
ГОСУДАРСТВО
НА

ДРЕВНЕМ
ВОСТОКЕ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ГОСУДАРСТВО НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ

Сборник статей

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА «ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН

2004

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)31
Г72

Ответственные редакторы
Э.А.Грантовский, Т.В.Степугина

Редактор издательства
О.В.Мажидова

Государство на Древнем Востоке : Сб. ст. / Ин-т востоковедения. — М.: Вост. лит., 2004. — 471 с. — ISBN 5-02-018348-2 (в пер.).
Г72

В статьях сборника рассмотрены проблемы становления и эволюции государственности на Древнем Востоке, имеющие исключительно важное значение для понимания особенностей и закономерностей развития мировых цивилизаций, сохраняющие актуальность поныне, в частности для России. На широком материале исследован государственный и общественный строй государств Древнего Востока, их административные институты, право, идеология и религия.

ББК 63.3(0)31

ТП-2004-II-245
ISBN 5-02-018348-2

© Российская академия наук
Издательская фирма
«Восточная литература», 2004

*Посвящается
Эдвину Арвидовичу Грантовскому*

Предисловие

В настоящем сборнике публикуются материалы научного семинара Отдела истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН. Инициатором и руководителем этого семинара, посвященного проблемам становления и развития государства на Древнем Востоке, проходившего в течение ряда лет (до 1994 г.), был Эдвин Арвидович Грантовский (1932–1995) — выдающийся иранист, известный историк, специалист по древневосточным цивилизациям. В теоретической статье Э.А.Грантовского «Государство и общество в странах древнего Востока» (ставшей последним его научным трудом) получили выражение научные взгляды Эдвина Арвидовича на процессы культурно-исторического развития Древнего Востока и его роль во всемирной истории.

В книгу вошли также статьи, написанные в последние годы по проблемам, поставленным в ходе дискуссий семинара.

За прошедшие десять лет в отечественной науке были разработаны междисциплинарные методологические подходы, выдвинуты концепции, предлагающие принципиально новое осмысление начальных процессов государствообразования и формирования органов публичной власти, что нашло отражение и в работах авторов сборника.

Сборник охватывает широкий географический и временной диапазон — от Египта IV тысячелетия до н.э. до Японии раннего средневековья. В нем представлены статьи по важнейшим регионам и странам Древнего Востока, их общественному и политическому строю, административным институтам, праву, идеологии и религии, основанные на обширнейшем материале древневосточных письменных памятников, в том числе впервые вводимых в научный оборот. Статьи эти носят различный характер, что объясняется степенью изученности проблемы на материале данной цивилизации, а также научными интересами авторов. В одних рассмотрен ход исторического развития отдельных древневосточных обществ (статьи Э.А.Грантовского по Ирану, М.А.Дандамаева по Месопотамии, Д.Б.Прусакова по Египту, И.Ш.Шифмана по Сирии, Ю.Б.Циркина по Финикии, И.П.Вейнберга по Израилю, Т.В.Степугиной по Китаю), другие посвящены важным общим и частным вопросам государственного и общественного устройства, политической истории, идеологическим представлениям, текстологической критике памятников государства и права (статьи И.А.Стучевского, А.В.Эдакова, А.Б.Зубова и О.И.Зубовой (Павловой) по Египту, М.А.Дандамаева и В.А.Якобсона по Двуречью, Д.Н.Лелюхина,

А.М.Самозванцева, А.А.Вигасина, К.Д.Никольской по Индии, А.Н.Мещерякова по Японии).

В работе в целом нашли отражение разные концептуальные позиции авторов. Среди научных направлений, связанных с комплексом поднятых проблем, особое внимание уделяется концепции «восточного деспотизма».

Из-за ряда объективных и субъективных причин и непредвиденных обстоятельств выход в свет данной книги оказался возможным только сейчас. Посмертно в ней публикуются тематически и проблемно важные статьи корифеев отечественного востоковедения Э.А.Грантовского, И.А.Стучевского и И.Ш.Шифмана, а также безвременно ушедшего новосибирского египтолога А.В.Эдакова.

При подготовке рукописи к печати в работе принимали участие египтологи О.И.Зубова (Павлова) и Ю.А.Рознатовский, гебраист А.С.Десницкий и индолог Д.Н.Лелюхин.

Проблемы возникновения и эволюции государства — перспективное направление развития мировой и отечественной исторической науки. Мы надеемся, что материалы сборника привлекут внимание специалистов и станут данью памяти выдающегося отечественного ученого Эдвина Арвидовича Грантовского.

Т.В.Степугина
Москва, март 2004 г.

Государство и общество в странах Древнего Востока*

Государство, являющееся одним из основных социально-политических институтов в истории человечества, и комплекс проблем, связанных с изучением сущности и причин создания государств, их основных форм, роли и места в мировой истории, закономерно привлекают широкое внимание ученых различного профиля: историков и экономистов, социологов и политологов, специалистов по истории древнего мира и исследователей всемирно-исторического социального процесса. При этом особый интерес представляет история стран Древнего Востока. С одной стороны, именно здесь возникли первые в мире государства, и уже поэтому вопрос об эволюции древневосточных государств и их роли в развитии мировой цивилизации должен был бы занимать большое место в разработке истории государства в целом, а те или иные основные присущие государствам особенности и формы должны бы определяться с учетом соответствующих черт государств Древнего Востока.

С другой стороны, весьма распространены теории, по которым восточные государства были принципиально отличны от западных (и, следовательно, на их основе не может быть построена общая история и теория государства и его институтов). Эти отличия объясняются постулируемыми различиями социально-экономических отношений, или, используя традиционную терминологию, — «базиса», чему соответствовали и различия политической «надстройки». Согласно таким теориям, отрицаются также коренные различия между обществами Востока эпохи древности и кануна нового времени, а большие азиатские монархии позднего средневековья рассматриваются в качестве непосредственных преемников или аналогов древневосточных царств.

Следует заметить, что подобные теории (к которым мы еще обратимся далее) во многом носят характер умозрительных построений, не подкрепленных соответствующим фактическим материалом, и противоречат взглядам специалистов по большинству стран Древнего Востока. Указанные теории апеллируют прежде всего к древнему Египту и Китаю. Однако материалы по этим странам могут быть истолкованы совершенно

* Э.А.Грантовский готовил данную статью как Введение к коллективной монографии. Правка, внесенная в статью в связи с изменением структуры издания, минимальна и не затрагивает ни ее содержания, ни стиля авторского изложения. — *Отв. ред.*

иначе¹. Что же касается других основных стран Древнего Востока, то данные о них практически вообще игнорируются в упомянутых выше теориях.

Более цельное представление о характере древневосточных обществ дают прежде всего материалы, относящиеся к странам со значительным числом достаточно информативных в отношении социального строя местных текстов, что в целом совпадает с более развитыми по уровню классовых отношений обществами и государствами: Месопотамией, Египтом, странами Восточного Средиземноморья (Сирией, Палестиной, Финикией и Карфагеном), Индией, Китаем.

При всем разнообразии этих материалов они, как нам представляется, дают основание для некоторых определенных выводов более общего характера.

Это касается, например, различных материалов, свидетельствующих о большом многообразии общественных укладов и политических форм в странах Древнего Востока, и данных, позволяющих говорить о поступательном развитии восточных обществ и государств на протяжении эпохи древности. И то и другое, между прочим, решительно противоречит положениям модной в настоящее время теории о «деспотическом» характере восточных (как древних, так и более поздних) государств, в которых, как полагают, не существовало разделения светской и духовной властей, административных, судебных и религиозных функций, вся власть принадлежала не ограниченному в своих действиях деспоту и зависящей лишь от него администрации, правящей всем обществом. Эти концепции «деспотизма» являются по сути разновидностью уже упоминавшихся теорий о коренных различиях восточных и западных государств, объясняемых принципиальными расхождениями в характере самих обществ Востока и Запада. Согласно теориям о «деспотизме» в восточных государствах, его основная сущность проявляется не только и не столько в произволе правителя-деспота или бесконтрольной власти любого нижестоящего начальника, сколько в общественно-экономических особенностях, обуславливающих эти порядки. Сюда относятся прежде всего господство государственной собственности на землю (и, как следствие, отсутствие гарантий частной собственности и соответственно существования свободной личности, гражданских прав и т.п.), налогообложение как основная форма эксплуатации (носившей, таким образом, как правило, не частный, а государственный характер), отождествление господствующих групп общества со служилыми слоями и бюрократией, положение о господствующем классе, организованном в госаппарат, и о зависимости благополучия этого «класса» от его места в иерархии государственной власти и т.д.

Однако эти относящиеся к особенностям общественного строя положения, как нам представляется, едва ли применимы к большинству древ-

¹ См., в частности: *Кроль Ю.Л.* Была ли ранняя китайская империя деспотией? — Петербургское востоковедение. Вып. 4. СПб., 1993, с. 357–403; *Демидчик А.Е.* Представление о египетской государственности в «Поучении царю Мерикара» (автореф. канд. дис.). М., 1994.

невосточных стран и к Древнему Востоку в целом. Вместе с тем естественно, что вопросы истории древневосточных государств, их сущности и формы тесно связаны с проблемами общественных отношений в странах Древнего Востока.

Ниже мы коснемся некоторых основных из этих проблем и их освещения в современной науке. Но предварительно необходимо остановиться на содержании термина «Древний Восток», как он понимается в настоящей работе. Несмотря на своеобразие черт и различие в особенностях государственного и общественного строя отдельных древневосточных стран, мы рассматриваем «Древний Восток» как определенное целое, занимающее свое место во всемирно-историческом социальном процессе.

Говоря о «Востоке», неизбежно предполагают существование «Запада» и относящихся к нему стран. Противопоставление понятий «Восток» и «Запад» имеет свои исторические корни. В древности это был античный греко-римский мир, с одной стороны, и соседние с ним страны Азии и Африки — с другой; в средние века — христианская Европа и мусульманский Восток. Различение «Европы» и восточных стран Азии и Африки в новое время имеет свое непосредственное продолжение в часто проводимом современной социологией противопоставлении индустриальных стран Запада и «традиционных обществ», прежде всего стран Востока. Все это вело к акцентированию различий в государственно-политической, экономической и социальной сферах, культуре, исторических судьбах «Востока» и «Запада».

Такое противопоставление может вызвать возражения различного рода. Прежде всего следует подчеркнуть, что отсутствуют четкие историко-географические границы между «Востоком» и «Западом». Крито-микенская культура имеет типологические и стадийные сходства с цивилизациями Древнего Востока. Обширные области Востока входили в состав эллинистических государств (включая страны Среднего Востока вплоть до границы Индии), Римской империи и Византии (страны Ближнего Востока, включая Малую Азию, Восточное Средиземноморье, Египет). Кстати, Византия во многом существенно отличалась от западноевропейского «Запада». Вместе с тем можно, например, заметить, что, согласно историко-философской концепции О.Шпенглера (1880–1936), Византия вместе с рядом соседних стран Востока объединяется в одну «арабо-византийскую цивилизацию», отличную от предшествующих переднеазиатских, античной и более поздней западноевропейской. И напротив, области Передней Азии и Северной Африки, в течение ряда веков входившие в пределы античного мира и разделявшие его социальные и политические институты, затем снова вошли в состав Востока, на этот раз мусульманского — арабского и турецко-османского.

В науке о «Древнем Востоке» само это понятие также претерпело со временем существенные изменения (причем исследователи исходили не только из тех или иных историко-культурных реалий, но и из характера изучаемых источников, прежде всего иероглифических и клинописных).

Поэтому сюда были включены Египет и Передняя Азия, а затем также Иран и Средняя Азия — в связи с историей Мидийско-Персидской державы и «пророческой религии» зороастризма с ее источником Авестой. Таков, например, объем этого понятия в «Древней истории народов Востока» известного французского ориенталиста-египтолога Г.Масперо (1846–1916).

Хронологические рамки истории Древнего Востока часто ограничивались греко-персидскими войнами или эпохой Александра Македонского. С этим связан подход к истории Древнего Востока как к этапу во всемирной истории цивилизации, предшествовавшему античному миру.

Здесь необходимо остановиться на положениях Эд.Мейера (1855–1930) в его фундаментальной «Истории древности». Она включает историю как упомянутых стран Востока, так и государств античного мира. И те и другие Эд.Мейер объединял в «культурный комплекс», развивавшийся при взаимовлиянии и смешении его цивилизаций, что и составляет, по Эд.Мейеру, содержание всей истории древности. Вместе с тем он исключал из этого комплекса Китай и Индию как вошедшие во взаимодействие с Западом лишь с эллинистической эпохи. На ней, однако, отнюдь не заканчивается история Древнего Востока и древности в целом, продолжавшаяся еще ряд столетий, на протяжении которых осуществились важные исторические события и явления, а в странах Востока после усвоения и преодоления эллинистических традиций продолжалось развитие многих древних социально-политических институтов. В то же время историко-культурные связи Индии и Китая с Западом установились задолго до эллинистической эпохи. Современная наука располагает многими данными об интенсивных взаимосвязях Передней Азии и Ирана с расположенными далее к востоку странами в доэллинистическую эпоху. Это известно как по письменным источникам, так и по археологическим материалам, полученным за последние десятилетия. В IV — начале II тысячелетия до н.э. в эпоху развития протогородских и городских культур Ближнего и Среднего Востока, включая Индскую цивилизацию, существовало прямое взаимодействие культур по всему этому региону — от Индии и Средней Азии до Ближнего Востока; само возникновение Индской цивилизации (культуры Хараппы) во многом связано с развитием земледельческих культур на Иранском нагорье.

Со второй половины II тысячелетия до н.э. в Средней Азии, Иране и Индии распространились племена индо-иранской (арийской) языковой семьи; единое происхождение индо-арийских и иранских народов определило многие общие черты в их социальном строе, а также общественном развитии в историческую эпоху, в том числе при продолжавшихся взаимосвязях в то время. Культура Ахеменидского государства оказала значительное влияние на Индию. В то же время из новых эламских текстов известно, что индийцы бывали в Западном Иране в ахеменидскую эпоху.

Вместе с тем мы знаем об активных культурных связях Средней Азии и Индии с Восточным Туркестаном, Китаем и Юго-Восточной Азией на

протяжении эпохи древности начиная с периода позднего неолита. С последних веков I тысячелетия до н.э. Великий шелковый путь связывал государства Западной Азии и Европы со странами Дальнего Востока. Этот путь проходил через оазисы Восточного Туркестана, где уже существовали местные городские цивилизации. В конце I тысячелетия до н.э. — первых веках н.э., в период существования Кушанской державы, области Индии, Афганистана и Средней Азии входили в состав единого государства.

Во второй половине I тысячелетия до н.э. — середине I тысячелетия н.э. существовала сплошная зона классовых цивилизаций и городских центров на территории от Северной Африки и Передней Азии до Восточной Азии и Китая. Это тот же ареал, который включает и все ранние (III—II тысячелетия до н.э.) государства (а вместе с начавшим свое развитие позже античным миром — все цивилизации древности).

Древний Восток — регион первых в мировой истории классовых обществ и государств; это одна из главных особенностей, характеризующих его как единое историческое понятие. Отмечается ряд характерных черт в социально-политическом строе стран Древнего Востока в период, следующий за разложением первобытно-общинных отношений (от форм семьи и общинной собственности до ряда политических институтов). Сходные особенности их социального и политического строя наблюдаются и в последующие эпохи. Вместе с тем существуют, конечно, и значительные различия в социально-экономическом и политическом развитии тех или иных стран Древнего Востока. Но различия эти не носят регионального (в широком смысле слова) характера, например между обществами Ближнего Востока в целом, с одной стороны, и Индии и Дальнего Востока — с другой. Напротив, такие различия существуют и между разными странами и обществами Ближнего Востока. Но зато отмечается характерное сходство социальных и политических институтов отдельных стран этого региона со странами Индии и Дальнего Востока. Все это может подчеркивать единство Древнего Востока в отношении общих особенностей его общественно-политического развития.

Древний Восток представляет собой также единый историко-географический ареал: все ранние очаги цивилизаций от Северной Африки и Юго-Западной Азии до Китая и Юго-Восточной Азии расположены в пределах определенного природно-климатического пояса. Вместе с тем существуют природные и хозяйственные различия внутри этого ареала, определявшие формы и темпы экономического, социального и политического развития в разных древневосточных странах на определенных этапах их истории. В этом отношении особенно показательно сопоставление обществ речных долин с аллювиальными наносами (в Египте, Нижнем Двуречье и Эламе, где земледелие было основано преимущественно на искусственном орошении) с другими районами раннего земледельческого ареала Ближнего и Среднего Востока (на территории Ирана, Турции и др.). В период разложения первобытно-общинного строя в этих районах отмечаются важные экономические и социальные нововведения, в том числе

свидетельствующие о распространении профессионального ремесла (гончарный круг, успехи в металлургии и пр.), складываются протогородские цивилизации. Хотя впоследствии здесь наблюдается замедление темпов развития, особенно в сравнении с обществами упомянутых аллювиальных долин, в дальнейшем в данных районах вновь отмечается большой хозяйственный, социально-политический и культурный прогресс. В I тысячелетии до н.э. политическая гегемония окончательно переходит к странам этого региона, лежащего за пределами больших речных долин. Однако и те и другие области входят в состав одних и тех же государств в I тысячелетии до н.э. — I тысячелетии н.э. В Китае цивилизация возникает в условиях богарного земледелия, ирригационное же хозяйство в пределах речных долин появляется здесь уже на этапе развитого древнего общества в середине I тысячелетия до н.э.

Что касается хронологических рамок «Истории Древнего Востока», то по своему социальному содержанию она начинается с возникновения первых классовых обществ и государств; одновременно это история стран, освещенная письменными источниками, открывающаяся с их появления. Возникновение письменности в общем и целом примерно совпадает с процессами формирования государства или несколько отстает от них. Так, археологические материалы из некоторых стран Ближнего Востока времени появления протописьменности (первых документов хозяйственной отчетности) указывают на возможное начало упомянутых социальных процессов несколькими веками ранее появления письма.

Для понимания происхождения и характера экономических явлений и социальных институтов в ранний период истории Древнего Востока важное значение имеют данные о предшествующей эпохе, которую можно характеризовать как заключительный этап первобытно-общинного строя с признаками его интенсивного разложения, явными следами возникающей и растущей имущественной дифференциации (в ряде областей Передней Азии примерно в пределах V — середины или конца IV тысячелетия до н.э.). Изучение особенностей этого этапа возможно по археологическим материалам, путем ретроспекции от данных письменных источников раннеисторической эпохи, а также, в возможных случаях, методами историко-лингвистической реконструкции (особенно в отношении предыстории индо-иранских народов в связи с наличием соответствующих сравнительных языковых данных).

Завершение истории Древнего Востока совпадает с концом эпохи древности. В нашей литературе рубеж древности и средневековья часто рассматривался как граница между временем господства рабовладельческих и феодальных отношений. Общие историко-культурные перемены этой эпохи были замечены учеными очень давно и легли в основу положений европейской науки о самих понятиях «древность» и «средние века» и глубоких различиях между ними. Вместе с тем была выработана концепция деления истории на три периода: древнюю, среднюю и новую («трихотомия»). Эти положения, в том числе и именно о коренном разли-

ции «древности» и «средних веков», выдвигались со времен Возрождения «гуманистами» и позже «просветителями»: итальянским историком Фл.Бьондо в XV в., французским мыслителем Ж.Бодэном в XVI в., немецким историком Х.Келлером в XVII в., английским ученым Э.Гиббоном в XVIII в. и др. В суть этих различий между тремя эпохами цивилизации вкладывалось разное, в том числе «идеалистическое», содержание, но важно подчеркнуть, что само мнение о принципиальном характере этих различий на основе конкретного исторического материала было высказано задолго до того, как основатели марксизма выдвинули теорию исторического материализма, включающую и положение о принадлежности древних и средневековых обществ к различным общественно-политическим формациям — рабовладельческой и феодальной.

Вместе с тем развивались теории, не усматривавшие качественного перелома по различным, в том числе экономическим, социальным, культурным и прочим, показателям при переходе от древности к средним векам в Европе. Так, К.Бюхер (1847–1939) постулировал принципиальные изменения в экономике Европы с середины средневековья, а все предшествующее время относил к одной стадии «ойкосного хозяйства». Не видел качественного различия между древностью и средневековьем и А.Допш (1868–1930). Однако большинство ученых конца XIX — первой половины XX столетия признавали для времени перехода от древности к средневековью принципиальный слом в развитии государства и общества от политической, экономической и социальной до идеологической сферы. Здесь можно назвать таких ученых, как А.Пиренн и др., принадлежащих к разным научным направлениям, в том числе к теории циклизма, включая таких корифеев европейской исторической науки, как Эд.Мейер, М.И.Ростовцев и др.

Изменения, подобные тем, которые происходили в период перехода от древности к средневековью на «Западе», в ту же эпоху во многом затронули и страны «Востока». Это во всяком случае касается стран Ближнего и Среднего Востока, которые входили в «культурный комплекс» Эд.Мейера. На различие государств, обществ, культур этих восточных стран в древности и средневековье также обращалось внимание в западноевропейской социологии. Так, О.Шпенглер относил средневековые цивилизации этих стран к иному типу, чем древние переднеазиатские (египетская и вавилонская) и греко-римская.

Что касается конкретной датировки эпохи, переходной от древности к средневековью, то она, как и переход от «доисторической» (времени первобытно-общинных отношений) эпохи к «древней» (к государству и классовому обществу) и от «средневековья» (или феодализма) к «новому времени» (капитализму), также может обнимать несколько веков с примерными рубежами между началом и серединой — второй половиной I тысячелетия н.э. 476 год (падение Западной Римской империи), как условный «точный рубеж» для конца древности, попадает в пределы этой эпохи, а сама дата относится к одному из политических событий, связан-

ных с общим кругом тех же изменений при переходе от древности к средневековью, охвативших и Запад и Восток. Впрочем, концом древности условно считают и другие даты истории Римско-византийской империи — от III до VI в. н.э.

Значение исследования проблем государственного и общественного строя стран Древнего Востока далеко выходит за рамки истории этих стран в древности. С эпохой становления государства и классового общества связаны проблемы собственности, семьи, общины, развития имущественного, социального и «функционального» неравенства, возникновения эксплуатации, формирования господствующих слоев и новой политической системы.

Разработка этих проблем в исторической науке, этнографической, археологической и смежных гуманитарных дисциплинах широко проводится и применительно к иным помимо «Востока» странам и регионам. В мировой науке указанные проблемы решаются с самых различных историко-философских, методологических и идеологических позиций. Роль древневосточных материалов для разработки этих вопросов определяется прежде всего самим фактом возникновения на Востоке первых в мире государств, характером источников, позволяющих (в том числе с учетом данных археологии) реконструировать определенные социальные черты «доисторического прошлого», исследовать их, а также социальные процессы начала «исторической эпохи» в наиболее раннем и «чистом» виде без влияния более развитых цивилизаций, в отличие, например, от «этнографических» обществ или даже античных цивилизаций.

На Древнем Востоке впервые возникли различные общественные, политические, правовые и иные институты, развивавшиеся на протяжении последующих эпох. Древневосточные материалы имеют большое значение для исследования генезиса этих институтов, их места в социальной истории человечества, в том числе и прежде всего на Востоке, для изучения проблемы «традиционных» институтов в восточных странах вплоть до нового и новейшего времени.

Одна из основных проблем древневосточных обществ состоит в определении характера их социально-экономических и общественно-политических отношений. Вопрос этот встает именно в связи с общими теориями развития человеческого общества на протяжении мировой истории, и, наоборот, сами эти теории непосредственно зависят от характеристики социального строя древневосточных обществ.

Даже самый общий обзор существующих мнений о характере древневосточных обществ, предлагаемый ниже, показывает, насколько расходятся точки зрения по этому вопросу и насколько актуальна эта проблематика.

Выводы об общественных отношениях в странах Древнего Востока имеют большое значение для концепций об исторических судьбах «Востока», оценки его роли в мировой истории, причин отсталости восточных стран к «новому времени».

Особо следует отметить значение вопроса о характере обществ Древнего Востока в их сопоставлении с обществами античного мира. Только на этой основе возможны выводы о характере древних обществ в целом и их месте во всемирно-историческом социальном процессе.

В нашей исторической науке с 20-х — начала 30-х годов получило распространение положение о рабовладельческой формации в античном мире. Что же касается характера древневосточных обществ, то здесь уже в дискуссиях того времени мнения во многом расходились. При этом можно заметить, что они выдвигались и аргументировались еще до систематического специального изучения данных древневосточных текстов об общественных отношениях. Одно из этих мнений соответствовало широко распространенной среди западных востоковедов феодальной трактовке древневосточных обществ. Другая концепция исходила из теории «азиатского способа производства», толкуемого как особая общественно-экономическая формация, возникшая из первобытно-общинного строя и характеризующаяся такими основными чертами: господствующая земельная собственность деспотического государства, которому прямо подчинены непосредственные производители и которое несет особые функции — политические и экономические — по ирригационному строительству; существование обширного государственного бюрократического аппарата и чиновничества как особого класса общества.

В начале 30-х годов была выдвинута теория сменяющей первобытно-общинный строй рабовладельческой формации на Древнем Востоке. В последующие десятилетия конкретно разрабатывались общие и частные проблемы социального строя различных стран Древнего Востока на материалах древневосточных источников; были опубликованы монографии об отдельных государствах, где заметное место уделено общественным отношениям; определился круг проблем, относящихся к вопросам социального и государственного строя древневосточных стран и его характера. При этом среди специалистов по Древнему Востоку получила распространение концепция рабовладельческого строя древневосточных обществ с теми или иными расхождениями в характеристике отдельных институтов, социальных слоев, типов эксплуатации, а также в понимании того, что дает основания определять государства Древнего Востока как рабовладельческие, и в соотнесении типа древневосточных и античных обществ. Предлагались общие оценки социального строя стран Древнего Востока как раннерабовладельческого (и стадийно частично предшествовавшего классическому рабовладельческому обществу античного мира) или как обладающего, особенно на поздних этапах древности в ряде стран, принципиальным сходством с античным обществом и представляющего наряду с ним вариант рабовладельческой формации. Одно из главных отмечавшихся при этом различий — наличие в ряде восточных стран, в противоположность античным обществам, государственного хозяйственного сектора.

Согласно этим мнениям, как от древневосточных, так и от античных рабовладельческих обществ совершался переход к феодальным отношениям на средневековом Востоке и Западе.

С 1960-х годов вновь оживилась полемика о характере общественного строя стран древнего и средневекового Востока. В некоторых из работ тех лет по сути возрождались упомянутые выше теории конца 20-х — начала 30-х годов. При этом общества Древнего Востока относили к феодальным (как и средневековые восточные общества) или к «азиатскому способу производства» (как и средневековые общества Востока или их часть). Иногда и та и другая дефиниции применялись по сути при одной и той же конкретной характеристике общественных отношений — при расширенном понимании феодализма, включая и эксплуатацию государством непосредственного производителя через ренту-налог (без посредства «частного феодала»), что близко и аналогично тому, что имеют в виду под «азиатским способом производства», когда относят к нему эту форму эксплуатации и собственность государства-деспотии на землю, на которой непосредственные производители ведут свое хозяйство. С другой стороны, оба способа производства иногда различают таким образом, что к феодализму относят внеэкономическое принуждение непосредственных производителей крупными частными собственниками земли, а к «азиатскому способу производства» — внеэкономическое принуждение производителя непосредственно государством и его аппаратом.

Наряду с дефинициями «феодализм» и «азиатский способ производства» появились такие термины, как «большой феодализм», «извечный феодализм», «рентный способ производства», «кабальная формация», «восточный способ производства», «политарный» и др., а также «раннеклассовое общество» (маловыразительный и употребляемый в разных значениях термин), «добуржуазное» или «традиционное» общество (как определяют докапиталистические общества Востока в целом).

«Азиатскому способу производства» в подобных теориях отводится различное место в общей схеме исторического развития: 1) этот способ производства распространяется на общественный строй всего доколониального Востока и рассматривается как стадияльно предшествующий античному рабовладению; 2) утверждают, что эта формация бытовала на Древнем Востоке параллельно с рабовладельческой, характерной лишь для античного мира; 3) считают, что она существовала на Востоке в период господства рабовладельческого и феодального строя на Западе.

Вместе с тем высказывалось мнение о единой докапиталистической формации, бытовавшей в разновидностях и вариантах, в том числе рабовладельческом, феодальном и типа «азиатского способа производства». Допускается также переход от одного варианта к другому, в рамках единой формации, или сочетание этих вариантов в одном обществе. По этой теории, к одной формации могут быть отнесены и средневековые (феодальные) и древние общества Запада, причем допускается господство рабовладельческих отношений в античном мире, представляющих, однако,

лишь вариант первичной классовой (докапиталистической) формации. Другие ученые вообще отрицают господство рабовладельческих отношений где бы то ни было. В иных случаях, как отмечалось, относят все докапиталистические общества к «традиционному обществу». Вывод о том, что рабовладельческих обществ не существовало в античном мире, непосредственно декларируется в некоторых теориях или неизбежно вытекает из ряда других, например требующих преобладания численности рабов среди производителей (чего не было и в странах античного мира).

Высказывается мнение в основном о неизменном характере производительных сил в древности и средневековье, о том, что не было качественной разницы в уровнях их развития, что в средние века они были не выше, чем в древности, находясь примерно на одном уровне, что роста производительных сил и получаемого продукта в земледелии в странах Востока в докапиталистический период не наблюдается и т.д. Эти положения действительно несовместимы с теорией формационных изменений на рубеже древности и средневековья, ибо отрицается наличие необходимых предпосылок такой смены — роста производительных сил и различия их уровня в ту и другую эпохи. Но следует подчеркнуть, что эти выводы также неизбежно подразумевают отсутствие коренных различий между древностью и средневековьем не только на Востоке, но и на Западе, ибо положение о неизменном уровне производительных сил в древности и средневековье распространяется и на Европу. Более того, общепризнано, что общий культурно-экономический уровень в начале средневековья на Востоке был выше или во всяком случае не ниже, чем в то же время на Западе.

Высказывается также мнение об отсутствии принципиальных различий между древним и средневековым Востоком не только в собственно социально-экономической сфере, но также в сословно-правовом положении различных слоев населения, в государственных, культурных, идеологических и т.п. традициях. Соответственно говорят о континуитете государственной, культурной и социальной традиций Азии вплоть до нового времени.

Здесь уместно остановиться на некоторых концепциях общественного строя стран Востока в западноевропейской и американской науке. Древний и средневековый Восток занимает заметное место в этих концепциях и в общих социологических теориях мирового процесса. При этом древние, средневековые, а частично и более поздние общества на Востоке, а также ряд обществ в странах тропической Африки и Латинской Америки относят к «традиционным» обществам (иные определения: «не- и доиндустриальные» общества и т.п.) в противопоставление к развитым капиталистическим, «индустриальным», «современным» и т.п. По единым принятым критериям, к одному типу («традиционных» обществ) причисляют, например, те или иные африканские племена как «маломасштабные» традиционные общества и в качестве «крупногабаритных» традиционных обществ — империи, существовавшие в Азии и Средиземноморье, в том

числе древние. К «традиционным» обществам относятся также и общества Европы до становления там капитализма или до «индустриализации».

«Традиционные» общества в сравнении с современными характеризуются как застойные или ограниченно эволюционирующие по замкнутому кругу и в целом однотипные, с рядом общих характерных черт, часто устанавливаемых прежде всего по противопоставлению качеств, свойственным или приписываемым западному индустриальному обществу. Вместе с тем предлагается классификация традиционных обществ на основные типы: «феодализм», «бюрократизм», «патримониализм». При этом допускается эволюция этих типов, часто переходящих друг в друга, но в рамках того же «традиционного» общества. При определенных расхождении в самой характеристике «бюрократизма» и «патримониализма» они имеют черты, сходные с теми, которыми наделяют «азиатский способ производства», или примерно соответствуют последнему. Эти теории «традиционного» общества во многом близки к некоторым упоминавшимся концепциям развития восточных, а также иных докапиталистических обществ в нашей литературе (различие состоит, однако, в отсутствии рабовладельческого варианта в западных теориях «традиционных» обществ и в большей дифференциации других обществ, прежде всего за счет «патримониализма»).

Для «патримониальных» обществ считается характерным не наследственное (как при «феодализме») владение землей или доходами с нее, а получение права на них служилым слоем от центральной власти, правителя. По сравнению с «бюрократизмом» «патримониализму» приписывается меньшая степень централизации и унификации в пределах данного политического объединения. К «патримониальным» относили многие «традиционные» общества Азии, а к «неопатримониальным» — и ряд стран Азии, Африки, Латинской Америки в новое и новейшее время. Из более ранних обществ к «патримониальным» известный американский социолог С.Эйзенстедт, например, относит средневековую Монгольскую империю, центральноамериканские цивилизации перед испанским завоеванием и прежде всего древние государства Ближнего Востока: Египет, Аккад, Ассирию, Вавилонию, Хеттское государство и др. Но при этом специальный анализ данных конкретных материалов об этих обществах не дается, и отнесение их к «патримониальным», по сути, декларативно. По рассматриваемым теориям, как уже говорилось, допускается частичная «эволюция» традиционных обществ (например, в Китае или Древнем Египте от «феодальной структуры» к «имперской» с развитой бюрократией, затем снова к «феодальной» и т.д.). Но для этих обществ отрицается общая прогрессивная перспектива — самостоятельное развитие к «современному обществу». Предпосылки или главные причины этой застойности, неспособности к самостоятельному общеисторическому прогрессу таких обществ, в том числе Востока в древности и в средние века, усматривались в «традиционализме» жизни самих этих обществ (вплоть до поведения и характера личности как принципиально отличных в современ-

ных и «традиционных» обществах), где экономические нововведения и изобретения не были тогда постоянными факторами, в отличие от «индустриального общества» с его регулярным приложением науки и техники к процессу производства. А сам переход к «современному» обществу был обусловлен возникновением индустриальной технологии.

Такие мнения близки к упоминавшимся выше положениям об отсутствии принципиальных различий в производительных силах в «добуржуазную» эпоху, в древности и средневековье. Как для этих положений, так и для теорий «традиционного общества», «традиционного хозяйства» и т.п. характерно противопоставление эпохи традиционных обществ периоду после индустриализации, промышленного переворота (начавшегося в Англии в XVIII в.), а не эпохе капитализма в целом.

При сопоставлении докапиталистических и «современных» обществ в качестве критерия принимаются, следовательно, изменения в производстве и технологии, а не в социальном строе общества. На протяжении всей истории цивилизации усматривают лишь одно качественное изменение в развитии производительных сил, а именно промышленную революцию. Единственным принципиально важным хозяйственно-технологическим изменением до промышленной революции нередко признается так называемая «неолитическая революция». Иногда полагают, что она положила начало процессам, приведшим к сложению классового общества и государства. С этим трудно согласиться.

Переходя к проблеме производительных сил в древних обществах, остановимся сначала на «неолитической революции», которой нередко придают особое значение в истории человечества в эпоху до промышленного переворота.

«Неолитическую революцию» относят ко времени возникновения земледелия и скотоводства. Часто говорят также о переходе от «присваивающей» к «производящей» экономике. Употребление этих терминов не вполне оправданно хотя бы потому, что в предшествующий период также имело место производство, в частности производство орудий труда. Термин «неолитическая революция» представляется нам явно неудачным.

Если под «революцией» в данном случае понимать изменения в общественных отношениях, то с этим не согласуется чисто технологическое определение «неолитическая». Оно едва ли применимо и фактически в своем чисто «археологическом» аспекте, ибо в ряде районов земли хозяйство оставалось «присваивающим» и в неолите, в других — переход к земледелию и скотоводству осуществлялся в эпоху неолита. В Передней же Азии, где этот переход начался ранее всего, он проходил еще до появления орудий неолитического типа — в период, который определяют как мезолит или (по классификации, не выделяющей неолит) эпипалеолит.

Вообще, в ряде областей Древнего Востока по сравнению со многими другими странами мира при сходном, хотя частично разновременном, уровне техники (камня, металла, иных технологических средств, транспорта и т.п.) происходил более глубокий и быстрый прогресс в различных

сферах хозяйства и общественных отношений. В некоторых странах Древнего Востока классовые общества и государства возникли в период энеолита, в других — в бронзовом веке, в других районах земли — с переходом к железному веку, а в остальных и после этого еще существовали первобытные общества. Эти факты подчеркивают необоснованность определений типа «неолитический» в «классификациях», которые не имеют в виду чисто археологическую периодизацию.

Не следует также сближать «неолитическую революцию» и время сложения государства. На Ближнем Востоке переход к земледелию и скотоводству отделен от возникновения классовых цивилизаций рядом тысячелетий, причем это время может быть разделено на несколько периодов, в соответствии с изменениями в экономике и производстве или на основе критериев, имеющих в виду общественные отношения. Сам переход к земледелию и скотоводству падает на определенный рубеж в развитии первобытно-общинного строя. Это вполне соответствует периодизации, по которой становление земледелия и скотоводства соответствует переходу от дикости к варварству (по схеме Л.Моргана) — основным периодам первобытно-общинного строя. Энгельс характеризовал их как период присвоения готовых продуктов природы («дикость») и введения скотоводства и земледелия, методов увеличения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности («варварство»). К характеристике второго периода значительно ближе употреблявшееся известным археологом Р.Дж.Брейдвудом определение «революция производства пищи» (food-production revolution), чем термин «неолитическая революция», введенный Г.Чайлдом.

Если датировать переход к земледелию и скотоводству в Передней Азии временем около X — начало VIII тысячелетия до н.э., то следующий период, исходной точкой которого условно можно считать время появления поселений с долговременными глинобитными домами, относится примерно к VIII–VII тысячелетиям до н.э. Занимавшие поселения родовые общины состояли из малых, или парных, семей, хранивших зерно, готовивших для себя пищу, изготавливавших одежду и пр., но многие основные работы осуществлялись, очевидно, силами всей общины и произведенные продукты распределялись частично по семьям. Как показывает единообразие жилищ, орудий, утвари и погребений той эпохи, хозяйственных и имущественных различий между семьями не было. Время существования таких памятников — первый этап в истории земледельческих поселений. На данном этапе их социальный строй вполне соответствовал первобытно-общинным отношениям. Вполне оправданным является мнение, что на этом этапе связи внутри общины даже возросли по сравнению со временем охотничьего хозяйства благодаря кооперации в земледельческо-скотоводческом хозяйстве того времени.

Для общественных отношений следующего этапа характерно формирование большой семьи, становящейся, видимо, основной производственной ячейкой. Этот процесс отражен в изменении типов домов и за-

стройки поселений. В многоквартирных домах-кварталах обитали большие семьи; имущественное неравенство между ними еще не наблюдается, но возникновение семейных общин со значительной хозяйственной самостоятельностью должно было способствовать установлению права собственности, что привело в последующее время к развитию имущественной дифференциации, во многом изменившей характер социального строя.

С V–IV тысячелетий до н.э. в разных районах Передней Азии отмечаются перемены в общественном строе — возникновение и развитие собственности, имущественного неравенства, а затем и социальной дифференциации. Старейшины и вожди постепенно узурпируют гражданские и экономические права общины. К концу IV — началу III тысячелетия до н.э. в некоторых районах Передней Азии (Южное Двуречье, Элам) возникают первые государства. Примерно в то же время аналогичные процессы происходили в долине Нила.

За время между возникновением земледелия и скотоводства и появлением государства произошли многие важные изменения в развитии производства, был достигнут дальнейший прогресс в каменной индустрии, появилась керамика, возникла металлургия, последовательно достигались все новые и новые успехи в ее развитии (ковка, плавка, литье металлов и пр.), стали использоваться примитивные приемы искусственного орошения, позже появились более сложные ирригационные сооружения. Примерно с первой половины IV тысячелетия до н.э. получает распространение гончарный круг, что указывает на появление гончарного ремесла и становится определенным знаменем возникновения профессионального ремесла вообще.

На базе таких достижений в области развития производительных сил, которые позволили получать прибавочный продукт, и происходил процесс становления классового общества и государства, что и следует считать первой в истории «революцией» в сфере общественных отношений. Развитие хозяйства и производительных сил продолжалось, естественно, и после этого. Между тем, как мы уже говорили, существует мнение об отсутствии качественных, принципиальных различий в производительных силах в древности и средние века. При этом обычно не видят существенного роста производительных сил на протяжении эпохи древности. Более того, и некоторые сторонники мнения о формационном различии древних и средневековых обществ полагают, что рост производительных сил и прибавочного продукта после блестящих успехов на заре цивилизации сильно замедляется или даже останавливается, производительность труда в сельском хозяйстве почти не растет, а иногда даже снижается. С этим трудно согласиться, например, потому, что указанное положение относится, в частности, к истории Месопотамии и того периода, когда совершился переход к «железному веку» (примерно в конце II — начале I тысячелетия до н.э.). Судя по археологическим данным, в то время в ряде стран Передней Азии происходит прогресс в земледелии и появляются

земледельческие орудия из железа. О результатах этого можно судить и по данным письменных источников из Месопотамии. В текстах времени Нововавилонского царства не раз упоминается о выдаче железа для лемехов — одновременно 300, 160 и т.д. кг. Вряд ли следует говорить об исключительном значении появления и распространения железных орудий, что, например, произошло в Передней Азии примерно через два тысячелетия после возникновения там первых государств. На протяжении истории стран Древнего Востока в целом имел место прогресс в различных отраслях производства. Первоначально еще совершенствовались каменные орудия, впоследствии замененные металлическими, наступил бронзовый, а затем железный век. Появились новые ремесла, происходила их дифференциация. Нововведения имели место и в сельском хозяйстве, в системе земледелия, использовании удобрений, формах искусственного орошения, в расширении ассортимента культурных растений, кормовых культур, видов и пород домашних животных, методах скотоводческого хозяйства, появились новые земледельческие орудия и водоподъемные сооружения. В поздней древности началось использование природных источников энергии, минерального топлива и т.п. Возникли и развивались науки, достижения которых нашли применение в хозяйстве, технике и строительстве. В эпоху поздней древности получила развитие агрономическая наука. Как и в Риме, сельскохозяйственные трактаты появляются и на Востоке — от Китая до Средиземноморья. Так, об авторе одного из них, Чжао Го, известно, что он в Китае в I в. до н.э. внедрял «грядковую культуру», получившую, однако, распространение только в начале средневековья. Карфагенский аграрий Магон был хорошо известен цитировавшим его римским авторам.

В конечном счете на основе развития производительных сил, разделения труда и увеличения совокупного прибавочного продукта в сельском хозяйстве произошел большой количественный рост лиц «интеллектуальных» профессий (жречества, служилых слоев бюрократии, ремесленников, торговцев и др.), глубокие изменения в этом отношении бесспорны, по крайней мере при сравнении ранней и поздней древности. Вместе с тем отмечается значительное улучшение общего жизненного уровня на протяжении древней истории ряда стран, например в Вавилонии I тысячелетия до н.э. в сравнении с III–II тысячелетиями до н.э. То же можно сказать о древнем Китае и Иране.

В целом к проблеме роста производительных сил следует подходить на основе сопоставления данных по обширным регионам и эпохам, а не по отдельным странам и периодам. Можно говорить о широком развитии производительных сил, хозяйства, технологии, разделении труда за время между доисторической и средневековой эпохами. Что касается вопроса о качественном развитии производительных сил в древности и средневековье, то его можно не замечать, лишь имея в виду прежде всего изменения, сопоставимые с теми, которые произошли в эпоху «индустриальной революции». Но при подобном подходе не окажется качественных измене-

ний и в период перехода от первобытно-общинного строя к древнему обществу. Между тем становление государства на Древнем Востоке было подготовлено уже упоминавшимися технологическими и хозяйственными нововведениями, такими, как успехи в металлургии, появление гончарного круга, прогресс в земледелии, в том числе ирригационном, и т.п. Уровень же производительных сил к концу древности — началу средневековья был бесспорно неизмеримо выше, чем в начале эпохи древности. В древности был заложен фундамент современной цивилизации, сначала на Древнем Востоке, а потом и в античном мире.

Достижениями древней эпохи был подготовлен и прогресс сельского хозяйства и техники, рост доходности в земледелии в раннем средневековье, например в Византии. В Иране и соседней Месопотамии в парфянское и особенно сасанидское время резко увеличивается площадь возделываемых земель, растет число поселений и городов (судя по данным письменных и археологических источников, в Иране число оседлых поселений и площадь культурных земель не только намного увеличились по сравнению с предшествовавшей эпохой, но в ряде районов были больше, чем в средние века); совершенствуется система ирригации; в Месопотамии стали широко применяться более эффективные подъемные механизмы для подачи воды. На территории самого Ирана распространяется система подземных каналов — *кяризов*. Строительство и поддержание такой оросительной сети справедливо называют подвигом древних инженеров. Судя по археологическим данным, кяризы появляются в Иране с ахеменидского времени, но особенно широкое развитие их сеть получает в сасанидскую эпоху и последующий раннеисламский период. Появившиеся в Китае в эпоху поздней древности «рядковая система», «система переменных полей» и другие усовершенствования в технике земледелия в эпоху средневековья получают широкое и повсеместное распространение, что намного повысило урожайность полей и сказалось, в частности, на резком увеличении численности населения, которое возросло в Китае к концу I тысячелетия н.э. до 140 млн. чел. (ок. 60 млн. на рубеже нашей эры).

Можно указать и ряд других конкретных нововведений в сельском хозяйстве, произошедших в конце древности — раннем средневековье, например применение сортовых семян, удобрений, появление усовершенствованных железных плуга и бороны, введение упряжи с использованием хомута (в Европе с IX в., а в Азии несколькими веками ранее), что повысило эффективность тяговых усилий лошади примерно втрое. Отмечаются и принципиально новые моменты, например распространение в средние века природных источников энергии — падающей воды и ветра. И в этой области новшества впервые появились еще в древности; так, например, водяные мельницы — примерно на рубеже нашей эры, но широко распространяются они лишь с VI–VII вв. Примерно тогда же становятся известны и ветряные мельницы (например, в Иране с VII в.). Мнение об отсутствии существенной разницы в уровне развития производительных сил в древности и средневековье не аргументировано конкретными фактами, и

нам представляется гораздо более обоснованным положение Г.Ф.Ильина о коренных изменениях производительных сил в средние века по сравнению с древностью.

Эти положения могут быть подтверждены рядом иных данных, например связанных с развитием в странах Древнего Востока культуры и науки, а также письменности. Последняя являлась и важным элементом «производительных сил», намного облегчавшим и организацию экономической жизни. Уже на заре своего возникновения она прежде всего являлась средством хозяйственной отчетности и играла огромную роль в соответствующих обществах в функционировании производства того времени. Позже, в период усложнения социально-экономических процессов, умножения административных, хозяйственных и налоговых документов, частноправовых контрактов о купле-продаже, наследовании, иных имущественных отношениях и т.п., в разных странах происходит совершенствование систем письменности и использовавшихся для нее материалов: камня и металла, глины и дерева, папируса, пальмовых листьев, пергамента и т.п. В Китае на рубеже нашей эры была изобретена бумага, зато в Передней Азии в I тысячелетии до н.э. получили распространение алфавитные письменности. С Востока алфавит был заимствован в Греции и иных странах античного мира. Это изобретение сыграло огромную роль в различных сферах жизни, прежде всего именно в экономической. Можно еще лишь подчеркнуть, что алфавитные письменности были созданы и использовались в конце эпохи древности — начале средневековья во всех странах Среднего и Ближнего Востока и Европы.

Коснемся теперь основных особенностей общественных отношений на Древнем Востоке. В качестве их характерной черты следует отметить многоукладность. Имеющиеся данные источников, исследования, основанные на этих данных, и теоретические построения, касающиеся древневосточных обществ, позволяют ставить вопрос о существовании и распространении на Древнем Востоке таких укладов, как рабовладельческий, натуральный (представленный свободными тружениками, не эксплуатирующими чужой труд, не связанный с торговлей и постоянным обменом услуг), мелкотоварный (торговцы и ремесленники, не привлекавшие рабочей силы со стороны), а также наемного труда, «капиталистических» и товарно-денежных отношений.

Встает и по-разному решается вопрос о типе социальных отношений и общественно-экономических укладов, которые на Древнем Востоке могут представлять: государственно-храмовые хозяйства и их работники, не бывшие собственно рабами; самостоятельно хозяйствовавшие зависимые земледельцы и арендаторы, работавшие на чужой земле; свободные земледельцы, ведшие хозяйство на своей или общинной земле и уплачивавшие налог; крупные землевладельцы или собственники земель и хозяйств с использованием различной рабочей силы. Ставится вопрос о феодальном укладе или времени его развития на Древнем Востоке; постулируются виды общественных отношений («азиатский способ производства», «бю-

рократизм» и т.п.), при которых чиновничество или служилые люди рассматриваются как особый «класс» с соответствующим способом получения доли в общественном богатстве.

В любом случае можно говорить о многоукладности древневосточных обществ, хотя имеющиеся материалы в целом не дают возможности для определения удельного веса отдельных укладов в тех или иных странах Древнего Востока. При этом соответствующие выводы о некоторых укладах (натуральный, мелкотоварный и др.) не имеют принципиального значения при определении общего типа древневосточных обществ. Напротив, для этой цели широко использовались заключения о феодальных отношениях, государственных хозяйствах, бюрократизме и служилых слоях, о роли рабства.

Остановимся сначала на некоторых вопросах, связанных с проблемой рабовладения. Как известно, в нашей исторической литературе ранее преобладала точка зрения о том, что на Древнем Востоке рабский труд играл определяющую роль в процессе производства и рабы составляли большую часть населения. В дальнейшем, однако, получило распространение мнение, что труд рабов не занимал в странах Древнего Востока ведущего места в экономике, а число рабов было значительно меньше, чем предполагалось. При этом отрицается рабская принадлежность ряда конкретных групп населения, которые раньше нередко рассматривались как рабы. Это относится, например, к некоторым категориям работников государственно-храмовых хозяйств и депортированных пленных.

Такие категории населения действительно не должны относиться к рабам. Но независимо от этого имеющиеся данные древневосточных источников свидетельствуют о широком использовании труда рабов в земледелии, скотоводстве, ремесле, на промыслах, рудниках, в ирригационном строительстве и т.п. и о том, что такое применение труда рабов было обычным. Приходится встречаться с утверждением, что труд рабов на Древнем Востоке имел малое значение в производстве, и именно в земледелии, так как был неэффективным, требовал постоянного надзора, который было трудно осуществить (особенно в мелких хозяйствах), и т.п. Эти положения выглядят во многом декларативно, в том числе если иметь в виду теоретическую сторону проблем. Против указанного тезиса свидетельствуют многие конкретные материалы. Это относится как к крупным хозяйствам, так и к мелким. Нередко считают, что если у земледельца были один или два-три раба, то они были в основном заняты в услужении, на домашних работах. Но независимо от того, что последние также имели производственное значение, нет никакого основания для предположения, что в мелких земледельческих хозяйствах труд рабов не использовался на полевых работах. Напротив, есть данные, что в таких случаях раб эксплуатировался и в земледелии. То же самое можно, например, утверждать в отношении мелкого землевладения на античном «Западе». Так, у Плиния (XVIII, 41) рассказывается о некоем Гае Фурии Кресиме, который с небольшого участка земли снимал более обильный урожай, чем с больших

участков получали его соседи. Будучи обвиненным в колдовстве, он принес на форум железные орудия, тяжелые кирки и лемехи, привел сытых волов и сильных ухоженных рабов, а затем сказал, что в этом и заключается его колдовство, а также в его собственном труде с раннего утра до ночи и проливаемом им поте. Даже для Рима с его обилием источников это свидетельство о крестьянском хозяйстве является редким, дошедшим до нас лишь в связи с рассказанным Плинием случаем. Подобная «информация» может не встречаться и в многочисленных переднеазиатских хозяйственных и юридических документах, ибо отношения хозяина с рабом не требовали «юридической» документации. И все же имеются данные, свидетельствующие о том, что Древний Восток мало отличался в этом отношении от Рима.

Из «традиционных» иранских источников (от Авесты до среднеперсидской литературы сасанидского времени) следует, что нормативным явлением было то, что частные семьи — домашние общины имели в своем владении рабов, входивших (по данным Авесты) в состав таких «фамилий». Но по этим данным невозможно было установить, какова была численность этих рабов и их соотношение с числом свободных членов домашних общин. Свет на эту проблему могут пролить прочтенные В.А.Лившицем учетные, возможно податные, документы начала новой эры из Хорезма — одной из стран бывшего авестийского ареала. Эти тексты содержат списки взрослых мужчин из «домов-семей», очевидно зажиточных, хотя и не знатных. Документы показывают, что в этих семьях рабов было значительно больше, чем членов семьи хозяина, например 17 рабов и 4 свободных, 12 рабов и 3 свободных и т.п.; в одну из семей входили 15 взрослых мужчин: домохозяин, два его сына, 12 рабов, из них восемь рабов домохозяина и его сыновей и четыре раба их жен. Сходный состав и в нескольких других семьях, а еще в одном документе названы лишь четверо мужчин: домохозяин и три раба (один принадлежал домохозяину, один — его жене и один — его матери). Едва ли можно сомневаться в том, что эти рабы были заняты в хозяйстве, и именно на сельскохозяйственных работах. То же заключение, очевидно, справедливо и для древней Индии, где в больших сельских семейных хозяйствах рабы могли насчитываться десятками; аналогичные данные имеются и в отношении древнего Китая.

Иногда утверждают, что труд рабов не занимал ведущего места в экономике ряда стран Древнего Востока, и причисляют к ним, в частности, ахеменидский Иран. Вспомним, однако, известный «14-й параграф» Бехистунской надписи, где говорится о том, что именно отнимал у «народа» (народа-войска — *кара*) Лжебардия и что вернул «народу» Дарий I. Среди нескольких названных объектов фигурируют и рабы (*манийа*, букв. «домашний раб»). Таким образом, они выступают здесь как один из основных видов собственности. Вместе с тем эти люди безусловно занимались не личным обслуживанием хозяев, а работой в производстве, ибо необходимым условием ведения хозяйства представителями указанного социального слоя являлись и другие названные в тексте вместе с рабами объ-

екты. Существующие переводы употребленных терминов несколько расходятся, но общий смысл остается примерно тем же и вполне ясен. По одному из таких переводов (В.И.Абаева), Дарий заявлял: «Я вернул народу имущество: скот, рабов, усадьбы, которые Гаумата-маг отнял». Итак, рабы составляли один из основных видов имущества у народа-войска. Это мнение царя Дария представляется более весомым, чем теоретические выкладки и декларации некоторых современных исследователей.

В эламской версии Бехистунской надписи древнеперсидскому *манийа* соответствует эламское *курташ*. Оно является эламской передачей иранского *г(а)рда*, также означавшего домашнего раба. Это же слово известно по вавилонским и арамейским документам как *гарда*. Оно относится, в частности, к работникам хозяйств персидских вельмож и обозначало их рабов. Известно, например, что этих *гарда* клеймили клеймом хозяина. Тем же термином, «курташ», в многочисленных эламских документах из Персеполя называются работники царского хозяйства в Персиде и Эламе. Одни занимались ремесленными и строительными работами, другие были заняты в сельском хозяйстве. Эти работники исчислялись тысячами (их было не меньше 15–20 тыс.). Они происходили в основном из чужеземцев, работали партиями, не имели своего хозяйства, получали довольствие и обозначались термином «раб». Несомненно, их следует считать именно рабами, даже если допустить, что некоторая их часть имела иное происхождение и лишь временно работала в царском хозяйстве. Такие данные показывают, что рабство было широко распространено в ахеменидском Иране, рабы составляли, очевидно, основную часть работников в хозяйстве персидских вельмож, а также персидского «народа» в целом.

Рассмотрим еще некоторые примеры на древнекитайском материале. Как и в других странах Древнего Востока, сведения об использовании рабов в производстве (особенно в мелких и средних хозяйствах) встречаются в древнекитайских источниках лишь случайно, в связи с какими-то другими событиями, в основном политической истории, достойными, по мнению авторов, упоминания. Там, где у нас имеются сведения об одних и тех же событиях в передаче различных источников, иногда удается почерпнуть интересующие нас данные. Так, и у Сыма Цяня, и у Бань Гу имеется жизнеописание видного политического деятеля конца III — начала II в. до н.э. Цзи Бу. Совершив политическое преступление, грозившее смертной казнью, Цзи Бу вынужден был скрываться под видом раба (*ну*). Его политический сторонник — крупный работороговец вместе с большой партией закованных и обриту рабов переправил его на дальний рабский рынок и продал там некоему Чжу Цзя (также знавшему о судьбе Цзи Бу). Тот купил вместе с ним еще нескольких рабов. Об обстоятельствах пребывания Цзи Бу у Чжу Цзя историк Бань Гу ничего не сообщает. Из рассказа же Сыма Цяня следует, что Цзи Бу вместе с другими рабами и сыновьями хозяина (уже не знавшими, кто он такой) занимался полевыми работами в хозяйстве Чжу Цзя. Из данного факта следует как то, что и в древнем Китае, подобно другим странам древнего мира, труд раба в зем-

леделии был обычным явлением, так и то, что в некрупных хозяйствах вместе с рабами на полевых работах трудились члены семьи хозяина, что вполне обеспечивало и контроль над трудом рабов.

Лишь случайно у Бань Гу встречается интересный для нас факт из жизни известного полководца Хо Цюйбина, вышедшего из низов общества (он был сыном свободного и рабыни). Бань Гу сообщает, как Хо Цюйбин (уже достигнув высокого положения), направляясь в поход, оказался в городе, где проживал его бедствующий отец. В тот же день Хо Цюйбин купил для отца землю и сотню рабов (*нубэй*). Безусловно, рабы работали затем на купленной земле. В проекте закона, подготовленном при ханьском императоре Ай-ди (6–1 гг. до н.э.), предусматривалось введение нормы числа рабов и площади обрабатываемой земли для частных хозяйств. При этом устанавливалось, что лица из простонародья могут иметь не более 30 рабов (*нубэй*), а знатные — не более 200 (для обоих случаев не считая детей и стариков). Этот закон, однако, из-за сопротивления рабовладельцев не прошел ни тогда, ни через несколько лет при императоре Пин-ди (1–7 гг. н.э.). Позже, при введении надельной системы, в IV в.н.э. была установлена норма для частных хозяйств — не более 60 рабов на семью.

Такие факты не только указывают на большую численность рабов в странах Древнего Востока, но и подтверждают, что рабский труд применялся прежде всего в производстве, именно в земледелии (для разных стран Древнего Востока имеются многие свидетельства об использовании труда рабов также в скотоводстве и в ремесле, в горном деле, на ирригационных работах, в строительстве). Эти данные решительно противоречат и встречающемуся мнению о преобладании на Древнем Востоке «патриархального рабства», при котором труд рабов применялся в основном в домашнем хозяйстве. Кстати, представляется неубедительным подобное понимание термина «патриархальное рабство», при котором оно увязывается только и именно с домашним хозяйством. Такая трактовка не могла бы найти опоры и во взглядах К.Маркса, который понимал термин «патриархальное рабство» совершенно иначе. Так, в «Капитале» он характеризовал «патриархальную систему рабства» (которую он противопоставлял «рабовладельческой системе, направленной на производство прибавочной стоимости») именно как «направленную на производство жизненных средств»². Так что «патриархальное рабство», по этому определению, тоже рассчитано на производство, но его продукция предназначена для потребления в самом хозяйстве, а не для продажи. Таким образом, и крупные хозяйства, в которых трудились рабы, могут быть отнесены к «патриархальным», если они были рассчитаны на самообеспечение. Так и обстояло дело в ряде стран Древнего Востока на определенных этапах их развития, когда торговые отношения и товарное производство были там малоразвиты. Однако и там могла развиваться «рабовладельческая система», имеющая целью «производство прибавочной стоимости». Так, на-

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25. Ч. 1, с. 365 и сл.

пример, по сообщению древнекитайских источников, во II в. до н.э. в г. Чэнду (в Сычуани) было много семей, «богатство» которых «исчислялось сотнями (вплоть до 1 тыс.) рабов»; об одной из них — семье Чжо, в собственности которой было 800 рабов, известно, что она владела рудниками и железоделательными мастерскими. Примерно к тому же времени относятся сведения об одном богаче из Шаньдуна (на северо-востоке Китая), владевшем шелкоткацкими мастерскими, которые обслуживались тысячей рабов. Тысячи рабов трудились также на государственных шелкодельнях в Чанъани (столице Ханьской империи), продукция которых, очевидно, также частично была предназначена для продажи. То обстоятельство, что большинство древневосточных рабов в целом были заняты именно в производстве, как представляется, само по себе является также ответом на вопрос об эффективности труда рабов в древности, которая на определенных этапах могла вполне соответствовать уровню производительных сил того времени.

Все это позволяет полагать, что рабовладение в странах Востока играло не меньшую роль, чем в античном мире. При этом можно также отметить, что по многим основным показателям отношение к рабам и их труду на Востоке и на античном Западе было вполне аналогичным. Это касается, например, общих определений статуса раба, основных источников и происхождения рабства, появлявшихся ограничений по обращению в рабство соплеменников, вольноотпущенничества, отношения к смешанным бракам и близким к рабству, формам зависимости, в том числе наследственным, а также сходным на Западе и Востоке колебаниям в определении статуса таких лиц, терминологии и буквального первоначального смысла слов, обозначавших рабов, в том числе употребления термина «домашний» (раб), который постепенно стал применяться для обозначения рабов вообще. Со временем в ряде областей Древнего Востока и Запада получила распространение практика «частичного» освобождения рабов, к концу эпохи древности наблюдается изменение отношения к рабу и его личности в идеологии, религии, законодательных актах ряда стран от Китая до Рима.

Что касается общей численности рабов и их отношения к числу свободных, то имеющиеся данные (в том числе указанные выше) дают даже возможность предполагать, что в странах Древнего Востока рабов было больше, чем в античном мире. Причем имеется в виду только частное рабовладение, государственных же рабов на Востоке было, очевидно, намного больше, чем в античных странах. Настаивать на этом выводе, конечно, нельзя, но и утверждать противное невозможно, имея в виду характер наших источников о рабах в странах Древнего Востока. Можно, однако, заметить, что число собственно рабов и их роль в производстве на Древнем Востоке были на самом деле значительно выше, чем об этом можно было говорить ранее; об этом свидетельствуют, например, уже упомянутые нами новые данные текстов из Ирана и Средней Азии (хорезмийские документы, эламские клинописные таблички из Персеполя), а

также не учитывавшиеся ранее в должной мере материалы древнекитайских источников.

Все это, конечно, не говорит о том, что рабство обуславливало характер общественного строя в странах Древнего Востока и что он должен определяться как «рабовладельческий». Но соответствующие факты необходимо принимать во внимание при установлении характера общественных отношений в странах Древнего Востока и в существовавших там государствах. Рабство было безусловно одной из основных форм эксплуатации, а рабовладельцы, крупные или мелкие, составляли значительную часть населения, большинство (а потенциально — всех) граждан.

Вместе с тем рабы на Востоке, как и в античном мире, являлись основой благосостояния частных лиц. Имеются вполне достоверные данные о крупных рабовладельцах, владевших до 1 тыс. рабов и более в разных странах Древнего Востока — Китае, Иране, Карфагене и др. У ряда народов Древнего Востока рабы и их число являлись мерилом богатства; наличие рабов (хотя бы какого-то их числа) у «рядовых» свободных, например в «простых» семьях, судя по имеющимся данным по ряду стран, также было вполне нормальным явлением. В то же время рабы в таких случаях могли составлять часть имущества, наследственную или благоприобретенную, независимо от «благоденствия» государства — деспотического, бюрократического и т.п. Эксплуатация рабов или использование полученной в ее результате прибыли также осуществлялись независимо от роли государства и его аппарата (если не считать практиковавшегося иногда обложения податью или налогом рабов или иного имущества).

Независимо от государства во многом осуществлялись отношения в сфере наемного труда. Кстати, эти формы отношений и эксплуатации долгое время недооценивались. На самом деле, судя по данным, имеющимся для различных стран Древнего Востока (Двуречье, Восточное Средиземноморье, Иран, Индия и др.), наемный труд имел большой удельный вес в системе эксплуатации и производства, широко применялся в земледелии, скотоводстве («пастухи» были у ряда народов одним из главных видов оплачиваемых по найму работников), ремесле (в том числе высококвалифицированном), в строительстве, на земляных и ирригационных работах и т.п., а также в личном обслуживании, практиковались частный наём квалифицированных ремесленников, лиц интеллигентных профессий. Следует заметить, что в нашей литературе наемных работников на Древнем Востоке ранее нередко причисляли к «подневольным людям рабского типа» или полагали, что их реальное положение, близкое к рабству, было, в частности, обусловлено предыдущими обязательствами и статусом работника — принадлежностью к низшим социально-сословным слоям. Характеристики эти распространялись прежде всего на земледельческое население; и действительно, подобные группы (типа индийских *кармакаров*) известны в Индии, Иране, странах на севере Передней Азии и т.д. Тем не менее эти группы населения оставались свободными и не считались рабами. Вместе с тем эксплуатация их также осуществлялась в

частных хозяйствах, так что данные об этих (численно, видимо, все же значительных) группах населения равным образом свидетельствуют в пользу роли частного (а отнюдь не государственного) хозяйственного сектора. С другой стороны, в сельском хозяйстве использовались отнюдь не одни только наемники, работавшие более или менее постоянно в частном хозяйстве (и часто нанимавшиеся на длительные сроки: на год и более). Известны различные факты о наемных работниках, не связанных предварительными обязательствами с нанимателем и вообще ранее не знакомых с ним. Об этом свидетельствует, например, известная притча из Евангелия от Матфея (XX, 1–8) о хозяине виноградника, в течение дня несколько раз нанимавшего все новых и новых работников, «стоявших на торжище праздно» из-за того, что их до сих пор «никто не нанял работать». Подобные данные позволяют говорить о существовании рынка труда и свободной продаже рабочей силы в ряде стран Древнего Востока. Это относится и к людям из полноправных или «благородных» сословий, если они были силой обстоятельств поставлены в соответствующие жизненные условия, как об этом свидетельствуют литературные данные древней Индии и Китая. А судя по некоторым нововавилонским документам, наемным трудом занимались даже полноправные граждане, владевшие одним-двумя рабами. Конечно, наемными работниками обычно становились лица, оказавшиеся в нелегком материальном положении. Однако, как показывают те же вавилонские документы, такие люди, которых было немало, отнюдь не были бесправными. В ряде храмовых документов упоминается, что они бросали работу и уходили, требовали дополнительной оплаты за проделанную работу и т.п. Дело доходило до настоящих забастовок. Известно также о численном составе партий таких работников на работах в храмовых хозяйствах — до 10–20 или даже до 100 человек. Вообще о наемном труде и его использовании в Двуречье известно по многим клинописным документам, от шумерской до ахеменидской эпохи. В отличие от этих источников, «документально» фиксирующих отношения рассматриваемого типа, еврейская традиция начиная с библейских времен позволяет более конкретно и наглядно представить себе положение наемных работников (*сахир*). Она содержит, между прочим, осуждение хозяев за произвол в отношении таких работников и за неуплату наемнику положенной ему платы (см., например, у пророка Иеремии, XXII, 13; в пророчестве Малахии, III, 5 и т.д.). Сходная ситуация отражена в иранском сочинении «Арда-Вираз-намак» (XXXIX, 3–4). Согласно этой зороастрийской «Божественной комедии», рассказывающей о посещении жрецом Арда-Виразом ада и рая, в аду находится душа человека, который при жизни удерживал плату (*музд*) наемным работникам (*муздваран*). Эти и аналогичные религиозно-правовые предписания подчеркивают сходство самих общественных явлений, положения наемного работника и «нормативность» этой социальной категории в различных регионах Древнего Востока. Она была хорошо известна и в античном мире. В ряде источников (лексикограф Поллукс, III, 82 схолии к «Одиссее», IV, 644) о греческих бедняках, фетах и

пелатах говорится, что это свободные люди, выполняющие работу (в том числе рабскую) за наемную плату (*misthos*). Во всех случаях, как в Греции, так и в Восточном Средиземноморье (по библейским данным) и в Иране (согласно зороастрийской традиции), состоятельный человек, хозяин, эксплуатировал рабов и обедневших свободных. Обычно он являлся также землевладельцем и «гражданином». Клинописные и библейские источники содержат также данные о частном найме квалифицированных ремесленников, лиц интеллигентных профессий, исполнителей жреческих обязанностей и др.

Вместе с тем состоятельные лица, как свидетельствуют клинописные месопотамские источники, нередко вели активную деловую жизнь, принимая участие в сухопутной и морской торговле, участвовали в различной предпринимательской (в том числе банковской и ростовщической) деятельности, осуществлявшейся помимо той, которая велась государством, храмами и их агентами. Известно также о торговых товариществах частных лиц, о торговле ремесленной продукцией и т.п. Вообще имеющиеся данные о торгово-денежных отношениях в древней Месопотамии вполне сравнимы с теми, которые известны для античных обществ и на основании которых ряд западных исследователей уже давно считали возможным говорить о торговом капитале или даже о капитализме в Древнем мире.

Одним из основных вопросов, с которыми связаны выводы о характере древневосточных обществ, является вопрос о формах земельной собственности. Существует мнение о господстве государственной собственности на землю в странах Древнего, а также средневекового Востока. Однако для стран Древнего Востока имеются свидетельства широкого распространения частной собственности на землю наряду с храмовой, царской и т.п. Имеющиеся данные говорят о фактическом и правовом владении землей, свободе ее экономического использования и распоряжения ею, включая отчуждение: куплю-продажу, заклад, дарение. На это указывают соответствующие правовые положения, контракты, дарственные и иные источники для всех стран Древнего Востока. Существовавшие ограничения сделок по отчуждению земли со стороны членов родственных коллективов и соседских общин не противоречат выводу о существовании частной, а также частно-общинной собственности, отличной от храмовой, царской и т.п. собственности на землю. Это относится и к странам, где земледелие основано преимущественно на искусственном орошении, о чем свидетельствуют, например, данные из Южной Месопотамии и Египта. (Искусственное орошение, впрочем, во многих других странах Древнего Востока не имело исключительного значения и не требовало обязательно работ, организованных государством.)

Мнение об отсутствии подлинной частной собственности и господстве государственной собственности на землю в странах Древнего Востока опирается прежде всего или исключительно на древнеегипетские материалы. Однако в них содержатся данные об операциях с земельными владениями ее частных хозяев, включающие в том числе куплю-продажу,

завешание (причем отдельно от отца и от матери), дарение земли и т.п., сюда же относятся случаи купли земли царем у частных лиц. Имеются также упоминания о землях, принадлежавших семье владельца в течение ряда поколений и передававшихся по наследству. Характеристика же соответствующей системы отношений и прав владельцев на землю в качестве «ограниченной», «подчиненной», «условной» и другой частной земельной собственности выглядит скорее как теоретическое положение в рамках представлений о верховной собственности государства и фараона на все земли страны. Так что сама эта концепция может не представляться доказательной даже для древнего Египта.

Что же касается конкретных данных древнеегипетских источников об отчуждении и передаче земель, то они вполне аналогичны таким же документальным и правовым данным по другим странам Древнего Востока, сами же такие документальные свидетельства естественнее всего рассматривать как подразумевающие именно частную собственность на соответствующие земли.

Это подтверждается более конкретными сообщениями нарративного характера, если они имеются в распоряжении исследователя. К ним, в частности, относится и часто привлекаемый в исследованиях по Восточному Средиземноморью известный библейский эпизод, связанный с израильским царем Ахавом (869–850 гг. до н.э.). Согласно библейскому рассказу (1-я Книга Царей, XXI, 1–29), израильтянин Навуфей владел виноградником вблизи дворца Ахава, тот вознамерился приобрести этот виноградник, предлагая Навуфею заменить его на другой, лучший, или продать его за серебро, но Навуфей отказался отдать Ахаву виноградник, как наследственную землю своих отцов. Тогда по совету жены Ахава Иезавели Навуфей был обвинен в преступлении против царя и Бога, для чего были найдены два свидетеля-клятвопреступника. Навуфей был в результате казнен, и только после этого Ахав сумел завладеть наконец желанным виноградником. За это деяние, после обличения пророка Илии, Ахав приносил покаяние и носил власяницу; кара постигла и Иезавель. Таким образом, представляется очевидным, что виноградник Навуфея находился в его частной (и наследственной) собственности. Царь же не имел никаких законных прав на эту землю. И даже не мог купить или обменять ее без согласия законного хозяина. И лишь инсценировав государственное преступление Навуфея и уже после казни царь смог завладеть его землей. Соответствующие явления известны и для древнего Китая — имеются, в частности, в виду случаи конфискации частных земель государством лишь по уголовному осуждению бывшего владельца. Вместе с тем упомянутый библейский эпизод, как справедливо считают исследователи, отражает характер земельных отношений в Восточном Средиземноморье и других странах древней Передней Азии, для которых имеются документы об отчуждении и продаже земли.

Теория верховной собственности государства или его правителя на всю землю страны тесно связана с мнением о том, что поземельный налог,

выплачиваемый государству земледельцами, являлся формой их прямой эксплуатации, рентой, идущей на нужды господствующего класса. Но сам налог при этом рассматривается как форма эксплуатации именно потому, что земля признается государственной собственностью. При такой постановке вопроса оба теоретических постулата, каждый из которых призван обосновать другой, представляются не только бездоказательными, но и неверными по существу. Поземельный налог собирался и там, где широкое распространение частной (или общинно-частной) собственности неоспоримо подтверждается многочисленными дошедшими источниками — для ряда стран Передней Азии, Ирана, Китая и т.д. Показательно также, что налог платили именно собственники земли (в том числе обычно средние и крупные), в общине же — лишь полноправные общинники, а не рабы, «батраки» и т.п. (например, *кармакары* в древней Индии, *моздвары* в Иране и иные сельские бедняки, не являвшиеся земельными собственниками).

Само право на землю, земельная собственность были показателем полноправия, гражданского статуса. (В древности именно свободные люди привлекались к государственным общественным работам, которые нельзя считать формой зависимого труда.) Таким образом, поземельный налог взимался именно с граждан. И действительно, даже рядовые, но полноправные общинники входили в число лиц, интересы которых было призвано защищать государство. В ряде древневосточных стран они принадлежали к полноправным свободным сословиям. Факты показывают, что в древних обществах поземельный налог не может считаться показателем ни государственной собственности на землю, ни налоговой эксплуатации.

Мнению об особой роли на Древнем Востоке государственной собственности на землю способствует также смешение и отнесение к одной категории разных типов поземельных отношений. Для первого из них предполагается верховная собственность монарха на землю, на самом деле находящуюся в распоряжении общин и частных лиц, собственников или владельцев, самостоятельно ведущих на ней хозяйство. Что же касается второго типа, то он относится к землям царских и храмовых хозяйств в составе государственного экономического сектора. Но это совершенно отличный от первого тип хозяйства, в том числе и по своему генезису: особо следует также подчеркнуть, что земельная собственность при нем не отделена от хозяйствования на этой же земле (и поэтому, в частности, здесь не может идти речь о ренте-налоге, поскольку обязательное условие земельной ренты — отделение хозяйствования на земле от земельной собственности). Такой тип общественных отношений действительно существовал на Древнем Востоке. Он имел важное значение в Египте (с начала письменной истории страны) и в Южном Двуречье на ранних этапах его истории. Государственный экономический сектор с земледельческими хозяйствами играл большую роль и в ряде других стран (на севере Передней Азии, в Иране, Индии и Китае). Но имеющиеся факты позволяют относить общества с важным значением таких хозяйств к стадияльно ранней эпохе истории Древнего Востока: к концу древности и в средние

века они уже не были распространены или не играли заметной роли в экономике азиатских стран. Остается спорным, какой тип общественных отношений представляют собой эти хозяйства и занятые в них работники, которых иногда называют «древними подневольными лицами рабского типа», «рабами в широком смысле слова». При этом имеется в виду, что они были лишены собственности на средства производства в тех хозяйствах, где они эксплуатировались путем внеэкономического принуждения. Другие исследователи полагают, что юридический статус этих работников не соответствовал рабскому и что они не именовались собственно рабами. Вместе с тем, как полагают ряд ученых, они не могут быть отнесены ни к феодальному, ни к азиатскому способу производства.

Теория государственной собственности на землю и «налоговой эксплуатации» часто непосредственно связывается с положением о том, что господствующий класс в таких обществах отождествляется именно и только со служилыми слоями, чиновничеством и бюрократией. Выдвигалось также и положение о чиновничестве, или «служилых» людях, как особом классе с соответствующим способом получения доли в общественном богатстве. Говорят также о господствующем классе, организованном в государственный аппарат. При такой постановке вопроса социально-экономический аспект проблемы о типе государства и общества в странах Древнего Востока, по сути дела, снимается. (И государственно-административный аппарат, и практика налогообложения не принадлежат к сфере производственных отношений.) К тому же и чиновничество, и налоги существовали и в древности, и в средние века, и в новое, и в новейшее время. Поэтому сами по себе они к определению характера именно древневосточных обществ отношения иметь не могут. Видимость социально-экономического обоснования концепции о классе государственных чиновников придает лишь мнение о господстве в странах Древнего Востока государственной собственности на землю и о наличии «налоговой эксплуатации». Но, как мы видели, и эти постулаты опровергаются фактическими данными по целому ряду стран Древнего Востока.

Эти данные не соответствуют и выводу о том, что в странах Древнего Востока большинство непосредственных производителей-земледельцев относились к зависимому населению. Такой вывод основывается, в частности, на материалах из древнего Египта, которые толкуются таким образом, что там отсутствовало свободное земледельческое население, общинники. Однако не все египтологи придерживаются такого мнения. Вместе с тем, как указывалось выше, в Египте в силу историко-географических причин долго сохранялся и получил гипертрофированное развитие государственный хозяйственный сектор. Что касается многих других стран Древнего Востока, то имеющиеся данные говорят о существовании обширного слоя свободных земледельцев — собственников средств производства и орудий труда. Они являлись собственниками земли, а выплачиваемый ими налог, как уже говорилось, был не показателем их эксплуатации государством, а свидетельством их свободного гражданского ста-

туса (в ряде стран они составляли и основную массу народа-войска, нередко обладавшего также правами народного собрания).

Этот слой обычно составлял основную часть полноправного населения и вместе с тем, очевидно, большую часть непосредственных производителей. Представители этого слоя в основном сами участвовали в производстве, но вместе с тем они или их часть эксплуатировали рабов, наемников и иных зависимых работников (кроме того, являясь обычно членами общины, они принимали участие в эксплуатации зависимых от нее работников). Хотя источники не дают возможности определить, какая часть этих землевладельцев использовала в хозяйстве труд рабов, наемников и прочих работников, можно все же утверждать, что применение ими труда рабов и других подневольных было нормативным для большинства древневосточных обществ. Для некоторых стран имеются данные о большом количестве рабов, которыми владели представители этого слоя, к чему мы еще вернемся далее. Здесь же достаточно подчеркнуть, что представители этого слоя были действительными или потенциальными рабовладельцами и эксплуататорами. Материалы о них вполне сопоставимы также с данными по античному обществу о мелком свободном землевладении, основанном на личном труде хозяев, и применении в нем труда рабов и наемных работников.

Древневосточную сельскую общину иногда определяют как носителя институтов и традиций первобытно-общинного строя в классовом обществе. Но вернее видеть в ней естественный компонент этого общества со свойственными ему чертами, но не как организацию, эксплуатируемую государством в интересах господствующих слоев либо в интересах класса «служилых людей», а как коллектив граждан — земельных собственников, а также эксплуататоров. Внутри самой общины не было равноправия, она могла включать различные социальные и профессиональные группы, в том числе непосредственно эксплуатируемые полноправными общинниками. Но среди последних существовали и все более увеличивались различия. Помимо выделения верхушки общины росло имущественное неравенство между ее остальными членами. Это вело к разорению их части и утрате ими соответствующего социального статуса. Этот слой общинников на протяжении всей древней истории постепенно размывался. Впоследствии верхушка и более состоятельные общинники, например в Иране в эпоху раннего средневековья, становились мелкими и средними землевладельцами, а остальные ее члены вошли в состав феодально-эксплуатируемого крестьянства. Говоря о гражданской общине в целом (как сельской, так и городской), можно отметить, что, по мнению ряда ученых, при переходе от древнего общества к средневековому определяющим фактором являлось не только сокращение роли рабского труда, но и исчезновение древнего гражданского коллектива и статуса полноправного свободного гражданина, в связи с чем эксплуатация прежде свободного земледельца становится ведущей в производстве.

Что же касается работников государственного хозяйственного сектора, имевшего то или иное распространение в ряде стран Древнего Востока на

определенных этапах его развития, то в оценке их реального положения и теоретическом определении категории этих работников в целом, как указывалось выше, исследователи решительно расходятся друг с другом. Совершенно различной может быть и социальная характеристика обслуживающего управленческого аппарата, занятого в тех же государственных хозяйствах; в самих древних обществах они могли относиться к тем же категориям населения, что и сами производители, хотя, конечно, реальное положение писцов или иных «управленцев» должно было быть намного лучшим, чем у непосредственных производителей. И в целом служащие хозяйственно-административного аппарата играли весьма заметную роль там, где существовали и имели большое значение сами государственные (или государственно-храмовые и т.п.) хозяйства. Но, как уже подчеркивалось, масштабы распространения самого этого «государственного» хозяйственного уклада в рамках истории Древнего Востока в целом представляются сильно преувеличенными, особенно для эпохи поздней древности.

Правда, когда говорят о значении аппарата чиновничества и вообще «бюрократизма» в странах Древнего Востока, то обычно имеют в виду прежде всего не служащих госхозяйств (действительно игравших немаловажную роль в ряде стран Древнего Востока и на самом деле составлявших характерную отличительную черту их государственного и общественного строя), а иных чиновников, занятых в аппарате управления, налоговой инспекции, судопроизводстве, канцелярском деле, военной администрации и т.п. Однако в этом отношении страны Древнего Востока едва ли представляют собой что-то особенное, принципиально отличное от иных обществ, в том числе античного (особенно в эллинистический период и в позднеримскую имперскую эпоху), не говоря уже о других аналогиях, в том числе «современных».

В свете таких сравнений страны Древнего Востока не дают каких-либо уникальных примеров развития бюрократизма даже при бытующих в литературе мнениях о степени его распространения на Древнем Востоке. Между тем данные источников заставляют, очевидно, существенно изменить такие мнения по отношению, по крайней мере, к части стран Древнего Востока. Так, в индийских государствах эпохи поздней древности степень бюрократизации и централизации была намного меньше, чем обычно предполагается учеными на основе тенденциозного, сложившегося под влиянием традиционных взглядов о централизации и бюрократизации государственного аппарата в древней Индии толкования данных «Артхашастры» и ряда других древнеиндийских текстов.

«Бюрократизм», которому приписывается особая роль во многих странах Древнего и более позднего Востока, выступает как один из основных общественных факторов в модных в настоящее время теориях, в том числе азиатского способа производства и бюрократического «деспотизма» на Востоке. При этом «бюрократизм» часто считается определяющим для типа социальных отношений ряда традиционных обществ при их противопоставлении современным. Но в последних чиновничество тоже имеет очень

большое значение, а во многих государствах нового и новейшего времени играет огромную роль (к тому же увеличивающуюся с развитием «индустриальных» обществ; еще в начале нашего (двадцатого. — *Отв. ред.*) века О.Шпенглер считал рост бюрократии одним из характерных показателей заката современной европейской цивилизации, как до того и более ранних культур, в том числе восточных: египетской, китайской и др.).

Согласно теориям, придающим при характеристиках общественных отношений на Древнем и более позднем Востоке особое значение «бюрократизму» и «деспотизму» и считающим чиновничество особым классом с соответствующим способом получения им доли общественного богатства и распределения последнего, степень благосостояния и высота общественного положения отдельного индивида зависели целиком от успехов в продвижении по служебной лестнице и от милости властей предержащих или самого «деспота»³. На самом деле, имеющиеся данные источников о различных странах Древнего Востока рисуют совершенно иную картину. Как и во многих других известных истории обществах, на Древнем Востоке богатства частных лиц (а также членов состоятельных семей, родов или общин) определялись, как мы уже видели, владением земель и другими материальными ценностями, эксплуатацией рабов, наемников и иных групп работников, обладанием денежными капиталами, торгово-ремесленной деятельностью и т.п. Такие лица обычно обладали также достаточно высоким общественным и «гражданским» статусом, могли принимать участие в общинном и городском самоуправлении и т.п.

В теориях, отводящих исключительную роль деспотизму и чиновничеству как особому классу, вышеуказанным слоям и социальным группам, по существу, вообще не находится места (или они могут рассматриваться лишь как часть населения, эксплуатируемого в пользу бюрократии). Между тем о них хорошо известно, например для многих стран Передней Азии по данным клинописных и иных источников (в том числе библейских).

Не менее интересны в этом отношении индо-иранские данные. Они особо показательны и потому, что сравнительные индийские и иранские материалы и степень их изученности в науке позволяют реконструировать соответствующие социальные процессы начиная с периода, намного предшествующего возникновению государств у этих народов, с индо-иранской («арийской») или даже индоевропейской эпохи. Вместе с тем такие индо-иранские данные помогают характеризовать рассматриваемые явления на обширных территориях древневосточного ареала — большей части Индостана, Средней Азии, Иранского нагорья, Передней Азии. Сопоставимые индо-иранские данные позволяют достаточно надежно определить пути сложения и средства существования арийской военной знати, а также жречества. Помимо военной добычи и тому подобных источников богатства аристократия владела землями, скотом и людьми (рабами), эксплуатировала иные группы зависимых работников.

³ См.: Феномен восточного деспотизма. М., 1993.

Кроме военной знати (в Индии — *кшатрии*) и жречества (в Индии — *брахманы*) третье по значимости сословие арийских общин — индийские *вайшьи*, иранские *вастриошан* (букв. «скотоводы», позже — «земледельцы») также долго сохраняли свой гражданский статус и положение свободных общинников и «хозяев». К ним относится все то, что выше уже говорилось об иранских «земледельцах» — общинниках, сохранявших это свое положение на протяжении всей эпохи древности. Что же касается древней аристократии, то в историческую эпоху долго сохранялись представления о ее происхождении и высокой родovitости (как и материальная база для ее положения и господства в обществе) — и как следствие — о ее привилегиях и обязанностях. Долгом ее представителей, как подчеркивается в источниках, было «сражаться» и «управлять»; они возглавляли войска во время войны и правили областями и провинциями в мирное время. Их призвание быть наместниками, правителями и военачальниками, таким образом, непосредственно связывалось с их происхождением, и реальная жизненная практика в основном не расходилась с этим принципом. Итак, высота общественного положения государственных служащих в целом вовсе не определялась получаемыми ими административными должностями, а напротив, они занимали свои посты в силу своей сословной принадлежности. Что же касается материального достатка, то он мог, конечно, возрастать в результате занятия высоких государственных должностей, но представители упомянутых высших сословий арийского общества (военной аристократии, а также жречества), независимо от исполнения государственной службы, обладали различными источниками богатства, как унаследованными, так и благоприобретенными. Таким образом, система рассмотренных отношений во многих государствах Древнего Востока была построена на совершенно иных принципах по сравнению с теми, которые приписывают древневосточным обществам теории «бюрократизма» и «деспотизма».

Помимо мнений об обусловленности деспотизма государственной собственностью на землю и другими упоминавшимися выше социально-экономическими факторами, в качестве политической формы сама «деспотия», и именно древневосточная, обычно определяется как форма государства, где «вся полнота власти, не ограниченной законом, принадлежит одному властителю... и отличается полным произволом власти и бесправием населения» (по дефиниции «Советской исторической энциклопедии»⁴). Еще более лаконичным и малополезным является определение «деспотизма» в недавно опубликованном Энциклопедическом словаре «Политология»: «абсолютная и незаконная власть, произвол, самоуправство...»⁵. Но если иметь в виду сам принцип единодержавия, когда глава государства считался единственным источником законодательной и исполнительной власти, то он был характерен и для многих стран «Запада».

⁴ СИЭ. Т. V. М., 1965, с. 31 и сл.

⁵ Политология. М., 1993, с. 93.

Степень деспотизма при этом едва ли показательна и вряд ли может быть объективно установлена, но в «западных» государствах она была, очевидно, не меньшей, чем в ряде монархий Древнего Востока. Здесь можно сослаться на европейские монархии различных эпох — от времени римских императоров (многие из которых «прославились» крайней жестокостью и отъявленным произволом, а некоторые даже обожествлялись) до нового времени эпохи абсолютных монархов Людовика XIV и Людовика XV и даже одного из «учредителей» буржуазного права — Наполеона Бонапарта (напомним вопиющий факт нарушения самых различных норм внутреннего и международного государственного права — его расправу с герцогом Энгиенским, который был захвачен французскими войсками на территории соседнего независимого государства, доставлен во Францию, скоропалительно осужден и расстрелян).

Но не менее важно обратить внимание на то, насколько голословным и не соответствующим реальным свидетельствам источников является расхожее мнение о характерном для политики древневосточных монархов не ограниченном законом произволе в отношении собственного населения. Имеющиеся данные источников позволяют, например, совершенно иначе характеризовать систему соответствующих отношений в таком важном для понимания социально-политических процессов на Древнем Востоке ареале, как Двуречье. Эти вопросы специально рассматривались в работах известных исследователей древнего Ближнего Востока М.А.Дандамаева «Государство, религия и экономика в древней Передней Азии» и В.А.Якобсона «Цари и города древней Месопотамии»⁶. Мы позволим себе остановиться на некоторых выводах этих работ.

Уже с самого начала исторической эпохи в Двуречье получают большое влияние городские общины, во многом ограничившие власть царей (с этим связывается и то обстоятельство, что в Месопотамии, в отличие от древнего Египта, обожествление царя является крайне редким явлением). Так, власть правителя г. Ашшур была сильно ограничена общинными органами самоуправления, он был главным жрецом города и кем-то вроде председателя народного собрания или совета старейшин. Во многом сходными были отношения между царями и городскими общинами в раннем Шумере, а легендарный герой Гильгамеш был назначен царем на собрании воинов своего города.

Различные правители Двуречья декларируют в своих надписях защиту слабых против сильных и издают специальные «Указы о справедливости». Представления о царе как магистрате и о царской власти как об общественном служении совершенно четко проступают сквозь пышные титулатуры в царских *res gestae* на протяжении всей истории Месопотамии и, видимо, также и всего древнего Ближнего Востока (за исключением древнего Египта). Заключение же о деспотическом характере царской

⁶ См. статьи М.А.Дандамаева и В.А.Якобсона в: Государство и социальные структуры на Древнем Востоке. М., 1989, с. 4–16, 17–37.

власти в Месопотамии и вообще на Древнем Востоке, как и сам термин «восточная деспотия», видимо, «не имеют под собой фактического обоснования и бессодержательны»⁷.

В Старовавилонский период в городах снова приобрели большое значение органы городского общинного самоуправления, совет старейшин во главе с градоначальником. Важную роль в городском самоуправлении играла купеческая организация — *карум*. Возникает своеобразный политический компромисс царей и городских общин. Города получают привилегии, но не претендуют более на политическую самостоятельность. Цари, не соблюдавшие этого компромисса с городами, кончали низложением или насильственной смертью. Так был низложен, объявлен безумным и убит ассирийский царь Тукульти-Нинурта I, а его столица была заброшена. Городские общины Месопотамии упорно боролись за свои традиционные права, отстаивали и декларировали свои привилегии, права и свободы своих граждан. Это нашло отражение и в дошедших до нас источниках. В тексте о переговорах Ашшурбанапала с гражданами Вавилона (перед его восстанием в середине VII в. до н.э.) последние утверждают: «Вавилон — средоточие вселенной. Привилегии того, кто входит в него, незыблемы... даже собака, вошедшая в него, не может быть убита»⁸.

Борьба за традиционные привилегии активно велась и в области общественного мнения, которое также могло приобретать значение реальной политической силы. В одном из дошедших до нас вавилонских текстов VIII в. до н.э. — «Зерцале правителя» перечислены прегрешения «дурного царя»: покушения на вольности городов, возложение на их жителей податей и повинностей, воинской службы и пр., неправосудные приговоры, отнятие имущества и т.п. Согласно этому тексту, такого правителя ждет кара богов, «если царь не блюдет правосудия...»⁹.

Аналогичную роль в Иудее и Израиле играли речения пророков, противостоявших стремлениям к самовластию царей, нарушению ими обычаев, законов, традиционных норм жизни. Один из многих примеров такого рода относится к уже упоминавшемуся нами эпизоду с израильским царем Ахавом, захватившим несправедливым путем виноградник Навуфея. Вмешательство пророка Илии и обличение им беззакония Ахав заставили последнего принести покаяние и облачиться во власяницу. И в данном случае идеологический фактор оказал реальное воздействие.

Следует отметить также, что исходя из самих государственно-юридических форм неограниченные монархии не преобладали полностью на Древнем Востоке. Так, по различным данным о древнем Индостане, а также по дошедшим свидетельствам, относящимся к Восточному Средиземноморью, там существовали и республики (причем известны примеры

⁷ *Якобсон В.А.* Цари и города древней Месопотамии. — Государство и социальные структуры на Древнем Востоке, с. 26–27.

⁸ *Дандамаев М.А.* Государство, религия и экономика в древней Передней Азии. — Государство и социальные структуры на Древнем Востоке, с. 5.

⁹ *Якобсон В.А.* Цари и города древней Месопотамии, с. 33.

перехода к ним от монархии и в поздние периоды древности). Сыгравшие значительную роль в истории и культуре древней Индии немонархические образования (из одного из которых происходит Будда) представляли, очевидно, большей частью олигархические объединения с ведущей ролью знатных кшатрийских родов. Такие образования иногда выступали как отдельные независимые государства, в других случаях представляли собой автономные единицы внутри более крупных древнеиндийских объединений — «империй». В состав многих древневосточных царств (в частности, месопотамских, как уже говорилось) входили автономные городские общины.

Для ряда древневосточных монархий выявлены институты, ограничивавшие власть царя: советы знати, жречества, сановников, народное собрание или учреждения, унаследовавшие некоторые его функции (например, собрание народа-войска); следует упомянуть также об обычаях избрания или утверждения царя и — в теории и отдельных конкретных примерах — «конституционного» низложения плохого правителя.

Такие случаи известны для Ирана в сасанидскую эпоху. Вместе с тем роль народного собрания (или выполняющего его функции народа-войска) как избирательного органа засвидетельствована уже для эпохи возникновения Персидского и Мидийского царств. В отношении же Ирана парфянской эпохи дошедшие античные данные свидетельствуют о существовании двух государственных советов — каждый из представителей разных социальных групп: жрецов-магов и уже упоминавшегося аристократического сословия, члены которого были призваны быть военачальниками на войне и управителями в мирное время. В прерогативы этих советов входило и избрание царя. Для последующей же сасанидской эпохи известно, что в утверждении нового царя принимали участие представители или члены основных свободных сословий.

Перечисленные явления (автономные немонархические объединения, города и пр.), как и вопрос о социальном составе упоминавшихся учреждений (народного собрания, советов знати и др.), заслуживают дальнейшего исследования, но уже сейчас можно утверждать, что такие институты и обычаи должны рассматриваться во взаимосвязи и что необоснованной является их оценка лишь в качестве пережитков первобытно-общинного строя. Напротив, их конкретная история и развитие в ряде стран, очевидно, показывают, что они отвечали характеру общественных структур соответствующих государств Древнего Востока. В этом отношении показательны достаточно хорошо известные факты истории городов Месопотамии, Передней Азии и Западного Ирана.

После падения Ассирийского и Вавилонского царств они входили в состав империи Ахеменидов, затем Александра Македонского и последующих эллинистических монархов, а затем и в Римскую империю. Однако общий статус и внутренняя структура этих гражданско-общинных коллективов практически сохранялись во многом без изменений, а в эллинистических государствах они мало отличались от античных полисов.

Утрата ими их прав и исчезновение народного собрания происходили в первых веках нашей эры, в том числе в Месопотамии, Сирии, а также на западе Ирана (где конец автономии древних Суз был положен при Шапуре II в IV в. до н.э.). Таким образом, история упомянутых городов и их гражданских общин восходит к началу исторической эпохи (с появлением соответствующих письменных источников) и завершается с концом древности, т.е. охватывает всю эпоху древневосточной истории и завершается вместе с ней. То же можно сказать о немонархических объединениях (республиках) древней Индии; они также появляются на заре ее истории и прекращают свое существование в конце древности — раннем средневековье. Как известно, в ту же позднеантичную эпоху на Западе полисы также утратили свою политическую и экономическую автономию. Здесь мы снова сталкиваемся с перекличкой в исторических судьбах античного мира и Древнего Востока. Но в данном случае существенно отметить иное: самоуправляющиеся гражданские общины, города и республики были тесно связаны с социальными устоями древних обществ, и сказанное, таким образом, еще раз подтверждает наличие таких общих закономерностей и единой поступательной тенденции в развитии государственного и политического строя стран Древнего Востока (а также их отличие от средневековья). Причем и это наблюдение касается фактов, которые противоречат выводам о деспотическом характере древневосточных государств (ибо вполне оправданно мнение о том, что древние города в отличие от городов средних веков являлись не опорой царской власти, а скорее противостояли ей).

Можно также говорить об ослаблении черт, которые трактуются как «деспотические», на поздних этапах истории отдельных стран Древнего Востока (например, в Иране, где подобные черты характерны для мидийско-персидского периода в гораздо большей мере, чем для парфяно-сасанидской эпохи). Обычно положение об общей тенденции к развитию деспотических форм правления, подразумеваемое в теориях о деспотизме на Востоке и его эволюции на всем протяжении восточной истории, на позднем этапе восточной древности представляется совершенно неоправданным. Зато уже в ранний период возникали государства с особенностями, которые могут быть охарактеризованы как «деспотические», в том числе в древнем Египте и Шумере III тысячелетия до н.э. К этому времени относится и правление царя Ура Шульги — единственного шумерского правителя, который был обожествлен (как и египетские фараоны). На его же царствование падает, пожалуй, максимальное развитие государственно-храмового хозяйства Ура, роли и числа чиновников и т.п. Все это как будто было характерно и для древнего Египта с его гипертрофированным развитием государственного экономического сектора. Именно с последним можно, конечно, связывать собственно деспотические черты политического строя этих стран (если вообще правомерно говорить о «деспотизме» как одной из политических форм, существовавших на Древнем Востоке).

Однако, как уже говорилось выше, на протяжении истории стран Древнего Востока в целом политическая гегемония большей частью принадлежала не обществам аллювиальных долин (Элама, Шумера, Египта и т.д.), а иным районам земледельческо-скотоводческого ареала Востока, где ко времени поздней древности наблюдается большой хозяйственный, социальный и политический прогресс. А созданные здесь в то время обширные государства включали и страны упомянутых аллювиальных долин. Между тем древневосточные мировые империи эпохи поздней древности не имели своей экономической основой государственное хозяйство, как и великие восточные государства кануна нового времени, ставшие в тот период хорошо известными европейским путешественникам и ученым. Поэтому, в частности, было бы неправомерным усматривать единую генетически связанную и преемственную линию развития «деспотических» общественных форм, начиная от древнего Египта и Шумера до Османской, Сефевидской, Могольской и Цинской империй. Общественно-экономические и политические условия в этих возникших в позднем средневековье державах были кардинально отличны от господствовавших в упомянутых древневосточных странах. Вместе с тем знакомство европейцев с современными им великими азиатскими монархиями и возникшие представления о господствовавших в них порядках как «деспотических» сыграли огромную роль в аналогичных характеристиках европейскими учеными древневосточных государств.

При аргументации положений о свойственных Востоку, в отличие от Запада, деспотических порядках и нормах жизни часто прибегают также к сопоставлению обычаев и условий жизни в Ахеменидской державе и во вступивших с ней в борьбу городах-государствах Греции.

Однако само сопоставление привлекаемых при этом объектов сравнения с «западной» и «восточной» стороны не представляется корректным. Для истории Ирана, в частности послеахеменидской эпохи, едва ли можно говорить о характерных «деспотических» особенностях. «Западным» объектом упомянутого сравнения предстают греческие государства эпохи расцвета эллинской демократии. И если бы предметом подобного сопоставления Древнего Востока с античным миром с западной стороны выступала бы, например, Римская империя времен Тиберия, Калигулы, Нерона или некоторых Северов, то результаты подобного противопоставления Востока Западу могли бы быть совершенно иными.

Что же касается Ирана, то для него представляется возможным говорить не только об ослаблении «деспотических» черт в послеахеменидскую эпоху, применение термина «деспотизм» вызывает сомнение и по отношению к самой ахеменидской эпохе хотя бы потому, что и для той эпохи в источниках также отражены случаи проявления демократических и республиканско-олигархических тенденций в политической теории и практике. Не менее показательны известные факты о поддержании законности ахеменидскими царями, их декларации о верности божественному и земному «закону» (*дата*) и распространении общих норм судопроизводства и

упомянутого закона на обширных территориях Ахеменидской империи. В этой сфере, направленной на упрочение и последовательное применение норм права, закона и единого судопроизводства, Ахемениды имели многих предшественников — более древних царей Востока: Месопотамии и других стран. (Позже по следам иранского права следовало римское право, так что ахеменидская эпоха сыграла большую роль в распространении единых правовых норм на обширных территориях Ближнего Востока.)

Как мы уже видели, под «деспотизмом» в обыденном смысле обычно понимают произвол, связанный с нарушением закона (ср. оба приведенных выше «энциклопедических» определения «деспотизма» как нарушения «закона», «беззаконной власти», «произвола» и т.п.). Сам по себе этот тезис вполне резонен: так, жестокость, совершенная по закону (например, отсечение руки за преступление, согласно существующим нормам судопроизводства), не может считаться проявлением ни «произвола», ни «деспотизма».

Но если связывать «деспотизм» с нарушением законов, то это дает еще один веский аргумент против определения древневосточных государств как деспотических, ибо само возникновение и развитие писаного права и закона тесно связано именно с историей государств Древнего Востока (и затем вслед за ними античного мира, особенно в римскую эпоху). Так что и само происхождение правового общества и государства, как бы это ни казалось на первый взгляд парадоксальным, позволительно связывать именно с обществами и государствами Древнего Востока.

Дошедшие тексты, включая царские и иные официальные своды законов (или их фрагменты, например в древнекитайских нарративных сочинениях), судебники (например, сасанидские), другие правовые сочинения (как брахманские «законы» в древней Индии), свидетельствуют о длительном и сложном процессе становления права и законности в странах Древнего Востока и, в частности, о разных путях развития правовых систем в Месопотамии (или вообще в «клинописном» ареале) и в Индии (с ее многочисленными дошедшими памятниками «брахманского» права).

Дошедшие в значительном числе дхармашастры и дхармасутры, являвшиеся памятниками религиозного права, сосуществовали со светским правом, о котором свидетельствуют другие сохранившиеся сведения, в том числе из тех же источников и особенно — «Артхашастры». Сами брахманские правовые своды по своему содержанию представляют собой скорее собрание предписаний правил поведения и рекомендуемого образа жизни. Сходные по характеру предписания входят в некоторые дошедшие до нас фрагменты иранских зороастрийских сочинений, древнекитайские канонические произведения (сводь фиксированных правил поведения *ли* — «Лицзи», «Или», «Чжоули»). Лучше других известные и наиболее подробные из таких сводов — древнеиндийские — отражают многообразие практики реальных отношений в древней Индии на весьма раннем этапе ее исторического развития и вместе с тем свидетельствуют о ряде общих представлений формирующегося права в древней Индии и не-

которых других странах Востока (законы Ур-Намму в Шумере, Ветхий Завет и др.) и Европы (франкские «Правды»), о развитии древнеиндийских правовых традиций — от обычного права к более развитым религиозным «законам», светскому праву и государственному судопроизводству, практиковавшимся в древнеиндийских царствах, как и в государствах древнего Ирана и Китая (сосуществуя и там с упоминавшимися выше «предписаниями» норм поведения). Вместе с тем древнекитайские материалы позволяют говорить об отсутствии резкой грани между положениями религиозного и светского права и суда.

Клинописные материалы из стран Передней Азии позволяют характеризовать иные аспекты начальных периодов развития права, закона и законности, становления писаного права и применения таких письменно фиксируемых законодательных норм в юридической практике властями и официальными судьями. Имеющиеся данные относятся к весьма раннему этапу этих процессов, которые В.А.Якобсон называет «дотеоретическими», справедливо подчеркивая значение этого этапа в истории права и закона, позже систематически разрабатывавшихся античными учеными и римскими юристами.

Вместе с тем в развитии и распространении общих правовых и законодательных норм на обширных территориях важную роль сыграли крупные восточные государства эпохи поздней древности, и прежде всего держава Ахеменидов, в которой на территории покоренных стран наряду с местной юридической практикой широко применялись иранские по происхождению нормы. Это имело место в ту эпоху в Египте, Палестине и иных областях Средиземноморья, Месопотамии и т.д. Одновременно различными восточными языками, распространенными на территории ахеменидской державы, были заимствованы иранские юридические термины, например название самого «закона» (*дана*) и «судьи» (*данабар*). Широкое применение таких иранских по происхождению правовых традиций и норм в известной степени оправдывает мнение о том, что распространению унифицированного римского законодательства в ряде стран предшествовала унификация иранских правовых традиций. Из материалов, свидетельствующих о синтезе древних месопотамских и иранских институтов в Двуречье ахеменидской эпохи, ясно видна большая роль, которая придавалась в то время законности и судопроизводству.

Кстати, вопреки представлениям некоторых ученых о характере деспотических порядков в державах Востока вплоть до нового времени следует подчеркнуть, что имеющиеся материалы наглядно свидетельствуют о разделении властей: административной, судебной и тем более религиозной в Ахеменидской империи, о практике разделения властей в древневосточных государствах Восточного Средиземноморья.

Как уже говорилось, распространение единых правовых норм на обширных территориях было связано с крупными древневосточными государствами, а стремление к поддержанию законности было свойственно для таких монархий (во всяком случае, в период их подъема и расцвета). При

этом не следует полагать, что существование их было обычно недолгим, а падение старых и возникновение новых государств было постоянным и закономерным явлением в истории Древнего Востока, к чему мы еще обратимся далее.

От многих древневосточных правителей дошли памятники, декларирующие верность законности, защиту справедливости и существующего закона. Подобные декларации ни в коем случае не следует рассматривать как пустой звук или популистскую демагогию. Сама царская власть была заинтересована в поддержании закона (а в крупных державах стремилась к их единообразию на подвластных территориях). Об этом достаточно определенно свидетельствуют различные данные из истории древневосточных государств от Передней Азии до Дальнего Востока. Монарх в подобных случаях выступает отнюдь не как деспот и нарушитель закона, а, напротив, как гарант общественной справедливости и традиционной законности, что многократно провозглашается в источниках, общественная же практика и деяния монарха не должны были существенно уклоняться от этого образца. С другой стороны, были выработаны достаточно действенные обычаи и институты, призванные противостоять случаям царского самоуправства и нарушения законов, как показывают приводимые выше месопотамские и библейские примеры. Вместе с тем, как уже говорилось, значительную роль сыграло распространение единых или сходных законодательных и религиозно-правовых норм на обширных территориях, что было связано с созданием крупных государств в различных ареалах Древнего Востока.

В своем политическом развитии различные страны Древнего Востока прошли в целом общий путь от небольших племенных образований и «номовых» городов-государств к централизованным или «территориальным» царствам и затем — к «империям». Образование каждого крупного царства могло иметь свои причины, но в целом эти процессы упрочения и территориального роста ряда государств были обусловлены общими закономерными факторами. Имеющиеся данные противоречат характеристике больших древневосточных государств как военно-административных держав, лишенных общей экономической базы и поддерживавшихся лишь одной силой оружия, а также распространенному положению о недолговечности, непрочности и эфемерности таких государств. Напомним, например, о Ханьской империи, насчитывавшей около полутысячи лет своей истории, об Иране в парфяно-сасанидский период, просуществовавшем в одних и тех же границах около восьми веков (что имело свои большие положительные последствия, к чему мы вернемся ниже). Безусловно, имелись государственно-политические, социально-экономические и этнокультурные причины, определявшие возникновение и последующее длительное существование древневосточных империй. В ту эпоху получили также дальнейшее развитие институты политического строя, права и судопроизводства, налоговой системы и т.п. Вместе с тем в этих восточных державах, как и в «западных» монархиях поздней древности, в основном

еще господствовали социальные нормы, присущие древним обществам (включая широкое развитие рабовладения), а их государственный строй и общее содержание политической истории во многом отличны от характерных для средневековых государств (ни одно из которых, кстати, не просуществовало так долго, как великие древневосточные империи). Эти различия между древностью и средневековьем на Востоке, как и на Западе, проявлялись и в разных формах социально-политической организации. Так, например, как уже говорилось, автономные республиканские объединения и самоуправляющиеся города еще сохранялись в централизованных царствах и империях Древнего Востока, а затем исчезли на протяжении поздней древности — начала средневековья. На Западе полисы тоже утратили политическую и экономическую автономию в позднеантичную эпоху. Между тем самоуправляющиеся гражданские общины, города и республики были тесно связаны с социальными устоями древних обществ.

Все это подтверждает существование общих закономерностей и единого поступательного хода в развитии государства и политического строя различных стран Древнего Востока (как и характерных отличий в государственных и социально-политических институтах восточной древности и средневековья). Общим тенденциям в таком развитии различных древневосточных государств соответствовали аналогичные направления эволюции иных политических черт, административных и правовых форм, общественно значимых особенностей культуры и религии.

Религии Древнего Востока прошли общий путь развития от племенных и местных культов к «национальным» религиям, общегосударственным культам и религиозно-философским учениям больших древневосточных государств и «империй», к возникавшим и распространившимся в поздней древности — начале средневековья мировым религиям с их ярко выраженным интернациональным характером. Возникновение мировых религий отражало общие историко-культурные перемены и было тесно связано с социальными процессами и идеологической борьбой той эпохи. Распространившиеся тогда религиозно-этические учения и социальные лозунги во многом резко отличались от старых местных культов и санкционируемых ими общественных форм. В мировых религиях или их сектах нашли отражение и новые идеи социальной справедливости, равенства и свободы (как и новое отношение к рабам, проявившееся также в государственных актах, в философских и экономических сочинениях разных стран от Рима до Китая). Вместе с тем мировые религии и претендующие на их роль учения (например, манихейство) распространились по обширным территориям в разных странах, от западных областей Римской империи до Индии, Центральной Азии и Китая. Это снова подчеркивает единство историко-культурных процессов, протекавших в этом ареале первых цивилизаций в поздней древности и раннем средневековье.

В итоге в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке и в ряде других районов Азии оказались распространенными лишь две религии — христианство и ислам. Несмотря на те или иные догматические различия,

прямую идеологическую конфронтацию между ними, обе эти монотеистические религии и по своей социально-политической роли, и по ряду характерных особенностей самих теологических положений, а также организации культа стояли гораздо ближе друг к другу, чем к иным, в том числе предшествовавшим им «языческим», религиям (что, между прочим, хорошо осознавалось мусульманскими и христианскими богословами). Христианство и ислам сходны также и по своим многосторонним связям с другими сферами современной им идеологии и культуры в ее многообразных проявлениях. Сама же культура христианских и мусульманских стран достаточно наглядно демонстрирует тот «разрыв» в идеологическом и культурном континуитете между восточной (а также западной) древностью и средневековьем, который ставят под сомнение (или отрицают) противники принципиальных различий между древними и средневековыми обществами. И остается лишь подчеркнуть, что распространение ислама не было обусловлено только его собственными чертами, арабскими завоеваниями и иными фактами истории самого ислама. Он сменил многобожие и местные культы арабских племен, воспринял многое из христианства, иудаизма, манихейства и зороастризма и был затем принят на обширных территориях, откуда к тому времени уже были в основном вытеснены древние политеистические и языческие религии и учения.

Широкое распространение ислама, таким образом, могло иметь место лишь в результате и после изживания древних религий и ранее многочисленных местных культов. Сами же эти процессы проходили в прямой связи с соответствующим развитием государственности на Древнем Востоке и тем самым отвечали общему содержанию социального, политического и культурно-идеологического развития на протяжении истории Древнего Востока и античного мира.

При таком подходе сама эпоха древневосточной истории представляется вполне цельным периодом со своими закономерностями развития, завершившегося ко времени средневековья, которое в странах древних цивилизаций начиналось уже на достигнутой в древности основе. Это в полной мере относится и к религиям: все основные из них, исповедовавшиеся в различных странах с раннего средневековья до настоящего времени, унаследованы от государств Древнего Востока.

Помимо христианства и ислама это, естественно, целиком относится и к буддизму, сменившему предшествовавшие ему более примитивные верования в ряде стран Центральной и Восточной Азии. Большую роль в его распространении сыграли также историко-культурные контакты в период Кушанской империи между областями Индостана, Иранского плато, Средней Азии и Китая. В самой древнекитайской империи роль государственной религии на рубеже нашей эры приобрело конфуцианство, получившее затем широкое распространение во многих странах Восточной Азии. Роль единой мировой религии на их территориях конфуцианство разделило с даосизмом (а позже — буддизмом).

Следует остановиться также на роли зороастризма, утратившего свои позиции в средние века на территории Иранского нагорья и соседних стран, где он был широко распространен в древности, оказав значительное влияние на другие религии — от буддизма до иудаизма и ислама, а также на христианство (которое восприняло многие идеи и из других предшествовавших великих религий Востока). Зороастрийское учение оказало также существенное влияние на положения античных философов, гностицизм, манихейство. Зороастризм, являвшийся первой религией откровения, сыграл важную роль в эволюции древних религий на их пути от более ранних языческих представлений и культов. Зороастризм придавал особое значение (в том числе как средства индивидуального спасения) не ритуалам, жертвоприношениям и молитвам, а поступкам человека, его делам, словам и помыслам. Истинно верующему соответственно предписывалась «добрая мысль», «доброе слово», «доброе дело» (причем особо поощрялась производственная деятельность как умножающая силы благого начала).

В этическом учении зороастризма мировой процесс рассматривался как конфликт добра и зла, в котором конечную победу одержит доброе начало, в том числе благодаря коллективным усилиям верующих. Причем каждый человек свободен выбрать между добром и злом. А концепция свободного индивидуального выбора между добром и злом была воспринята позже многими древними религиями, в том числе христианством (сама эта идея иногда приписывается именно христианству, между тем она выражена уже в древнейших частях Авесты, принадлежащих пророку Заратуштре). Ранний зороастризм, или маздеизм (по имени верховного бога Ахура-Мазды), развивался в период становления первых государственных образований у иранских народов и выступал как их идеологическое обоснование, противостоящее языческим культам, связанным со старым жречеством и родовой знатью.

Нравственные идеи, присущие упоминавшимся великим и мировым религиям и религиозно-философским учениям, играли большую позитивную роль в истории человечества. Это касается как самих восточных государств с эпохи поздней древности, так и более поздних обществ, в том числе тех европейских, которые вступили на путь «современного», или «индустриального», развития.

За последние годы у нас уже много писали о тесной взаимосвязи между имеющей глубокие религиозные корни нравственностью и социальным развитием общества, о том, что на тех же основаниях зиждутся такие достижения «индустриального» Запада, как политические свободы, разработанные социальные законы, права человека, свобода совести, само экономическое благоденствие и т.д.

Напомним также, что еще М.Вебер обосновывал положение о том, что становление капиталистического общества обусловлено появлением в западноевропейских христианских сектах норм «хозяйственной этики», «капиталистического духа», который, возникнув из религиозного источника, в XV–XVII вв. нашел свое практическое применение среди протестантов.

Можно было бы продолжить перечисление тесных и разносторонних связей между великими мировыми религиями и общественно-политическим развитием различных стран и народов. Но здесь важнее подчеркнуть, что соответствующие религиозно-нравственные положения, возникнув, как уже говорилось, на Древнем Востоке, по своему характеру и внутреннему содержанию никоим образом не отвечают проявлению деспотизма и его духа (это относится, например, и к упомянутым положениям о свободе выбора индивида в христианстве и зороастризме, к ряду других догм христианства, буддизма и др.). С тезисом о господстве деспотизма не согласуется и вся история великих мировых религий, становление которых тесно связано с историей стран Древнего Востока до эпохи ее завершения.

К концу эпохи древности относятся и различные данные об идеологии народных масс и социальном протесте. Как уже говорилось, для ранних этапов истории некоторых древневосточных государств выявлены правовые нормы и идеология «социальной справедливости» (подразумевающие права народа). Традиции эти в сущности никогда не прерывались (как, например, показывают данные о библейских пророках, открыто обличавших несправедливые действия властей). В поздней древности подобные явления получили более яркое проявление и в новой религии, и в философских течениях (во многом резко отличных от старых местных культов с санкционируемыми ими общественными нормами). Важным источником социальных идей были также положения ряда античных мыслителей. Все это, включая новые идеи социальной справедливости, равенства и свободы, нашло выражение в мировых религиях и особенно их сектах и близких им религиозно-этических учениях.

Некоторые из них (как, например, маздакизм в Иране) стали знаменем крупных народных движений поздней древности — раннего средневековья, а также повлияли на более поздние средневековые ереси и вдохновляемые ими народные движения. Вместе с тем эти распространившиеся в поздней древности (как на Западе, так и на Востоке) идеи социальной справедливости (по терминологии западных исследователей — «социализма» и «коммунизма») оказали влияние на формирование социалистических идей в Европе нового времени.

Не может не вызывать возражения и последовательное противопоставление типа и «норм» поведения личности в «традиционном» и в «современном» обществе. С одной стороны, приписываемые первому свойства личности — такие, как коллективная ориентация, чувство зависимости, подчинение авторитету, принципу иерархизма, следование «предписанным нормам», «неразвитость» самой личности, отсутствие стремления к нововведениям, — отнюдь не чужды и современным индустриальным обществам (партии, профсоюзы, иные корпорации, налагающие на своих членов определенные, часто весьма жесткие ограничения, «несвобода» предпринимателей и рабочих, зависимость от хозяев и иных вышестоящих, вообще от властей; широкое преобладание однотипного мышления, современная поп-культура и т.п.). С другой стороны, здесь еще важнее подчеркнуть, что

многие якобы характерные лишь для «индустриального» общества личностные качества были свойственны людям гораздо ранее, как на Западе, так и на Востоке. Если говорить о хозяйственно-технологической сфере, то «стремление и способность к совершенствованию», «нововведениям» и «новаторство» ярко проявились в уже упоминавшемся потоке изобретений и новшеств с глубокой древности и на всем протяжении истории Древнего Востока.

Многие из этих достижений совершались постепенно, но и они требовали отказа от «предписывающей нормы»; другие уже по своему характеру должны быть целенаправленными и очевидно индивидуальными изобретениями. Авторы их мы обычно не знаем (или известны легендарные лица, которым приписываются такие изобретения, как гончарный круг, якорь, железное оружие, техника разведения тутового шелкопряда и т.п.). То же в основном относится и к древним ученым, которым принадлежат достижения в науках, важных для развития сельского хозяйства, строительства, культуры, астрономии, геометрии и пр. Впрочем, некоторые из них известны и по именам, как, например, древнекитайские ученые — изобретатель бумаги Цай Лунь, создатель сейсмографа Чжан Хэн, вавилонские астрономы Набуриманну и Кидинну (о которых сообщают античные авторы, знакомые с их трудами, переводившимися на греческий язык), древнеиндийский астроном и математик Арьябхатта и др., а затем уже многочисленные ученые средневекового Востока — математики, астрономы, оптики, медики и др.

Одним из важнейших изобретений человечества, плодами которых оно продолжает пользоваться и теперь, как уже говорилось, является письменность, развивавшаяся постепенно на заре истории древнейших восточных цивилизаций, когда в ходе ряда усовершенствований были созданы иероглифика и клинопись, но некоторые более поздние виды письма были именно «изобретены», являясь результатом творчества одного или нескольких лиц, то же относится к введению алфавита для ряда языков (а само появление алфавитного письма было еще одним открытием кардинального значения). Изобретатели некоторых алфавитов также легендарны или неизвестны, хотя в ряде случаев можно определенно утверждать, на какой основе возникли эти алфавитные системы, что они были созданы целенаправленно и в короткое время (например, авестийский алфавит). О создателях других имеются более конкретные сведения: так, алфавит армян и некоторых соседних народов был создан Месропом Маштоцем (IV–V вв.) и его учениками. Такая работа требовала значительных познаний в области лингвистической науки и фонетики. Истории известен также выдающийся древнеиндийский ученый-лингвист Панини, он жил в V в. до н.э., а его сохранившиеся сочинения содержат, в частности, наблюдения, к которым современная наука пришла лишь в недавнее время.

Большие успехи были достигнуты древнеиндийскими учеными в области астрономии, математики, тригонометрии (находившей применение на практике при обмере земель, в строительстве и т.п.). При этом ими уже

применялись десятичная система и «ноль» (в частности, использовавшиеся в труде Арьябхатты ок. 500 г. до н.э.). Употреблявшаяся при этом цифровая система была заимствована арабами («арабские цифры») и уже в исламскую эпоху воспринята в Европе, где сначала стала широко использоваться лишь в бухгалтерском деле. Более ранний период в развитии древневосточной математики связан прежде всего с достижениями вавилонских и древнегреческих ученых, а знакомство с этими достижениями на Западе в античное время явилось прежде всего результатом культурных контактов в эпоху существования «деспотической» Ахеменидской державы.

Вообще древней и средневековой науке современный мир обязан очень многим. Что же касается деловой инициативы и предприимчивости, то о них достаточно хорошо свидетельствуют восходящие уже к ранней истории Древнего Востока данные о совершавших дальние и рискованные сухопутные и морские торговые экспедиции купцах, предпринимателях, мореходах — торговцах и первопроходцах, пускавшихся в далекие и опасные плавания (по Средиземному морю и далее до Северной Европы, по Индийскому Океану, вокруг Африки), а также многие другие факты.

Эгалитаризм, стремление к равенству, демократизм, также приписываемые личности «современных» обществ в противопоставление к «традиционным», засвидетельствованы, как указывалось, уже на всем протяжении древней эпохи и особенно к концу ее, когда учения ряда религиозно-этических сект и ересей стали программой больших народных движений и широкого социального протеста (все это не раз повторялось и в последующей истории «доиндустриальных» обществ Азии и Европы).

Говоря о свойствах личности в древневосточных обществах, нельзя обойти упоминанием и основателей великих религий — буддизма, зороастризма, христианства. Все они в своих учениях решительно порывали с прежними религиозными догмами и предписывающими нормами, в том числе Зороастр и Будда — с господствовавшими до них положениями и обрядностью индо-иранских верований и религий. Заратуштра явился создателем одной из первых или первой пророческой религии; наряду с другими оригинальными религиозно-философскими идеями она отводила особое место роли человека в развитии мирового процесса, делала его арбитром в извечном конфликте добра и зла и ответственным за победу добра, хозяином своей собственной судьбы в зависимости от сделанного выбора между добром и злом, орудием в борьбе с которым прежде всего были не жертвенные и иные подобные ритуалы, а благие деяния человека. Положения зороастризма, как уже говорилось, получили широкое распространение и повлияли, в частности, на поздний иудаизм, раннее христианство и его секты.

Что касается самого христианства, то можно подчеркнуть, что разрыв с предшествующей традицией совершили не только Иисус и его окружение, а затем их ближайшие последователи, как апостол Павел (когда произошел следующий решительный слом, превративший христианство в интерна-

циональную религию), но также все умножавшиеся адепты этого учения (как на Востоке, так и на Западе), порывавшие с предшествовавшими культурными, идеологическими и религиозными языческими традициями в течение нескольких веков до того, как сами догматы христианства смогли стать «предписывающими нормами» (каковыми они и являются для многих членов «индустриальных» обществ).

В связи с вопросом о характере личности в традиционных обществах можно было бы напомнить еще о многих раннесредневековых ученых и мыслителях, блестящих поэтах и философах Ибн Сине и Бируни, Ибн Рушде и Ибн Халдуне, Низами и Саади и др. Да и один образ гениального вольнодумца и «индивидуалиста» Омара Хайяма достаточен для опровержения упомянутых теорий о типе личности в «традиционных» обществах и ее косности, подчинении нормам и авторитетам, коллективной ориентации.

То же можно сказать и о ряде также живших в «доиндустриальную» эпоху древних философах и ученых, таких, как Платон и Аристотель в античном мире и Ван Чун в древнем Китае. Унаследованные средневековыми и более поздними обществами великие религии и религиозные учения явились, как мы видели, результатом длительного историко-культурного развития древних (и прежде всего древневосточных) обществ и активных культурных контактов по всему ареалу древних цивилизаций.

То же можно сказать об успехах науки и культуры, производственных и экономических достижениях, получивших распространение в конце эпохи древности. Вообще реальные данные источников, свидетельствующие о поступательном развитии культуры и хозяйства в государствах Древнего Востока, решительно отличаются от той унылой и однообразной картины истории восточных обществ, которая выступает в теориях, отводящих особую роль «деспотизму» и «бюрократизму» на Востоке. Как мы уже видели, никоим образом нельзя сказать, что древневосточные государства как таковые препятствовали проявлению личности в различных областях жизни и культуры.

Древневосточные государства и их эволюция сыграли большую роль в процессах, в ходе которых на Древнем Востоке был заложен фундамент мировой цивилизации. Характерным примером этому может, в частности, служить история государств древнего Ирана, представляющих интерес еще и потому, что в период поздней древности они долгое время располагались на стыке цивилизаций Востока и Запада.

В начале I тысячелетия до н.э. на северо-западе Ирана существовал ряд упоминаемых ассирийскими источниками территориально небольших политических единиц типа городов-государств. Затем выросли более крупные объединения, включая наиболее значительное из них — Манейское царство, активно участвовавшее в борьбе Ассирии и Урарту, а позже на некоторое время ставшее серьезным соперником Ассирии на ее восточных границах. Во второй четверти VII в. до н.э. возникло Мидийское государство с центром в Экбатанах (совр. Хамадан); затем оно подчинило почти

все области Ирана и ряд стран на севере Передней Азии, включая Урарту и часть территории Ассирии, и вместе с Нововавилонским царством стало одной из двух великих держав Передней Азии того времени. Эти процессы отражали характерную в целом для истории Древнего Востока уже отмечавшуюся тенденцию к возникновению все более крупных государств или империй. Иран за несколько веков прошел путь от «номовых» государств начала I тысячелетия до н.э. до объединения обширных территорий под властью мидян к концу VII — началу VI в. до н.э.

В середине VI в. до н.э. господство перешло к династии Ахеменидов, происходивших из Персиды на юго-западе Ирана. Ахеменидское государство покорило все древние страны Ближнего и Среднего Востока от Малой Азии и Египта до долины Инда и явилось первой в истории «мировой державой»; на востоке оно включало все Иранское плато и области Средней Азии, населенные, как и Западный Иран, ираноязычными народностями — парфянами, бактрийцами и др.

Ахеменидская эпоха была важным этапом в историческом развитии этих стран, временем активных экономических и культурных контактов различных народов Востока и Запада. Возникшие тогда, а частично восходившие еще к мидийскому периоду социально-политические и административно-правовые институты продолжали существовать и после падения Ахеменидской державы в различных странах от Передней Азии и Закавказья до Индии (и прежде всего в областях Ирана и Средней Азии с их ираноязычным населением).

Политические и культурные традиции державы Ахеменидов играли значительную роль и в возникших после ее падения эллинистических государствах Востока. Одно из них, Греко-Бактрийское царство, имело центром Бактрию. После его завоевания ираноязычными племенами (конец II в. до н.э.) в этой области возникла Кушанская держава, в первых веках нашей эры включавшая многие районы Афганистана, Индии и Средней Азии, а некоторое время распространявшая гегемонию и на земледельческие оазисы и города-государства в Восточном Туркестане, которые в ту же эпоху стали объектами экспансии Ханьской империи. Вместе с тем были установлены дипломатические и торговые отношения ханьского Китая с Кушанами и Ираном, тем самым был завершен процесс формирования единого пояса древних цивилизаций, простиравшихся от Европы и Северной Африки до Восточной Азии.

Еще в III в. до н.э. в Парфии — области, пограничной между Ираном и Средней Азией, — было создано Парфянское (Аршакидское) царство, в борьбе с эллинистической династией Селевкидов закрепившее за собой всю территорию Ирана. Государство Аршакидов и свергших их в начале III в. н.э. Сасанидов включало в свой состав также часть районов Афганистана и Средней Азии, основную часть Месопотамии, ряд областей Армянского нагорья и Закавказья.

Таким образом, на протяжении длительного периода древневосточной истории Иран являлся центром крупных государств, включавших большую

часть областей раннего «классового» ареала Востока, а с парфянской эпохи — основного государства, противостоявшего политическим и социальным силам эллинистического и римского Запада.

История иранских государств в мидийско-ахеменидскую и парфяно-сасанидскую эпохи явно противоречит мнению об эфемерности великих держав Востока периода поздней древности. Напротив, можно говорить об их большой стабильности. Так при Аршакидах и Сасанидах, как уже говорилось, государство примерно в одних пределах просуществовало около 800 лет. За это время, как и в эпоху Мидийско-Ахеменидской державы, осуществлялся успешный отпор вторжениям кочевников (что составляет одно из существенных отличий истории Древнего Востока от Средневекового). В целом успешно подавлялись и силы внутренней «племенной периферии» (тоже бывшей мощным и длительным фактором политической нестабильности в средние века, когда она намного расширилась и за счет вторжений извне).

Указанные факторы способствовали прогрессу хозяйства и производительных сил, подготовив расцвет экономики и культуры в раннем средневековье, когда области Иранского плато и сопредельных районов Средней Азии входили в число передовых стран Востока и всего цивилизованного мира в целом. Все это явилось во многом результатом социально-экономического и политического развития упомянутых областей в предшествующий период их истории, в эпоху существования древних государств Ирана, с I тысячелетия до н.э. То же можно сказать о ряде других стран Востока, которые в раннем средневековье значительно опережали страны Европы по уровню развития своей культуры и экономики, как, например, Китай в суйскую и танскую эпохи. В то же время успешно развивались многие хозяйственные государственно-административные и культурные традиции, заложенные и эволюционировавшие еще в древности, в доханьский период и в саму ханьскую эпоху.

Что касается общественных укладов, характерных для государств Древнего Востока, и господствовавших в них социальных слоев, то они едва ли могут быть определены однозначно, ибо древневосточные общества (как в целом, так и каждое в отдельности) следует рассматривать как многоукладные; во всяком случае, нельзя признать характерными для древневосточных государств «бюрократические» отношения, а господствующим классом считать чиновников, находившихся на службе государству. Роль господствующих слоев в большинстве древних восточных (как и западных) государств играли свободные состоятельные хозяева, обычно обладавшие также и гражданскими правами в том виде, в каком они существовали в данном обществе. В отношении самих государственно-юридических форм страны Древнего Востока значительно отличались друг от друга, причем нельзя даже говорить о том, что там преобладали неограниченные монархии (что же касается «деспотизма», то тем более нет оснований говорить о нем для всего Древнего Востока). Вместе с тем имеются безусловные и общие черты в характере древневосточных госу-

дарств и в путях их развития. Такие общие особенности определяются уже тем, что это были первые в мире государства, что государственность зародилась впервые именно на Древнем Востоке, соответственно и возникавшие при этом формы политической организации общества — монархии, республики, гражданские общинные коллективы (независимые или автономные) появились тоже впервые на Древнем Востоке (и возникавшие позже в различных историко-культурных регионах, они неизбежно обладали теми же чертами, что и древневосточные). С историей государств Древнего Востока тесно связано и развитие законодательства и писаного права, тоже впервые возникшего на Древнем Востоке, что необходимо учитывать и при суждениях о характере самих древневосточных государств (и что, как говорилось, решительно противоречит мнениям об их деспотической природе).

Можно говорить и о последовательном, прогрессивном в целом, едином историко-культурном процессе развития различных государств Древнего Востока на протяжении его длительной истории с IV—III тысячелетия до н.э. до первых веков нашей эры. Это касается не только тех или иных социальных явлений (сокращение количества свободных производителей, падение гражданского общества, исчезновение гражданских автономных общинных коллективов и пр.), но и более общих политических процессов, в ходе которых страны Древнего Востока проделали общий путь от небольших племенных образований или «номовых» городов-государств к централизованному или территориальному царствам и затем к мировым империям.

Закономерность этого процесса и единство общего пути и эволюции государств различных регионов Древнего Востока непосредственно подтверждаются глубокой органической связью этих явлений с другими протекавшими в странах Древнего Востока общеисторическими и культурными процессами. В этом отношении особенно характерна эволюция в области идеологии и религии. Они, как уже говорилось, прошли аналогичную эволюцию от племенных и местных культов к «национальным» религиям, общегосударственным культам и религиозно-философским учениям больших государств и империй, к мировым религиям поздней древности — раннего средневековья. Все это отражало общие историко-культурные перемены и было непосредственно связано с социальными процессами и идеологической борьбой того времени, с развитием государственности на Древнем Востоке и в античном мире.

Приведенные факты подтверждают, что история древневосточных государств и связанных с ними основных историко-культурных явлений представляет собой картину поступательного в целом развития, законченный цикл в эволюции человеческого общества.

Богатая и разнообразная история государств Древнего Востока оставила глубокий след в развитии мировой цивилизации в целом.

Нововавилонское общество и экономика*

С образованием Нововавилонского царства начинается обильный поток письменных источников. Период менее 90 лет, от правления Набопаласара до захвата Месопотамии персами, документирован десятками тысяч хозяйственно-административных и частноправовых текстов, из которых к настоящему времени опубликовано более 14 000. Содержание их разнообразно: долговые расписки, контракты о продаже, аренде и дарении земли, домов и другого имущества, о найме рабов и свободных, документы о международной и внутренней торговле, протоколы судебных процессов, переписка официального характера и письма с семейными новостями и т.п. Все эти тексты происходят из храмовых и частных архивов. Мы не располагаем государственными архивами нововавилонского времени, за исключением отдельных немногочисленных текстов. К сожалению, богатый материал нововавилонских источников исследован совершенно недостаточно. Поэтому в настоящее время еще невозможно дать сколько-нибудь полный очерк нововавилонского общества.

1. Социальная структура общества

В то время как образовалось Нововавилонское государство, свободное население крупных вавилонских городов пользовалось особыми привилегиями. Только опасением потерять свои гражданские привилегии можно объяснить тот факт, что жители некоторых вавилонских городов (например, Ниппура) ценой больших страданий и длительных лишений сохраняли верность ассирийским правителям, при которых они добились этих привилегий, и боролись против основателя Нововавилонского царства Набопаласара. В частности, жители вавилонских городов были освобождены от царских строительных и военной повинностей. Для этих городов было характерно самоуправление свободных и юридически равноправных членов общества, объединенных в народное собрание (*ruḥru*) при главном храме того или иного города. В текстах упоминаются «собрание страны»

* Материал этой статьи частично использован также в разделе: Neo-Babylonian Society and Economy. — The Cambridge Ancient History. Cambridge, 1991, vol. III, pt 2, p. 252–275.

(оно, вероятно, состояло из управляющих храмами в различных городах), «собрание народа», собрания Урука, Ниппура, Сиппара и других городов.

Однако после образования Нововавилонского царства многовековая борьба между царской властью и народным собранием постепенно привела к поражению последнего, и в это время его юрисдикции подлежали только конфликты между отдельными гражданами и преступления местного характера. Примечательно, что в надписях нововавилонских царей говорится лишь о сооружении новых храмов и ремонте старых и о благочестивых дарах в различные святилища, а многочисленные успешные военные походы почти никогда не упоминаются. Это свидетельствует о том, что правители вынуждены были больше всего считаться со жречеством и представлять его интересы.

Как видно из надписей Набонида, последнего царя Халдейской династии, и при нем продолжались конфликты между царской властью и гражданами Вавилона, Борсиппы, Ниппура, Ларсы и Урука, отношения с которыми с самого начала его правления были достаточно напряженными, поскольку Набонид стал на первое место выдвигать культ бога Луны — Сина, называя его «божественным царем над всеми богами». При этом бог Луны, которому поклонялся Набонид, не являлся традиционным вавилонским богом Сином, а был по своей символике и формам поклонения арамейским богом. Возможно, что Набонид, проводя свои религиозные реформы, стремился объединить вокруг себя многочисленные арамейские племена Передней Азии, поклонявшиеся Сину, чтобы отразить надвигающуюся со стороны Ирана опасность.

Противники Набонида не были объединены между собой, и каждый город стремился выдвинуть на передний план культ своего бога. По словам Набонида, люди сбились с правильного пути, говорили ложь, грешили против богов и даже стали «пожирать друг друга, подобно собакам». В одной более или менее синхронной надписи говорится, что судьи брали взятки и не защищали бедных, сильный грабил слабого, ростовщики ссужали деньги за высокие проценты, властелины обижали калек и вдов, многие вторгались в чужие дома и захватывали поля, принадлежавшие другим. Далее в тексте сказано, что новый царь положил конец этим беззакониям и установил справедливый порядок. В сохранившейся части надписи имя царя не приводится, но, по всей вероятности, этим правителем был Набонид.

Но и Набонид в какой-то мере вынужден был считаться с традиционными правами граждан. Например, в одной из своих надписей он заявляет, что «собрал старейшин города, граждан Вавилона», чтобы посоветоваться с ними относительно храмового строительства. В связи с посвящением своей дочери в храм Экишнугал в Уре Набонид освободил этот храм от повинностей и дал ему определенные привилегии. Правда, этот указ коснулся не всех жителей Ура, а лишь узкой группы жрецов и храмового персонала.

Часть решений народного собрания касалась хищений храмового скота и другого имущества, сбора храмовой десятины и арендной платы с хра-

мовых полей и т.д. Другие решения имели отношение к имущественным тяжбам и семейным спорам отдельных граждан. Остановимся на некоторых решениях народного собрания.

В 545 г. до н.э. в Уруке одна женщина заявила в собрании, что ее муж умер, в стране царит голод, ей нечем кормить двух своих малолетних сыновей и поэтому она передает их в храм Эанна в качестве храмовых рабов. В 540 г. до н.э. в Уруке у ворот храма Эанна некий Ибни-Иштар в присутствии нескольких лиц набросился с кинжалом в руке на царского представителя в этом храме. Собрание рассмотрело это дело, «связало и опечатаło железный кинжал, который он извлек из своего пояса». В документе решение собрания не указано, поскольку в данном случае вынесение приговора находилось в юрисдикции царского суда, а собрание играло роль лишь предварительной инстанции расследования. В том же городе Уруке царский представитель в храме Эанна заявил в собрании о недостатке 10 136 кур (ок. 1,84 млн. литров) ячменя в качестве арендной платы за 553 г. до н.э. Собранию предстояло установить, кто был виновен в этом недоборе.

В 591 г. до н.э. «собрание старейшин» Сиппара рассмотрело дело о хищении имущества храма Эбаббарра одним лицом и вынесло решение, что, если будет доказано обвинение против него, он должен возместить ущерб, нанесенный храму, в 30-кратном размере.

Когда в 555 г. до н.э. в Вавилоне возникла тяжба относительно наследования тремя братьями поля, являвшегося приданым их матери, решение было вынесено «старейшинами города». Подобным же образом в 590 г. до н.э. «старейшины Ниппура» занимались рассмотрением тяжбы двух лиц из-за рабыни. В 594 г. до н.э. в Борсиппе «в собрании народа» царь Навуходоносор II изблчил одного из своих военачальников в замышлении заговора против него. Преступник был казнен, а его имущество конфисковано.

Таким образом, собрание функционировало как орган местного самоуправления и суда. Часто его заседания возглавлял наместник соответствующего города или управляющий храмом.

В документах из Урука многократно упоминается также «собрание вавилонян и урукитов». Под вавилонянами здесь имеются в виду государственные чиновники, которые были посланы царем для службы из Вавилона в Урук.

Членами народного собрания являлись граждане (*mār-bani*), которые были свободными и в юридическом отношении считались равноправными между собой. Но они заметно отличались друг от друга по своему экономическому и общественному положению. Среди них были наместники городов, судьи, высокопоставленные государственные и храмовые чиновники, купцы, дельцы, писцы, чиновники низших рангов, пастухи, арендаторы полей, ремесленники, включая беднейшие слои свободного населения. Статус граждан был наследственным и переходил от отца к сыновьям. Естественно, в работе собрания активную роль могли играть в основном состоятельные люди.

Нередко вместо всех граждан для решения тех или иных дел собирались лишь старейшины (*šībūtu*), т.е. наиболее влиятельная часть граждан. В ряде случаев они выносили свои решения совместно с высшими храмовыми чиновниками и наместниками городов. Иногда в присутствии старейшин составлялись документы, содержавшие распоряжения высокопоставленных государственных чиновников. Кроме того, старейшины представляли граждан своего города перед царем.

Граждане принимали участие в отправлении культа при местном храме, а также в храмовых праздниках и трапезах и имели право на получение определенной доли из храмовых доходов. Все эти люди жили в городах и владели землей в городе или прилегающей к нему сельской округе, на территорию которой распространялась власть народного собрания.

Однако не все свободные являлись гражданами. Например, рабы, отпущенные на свободу, все равно не могли добиться статуса полноправных граждан. Гражданских прав были лишены также чужеземцы.

В рассматриваемое время население Вавилонии в этническом отношении было довольно пестрым. Страна была наводнена халдейскими и арамейскими племенами, жившими бок о бок со старым местным населением. Кроме того, в Вавилонии жило много чужеземцев. Часто чужеземцы размещались значительными группами в определенных районах. Например, в окрестностях Ниппура и в самом городе каждой этнической группе была выделена особая территория. Среди чужеземцев были также царские наемники, добровольные эмигранты, а также лица, по различным причинам постоянно или временно жившие в Вавилонии (купцы, политические беженцы, сезонные наемные работники из Элама и т.д.). Так, в вавилонских текстах упоминаются многие чужеземцы, жившие при дворе Навуходоносора II. Среди них были эламиты, персы, киликийцы, иудеи, различные выходцы из Малой Азии («ионийцы»), «беглецы из Мидии» и др. Попутно можно отметить, что в одном письме начала VI в. до н.э. сообщается об аресте нескольких вавилонян, отец и брат которых бежали в Мидию. Как видно из того же письма, в Мидию бежали еще несколько вавилонян и приказ царя вернуться обратно остался без ответа.

Особенно много было в стране лиц египетского происхождения. В текстах нередко указывается их этническое название. В других случаях их происхождение легко устанавливается из собственных имен, которые часто являются теофорными и содержат имена богов Амона, Исиды, Гора и др. Примечательно, что вавилонские писцы знали теофорный характер этих имен, так как перед ними они обычно ставили детерминатив для обозначения бога.

Значительное число египтян упоминается в качестве контрагентов и свидетелей при заключении различных сделок, составленных в Вавилоне, Уре, Уруке, Сиппаре, Борсиппе и других городах. Таким образом, египтяне были разбросаны по всей стране. Большинство египетских поселенцев в результате смешанных браков, а также стремясь приспособиться к окружающей их этнической среде, постепенно стали давать своим детям вави-

лонские имена и ассимилироваться местным населением. В таких случаях этническое название «египтянин» (*miširaja*) сохранялось за потомками этих лиц как их родовое имя. Любопытно отметить, что из довольно значительного количества чужеземцев, живших в это время в Вавилонии, лишь лица египетского происхождения нередко упоминаются как писцы клинописных табличек. В ассирийских текстах времени, непосредственно предшествующего образованию Нововавилонского царства, упоминаются египтяне лекари, ветеринары, толкователи снов, певцы, ювелиры, медники, кузнецы, пивовары, пекари и т.д. Очевидно, после образования Нововавилонского царства эти люди в большинстве своем не вернулись на родину, а оставались жить в Месопотамии.

Из частноправовых документов видно, что представители различных народов жили бок о бок, вступали в деловые отношения и заключали смешанные браки. Необходимо иметь в виду, что в древности не было конфликтов на этнической почве, расовой неприязни и чувства превосходства одного народа над другим и никто не был заинтересован в том, чтобы навязать другим народам свой язык и культуру. Поэтому со стороны местного населения не было пренебрежения к верованиям чужеземцев. Последние, в свою очередь, поклонялись не только своим богам, но и богам того народа, среди которого они жили, ибо верили в силу этих богов. Чужеземцы включались в экономическую и общественную жизнь страны, становились собственниками домов, земельных владений, а часть их служила и в административном аппарате. Они постепенно ассимилировались местным населением и говорили на аккадском и арамейском языках, поскольку последний быстро распространялся в качестве разговорного языка в Месопотамии, и, в свою очередь, оказывали определенное культурное влияние на вавилонян.

Чужеземцы были лишены гражданских прав из-за того, что они не владели землей в пределах городского общинного фонда и поэтому не могли стать членами народного собрания. Но в тех случаях, когда они размещались компактно в определенных районах, такие люди могли создать собственную организацию местного самоуправления, т.е. народное собрание под руководством своих старейшин. Например, для раннеахеменидского времени известно «собрание старейшин египтян», функционировавшее в Вавилоне. Но такие органы самоуправления этнических меньшинств, по всей вероятности, существовали еще в период Нововавилонского царства. Так, из Библии известно, что у иудеев, увведенных в плен в Вавилонию при Навуходоносоре II, были свои старейшины, которые решали вопросы внутреннего самоуправления иудейских колоний, сохранявших свое этническое самосознание и традиционную культуру.

Наконец, кроме граждан и свободных без гражданских прав существовали различные группы зависимого населения, особую прослойку которого составляли рабы. Естественно, все эти люди не имели никаких гражданских прав.

2. Право

Кроме народного собрания судебная власть принадлежала также царским судьям. Царский суд обычно представлял коллегия из пяти-шести профессиональных судей. Иногда состав судей был смешанным и в него входили царские судьи и старейшины из числа граждан. В Сиппаре председателем царского суда был верховный жрец храма Эбаббарра, обладавший широкими юридическими полномочиями.

В решении важных дел народное собрание подчинялось царским судьям, получало от них различные предписания и обязано было снабжать последних необходимой информацией. Царские суды выносили решения по наиболее важным делам. В частности, их компетенции подлежали дела об убийстве, не говоря уже о заговорах и мятежах.

Высшей судебной инстанцией считался царь, но он не имел абсолютной власти и не мог произвольно захватить имущество своих подданных или лишить их жизни. Индивидуум в частной жизни был предоставлен самому себе, и центральная власть не вмешивалась в его семейную жизнь. Он мог свободно передвигаться в пределах государства, совершая деловые и торговые поездки, а также ездить на заработки.

Семья в основном оставалась моногамной, и мужчина, который брал вторую жену, обычно должен был уплатить довольно высокий штраф в пользу первой, если только она не была бездетной.

Женщина пользовалась сравнительно большой независимостью, могла иметь свое имущество, распоряжаться им свободно (дарить, продавать, обменивать, отдавать в аренду и т.д.). После смерти мужа его вдове, даже если она не имела детей, по закону выделялась часть имущества покойного. Хотя женщина могла быть контрагентом, она тем не менее была лишена права выступать свидетелем при заключении другими лицами тех или иных сделок.

Нововавилонское право, по-видимому, требовало письменной фиксации заключаемых сделок, если только не считать продажу скоропортящихся продуктов. Контракты составлялись профессиональными писцами в присутствии свидетелей (обычно от трех до десяти и более человек) в двух экземплярах, по определенным формулярам, и каждая из сторон получала по одному экземпляру.

Начиная с нововавилонского времени в документах подчеркивается, что контрагенты вступают в сделку добровольно. В контрактах указываются условия сделки, место и дата, где и когда документ был составлен, и определяется наказание (обычно штраф) за нарушение условий сделки. К документам прилагаются печати свидетелей и контрагентов (последние обычно оставляют отпечатки своих ногтей).

В рассматриваемую эпоху объектами залога служили поля, дома, рабы, дети свободных, скот, деньги и прочее движимое имущество. Существовало два вида залогов:

1) то или иное имущество объявлялось залогом в обеспечение ссуды с правом владения этим имуществом со стороны кредитора или без такого права;

2) залог поступал в *антихрезу*, т.е. кредитор получал право пользоваться залогом для извлечения доходов. Второй вид залога был более распространен.

Очень часто рабов и дома (реже поля и другое имущество) отдавали в антихрезу за долги. В таких случаях доходы с заложенного имущества или доходы с труда рабов или других лиц, отданных в заклад, шли на покрытие процентов на ссуду. В документах отмечается, что кредитор не будет платить наемной платы за труд рабов или членов семьи должника (а также арендную плату за дома и т.п.), а должник освобождается от уплаты процентов, пока кредитор распоряжается отданным в антихрезу заложником или недвижимым имуществом. Должник мог взять обратно своего раба, члена семьи или же другое отданное в антихрезу имущество только после того, как кредитору полностью возмещалась сумма ссуды. Если же заложник бежал, болел или по какой-нибудь другой причине не выполнял порученную ему работу, то должник обязан был возместить кредитору эквивалент трудовой повинности отданного в антихрезу лица в течение всего времени, пока последний уклонялся от работы, обычно в размере 6 литров ячменя в день, что в денежном исчислении составляло 12 сиклей серебра в год. Кроме того, как правило, должник кормил и одевал отданного в антихрезу работника, пока последний находился у кредитора.

Обычно при антихрезе не указывается срок погашения ссуды, и нередко заложники работали на кредитора по несколько лет, пока должник не расплатится полностью. При выдаче же ссуды под залог имущества, но без права пользования им всегда указывается срок погашения долга. Если к оговоренному сроку должник не рассчитывался с кредитором, а последний не давал ему отсрочки, то заложенные рабы или другое имущество переходили в собственность займодавца. Но когда стоимость заложенного имущества превышала сумму ссуды, то по решению суда кредитор получал только часть залога. И наоборот, если залог был оценен на меньшую, чем ссуда, сумму, должник обязан был полностью рассчитаться.

В нововавилонское время, как и в старовавилонское, ссуду обычно давали под 20% годовых (т.е. 1 сикль серебра на 1 мину в месяц), хотя теперь закон и не регулировал величину процентов. Ссуда выдавалась в большинстве случаев деньгами, реже — зерном или финиками. Однако необходимо иметь в виду, что в этот период широкое распространение получили так называемые абстрактные долговые расписки, причиной которых обыкновенно являлась ссуда, но нередко также и кредит для торговли, для открытия ремесленных мастерских и т.д.

К нововавилонскому времени долговое рабство претерпело значительные изменения. Кредитор мог арестовать несостоятельного должника и заключить его в долговую тюрьму. Однако кредитор не мог продать должника в рабство, и последний погашал ссуду бесплатной работой на своего займодавца. В отличие от более ранних периодов муж не мог отдавать жену в долговой залог. Но свободные имели право отдавать в залог своих детей, однако после отработки долга и процентов такие заложники

приобретали полную свободу от кредитора. В случае неплатежеспособности должника его детей можно было обратить в рабов. При этом ограничение долгового рабства определенным сроком, установленное Законами Хаммурапи, в I тысячелетии до н.э. уже не являлось действительным. Это можно объяснить тем, что в этот период из-за сравнительно высокого жизненного уровня уже не было угрозы массового закабаления свободных.

Практика самозаклада и самопродажи в рассматриваемое время совершенно исчезла. К продаже своих детей свободные прибегали чрезвычайно редко, лишь в случае катастрофического голода, опустошительных войн и длительных осад. Например, в 626 г. до н.э., когда войско вавилонского царя Набопаласара осаждало Ниппур, сохранявший верность ассирийцам, и когда ячмень стоил приблизительно в тридцать раз дороже своей нормальной цены, некоторые люди продавали своих детей ростовщикам. В контрактах отмечалось, что дети были проданы с целью спасти их от голодной смерти.

В нововавилонское время продолжали переписывать и изучать Законы Хаммурапи, о чем свидетельствуют их многочисленные копии, составленные в I тысячелетии до н.э. Одна из статей этих законов, предписывавшая тридцатикратное возмещение украденного храмового имущества, продолжала действовать и в это время.

Сохранились три столбца законов, которые по письму, грамматическим формам, лексике и реалиям относятся к нововавилонскому времени. В дошедшем до нас тексте начало и конец разрушены. Судя по небрежности письма и многочисленным опискам, это часть текста законов, скопированного для учебных целей. Поэтому законы приведены не полностью, а выборочно, по отдельным темам. В сохранившихся статьях речь идет главным образом о брачном и имущественном праве. Подобно более древним законам из Месопотамии, нововавилонские законы указывают на различные возможности и юридические заключения по поводу случаев повседневной жизни.

В этих законах, в частности, говорится, что если кто-нибудь соорудит цистерну для хранения воды, но не укрепит хорошо ее стены и вода затопит вследствие этого поле соседа, то виновный должен отдать пострадавшему столько урожая, сколько будет получено на соседних полях.

Согласно другой статье, если кто-нибудь продаст рабыню, а она окажется чужой и ее законный хозяин возьмет ее себе, то продавец обязан вернуть покупателю ее цену и $\frac{1}{2}$ сикля серебра за ребенка, которого она тем временем родила, чтобы возместить владельцу ущерб за ее временную нетрудоспособность.

Если мужчина женился второй раз и имеет сыновей от обеих жен, после смерти отца сыновья его первой жены должны получить $\frac{2}{3}$ и сыновья второй жены $\frac{1}{3}$ имущества покойного. Если отец выделил приданое для дочери, а она умерла бездетной, это имущество должно быть возвращено в дом ее отца. После смерти мужа его вдова, если у нее не было детей,

должна получить свое приданое и подарок мужа. Если вдова, которая имеет детей, желает снова выйти замуж, она может взять с собой свое приданое и подарок, который дал ей муж при вступлении в брак. Если она родит детей от нового брака, то ее приданое должно быть разделено между сыновьями от обоих браков поровну, в то время как подарки, сделанные ей обоими мужьями, необходимо отдать соответственно их детям.

3. Дворец и храмы

В нововавилонское время царское хозяйство не имело большого удельного веса в экономике страны и ведущая роль принадлежала храмовым и частновладельческим хозяйствам. Однако, по-видимому, не существовало четкого разграничения между государственной и дворцовой собственностью. Поэтому все государственные доходы, так же как и доходы с царских владений в узком смысле, считались царской собственностью. В фактической собственности царя находился лишь сравнительно незначительный земельный фонд, управление которым было основано на принципах частновладельческого хозяйства. Царское имущество упоминается в документах довольно редко. Например, согласно контракту времен Навуходоносора II, царское поле было сдано в аренду «навечно» для насаждения финиковых пальм Шуле, главе делового дома Эгиби в Вавилоне. В период правления Нергал-шар-уцура дом частного лица был продан дворцу. В тексте, датированном царствованием Набонида, упоминаются утки, принадлежавшие «царскому имуществу».

Мы не располагаем никакими сведениями о ремесленных мастерских, принадлежавших халдейским царям. В текстах неоднократно упоминаются плотники, каменщики, рыбаки и пастухи царя, которые, по всей вероятности, были свободными и работали на дворец за плату постоянно. Примечательно, что их патронимия приводится в документах регулярно, в отличие от рабов, которые не имели патронимии.

Что же касается сооружения и ремонта каналов, дворцов и храмов, строительства дорог и т.д., эти работы в основном выполнялись свободными как общинные и государственные повинности.

Наиболее существенную часть государственных доходов составляли налоги, характер и размеры которых, однако, нам совершенно неизвестны. По-видимому, все свободные должны были отдавать десятую часть своих доходов в качестве государственных податей. Обычно эти налоги уплачивались натурой (скотом, зерном, шерстью и т.д.), но официальные эксперты устанавливали их стоимость в серебре. Кроме того, некоторые группы населения (например, купцы, занимавшиеся международной торговлей) уплачивали свои налоги серебром. Помимо налогов царь получал также различные пошлины (портовые, пошлины за прохождение через городские ворота, за проход судов и лодок по каналам, за пользование некоторыми мостами и т.п.) серебром и натурой.

За счет этих налогов царь содержал государственный аппарат и армию. Страна была разделена на административные округа во главе с наместниками. Во главе городов также находились особые наместники. Были также надзиратели над царскими каналами и причалами и другие мелкие чиновники.

Дворцовое управление возглавлялось «начальником дворца» и включало большое число придворных чиновников и гонцов.

Естественно, государственный аппарат, разветвленный на территории огромной державы, не мог функционировать без большого числа писцов. По-видимому, уже в это время государственная канцелярия, по крайней мере частично, вела делопроизводство на арамейском языке, и именно в этом следует искать причину того, что архивы нововавилонских царей не сохранились, поскольку документы писали на коже и папирусе, которые в условиях месопотамского климата легко разрушались. Но большую роль в аппарате управления продолжали играть также клинописные писцы, часть которых носила титул «царских» или «дворцовых писцов». Кроме того, в текстах упоминаются «писцы, которых царь назначил в город», «писцы гавани» и т.д. Значительное число писцов работало и при наместниках в провинциальном управлении. Большое значение в аппарате управления имели и переводчики, поскольку на строительных работах и в армии использовались, в частности, ремесленники и воины из чужеземных стран. Все чиновники государственного аппарата получали от царя жалованье натурой, а самые высокопоставленные из них частично также и серебром.

Особой опорой царской власти была армия, о принципах комплектования которой, однако, мы почти ничего не знаем. Кроме вавилонян в ней служили и чужеземные наемники. Например, в войске Навуходоносора II находился брат эолийского поэта Алкея Антименид. Воины были вооружены копьями, железными кинжалами, щитами, луками и стрелами. Как видно из документов времени Навуходоносора II и Набонида, скифское стрелковое дело оказало значительное влияние на вооружение вавилонских воинов, которые предпочитали скифские луки и стрелы аккадским из-за их высоких баллистических качеств.

Между дворцом и храмами существовали тесные связи. Некоторые высшие храмовые чиновники находились в родстве с царями. Например, управляющий храмом Эзида в Борсиппе был женат на дочери царя Нергал-шар-уцура.

Эсагила в Вавилоне, Занна в Уруке, Эбabbарра в Сиппаре, Эзида в Борсиппе, Э-имби-Ану в Дильбате, Экур в Ниппуре, Экишнугал в Уре, Эмеслам в Куте были наиболее крупными храмами этого времени. Они владели обширными землями, большим числом рабов и скота, а также занимались ростовщическими операциями и торговлей. Например, Занна имела около 5–7 тыс. голов крупного рогатого скота и 100–150 тыс. овец. По свидетельству одного только документа, этот храм получил в течение года более 5000 кг шерсти со своих овец.

Крупным источником храмовых доходов была десятина. Ею облагались все представители свободного населения: земледельцы, пастухи, садовники, ремесленники, жрецы и чиновники всех рангов, включая наместников. Десятину платил также царь. Каждый платил ее тому храму, близ которого он имел землю и другие источники доходов. Ее платили с садов и полей, с приплода скота, с овечьей шерсти и т.д. В большинстве случаев ее вносили ячменем и финиками, но нередко также серебром, сезамом, шерстью, одеждой, скотом, рыбой, ремесленными изделиями. Царь вносил десятину частично и золотом. Десятина составляла приблизительно десятую часть доходов налогоплательщиков, если не считать царскую десятину, которая была гораздо меньше соответствующей части доходов правителей страны. Сбором десятины занимались специальные чиновники. Для ее уплаты часто приходилось закладывать поля и дома, обращаясь к услугам кредиторов. Не имея возможности уплатить десятину, некоторые люди вынуждены были отдавать в храм своих детей в качестве рабов.

Структура храмового управления лучше всего известна по данным архива Эанны. Высшее правление этого святилища состояло из царского наместника в Уруке, попечителя храмового имущества, управителя храма и «писца Эанны». Три последних управляли храмовыми именными, осуществляли контроль над храмовыми рабами и занимались распределением храмовых доходов на различные цели. Таким образом, их функции носили административный, а не культовый характер. Все высшие храмовые чиновники, кроме наместника города, выбирались из состава граждан. Более или менее аналогичная структура была характерна и для других крупных святилищ.

Поскольку храмовое делопроизводство велось в значительной мере (если не целиком) на глиняных табличках, клинописные писцы были незаменимы. Например, в Эанне одновременно работали не менее 20 писцов. Приблизительно такое же число писцов было занято и в других крупных храмах страны. Но не все они занимались постоянно писцовой работой. Храмовой писец прежде всего был чиновником административно-хозяйственного аппарата и занимался установлением арендной платы с полей, отпуском скота и различных продуктов для жертвоприношений, выдачей рационов храмовым рабам, надзором над различными работами, взысканием долгов с храмовых должников и т.п. Многие писцы выполняли также функции счетоводов. Кроме того, писцов посылали в различные подвластные храмам районы. Так, в одном письме из архива Эанны говорится, что в случае недостатка в писцах в определенном месте они будут направлены туда. Многие из писцов Эанны ездили по служебным делам в Вавилон, Ларсу и другие города, включая даже финикийский город Тир. Большинство писцов работали в храмах десятилетиями (некоторые от 30 до 40 лет и более), и такая служба являлась основным источником их доходов. Они получали жалованье ячменем и финиками (обычно около 180–270 литров в месяц, иногда до 540 литров). Из состава писцов часто выбирались высшие храмовые чиновники.

При Набониде влияние государства на храм усиливается. В частности, в 553 г. до н.э. этот правитель установил в храме Эанна должность царского представителя, функции которого раньше в определенной мере выполнялись «писцом Эанны». Последний титул к тому времени потерял свое значение, и его стали носить все писцы этого храма.

Царский представитель был независимым от храма чиновником, и одна из его главных задач заключалась в передаче дворцу части храмовых доходов. Для этого была создана специальная «шкатулка царя», куда отчислялась определенная доля доходов (скот, ячмень, финики и т.д.). Кроме того, храмы должны были выполнять государственные повинности, посылая своих рабов (земледельцев, пастухов, садовников, плотников и пр.) для работы в дворцовом хозяйстве.

Царь и его чиновники стали активно вмешиваться в храмовые дела, устанавливая рационы для храмовых рабов, размеры храмовой пребенды для различных групп населения, ставки арендной платы с храмовых полей и т.д.

4. Основные отрасли экономики

Вся обрабатываемая земля была точно измерена, как об этом свидетельствуют кадастровые тексты. Значительная часть ее принадлежала храмам, членам царской семьи, крупным деловым домам, чиновникам царской и храмовой администрации. Мелкие земледельцы (особенно в больших городах) владели небольшими участками земли от $\frac{1}{2}$ до нескольких гектаров. Земля стоила дорого, и поэтому выгоднее было использовать ее для садоводства (главным образом под финиковые рощи).

Наиболее распространенной зерновой культурой был ячмень, но кроме него сеяли также полбу, пшеницу, сезам, горох, лен и т.д. Плотность посева ячменя равнялась в среднем 112,5 литров, или 67,5 кг, на один гектар. Урожай ячменя колебался от 785,5 до 3375 литров с гектара, но в среднем был равен 1575 литрам. Урожай собирали с конца апреля до конца июня. Наряду с ячменем главным продуктом питания были финики. Средняя урожайность с одного гектара сада составляла около 8 тыс. литров фиников. Молодые пальмы начинали плодоносить на шестой год после посадки.

Осадков выпадало мало. Поэтому в экономике страны большую роль продолжало играть искусственное орошение: сооружались новые каналы и старые содержались в образцовом порядке. Эти каналы принадлежали государству, храмам, а в некоторых случаях и частным лицам, но за особую плату водой из таких каналов могли пользоваться все землевладельцы и арендаторы. Благодаря отложениям от искусственного орошения не было также надобности регулярно удобрять землю.

Мелкие землевладельцы обрабатывали свои поля сами вместе с членами семей, а иногда и с помощью наемников, которые обычно нанимались на время уборки урожая.

Крупные землевладельцы сдавали землю в аренду. Арендная плата была двух видов: размер ее либо устанавливался заранее, уже при заключении контракта, и зависел от плодородия земли, а плата вносилась натурой или — гораздо реже — деньгами, либо же владелец земли получал $\frac{1}{3}$ урожая, а арендатор — $\frac{2}{3}$. Контракт обычно заключался на один год, а если земля была пришедшей в негодность — на три года. С такой земли в первый год арендатор ничего не платил владельцу, в следующий год — только часть обычной платы, а в третий год — нормальную для данной области долю урожая. Нередко землю отдавали в аренду большими массивами крупным арендаторам, которые, в свою очередь, распределяли ее мелкими участками между субарендаторами. Иногда два или несколько человек брали землю в аренду совместно.

Если верить вавилонским текстам, составленным после захвата Месопотамии персами, во время царствования Набонида голод косил людей. Но эти тексты, составленные в угоду персидскому царю Киру, требуют критического отношения. В своих надписях Набонид утверждает, что при нем Вавилония находилась в благополучии. Более 4000 хозяйственных и частноправовых документов его времени свидетельствуют о том, что страна продолжала экономически процветать, и версия вавилонских текстов более позднего времени о разорении им народа носит явно тенденциозный характер. Правда, сохранился один документ, из которого видно, что в 544 г. до н.э. в стране царил голод. Это сообщение находится в согласии с официальной надписью Набонида, в которой говорится, что после засухи и голода наступили дожди, принесшие изобилие, и 234 ка (ок. 230 литров) ячменя или 270 ка (ок. 270 литров) фиников стоили один сикль серебра, т.е. приблизительно на $\frac{1}{3}$ меньше обычной цены.

Наряду с сельским хозяйством наиболее важной отраслью производства было ремесло. В нововавилонских текстах упоминаются ткачи, кузнецы, ювелиры, строители домов, медники, плотники, прачечники, пекари, пивовары и другие ремесленники. Обычно ремесло наследовалось в семье от отца к сыну. Однако не существовало никаких законов, требовавших наследования какой-либо профессии. Это скорее была традиция, которую в рассматриваемый период стали нередко нарушать.

В Вавилонии не существовало независимой ремесленной организации, поскольку еще отсутствовали историко-экономические предпосылки, необходимые для ее возникновения, а именно развитое рыночное хозяйство и возможности для ремесленников распоряжаться сырьем. Судя по документам из архива храма Эанна, в Уруке ремесленники, хотя в большинстве случаев были свободными, работали на этот храм, получая оттуда сырье. Они работали добровольно, по договору, и за свой труд получали плату деньгами и продовольствие финиками, ячменем, пивом и т.д.

Кроме того, часть ремесленников (например, пекари и пивовары) работала на храм в течение определенного периода за доходы, которые выплачивались лицам, имевшим право на храмовую пребенду.

По свидетельству документов из Вавилона, Ниппура и некоторых других городов, ремесленники часто заключали контракты с заказчиками на изготовление мебели, утвари, одежды и т.д. либо из своего сырья, либо из материала заказчика. Возможно, что часть ремесленников работала и на рынок, но об этом мы не располагаем достаточно определенными сведениями.

Некоторые люди отдавали своих рабов для обучения ремеслам, так как квалифицированный ремесленник давал своему хозяину гораздо больше дохода, чем простой раб. Сохранились контракты об обучении рабов обработке кожи, сапожному делу, ткачеству, красильному и столярному делу, домостроительству и т.д. Во всех этих случаях речь идет о рабах-мужчинах, отданных в обучение. Нередко мастера также были рабами. Обучение, в зависимости от сложности ремесла, продолжалось от 15 месяцев до 6–8 лет, и в течение этого времени ученик находился у мастера. Хозяин должен был содержать своего раба, выдавая для него около 1 литра ячменя в день и снабжая его одеждой, пока он находился у мастера. Последнему платой служил труд раба, и, кроме того, после успешного завершения обучения он получал от рабовладельца также подарок. Однако если мастер не выполнил своего обязательства и не обучил ученика ремеслу в полной мере, он должен был возместить хозяину раба стоимость трудовой повинности последнего за все время обучения, обычно около 6 литров ячменя в день, что в год составляло в денежном исчислении 12 сиклей серебра. Нарушитель контракта должен был платить штраф обычно в размере 20–30 сиклей серебра.

После завершения обучения раб работал у своего хозяина или оставался у мастера, который отдавал за него наемную плату. Иногда такой раб открывал и собственную мастерскую, уплачивая хозяину оброк.

Однако только очень богатые люди могли позволить себе отдавать рабов для обучения ремеслу, ибо во время обучения хозяин не только не имел никакой выгоды от раба, но еще должен был нести расходы на его содержание. Поэтому люди, имевшие немного рабов, не могли отдать их для обучения ремеслу с перспективой извлечь из этого выгоду лишь через несколько лет.

5. Принудительный и свободный труд

Самую значительную часть зависимого населения составляло сословие земледельцев, которые назывались *иккару*. Они не имели собственной земли и работали из поколения в поколение на земле, принадлежавшей государству, храмам и частным лицам. Такие земледельцы жили в сельской округе, для которой не была характерна структура городского самоуправления. С юридической точки зрения *иккару* не считались рабами: они жили семьями и их нельзя было продавать. Однако они были прикреплены к земле и не могли без разрешения хозяев покинуть свое местожительство. В тех случаях, когда они бежали, их ловили, заковывали в кандалы и воз-

вращали обратно. Эти земледельцы работали круглый год под надзором своих хозяев или их агентов.

В храмовых архивах сохранились списки с подробными перечнями десятков, а иногда и нескольких сотен земледельцев в каждом отдельном документе. В этих перечнях они разбиты на мелкие группы по три-четыре человека, представлявшие большей частью отдельные семьи, т.е. отец и его сыновья.

Иккару получали из храмового хозяйства волов, плуги, лопаты, семена для посева, а нередко и продовольствие для себя и корм для скота. По окончании сельскохозяйственных работ иккару возвращали скот в храм. Храмовые чиновники периодически устраивали ревизии живого и мертвого инвентаря и посевного зерна, которые находились у иккару.

Храмы Эанна и Эбаббарра в Уруке и Сиппаре сдавали значительные массивы своей земли в аренду так называемым сборщикам арендной платы, размер которой устанавливался уже при заключении контракта. Сборщик арендной платы сам не обрабатывал землю, а передавал ее субарендаторам и отвечал перед храмовой администрацией за ежегодный взнос определенного количества сельскохозяйственной продукции.

При этом храмы нередко сдавали своих иккару внаем сборщикам арендной платы вместе с отдаваемой в аренду землей, орудиями производства и тягловым скотом, предоставляя части иккару и продовольствие. Сборщики несли ответственность за целостность и сохранность живого и мертвого инвентаря, включая и иккару. Последние, в свою очередь, были ответственны перед сборщиками за урожай с той земли, которую они сами обрабатывали. Обычно храм выдавал на определенную арендную площадь земли соответствующее количество волов и иккару. Например, согласно контракту, заключенному в 555 г. до н.э. в Ларсе, храм Эанна сдал в аренду двум лицам 7410 гектаров посевной площади. На первый год арендного срока сборщики получили от храма 3000 кур (540 тыс. литров) ячменя для посева и 10 талантов (300 кг) железа для лемехов. Кроме того, они получили 400 иккару, 400 волов и 100 «больших» коров для замены волов, которые станут негодными для работы. В качестве арендной платы необходимо было доставлять в храм ежегодно по 25 тыс. кур (4500 тыс. литров) первосортного ячменя и 10 тыс. кур (180 тыс. литров) отборных фиников.

Таким образом, на каждые 18,5 гектаров земли сборщики имели в своем распоряжении одного иккару и по одному волу. Но, по условиям контракта, арендованная земля должна была обрабатываться попеременно, и половина ее оставалась под паром. Поскольку одновременно возделывали только половину арендованной земли, один иккару должен был обрабатывать в среднем около 9 гектаров земли. Но, по-видимому, сборщики для обработки земли кроме иккару привлекали также и свободных арендаторов.

По свидетельству контракта, заключенного в Уруке в 545 г. до н.э., один сборщик получил в аренду 812 гектаров пахотной земли, принадлежавшей храму Эанна. В его распоряжение были отданы также 100 иккару, 100 волов, 50 «больших» коров, а на первый год арендного срока еще

625 кур (112 500 литров) ячменя для посева и 5 талантов 20 мин (160 кг) железа для лемехов. Таким образом, на каждого иккару приходилось по 8 гектаров земли, а общая арендная плата равнялась 5000 кур (900 тыс. литров) ячменя в год. Особый интерес представляет указание документа о том, что 30 из 100 предоставленных храмом в распоряжение сборщика арендной платы иккару получают с храмовых складов на первый год арендного срока в качестве продовольствия 120 кур (21 600 литров) ячменя, т.е. 720 литров в год на человека, или около 2 литров в день, очевидно включая и его семью.

Согласно контракту, заключенному храмом Эбаббарра в Сиппаре, один человек взял в аренду 79 гектаров земли, а также получил в свое распоряжение 12 волов, 8 иккару, продовольствие для последних и корм для скота, зерно для посева и сельскохозяйственные орудия. Следовательно, каждый иккару в среднем должен был обработать почти по 10 гектаров земли.

Иккару, отданные храмами в распоряжение сборщиков арендной платы, обязаны были сдавать с отведенной им земли определенную часть урожая соответственно размерам и плодородию поля. Сборщик, собрав со всех иккару причитающийся с них урожай, рассчитывался с храмом.

Завоевая новые территории или подавляя восстания в ранее покоренных областях, вавилонские цари захватывали местных жителей (особенно квалифицированных ремесленников) в плен и обращали их в рабов. Уже при основателе Нововавилонской державы Набопаласаре в стране началось интенсивное строительство, которое достигло грандиозного размаха при Навуходоносоре II. Труд военнопленных довольно широко применялся на работах по сооружению каналов, строительству дорог, дворцов и т.д. Например, текст стелы Набонида, найденной в Харране, расположенном в Верхней Северной Месопотамии, гласит, что боги Мардук и Нергал даровали этому царю 2850 пленников из страны Хуме (Киликия), чтобы носить кирпичи при сооружении храма бога Сина в этом городе. В руинах царских кварталов в Вавилоне были найдены тексты с перечнями рационов для военнопленных. В этих документах, которые датируются между 590–575 гг. до н.э., т.е. после войн вавилонян с египтянами и финикийцами и захвата Иерусалима, упоминаются, в частности, 46 египетских и 90 корабельных мастеров из финикийского города Тира, другие квалифицированные ремесленники и иудейские пленники.

Цари передавали часть военнопленных также в храмы. Например, Набонид подарил нескольким храмам сразу 2850 человек, увезенных из других стран. Этот же правитель передал храму бога Сина в Уре наряду с полями, садами, крупным рогатым скотом и овцами также много рабов. Попутно можно отметить, что существенным источником пополнения контингента храмовых рабов были посвящения в храмы частновладельческих рабов их благочестивыми хозяевами.

Навуходоносор II пригнал для строительства вавилонских храмов ремесленников «от Верхнего до Нижнего моря», т.е. от Персидского залива до Средиземного моря. Но, по-видимому, большая часть этих людей

смогла вернуться домой, выполнив свою повинность. Как правило, лишь незначительная часть военнопленных обращалась в рабство и попадала в дворцовое, храмовые или частновладельческие хозяйства. А преобладающее большинство военнопленных сажалось на государственной земле, самостоятельно вело хозяйство, платило государственные подати и несло повинности, включая нередко даже службу в армии. При этом часть таких военнопленных владела собственными рабами. Например, в 597 и 587 гг. до н.э. из Иерусалима в Вавилонию было выселено около 12 тыс. человек, не считая женщин и детей. Среди этих пленников было не менее 1 тыс. ремесленников и 7 тыс. воинов. Библейские источники характеризуют этот плен как рабское иго. Однако в действительности пленники не были обращены в рабство, а поселены в специально отведенных местах, в частности близ Ниппура, на земле, пришедшей в запустение.

Возникает вопрос: почему вавилонские цари не обращали основную массу военнопленных в рабов? Ведь рабство было оптимальной формой зависимости, а недостаток в военнопленных, которых можно было бы обратить в рабов, очень часто вовсе не ощущался. Кроме того, не существовало никаких правовых или этических норм, которые препятствовали бы обращению военнопленных в рабов.

Однако сектор рабского труда в Вавилонии, как и повсюду на Древнем Востоке, оказался не в состоянии поглотить массы военнопленных. Причина этого заключалась в сравнительно слабом уровне развития экономики и товарно-денежных отношений, в отсутствии достаточно интенсивного производства, в котором можно было бы применить труд рабов в широких масштабах. И дело не в том, что не было преобладания рабского труда в какой-либо отрасли производства, а прежде всего в том, что основой сельского хозяйства являлся труд свободных земледельцев и арендаторов и в ремесле доминирующим был труд свободного ремесленника. Причиной этого являлось то, что труд рабов был неэффективным и требовал постоянного надзора. Раб всячески стремился уклониться от порученной ему работы, не проявлял инициативы и не был заинтересован в результатах своего труда и особенно в качестве работы. Установить эффективный контроль над рабами было трудно, так как основным типом хозяйства было мелкокрестьянское, к тому же не существовало крупных ремесленных мастерских, основанных на рабском труде.

Труд рабов использовался главным образом для выполнения тех видов работ, которые не требовали высокой квалификации или дорогостоящего надзора, т.е. там, где их можно было использовать в течение круглого года, а не сезонно. Поэтому наиболее сложные процессы производства выполнялись свободными. Например, документы не содержат почти никаких данных о применении труда частновладельческих рабов в сельском хозяйстве, за исключением тех случаев, когда рабы выступают в качестве арендаторов. Крупные землевладельцы предпочитали обращаться к услугам свободных арендаторов, сдавая им землю по частям небольшими парцеллами, так как применение рабского труда требовало постоянного

надзора и соответственно вызывало большие расходы. Поэтому в Вавилонии не было настоящих латифундий, кроме храмовых, и наличие крупного землевладения сочеталось с мелким землепользованием. В тех случаях, когда крупные землевладельцы прибегали к помощи своих рабов, они либо выделяли землю для самостоятельного ведения хозяйства на правах *пекулия*, либо же еще чаще сдавали ее им в аренду.

Правда, на храмовых полях трудилось сравнительно большое число рабов. Но этих рабов было явно недостаточно для ведения хозяйства, поэтому они могли обработать лишь часть храмовых земель. К тому же храмовые рабы причиняли много хлопот своими частыми побегами и нежеланием работать. Например, в храмовых хозяйствах рабы, в частности, пасли скот. Однако эти пастухи совершали побеги, угоняя при этом с собой овец. Поэтому храмовое правление стремилось главным образом прибегать к услугам пастухов, принадлежавших к сословию свободных. Преимущество такого ведения хозяйства заключалось в том, что при расхищении, падеже скота и других видах недостачи пастухи обязаны были возместить храму ущерб из своего имущества.

Поэтому, хотя храмы и некоторые крупные деловые дома владели десятками, а иногда и сотнями рабов, а состоятельные граждане имели от трех до пяти рабов, в целом рабов по отношению к общему числу свободных было в несколько раз меньше.

Когда хозяева не могли использовать труд рабов в своем хозяйстве или считали такое использование невыгодным, рабы нередко предоставлялись самим себе с уплатой определенного оброка с имущества (*пекулия*), которым владел раб. Величина оброка колебалась в зависимости от имущества раба, но в среднем в денежном исчислении он составлял 12 сиклей серебра в год. Сам раб стоил в это время в среднем около одной мины серебра.

В это же время в Вавилонии было сравнительно много рабов, которые жили семьями и владели значительным имуществом. Этим имуществом рабы могли распоряжаться довольно свободно, т.е. закладывать, сдавать в аренду и продавать. Рабы могли иметь также свои печати, выступать свидетелями при заключении свободными или другими рабами различных деловых сделок. Кроме того, рабы могли судиться между собой и со свободными, разумеется за исключением своих хозяев. Такие рабы даже могли купить для работы в своих хозяйствах других рабов, а также нанимать рабов и свободных. Тем не менее эти богатые рабы не могли выкупиться на свободу, так как право отпуска раба на свободу во всех случаях принадлежало исключительно хозяину. И чем богаче был раб, тем более невыгодно было хозяину отпускать его на свободу.

Хотя с юридической точки зрения разрешался отпуск рабов на свободу, данные о манумиссиях крайне немногочисленны. Отпуск рабов на свободу ограничивался теми случаями, когда рабовладелец в преклонном возрасте, не имея детей или не желая попасть в зависимость от них, стремился заинтересовать раба перспективой свободы в будущем и заручиться его верной службой до конца своих дней. В таких случаях отпущенный на свободу

раб обязан был снабжать своего бывшего господина пищей и одеждой и лишь после его смерти приобретал полную независимость. Что же касается храмовых рабов, для них был закрыт всякий путь к получению свободы.

Как отмечалось выше, в нововавилонское время долговое рабство не имело большого значения. И чем менее было развито долговое рабство, тем большую роль играл свободный наемный труд в общей структуре экономики.

Величина наемной платы свободных людей колебалась в год от 3 до 12 сиклей серебра, а в некоторых случаях доходила до 30 и более сиклей, но в среднем составляла 12 сиклей. Особенно высокую плату получали корабельщики и люди, занятые на земляных работах. Так, большое количество текстов свидетельствует о выдаче денежной платы наемникам, которые копали или очищали оросительные каналы, принадлежавшие храмам. В ряде документов говорится о выдаче денег и продовольствия (в частности, и пива) наемникам, которые были заняты в хозяйстве храма Эанна изготовлением, обжигом, крашением и доставкой к месту строительства кирпичей. Кроме того, в Эанне в качестве наемников работали корабельные плотники и корабельщики. Другие наемники были заняты волочением лодок, охраной храмовых владений и т.д.

Для сравнения отметим, что к найму рабов прибегали неохотно и довольно редко. Плата за труд раба была равна плате свободного наемника. Но в отличие от последнего раб не был заинтересован в качестве работы, поскольку плату получал не он сам, а его хозяин. Кроме того, наемнику, который порою находился в трудном экономическом положении, работодатель мог диктовать свои условия. Поэтому выгоднее было нанимать свободных людей.

Хотя храмы располагали определенным числом своих ремесленников-рабов, последние, однако, не в состоянии были даже в минимальной степени удовлетворить потребности храмового хозяйства. Храмовая администрация в течение круглого года вынуждена была обращаться к свободному ремесленному труду — ювелирам, пивоварам, пекарям, кожевникам, кузнецам, медникам, плотникам, ткачам, прачечникам, гончарам и т.д.

Нередко храмы обращались к услугам ремесленников из других городов. Это, очевидно, объясняется тем, что иногда в своем городе невозможно было найти достаточное количество работников. Так, например, ряд документов архива храма Эбаббарра в Сиппаре фиксируют выдачу платы «ремесленникам, которые прибыли из Вавилона».

Храмовой администрации приходилось также прибегать к услугам наемников для обработки земли и уборки урожая, привлекая их даже из соседней страны Элама. И частные лица вынуждены были прибегать в широких масштабах к использованию труда свободных наемников. При этом иногда нелегко было найти необходимое число работников, и в таких случаях приходилось нанимать их по чрезвычайно высоким ставкам. В этом отношении характерны письма храмовых чиновников своим начальникам, в которых они, во-первых, просят прислать деньги для уплаты наемникам, ибо иначе они бросят работу; во-вторых, отправители писем просят при-

слать кандалы для храмовых рабов, которые совершают побеги. Наемники были заинтересованы в работе, когда они своевременно получали плату, а рабы (особенно когда они были заняты на тяжелых видах работ, например на возведении оросительных сооружений) делали все возможное, чтобы уклониться от труда.

Нередко встречались партии наемных работников численностью до нескольких сот человек. Они отказывались работать в знак протеста против несвоевременной оплаты их труда, перебоев в снабжении пищей и не соглашались работать за низкую плату. Из переписки храмовых чиновников видно, что храмовая администрация понимала необходимость удовлетворить требования наемных работников, так как в случае отказа последних от работы их невозможно было заменить храмовыми рабами.

6. Торговля

При халдейских царях Вавилония переживала экономический расцвет. Внутри страны велась оживленная торговля между различными городами, которая осуществлялась главным образом по рекам на лодках. Большое значение в торговле имели коммерческие товарищества, когда два или несколько человек объединялись, чтобы делить между собой выручку и убытки.

Велико было значение во внутренней и внешней торговле могущественных деловых домов. Наиболее древним из них был дом Эгиби, который функционировал еще начиная с конца VIII в. и продолжал свою деятельность до начала V в. до н.э., продавая, покупая поля, дома, рабов и т.д. Эгиби занимались также банковскими операциями, выступая займодавцами, принимая на хранение вклады, давая и получая векселя, уплачивая долги своих клиентов, финансируя и основывая коммерческие предприятия. Но члены дома Эгиби, как и другие вавилонские деловые дома, не пользовались для кредита вкладами, которые были отданы им на хранение, а работали с помощью собственных средств. Вкладчиками дома Эгиби обычно были лица, связанные с ним общими деловыми интересами. Некоторые из членов дома Эгиби находились и на царской службе.

О значительной специализации торговли свидетельствует тот факт, что в текстах упоминаются не только просто *тамкары* (купцы), но также и тамкары царя и наместников, а также тамкары, занимавшиеся куплей-продажей скота и фиников. Часто к услугам тамкаров прибегали и храмы. Царские тамкары занимались продажей товаров, принадлежавших царю, и ростовщичеством в интересах царя. Например, согласно документу времени Навуходоносора II, царский купец уплатил в Вавилоне за золото определенное количество серебра, «имущество царя». Примечательно, что «главным тамкаром» при дворе Навуходоносора II был Хануну, который, судя по его имени, являлся финикийцем.

Однако в нововавилонское время торговлей могли заниматься не только профессиональные купцы и их агенты, но также и любые частные лица.

Кроме того, в текстах неоднократно упоминаются городские уличные торговцы солью, импортным вином, пивом, кондитерскими изделиями, посудой и т.д. Эти лица занимались розничной торговлей на улицах и разносили свои товары по домам состоятельных людей. Что же касается регулярно функционировавших городских рынков, о них мы пока не располагаем сколько-нибудь определенной информацией.

Часть профессиональных купцов специализировалась на международной торговле. Вавилония продолжала играть роль посредствующего звена в торговле между финикийско-палестинским миром и странами к югу и востоку от Месопотамии. Особенно оживленной стала торговля с Египтом, Сирией, Эламом, Кипром и Малой Азией. Из Египта в Вавилонию доставляли в большом количестве квасцы, которые употреблялись для отбеливания шерсти и одежды и для медицинских целей, а также льняное полотно, пользовавшееся большим спросом из-за его высоких качеств. Из Сирии привозили мед, благовония, пурпурную шерсть, строительный лес, олово, которые приобретались там у купцов, занимавшихся международной торговлей. Эти товары доставлялись до Евфрата и затем их везли на лодках в Вавилон, крупнейший центр тогдашней международной торговли, откуда они распределялись по различным городам страны. Импортом таких товаров занимались коммерческие товарищества, созданные для финансирования торговли на широком уровне. При этом каждый из пайщиков получал свою долю товаров для последующей реализации. В Сирии приобретались также некоторые красители для ткацких изделий, производство которых в это время процветало в вавилонских городах, ставших крупными центрами по изготовлению шерстяной одежды. Эту одежду вывозили в соседние страны, в частности в Элам. Кроме того, из Вавилонии вывозили зерно и другие продукты земледелия.

О торговле с греками свидетельствуют многочисленные эллинские (почти все они афинские) керамические изделия VI в. до н.э., найденные в Вавилоне. В страну в большом количестве ввозили железо с греческого побережья Малой Азии и медь с Кипра. Сохранились документы, датированные 551–550 гг. до н.э., в которых фиксируется доставка нескольких сотен килограммов железа и меди из Явана («Иония», т.е. западное побережье Малой Азии) для храма Эанна в Уруке. В этих же текстах говорится о ввозе из Сирии и Ливана различных импортных красителей, пурпурной шерсти, специй, меда, 20 кувшинов белого вина, около 130 кг египетских квасцов. Железо привозили также и из Киликии. Так, в одном хозяйственном документе времени Набонида говорится о приобретении там более 900 кг этого металла. В тексте, относящемся к 601 г. до н.э., отмечается выдача ткачам немногим более 2 кг «ионийской» пурпурной шерсти для изготовления одежды на статуи богинь храма Эанна.

Что же касается морской торговли, ведущее место в ней при Навуходоносоре II занял Ур, расположенный на пути от Индийского океана к Средиземному морю.

Цены на основные предметы потребления находились на следующем уровне: 1 кур (ок. 180 литров) ячменя или фиников стоил 1 сикль (8,42 г) серебра, 1 кур сезамного зерна — 10 сиклей, 4 литра меда — 1 сикль, 1 талант (30 кг) соли — 1 сикль, 1 мина (505 г) шерсти — $\frac{1}{2}$ сикля. Однако такое же количество импортной пурпурной шерсти стоило около 15 сиклей. Вол и корова стоили около 30 сиклей, а овца — 2 сикля. Кувшин ячменного или финикового пива стоил около 1 сикля, а виноградного вина, которое обычно было импортным, — до 8 сиклей. Лодка стоила 1 мину и больше, дом — от 2 до 5 мин. Средняя арендная плата за дом в течение года составляла 12 сиклей. Обожженные кирпичи стоили 1 сикль за 50–100 штук. За такую же сумму серебра можно было купить 25 кг асфальта, которым пользовались как строительным раствором.

Металл, хотя и был исключительно импортным, ценился сравнительно дешево. Так, 303 кг меди из «Ионии» было продано в Уруке за 3 мины 20 сиклей серебра, 18,5 кг олова — за 55,5 сикля, около 65,5 кг железа из Ливана — за $42\frac{2}{3}$ сикля. За 217,5 кг египетских квасцов уплатили 1 мину $17\frac{2}{3}$ сикля, за 28 кг ляпис-лазури — $36\frac{2}{3}$ сикля серебра.

Во внутренней торговле уплата производилась слитками серебра в виде брусочков, стержней, кружочков, звездочек и т.д. Чеканная монета в стране не употреблялась, и когда она попадала в обращение из внешнего мира, ее принимали по весу как нечеканенный металл. Существовала разработанная техническая терминология для определения чистоты серебра, ходившего по рукам, чтобы оградить торговцев и покупателей от обмана. Слитки серебра содержали различные доли примеси (чаще всего $\frac{1}{8}$, реже $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{12}$ и т.д.) и сопровождалась штампами с указанием пробы. По-видимому, и частные лица, не говоря о храмах, имели право изготавливать слитки серебра, придавая им определенную форму, вес и чистоту, подобно тем слиткам, которые уже находились в обращении. При частой купле-продаже слитки стирались, но это не имело значения, поскольку они каждый раз взвешивались. В текстах нередко упоминается «очищенное серебро», в котором примеси устранялись путем плавки. Меньшую ценность представляло так называемое «белое серебро», где процент примеси был высок.

Дворец и храмы разработали определенную технику для реализации больших сумм податей, добровольных даров и других доходов. Поскольку подать платили серебром довольно низкого качества, чтобы получить необходимое единообразие, это серебро направлялось в дворцовые и храмовые мастерские для очищения и переплавки в слитки стандартного веса и качества, после чего эти слитки хранились в сокровищницах.

Золото было товаром и не употреблялось в качестве денег. Соотношение золота к серебру было приблизительно 1 к $13\frac{1}{3}$ – $13\frac{3}{5}$. Например, в 606 г. до н.э. храм Эанна купил различное количество золота у ряда лиц, в том числе 6 мин у одного тамкара, исходя из расчета 1 талант 1 мина 3 сикля (30 529 г) серебра за 4 мины 25 сиклей (2220 г) золота.

Пути развития социально-экономического строя древнего Ирана*

(К проблеме сложения государственности)

Цель настоящей статьи — охарактеризовать некоторые основные черты экономических и социально-политических отношений Ирана в древности, позволяющие наметить главное направление развития древнеиранского общества от предысторического периода до эпохи Сасанидов (III–VII вв.). Предварительно необходимо, однако, кратко напомнить ряд общих фактов по истории древнего Ирана, в том числе касающихся сложения ираноязычных народностей на территории Иранского нагорья, пояснить, какое историко-географическое содержание в нашем дальнейшем изложении вкладывается в само понятие «Иран» (и данные о каких «иранских» областях привлекаются в настоящей статье), а также остановиться на той роли, которую играл Иран на Древнем Востоке и в период перехода от древности к средневековью.

О характере исторических процессов, проходивших в областях к востоку от Месопотамии, на обширных территориях Иранского плато, до конца II тысячелетия до н.э., можно судить в основном лишь по археологическим материалам. Примерно до IV тысячелетия до н.э. уровень социально-экономического развития в части областей Ирана был в ряде отношений не ниже, чем в Двуречье и в районах Инда, где затем возникла городская культура Хараппы (само ее сложение было во многом результатом предшествующего развития земледельческих культур на Иранском нагорье). К концу IV тысячелетия до н.э. в некоторых местах на западе и юге Ирана применялась пиктографическая письменность, появившаяся в тот же период, что и в Шумере, но затем не получившая дальнейшего развития и распространения в Иране, за исключением Элама, где позже стала употребляться аккадская и собственно эламская клинопись. Занимавший области на юго-западе современного Ирана, преимущественно низменные районы по соседству с Южной Месопотамией, Элам по географическим условиям и характеру экономики значительно отличался от остальной части Ирана и имел много общего с Двуречьем. Соци-

* Положения данной статьи получили отражение в монографии автора «Иран и иранцы до Ахеменидов» (М., 1998). — *Отв. ред.*

альная история Элама в III — первых веках I тысячелетия до н.э. нами здесь не рассматривается.

С конца IV — начала III тысячелетия до н.э. цивилизации больших речных долин Двуречья и Элама, а чуть позже и долины Инда быстро достигли большого прогресса, оставив далеко позади племена и общины Иранского нагорья, хотя его «протогородские» центры и в то время занимали важное место в системе связей и торговых взаимоотношений стран от Двуречья и районов Персидского залива до Индии и Средней Азии. Вместе с тем со временем намечается не только замедление темпов общественного развития областей основной части Ирана в сравнении с цивилизациями Двуречья и Элама, но и некоторый регресс в развитии культуры и общества отдельных районов Иранского плато, примерно совпадающий с упадком городских центров хараппской культуры с начала II тысячелетия до н.э.

Большая часть II тысячелетия до н.э. для ряда иранских областей слабо освещена археологическими материалами и во многом остается «темной эпохой» в истории Ирана и по сравнению с предыдущим периодом, а тем более с концом II — первыми веками I тысячелетия до н.э., когда для значительной части территории Ирана появляются также свидетельства письменных источников (первоначально преимущественно надписей чужеземных царей-завоевателей, хотя письменность, во всяком случае аккадская клинопись, начала применяться и в самих иранских областях).

В первой половине I тысячелетия до н.э. наряду с новым, временным усилением могущества Элама и его роли в международной политике того времени растет значение государственных образований, возникших тогда на северо-западе Ирана. Сначала это были территориально небольшие единицы или в основном города-государства «номового» типа. Но затем возникли и более крупные объединения, прежде всего Манейское царство, принимавшее активное участие в борьбе Ассирии и Урарту (а затем некоторое время бывшее серьезным соперником Ассирии на ее северо-восточных границах), и Эллипи, игравшее сходную роль в районах, где сталкивались интересы Ассирии и Элама. Во второй четверти VII в. до н.э. было создано Мидийское царство с центром в Экбатанах (ныне Хамадан); постепенно оно подчинило себе почти все области Ирана и ряд стран на севере Передней Азии, в том числе Урарту и часть бывшей территории Ассирии, и вместе с Нововавилонским царством стало одной из двух великих держав Передней Азии того времени. Эти процессы отражали характерную в целом для истории Древнего Востока тенденцию к постоянному возникновению все более крупных государств, или империй. Иран (не считая Элама) за несколько веков прошел путь от «номовых» государств, существовавших там к началу I тысячелетия до н.э., до объединения обширных территорий под властью Мидии к концу VII — началу VI в. до н.э.

В середине VI в. до н.э. на смену Мидии пришло государство Ахеменидов, происходивших из Персиды на юго-западе Ирана. Ахеменидское государство подчинило все древние страны Ближнего Востока и иные

территории от Малой Азии и Египта до долины Инда и явилось первой в истории «мировой державой». На востоке оно включало все территории Иранского нагорья и ряд областей Средней Азии, также населенных ираноязычными народностями (парфянами, хорезмийцами, согдийцами и др.).

Эпоха Ахеменидов (550–330 гг. до н.э.) была важным этапом в экономическом, социальном и культурном развитии народов Востока. Возникшие тогда, а частично восходящие к мидийскому времени социально-политические и административно-правовые институты существовали и позже в различных странах от Передней Азии и Закавказья до Индии, но прежде всего в областях Иранского нагорья и Средней Азии с ираноязычным населением.

Ахеменидские политические и культурные традиции играли значительную роль также в империи Александра Македонского, завоевавшего державу Ахеменидов, но использовавшего ряд характерных черт их политики и в эллинистических государствах Востока.

В середине III в. до н.э. в пограничной между Ираном и Средней Азией области возникло Парфянское (Аршакидское) царство, которое ко второй половине II в. до н.э. закрепило за собой всю территорию Ирана. Государство Аршакидов и свергших их Сасанидов (происходивших, как и Ахемениды, из Парса) включало часть районов Афганистана и Средней Азии на востоке, а на западе — основную часть Месопотамии, ряд областей Армянского нагорья и Закавказья и было основным противником эллинистических государств и затем Рима.

Таким образом, на протяжении длительного периода Иран являлся центром крупных государств, включавших большую или значительную часть раннего «классового» ареала Древнего Востока, а с парфянской эпохи — основного государства, противостоявшего силам эллинистического и римского «Запада».

Некоторые из тех менее значительных государственных образований на западе Передней Азии, где ведущую роль играло местное (неэллинизированное) население, большей частью находились в той или иной степени зависимости от эллинистических династий и затем Рима либо, по временам, непосредственно подчинялись им, а эллинистические и римские социально-экономические и культурные традиции сохраняли там большое значение до конца эпохи древности. В Иране процесс взаимодействия эллинистических и местных, иранских, традиций в целом завершился поглощением первых последними на протяжении первой половины парфянской эпохи.

История иранских государств в мидийско-ахеменидскую и парфяно-сасанидскую эпохи явно противоречит мнению об эфемерности великих держав Востока периода поздней древности. Так, при Аршакидах и Сасанидах государство примерно в одних границах просуществовало около 800 лет. В это время, как и в эпоху мидийско-ахеменидской державы, осуществлялся успешный отпор вторжениям кочевников (что составляет существенное отличие в истории Древнего и Средневекового Востока),

подавлялись силы внутренней «племенной периферии» — мощного и длительного фактора политической и социально-экономической нестабильности в средние века.

Указанные факторы способствовали прогрессу хозяйства и производительных сил, подготовившему расцвет экономики и культуры Ирана в раннем средневековье, когда области Иранского плато и сопредельных территорий Средней Азии входили в число передовых стран Востока и цивилизованного мира в целом. Все это, естественно, имело свои предпосылки в предшествующей истории. Для большей части Ирана данные процессы могут быть прослежены, с учетом данных письменных источников, начиная с первых веков I тысячелетия до н.э.

К этому времени уже во многом проявляется характерный для развития стран Древнего Востока процесс постепенной утраты политической гегемонии ранними классовыми центрами аллювиальных долин Египта, Двуречья и др. (в Иране такие цивилизации были представлены Эламом, насчитывавшим уже около двух тысячелетий письменной истории со времени, когда появляются сравнительно обстоятельные данные письменных источников об остальной части Ирана). Ведущая роль постепенно переходит от этих центров к иным районам старого земледельческо-скотоводческого ареала Востока, в которых после важных производственных и социальных нововведений в эпоху, переходную от первобытно-общинной к классовой, наблюдается замедленный в сравнении с обществами аллювиальных долин темп экономического развития и лишь позже — большой хозяйственный, социальный и политический прогресс. Эти пока недостаточно изученные процессы имеют принципиальное значение для понимания общего культурно-исторического развития стран Древнего Востока. Общества же упомянутых аллювиальных долин представляют отнюдь не единственный путь этого развития и с точки зрения исторической перспективы не главный его вариант: к началу средневековья они уже давно не были ведущими странами Востока, и получившие тогда распространение социальные процессы осуществлялись на широком историко-географическом фоне и при политическом преобладании иных областей. Но между теми и другими осуществлялось экономическое, культурное и политическое взаимодействие на протяжении всей истории Древнего Востока, а в I тысячелетии до н.э. — середине I тысячелетия н.э. они входили в состав одних и тех же больших государств.

Важный этап в истории развития древневосточных государств составляет мидийско-персидская эпоха. Сложение Мидийской и Ахеменидской держав отражало упоминавшиеся закономерности социально-экономического и политического развития Ближнего и Среднего Востока, но вместе с тем имело свои конкретно-исторические причины, в том числе этнического порядка. В предшествующий период — со времени появления там племен этой этноязыковой группы в конце II тысячелетия до н.э. — происходило постепенное распространение по территории Западного Ирана ираноязычного населения. В эпоху расселения ираноязычных племен на этих

территориях экономическое и политическое преобладание первоначально принадлежало городским или «номовым» центрам и государствам, созданным старым местным населением, включая упоминавшиеся Манейское царство и Эллипи. Позже автохтонные группы различной этноязыковой принадлежности были ассимилированы ираноязычными народностями, в основном уже преобладавшими в Иране с мидийско-ахеменидской эпохи. Особенности их культуры, социального и политического строя во многом определялись этническим наследием иранских племен. Вместе с тем от ассимилированного местного населения были восприняты его хозяйственные достижения, ряд черт его культуры, а созданные им ранее образования государственного типа намного ускорили темпы общественного развития иранских народностей. Дальнейшее воздействие на социальное и политическое развитие мидян и персов оказали контакты с древними классовыми цивилизациями Элама, Вавилонии, Ассирии и других стран, со временем к тому же инкорпорированных в состав Мидийской и затем Ахеменидской державы.

Конкретные особенности социальной структуры, иных общественных, семейных, правовых отношений, политического строя тех же иранских народностей находят, однако, ближайšie аналогии именно в обществах племен и народов той же этноязыковой (иранской) группы. Отчасти это было результатом контактов между ними, продолжавшихся в историческую эпоху, когда они входили в состав одних и тех же великих держав, начиная с Мидийской и Ахеменидской. Влияние этих контактов было особенно глубоким вследствие существовавшего уже ранее большого сходства (или идентичности) общественных институтов различных иранских народов, так как сами эти институты развивали соответствующие черты социального строя, свойственные иранским племенам до их расселения по обширным пространствам, в том числе до их появления на территории Ирана в его современных границах.

К предпосылкам возникновения классового общества и государства у иранских народностей Ирана, таким образом, относятся, с одной стороны, процессы экономического и общественного развития старого местного населения страны до распространения там иранских племен и, с другой — особенности социально-политического строя последних ко времени их появления в Иране и в период расселения по его территории.

Распространившись по территории Ирана в первой половине I тысячелетия до н.э., ираноязычное население сохранило свою этническую самобытность до настоящего времени, несмотря на бурную средневековую историю страны, неоднократные вторжения и политическое господство арабов, а позже тюркских, а также монгольских племен. Из современных иранских народов наиболее многочисленны персы, игравшие большую роль и в древности; тогда они обитали в основном на юго-западе и юге Ирана, но со временем, преимущественно с сасанидской эпохи, персидский язык и персоязычное население широко распространились в других областях, в том числе в основной части Мидии и в Парфии-Хорасане.

Известные в древности иранские народности: мидяне, парфяне и др. — влились в состав персоязычного населения, а также некоторых других иранских народов и (частично) иных этнических групп, в средние века прежде всего тюркских. Но на большей части территории страны преобладающими остались ираноязычные народности. Можно подчеркнуть, что Иран является одной из немногих стран Ближнего Востока, где по данным источников представляется возможным проследить линию этнической преемственности и историю населения одной и той же этноязыковой принадлежности начиная уже с первой половины I тысячелетия до н.э.

Как и родственные древнеиндийские (индоарийские) племена, древние иранцы, в том числе персы и мидяне, называли себя «ариями». От этого слова происходит и само название «Иран» — ранее «Эран», как оно произносилось в среднеперсидском языке. Известно, что государство Сасанидов именовалось Эраншахр — «царство иранцев», или «ариев»; Эран, в свою очередь, восходит к древнеиранскому «Арьянам» — «страна (или царство) ариев».

Понятие «Иран» применяется в научной литературе в различном, часто очень широком значении, в том числе для обозначения территории в пределах современного государства Иран. В европейских языках до 30-х годов XX в. оно обычно называлось, а нередко называется и теперь Персией (это слово через греческую и латинскую передачи восходит к иранскому *Парса* — этнониму древнеперсидских племен и названию их области на юго-западе Ирана, являвшейся, как уже говорилось, первоначальным центром Ахеменидов и Сасанидов).

Как географическое понятие «Иран» включает Иранское плато и окаймляющие его горы — от предгорий Загра, обращенных к Двуречью, до горных районов, спускающихся к долине Инда, т.е. территории Ирана, Афганистана и Белуджистана в современном Пакистане. В историко-культурном отношении под «Ираном» во многих работах XIX–XX вв. понимается еще более обширный ареал, включающий и Среднюю Азию, население которой в древности также говорило на языках иранской группы (позже постепенно уступивших свое место тюркским языкам). Области Средней Азии и Афганистана вместе с районами современного Ирана к востоку от пустынь Деште-Кевир и Деште-Лут часто называются «Восточным Ираном» в отличие от «Западного» — по другую сторону этих пустынь и Каспийских ворот (перевалов у юго-востока Прикаспия, между областями Тегерана–Рея и Хорасаном).

Вся эта терминология, однако, весьма расплывчата и неточна как в историко-культурном и политическом отношении, так и лингвистически. Границы между областями распространения восточноиранских и западноиранских языков, на которые подразделяется иранская языковая семья, всегда были иными (так, западноиранским был и язык Парфии — восточнее Деште-Кевир и Каспийских ворот). А ираноязычные племена в древности, а частично еще и в средние века обитали также далее к северу от всех упомянутых территорий, занимая евразийские степи от Восточного

Туркменистана до Северного Причерноморья (скифы, сарматы, аланы и др., к потомкам сармато-аланских племен принадлежат осетины). И эти племена тоже называли себя «ариями». Но сама форма Эран — Иран — возникла и в основном бытовала именно в западноиранских языках Иранского нагорья.

В настоящей статье речь идет о социальной истории тех «иранских» областей, которые входили в состав великих держав: Мидийской, Ахеменидской, Парфянской и Сасанидской, а также о процессах, предшествовавших сложению классового общества и государства у населения тех же территорий. Вместе с тем многие проблемы древней истории Ирана не могут рассматриваться без привлечения данных по истории ираноязычных племен и народов, обитавших на иных территориях, в том числе в евразийских степях, включая районы к северу от Черного моря, — скифов). В этих областях находилась и древняя родина племен — носителей предшественников иранских и индоарийских языков. Здесь следует подчеркнуть, что предки ираноязычных племен Ирана и индийских ариев покинули свою прародину еще до становления на обширных пространствах евразийских степей кочевого скотоводства и до разделения племен на кочевников и земледельцев. Ранее хозяйство областей этой степной зоны было скотоводческо-земледельческим; археологические материалы II тысячелетия до н.э. могут указывать на возникновение тенденции к развитию кочевого скотоводства (ср., например, появление погребальных комплексов в открытой степи), но эти скотоводческие группы принадлежали к тем же племенам, что и обитавшее поблизости, преимущественно вдоль рек, в постоянных поселениях оседлое население, тогда еще продолжавшее, очевидно, составлять большинство этих племен. Сравнительные историко-лингвистические данные свидетельствуют примерно о том же типе хозяйства в индоиранскую эпоху, а также в общеиранский период (когда большую роль стало, однако, играть отгонное скотоводство и мелкий рогатый скот стал в большей степени преобладать над крупным); земледелие было достаточно развитым как в общеарийскую эпоху, так и в иранский период, когда применялись плуг или соха; скот, однако, был главным мерилем богатства и основной добычей в межплеменных войнах, а основная масса свободных членов племени характеризовалась как владельцы скота и скотоводы. Во время своих миграций индоиранские племена, используя лошадь и крупный рогатый скот как транспортное средство, распространились по обширным территориям; при этом они обладали большой подвижностью, но отнюдь не были кочевниками; при своих продвижениях они периодически останавливались, обитая в недолговременных поселениях, вокруг которых занимались и земледелием. Такая картина вырисовывается по данным Ригведы; археологически о том же могут свидетельствовать стоянки степняков с соответствующей («степной») керамикой и сильно развеванным культурным слоем, открытые в Средней Азии и относящиеся к середине — второй половине II тысячелетия до н.э.

Сложение собственно кочевого хозяйства и объединений кочевых племен на обширных территориях северных степей относится к первым векам I тысячелетия до н.э. Помимо археологических материалов о социальных отношениях у ираноязычных кочевников этой зоны позволяют судить прежде всего сведения античных авторов о скифо-сарматских племенах и данные языка, эпоса и этнографии осетин. Эти свидетельства не подтверждают бытующего мнения, по которому массовый переход к номуадизму сопровождался коренными изменениями в общественном строе и многих формах социальной организации предшествующего периода, а также сложением новой, «кочевнической» общественной структуры. Напротив, упомянутые свидетельства показывают, что конкретные особенности социального строя скифо-сарматских племен во многом развивают общественные институты общеиранского периода и находят вместе с тем соответствия в обществах оседлых иранцев (поэтому указанные данные приобретают большое значение при уяснении генезиса и характера таких черт социального строя у ираноязычных племен и народностей в целом).

К середине I тысячелетия до н.э. ираноязычные номуады распространились также в ряде районов Иранского нагорья и севера Передней Азии. В период продвижения на эти территории иранские племена были в целом однородны в хозяйственном отношении, но затем из среды этих скотоводческо-земледельческих племен выделились группы, переходившие к кочевому хозяйству и быту, при дальнейшем развитии земледелия у другой, большей части племен. Кочевые иранские племена на этих территориях были распространены главным образом в горных районах, где в соответствующих экологических условиях возникновение кочевого и полукочевого скотоводства было во многом подготовлено хозяйственными процессами, проходившими уже с IV–III тысячелетия до н.э. (см. ниже). Но определенный вклад в хозяйственные предпосылки формирования кочевого скотоводства внесли и скотоводческие, в том числе коневодческие, навыки иранских племен. В отдельных горных районах Ирана и севера Передней Азии к кочевничеству, видимо, переходили и группы старого местного населения. Но со временем эти разноязычные группы в основном влились в состав иранских племен, которые расселились по упомянутым горным ареалам и обитали там вплоть до нового и новейшего времени (луры, бахтиары, курды и др.). В общественных отношениях и обычаях этих племен долго сохранялись архаичные черты, восходящие к древним социальным институтам иранцев.

При упомянутом хозяйственном и бытовом разделении ираноязычных племен Иранского нагорья большинство, как говорилось, переходило к оседлому скотоводческо-земледельческому хозяйству (безусловно, при влиянии земледельческих, строительных и т.п. традиций старого местного населения). Геродот из десяти перечисленных им персидских племен шесть называет земледельческими, а четыре — кочевыми; мидяне же были целиком «земледельцами». Представители именно этих оседлых иранских племен оказались господствующими на больших территориях Передней

Азии и Среднего Востока (напротив, в обширных районах южнорусских степей политически ведущими стали ираноязычные кочевники). Оседло-земледельческими группами были созданы первые, территориально незначительные, государственные образования ираноязычного населения, а затем Мидия и Ахеменидское царство, возникшее на основе связей именно «земледельческих» персидских племен. Оседло-земледельческим было и население Парфии; правда, при создании Парфянского царства большую роль сыграло вторжение туда кочевников-парнов во главе с основателем династии Аршакидов. Но кочевники были, видимо, скоро ассимилированы местной парфянской средой, а мнение о большой роли кочевых традиций в становлении институтов Парфянского государства вряд ли правомерно; соответствующие особенности государственного строя Парфии вполне объясняются обычаями иранского оседло-земледельческого населения. Такие важные области Парфянского государства, как Мидия, Гиркания и т.д., тоже были старыми иранскими земледельческими районами. Это тем более относится к державе Сасанидов и ее основным областям. Как показывают современные археологические данные, для парфянской и сасанидской эпох характерен в целом непрерывный поступательный рост площади обрабатываемых земель и количества поселений на территории Ирана. Это касается и такой позже типично «кочевнической» области, как Луристан; но после сасанидской эпохи там наблюдается сокращение числа поселений, сопровождавшееся, очевидно, переходом части оседлого населения к кочевому хозяйству и ее включением в состав кочевых племен.

Можно, таким образом, говорить об общей линии развития ираноязычного населения оседло-земледельческих иранских областей с первой половины I тысячелетия до н.э. до середины — начала второй половины I тысячелетия н.э., в период существования великих иранских государств, начиная с Мидийского. Его предыстория, а также история некоторых предшествовавших ему мелких образований государственного типа, созданных представителями ираноязычного населения на западе Ирана, известны по скудным и отрывочным, но зато точно документированным и надежно датированным сведениям ассирийских текстов IX–VII вв. до н.э.

С территориями Северо-Восточного Ирана, Афганистана и Средней Азии связано происхождение главного источника для изучения иранской древности — свода священных книг зороастрийской религии, Авесты. Вопрос о месте и времени возникновения зороастризма и сложения Авесты остается спорным. Язык основной части свода, Младшей Авесты, близок к западноиранским, но имеет и восточноиранские особенности, больше выраженные в древнейшей части Авесты — Гатах пророка Заратуштры. В Младшей Авесте называется ряд известных и по другим источникам областей упомянутых выше территорий: на севере до Хорезма и Согда в Средней Азии, на востоке до областей у границ Индостана, на западе, вероятно, до Раги (очевидно, Рага, позже Рей, в районе Тегерана); одна из областей раннего распространения зороастризма находилась на территории Сеистана (на границе Ирана и Юго-Западного Афганистана). В период

Младшей Авесты эти зороастрийские «страны» выступают в источнике как области с развитым земледельческим хозяйством. Но в сохраняемой в тех же текстах архаичной традиции и в Гатах на первое место выступает скотоводство, в основном, очевидно, оседлое и сочетавшееся с земледелием; особую роль играл крупный рогатый скот, вместе с тем, как отмечалось, развивалось отгонное скотоводство с выпасом мелкого рогатого скота. В зороастризме всегда придавалось большое значение умножению благ материального бытия, в Гатах это преимущественно разведение скота, в Младшей Авесте — земледелие, ирригация. Авестийское обозначение третьей социальной группы (основной части свободного народа) *вастрьо-фшуиант* является сложным словом, обе части которого связаны собственно со скотоводством, первая — с лугами, пастбищами, вторая — непосредственно со скотом (*пасу*, *фшу* — «скот», *фшуиант* — «разводящий скот», «занимающийся скотоводством»). Но в Младшей Авесте подразумевается, что основное занятие этой группы — земледелие, и сам указанный термин стал затем обозначать именно «земледельцев» (как и его среднеперсидское продолжение — *вастрьошан*). Надежные основания для датировки различных частей Авесты отсутствуют. Можно лишь условно относить время жизни Заратуштры и составления Гат ко времени примерно между X–VII вв. до н.э., но и основные части Младшей Авесты, в том числе содержащие немногочисленные историко-географические реалии, должны, видимо, относиться к периоду до середины I тысячелетия до н.э., т.е. до завоевания и освоения Ахеменидами областей на востоке Иранского плато и в Средней Азии. Однако некоторые разделы Авесты составлялись и редактировались в более позднее время. Видимо, в ахеменидскую эпоху зороастризм распространился и на запад Ирана, где ранее бытовали сходные религиозные верования. Авеста стала священной книгой персидско-мидийских жрецов, сохранялась ими, частично дополнялась на ставшем священным авестийском языке и кодифицировалась вплоть до сасанидской эпохи.

Многие отраженные в Авесте социальные и правовые институты еще долго бытовали в древнем Иране. Но в целом Авеста для времени сложения ее основных частей, а также по частично сохраняемой в ней более архаичной традиции представляет тот уровень развития социальных отношений, который соответствует конечному этапу разложения первобытно-общинного строя, времени сложения классового общества и ранней государственности. В авестийском ареале существовал целый ряд основанных на территориальных связях политических образований — *дахью* («страна»), каждое из них возглавлялось своим *дахьюпати* («владыка, глава дахью»); «владыка страны» был также ее религиозным главой и судьей (*дахьюма*). Вместе с тем, по данным Младшей Авесты, возникло объединение группы таких «стран» во главе с «дахьюпати всех дахью» и советом «первейших» из этих стран. Центр данного объединения, возможно, находился в районе Герата и Мерва или на территории Систана.

Сходные процессы проходили в Западном Иране в период создания Мидийского царства. По рассказам греческих авторов, Мидия была объ-

единена Дейоком. Его имя, как и Дайуку, известное по ассирийским текстам VIII в. до н.э. имя двух других правителей разных владений из Западного Ирана (в том числе из Мидии), передает иранскую форму *Дахьюка*. Это имя-титул указывает, что владения, где правили все упомянутые лица, считались «странами» — дахью, и, очевидно, соответствует авестийскому *дахьюпати* и *дахьюма*, главе «страны» и ее судье. По античной традиции, Дейок был сначала правителем и «судьей» в своей местности (т.е. *дахью* — «стране»), а затем возглавил мидийское объединение, еще состоявшее из различных «стран» и округов со своими правителями, и власть Дейока была ограничена определенными функциями, прежде всего «судьи» всей Мидии. Видимо, в борьбе с местными правителями он добился того, что на специально собранном совете «всех мидян» (или, скорее, тех же «первейших» из различных «стран» Мидии) был провозглашен «царем», после чего были предприняты дальнейшие меры по укреплению его власти. Заложенные тогда институты Мидийского царства оказались более устойчивыми, чем в упомянутом выше объединении на территории Восточного Ирана. Оно, очевидно, было весьма непрочным и просуществовало недолго, погибнув, возможно, в эпоху мидийских завоеваний. Во всяком случае, соответствующие процессы социально-политического развития не получили самостоятельного завершения, а все области «авестийского ареала» входили затем в состав Ахеменидской державы.

Таким образом, этапы сложения ранней государственности в Западном и Восточном Иране были близки по времени и сходны по характеру, а также по применявшейся и тут и там терминологии. Но процессы этого развития проходили на западе быстрее, имели более глубокий и законченный характер, что, безусловно, связано с влиянием таких цивилизаций, как вавилонская и ассирийская, урартская, эламская, а также с непосредственными контактами с государственными образованиями, возникшими у старого местного населения самого Западного Ирана. Это были, как говорилось, государства «номового» типа и некоторые царства, объединившие под своей властью более обширные области. У иранцев ранние этапы развития государственности также были связаны с мелкими территориальными единицами. В предахеменидскую эпоху представление о племени еще существовало, но само племя уже не было основой политической организации ни у создателей Авесты, ни у мидян и персов. Трудно сказать, имелись ли у предков иранцев и индоариев в эпоху до их дальних миграций крупные племенные союзы и что они могли собой представлять. Едва ли они играли значительную роль и во время этих миграций: продвижение западноиранских племен в Иран в целом не носило характера завоевания и не сопровождалось переходом власти на значительных территориях к представителям этих племен (в чем также состоит большое отличие от вторжений на Средний и Ближний Восток тюркских и монгольских племен в средние века). Более того, распространившееся в Западном Иране ираноязычное население в большей части оказалось в зависимости от политических образований, созданных старым местным населением в самом

Иране (Элам, Мана, Эллипи и т.д.) или за его пределами (Ассирия, Урарту). Судя по ассирийским источникам, существовали, правда, объединения какого-то типа у мидян и персов (а по сведениям античных авторов, и те и другие подразделялись на несколько племен). Но согласно данным тех же ассирийских текстов, области Мада и Парсуа насчитывали на своей территории большое число отдельных политических единиц со своими правителями (в сравнительно небольшой области Парсуа их в IX в. до н.э. было около 30); они самостоятельно приносили дань ассирийцам или выступали против них, когда одни соглашались платить дань, а другие решались на сопротивление. В основном это были сельские округа с укрепленным центром в каждой. Но некоторые из них постепенно усиливались (в том числе за счет соседей в своей области или присоединения отдельных районов примыкающих областей); росли и их центры, превращаясь в настоящие города-крепости с цитаделями и дворцами. Таким образом, они становились в ряд с территориально небольшими образованиями государственного типа, созданными старым местным населением. Однако большинство и тех и других было ослаблено и поглощено Ассирией, Урарту, а также «местным» Манейским царством. Но затем в Мидии, после свержения ассирийской власти, было создано более крупное государство. Возможно, что при его создании были использованы представления о существовавших ранее общеплеменных связях мидян, хотя в IX–VIII вв. до н.э. какая-либо роль таких связей не прослеживается, а имя «Мада» выступает прежде всего как географическое или также этническое название (впрочем, на территории Мидии наряду с ираноязычным сохранялось еще и старое местное население). Но само Мидийское царство во второй четверти VII в. до н.э. определенно возникло как объединение не племенных, а территориальных единиц, прошедших к этому времени большой путь социального развития.

Согласно данным античной традиции, после провозглашения Дейока царем был построен большой царский город Экбатаны с дворцом и сокровищницей внутри цитадели, окруженной рядами стен, за которыми был поселен «прочий» народ. Была создана царская стража из лиц, избранных самим царем, установлены строгие дворцовые порядки и этикет, к царю можно было обращаться лишь через вестников или подавая письменные прошения; этими мерами, как отмечается в источнике, преследовалась цель оградить и возвысить царя перед членами знатных родов, ранее равными ему по положению и происхождению. Была учреждена и полицейская служба, по всей стране имелись соглядатаи и подслушивающие (оба чина известны и при Ахеменидах, второй из них — *гаушака*, от *гауша*, фарси — *гуш* «ухо»).

Многое в этом рассказе может отражать порядки времени существования Мидийской державы вообще (хотя к правлению Дейока относится само утверждение царской власти, основание столицы, возвышение царя над правителями других вошедших в царство «стран», реальное объединение Мидии). Существенно, однако, что иранская традиция, лежащая в основе этих сведений античных авторов, связывала именно с Мидийским

царством упомянутые нововведения, в которых легко узнаются черты, характерные, согласно положениям нашей науки, для первых этапов развития государства. Здесь отражено формирование специальных органов и учреждений государственного механизма; к судебным функциям правителя (существовавшим уже ранее в упомянутых иранских «странах») добавляется полицейская служба; создается военный контингент, зависящий лишь от царя и не связанный с народом-войском (составлявшим, однако, и позже основу мидийской и затем ахеменидской армии), и т.п. Публичная власть теперь во многом уже не совпадает с народом и формами его организации (в том числе частично и с институтами, выражавшими интересы военно-родовой аристократии в период разложения первобытно-общинного строя); верховная власть в лице царя отделяется от населения, становится над обществом. Данные античных источников о Мидийском царстве подразумевают также существование в нем письменности. Но письменные памятники Мидийского государства пока неизвестны; центры Мидии той эпохи почти не раскапывались; не исследовалась и ее столица Экбатаны, остатки которой лежат под домами современного Хамадана. Не раскопаны и центры Манейского царства, о применении в котором письменности свидетельствуют сообщения ассирийских источников. Исследователи не сомневаются в ее наличии и в Мидийской державе. Нередко полагают, что это была та же письменность, которая употреблялась при Ахеменидах и обычно называется древнеперсидской. Но более вероятно мнение, что она была введена лишь при первых Ахеменидах, к тому же она применялась лишь в официальных прокламативных памятниках и не использовалась в делопроизводстве. Имеются, однако, основания для предположения, что в Мидийском государстве употреблялись вавилонские язык и письменность (как языком ахеменидской канцелярии в Парсе был долгое время эламский). Вместе с тем эпиграфические находки из Северо-Западного Ирана, относящиеся к концу II — первым векам I тысячелетия до н.э., показывают, что в некоторых областях между озером Урмия и Луристаном были знакомы с аккадской клинописью. С территории одной из лежавших у западных границ Мидии политических единиц (с неираноязычным населением) происходит бронзовая пластина с надписью на аккадском (вавилонском) языке. Она датируется примерно X в. до н.э. и является распоряжением местного правителя, объявляющим об освобождении части подданных от натуральных поставок.

Таким образом, первое крупное государство (Мидийское) возникло у иранцев в Западном Иране во второй четверти VII в. до н.э. За два-три века до этого началось сложение мелких государственных образований территориального типа во главе с представителями ираноязычного населения (у старого местного населения государства «номового» типа возникали уже ранее, вероятно с последних веков II тысячелетия до н.э., в период, не освещенный письменными источниками). Мы имеем дело с редким случаем, когда процесс сложения государственности у данного народа может быть прослежен по отдельным, точно датированным фактам, известным

по иноземным, ассирийским, а также урартским источникам. Вместе с тем материалы ассирийских надписей и сведения более поздней античной традиции о возникновении Мидийского царства становятся более ясными в свете авестийских данных и терминологии (а упомянутые свидетельства о Западном Иране, в свою очередь, могут также служить примерным ориентиром для датировки аналогичных социально-политических процессов, отраженных в Авесте, и ее соответствующих разделов).

Итак, материалы Авесты относятся в основном ко времени перехода к классовому обществу или также к его ранним этапам; вместе с тем она содержит данные о существовавших или развивавшихся у иранцев на протяжении эпохи древности общественных институтах, формах семьи и социальной организации, структуре общества и т.п. Во многих случаях те же термины или те же по сути институты и понятия засвидетельствованы для западных иранцев, но данные Авесты обычно помогают понять смысл таких свидетельств, часто фрагментарных и неясных. Дополнениями к этим западноиранским и авестийским материалам могут служить также отдельные данные дошедших документов поздней древности — начала средневековья, составленных на языках среднеазиатских земледельческих народов иранской группы: согдийцев и хорезмийцев. Помимо генетических связей с другими «иранцами» такие данные могут также отражать результаты контактов в более позднее время; так, и Согд и Хорезм входили как в «авестийский ареал», так и в состав державы Ахеменидов.

К социальной истории древнего Ирана — в отличие от ряда других стран Передней Азии и Египта — может быть привлечен лишь ограниченный круг хозяйственных, юридических и т.п. документов. Помимо упомянутых согдийских и хорезмийских текстов это относящиеся к I в. до н.э. парфянские документы на глиняных черепках из Нисы (в Южной Туркмении), содержащие сведения о податной и административной системе Парфянского царства, и Авроманские пергаменты с контрактами на греческом и парфянском языках (I в. до н.э. — I в. н.э.), свидетельствующие о возможной продаже земли общинником при согласии его соседей, а также принадлежащие к ахеменидской эпохе многочисленные эламские документы из Персеполя, всесторонне характеризующие ахеменидское царское хозяйство на территории Персиды и Элама. Разнообразные документы из других, западных, областей Ахеменидского государства свидетельствуют о порядках на территории державы в целом, а не о положении в самом иранском обществе. Исключение составляют данные о хозяйствах представителей персидской знати, особенности имели, очевидно, и хозяйства знати на территории Ирана (что подтверждается отдельными сведениями упоминавшегося эламского архива из Персеполя). Кроме того, в документах из западных провинций державы иногда упоминаются важные социальные термины иранского происхождения, что указывает на их бытование в то время и в собственно иранских областях.

Официальными текстами на иранских языках являются ахеменидские и сасанидские надписи; они дают ценные свидетельства, но, к сожалению,

объем содержащейся в них информации социального плана невелик, как ограниченно и само число этих надписей (в основном раннеахеменидского и раннесасанидского времени). Впрочем, некоторые их данные, важные для социальной проблематики, еще не нашли отражения в работах об общественном строе ахеменидской Персии или древнего Ирана в целом. То же можно сказать о сведениях античной литературы об ахеменидском Иране, из которых не учитываются отдельные свидетельства, откуда можно сделать существенные выводы о политических институтах и социальной стратификации самого персидского общества, находящие соответствие в собственно иранской традиции. Роль данных античных авторов о Парфянском государстве тем более возрастает, что сведения местных источников об этой эпохе крайне незначительны (но некоторые сообщения греко-римских историков о Парфии, как известное место о рабах в парфянском войске у Трога-Юстина, не поддаются в дошедшем виде убедительному истолкованию, а существующие трактовки едва ли соответствуют реальному положению в иранском обществе того времени, да и смыслу дошедшего пассажа в целом). Напротив, значение сведений позднеантичной и византийской литературы об Иране в сасанидскую эпоху не столь велико, зато важный материал содержится в армянской, а также сирийской литературе. Собственно иранские источники представлены в основном раннесасанидскими надписями и среднеперсидской, или «пехлеви́йской», литературой, дошедшие сочинения которой составлены в позднесасанидское время и в последующую эпоху (во многом основываясь также на материалах сасанидского времени). К началу VII в. относится сасанидский судебник «Матакдан-и хазар датастан», во многом повторяющий положения более раннего времени. К сасанидской литературе, в том числе исторической, восходят сведения по истории, социально-политическому строю, культуре доисламского Ирана в трудах арабо- и персоязычных авторов раннемусульманского времени. Эти сведения объединяют собственно исторические данные с эпическими и иными, традиционными для религиозной зороастрийской литературы. Это относится и к дошедшим сочинениям последней. Отражая многие важные социальные детали, она нередко могла следовать традиции, упоминая и явления, выходящие из социальной практики. Но большей частью все же можно примерно определить, к какому времени относятся соответствующие сочинения и когда в действительности бытовали упоминаемые в них социальные реалии. К тому же для целей настоящей работы не столь важно, как более точно, например в пределах сасанидской эпохи, датировать данное явление или определить время, до которого оно бытовало в действительности. Представляется, однако, вполне возможным сравнить положение в сасанидскую эпоху или к ее началу с более ранними периодами, начиная со времени сложения у иранских народов государственности, т.е. по данным Авесты, раннеахеменидских надписей, сведений античных авторов об ахеменидском Иране и т.п. Таким образом, для эпохи иранской древности можно проследить основную линию социально-политического развития,

существовавшие в самом обществе взгляды на положение отдельных социальных групп или сословий, изменения в их положении и т.п.

Как уже говорилось, к предпосылкам становления классового общества и государства у ираноязычных народов Ирана относятся процессы экономического и социального развития старого местного населения страны до распространения там иранских племен. Перейдем теперь к более подробной характеристике этих процессов со времени становления земледельческо-скотоводческого хозяйства (или со времени «неолитической революции»). Широкие и плодотворные археологические исследования 1950–1970-х годов в Иране и соседних странах Передней Азии позволили во многом по-новому характеризовать хозяйственное и общественное развитие населения этих стран между XI–X и IV–III тысячелетиями до н.э. и основные этапы данного развития.

Уже в конце палеолита наметилась неравномерность в экономическом развитии различных районов Старого Света, впоследствии еще более углубившаяся. Интенсивное развитие особенно характерно для Передней Азии (включая Западный Иран), где раньше внедряется ряд новшеств в каменной индустрии и затем в возникшей металлургии, а при сходном (но часто разновременном) уровне техники камня и металла происходит более глубокий и быстрый по сравнению со многими другими странами прогресс в иных отраслях хозяйства и общественных отношениях. Становление земледелия и скотоводства ранее всего проходило в горных районах Загра, Тавра, Сирии и Палестины.

Ранний переход к новым формам хозяйства в этих областях Передней Азии был осуществлен в силу совокупности ряда причин. Уже в конце палеолита эти области входили в ареал культур, где рано появились типы орудий, характерные для последующей эпохи, а охотничье-собираческое хозяйство, приобретая новые черты и обеспечивая весьма многочисленное по тому времени население, приближалось к пределу в своем развитии. Ускорению этих процессов способствовало и изменение климата — около XI–X тысячелетий до н.э. в Иране и соседних областях он стал жарче и суше.

В горных областях Передней Азии появились предки основных домашних животных и произрастали предшественники многих культурных растений, в том числе пшеницы и ячменя, составивших основу земледелия в западной части Старого Света. Дикорастущие ячмень и пшеница широко распространены в горных районах Сирии и Палестины, юга Турции, в Курдистане и Луристане. В той же зоне, по данным археологии, и проходила первичная культивация этих злаков. Скотоводство также возникло впервые в Передней Азии (а его наиболее ранние свидетельства относятся к Курдистану). С начала становления скотоводства и земледелия они развивались в целом одновременно, и это развитие в ту эпоху завершилось сложением комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства.

К XI–X тысячелетиям до н.э. обитатели ирано-иракского Загра постоянно употребляли в пищу зерна диких злаков и стали приручать животных. К началу IX тысячелетия до н.э. в этих районах определенно имелись до-

машние козы и овцы, дававшие большую часть мясной пищи, встречается уже много зернотерок, ступ, пестов и вкладышей жатвенных ножей. Началось выращивание злаков, еще сопутствовавшее собирательству. В то же время возникают открытые поселения, сначала, вероятно, как сезонные стоянки общин, обитавших и в пещерах. Затем жизнь на ряде поселений становится более постоянной и растет их площадь — хозяйство уже позволяло прокормить значительное население, сконцентрированное на одном месте. Жили тогда в хижинах или полуземлянках с каменной обкладкой полов. Найденные на стоянках этого периода кремневые орудия, характерные для загросской культурной общности той поры, типичны для мезолита, хотя появляются крупные, еще грубые, частично шлифованные каменные изделия неолитического типа.

Радиоуглеродные даты для памятников этого периода указывают на конец X — середину IX тысячелетия до н.э. Но памятники сходного типа бытовали еще около тысячелетия. В целом по характеру хозяйства они относятся ко времени развития скотоводства и земледелия, сочетавшихся с первоначально преобладавшими, а затем постепенно уступавшими им по значению охотой и собирательством. В последующую эпоху ведущую роль стали играть новые формы хозяйства. Рубежом между этими двумя эпохами условно можно считать время появления поселений с долговременными глинобитными домами.

Ранние приемы глинобитного строительства и сырцовой архитектуры изучены в слоях тепе Гандж-Даре (в районе Харсина), датируемых серединой VIII — началом VII тысячелетия до н.э. Как показывают следы копыт на кирпичах раннего слоя, по ним ходил скот, пока они сушились на солнце. Кости животных с тепе в основном принадлежат потенциально домашним видам, главным образом бесспорно одомашненной козе. О широком употреблении растительной пищи свидетельствуют зернотерки, ступы и т.п., а также глинобитные лари для хранения и громоздкие сосуды со стенками в 4 см толщиной. Эта «керамика» — одна из древнейших в Передней Азии. В верхних слоях Гандж-Даре встречаются меньшие сосуды лучшего качества, обжигавшиеся в особых печах.

Примерно к тому же времени относится ряд памятников, выявленных на северо-востоке Луристана, где глинобитные строения появились ранее керамики. В другой части Луристана, в долине Хулайлан, раскопано тепе Гуран и прослежена культурная эволюция в конце VIII — первых веках VI тысячелетия до н.э. Сначала тут жили в полуземлянках и хижинах и не было глиняной посуды, затем появляется керамика и позже — сырцовые дома, строительство и отделка которых постепенно улучшались.

В конце VIII — VII тысячелетии до н.э. на поселениях Загра вполне преобладало земледельческо-скотоводческое хозяйство. Мелкий рогатый скот и злаки приобрели признаки генетических изменений в результате давней доместики и культивирования; стали выращиваться бобовые, была одомашнена свинья, начал приручаться крупный рогатый скот. При

сохранении в кремневой технике традиций мезолита шире внедряются изделия неолитического облика.

Еще в VIII тысячелетии до н.э. возникли селения в холмистой степи Дехлерана на северо-западе Хузистана, где раскопано тепе Али Кош. Первые обитатели этих мест спустились с Загра до того, как там начали делать глиняную посуду (появляющуюся в Дехлеране лишь в конце VII тысячелетия до н.э.); орудия раннего Али Коша близки загроским. С начала заселения Али Коша ячмень и пшеница имели признаки предшествующего культивирования, в VII тысячелетии до н.э. среди культурных злаков, уже составлявших основу растительной пищи, был шестирядный голозерный ячмень — форма, возникающая в ходе отбора и в иных по сравнению с зоной первичной культивации природных условиях. Появились и определенно землекопные орудия — каменные мотыги. В слоях Али Коша последних веков VII тысячелетия до н.э. найдены бусы из ковanej меди. Для VIII–VII тысячелетий до н.э. металлические изделия засвидетельствованы также в Тавре и соседних районах, а тысячелетия на два-три ранее на стыке Тавра и Загра уже делали бусины из меди. И в VII тысячелетии до н.э. она шла в основном на украшения, но появились и медные орудия, с VI тысячелетия до н.э. они известны по находкам в Иране.

Распространение меди и техники ее обработки было во многом следствием растущих обменных отношений. Путем обмена получали охру, соль, а также обсидиан (вулканическое стекло с режущим изломом). Межплеменной обмен, возникший в верхнем палеолите, с выделением общин земледельцев-скотоводов стал более широким, постоянным, хотя еще не включал ремесленной продукции и удовлетворял потребности натурального хозяйства таких общин. Но это хозяйство уже обеспечивало гораздо более надежные и обильные источники существования по сравнению с эпохой присвоения продуктов природы, что способствовало дальнейшему росту населения на поселениях и числа самих поселений, как это и прослеживается на памятниках Загра VIII — начала VI тысячелетия до н.э.

Время существования этих памятников — первый этап в истории земледельческих поселений, развивавшихся несколько тысячелетий до сложения классового общества. На данном этапе их социальный строй вполне соответствовал первобытно-общинным отношениям. Занимавшие поселения родовые общины состояли из малых, или парных, семей, живших в отдельных помещениях в хаотично застроенных селениях или в однокомнатных домах (в среднем на пять-шесть человек) со своими очагами, дворами и кладовыми.

Семьи хранили зерно, готовили для себя пищу, изготавливали орудия, одежду, но еще не были самообеспечивающимися единицами. Многие основные работы осуществлялись, очевидно, силами общины, и произведенные продукты частично распределялись по семьям. Единообразие жилищ, орудий, утвари и погребения той эпохи говорят о том, что хозяйственных и имущественных различий между семьями не было.

За пределами Курдистана, Луристана и соседних районов, в ряде других областей Ирана навыки скотоводства и земледелия распространялись около IX/VIII — VII тысячелетия до н.э., а первые сельские поселения относятся большей частью к VI тысячелетию до н.э. Но на тепе Заге в районе Сагзабада (южнее Казвина) дома нижних слоев датируются второй половиной VII тысячелетия до н.э. Распространение новых форм экономики происходило как на основе развития хозяйства местного населения при контактах с перешедшими к земледелию и скотоводству племенами, так и путем расселения этих племен. В то время были обжиты многие районы, малопригодные для охотников и собирателей, но освоенные земледельцами-скотоводами, знакомыми с глинобитным строительством. Тогда же возник ряд селений, на месте которых выросли холмы, скрывающие следы жизни людей за много тысячелетий. К ним принадлежат и два холма Сиалка (близ Кашана), где люди жили в VI–IV тысячелетиях (периоды Сиалк I–IV) и в конце II — первых веках I тысячелетия до н.э. (Сиалк V–VI). К периодам Сиалк I–III относятся близкие по культуре памятники районов Казвина, Тегерана. В эпоху Сиалк II (первая половина — середина V тысячелетия до н.э.) число поселений в этих районах сильно увеличилось, а сходные памятники распространились и на северо-восток, до Горгана, где ранее, как и на юге Туркмении, бытовали памятники джейтунской культуры; теперь здесь были усвоены хозяйственные достижения юго-западных соседей в металлургии, мотыжном земледелии, ткачестве и др.

Для истории Северо-Западного Ирана вплоть до I тысячелетия до н.э. особо важны материалы раскопок на холме Хасанлу (южнее оз. Урмия, по р. Кадар) и археологического обследования всего района. В VI тысячелетии до н.э. там появились деревни с маленькими сырцовыми домами (более ранние следы человека в районе не обнаружены).

В первых веках VI тысячелетия до н.э. началось заселение Хузистанской низменности (Сузианы, центра будущего Эламского государства), образованной илистыми наносами текущих с Загра рек. Ее почвы очень плодородны, но на первых порах люди столкнулись с огромными трудностями при освоении этих районов, которые были покрыты зарослями тростника, болотами и лагунами. Первые поселения Сузианы возникли близ подножий гор, позже их число увеличивалось, и они распространялись шире.

В VI–V тысячелетиях до н.э. число поселений выросло и в долинах Центрального Фарса. В Кермане поселения появились, видимо, позже, чем в Фарсе, но во второй половине V тысячелетия до н.э. некоторые из них имели уже обширную площадь и развитую экономику, как Тали-Иблис (к юго-западу от Кермана) и тепе Яхья (южнее Кермана). В конце V — начале IV тысячелетия до н.э. сельские поселения появились и в Белуджистане.

Наряду с распространением земледелия и скотоводства в VI–V тысячелетиях до н.э. шло увеличение числа пород скота и сортов культурных растений, совершенствование земледельческих орудий. Возникали примитивные приемы искусственного орошения; в Хузистане оно существо-

вало, по палеоботаническим данным, уже к концу VI тысячелетия до н.э. Но об ирригационных сооружениях пока известно лишь с IV тысячелетия до н.э. (в Хузистане, Кермане и др.). В VI–V тысячелетиях до н.э. в основном господствовало (как и в Хузистане и Кермане) богарное земледелие. Скотоводство в VI–IV тысячелетиях до н.э. еще было в основном придомным. В VI тысячелетии в ряде областей разводили и крупный рогатый скот; в V тысячелетии во многих районах он стал численно преобладать над овцами и козами.

Развивались и домашние промыслы. Ткачество, возникшее в Загре в предшествующую эпоху, распространилось повсеместно. Но оно оставалось домашним производством, и пряслица находят в разных домах и комнатах. Изготовление же керамики все более специализировалось, в некоторых местах уже в V тысячелетии до н.э. появились здания для ее производства (как на Джафарабаде в Сузиане во второй половине V тысячелетия до н.э.). Стали строиться гончарные печи, дающие очень высокую температуру. Эти навыки связаны и с развитием плавки металла.

Памятники части областей Ирана с VI тысячелетия до н.э. можно отнести к энеолиту. В Сиалке I найдены мелкие медные предметы (шилья и пр.), их немного, но введение металла уже повлияло на состав орудий из камня (хотя многие их виды еще бытовали и совершенствовались в Иране, долине Инда, Египте и т.д. до IV–III тысячелетий до н.э.). Медные предметы сначала были лишь коваными. Но не позже чем с эпохи Сиалк II делались и литые изделия, а их мастера владели весьма высокой техникой литья и приемов металлообработки. К V–IV тысячелетиям до н.э. были освоены многие иранские месторождения меди; из Хорасана медь доставлялась на юг Туркмении. Близ ряда месторождений у среднеиранских гор по линии Казвин–Керман открыты поселения с развитой для того времени металлургией. Копи Юго-Западного Кермана разрабатывались жителями Тали-Иблиса. В слоях конца V тысячелетия до н.э. на нем найдены осколки многочисленных глиняных тиглей с окалиной и каплями меди, куски руды и пр.

Массовая выплавка меди на Иблисе и металлургическое производство на ряде иных поселений имели целью и межплеменной обмен. Другие общины специализировались на добыче или посреднической передаче бирюзы, лазурита и пр. На тепе Яхья уже в V тысячелетии до н.э. обрабатывали добывавшийся вблизи стеатит; предметы из него были позже постоянным объектом торговли в районах от Двуречья до Инда.

Производством меди могли заниматься многие семьи общины (как это было на Иблисе), но литые изделия изготавливались мастерами-литейщиками. Появились также профессионалы-гончары и, видимо, некоторые другие категории ремесленников. Уровень земледельческо-скотоводческого хозяйства уже позволял общине содержать небольшое число обслуживавших ее ремесленников. Межплеменной обмен, очевидно, также оставался коллективным и, удовлетворяя возросшие потребности и производственные нужды, еще не вел к заметному обогащению вождей общины.

Для общественных отношений той эпохи характерно формирование большой семьи, становящейся основной производственной ячейкой. Процесс этот отражен в изменении типов домов и застройки поселений. Однокомнатные дома группируются в комплексы или кварталы, разделенные улицами, затем появляются многоквартирные дома, правильно распланированные, как и сами поселения. Многокомнатные дома конца V тысячелетия до н.э. раскопаны в Сузиане, на Сиалке, Иблисе и т.д. Имущественного неравенства между обитавшими в таких домах большими семьями еще не наблюдается. Но возникновение семейных общин со значительной хозяйственной самостоятельностью способствовало становлению права собственности, а это привело к развитию имущественной дифференциации, в последующее тысячелетие во многом изменившей характер социального строя.

С первой половины IV тысячелетия до н.э. в социально-экономических отношениях ряда областей Ирана намечаются кардинальные сдвиги. Они хорошо прослежены в слоях Сиалк III (конец V — большая часть IV тысячелетия до н.э.) и на поселении Гиссар у Дамгана (с конца V тысячелетия до н.э.). Характерны перемены в керамическом деле: на обоих поселениях сначала изготавливали лишь лепную посуду, затем появляется керамика, формованная с помощью ручного круга и, наконец, на собственно гончарном круге быстрого вращения. Применение гончарного круга определенно свидетельствует о профессиональном ремесле, а распространение сделанной на круге посуды — о том, что фигура гончара-ремесленника стала обычной во многих районах Ирана. Появление гончарного круга и одновременный прогресс в металлургии происходили в ряде районов Ирана не позже, чем в Двуречье.

На памятниках эпохи Сиалк III растет число и ассортимент металлургических орудий, в том числе массивных предметов из меди, топоров и пр. В Сагзабаде раскопана кузнечная мастерская того времени. Распространяются серебро, золото, свинец и иные металлы. Появляется превосходящий медь прочностью и литейными качествами ее сплав с мышьяком или оловом — бронза. Она отливалась уже в последних веках IV тысячелетия до н.э. (тепе Яхья и т.д.), а в захоронениях III тысячелетия до н.э. из Юго-Восточного Ирана, Луристана и т.д. широко встречаются крупные бронзовые предметы, сосуды, оружие. Профессионализация ремесел происходила и в иных областях производства, включая обслуживавшиеся каменными орудиями, которыми, например, обрабатывали ценные минералы и резные каменные сосуды. Большая часть такой продукции шла на внешний обмен.

Развитое ремесло могло существовать лишь при получении постоянного прибавочного продукта в сельском хозяйстве, с чем связаны и другие перемены в общественном строе. На развитие собственности в ту эпоху указывает распространение печатей — более простых, штамповых, а затем цилиндрических. По погребениям прослеживается рост имущественного неравенства. В эпоху Сиалк III наблюдается увеличение погребального

инвентаря. Затем отдельные захоронения выделяются и относительным богатством (как в Силке IV, рубеж IV—III тысячелетий). Для III тысячелетия до н.э. в Луристане, на юго-востоке Ирана, в других областях известны не только очень богатые погребения, но и захоронения, отличающиеся от иных могил социальным рангом погребенного, иногда в них встречаются «скипетры»-жезлы, как на Гиссаре. Там же раскопан большой, отдельно стоявший «дом вождя» или знатной семьи: под его обгорелыми руинами найдено много дорогих и художественно выполненных вещей из золота, серебра, лазурита.

Имущественной дифференциации сопутствовало возвышение старейшин общины во главе с вождем или главным жрецом, их функции могли принадлежать и одному лицу. От правителей начинают зависеть экономически и другие члены общины. Еще в предшествующую эпоху зерно хранилось не только в домах семей, но и в особых помещениях, открытых на ряде поселений. Пока господствовали старые общинные отношения, такие фонды были действительно коллективным имуществом. Но с выделением богатых и знати вожди общины постепенно узурпировали ее гражданские и экономические права (хотя интенсивному ходу этого процесса долго противостояла стойкость общинных традиций). Общественные фонды и хозяйство, часто выступавшее как общинно-храмовое, все более оказывались в руках правителей общины. Через это хозяйство осуществлялся и внешний обмен, в том числе изделиями ремесленников, содержащимися в тех же фондах, и сырьевыми продуктами, которые добывались общиной в целом.

Новые социальные отношения и нужды хозяйства привели к возникновению административно-хозяйственных комплексов, обособленных от других домов. На Годин-тепе (между Хамаданом и Кенгаваром) в конце IV тысячелетия до н.э. на вершине холма находилось огороженное стеной пространство, где располагались двор и по его сторонам два монументальных здания, хранилища и жилища. К рубежу IV—III тысячелетий до н.э. относится здание с большими комнатами и амбарными помещениями на тепе Яхья. В этих строениях на Яхья и Годин-тепе найдены цилиндрические печати, которыми оформлялась выдача, и оттиски иных печатей на глине и кувшинных пробках — с поступавшего имущества, зерна и т.п. Там же обнаружены таблички, на Годин лишь с цифрами, а на Яхья с текстами пиктографического письма, найденными также и на Силке IV. Пустые таблички-бланки с Яхья и Годин доказывают, что на них писали тут же, на месте.

Такое письмо употреблялось тогда и в Эламе, а сходная пиктография — в Шумере. Их тексты — в основном отчетные документы — применялись лишь там, где это отвечало потребностям хозяйства и уровню социального строя. Появление письменности обычно указывает на сложение классов и государства, и часть районов Ирана к началу III тысячелетия до н.э., очевидно, достигла рубежа образования классового общества.

Сохранилось шумерское сказание о сношениях правителя г. Урука начала III тысячелетия до н.э. с «верховным жрецом» Аратты, лежавшей за

восточными горами (где-то на востоке Фарса или в Кермане), и о доставке оттуда в Шумер драгоценных металлов и минералов в обмен на зерно. Перед живущим во дворце или храме верховным жрецом Аратты в его дворе и житнице при участии надсмотрщиков ссыпается шумерское зерно (как и пшеница и горох, выросшие в Аратте). Этим зерном «насыщается» народ Аратты. Упоминаются «управляющий» верховного жреца и «старейшины Аратты». Ее горные богатства добываются и транспортируются народом, но обмен производится от имени верховного жреца. Данные этого эпоса вполне подтверждаются археологическими материалами из Ирана конца IV — III тысячелетия до н.э.

Шумерские исторические тексты сообщают о доставке с востока горнорудных материалов, строительного леса, иных товаров. В IV—III тысячелетиях до н.э. межобщинный обмен достиг больших размеров в иранских областях, и они играли заметную роль в «международной торговле». В Месопотамию из Ирана шли и ремесленные изделия, например стеатитовые сосуды (на тепе Яхья в то время производство таких сосудов и иных предметов из стеатита стало массовым). Такие же сосуды найдены в Мохенджо-Даро, центре культуры Хараппы на Инде. Индийские товары попадали в Двуречье путем многоступенчатой торговли через Иран и вдоль его берега морем. На тепе Яхья получены данные о связях с Месопотамией, районами на Персидском заливе, Индией (оттиски хараппских печатей, слоновая кость и пр.).

Уровень социально-экономического развития в некоторых районах Ирана в V—IV тысячелетиях до н.э. в ряде отношений был не ниже, чем в Двуречье и в областях, где затем возникла городская культура Хараппы, — само ее сложение было во многом результатом развития земледельческих культур на Иранском плато. Но в III тысячелетии до н.э. Двуречье, Элам и долина Инда достигли большого прогресса, оставив позади области Иранского нагорья.

В IV—III тысячелетиях до н.э. в разных частях Ирана, в Луристане, Белуджистане и т.д., росли обширные поселения. Территория некоторых из них, как Туренг-тепе в Горгане и Шахре-Сохте в Систане, ряда поселений Афганистана и юга Туркмении, выросла до 75–100 гектаров. Для них характерны большие центральные строительные комплексы, дворцы и храмы, концентрация богатств в таких зданиях и у отдельных семей, развитое ремесленное производство, широкие обменные или торговые связи.

Такие центры, как меньшие, но экономически развитые (Яхья и т.д.), часто относят к «протогородским» или «городским» цивилизациям, но истинный характер их социального строя остается неясным. Письменность в них обычно не применялась или лишь начинала возникать, а на западе и юге Ирана, кроме Элама, не получила дальнейшего распространения. Типичная для классового общества социальная дифференциация, видимо, не была завершена, а тенденция к ее дальнейшему развитию должна была войти в противоречие с прекращением поступательного роста экономических ресурсов.

К первым векам II тысячелетия до н.э. многие древние центры (Шах-ре-Сохте, Яхья, Гиссар и т.д.) перестали существовать, а на некоторых резко сократилась обжитая площадь. В отдельных районах, как на юго-востоке Ирана, вообще уменьшилось население. В других областях на сохранявшихся или новых поселениях отмечено огрубение культуры. В начале II тысячелетия до н.э. закончили существовать и города долины Инда.

Причины этих явлений во многом не уяснены. Их объясняли и вторжением с севера Средней Азии арийских племен, расселившихся в Индии и Иране. Но арии появились там не ранее II тысячелетия до н.э., упадок же старых центров начался, как теперь установлено, много ранее и шел постепенно. Уменьшение размеров или прекращение жизни ряда крупных поселений Ирана проходило уже в III тысячелетии до н.э., а обеднение культуры на существовавших более длительное время памятниках, как Туренг-тепе, наблюдается задолго до их полного запустения. На западе и юге Ирана подобные явления отмечаются даже ранее, чем на северо-востоке (так, в Фарсесо второй половины IV тысячелетия до н.э. уменьшается число поселений после его непрерывного роста в предыдущие эпохи). Свою роль в этом могли сыграть изменение климата, уничтожение лесов и обезвоживание земель, засоление и истощение почв и т.п.

Но в целом упомянутые явления должны объясняться совокупностью экономических и социальных причин. Сначала на Иранском плато, как в Двуречье и Хузистане, увеличивалось число поселений и росли отдельные крупные центры с благоприятными условиями для развития социальной дифференциации, ремесла, обменных связей. Но в больших речных долинах Двуречья и Элама возникли развитые формы ирригации. А на Иранском плато с определенного этапа природные условия (возможно, частично и изменившиеся) уже не могли при существовавших производительных силах в сельском хозяйстве обеспечить дальнейший социальный прогресс и рост населения в земледельческих центрах и их округах, что привело к хозяйственному и социальному кризису.

Позже возникновение центров, где происходило становление классового общества и государства, имело место в новых хозяйственных и производственных условиях, в том числе и именно с начала железного века. Речь прежде всего идет об областях на северо-западе Ирана. В IX–VIII вв. до н.э. в эти районы ходили походами ассирийские цари. В дошедших описаниях таких походов упоминаются многие области, более обширные из которых не были политически едиными и подразделялись на отдельные владения, или «страны». Они обычно состояли из одной или двух-трех округ, каждая с укрепленным центром, или «сильной крепостью», и группой окружающих поселений.

Судя по археологическим данным, разложение первобытно-общинных отношений на северо-западе Ирана также началось еще в конце IV — начале III тысячелетия до н.э. Правда, во II тысячелетии до н.э. и здесь отмечается определенный разрыв преемственности культуры и типов посе-

лений, но многие экономические и социальные традиции были сохранены и развиты, например в ремесле, явно отделенном от сельского хозяйства. Памятники конца II — начала I тысячелетия до н.э. свидетельствуют уже об оформленной социальной дифференциации, дальнейших успехах ремесла и иных видов хозяйства, в том числе земледелия. Оно давно было плужным, а в начале I тысячелетия до н.э. употреблялись железные серпы, мотыги и др. Существовали и обширные поселения, в том числе на тепе Хасанлу, тщательно исследованном археологами.

В XIII–XI вв. до н.э. в долине Кадара было несколько больших поселений, в конце этого периода превратившихся в крепости. На самом Хасанлу раскопан город второй половины XI — IX в. до н.э. с мощными стенами и монументальными зданиями дворцового и храмового типа; раскопан также дом ремесленника или мастерская металлических изделий и керамики; за стенами города находились дома сельского типа и некрополь; на Хасанлу обнаружены многочисленные земледельческие орудия, остатки шестирядного ячменя и нескольких сортов пшеницы, помещения с объемными сосудами для вина и т.п. Из Хасанлу происходит чаша (или крышка сосуда) с надписью, указывающей на ее принадлежность «дворцу» Баури, правителя страны Иды. Эта страна известна и по ассирийским текстам.

Такие археологические материалы показывают, что по крайней мере часть упоминаемых текстами IX в. до н.э. «сильных городов» и «крепостей» на северо-западе Ирана были настоящими городами-крепостями. Судя по сведениям ассирийских текстов IX в. до н.э., небольшими образованиями государственного типа являлись Алабрия, Мана, Эллипи, Гильзан (к западу от оз. Урмия) и т.д. Более подробные данные VIII в. до н.э. свидетельствуют, что укрепленные города и крепости существовали в различных районах Западного Ирана — и в более крупных центрах (Хархар, Кишесу и т.д.), и в ряде более мелких владений.

Из «стран» и владений Западного Ирана начала I тысячелетия до н.э. многие были уже образованиями государственного типа. Часть их можно определять как города-государства, состоящие из сельскохозяйственной округи и ее центра. Более значительные объединения затем возникали на основе территориальных, а не племенных связей, как об этом уже говорилось выше.

Месопотамия в ахеменидский период: симбиоз тысячелетних и новых государственных институтов

В 550 г. до н.э. царь периферийного персидского государства Кир II, происходивший из рода Ахеменидов, одержал полную победу в войне с мидийцами. После этого началось стремительное возвышение ранее малоизвестного царства, которое в период до 540 г. до н.э. захватило древнюю страну Элам, могущественную Лидию и всю Малую Азию, Восточный Иран до границ с Индией и Среднюю Азию. В 539 г. до н.э. в течение короткого времени персы разгромили армию вавилонского царя Набонида. Таким образом, Месопотамия стала сатрапией Ахеменидской державы. Затем последовали новые победы персидского оружия: в 525 г. до н.э. был завоёван Египет, между 517–512 гг. до н.э. были покорены северо-западная часть Индии, острова Самос и Хиос, Фракия, Македония.

Персидское господство в Месопотамии продолжалось в течение двух столетий. Ниже мы попытаемся проследить, какие изменения произошли в течение ахеменидского периода в экономической и политической жизни и в идеологии в Месопотамии.

1. Административная система

Персидский царь Кир II формально сохранил Вавилонское царство, его традиционные методы управления и социальные институты. Чужеземное завоевание не внесло также немедленных изменений в древние законы и не причинило сколько-нибудь серьезного ущерба экономике страны. Наряду с Сузами, Персеполем и Экбатанами Вавилон стал одной из царских столиц и зимней резиденцией ахеменидских царей. Даже самые высокопоставленные вавилонские чиновники сохранили свое положение в административном аппарате. Кир стремился установить нормальные условия для экономического развития страны и ее традиционной культуры. Жрецы получили возможность восстановить древние культы, часть которых подвергалась пренебрежению во время правления последнего вавилонского царя Набонида. Кир принял официальный титул «царь Вавилонии, царь стран», который сохранялся за его преемниками в течение многих десятилетий.

После завоевания Вавилонии Кир сначала оставил наместником Месопотамии вавилонянина Набу-аххе-буллита, который был назначен на свой пост еще при Набониде. Но через четыре года, в 535 г. до н.э., Кир сделал единую провинцию из Месопотамии и Заречья (Сирии) и назначил ее наместником перса Гобрия (по-древнеперсидски Губару, именно эта последняя форма встречается в вавилонских документах). Он сохранял свой пост по крайней мере до 525 г. до н.э. Вавилонские тексты дают обильную информацию о его административных функциях. Как видно из этих документов, резиденция его находилась в Вавилоне. В частности, его регулярно информировали о количестве умерших и беглых храмовых рабов¹. Лиц, которые украли храмовую собственность, посылали из других городов в Вавилон, чтобы Гобрий расследовал их преступления и наказал их (см. ApOr 8, 43 и др.). Наказанию Гобрия подлежали также храмовые пастухи, если они своевременно не обеспечивали установленным количеством овец и крупного рогатого скота культовые жертвоприношения (см. YOS 7, 127, 160 и др.).

Дарий I в начале своего царствования провел значительную реорганизацию сатрапий. В частности, около марта 520 г. до н.э. перс Уштану был назначен наместником Вавилонии и Заречья. По-видимому, он получил этот пост, когда в конце ноября 521 г. до н.э. было подавлено восстание вавилонян под руководством Арахи (Навуходоносор IV). Один из вавилонских документов, который упоминает Уштану, был составлен в Сиппаре в 516 г. до н.э. (см. BRM 1, 101). В документе, составленном «по распоряжению Уштану, наместника Вавилонии и Заречья», главного жреца города Сиппара и управителя храма Эбаббарра в Сиппаре, содержались условия сдачи в аренду храмовых полей. Очевидно, другим святилищам страны были также предписаны аналогичные условия.

Тексты, в которых упоминается Уштану как сатрап Вавилонии и Заречья, относятся к периоду между 520 и 516 гг. до н.э.² Вскоре после 486 г. до н.э. огромная сатрапия, охватывавшая почти всю территорию прежней Нововавилонской державы, была разделена на две³. У Геродота (III, 91–92) в перечне сатрапий Ахеменидской державы эти страны выступают как различные провинции, а именно Вавилония и «прочая Ассирия», которые составляли девятую сатрапию, в то время как страны к западу от Евфрата входили в пятую сатрапию.

Важные политические изменения в статусе Вавилонии произошли в период царствования Ксеркса. После того как вавилоняне дважды восстали в 484 и 482 гг. до н.э. против персидского господства, Ксеркс сурово наказал мятежников и велел разрушить часть Вавилона. Вавилонское цар-

¹ См.: *Scheil V. Le Gobryas de la Cyropédie et les textes cunéiformes.* — RA. 1914, 11, p. 165–174; ср.: *Clay A.T. Gobryas, Governor of Babylonia.* — JAOS. 1921, 41, p. 466–467.

² Ср.: *Eph'al I. Syria-Palestine under Achaemenid Rule.* — The Cambridge Ancient History. IV. Cambridge, 1988, p. 154.

³ См.: *Stolper M.W. The Governor of Babylon and Across-the-River in 486 B.C.* — JNES. 1989, 48, p. 288 sq.

ство, которое до этого времени в теории считалось автономным, было превращено в обычную сатрапию. Однако несколько позднее Вавилон смог хотя бы частично восстановить свое экономическое значение. Кроме того, этот город продолжал быть одной из царских резиденций.

По-видимому, после падения Вавилона самым важным экономическим центром Месопотамии стал г. Ниппур. Оппенгейм даже предполагает, что Ниппур был экономической столицей сатрапии «страны Аккад», т.е. Вавилонии⁴.

Таким образом, самым существенным результатом персидского завоевания Месопотамии было то, что верховная власть в стране принадлежала персидскому царю и его сатрапу. При этом полномочия сатрапа были чрезвычайно обширны и не ограничивались чисто административными функциями наместника. В частности, его власть распространялась также на деятельность вавилонских храмов, которые раньше на протяжении многих столетий управлялись местной храмовой администрацией.

Административная структура Ахеменидской державы была сходна с ассирийской. Персы заимствовали некоторые элементы этой структуры почти несомненно через мидийское посредство.

Наместник страны назывался *bēl pehāti* (досл. «начальник провинции») или просто *pehātu*. Это как раз тот титул, который носили Гобрий и Уштану, персидские наместники Вавилонии и Заречья во второй половине VI в. до н.э. Гобрий, персидский наместник Вавилонии (страны Аккад) в последней четверти V в. до н.э., также носил тот же титул. Однако этот титул носили не только наместники всей Вавилонии, но нередко также областеначальники сравнительно небольших административных округов.

Вавилонская сатрапия делилась на провинции, которые возглавляли персидские или местные чиновники, обычно носившие вавилонский титул *raqu*. Титул *šaknu*, которым ранее обозначались ассирийские наместники в Вавилонии, теперь стал применяться по отношению к надзирателям над различными профессиональными, воинскими подразделениями и этническими группами, зависевшими от царской администрации. Однако градоначальники иногда назывались *šaknu* и в ахеменидское время⁵.

Хотя после захвата Вавилонии персами местные административные традиции не были прерваны, постепенно значительные изменения произошли как в самой административной системе, так и в терминах для обозначения чиновников. Эти изменения, очевидно, были связаны с важными реформами Дария I, в результате которых была создана по существу новая административная система, сохранявшаяся в основном без изменений до конца ахеменидского правления. Более того, после осуществления реформ Дария персы заняли господствующее положение в государствен-

⁴ См.: *Oppenheim A.L. The Babylonian Evidence of Achaemenian Rule in Mesopotamia. — The Cambridge History of Iran. II. Cambridge, 1985, p. 577, 579.*

⁵ Ср.: *Stolper M.W. The šaknu of Nippur. — JCS. 1988, 40, p. 141.*

ном аппарате, и наиболее важные военные и гражданские должности были сосредоточены в их руках. Тем не менее в Месопотамии наместники городов и судьи обычно назначались из числа вавилонян. Менее значительные посты занимали также представители других народов (эламиты, египтяне, евреи и др.).

Постепенно в вавилонских документах появилось значительное количество древнеиранских административных, юридических и других терминов. Они в определенной степени отражали изменения, которые произошли в административной и социальной структуре страны.

Начнем рассмотрение терминов административной лексики со слова *ahšad(a)raṣṣu*, которое является вавилонской транскрипцией древнеперсидского титула *xšaçarāvan* (досл. «хранитель царства»), т.е. «сатрап».

Прежде всего, этот термин засвидетельствован в трех документах архива делового дома Мурашу, составленных в Ниппуре в последней четверти V в. до н.э. Как видно из двух текстов, люди могли жаловаться сатрапу по поводу различных правонарушений⁶. Судя по PBS 2/1, 2, арендная плата с земли, принадлежавшей царским работникам (*gardu*), была уплачена в результате письменного распоряжения сатрапа, который одновременно был и надзирателем над этими работниками. Более того, этот сатрап носил вавилонское имя и отчество (Циха, сын Хашдая). Вряд ли он мог быть наместником Вавилонии. Кроме того, представляется совершенно невероятным, что наместник такой крупной сатрапии мог занимать одновременно совершенно второстепенную должность надзирателя над царскими работниками в Ниппуре или его окрестностях. Как известно из различных источников, титул сатрапа носили не только наместники крупных административных областей, но также начальники более мелких регионов. Поэтому можно предположить, что упомянутый выше Циха был наместником г. Ниппура⁷. В BRM II, 56 титул «сатрап», по-видимому, употреблен для обозначения поста наместника г. Урука. Этот документ происходит из архива храма Эанна в Уруке и относится к эллинистическому периоду. ROMCT II, 48 упоминает «сатрапа» Белшуну, который, по всей вероятности, идентичен с Велесиём, правителем Сирии, известным нам из «Анабасиса» (1,4,10) Ксенофонта. В других синхронных вавилонских текстах он назван «наместником Вавилона» (*pehāt Bābili*). По мнению Столпера, в период между 421–414 гг. до н.э. он был наместником одного из районов Вавилона. Позднее (407–401) он был назначен наместником Заречья, т.е. Сирии⁸.

Вавилонские тексты упоминают два иранских слова для обозначения наместников города. Одно из них — *umazzanapāta*, которое является вави-

⁶ См.: PBS 2/1, 21; *Stolper M.W. Entrepreneurs and Empire. The Murašû Archive, the Murašû Firm, and Persian Rule in Babylonia. Leiden, 1985, № 109.*

⁷ Ср., однако, мнение Столпера: *Stolper M.W. Entrepreneurs and Empire, p. 94.*

⁸ См.: *Stolper M.W. Belšunu the Satrap. — Language, Literature and History: Philological and Historical Studies Presented to Erica Reiner. Ed. by F. Rochberg-Halton. New Haven, 1987, p. 392.*

лонской транскрипцией древнеперсидского *vardana-pāti*, «начальник города» (см. АНw, с. 1447). Этот титул засвидетельствован только в письме СТ 22, 73, отправленном неким Буршу к человеку, имя которого разрушено. Письмо содержит указание, что какие-то лица должны доставить определенное количество ячменя. Чтобы заставить их доставить ячмень, адресату необходимо было сообщить о них управителю храма и «наместнику» города по имени Иддин-Наргал (типичное вавилонское имя).

Другой иранский титул для обозначения наместника города — *u/arra/udētu*. Впервые он засвидетельствован в документе, составленном, по всей вероятности, в седьмом году царствования Камбиза, т.е. в 523 г. до н.э.⁹. Текст фиксирует продажу двух рабов в присутствии некоего Умармира (иранское имя), который носил титул *urpadētu* страны Хумадешу» (в других синхронных текстах этот же топоним пишется с детерминативом для обозначения города). Таким образом, этот контракт заключен в г. Хумадешу, который был расположен в районе Персеполя¹⁰.

Документ VAS 6, 128, составленный в Борсиппе в 510 г. до н.э., фиксирует обязательство одного человека выдавать ежемесячно определенное количество ячменя и муки нескольким лицам. Обязательство это составлено перед двумя судьями (один из которых был «судьей дворцовых ворот»), писцом-переводчиком (*sepīru*), чиновником с титулом «ответственный за закон» (*ina muhhi dāti*; *dātu* — древнеиранское слово со значением «закон») и рядом других лиц, включая некоего Шулум-ина-Бабили, носившего титул *appadatum*.

BV 116 является долговой распиской, составленной в 488 г. до н.э. в Вавилоне. Оба контрагента были вавилоняне, и еще один вавилонянин по имени Набу-надин-ахи, который носил титул *urpadeti*, упомянут среди свидетелей. Его печать также приложена к табличке.

Наконец, интересующий нас термин встречается также в BOR 4, с. 132¹¹; составлен текст в Вавилоне в 129 г. до н.э. В нем упоминается некий Итти-Мардук-балату с титулом *urpadetu*. В тексте говорится, что управитель храма Эсагила в Вавилоне сказал упомянутому Итти-Мардук-балату, что два сына какого-то астролога способны вести наблюдения за небесными светилами и поэтому им необходимо выдавать плату, которую раньше получал их отец.

В. фон Зоден, ссылаясь на сообщение М. Майрхофера, предлагает приблизительное значение «надзиратель» для этого древнеиранского слова (АНw, с. 1424). Судя по рассмотренным выше текстам, этот титул обозначает наместника города.

⁹ См.: *Pinches T.G.* Old Persian Names in Babylonian Contracts. — *Hebraica*. 1891/92, 8, p. 134.

¹⁰ См.: *Zadok R.* On the Connections between Iran and Babylonia in the Sixth Century B.C. — *Iran*. 1976, 14, p. 67 sq.; *Stolper M.W.* The Neo-Babylonian Text from the Persepolis Fortification. — *JNES*. 1984, 43, p. 306 sq.

¹¹ См. также: *Unger E.* Babylon. Die heilige Stadt nach der Beschreibung der Babylonier. B., 1970, № 57, где текст переиздан.

Вавилонские тексты упоминают также и другие иранские термины, обозначающие различных чиновников администрации. Например, титул *agazaranata* дважды встречается в недатированном тексте TCL 13, 218. Вероятно, это древнеиранское слово **agazaranta* «посланный в дорогу», т.е. «гонец». Можно упомянуть также титул *ustarbaru* (**vistar-bara-*) для обозначения полицейских¹² и *uštiamu* (вероятно, «писец-переводчик»)¹³.

Теперь рассмотрим титулы для чиновников финансового ведомства.

Пять частноправовых и деловых документов, датированных временем Дария I, упоминают иранца по имени Багасару, который, по всей вероятности, был персом или мидийцем. В самом раннем из этих текстов (Dar. 105), составленном в 518 г. до н.э., он назван *gab-kāširi*, а в Dar. 534 и 542 от 500 г. до н.э. (они являются дубликатами) то же лицо упоминается без всякого титула. Наконец, в Dar. 296 (от 511 г. до н.э.) и 527 (501 г. до н.э.) он носит титул *ganzabara*.

В этих текстах несомненно упоминается один и тот же Багасару, который занимал должность *gab-kāširi* или *ganzabaru* в Вавилоне по крайней мере в течение 18 лет, с 518 по 500 г. до н.э. В самом раннем из этих текстов Багасару носит титул *gab-kāširi* и в двух более поздних документах он назван *ganzabaru*. Однако оба эти термина употреблены в Dar. 527 (строки 2 и 5) как синонимы.

Ganzabaru («начальник сокровищницы») является иранским (точнее, мидийским) заимствованным словом (**ganza-bara*), которое известно также из эламских, арамейских, греческих, ликийских и других источников ахеменидского и более поздних периодов.

В двух документах эллинистического времени встречается титул *ganzabara ša bīt ilāni*¹⁴. Оба его носителя были финансовыми чиновниками в храмах Урука (досл. «начальник сокровищницы храма»).

Gīteratu — заимствованное из древнеперсидского слово **gaīθarati*, которое первоначально обозначало «надзиратель над скотом». В таком значении это слово употребляется еще в эламском документе из Персеполя в форме *gisabattiš*. Согласно тексту, персидский чиновник с таким титулом получил приказ от Дария I выдать сто овец царице Ирташдуне¹⁵.

В вавилонских текстах этот титул засвидетельствован только в BE 10, 101, который фиксирует выплату 15 мин серебра в Ниппуре в 419 г. до н.э. в качестве государственной подати с 15 повинностных наделов, находившихся под управлением одного персидского царевича. Вавилонянин по имени Набу-иттанну, который носил титул *gīteratu*, упомянут как один из свидетелей этой выплаты, и к документу приложена его печать.

¹² См.: Eilers W. *Iranische Beamtennamen in der keilschriftlichen Überlieferungen*. Lpz., 1940, S. 81 f.

¹³ См.: Stolper M.W. *Entrepreneurs and Empire*, p. 22.

¹⁴ McEwan G.J.P. *Priest and Temple in Hellenistic Babylonia*. Wiesbaden, 1981, p. 34, 64.

¹⁵ См.: Cameron G.G. *Darius' Daughter and the Persepolis Inscriptions*. — JNES. 1942, 1, p. 214–218.

Как показал Торри, средневековое арабское *jihbidh* («оценщик», «финансист») восходит к древнеперсидскому **gaīθarati*-¹⁶. Судя по контексту BE 10, 101, где фиксируется уплата государственной подати серебром, еще к концу V в. до н.э. это слово стало обозначать чиновника финансового ведомства, который оценивал серебро при уплате его в качестве налога в царскую сокровищницу, и таким образом этот термин утратил свое первоначальное значение «надзиратель над скотом».

Наконец, можно упомянуть древнеперсидский титул *hamarakara* — «счетовод», который встречается в вавилонских текстах (см. CAD H, с. 59 сл.).

2. Судебное управление

В отличие от административной системы, частично созданной персами, вавилонское частное право не изменилось существенно при Ахеменидах, и традиционные формуляры продолжали оставаться в употреблении, несмотря на то что государственные институты постепенно подпадали под иранское влияние. В частности, в результате реформ Дария I некоторые изменения произошли и в вавилонском частном праве. Кроме того, многие персы и другие иранцы все более и более вовлекались в деловую жизнь Вавилонии.

Высшая судебная власть в стране принадлежала сатрапу, и решения по наиболее важным делам выносились царскими судьями. Многовековая борьба между царским судом и народными собраниями вавилонских городов при Ахеменидах окончилась поражением народных собраний, и теперь только имущественные споры и преступления местного масштаба оставались в их юрисдикции.

Судьи иранского происхождения (по всей вероятности, персы) появляются в Вавилонии еще в период царствования Дария I (например, Ум-матату, сын Удунату, см. TCL 13, 193 и др.).

Во многих документах из архива Мурашу из Ниппура, относящихся ко второй половине V в. до н.э., часто упоминаются судьи с иранскими именами и с титулом «судья округа канала Сина». Один из них был Хадбага/Адабага, сын Миздаэшу (см. BE 9, 12 и др.). Два других иранца (Иштабузана и Умардату) с тем же титулом упоминаются вместе с вавилонским судьей Белшуну в нескольких десятках текстов из Ниппура¹⁷.

Начиная со времени царствования Дария I в вавилонских документах засвидетельствован ряд иранских юридических терминов. Из них в первую очередь необходимо остановиться на *dāta*. Это заимствованное древнеперсидское слово *dāta* — «закон». Оно соответствует аккадскому *dīnu* с тем

¹⁶ Torrey Ch. The Evolution of a Financier in the Ancient Near East. — JNES. 1983, 2, p. 295–301.

¹⁷ См.: Eilers W. Iranische Beamtennamen, S. 6, Anm. 3.

же значением. Этот термин был заимствован также эламским (*daddam*), арамейским (*dātā*) и многими другими древними языками. В вавилонских документах он несколько раз засвидетельствован в выражении *akī dāta ša šarri* «в соответствии с царским законом» (*Dar.* 53 и др.).

Производным от *dāta* является *dātabara* (вторая часть слова тоже иранская и дословно значит «носитель закона»), которое, по всей вероятности, имело значение «судья». Это слово известно также из арамейского (*deṭābrā*), эламского (*daddabara/dattibara*) и парфянского (*d'tbr*)¹⁸. В вавилонских документах второй половины V в. до н.э. и более позднего времени упоминаются четыре лица с этим титулом, одно из которых носит иранское имя Замаспа, а остальные — вавилонские имена. Из этих вавилонян один обозначен как *dātabara* иранского вельможи Артареме. По всей вероятности, последний был наместником Вавилонии¹⁹. Титул *dātabara* встречается также в вавилонском документе, который опубликован более ста лет назад²⁰, где, однако, интересующее нас слово было неверно прочитано (табличка хранится в Санкт-Петербургском филиале ИВ РАН).

Два следующих юридических термина также являются иранскими. Один из них — *īprasakku*, который, по мнению Эйлерса, восходит к древнеиранскому **fras-* «судить», «наказывать»²¹. Шмид полагает (со ссылкой на Хинца), что этот титул является сокращенной формой от **frasakara-* «следователь»²². По всей вероятности, это были судебные следователи. Слово засвидетельствовано также в эламских и арамейских источниках²³.

Документ ТМН 2/3, 147 был составлен в окрестностях Ниппура в 420 г. до н.э. «перед Бел-булиссу», *īprasakku* главного управляющего царского хозяйства (*abarakku*). Согласно тексту, Римут-Нинурта, член семьи Мурашу, обратился к Либлуту, сборщику арендной платы в округе канала Син, с просьбой сдать ему в аренду на три года несколько каналов и полей, которые принадлежали царю.

PBS 2/1, 189 отмечает выплату царской подати с повинностных наделов в 423 г. до н.э. В тексте упоминаются в качестве свидетелей три человека с вавилонскими именами, носившие титул *īprasakku*.

Таким образом, все четыре известных нам носителя этого титула были вавилоняне, и сам титул, очевидно, был довольно низкого ранга.

Следующий титул судебного ведомства — *mutiprāsu*. До недавнего времени это слово читали *ratparāsu* (знак ВЕ наряду с другими имеет также значение *rat*, *miṭ*) как производное от древнеперсидского **patifrasa-*, которое было известно из арамейских папирусов для обозначения чиновника судеб-

¹⁸ *Hinz W.* Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. Wiesbaden, 1975, S. 85.

¹⁹ *Stolper M. W.* Entrepreneurs and Empire, p. 90 sq.

²⁰ См.: *Sayce A. H.* Babylonian Contract-Tablet Belonging to the Imperial Academy of Sciences at St. Petersburg. — *ZA.* 1890, 5, p. 276–280.

²¹ См.: *Eilers W.* Iranische Beamtennamen, S. 19; cp.: *Stolper M. W.* Entrepreneurs and Empire, p. 31, n. 116.

²² См.: *Hinz W.* Die Elamischen Buchungstafelchen der Darius-Zeit. — *Orientalia.* 1970, 39, S. 434.

²³ См.: *Hinz W.* Altiranisches Sprachgut, S. 97.

ной администрации. Однако Мак-Ювен опубликовал документ, где этот титул написан в форме *mi-it-ip-ra-su* (ROMCT II, 36:17). Согласно Цадоку, он, возможно, читался *mi-id-ip-ra-zu* и восходил к древнеперсидскому **vida-frāsa* «допрашивающий»²⁴. Все чиновники, носившие этот титул, имеют вавилонские имена. Вероятно, они занимали довольно низкое положение.

3. Государственные подати

Одна из реформ Дария I установила новую систему государственных налогов. До Дария I, при Кире и Камбизе, еще не было твердо отрегулированной системы податей, основанной на учете экономических возможностей стран Персидской державы. В соответствии с реформами Дария, все сатрапии обязаны были платить денежные налоги серебром, сумма которых была заранее определена с учетом площади обрабатываемой земли и ее плодородия на основе среднего урожая за ряд лет. Для этой цели земля была точно измерена и классифицирована по роду насаждений.

Но заслуживает внимания вопрос о времени проведения этой реформы. Согласно Геродоту (III, 89), реформы Дария были введены в начале его правления, когда он подавил восстания в Персидской державе в 522–521 гг. до н.э. Ученые полагают, что, кроме этого сообщения Геродота, не имеется свидетельств других источников, которые помогли бы в установлении датировки реформ Дария.

До нашего времени сохранились позднеавилонские планы полей, где последние изображены в виде прямоугольников или треугольников и содержат информацию о плотности посева, количестве финиковых пальм, юридическом статусе земли и о зданиях, сооруженных на полях. Однако функции этих планов до сих пор не выяснены. Согласно Немет-Нежат, которая издала эти планы, они являлись графическими изображениями купчих и могли быть использованы при составлении купчих или же были табличками, необходимыми для полной документации при купле-продаже полей²⁵. Однако такое мнение не представляется убедительным, поскольку информация о границах и площади полей дается в самих документах о купле-продаже земли. Кроме того, землю продавали еще задолго до персидского завоевания Месопотамии, но планы полей с указанием количества фруктовых деревьев, рода насаждений и статуса земли появляются начиная лишь с третьего года правления Дария I. Очевидно, планы полей были кадастрами, составленными в связи с введением реформ Дария. Если это так, то сами реформы можно отнести к 519 г. до н.э., т.е. к третьему году царствования Дария I²⁶.

²⁴ См.: *Zadok R. Lexical and Onomastic Notes.* — *Oriens Antiquus*. Roma, 1983, 22, p. 218.

²⁵ См.: *Nemet-Nejat K.R. Late Babylonian Field Plans in the British Museum.* Rome, 1982, p. 312 sq.

²⁶ См. более подробно: *Dandamayev M. Review of K.R.Nemet-Nejat, Late Babylonian Field Plans in the British Museum (Rome, 1982).* — *OLZ*. 1985, 80, col. 27–29, p. 27 sq.

Сохранились также другие свидетельства относительно точного учета недвижимости. Например, один документ из Ниппура (архив Мурашу), составленный в 445 г. до н.э. содержит спор относительно принадлежности какого-то дома. При этом истец заявил: «Это — моя собственность. Она записана на мое имя в *kalammarī* царя в 22-м году Дария»²⁷. Как видно из текста, дело было рассмотрено в народном собрании Ниппура. Как показал Столпер, *kalammarī* означает регистрацию собственности. Оно засвидетельствовано также в эламских документах из Персеполя в форме *karamaraš*²⁸.

Вавилония была одной из самых богатых сатрапий Ахеменидской державы и начиная со времени реформ Дария ежегодно платила 1000 талантов (около 300 т) серебра (вся сумма денежных налогов с завоеванных стран равнялась 7740 талантам). В дополнение к денежным налогам население Вавилонии платило также подать натурой (зерном, скотом, овцами, пивом и т.д.), однако трудно установить полную сумму таких податей со всей страны. Эта натуральная подать была предназначена для содержания гарнизонов, царского и сатрапского дворов и государственной администрации.

В вавилонских текстах засвидетельствованы два древнеиранских термина для обозначения царских податей. Один из них — *urra-jātu* — был обстоятельно исследован Столпером, но точное его значение пока неизвестно. Как полагает Столпер (со ссылкой на MacKenzie), это — древнеиранское слово от **ура-jāta* «доля»²⁹. То же слово многократно встречается и в персепольских табличках крепостной стены на эламском языке во фразе *ukriyataš sunkina*, т.е. «*ukriyataš* царя». В Вавилонии оно засвидетельствовано в двух документах, датированных правлением Дария I. Как видно из этих текстов, *urra-jātu* обозначало царский натуральный налог³⁰.

Второй термин для налогов — *bāgu*. В документах архива Мурашу он постоянно встречается для обозначения определенного типа податей для царя с повинностных наделов³¹. В других вавилонских текстах это слово засвидетельствовано только в UET 4, 48 и 49. Оба документа происходят из г. Ура и были составлены в 399 г. до н.э. Они фиксируют наём двух мальчиков, чтобы нести *bāgu* (налог или дары) храмовых рабов во время церемонии вхождения царя Артаксеркса II в г. Сузы³² (как нам представляется, имеется в виду какое-то поселение в Вавилонии, а не столица Элама). Слово восходит к древнеперсидскому *bāg* «нести», однако установить точнее его значение трудно.

²⁷ См.: *Stolper M.W.* The Genealogy of the Murašû Family. — JCS. 1976, 28, p. 192 sq.

²⁸ См.: *ibid.*, p. 195 sq.

²⁹ См.: *MacKenzie D.N.* Review of R.T.Hallock, Persepolis Fortification Tablets (Chicago, 1969). — BSOAS. 1971, 34, p. 610.

³⁰ См.: *Stolper M.W.* Three Iranian Loanwords in Late Babylonian Texts. — *Bibliotheca Mesopotamica*. Malibu, 1977, 7, p. 254 sq.; ср. также: *Hinz W.* Altiranisches Sprachgut, S. 245 f.

³¹ См. ссылки: *Hinz W.* Altiranisches Sprachgut, S. 63.

³² См.: *Joannès F.* Ig-gur^{ki}=Suse. — N.A.B.U. 1988/1, p. 1–2.

До недавнего времени ученые единодушно полагали, что после осуществления реформ Дария деньги, которые поступали в качестве налогов в царскую сокровищницу, были изъяты из обращения в течение многих десятилетий и по этой причине в Вавилонии не хватало серебра для торгового обмена, что серьезно мешало развитию товарно-денежных отношений. Однако Столпер и некоторые другие ученые склонны отвергнуть это мнение, отмечая, что вавилонские документы вовсе не показывают недостатка денег в стране³³.

4. Аграрные отношения

По мнению Столпера, археологические свидетельства показывают, что в большинстве регионов Месопотамии в ахеменидское время (как и в предыдущий нововавилонский период) начинается долгая фаза общего роста экономики, перераспределения и обработки ранее заброшенных земель. В V в. до н.э. земли было много, она стоила дешево, в то время как вода ценилась дорого³⁴. Оппенгейм также полагал, что в ахеменидской Вавилонии появились новые сельскохозяйственные орудия и стала более эффективно использоваться вода³⁵.

Экономическая история Вавилонии второй половины V в. до н.э. нам сравнительно хорошо известна благодаря архиву дома Мурашу. На характер деятельности фирмы Мурашу повлияли изменения, введенные персами в режим собственности в Вавилонии. Земля была разбита на наделы и роздана персидским вельможам, коллективам воинов и чиновникам, которые, не будучи сами земледельцами, сдавали землю для обработки другим лицам. Дом Мурашу арендовал эти наделы и выдавал их владельцам арендную плату, а также вносил причитающиеся с них налоги в царскую казну. Однако Мурашу обычно не обрабатывали землю сами, а сдавали ее в субаренду, снабжая арендатора также тягловым скотом и водой для орошения. Судя по документам архива Мурашу, арендная плата с земли была очень низкой, а именно 1 кур (180 литров) ячменя на 1 кур земли (13 500 кв.м) или даже меньше³⁶.

Земля представляла собой основной источник царских налогов. Однако существовали две категории земли, не подлежавшие обложению. Часть земли, захваченной Ахеменидами у вавилонян, была оставлена для короны, а остальная роздана большими поместьями членам царской семьи, представителям персидской знати и чиновникам высокого ранга.

Часть земли действительно принадлежала царю. Общая ее площадь при Ахеменидах значительно увеличилась по сравнению с предшествующим периодом. Эти поля были расположены чаще всего в окрестностях Нип-

³³ См.: *Stolper M.W. Entrepreneurs and Empire*, p. 143 sq.

³⁴ См.: *ibid.*, p. 125 sq., 133.

³⁵ См.: *Oppenheim A.L. The Babylonian Evidence*, p. 578.

³⁶ См.: *Stolper M.W. Entrepreneurs and Empire*, p. 137.

пура, но также вблизи Вавилона, Сиппара, Ура, Дильбата и других месопотамских городов.

Как и поля персидской знати, они обычно сдавались в аренду. Например, как видно из контракта, заключенного в 420 г. до н.э., представитель дома Мурашу арендовал царские поля, расположенные в округе Ниппура вдоль берегов нескольких каналов, на три года. Арендатор обязался платить ежегодно 220 кур (39 600 литров) ячменя, 20 кур (3600 литров) пшеницы, 10 кур (1800 литров) полбы и т.д. (ТМН 2/3, 147).

Царь владел также крупными каналами. Управляющие царским хозяйством сдавали эти каналы в аренду за высокую плату. В окрестностях Ниппура царские каналы арендовались домом Мурашу, который, в свою очередь, сдавал их в субаренду группам мелких землевладельцев³⁷.

Кроме земель, которые находились в прямом владении царя, существовали также различные типы коронной земли, характер которых не всегда достаточно ясен. К этой категории принадлежали поля, названные в текстах *uzbāgu* или *uzbāgu* царя. Это — древнеиранское слово (**uzbārya*), точное значение которого не известно. В более поздних остраках из Нисы оно обозначает земли (главным образом виноградники), которые находились в прямом владении царя, однако были переданы для управления сатрапу. Столпер полагает, что в документах Мурашу это слово следует переводить «коронная земля»³⁸. Земли *uzbāgu*, расположенные вдоль берегов царских каналов, засеивались зерновыми культурами и во второй половине V в. до н.э. в округе Ниппура сдавались в аренду дому Мурашу. Само собой разумеется, что все царские земли были освобождены от уплаты податей.

Перераспределение земель, проведенное ахеменидской администрацией вызвало появление различных типов наделов, которые принадлежали царским воинам, ремесленникам и т.д. Эти наделы отводились из государственного земельного фонда.

По-видимому, существовала определенная разница между царской землей в узком значении этого слова и государственной землей. Однако государственная земля также, по крайней мере номинально, находилась в распоряжении царя.

В период, предшествовавший персидскому завоеванию Вавилонии, царское хозяйство не занимало большого места в экономике всей страны. Несмотря на то что ахеменидские цари владели значительным земельным фондом в Вавилонии, в течение персидского периода царское хозяйство также не играло ведущей роли. Последняя принадлежала частным и храмовым хозяйствам. В I тысячелетии до н.э. всеохватывающее царское хозяйство было бы аномальным явлением.

Вавилонские документы часто упоминают имена членов царской семьи и домены персидской знати. Эти земли также были освобождены от налогов. Согласно исследованию Цадока, двадцать пять имений, распо-

³⁷ Ср.: Stolper M.W. *Entrepreneurs and Empire*, p. 130 sq.

³⁸ См.: *ibid.*, p. 42.

ложенных в районе Ниппура, не облагались податями. В это число включены домены царицы Парисатиды, двенадцати царевичей, упомянутых в документах архива Мурашу, и земли, которые принадлежали другим членам царской семьи³⁹.

В районе Ниппура были расположены также имения персидского наследника престола (*bīt māṛ šagṛī*), который не упомянут по имени. Этими имениями управлял один вавилонянин. По свидетельству BE 10, 95, дом Мурашу уплатил в качестве арендной платы с этих имений за 420 г. до н.э., в частности, 294 кур (52 920 литров) ячменя. В том же году Мурашу уплатили царевичу также 270 кур (48 600 литров) фиников (см. PBS 2/1, 202). Этим царевичем, сыном Дария II, мог быть только Артаксеркс II или Кир Младший. Его имение включало «наделы лука» (см. ниже). Другими словами, в состав имения царевича входили повинностные наделы, которые облагались налогами. PBS 2/1, 133 фиксирует выплату в Ниппуре в 417 г. до н.э. подати (*ilku*) царю серебром, пивом, овцами, мукой и ячменем с «наделов лука» «телохранителей наследника престола». Эти земли также были отданы в аренду дому Мурашу. Из этого и других аналогичных документов может создаться впечатление, что персидская знать платила государственные подати со своих земель (во всяком случае, к такому мнению приходит Столпер)⁴⁰. Но такое предположение представляется ошибочным. Персидская знать платила налоги не со своей земли, а с земли, которая принадлежала тем слоям населения, которые находились в экономической зависимости от царской администрации и были отданы под непосредственное управление иранских вельмож.

5. Военная повинность

Реформы Дария I, в частности, позволили увеличить контингенты войск. Однако трудно в деталях установить все аспекты его военной реформы, поскольку нам известно очень мало о принципах призыва в вавилонскую армию в предшествующий, халдейский период.

Сохранилось некоторое количество документов, датированных временем Дария I, в которых фиксируется набор воинов. Последние обязаны были приобретать военное снаряжение и продовольствие из собственных средств (см. Dag. 64, 253, 308, 400 и др.). Однако такая форма военной повинности существовала еще в халдейское время, и в этом отношении ничего не изменилось, по крайней мере при ранних Ахеменидах (включая правление Дария I). Так, например, согласно Nbn. 103, составленному в Шахрину (предмestье Вавилона) в третьем году царствования Набонида, некий Набу-апла-иддин и его мать взяли ссуду в одну мину серебра, отдав кредитору в залог свое поле. В документе указывается, что деньги были

³⁹ См.: *Zadok R. Iranians and Individuals Bearing Iranian Names in Achaemenian Babylonia.* — *Israel Oriental Studies.* 1977, 7, p. 108 sq.

⁴⁰ См.: *Stolper M.W. Entrepreneurs and Empire,* p. 68.

предназначены «для снаряжения воина вавилонского царя» (rikis qabli; ср. иранский эквивалент этого выражения *pasa'du* в VAS 4, 126). В последнем документе отмечается, что одна женщина уплатила 20 сиклей серебра начальнику лучников в качестве военных расходов своего сына, обязанного нести военную повинность в девятом году правления Дария I (т.е. 513 г. до н.э.). Табличка была написана в том же, 513 г. в Сиппаре⁴¹.

Несмотря на сохранение некоторых элементов предшествующей системы, в ахеменидское время в рекрутировании воинов произошли большие изменения.

В ахеменидской Вавилонии существовали различные типы повинностной земли, которые назывались «надел лука», «надел колесничего», «надел лошади» и т.п. Эти наделы были пожалованы царской администрацией с обязательством нести военную службу в качестве лучников, колесничих и всадников. Такие воинские контингенты состояли из вавилонян, карийцев, саков и представителей многих других народов Персидской державы.

Эти наделы (по крайней мере «наделы лука и лошади») существовали еще в начале правления Камбиза и, возможно, были введены персидской администрацией вскоре после захвата Вавилонии (см.: Camb. 13, 85; VAS 5, 52, составленные в Сиппаре и Вавилонии при Камбизе). Однако не исключено, что эта система наделов существовала еще в халдейское время.

В документе VAS 3, 55, написанном в Сиппаре в 523 г. до н.э., засвидетельствовано выражение *bīt as-ra-tum*. Как видно из текста, земля, принадлежавшая царю (*makkūr šarri*), была пожалована некоему Или-акаби в качестве надела. Кардашиа уже заметил, что *bīt aspātum* является производным от древнеиранского *bīt sīsē* «лошадь» а *-atu*, по нашему мнению, аккадский суффикс множественного числа, т.е. «надел лошадей».

От слова *aspa-* происходит также *aspastu*. По мнению Циммерна, это — древнеиранское слово для обозначения люцерны, *asp-ast* «пища для лошади». Тот же ученый предположил, что вавилоняне заимствовали это слово от иранцев вместе с люцерной⁴². Однако составители Чикагского словаря аккадского языка (CAD A/II, с. 338 сл.) склонны отвергнуть такое мнение, главным образом потому, что слово *aspastu* встречается еще задолго до ахеменидского периода в перечне растений царского сада, составленном при Меродах-Баладане II, т.е. между 721–710 гг. до н.э. (см. СТ 14, 50). Но нам представляется, что еще ассирийцы могли заимствовать это слово от мидийцев, когда они стали создавать свою конницу по образцу мидийской. Более того, само слово засвидетельствовано в мидийской форме *aspa-*, чему в древнеперсидском соответствует *asa-* с тем же значением «лошадь»⁴³. Очевидно, позднее вавилоняне заимствовали это слово от ассирийцев.

⁴¹ См.: *Dandamayev M. The Old Iranian Pasa'du.* — *Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in Honorem Louis Vaden Berghe I.* Ed. L. de Meyer et E. Haerinck. Gent, 1989, p. 563–565.

⁴² См.: *Zimmer H. Akkadische Fremdwörter.* Lpz., 1917, S. 56.

⁴³ Ср.: *Mayrhofer M. «hld-ti- Speise, Futter im Iranischen».* — *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft.* 1985, 45, S. 166, 168, Anm. 16.

Вся совокупность групп наделов называлась *ḥaṭru*. Последний институт детально исследован Кардашиа и Столпером⁴⁴. Он представлял систему наделов, пожалованных от имени царя коллективу воинов или гражданских лиц. Наряду с *хатру* военных колонистов (например, фригийцев, карийцев и др.) существовали также *хатру* различных групп ремесленников, объединенных по профессиям (плотники, кожевники, лодочники и др.), чиновников (например, писцы-переводчики) и даже купцов, а также работников, прикрепленных к имениям персидского царя и знати. Само собой разумеется, что эти группы существовали наряду с ремесленниками и купцами, которые не были зависимы от царской администрации.

Почти вся наша информация (более двухсот документов) относительно *хатру* происходит из архива Мурашгу, где их упомянуто 67. Как видно из этих документов, в Ниппуре и его окрестностях во второй половине V в. до н.э. был размещен значительный гарнизон.

Возможно, что система повинностных наделов была характерна для региона Ниппура в большей степени, чем для остальной Вавилонии. По-видимому, после подавления двух восстаний вавилонян в 484–482 гг. до н.э., персидский царь Ксеркс конфисковал большие массивы земель в округе Ниппура, превратив их в государственный фонд земли и в значительной степени пожаловав из него наделы своим воинам. Тем не менее организация *хатру* возникла не в этот период, а гораздо раньше. Во всяком случае, как мы выше видели, ее отдельные элементы («наделы лука и лошади») появились еще при Камбизе. Возможно также, что вся ахеменидская система наделов, связанная с военной службой, была заимствована от Ассирии через посредство мидийцев еще в VII в. до н.э.⁴⁵ Само слово *ḥaṭru* впервые засвидетельствовано в одном документе, датированном царствованием Набонида и составленном, по всей вероятности, в Уруке⁴⁶. Судя по контексту этого документа, первоначально оно обозначало «загон», и, по-видимому, это значение изменилось в ахеменидское время.

Держатели наделов могли нанять других лиц для несения военной повинности вместо себя. Документ Camb. 13, составленный в 530 г. до н.э. в Сиппаре, отмечает, что два брата, владевшие «наделом лука», уплатили тридцать три сикля серебра другому лицу, «их царскому воину», в качестве его путевых расходов. В Camb. 292 фиксируется выплата определенной суммы денег Итти-Мардук-балату представителем делового дома Эгиби для приобретения воинского снаряжения. Этот воин должен был нести повинности в пятом году правления Камбиза (525 г. до н.э.) взамен своего контрагента. По свидетельству Camb. 156, некий Бел-иддин получил двадцать пять сиклей серебра от другого лица для приобретения снаряжения, чтобы нести царскую военную службу. Из одной долговой расписки, со-

⁴⁴ См.: Cardascia G. *ḥaṭru*. — *Reallexikon der Assyriologie*. 1972, 4, S. 150–151; Stolper M.W. *Entrepreneurs and Empire*, p. 71 sq.

⁴⁵ Ср.: Postgate J.N. The Place of the *ṣaknu* in Assyrian Government. — *Anatolian Studies*. 1980, 30, p. 75.

⁴⁶ См.: Beaulieu P.-A. An Early Attestation of the Word *hadru*. — *N.A.B.U.* 1988/3, p. 37–39.

ставленной в Вавилонии в 522 г. до н.э. (VAS 4, 84), мы узнаем, что этот Бел-иддин, сын Итти-Мардук-балату, потомка Ахубани, был писцом (и сама расписка написана им).

Сохранился архив некоего Куцур-Эа (сына Син-аххе-буллита, потомка Брадобрёя), который содержит ценную информацию относительно замены военной повинности. Архив этот состоит из семи контрактов, составленных в течение тридцати шести лет, между 399 и 363 гг. до н.э. По свидетельству UET 4, 109, некий Нидинту-Син, сын Син-аххе-иддина, сказал Куцур-Эа следующее: «Дай мне деньги, продовольствие и (все необходимое) снаряжение (согласно нормам для тех, кто) выполняет (военную службу) жителей Ура, и я пойду вместо тебя на царский сбор в восьмом году Артаксеркса, куда царь прикажет. Я выполню любой приказ царя относительно тебя». Куцур-Эа принял это предложение и «дал деньги, продовольствие (и) все снаряжение в соответствии (с нормами) для тех, кто несет повинность жителей Ура по отношению к царскому сбору». Для обозначения «сбора» употреблено заимствованное древнеиранское слово *andēsu* (от **handaisa*, см. CAD A/II, с. 113). Сам документ составлен в восьмом году Артаксеркса II в Уре. Как видно из этого текста, в 397 г. до н.э. Куцур-Эа обязан был нести военную повинность, но вместо себя нанял другое лицо, снабдив его деньгами, продовольствием и снаряжением. Как видно из UET 4, 106, составленного в 363 г. до н.э., Куцур-Эа обязан был выполнять военную службу, так как он вместе с четырьмя другими лицами владел «наделом лука», расположенным на берегу канала. Из UET 4, 44 видно также, что Куцур-Эа и его совладельцы не обрабатывали эту землю сами, а сдавали ее в аренду. Во всяком случае, последний контракт, заключенный в 372 г. до н.э., фиксирует сдачу в аренду указанного надела сроком на четыре года.

Судя по UET 4, 57, Куцур-Эа по профессии был вовсе не воином, а брадобреем в храме г. Ура. Этот текст, составленный в 396 г. до н.э. в Уре, отмечает, что пять поименно названных брадобреев, включая Куцур-Эа, должны были выполнять свои обязанности по отношению к лицам, которые страдали от проказы.

Таким образом, Куцур-Эа был членом храмовой общины Ура и имел там пребенду брадобрея. Кроме того, он владел «наделом лука» и поэтому должен был служить в войске как лучник. Этот надел вряд ли мог быть пожалован ему царской администрацией, поскольку он не был воином. По всей вероятности, он стал владельцем надела под видом усыновления каким-то царским воином, который стал несостоятельным должником. Как правило, отчуждение таких наделов не допускалось. Однако в поздне-ахеменидское время, по-видимому, их можно было даже продать, если на это была согласна царская администрация⁴⁷. Поэтому не исключено, что Куцур-Эа купил надел, которым он владел вместе с другими лицами. Они наняли другого человека, чтобы нести повинность с земли, а саму землю сдали в аренду.

⁴⁷ См.: *Joannès F. Textes économiques de la Babylonie récente*. P., 1982, p. 94 sq.

6. Храмовая политика

В течение ахеменидского периода в политике по отношению к вавилонским храмам произошли значительные изменения. Прежде всего, в отличие от халдейских царей Ахемениды не стали платить храмовую десятину, хотя они и сохранили ее как обязательный налог со своих подданных в Месопотамии. Кроме того, в халдейское время цари редко вмешивались в храмовые дела и вклад храмов в доходы государства был весьма незначительным. Но при Ахеменидах вавилонские храмы обязаны были платить государству значительные подати крупным рогатым скотом, овцами, ячменем, пивом и т.п., а также снабжать продовольствием государственных чиновников. В дополнение ко всему этому храмам приходилось выполнять государственные повинности, посылая своих рабов (пахарей, пастухов, садовников, ремесленников и т.д.) для работы в царском хозяйстве в Вавилонии и других городах. Царские контролеры и фискальные агенты следили за своевременной и точной уплатой отчислений для государства и выполнением повинностей храмами. Надзор за храмовым имуществом также был передан в руки царских чиновников, которые регулярно устраивали ревизию этого имущества. Наконец, царские чиновники постоянно проверяли работу храмовых рабов, посланных для выполнения государственных повинностей⁴⁸.

Следующие документы из Урука, которые относятся ко времени царствования Камбиза, хорошо иллюстрируют политику Ахеменидов по отношению к вавилонским храмам. По свидетельству GCCI 2, 120, «в соответствии с письменным указанием Губару, наместника Вавилонии и Заречья» царский контролер в храме Эанна передал восемьдесят больших баранов «для царского стола» в городе Аману (по всей вероятности, поблизости от Урука). Как видно из YOS 7, 168, сборщик арендной платы в храме Эанна получил указание доставить к определенному времени 5000 талантов (150 т) дров «в царский дворец» в Аману. Кроме того, храм Эанна должен был передать в тот же дворец 100 талантов (13 т) фиников. В документе Moogé, Michigan 89 отмечается выдача четырех сиклей серебра для аренды лодки, на которой предполагалось привезти в Аману «отменное пиво». Другая лодка была арендована, чтобы доставить кирпичи в то же самое место. Согласно AnOr 8, 87, два пастуха храма Эанна получили распоряжение перегнать двести голов овец и коз «для царского стола» в Аману. Это распоряжение было отдано Фарнаком, который, по всей вероятности, был управляющим царским хозяйством. Все упомянутое выше имущество (овцы, козы, финики, пиво и т.д.) принадлежало храму Эанна в Уруке, который во время пребывания в Аману Камбиза обязан был кормить его вместе со свитой⁴⁹.

⁴⁸ См. более подробно: *Dandamayev M. State and Temple in Babylonia in the First Millenium B.C. — State and Temple Economy in the Ancient Near East. Leuven, 1979, p. 589–596.*

⁴⁹ Ср.: *San-Nicolò M. Zur Verproviantierung des kgl. Hoflagers in Abanu durch den Eanna-Tempel in Uruk. — ArOr. 1949, 17/2, S. 323–330.*

Тот же храм посылал в Аману своих рабов для работы на царя (Moore, Michigan 9).

7. Культурные и идеологические тенденции

Ахеменидское влияние можно заметить в дворцовом строительстве и в производстве металлических ваз в Вавилонии⁵⁰. Например, ахеменидские цари строили в Вавилоне ападану (парадный дворец) и другие здания в персидском стиле⁵¹. Персидское влияние заметно также в иконографии вавилонских печатей, особенно в сюжетах и стиле печатей на документах из архива Мурашу⁵². Но в течение всего ахеменидского и более поздних периодов в храмовом строительстве и погребальных обрядах сохранялись местные традиции⁵³.

Древняя культура и идеология Вавилонии продолжали развиваться и в персидское время. Однако, стремясь провести различие между местными элементами вавилонской идеологии и теми, которые возникли в результате захвата Месопотамии персами, важно иметь в виду, что догматизм по отношению к верованиям других был чужд древним религиям. Для древних обществ было характерно преобладание религиозного плюрализма. Поэтому в политеистических религиях не могут появляться такие представления, как ложная вера или ересь. Хотя ахеменидские цари считали своих богов наиболее могущественными, они веровали также в богов покоренных народов, поклонялись им и приносили им жертвоприношения, стремясь заручиться их милостями⁵⁴. Поэтому Ахемениды, как и правители других древних государств, не делали никаких попыток навязать свою религию, культуру и язык покоренным народам.

Невозможно привести какие-либо документальные свидетельства в пользу мнения некоторых ученых, что именно из-за зороастрийских убеждений поздних персидских царей храм Эанна в Уруке находился в полном упадке⁵⁵, что при этих правителях «зороастризм заменил древнюю вавилонскую религию»⁵⁶ или что они «проводили враждебную политику

⁵⁰ См.: *Haerthck E.* La neuvième satrapie: archéologie confronte histoire? — *Achaemenid History*. I. Ed. by H. Sancisi-Weerdenburg. Leiden, 1987, p. 142 sq.

⁵¹ См.: *Koldewey R., Wetzel F.* Die Königsburgen von Babylon. Vol. 1. Lpz., 1931, S. 35.

⁵² Ср.: *Haerthck E.* La neuvième satrapie, p. 144.

⁵³ См.: *ibid.*, p. 139 sq.

⁵⁴ См.: *Bickerman E.* The Edict of Cyrus in Ezra I. — *Bickerman E.* *Studies in Jewish and Christian History*. Vol. 1. Leiden, 1976, p. 93 sq.

⁵⁵ См.: *Schott A.* Die inschriftlichen Quellen zur Geschichte Eannas. — *Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse*, 1929/7. B., 1930, S. 49.

⁵⁶ См.: *Wolley L.* The Neo-Babylonian and Persian Periods. — *Ur Excavations*. L., 1962, 9, p. XI, 90.

по отношению к местным храмам»⁵⁷. Вряд ли можно также согласиться с Кесслером, что изменения в культе храма Эанна с его новой ориентацией на бога Ану вместо богини Иштар могли быть связаны с религиозной политикой Ксеркса, который провел свою реформу, направленную против дэвов, т.е. некоторых древнеиранских богов⁵⁸. Нет никаких оснований полагать, что Ксеркс, как и другие ахеменидские правители, заботился о том, каких богов вавилоняне почитали, или что он считал культ Ану более предпочтительным, чем культ Иштар. Правда, когда в 482 г. до н.э. в Вавилоне вспыхнуло восстание против персидского господства, Ксеркс частично разрушил Эсагилу, главное святилище страны. Но в этом случае он стремился лишить мятежное население помощи их главного бога Мардука и вовсе не проявлял враждебности по отношению к последнему.

Хотя ахеменидский период характеризуется синкретизмом культур и религий различных народов, вавилонская культура, которая стала консервативной и застывшей еще за несколько веков до персидского завоевания, не была сколько-нибудь значительно затронута культурами других народов державы.

Таким образом, в итоге процессы культурных и идеологических изменений в Вавилонии, которые происходили в течение всего ахеменидского периода, были обязаны своему внутреннему развитию и не подвергались в сколько-нибудь значительной мере персидскому влиянию. Подобным же образом позднее, в эллинистический период, местная вавилонская культура и религия не подверглись и греческому влиянию.

Заключение

Как мы видели выше, персидская администрация не интересовалась культурной жизнью Вавилонии и лишь старалась создать устойчивое государственное управление, новую систему царских податей и набора в армию.

Во время господства персов вавилонская наука сохраняла свои древние традиции. Этот период, особенно начиная с последней четверти V в. до н.э., был наиболее творческим для вавилонской математической астрономии. Но все ее успехи, как и некоторые изменения в религиозной идеологии, обязаны были лишь своей внутренней эволюции.

Значительные изменения произошли в административной системе страны, и многие государственные институты постепенно стали подвергаться иранскому влиянию. В вавилонских документах появилось значительное количество древнеиранских административных юридических терминов. Кроме того, персы занимали доминирующее положение в государственном аппарате и в армии.

⁵⁷ См.: Beaulieu P.-A. *Agade in the Late Babylonian Period*. — N.A.B.U. 1989/3, p. 46.

⁵⁸ См.: Kessler K. *Duplikate und Fragmente aus Uruk*. — *Baghdader Mitteilung*. B., 1984, 15, S. 263.

Хотя вавилонское частное право не изменилось существенным образом, многие иранцы стали принимать активное участие в местной деловой жизни. Документы из Вавилона, Ниппура и других месопотамских городов упоминают судей иранского происхождения.

Радикальные изменения произошли в системе аграрных отношений. Часть земли была отнята у покоренного населения и роздана значительными массивами в наследственную собственность членам царской семьи и персидской знати. Кроме того, часть такой земли находилась в прямом владении царя. Все эти имения были освобождены от государственных податей. Существенные изменения происходили также в системе военной повинности. Перераспределение земли, происшедшее в результате персидского завоевания, вызвало появление различных видов наделов, которые принадлежали царским воинам и зависимым от государства работникам. Эти наделы были пожалованы царской администрацией из государственного фонда с обязательством выполнения военной или трудовой повинности.

Важные изменения произошли в храмовой политике. В отличие от халдейского периода, вавилонские храмы обязаны были платить значительные налоги натурой и выполнять государственные повинности, посылая своих рабов для работы в дворцовых имениях.

Фундаментальные изменения произошли также в системе государственных налогов. Вавилония обязана была платить денежные подати серебром. Для этой цели земля была точно измерена и классифицирована по роду насаждений.

При Ахеменидах Месопотамия стала широко доступна для иммиграции и многие чужеземцы стали селиться в этой плодородной стране по различным причинам. Хотя в начальный период своего пребывания в Вавилонии чужеземцы сохраняли свое этническое самосознание и традиционную культуру, постепенно они ассимилировались местным населением. Даже персы, которые принадлежали к господствующему народу, интегрировались в местную действительность. В течение нескольких столетий все группы этнических меньшинств, за исключением части евреев, полностью растворились в месопотамской среде. Эти процессы смешения и синкретизма культур и религиозных представлений различных народов продолжались и в эллинистический период, но в их характере не было сколько-нибудь существенных изменений по сравнению с предыдущим временем. В ряде случаев чужеземцы селились значительными группами в отдельных кварталах тех или иных городов и устанавливали свои органы самоуправления. Такие органы этнических меньшинств, существовавшие наряду с народными собраниями вавилонских городов, представляли начальную стадию *политеам*, которые позднее, в эллинистическое время, превратились в широко распространенный институт.

Становление империи и имперской идеологии в древней Месопотамии

Вопрос о времени возникновения империи в древней Месопотамии все еще вызывает большие разногласия. В научной литературе можно встретить упоминания об «Империи Аккада», «Империи III династии Ура», «Империи Хаммурапи» и т.п. и даже о доисторической «Империи Киша»¹. Предлагаемая статья — попытка кратко изложить мою точку зрения на процесс развития политических форм в Месопотамии, а затем и в других частях древней ойкумены, поскольку начало ему, как он представляется мне, было положено именно в Месопотамии. Как будет показано ниже, для понимания этого процесса необходим учет географических, политических, психологических и экономических факторов.

I

Доисторическая «Империя Киша» — научный миф. Как я постараюсь показать ниже, империя — завершающая фаза длительного политического развития в классовом обществе. Особая же престижность в ранней древности титула «царь Киша» объясняется, вероятно, существованием в доисторические времена союза племен (*амфиктионии*) с культовым центром в Ниппуре и политическим центром в Кише. Глава (верховный вождь) этого союза, очевидно, и носил титул «лугаль Киша» (но слово «лугаль» тогда еще не означало «царь»). В Ниппуре никогда не было царя, и этот город никогда не играл самостоятельной политической роли, а титул «лугаль Киша» мог носить и правитель другого нома.

Процесс объединения городов-государств Месопотамии в более крупные политические структуры происходил под воздействием экономических и психологических факторов, имевших различное, нередко противоположное направление. Так, необходимость увеличения объема перераспределяемого прибавочного продукта порождала войны, целью которых был грабеж и расширение территории. Войны эти стали постоянными, а

¹ См.: Power and Propaganda. A Symposium on Ancient Empires. Ed. by M.T.Larsen. Copenhagen, 1979 (Mesopotamia. Studies in Assyriology. Vol. 7); Garelli P. Les empires mésopotamiens. — Le concept d'empire. Ed. by M. Duverger. P., 1980, p. 25–47.

города Месопотамии были обнесены защитными стенами. Военские подвиги в этих войнах нашли свое отражение и прославление в эпосе. С другой стороны, месопотамские города-государства производили однородную экспортную продукцию и импортировали одинаковые товары. Поэтому они в экономическом отношении были конкурентами, соперниками, и в партнеров превратиться не могли, да и не желали.

Кроме этого, попытки создать территориальное государство противоречили самой психологии общинников (город-государство был государством-общиной). Община, унаследованная всеми народами от первобытности, существует на протяжении всей истории человечества, приобретая самые разнообразные формы и оставаясь главной после государства формой организации людей даже и в наши дни — в виде молодежных группировок, партий, классов, землячеств, научных школ и т.п. (даже мафия может и должна рассматриваться в первую очередь как община). Видимо, община — прямая наследница стаи и, следовательно, проявление инстинктивной, биологической стороны человеческой природы. Иначе говоря, община есть явление природы, а государство — явление культуры. Поэтому-то община и находится в постоянной вражде с чисто человеческим изобретением — государством, т.е. проблема взаимоотношений государства и общины — проблема прежде всего психологическая. В Месопотамии, как и повсюду, это и осложнило создание территориального государства². С другой стороны, осознание некоего единства можно обнаружить там очень рано. Шумерское *kalam* («страна»), конечно, еще не политический термин, но и не географический, а религиозно-культурный («наша страна»), а граждане шумерских и аккадских городов-государств («номовых государств», по терминологии И.М.Дьяконова) сознавали себя единым «народом черноголовых». Так называемый «Плач о разорении Лагаша», относящийся к Раннединастическому периоду, заканчивается инвективой против победителя — правителя Уммы: «Человек Уммы, поелику он разрушил Лагаш, провинился перед Нингирсу. Отсечена будет рука, которую он поднял на него. Нет греха на Уруинимгине, лугале Гирсу. На Лугальзагеси, энси Уммы, да возложит этот грех Нисаба, его богиня». Таким образом, жестокого победителя должна покарать богиня-покровительница его собственного города.

В течение III–II тысячелетий до н.э. центробежные тенденции (экономические и социально-психологические) чаще всего берут верх, а тенденции центростремительные находятся в постоянном противоборстве с упорным партикуляризмом номовых общин, который дает о себе знать постоянно. Здесь кроется, как я уже писал в других своих работах³, основная причина того факта, что создатель первого крупного государственного

² См.: *Яacobson В.А.* Государство как социальная организация. — Восток. 1997, № 1.

³ *Яacobson В.А.* Проблемы изучения истории государства и права древнего Востока. — НАА. 1984, № 2–4; *Дьяконов И.М., Яacobson В.А.* «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии. — ВДИ. 1982, № 2, с. 3–16.

объединения в Месопотамии Саргон Аккадский не пожелал сделать своей столицей какой-либо старый и знаменитый город (т.е. город с сильной общиной и влиятельной знатью), а обосновался в не имевшем до того ни малейшего значения Аккаде. Так поступали в дальнейшем все без исключения создатели крупных держав в Месопотамии.

Государство династии Аккада не может считаться не только империей, но даже и централизованным территориальным государством. Оно полностью сохраняло традиционную номовую структуру. И хотя Саргон сообщает в своих надписях, что «от Нижнего до Верхнего моря аккадцы исполняли должности энси», на самом деле в большинстве номов продолжали править представители местных династий. *Энси* был не просто «губернатором», так как играл важную роль в традиционном местном культе и проходил обряд посвящения, т.е. фактически — коронования. Царство Аккада было, следовательно, своеобразным конгломератом полунезависимых вассальных номовых государств, объединенных вокруг Аккада. Внук Саргона Нарам-Суэн был обожествлен, но из текста, сообщающего об этом событии, видно, что оно, во всяком случае формально, произошло по желанию городской общины (!) Аккада, издавшей соответствующее постановление⁴. Уйти от общины все-таки не удалось...

Царство III династии Ура, возникшее после падения царства Аккада и свержения власти захватчиков-*кутиев*, тоже не было еще настоящим централизованным государством. И здесь сохранилась система номов, во главе которых стояли наследственные энси, а цари этой династии короновались по меньшей мере в трех городах: Ниппуре, Уре и Уруке⁵. Эти правители, как и цари I династии Иссины, тоже обожествлялись. Но оба эти государственных объединения были недолговечны.

Первым настоящим централизованным государством в Месопотамии следует считать державу Хаммурапи. Теперь в Вавилонии уже нет больше номов, областями государства управляют назначаемые царем администраторы. Энси более не существуют, а сам этот титул (в аккадизированной форме *ишшаккум*) носят теперь царские служащие весьма невысокого ранга. В прологе к своим знаменитым Законам Хаммурапи перечисляет все важнейшие города Месопотамии, но тщательно избегает указаний на какую-либо личную связь с любым городом, кроме Вавилона. Все эти города теперь лишь составные части единой державы.

Что же касается империи, то о ней можно говорить лишь тогда, когда границы державы выходят далеко за пределы данного этнокультурного региона, а вся или почти вся ее территория включена в единую административную систему. Вот почему неправильно говорить о «Египетской империи» времен Нового царства, а также о «Хеттской империи», в обоих

⁴ Русский перевод см.: *Якобсон В.А.* Цари и города древней Месопотамии. — Государство и социальные структуры на древнем Востоке. М., 1989, с. 26 и сл.; там же список литературы.

⁵ *Sjöberg A.W.* Die göttliche Abstammung der Sumerisch-Babylonischen Herrscher. — *Orientalia Suecana*. Uppsala, 1973, 1972/21, S. 87–112.

этих случаях речь должна идти о гегемонии. Смысл империи состоит в том, чтобы соединить простое ограбление соседей с увеличением территории и числа подданных и включением в эту территорию возможно большего количества важнейших торговых путей. Империя полиэтнична, а ее составные части находятся на разных уровнях политического и экономического развития и имеют разную хозяйственную специализацию. Поэтому ее составные части являются в большинстве случаев не соперниками, а партнерами, а «имперский мир» и неизбежно возникающее в той или иной степени культурное единство способствуют, во всяком случае поначалу, укреплению этих связей и созданию совершенно новой хозяйственно-политической и культурной системы. Иначе говоря, империя — это не просто форма правления (Римская империя уже существовала во время республики), но совершенно новое политическое, геоэкономическое и социально-психологическое явление. И.М.Дьяконов даже считал, что возникновение империй — новая, особая стадия исторического процесса⁶. Естественный конец империи неизбежно наступает тогда, когда уровень экономического и культурного развития ее основных частей более или менее выравнивается и они из партнеров вновь превращаются в соперников, а окрепшая и осознавшая себя местная элита не нуждается более в поддержке со стороны метрополии. Эту новую местную элиту выращивают сами же имперские власти, ведь невозможно управлять огромными территориями с многочисленным населением, опираясь только на чиновников, присылаемых из метрополии: в метрополии для этого просто не хватит дельных людей. Опирайтесь на элиту из аборигенов более целесообразно еще и потому, что они лучше понимают местные проблемы и тонкости взаимоотношений. Но в любой империи привычное классовое и сословное неравенство усугубляется неравенством этническим, это последнее неравенство местная элита ощущает очень болезненно и объясняет его своему народу. Британское владычество в Индии разрушили индийские интеллигенты — выпускники лучших английских и созданных англичанами в Индии университетов... Разумеется, в реальной действительности все зависит от того, насколько удачно подбираются составные части империи, а это, в свою очередь, зависит от множества политических, экономических и географических условий, от наличия или отсутствия сильных соперников и врагов, да и просто от случая. Учитывая все это, следует отметить, что бассейн Средиземного моря был идеальным местом для создания империи, и она в конце концов была там создана. «Черновиком» средиземноморской империи была Афинская морская держава, а может быть, и полулегендарная Критская талассократия, а Пунические войны были войнами за то, кому — Риму или Карфагену — создавать эту империю. Именно по указанной выше геополитической причине Римская империя была единственной империей древности, дожившей до своего естественного конца. Но конец наступил несмотря даже на то, что у жителей

⁶ Дьяконов И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М., 1994, с. 44–64.

этой империи существовало сильное имперское сознание: даже после ее распада византийцы продолжали именовать себя «ромеями», т.е. римлянами, хотя говорили по-гречески. В Месопотамии же и вообще во всем древнем мире первой настоящей империей, учитывая все сказанное выше, следует считать Ассирийскую державу. Но с этого времени Месопотамия продолжала оставаться центром и основой сменявших друг друга ближневосточных империй до падения Халифата. Впрочем, и в Турецкой империи Месопотамия была важнейшей составной частью.

II

Имперская идеология намного старше самой империи. И одновременно с этой идеологией возникает контридеология, идеология сопротивления имперским тенденциям.

В дошедшей до нас клинописной традиции о Саргоне Аккадском и Нарам-Суэне сложно переплетаются восхищение и осуждение, обвинение в гордыне и даже в нечестии⁷. Эти цари титуловали себя в своих надписях «вселенскими» титулами «царь обитаемого мира» и «царь четырех стран света», а Нарам-Суэн именовался сверх того еще и «богом Аккада». Все это свидетельствует о стремлении идеологически обосновать и оправдать их деятельность. В честь этих царей слагались эпические поэмы, но возникла также и поэма «Проклятие Аккаду», где нашествие кутиев и разорение страны объясняются преступлениями царя и его гордыней. Эта эпоха отмечена также многочисленными восстаниями номов, стремившихся вернуть себе независимость.

При III династии Ура был создан знаменитый «Шумерский царский список», цель которого, по единодушному мнению исследователей, состояла в том, чтобы идеологически обосновать существование единой царской власти в Месопотамии⁸. Согласно «списку», единая царская власть существует здесь с начала времен, хотя и меняет время от времени свою резиденцию. Ответом со стороны номовых общин были не только мятежи, но и контрпропаганда. Появляется так называемый «Лашский список», из которого следует, что харизма энси древнее и почтеннее харизмы царя, а в Лаше от начала времен существует непрерывная преемственность богоизбранных энси. Этот интересный апокриф был, по мнению его издателя⁹, сочинен в середине Старовавилонского периода и, следовательно, может быть ответом не только на идеи «Царского списка», но и на новые идеи, выдвинутые Хаммурапи.

⁷ *Westenholz A.* The Old Akkadian Empire in Contemporary Opinion. — *Power and Propaganda*, p. 107–123; см. также: *Kienast D.* Der Weg zur Einheit Babylonien unter staatsrechtlichen Aspekten. — *Orientalia*. 1973, 42, S. 496.

⁸ *Steiner G.* Altorientalische «Reich» — Vorstellungen im 3. Jahrtausend v. Chr. — *Power and Propaganda*, p. 125–143.

⁹ *Sollberger E.* The Rulers of Lagash. — *JCS*. 1967, 21, 1–4, p. 279–291.

Следует отметить, однако, что еще при I династии Иссины впервые возникают привилегии (иммунитеты от податей и повинностей), даруемые царями городским общинам и получившие впоследствии значительное распространение. Возможно, состоялся некий молчаливый компромисс: города постепенно отказываются от суверенитета, а цари — от обожествления, сделав таким образом уступку общинам и их культам.

Хаммурапи в прологе к своим знаменитым Законам объявил Вавилон вечным обиталищем царственности. Этой идее сужден был необыкновенно длительный успех, но она вызвала также и возражения. О «Лагашском списке» я уже упоминал, но были и другие отклики. Как известно, среди титулов и эпитетов месопотамского царя особенно престижными считались титулы «царь обитаемого мира» и «царь четырех стран света». Эти «вселенские» титулы носили далеко не все цари, и никогда не существовало одновременно более одного царя с таким титулом (титулами). Отсюда следует, что право на него приобреталось каким-то особым порядком, возможно посредством оракула, исходившего из Ниппура — главного религиозного центра Месопотамии. Тем удивительнее обнаружить в табличках с записями предзнаменований явно выраженную тенденцию считать недобрый предсказание появления в стране «царя обитаемого мира», или «царя четырех стран света», или даже просто «могучего царя» (также один из постоянных эпитетов или титулов). Оно предвещалось во многих случаях аномальными рождениями у людей и животных. Сами по себе такие аномалии могут предвещать, в зависимости от своего характера, и зло и добро¹⁰. Предсказание появления такого царя может, разумеется, быть добрым для него самого. Но доброе ли оно для страны? Ответ недвусмыслен: «...царь обитаемого мира появится в стране, и страну постигнет бедствие» (I.10). Издатель этих текстов переводит соответствующие идеограммы или аккадские слова «деспотический царь», опираясь, видимо, на текст II.6, где предсказание появления такого царя именуется также «предзнаменованием Гильгамеша». (Гильгамеш, как известно из аккадской поэмы о нем, в начале своего правления вел себя как деспот, ср. также IV.24.) Однако издатель непоследователен и, например, в V.6; VI.14; VII.1 переводит то же сочетание согласно словарю. В других местах вместо общепринятого «могучий царь» он, видимо, из тех же соображений переводит «жестокий царь» (*passim*). И лишь «четыре стороны света» всегда переводятся в этом издании согласно словарю. Однако в таких переводах *ad hoc* нет надобности. Речь в тексте идет именно о том, что сам по себе «царь обитаемого мира», «царь четырех стран света», «могучий царь» есть зло если и не всегда, то во многих случаях.

Несмотря на все это, «хилиастической» идее Хаммурапи, как уже сказано, была суждена исключительно долгая жизнь. Вавилонское царство всегда пользовалось особым престижем, и когда ассирийцы завоевали Вавилонию, они не превратили ее в провинцию, как поступали в других

¹⁰ *Leichty E. The Omen Series Šumma Izbu. — Texts from Cuneiform Sources IV. Locust Valley. N. Y., 1970.*

случаях. Вместо этого ассирийские цари короновались вавилонской короной. Вавилон был одной из столиц Персидской империи. Возможно, что последним, кто возложил на себя вавилонскую корону, совершив обряд «прикосновения к рукам Бела (Мардука)», был Александр Македонский. Не случайно он избрал столицей именно Вавилон, а центром империи — Месопотамию: в пользу такого выбора говорили и география, и традиция. Но и на этом история «хилиастической» идеи не закончилась, идея лишь расширилась, сделала новый шаг вперед. В библейской книге Даниила содержится рассказ о последовательном переходе власти над миром к четырем державам: Ассирии (=Вавилонии), Персии, Греции (т.е. державе Александра и его преемникам) и Риму¹¹. Хотя книга Даниила датируется II в. до н.э. (а интересующие нас разделы даже I в. до н.э.), само предание о Данииле — человеке Божьем — сложилось еще в среде пленных иудеев в Вавилонии. Не будет чрезмерной смелостью предположить, что именно там они познакомились с идеей «первопрестольности» Вавилона, которая под влиянием дальнейших событий (персидское завоевание, приход греков и т.п.) трансформировалась в идею первенства державы. Блаженный Иероним перенес затем эту идею на европейскую почву, где теория *translatio imperii*, т.е. перехода власти, господствовала среди историков средневековья. Ее влияние на исторические и политические концепции Европы и в более поздние времена было чрезвычайно велико. В качестве примера можно привести упорные попытки сохранить давно уже ставшую фикцией «Римскую империю», от которых австрийские императоры отказались лишь в начале XIX в. (к этой же теории восходит и теория «Москва — Третий Рим»). Отзвуки ее видны и в исторических концепциях Гегеля. Наконец, миф о «Третьем рейхе» — последняя по времени и, будем надеяться, вообще последняя попытка возродить эту древнюю и уже ставшую реакционной концепцию.

III

Уже было отмечено¹² довольно курьезное обстоятельство: царские указы всех времен и народов (и древней Месопотамии тоже) содержат, как правило, обширную и многословную вводную часть, где в самых пышных выражениях описываются мудрость и заботливость государя, побудившие его издать нижеследующий эдикт. Это многословие составляет разительный контраст с простой и краткой, но исполненной достоинства и уверенности республиканской формулой «сенат и римский народ постановляют...». Иначе говоря, цари и сами почему-то считают необходимым оправдываться, а царская власть рассматривается как нечто не вполне нормальное. Найти прямые или косвенные свидетельства антимоноархи-

¹¹ Дан 2.31–44; 7.3–27; 8.20–25.

¹² Ries G. Prolog und Epilog in Gesetzen des Altertums. München, 1983.

ческих и антиимперских настроений, помимо указанных выше, было бы очень интересно, но надежд на это мало. Следует, однако, добавить к уже сказанному то место из «Диалога господина с рабом», где рекомендуется держаться подальше от царя¹³, а также и знаменитый текст «Царское зеркало» — грозное предупреждение царю, который «не блюдет справедливости»¹⁴. Тем не менее сам институт империи и соответствующая ему имперская идеология вызывались к жизни объективными обстоятельствами и исчезают только с устранением этих обстоятельств.

Необходимо еще отметить, что одно из главных несчастий нашего времени — национальная вражда — возникла, видимо, вместе с первыми империями. Именно тогда впервые появляются различия между свободными (помимо, разумеется, привычных сословных различий): на одной стороне возникает национальная гордыня, представление о провиденциальной, мироустроительной роли того или иного народа, на другой — ущемленное национальное самолюбие, порождающее идеи провиденциальной роли народа в будущем. Именно империи породили до сих пор охотно обсуждаемый вопрос, какой народ лучше, какой хуже, и вопрос этот стал еще более острым с появлением догматических религий и религиозной вражды. Обсуждение этого вопроса в теории и на практике уже причинило человечеству великие беды и сулит новые. Но, кажется, эпоха империй завершается, хотя имперская ностальгия еще существует, в том числе и в нашей стране. Психологические перемены совершаются гораздо медленнее экономических и политических. Но следует надеяться, что отомрет когда-нибудь и этот проклятый вопрос.

¹³ Я открою тебе сокровенное слово. М., 1981, с. 204.

¹⁴ *Reiner E.* The Babylonian Fürstenspiel in Practice. — *Societies and Languages of the Ancient Near East* (Studies in Honour of I.M. Diakonoff). Warminster, 1982, p. 319–326; там же подробная библиография.

Альтернативные подходы к проблеме древнейшего государства в Египте

Древнему Египту, исходя, в частности, из физико-географических особенностей страны, приписывали, по сути, исторически предопределенный и безальтернативный алгоритм перехода от первобытности к «деспотическому» государству — так называемый второй путь развития обществ ранней древности. В ограниченности жизненного пространства египтян узкой долиной Нила, стиснутой мертвыми пустынями, видели гарантию невозможности существования здесь независимых номовых государственных образований и неизбежности объединения (Верхнего) Египта «по цепочке» сильнейшим номом в ходе междоусобиц уже на зачаточной стадии политогенеза. В целом по сей день считается доказанным, что централизованное древнеегипетское государство, протяженностью от первых нильских порогов и чуть ли не до приморского края Дельты, сложилось к началу раннединастической эпохи («архаики», или Раннего царства)¹.

Традиционная наука увязывала этот процесс с постепенным ростом населения в долине Нила — хотя за отсутствием соответствующих данных этот вывод не мог быть обоснован точными расчетами; более того, археологические памятники свидетельствуют скорее в пользу нерегулярной оседлости и малочисленности жителей протодинастического Верховья. Как бесспорный рассматривался тезис, что хозяйственное освоение поймы Нила не обошлось без общих ирригационных работ в масштабе страны, явившихся одним из решающих факторов египетского этногенеза — хотя из источников вовсе не следует, что в Египте до Старого царства включительно существовала единая ирригационная система.

С учетом современных палеоэкологических данных мной была выдвинута рабочая гипотеза, согласно которой архаическое египетское государство ограничивалось лишь частью территории страны, резко выделяясь из прочих «вождеств» более высоким уровнем социальной организации. Это явление я поставил в связь с Фландрской трансгрессией Средиземного моря (вторая половина IV тысячелетия до н.э.), массовым

¹ Дьяконов И.М. Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. Общие черты первого периода истории древнего мира и проблема путей развития. — История Востока. Т. 1. Восток в древности. М., 1997, с. 38–39; Wilkinson T. Early Dynastic Egypt. L.–N. Y., 2001, p. 47–52.

исходом земледельческо-скотоводческого населения из затапливаемой Дельты на юг и концентрацией десятков тысяч мигрантов в составе одной из верхнеегипетских племенных группировок, под «тотемом» сокола — Хора, династического Египта².

Наиболее вероятным местом скопления нижнеегипетских беженцев был район при апексе Дельты, где родоначальник I династии Хор Аха основал город Мемфис, превратившийся в главную царскую резиденцию и вытеснивший с этой позиции верхнеегипетский Тин, откуда ранние династы вели свое происхождение. Вместе с тем раскопки некрополя в Абидосе близ Тина вскрыли целый ряд царских кенотафов (?) «архаического» периода, которые, по одной из версий, дублировали истинные гробницы древнейших фараонов, обнаруженные в Саккаре под Мемфисом. По другой версии, истинные царские гробницы находились в Абидосе. Как бы то ни было, эти монументальные погребальные сооружения подсказывают, что Тин и Мемфис в те времена являлись средоточием культа почивших царей, т.е. выполняли функцию важнейших центров кристаллизации египетского протогосударства.

Здесь не было бы ничего примечательного, не имейся больших сомнений в том, что это протогосударство простирало свою власть на весь тогдашний Египет. На мой взгляд, ни один из известных сегодня источников, ни в отдельности, ни совокупно с прочими, не может служить доказательством существования в раннединастическом Египте самодержавного царства³. Это заключение при очевидности теснейших связей между Тином и Мемфисом, явно входившими в единый социально-политический организм, на первый взгляд заводит в тупик. Как могли «архаические» правители Тина основать Мемфис и управлять тамошним многолюдным регионом, не владея если не всем Египтом, то по крайней мере пространством Нильской долины между этими поселениями, измерявшимся, кстати, сотнями километров? Возможно ли, чтобы части государственного образования располагались на столь значительном расстоянии друг от друга, перемежаясь с территориями независимых племен или общин?

Ответы на эти вопросы просматриваются в контексте организации крупнейшей земельной собственности в Египте Старого царства, где, насколько известно, обширные домовладения фараона, номархов и прочей знати не составляли сплошных массивов, а были разбросаны по всей стране⁴. С учетом этого предположение об ограничении реальной власти «архаических» царей в долине Нила всего лишь несколькими анклавами не кажется таким уж невероятным. Более того, принимая во внимание теснейшую историко-эволюционную преемственность «архаики» и Старого

² Прусаков Д.Б. Природа и человек в древнем Египте. М., 1999, с. 61–67, 77–82; Proussakov D. Early Dynastic Egypt. — P. Peregrine, M. Ember (eds). Encyclopedia of Prehistory. Vol. 1. Africa. N. Y., 2001, p. 77–85.

³ Прусаков Д.Б. Раннее государство в древнем Египте. М., 2001, с. 50–51.

⁴ Перепелкин Ю.Я. Хозяйство староегипетских вельмож. М., 1988, с. 184; Савельева Т.Н. Аграрный строй Египта в период Древнего царства. М., 1962, с. 55.

царства, в прерывности и широкой географической рассеянности староегипетских крупных земельных владений логично усматривать не что иное, как слепок раннединастического территориального устройства Египта.

Я выдвигаю гипотезу: египетское протогосударство представляло собой не сплошную территориальную, а дискретную анклавную систему, вкрапленную в мозаику независимых «чифдомов» долины Нила.

Помимо Тина и Мемфиса по косвенным признакам угадываются некоторые другие ее очаги, которые если и не принадлежали царскому клану на правах «частных» владений, то, во всяком случае, относились к сфере его политических интересов. В Верхнем Египте это прежде всего Иераконполь — здешний древнейший центр поклонения Хору, соседствовавший с располагавшимся в ал-Кабе святилищем богини-коршуна Нехбет, чье имя вошло в титулатуру уже раннединастических царей. Какую-то связь те, несомненно, поддерживали и с Коптосом, неподалеку от которого, в Нагаде, была найдена усыпальница царицы «0-й династии» Нейтхотеп; кроме того, цари периодически посвящали коптосскому богу Мину церемонию «рождения» (изготовления статуи?), т.е. воздавали ему особые почести. Среди поселений Дельты след наиболее тесных контактов с Тином-Мемфисом обнаруживает Буто, где находилась древнейшая кумирня богини-кобры Уаджет, олицетворявшей на пару с верхнеегипетской Нехбет один из титулов фараона, а также Саис, откуда, вероятно, происходили жены ряда ранних династов, носившие имя саисской богини Нейт.

Документальные свидетельства о регулярных связях между гипотетическими анклавами египетского протогосударства приходится понимать так, что значительные пространства, предположительно не подпадавшие под его власть, не составляли непреодолимой преграды для полноценного взаимодействия Тина, Мемфиса и политически тяготевших к ним сельбищ — при всей неизбежности постоянных враждебных выпадов со стороны независимых «номов», вклинивавшихся в эту систему. Уместен вопрос: каким мог быть механизм ее формирования и функционирования?

Важнейшая «приводная деталь» этого механизма буквально бросается в глаза. Египетская керамика герзейского периода (ок. 3600 — 3200 г. до н.э.) в изобилии демонстрирует изображения многовесельных ладей, очевидно уже в то время нередко встречавшихся на Ниле. Судя по рисункам, это были не папирусные плоскодонки для рыбной ловли или охоты в мелководных зарослях, а крупные и остойчивые суда с напалубными надстройками, возможно имевшие деревянную оснастку и, несомненно, принимавшие на борт значительные команды гребцов. Излюбленный расписной сюжет герзейских горшечников убеждает в том, что еще до зарождения государства в Египте большая грузовая лодка успела занять видное место в повседневной жизни населения страны.

Главное — что такое судно предоставляло своей команде возможность выборочной колонизации нильской поймы в объезд областей, занятых конкурентами или врагами. В отличие от земли Нил не принадлежал никому, поскольку едва ли у кого-то из племенных вождей было достаточно

сил и средств, чтобы парализовать на нем транспортное сообщение. Полагаю, что именно реальность нелимитированного транзита лодок большой грузоподъемности через «территориальные воды» независимых «вождеств», обеспечивавшего обмен людьми, товарами и информацией, являлась гарантией политической и экономической целостности разбросанных по стране анклавов раннеегипетского государства вопреки разделявшим их пространствам.

В дополнительном ракурсе роль лодки вырисовывается с учетом экологического фактора. По данным специальных исследований, нильский сток в амратский и герзейский периоды египетской предистории был гораздо объемнее, чем в историческое время⁵. В согласии с таким выводом археологический материал, как было сказано выше, свидетельствует в пользу редкой заселенности берегов Нила в додинастическом Верхнем Египте. Очевидно, одной из причин этого были неблагоприятные для жизни людей природные условия в нильской пойме, прежде всего очень сильные разливы, которые снижали доступность пойменных земель и могли явиться естественной предпосылкой их не сплошного, а избирательного освоения древнейшим населением.

Теперь вспомним некоторые подробности закладки Мемфиса в описании Геродота (II, 99) со слов египетских жрецов. Мы как-то свыклись с мыслью, что окультуривание архаической долины Нила начиналось с ирригационных работ. Между тем уже Геродоту внятно объяснили, что строительству Мемфиса предшествовали весьма трудоемкие осушительные работы и лишь по их завершении было вырыто озеро, куда провели воду из Нила, т.е. осуществлено действие, напоминающее некий ирригационный проект. Иными словами, первостепенной хозяйственной задачей при заселении Египта на заре династической эпохи было вовсе не орошение земель, а, наоборот, их масштабное дренирование. В свете современных естественно-научных данных об избыточной увлажненности нильской долины в IV тысячелетии до н.э. такое заключение представляется вполне правдоподобным. Добавим сюда наблюдение, что булава «Скорпиона» с изображением царя с мотыгой на берегу речной протоки является исключением среди памятников ранней царской иконографии, на которых, как правило, не уделялось никакого внимания ирригационной тематике⁶.

Учитывая все это, в многовесельной лодке, появившейся на Ниле накануне становления цивилизации Египта, впору видеть не просто важнейшее средство транспорта, но главное орудие освоения страны. Можно предположить, что герзейская и отчасти архаическая колонизация египетской долины Нила из-за естественной малопроезжимости последней в основном осуществлялась не пешим порядком по суше, а с реки экипажами крупных лодок, размеры которых, вероятно, диктовались именно соот-

⁵ *Heinzelin J. de. Geological History of the Nile Valley in Nubia. — The Prehistory of Nubia. Vol. 1. Santa Fe, 1968.*

⁶ *Wilkinson T. Early Dynastic Egypt, p. 46.*

ветствующей потребностью перевозить большие отряды воинов, охотников и рабочей силы.

Подкреплю эту мысль документально. На деревянной табличке Хора Аха⁷ изображены три плывущие лодки. Первая движется между двумя поселениями, заключенными в кольцо стен; вторая и третья следуют тандемом, причем над каждой из них имеются одинаковые рисунки мотыги в паре с продолговатым горизонтальным знаком, о смысле которого в силу неразвитости тогдашней письменности остается лишь догадываться. Вместе с тем устойчивое сочетание с мотыгой во времена зрелого иероглифического письма образует лишь знак *š* («пруд» или, в более широком смысле, рукотворный водоем, или водоток на культивированных землях), выражающий в такой композиции (мотыга, выкапывающая пруд или канаву) понятие «основанное поселение» — *grgt*⁸. Подчеркну, что в эпоху Старого царства в Египте так назывались выселки на искусственно осушенных землях.

Обсуждаемый источник имеет дубликат — такую же табличку, в точности воспроизводящую всю рассмотренную сцену с лодками, но с тем отличием, что очертания соседствующего с мотыгой продолговатого знака над одной из них не вызывают никаких сомнений: это правильный прямоугольник, чрезвычайно напоминающий иероглиф *š*⁹. Таким образом, весьма похоже, что на указанных табличках зашифрована информация об основании поселений в заводненной пойме Нила судовыми командами. Можно пойти дальше, допустив, что в данном конкретном случае две крепостцы, между которыми курсирует первая из трех упомянутых лодок, и есть те самые поселения по окончании их обустройства. В целом ничто не мешает трактовать приведенный сюжет как наглядную иллюстрацию тезиса о важнейшей роли лодок в ходе колонизации «архаического» Египта и о регулярных лодочных коммуникациях между анклавами раннеегипетского государства, разбросанными по долине Нила.

Изображения лодки часто встречаются на Палермском камне¹⁰, причем здесь они связаны в основном с торжественными плаваниями раннединастических царей-Хоров по стране, выполнявшими ряд ритуальных и административных функций. Смысл обрядовой стороны мероприятия в общем виде заключался в том, что правитель, путешествуя в границах своих владений, тем самым созидал земной и универсальный миропорядок. Именованное это действо архаическими египтянами «сопровождением Хора в ладье» намекает наряду с прочим на рождение в их сознании ближайшей ассоциации образа богоподобного фараона-мироустроителя с курсирующим по Нилу судном, возможно впоследствии закрепившейся в иероглифе «Хор в лодке»¹¹.

⁷ Flinders Petrie W.M. The Royal Tombs of the Earliest Dynasties. Pt II. L., 1901, pl. III A, 5; X, 2.

⁸ Перепелкин Ю.Я. Хозяйство староегипетских вельмож, § 15.

⁹ Flinders Petrie W.M. The Royal Tombs of the Earliest Dynasties. Pt II, pl. III A, 6; XI, 2.

¹⁰ Schäfer H. Ein Bruchstück altägyptischer Annalen. B., 1902.

¹¹ Gardiner A. Egyptian Grammar. Oxf., 1977, p. 468, G7.

Явно будучи изначально состыкована с божественной фигурой царя-Хора, предпринявшего первые попытки объединения («упорядочения») Египта, в дальнейшем лодка имела все шансы обрести сакральный статус, например в качестве прототипа священных барок, на которых боги совместно с царями совершали вечное космическое плавание по небесам и подземному миру, утверждавшее вселенскую гармонию. Такой аспект сакрализации ладьи, как ее участие в противостоянии мировой энтропии, возможно, следует в какой-то мере соотносить именно с тем, что лодка в древнейшие времена была для египтян самым верным, если не единственным, средством колонизации долины Нила, которое только и позволило людям вжиться в первобытный природный «хаос» пойменного ландшафта, постепенно расселиться по всему Египту и наладить стабильное сообщение между регионами страны.

При бесспорной неосуществимости кем бы то ни было на уровне развития «архаической» техники и вооружений тотального государственного контроля над территорией Египта почитание раннединастических правителей — «Хоров в ладье» как божественных гарантов миропорядка представляется весьма значимым фактором консолидации египетского населения и превращения его в единый этнос, в какой-то мере компенсировавшим незрелость военно-административной системы раннего государства. В то же время притязания правителей Тина–Мемфиса на главенствующее положение в долине Нила в образе одного из многочисленных богов, которым здесь поклонялись, наверное, должны были вызывать и противодействие иноплеменных «тотемов», приводя к периодическим вспышкам очагов сопротивления властолюбивым поползновениям царей-Хоров.

Действительно, в «архаическом» Египте имели место как минимум два серьезных династических кризиса. Первый характеризовался религиозно-идеологической коллизией, приведшей к временному «перевоспещению» царя из Хора в Сета. Фактически эта «революция» ознаменовала спад напряжения, истоки которого, по-видимому, следует искать в царствовании Хора Аджиба из I династии, знаменитого попыткой соорудить пирамидообразное ступенчатое надгробие вместо традиционной *мастабы*¹². Необходимо подчеркнуть, что эти архитектурные опыты пришлось на пик усиления I династии, достигнутый в предшествующее правление — фараона Хора Дена, которое считается одним из величайших в раннединастической истории. Инновации Аджиба в погребальном зодчестве, таким образом, по-видимому, отражали стремление династического клана, укрепившегося в военно-административном отношении, возвыситься также идеологически, подняв авторитет царя как живого бога — Хора на качественно более высокий уровень.

Своего рода последователем Аджиба выглядит Хор Каа, завершивший I династию: его гробница, предвосхищая припирамидные архитектурные ансамбли Старого царства, включала первый известный заупокойный храм

¹² Emery W. Great Tombs of the First Dynasty. Vol. I. L., 1949, p. 82–89; pl. 21–26, 32–35.

фараона внутри общей с захоронением ограды¹³. С учетом этих новшеств можно допустить, что политический упадок Тина–Мемфиса на рубеже I–II династий был связан в том числе и с негативной реакцией на религиозно-идеологические преобразования династического клана со стороны почитателей конкурировавших с Хором богов, прежде всего Сета (главного божества «архаического» Верхнего Египта?), которая, вероятно, и вынудила фараонов пойти на компромисс, временно заменив или дополнив собственный «тотем» «неприятельским». Каковой могла быть цена такого компромисса?

Прежде чем предложить ответ на этот вопрос, напомним, что среди обрядов, с которыми в анналах Палермского камня (*recto*) чередуются «сопровождения Хора в ладье», важное место занимает церемония так называемого «воссияния», или «явления» (*ḥt*), царя в образе владыки то Нижней, то Верхней, а то и сразу двух Земель. При этом, согласно данным Камня, раздельноземельные «воссияния» были географически строго привязаны к соответствующему региону Египта¹⁴, т.е. «явления» царя в той или иной из двух указанных ипостасей, похоже, приурочивались к его поочередным «сопровождениям» то в низовые, то в верховые владения, где ему, надо полагать, всякий раз приходилось представлять перед местным населением в надлежащем виде, дабы подтвердить свои права на посещаемую Землю.

Выскажу попутно соображение, что под Обеими Землями в раннединастическую эпоху, по-видимому, подразумевался не объединенный (Нижний и Верхний) Египет, а лишь северные и южные анклавы «архаического» протогосударства. При таком подходе исчезло бы противоречие между очевидным фактом, что далеко не вся страна подпадала под влияние I и II династий, и тем обстоятельством, что цари Тина–Мемфиса официально, нимало не сомневаясь в своем на то праве, титуловались как владетели и Верхней и Нижней Земли.

Уточню, что наиболее ранним царем, недвусмысленно претендовавшим на это право, был Хор Ден. В источниках он предстает поистине могучим владыкой: присваивает себе титул повелителя Обеих Земель *nsw-ḥt*, венчается «державной» красно-белой короной, поражает восток, уничтожает племена Аравийской пустыни и Синая, громит какую-то местность под названием *wr k3*, разрушает крепости, убивает бегемота.

Вместе с тем в эту картину «идеального» царствования на первый взгляд резким диссонансом вторгается информация Палермского камня о губительном разливе Нила в год празднования 30-летия (?) правления — *хеп-седа* Дена (по некоторым данным, Ден за время своего длительного пребывания у власти отмечал два *хеп-седа*¹⁵). Следствием этого чрезвычайно высокого половодья стало «потопление простолюдинов всяких за-

¹³ Emery W. Great Tombs of the First Dynasty. Vol. III. L., 1958, pl. 2, 24–25.

¹⁴ Schäfer H. Ein Bruchstück altägyptischer Annalen. Taf. I, 2, № 9; 3, № 12.

¹⁵ Dreyer G., Boessneck J., Driesch A. von den, Klug S. Umm el-Qaab. Nachuntersuchungen im frühzeitlichen Königsfriedhof (3./4. Vorbericht). — Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Abteilung Kairo. 1990, Bd. 46, S. 80.

пада, севера и востока»¹⁶ — катастрофа, казалось бы, полностью противоречащая идеологии *хеп-седа*, магически поддерживавшего миропорядок через ритуальное омоложение и восстановление физических сил правителя, и способная перечеркнуть все «мироустроительные» успехи фараона на престоле объединенного Египта.

С другой стороны, может быть, никакого противоречия в рассмотренных данных и нет. Весьма примечательно, что в приведенном сообщении Камня Египет выглядит затопленным не полностью: здесь отсутствует одна из «частей света» — юг, который зато отдельно фигурирует на дощечке Дена из Абидоса с изображением другого *хеп-седного* сюжета, где символ юга (Верхней Земли) — растение *swt* вписано в прямоугольник «храма» или «поместья» *hwt*¹⁷. В таком виде эта «надпись» может быть понята как «двор (царя?) Верховья» и интерпретирована как «упорядоченный» комплекс верхнеегипетских владений, реально подконтрольных Хору Дену и противопоставленных остальному — обътому хаосом «потопа» Египту, включая Дельту («север»). Тогда известие о катастрофическом половодье в год *хеп-седа*, не «табуированное», а, напротив, увековеченное древними анналами, имело бы для фараонов не уничижительный, а очевидный «победно-магический» смысл: «юбиляр» Хор Ден, чьей «обновленной силой» вызвано мощное наводнение, «топит» недругов, населяющих территорию за пределами его царства. Тем самым Ден демонстрирует свою «божественную» власть над жителями пока еще не подчиненных фараонам областей Египта и творит «порядок из хаоса», очищая эти области от обитающей там «скверны».

Существенная деталь — тонущие «простолюдины запада, севера и востока» представлены на Палермском камне в виде птицы *rhjt*. На булаве «Скорпиона» из «0-й династии»¹⁸ именно эти птицы, подвешенные за шеи на штандартах египетских номов, символизируют побежденных врагов царя.

Таким образом, не исключено, что непосредственно в древнеегипетских источниках содержатся прямые намеки на отчужденность от владений «архаических» царей значительной части Египта, являющиеся дополнительным аргументом против теории его национально-государственного объединения уже в раннединастическую эпоху. При этом именно в предполагаемой решимости открыто и угрожающе противопоставить «вотчину» династического клана прочим регионам страны можно усмотреть примету особой значимости Хора Дена среди основоположников государства фараонов.

Подчеркну еще и то обстоятельство, что на Палермском камне для царствования Дена не зафиксировано ни одного «сопровождения Хора в

¹⁶ Schäfer H. Ein Bruchstück altägyptischer Annalen. Taf. I, 3, № 3, 4; Прусаков Д.Б. Природа и человек в древнем Египте, с. 86–89; он же. Раннее государство в древнем Египте, с. 22–23.

¹⁷ Flinders Petrie W.M. The Royal Tombs of the First Dynasty. Pt I. L., 1900, pl. XI, 14; XV, 16.

¹⁸ Quibell P. Hierakonpolis. Pt I. L., 1900, pl. XXVI C.

ладье». Отказ (?) от этого мероприятия, которое, по сути, свидетельствует о незрелости египетского протогосударства, наталкивает на мысль о наличии у Дена достаточно эффективной администрации, избавлявшей царя от необходимости проводить значительное время в ритуально-инспекционных объездах своих Земель (главой такой администрации мог быть видный царедворец Хемака, чье имя в официальных документах ставилось рядом с именем Дена). Закат I династии был отмечен тем, что церемония «сопровождения Хора» приобрела свою былую важность и вновь стала рассматриваться как главное событие года.

Возвращаясь к политическому кризису конца I династии, обращу внимание на то, что в Абидосе отсутствуют гробницы царей ранней II династии до Хора Нечерена включительно. В дополнение к этому, пятнадцатилетний отрезок правления Нечерена, запись о котором сохранилась на Палермском камне, обнаруживает любопытное свойство: здесь царь лишь по одному разу «явлен» как правитель Верхней Земли и двух Земель, после чего наступает продолжительный период, когда его «сопровождения» чередуются с «воссияниями» исключительно в качестве царя Нижнего Египта, словно власть Хора Нечерена ограничивалась преимущественно этим регионом. Интересно, что последовательность «воссияний» Нечерена в Низовье становится устойчивой по прошествии года, одним из важнейших событий которого, по логике летописи, должно было стать очередное «воссияние» — причем, следуя принятой очередности, верхнеегипетское, — но который вместо этого отмечен военной кампанией — разрушением двух городков¹⁹. Не отражает ли этот батальный эпизод борьбу династического клана за доступ к его владениям в Верховье?

Отсюда может вытекать, что политический кризис в Египте на рубеже I–II династий сопровождался разрывом регулярного сообщения между Мемфисом и Тином и временным отсечением их правителей, давно обосновавшихся в Низовье, от родового гнезда в Верхней Земле. Весьма примечательно, что царский некрополь Абидоса «возродился» начиная не с кого иного, как с наследовавшего Нечерену Хора Сехемиба, первым принявшего имя Сета (Сет Перибсен). Таким образом, вырисовываются условия предполагаемого компромисса: «платой» династическому клану за столь ощутимую уступку независимым вождям Верхнего Египта, как переход царей под покровительство одного из наиболее высокочтимых здешних божеств, вероятно, стало прекращение вмешательства племен, поклонявшихся Сету, в связи между северными и южными анклавами египетского протогосударства.

Второму раннединастическому кризису в Египте — при позднем III доме — предшествовала несравненно более впечатляющая, чем у Аджиба, демонстрация религиозно-идеологического возвышения царей-Хоров — ступенчатая пирамида Нечерхета (Джосера), первое колоссальное каменное надгробие фараонов и последнее, построенное III динас-

¹⁹ Schäfer H. Ein Bruchstück altägyptischer Annalen. Taf. I, 4, № 8.

тией²⁰. Заслуживает внимания тот факт, что, как и Аджиб, чьи архитектурные нововведения увенчали сильное царствование, Джосер наследовал могущественным правителям, один из которых, Хор Хасехем, прославился военным разгромом Дельты с уничтожением около 50 тыс. ее жителей²¹.

Таким образом, как будто бы выявляются два цикла становления раннединастического государства в Египте, каждый из которых характеризовался последовательным укреплением фараоновой власти и, в итоге, ее провалом после попыток идеологического обоснования достигнутого. При этом в ходе возвышения Хора в качестве царского божества от первого ко второму циклу прослеживается определенный прогресс: кризис III династии уже не отмечен переименованиями правителей в Сетов.

Наряду с этим, вероятно, имело место и расширение государственных территорий, о чем могут свидетельствовать малые ступенчатые пирамиды (конца?) III династии, география которых охватывала практически все Верховье: это пирамиды в Силе (Фаюмский оазис), Завиет ал-Мейтине (Средний Египет), Нагаде (район древнего Омбоса), ал-Куле (близ Иераконполя) и др.²². Пирамида в Нагаде, например, наводит на мысль о слиянии анклавов Тина и Иераконполя с вбиранием в этот союз региона Омбоса, иными словами, об объединении юга Верхнего Египта под властью династических правителей. С этой мыслью согласуется предположение, что на территории Коптосского нома, которой принадлежал Омбос, при фараоне Хасехемуи (II династия) возникло централизованное земельное ведомство²³. Любопытное совпадение: *serex* (начертание «тронного» имени) Хасехемуи содержал приписку «в нем умиротворились два бога», которые изображались в виде двух соколов, сидящих на штандартах, но точно такая же птичья пара составляла коптосский «тотем», соседствовавший на некоторых печатях Хасехемуи с его *serexom*²⁴. Нельзя ли из этого заключить, что Хор-Сет Хасехемуи — как полагают, непосредственный предшественник основателя III династии Хора Нечерхета (Джосера)²⁵ — увязывал идеологию «примирения» в себе двух богов с вполне конкретным достижением своей внутренней политики: вооруженным захватом или добровольным присоединением к владениям Тина-Мемфиса области так назы-

²⁰ Firth C., Quibell J. Excavations at Saqqara. The Step Pyramid. Vol. 1-2. Le Caire, 1935; Lauer J.-Ph. Fouilles à Saqqarah. La Pyramide à degrés. T. 1-3. Le Caire, 1936-1939.

²¹ Quibell P. Hierakonpolis., pl. XXXVI-XXXVII.

²² Borchardt L. Die Pyramide von Silah. — Annales du Service des antiquités de l'Égypte. T. 1. 1900; Weill R. Fouilles à Tounah et à Zaouiet-el-Maïetin. P., 1912; Flinders Petrie W.M., Quibell J. Naqada and Ballas. L., 1896; Stiénon J. El Kôlah. Mission de la Fondation Égyptologique Reine Elisabeth, 1949. — Chronique d'Égypte. 1950, № 49; T. Wilkinson. Early Dynastic Egypt, p. 103-104.

²³ Постовская Н.М. Начальная стадия развития государственного аппарата в древнем Египте (по данным источников, современных «архаическому» периоду). — ВДИ. 1947, № 1.

²⁴ Kaplony P. Die Inschriften der ägyptischen Frühzeit. Bd. III. Wiesbaden, 1963, Taf. 82, Abb. 309; Taf. 83, Abb. 313; Flinders Petrie W.M. The Royal Tombs of the Earliest Dynasties. Pt II, pl. XXIII, 192, 197.

²⁵ Ср.: Прусаков Д.Б. Раннее государство в древнем Египте, с. 42-44.

ваемой фиванской излучины Нила? Не наталкиваемся ли мы здесь на новую немаловажную подробность исторического процесса образования древнеегипетского объединенного государства?

В связи с этим представляет интерес и малая ступенчатая пирамида в Завиет ал-Мейтине, поскольку она, возможно, говорит о распространении власти Тина-Мемфиса на Средний Египет. Вместе с тем, если ориентироваться на этот вид памятников, среднеегипетский регион, в отличие от южного Верховья, пока располагал протяженными пространствами, не подпадавшими под влияние «архаического» протогосударства, в чем могла крыться одна из причин упадка III династии.

Рассмотренные династические кризисы в Египте Раннего царства, не исключено, были обусловлены помимо социально-политических еще и экологическими предпосылками. Кризис конца I — начала II династии хронологически коррелирует с завершением так называемого «неолитического спада» — значительного уменьшения стока Нила, которое должно было резко преобразить вмещающий ландшафт складывавшегося древнеегипетского этноса²⁶. Таким образом, вероятно, что религиозно-идеологическая коллизия «Сет contra Хор» имела самую прямую связь с изменением физического облика окружающего египтян мира, которое вполне могло всколыхнуть внутри страны силы, стремившиеся к выдвигению альтернативного «тотема» в качестве царского божества — творца-охранителя миропорядка. В свою очередь, крах III династии фактически пришелся на разгар засушливого эпизода в Северо-Восточной Африке, предшествовавшего климатическому субоптимуму середины III тысячелетия до н.э.²⁷.

Итак, есть основания говорить о том, что эволюция «архаического» Египта в направлении объединенного государства, включая ее исходную фазу, совпавшую с пиком постъюрмской трансгрессии Мирового океана²⁸, имела характер социально-природных ритмов, представление о которых, по сути, размывает привычную, но совершенно искусственную периодизацию раннеегипетской истории в рамках династий и Царств.

Последнее утверждение кажется адекватным взглядам самих древних египтян. Если египтологический канон выделяет так называемую «0-ю династию», к которой относит, в частности, знаменитого «Нармера», то на недавно найденных при раскопках Абидоса оттисках «архаических» печатей имя этого правителя, причем с приставкой «Хор», стоит в одном непрерывном ряду с именами представителей I династии Хоров: Аха, Джера и далее до Дена в одном случае и до Каа — в другом²⁹. Получается,

²⁶ Прусаков Д.Б. Природа и человек в древнем Египте, с. 85–91.

²⁷ Клименко В.В., Климанов В.А., Федоров М.В. История средней температуры северного полушария за последние 11 000 лет. — Доклады Академии наук. 1996, т. 348, № 1, рис. 2.

²⁸ Pirazzoli P. Sea-Level Changes: The Last 20 000 Years. Chichester, 1996.

²⁹ Dreyer G. Ein Siegel der frühzeitlichen Königsnekropole von Abydos. — Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Abteilung Kairo. 1987, Bd. 43, Abb. 2, 3; Taf. 4, 5; Kaiser W. Zum Siegel mit frühen Königsnamen von Umm el-Qaab. — Mitteilungen des Deutschen archäolo-

что признанного современной наукой отдельного правящего дома, предварявшего воцарение Хора Аха, раннеегипетская «архивная» традиция не различала. А раз так, то и у нас едва ли есть надобность это делать.

В принципе столь же условна и археологически неощутима общепринятая вслед за Манефоном граница между I и II египетскими династиями (Хор Каа — Хор Хотепсехемуи), теряющаяся в потемках социально-экологического кризиса. Более того, даже такая ярчайшая веха фараоновской цивилизации, как пирамида Нечерхета (Джосера), которая всеми связывается не иначе как с началом новой эпохи — Старого царства в древнем Египте, в этом смысле мне представляется ложным историческим ориентиром: коль скоро за строительством этой пирамиды последовал пик иссушения климата и очередной упадок раннеегипетского государства, ее куда логичнее связывать не с наступлением нового, а с завершением предыдущего цикла политогенеза. Учтем, кстати, наблюдение, что, кроме Манефона, все древние хронографы Египта помещали Джосера не в начало, а в конец некоего исторического периода³⁰. Разразившийся вскоре после Джосера политический кризис, поглотивший остаток III династии — да так, что мы даже толком не знаем ее состава и продолжительности, — вряд ли позволяет надеяться на существование в Египте и на тот момент зрелого централизованного государства.

Тем меньше резонов говорить о начале с III династией эпохи Старого царства как качественно отличного от «архаики» этапа древнеегипетской цивилизации.

Территориальная структура египетского протогосударства, реконструированная мной как дискретный ряд анклавов, стремившихся к единому управлению, но разбросанных от южного Верховья (Иераконполь) до северной Дельты (Буто), предполагает повышенную военно-политическую активность «архаических» египтян, загнанных в чересполосицу владений и интересов династического клана и независимых от него «вожеств» долины Нила. Так, естественные в столь затрудненной геополитической ситуации противоречия между Тином–Мемфисом и «нецивилизованными» племенами Египта нередко перерастали в вооруженные столкновения за региональный передел власти в стране, что в достатке засвидетельствовано археологическими памятниками Раннего царства, от «Нармера» до Хасехема.

Вместе с тем вооруженная сила не могла быть единственным средством разрешения раннединастических междоусобных конфликтов — хотя бы потому, что при материально-технической и административно-хозяйственной незрелости египетского общества того времени, а также неблагоприятной для человека экологии вмещающего ландшафта Египта гегемо-

gischen Instituts, Abteilung Kairo. 1987, Bd. 43, Abb. 1, 2; Dreyer G., Engel E.-M., Hartung U., Hikade T., Köhler E., Pumpenmeier F. Umm el-Qaab. Nachuntersuchungen im frühzeitlichen Königsfriedhof (7./8. Vorbericht). — Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Abteilung Kairo. 1996, Bd. 52, Abb. 26; Taf. 14 b, c.

³⁰ O'Mara P. The Chronology of the Palermo and Turin Canons. La Canada, 1980, p. 93.

ния не то чтобы какого-нибудь вождя, но и самих царей априори не имела ближайшей перспективы. В таких условиях не последнее место во взаимоотношениях разрозненных раннеегипетских царских и «вождеских» территориальных владений как перманентно конфликтующих анклавов должен был занимать мирный договор.

Скрепить такой договор древний властитель мог по-разному: например, щедро оделив иноплеменных предводителей материально, вещественными дарами, или ритуально, справив обряд, приятный ублажаемой стороне. Палермский камень, по-видимому, отразил подобное явление в сообщениях о сооружении раннединастическими царями в различных регионах Египта святилищ «крепости богов», олицетворявших заключение Тином–Мемфисом союза с местными божествами, т.е. вождеско-жреческими верхушками. Это мероприятие выглядит одновременно как дар ритуальный, в форме почитания «столичной» администрацией «провинциальных» «тотемов», и материальный, воплощенный в постройке как таковой, причем последний, вероятно, включал также регулярно совершавшиеся в «крепостях» жертвоприношения, о которых напоминает сохранившееся название одного из святилищ этой группы — «Возлияние богов»³¹.

В целом феномен вещественных ценностей — продовольствия, имущества, земель, а также церемониальных, трудовых и прочих услуг, циркулирующих в «архаических» обществах сравнительно невысокого уровня самоорганизации, определяется понятием «дарообмен»³². Теория дара делает упор на его «антиэкономичном» характере, далеком от современных соображений материальной выгоды и рациональных рыночных отношений. За обменом подарками — древнейшим суррогатом экономики, воплотившим обязанность родовитых и имущих общинников дарить, принимать и возмещать — стояли магические воззрения, свойственные первобытному сознанию. Демонстративная расточительность обладающего вещами служила признаком его близости, а то и родства с духами и богами — истинными владельцами всех земных и небесных благ — и, подавляя достоинства соплеменников, неспособных выступить в том же качестве, являлась непременным условием достижения и сохранения высокого социального статуса.

Напротив, отказ, например, вождя одаривать «подданных» был чреват для него утратой личной сакральности, развенчанием и даже насильственной смертью от рук собственных приближенных. Умерщвление немощных вождей, «потерявших» связь с духами природы и оттого лишившихся способности обеспечивать свои племена требуемыми для их выживания дарами в виде благоприятных погодных условий, большой охоты, прироста стад и обильных плодов земли, по-видимому, широко практиковалось в доисторической долине Нила, о чем напоминает *хеб-сед* —

³¹ Schäfer H. Ein Bruchstück altägyptischer Annalen, Taf. 1, 5, № 10.

³² Мосс М. Очерк о даре. — Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996.

важнейший в древнем Египте обряд восстановления жизненных сил фараона по прошествии определенного срока его пребывания на престоле. В том же контексте, очевидно, следует рассматривать и древнюю идеологию божественной царственности, среди элементов которой выделялся долг правителя как сверхъестественного гаранта производительных сил страны отвечать за благосостояние подданных, оплачиваемый их преданностью. С этой точки зрения примечательно предположение о договорном характере отношений богов с фараонами, пользовавшимися милостью своих небесных «сородичей» взамен пропаганды и материального обеспечения их земного культа («do ut des»)³³.

Формула «даю, чтобы ты дал», однако, еще не в полной мере вскрывает феномен первобытного дарообмена. Подарок, будучи частью духовной и физической субстанции дарителя, обладал огромной магической властью над получателем, который с момента принятия преподношения попадал в зависимость от «благодетеля». Дар требовалось своевременно возместить, чтобы он воссоединился с породившей его почвой и не преследовал должника, чиня ему разные напасти, грозя разорением и даже гибелью. Вместе с тем отвергать дар, сулящий получателю столько осложнений, было опрометчиво, ибо это могло быть понято как признание неспособности оторвать от себя достойную компенсацию, равносильное, говоря современным языком, поражению в социальных правах. Лежащий в основе такого мироощущения принцип слияния личности и ее имущества, похоже, активно действовал в Египте Старого царства, о чем позволяет догадываться характерная для той эпохи социально-«экономическая» категория *ḏt*, подразумевавшая собственность «от плоти» обладателя — как правило, важного сановника³⁴.

За знатным сословием отмечено особо ревностное отношение к выполнению обязательств по возмещению принятого дара или услуги от вождей и тем более нижестоящих соплеменников, объяснявшееся, в частности, боязнью лишиться привилегированного положения. Глубина социального падения вследствие «неуплаты по счетам» простиралась вплоть до потери статуса свободного человека, эволюционировавшей в древнейший институт долгового рабства, в котором нашла отражение идеология превосходства дарителя над одариваемым. Лишь эквивалентное возмещение даров позволяло сохранить лицо, доказав свое равенство с «кредитором», а возмещавшие с избытком состоятельные общинники и вовсе могли претендовать на независимость от кого бы то ни было, включая самих вождей.

С учетом принципа дарообмена намечается парадоксальный вывод: чем больше знаков почета выпадало на долю «архаических» царей со стороны глав конкурирующих «вожеств» по мере объединения Египта, тем больше

³³ Posener J. De la divinité du Pharaon. P., 1955, p. 41.

³⁴ Перепелкин Ю.Я. Частная собственность в представлении египтян Старого царства. — Палестинский сборник. М.–Л., 1966, вып. 16 (79).

уважения, подкрепленного соответствующими действиями, первые должны были проявлять к персональному и социальному статусу последних — особенно при неспособности раз и навсегда устранить межплеменные противоречия военной силой. Иными словами, чем ближе династы Тина-Мемфиса подбирались к желанной вершине власти, тем выше их же долг превосходящего дара возносил тех, кому, казалось бы, в объединенном государстве была уготована роль униженных подданных — членов местных правящих кланов, формировавших номовую элиту.

С общественными отношениями такого рода никак не ассоциируется слепо подчиняющаяся центру тотальная административная иерархия, без которой немыслимы социальная унификация и бюрократический режим. Проще говоря, до тех пор пока в древнем Египте мог практиковаться дарообмен с его питательной почвой в виде анклавной организации племенных, общинных или семейных землевладений (а также ее пережитков), здесь существовало мощное препятствие образованию «деспотического» централизованного государства.

Насколько характерным для древнеегипетского общества был дарообмен в социоантропологической трактовке и есть ли основания относить его к фундаментальным факторам становления и последующей эволюции цивилизации фараонов?

Обращу внимание, что продовольственные поставки староегипетского «дворца» (*hntw*) в царские поминальные храмы в соответствующих отчетах³⁵ прямо именовались «дарами» (*ẓwt*). Использование подобной терминологии самими египтянами дает уже вполне веский повод говорить о действии в Египте Старого царства принципа дарообмена, который в данном случае соблюдался, очевидно, возмещением в качестве заупокойной службы, подтверждавшей божественное достоинство фараонов.

Возможно, смысл поминальных даров — пищи, приносимой на алтарь покойного царя, был в обсуждаемом контексте даже несколько глубже. Создается впечатление, что ритуальные трапезы, устраивавшиеся для усопшего фараона, в том числе и те роскошные пиры, которые сопровождали обряд его погребения и затем регулярно повторялись в праздники поминовения, на самом деле отнюдь не насыщали царя, ибо Тексты Пирамид предусматривали заклинание об избавлении перешедшего в мир иной правителя от голода и жажды дарованием ему «пищи богов». Не могло ли дело обстоять так, что земная снедь, которой снабжали почившего царя, в действительности предназначалась не столько для его собственного потребления, сколько для передачи умершим подданным (чье благополучие в загробном мире, как и при жизни, по-прежнему зависело от царских милостей), а то и самим богам? Вот, например, что написано об одном из царей VI династии в его пирамиде: «О боги небосклонные! Помещаете вы его (т.е. мертвого царя) в поле жертв. Дали вы блаженну быть

³⁵ Posener-Kriéger P. Les Archives du temple funéraire du Néferirkarê-Kakaï (Les Papyrus d'Abusir). P., 1976.

ему среди блаженных (мертвых), дали вы властну быть ему среди богов. Сотворяет он вам обед великий, приношение большое...»³⁶ (перевод Ю.Я.Перепелкина³⁷).

Не выполняли ли фараоны поминальные подношения божествам — хозяевам «сытного поля жертв» — функцию воспроизведения тех благ, в круговороте которых реализовывался «магический и религиозный принцип высокого положения и изобилия», отраженный у «архаических» народов в титулах знати наподобие «Дающий пищу» (ср. у древних египтян: «Царь — это пища»)? Другими словами, не являлся ли царский жертвенный провиант даром, обязывавшим «небесных правителей» к воздаянию их земному «собрату» в виде поклонения его мертвых подданных, как некогда живых, иначе — присвоения ему права, воскреснув, примкнуть к сонму богов и питаться от их щедрот? В связи с этим привлекает внимание трактовка кормления умершего фараона как претворение жертвуемой пищи в божественную плоть, вкушаемую фараоном в ходе оживления³⁸. Не предназначался ли этот обряд для того, чтобы сообщить обыкновенной пище магическую природу и силу дара, который представлялся «архаическому» сознанию субстанциональным элементом владельца-дарителя?

Примечательно также отношение египетских жрецов к предметам культа, которые использовались при отправлении поминальных ритуалов. Изготавливавшиеся из ценных и редких материалов, эти предметы подлежали особой описи, где, кроме всего прочего, тщательно фиксировались повреждения, полученные ими во время службы; при этом количество повреждений подсчитывалось, а священнослужители выступали в роли свидетелей нанесения вещам ущерба³⁹. Здесь интересно то, что испорченные предметы не заменялись тотчас же новыми, а продолжали использоваться по назначению, как если бы им не было замены (например, по причине дефицита материалов, из которых они производились) или повреждения не причиняли никакого вреда их магическим свойствам. Последнее соображение перекликается с информацией о намеренной порче культового инвентаря как своеобразном даре богам и духам мертвых, вроде жертвенного уничтожения, который предполагал непременно возмещение со стороны высших сил и увеличивал ценность вещи, понесшей физический ущерб при обрядовых манипуляциях⁴⁰. Так что, возможно, порча ритуальных предметов, о которой идет речь в древнеегипетских источниках, происходила не случайно, по халатности жречества, но совершалась целенаправленно, во исполнение жрецами своих прямых профессиональных обя-

³⁶ Sethe K. Die altaegyptischen Pyramidentexte. Bd. 1–2. Lpz., 1908–1910, № 879–881.

³⁷ Перепелкин Ю.Я. Хозяйство староегипетских вельмож, с. 58.

³⁸ Павлова О.И. Жертвенный ритуал в текстах пирамиды Унаса. — Древний Египет: язык, культура, сознание. М., 1999, с. 202.

³⁹ Савельева Т.Н. Храмовые хозяйства Египта времени Древнего царства (III–VIII династии). М., 1992, с. 94–95.

⁴⁰ Мосс М. Очерк о даре, с. 107, 165, примеч. 342.

занностей, прежде всего обеспечения жизненно важных отношений дарообмена с «потусторонним» миром.

Вернемся к раннединастической истории. В титулатуре «архаических» царей Тина–Мемфиса обнаруживается любопытная деталь: если, начиная с Хора Аха, их *серехи* обязательно венчались фигурой сокола, то при так называемой 0-й династии это правило соблюдалось далеко не всегда. Достаточно вспомнить рельеф на палетке «Нармера»⁴¹, где как *серехи* с обеих ее сторон, так и отдельно выписанное имя правителя на *verso* не сопровождаются изображением сокола-Хора, хотя оно присутствует на памятнике в символической сцене передачи «Нармеру» власти то ли над Дельтой, то ли над одним из ее племен, разгромленных в междоусобице (сокол влечет к царю на веревке знак Нижнего Египта, усаженный папирусами и увенчанный головой аборигена).

К этому можно добавить более ранний сюжет на булаве «Скорпиона», где царское имя также представлено без всякого намека на его связь с Хором⁴², притом что огромное ритуальное значение «Скорпионовой» булавы, как и «Нармеровой» палетки, с точки зрения начавшейся в Египте канонизации божественного царя не подлежит сомнению. Вместе с тем бесспорно и то что образы «Скорпиона» и «Нармера» уже ассоциировались с Хором: и тот и другой пользовались наряду с «усекновенными» и полными — «соколиными» *серехами*, которые обнаружены, например, на вотивной булаве «Нармера» из Иераконполя, на рассмотренных выше печатях и других памятниках⁴³. Вывод: в лице предшественников Аха мы сталкиваемся с царями, которые еще не до конца определились в приверженности Хору и пока только примеряли его имя к своей титулатуре.

Эти колебания выглядят логично, учитывая, что раннединастические цари были родом из Верхнего Египта, тогда как Хор являлся исконным божеством Низовья, пожалованного ему, согласно легенде, самим Гебом — богом Земли. Закономерно, что «Нармер» изображен на своей палетке принимающим символы власти над Дельтой именно от Хора и при этом в белом венце Верховья, отсутствие же в данном случае сокола на царских *серехах* я бы истолковал как свидетельство того, что на момент, когда происходили запечатленные на палетке события, «Нармер» еще не стал «полноправным» Хором — иначе говоря, что клан этого преуспевшего вождя лишь сравнительно недавно выдвинулся из верхнеегипетской племенной знати, почему и отличался неоформившейся идеологией.

Что же в итоге заставило ранних династов, которые, казалось бы, должны были ориентироваться на более близких им богов Верхнего

⁴¹ Quibell J. Slate Palette from Hierakonpolis. — Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. 1898, Bd. 36.

⁴² Quibell P. Hierakonpolis, pl. XXVI C.

⁴³ Quibell P. Hierakonpolis, pl. XXVI B; Kaiser W., Dreyer G. Umm el-Qaab. Nachuntersuchungen im frühzeitlichen Königsfriedhof (2. Vorbericht). — Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Abteilung Kairo. 1982, Bd. 38, Abb. 14.34.

Египта, и в первую очередь на могущественнейшего из них — Сета, сделать выбор в пользу нижнеегипетского Хора?

Обратимся к известной сцене *хеп-седа* на упомянутой выше вотивной булаве «Нармера», где зафиксирована информация о 120 тысячах якобы «пленных» из Дельты. Я выступил с опровержением тезиса о реальности вооруженного захвата «архаическим» вождем такого количества людей, квалифицировав их как переселенцев с низовой территории, затронутой средиземноморской трансгрессией, на долинные земли, подконтрольные Тину⁴⁴. Вместе с тем остался без ответа вопрос: если насильственные меры в данной ситуации не действовали, то как «Нармеру» удалось привести в повиновение такую огромную массу иноземного населения?

Не «читается» ли ответ на самой булаве, над «Нармеровой» свитой, — как полноценный *серех* с сидящим поверх него соколом? Полагаю, что именно сокол-Хор, включенный в царское имя, мог явиться залогом компромисса — мирного вхождения переселенцев из Дельты в верхнеегипетский тинитский союз, той окончательной «ценой», которую клану «Нармера» пришлось «уплатить» за возвышение над чужестранцами.

Сюда можно добавить изображение на недавно опубликованной табличке «Нармера» из Абидоса⁴⁵. Здесь в верхнем регистре сохранился ряд пиктограмм, расположенных в последовательности: штандарт сокола (?) — сом («Нармер») без сокола, замахивающийся булавой на вождя с характерным растением Дельты на голове (явная перекличка с сюжетом *recto* палетки «Нармера») — *серех* «Нармера» с соколом. Это выглядит как поэтапная запись событий: нижнеегипетский «тотем» «перекочевывает» на *серех* верхнеегипетского правителя после подчинения им племени из Дельты.

Возможно, нами реконструируется не что иное, как своеобразный дарообмен, при котором подчинение было возмещено «ритуальной услугой» — почитанием божества покорившихся, вплоть до возведения его культа в ранг государственного. Моральная сторона «сделки» должна была устраивать не только «победителей», которые заявили о пленении целого народа, но и «побежденных», которые пусть и сменили вождя, но не изменили традициям предков, продолжая в лице династов Тина–Мемфиса поклоняться своему богу.

Таким образом, не исключено, что дарообмен наряду с другими факторами социальной эволюции стоял у истоков древнеегипетской государственности. Отмечу в этой связи еще одно обстоятельство. Общественно-политическое возвышение племенных вождей часто обставлялось так, чтобы придать ему помимо символического еще и самый наглядный вид. Для этого прибегали к таким церемониям, как восхождение вождя по лестнице или возведение его на помост, откуда он раздавал свои дары тол-

⁴⁴ Прусаков Д.Б. Природа и человек в древнем Египте, с. 77–82.

⁴⁵ Dreyer G., Hartung U., Hikade T., Köhler E., Müller V., Pumpenmeier F. Umm el-Qaab. Nachuntersuchungen im frühzeitlichen Königsfriedhof (9./10. Vorbericht). — Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Abteilung Kairo. 1998, Bd. 54, Abb. 29.

пящимся внизу соплеменникам⁴⁶. Рельеф на *хеб-седной* булаве «Нармера» в точности отвечает этой схеме: он демонстрирует правителя восседающим на высоком помосте с девятью ступенями, который господствует над площадью, где разворачивается фестивальное действо с участием пресловутых «пленников». Могущественный Хор Ден из I династии также наблюдал за обрядом *хеб-седа* со ступенчатого пьедестала, что запечатлено на его деревянной табличке из Абидоса⁴⁷.

От представления о смешении реального и символического в церемониале чествования раннединастических египетских правителей в принципе, недалеко до ассоциации триумфального помоста, который в прямом и переносном смысле возносил над толпой живого царя, с устремленным ввысь царским надгробием, в полной мере воплотившим догмат абсолютного превосходства божественных фараонов Египта над простыми смертными. Ближайшую параллель можно провести между «архаическими» сюжетами с «юбилейным» помостом — вроде сохранившихся на булаве (Хора) «Нармера» и дощечке Хора Дена — и ступенчатой пирамидой Хора Нечерхета (Джосера), высившейся среди архитектурного комплекса с характерной *хеб-седной* символикой.

Пусть и не столь прямое, но все же определенное родство «архаических» и позднейших культовых явлений и мероприятий, имевших всеегипетский резонанс, включая возведение ритуальных объектов, несомненно, существовало, проявляясь в их установленном самой природой сезонном характере. Как известно, социально-экономическая жизнь древних египтян распадалась на три времени года: *ḥt* — «водополье» (июль–ноябрь), сезон разлива Нила и затопления обширных пойменных территорий Египта; *pri* — «всходы» (?), так называемая «зима» (ноябрь–март), период сева и созревания урожая; *ṣmtw* — «мелководье», так называемое «лето» (март–июль), время уборочной страды и основных хозяйственно-заготовительных работ. С учетом такой естественной цикличности экологических условий можно с уверенностью говорить о том, что древнеегипетский общественный организм имел переменную морфологию: с ежегодными наводнениями сельскохозяйственные работы в стране если не замирали, то резко шли на убыль, а огромное сокращение жизненного пространства вынуждало земледельцев, промысловиков и прочий трудовой люд, в другие сезоны рассеянный по землям поймы, искать иных занятий и концентрироваться на недоступных половодьям участках речной долины, в первую очередь в наиболее безопасных окрестностях «городских» поселений, располагавшихся на возвышенностях.

Согласно летописи Палермского камня, с разливом Нила, открывавшим очередной календарный год, царский дом, как правило, погружался в атмосферу ритуальных торжеств: здесь и «сопровождения» царя-Хора по стране, в ходе которых совершался учет земель, скота и золота, и его

⁴⁶ Мосс М. Очерк о даре, с. 137, примеч. 226.

⁴⁷ Flinders Petrie W.M. The Royal Tombs of the First Dynasty. Pt I, pl. XI, 14; XV, 16.

«воссияния» как правителя Верхней и Нижней Земли, и «рождения» (водружения статуй?) разнообразных богов Египта, и строительство их святилищ — короче говоря, немало намеков на широкий обмен ритуальными услугами с перераспределением значительных материальных ресурсов между Тином–Мемфисом и «вождествами» «архаической» долины Нила. В целом все эти общественные действия, «инициируемые» ежегодным четырехмесячным половодьем, при участии вождей, знати, жречества и просто народа я бы поставил в прямую связь с формированием и дальнейшим функционированием базовых социальных институтов фараоновской цивилизации.

Особое место среди приуроченных преимущественно к разливам системообразующих мероприятий национального масштаба в древнем Египте занимало сооружение пирамид. Этот «обряд», длившийся столетиями, наряду с религиозно-идеологической наилучшим образом отвечал насущной управленческой задаче сезонной перегруппировки трудового населения страны, временно находившего применение на строительных и многочисленных вспомогательных работах. Взгляд на создание пирамид Египта в ракурсе тотального дарообмена задает альтернативное направление изучению механизмов и средств организации этого крупнейшего ритуально-производственного цикла и, соответственно, древнеегипетского государства, уводящее от тупикового противоречия между популярным тезисом о подневольном характере труда строителей и серьезными сомнениями в способности фараонов осуществить чисто силовое принуждение населения страны к выполнению столь гигантского объема работ. Выдвинутая мной гипотеза об анклавном устройстве протогосударства в Египте делает поиск альтернативы «деспотическим» формам самоорганизации древнейшей египетской цивилизации особенно актуальным, ибо чревата, например, таким историческим «парадоксом», как возведение пирамиды Джосера в отсутствие централизованного царства.

В свою очередь, это может поколебать уверенность в том, что и в дальнейшем при возведении пирамид административно-хозяйственная система государства фараонов не могла обходиться без самодержавия.

Так как же множеству фараонов, начиная с Джосера, не будь они деспотами, подавившими весь Египет, удавалось бы столетиями регулярно мобилизовывать на строительство пирамид огромные сырьевые ресурсы и массы трудового населения со всей страны? Ибо невероятно, чтобы Большой Дом, при всем его богатстве, не нуждался в широкомасштабном привлечении к своим «мемориальным» работам материального и людского потенциала крупных «частных» вельможеских домохозяйств, составлявших фундамент староегипетской экономики⁴⁸. С другой стороны, каково было отношение владетельных сановников к участию в пирамидостроительном деле?

Бросается в глаза, что сановничьи гробницы Старого царства, стены которых испещрены надписанными изображениями повседневной жизни

⁴⁸ Перепелкин Ю.Я. Хозяйство староегипетских вельмож.

«дома собственного» (*pr dt*), вопреки обычаю рисовать ее во всех подробностях, вовсе не освещают вклад хозяев этих гробниц в сооружение усыпальниц для фараонов. В то же время на этом основании вельможам не припишешь стремления провозгласить свою обособленность от царей. Староегипетская знать, словно придерживаясь табу на информацию о своей роли в строительстве пирамид, вместе с тем охотно и не без гордости сообщала о щедрой царской помощи людьми, материалами и транспортными средствами при возведении гробниц для нее самой⁴⁹. При этом, казалось бы, во всех подобных случаях вырисовывается некий «рыночный» сюжет: вельможи утверждают, что таким образом получили надлежащее вознаграждение за верную службу царю.

Более пристальный взгляд, однако, удерживает от лобовой трактовки участия фараонов в сооружении вельможеских гробниц в контексте заурядного расчета работодателя с работниками.

Так, надпись царедворца Мерихуфу рассказывает о «сотворении» украшенной ею гробницы фараоном Менкаура (IV династия), у которого Мерихуфу был «в чести». Последнее обстоятельство тем не менее не освободило хозяина дарованной усыпальницы от обязанности расплатиться с соорудившими ее мастерами Большого Дома: Мерихуфу «умиротворил», т.е. достойно вознаградил, царских строителей за выполненную работу. Если на основании некоторых источников иногда и может сложиться впечатление, что вклад староегипетских фараонов в строительство гробниц сановников своего рода жалованье государственным людям за безупречную службу, то приведенный пример, пожалуй, в состоянии эту иллюзию развеять. В самом деле, разве не абсурдно требовать от кого бы то ни было оплатить награду за некогда им же оказанную услугу?

Все встанет на свои места, лишь только мы отрешимся от попыток толкования древнеегипетских реалий в духе рационализма современных общественно-экономических отношений и посмотрим на проблему в ракурсе «первобытного» дарообмена, переосмысливая обращавшиеся между фараоном и знатью материальные ценности и ритуально-трудовые услуги как дары, которые нуждались в возмещении — всякий раз, независимо от числа дарственных актов с той или другой стороны.

В связи с этим обращают на себя внимание некоторые обстоятельства взаиморасчетов строителей гробниц с вельможами. Последние нередко заявляли, что щедрость их воздаяния мастерам побуждала тех славить бога (*ntr*)⁵⁰. Какой бог при этом имелся в виду, надписи не уточняют, хотя вряд ли что-то мешало в случае необходимости конкретизировать, кому именно возносились хвалы. Если этого не делали, то не потому ли, что всем и так было понятно, о ком идет речь? Иными словами, не был ли этим благодаримым богом сам царь?

⁴⁹ Davies N. G. de. The Rock Tombs of Deir el Gebrawi. L., 1902, pt 1, pl. XVI; pt 2, pl. VII; Urk. I, 38–39; 99–100.

⁵⁰ Urk. I, 70; 271.

В надписи Мерихуфу читаем (вариант Ю.Я.Перепелкина): «Сотворил (мн)е владыка (мой) это (т.е. гробницу) в силу бытия (моего) в чести (у него)... Умиroтворил (я) мастеров, творивших для [н]его»⁵¹. Судя по этому тексту, в Египте эпохи Старого царства существовало представление, что мастера, отряженные Большим Домом на строительство частных гробниц, трудились вовсе не для хозяина усыпальницы, а для царя. Таким образом, похоже, что, «умиротворяя» государственных работников, пожалованный гробницей или ее элементом сановник на самом деле осуществлял дарообмен с фараоном.

Ничего противоречащего древнеегипетским воззрениям в этом допущении как будто бы нет: подобно тому как челядь вельможеских «домов собственных» являлась «плотью» (*dt*) их владельцев, подданные царя относились к царской «плоти», в которую, очевидно, и надлежало преобразовываться вознаграждению, полученному дворцовыми мастерами от вельмож за ту или иную деятельность вне царского (государственного) хозяйственного комплекса.

Наиболее существенно здесь то, что в свете гробничных надписей фараон предстает благодателем не только тогда, когда оборудует усыпальницы знати, но и тогда, когда та «расплачивается» с царскими мастерами. Не в этом ли контексте следует искать одну из причин отсутствия в гробницах сановников упоминаний об их участии в строительстве пирамид? С точки зрения дарообмена поместить в гробнице сообщение о помощи царю при возведении его надгробия для вельможи было равносильно утверждению себя по отношению к Большому Дому в качестве высшего существа, каковым в «архаической» «табели о рангах» выступал даритель. О таком поругании божественного величества, воплощавшего Обе Земли Египта с населявшими их народами, разумеется, не могло быть и речи. В рамках древнеегипетской идеологии миропорядка с ее незыблемыми иерархическими ценностями только фараону — «сыну бога» и «младшему» божеству — пристала бы главенствующая роль дарующей стороны в отношениях с «домами собственными». Итак, если я правильно понимаю, ответный дар царю за помощь при строительстве частных гробниц их сановные владельцы не осмеливались адресовать непосредственно «сюзерену», а облекали в видимость возмещения за труды людям низшего происхождения — царским работникам, что, с другой стороны, позволяло знати внутри собственных домохозяйств выступать в престижной роли последней дарующей инстанции.

В целом гробничные надписи староегипетских вельмож вскрывают феномен сооружения или частичной отделки фараонами усыпальниц знати по всему Египту, в силу именно своей массовости едва ли объяснимый лишь милостью правителей к наиболее верным подданным. При этом априори не приходится сомневаться в том, что цари, обустроивая, например, гробницы номархов, возмещали, наряду с прочим, и участие последних в

⁵¹ Перепелкин Ю.Я. Хозяйство староегипетских вельмож, с. 120.

возведении пирамид: «горы фараонов» были слишком велики и многочисленны, чтобы их могли воздвигнуть без привлечения максимального хозяйственного потенциала различных областей Египта.

Своеобразной иллюстрацией к сказанному служит записанное Геродотом (II, 126) предание о том, как дочь Хеопса, якобы занимавшаяся (храмовой?) проституцией, брала с каждого клиента «по крайней мере один камень» для строительства собственной пирамиды. Не вдаваясь в детали, зафиксируем суть, донесенную до нас древней легендой: некто из-за пределов царского дома пользуется его «услугой», которую возмещает не чем иным, как вкладом в сооружение пирамид.

Другой, уже аутентичный, источник намекает и на непосредственную связь между строительством царских и вельможеских усыпальниц. Менкаура при осмотре собственной строящейся пирамиды распорядился выделить для сооружения гробницы приближенного полсотни своих людей, которых возбранялось отвлекать на иные работы вплоть до завершения строительства гробницы⁵². Нельзя ли на основании этого сообщения допустить, что огласка фараонами решений о даровании сановникам заупокойных памятников принимала характер ритуализованного действия, которое разворачивалось в присутствии царской свиты и в сени растущего царского надгробия, олицетворявшего краеугольный камень староегипетского дарообмена царя со знатью?

Неизменно являясь дарующей стороной во взаимоотношениях с подданными, фараон столь же последовательно уступал эту роль богам. Так, именно за божествами (гелиопольской «Девяткой») осталось последнее слово по «сотворении» для них «доброго дома» (храма) царем Джосером, который должен был обрести в возмещение (*jsw*) свыше «вещь всякую» и долгие лета благополучного правления⁵³.

Тот же принцип старшинства дарителя действовал и на нижних ступенях социальной иерархии в Египте Старого царства. При этом, одаривая челядь, некоторые хозяева проявляли особую расточительность, выражавшуюся в предоставлении отличившимся сверх положенного еще и добавочного довольствия (*mtnt*); способность к возмещению (*db3w*) в больших количествах являлась предметом гордости владетельных сановников⁵⁴. Все это согласуется с известными принципами дарообмена, который в староегипетскую эпоху к тому же, возможно, не ограничивался политикой внутри Египта, но и распространялся на внешние контакты государства фараонов⁵⁵.

Я выдвигаю гипотезу: Старое царство в Египте характеризовалось не деспотическим строем, а сравнительно пластичной системой управления, где взаимодействие между столичной и номовыми администрациями осуществлялось в порядке дарообмена. Подобная ситуация была бы логичным следствием анклавного территориального структурирования египетского

⁵² Urk. I, 18–20.

⁵³ Urk. I, 153.

⁵⁴ Перепелкин Ю.Я. Хозяйство староегипетских вельмож, с. 87–88, 270.

⁵⁵ Прусаков Д.Б. Раннее государство в древнем Египте, с. 88–89.

протогосударства, особенно учитывая, какие огромные людские и материальные ресурсы находились вне ведения Большого Дома, в форме «частной» собственности *dt*.

Полагаю, что именно в рамках дарообмена мог реализоваться альтернативный деспотии действенный механизм социальной самоорганизации в древнединастическом Египте, обеспечивавший в том числе и массовую мобилизацию людского и экономического потенциала страны на строительство пирамид. При этом дарообмен между фараоном и номовой знатью, очевидно, носил наиболее сбалансированный характер при IV династии, в чем, думаю, и крылась причина ее величия.

В связи с высказанными предположениями процитирую Ю.Я.Перепелкина, тончайшего исследователя староегипетских общественных отношений (курсив мой): «В пору наивысшего могущества староегипетского самовластия, *когда оно еще было нужно знать*, царь полновластно распоряжался в любой из нескольких десятков областей, на которые делилось его царство... Торжество царского самовластия *было необходимо знать для утверждения ее господства*... При IV династии *знать и ее венценосный ставленник* были связаны между собой даже родственными узами...»⁵⁶. В приведенных цитатах со всей отчетливостью проскальзывает мысль о синхронности триумфа староегипетского Большого Дома и апогея вельможеского на него влияния — без усмотрения в том какого-либо противоречия, перекликающаяся с моей гипотезой о действии в социально-политической жизни Египта Старого царства отношений дарообмена.

Дополнительным аргументом в пользу этого является тот факт, что староегипетская знать распоряжалась в своих «частных» домохозяйствах, подобно царям в государственных владениях. При этом основу административно-хозяйственной независимости крупных вельмож от Большого Дома составляли их личные, «от плоти», многофункциональные рабочие отряды — так называемые «ладейные ватаги» (*jzwt*), которые всегда педантично отделялись от царской рабочей силы. Нельзя пройти и мимо того обстоятельства, что хозяйства номархов располагали самостоятельным судостроительным производством: древодельной и ткацкой мастерскими, укомплектованными «собственным» персоналом, от плотников до парусников. Отсутствие в Египте Старого царства государственной транспортной монополии — одного из важнейших условий узурпации власти в древней долине Нила — роднит эту эпоху с «архаической», когда имелась полная свобода передвижения вождей с их «ватагами» по стране, и является еще одним достаточно весомым доводом в противовес идее о деспотизме староегипетских фараонов. Заслуживает внимания и то, что «дом собственный» часто обозначался как «оба дома», под которыми, очевидно, подразумевались нижеегипетские и вышеегипетские «филиалы» «ча-

⁵⁶ Перепелкин Ю.Я. [Главы о Египте в:] История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2. Передняя Азия. Египет. М., 1988, с. 359, 370.

стных» домохозяйств — подобно тому как Египет в качестве фараонова «домена» именовался Обе Земли.

Староегипетские номархи — наследники независимых вождей «архаического» периода, сохранив при объединении страны IV династией важнейшие властные prerogatives, имели тем больше шансов успешно преодолеть тяжкие политические и экономические последствия государственной дезинтеграции по завершении эпохи Старого царства.

В социоантропологическом ракурсе вырисовывается в целом качественно новая версия истории староегипетского государства, альтернативная традиционной схеме последовательного усиления, расцвета и (при поздней V — VI династии) упадка деспотической власти в Египте. В обоснование такой реконструкции обычно приводится тот факт, что гробницы номархов, при IV династии размещавшиеся под Мемфисом, вблизи царского некрополя, во второй половине Старого царства переместились на территорию номов. В этом усматривают признак ослабления мемфисского абсолютизма и роста самостоятельности областной знати.

Я, однако, не убежден, что расположение номарших захоронений рядом с царскими нужно расценивать непременно как признак полной зависимости областеначальников от Большого Дома, а, скажем, не как высшую почесть, воздаваемую им номархам. Полагаю, что здесь мог иметь место именно компромисс в рамках дарообмена, когда номархи в ответ на признание их высокого социального статуса (гробницы под Мемфисом) оказывали фараонам надлежащие материальные и трудовые (возведение пирамид), а также ритуальные (обожествление царей, в том числе отправление их культа на местах) услуги. При таком подходе упадок Старого царства логичнее связывать не с ослаблением деспотической власти фараонов и крахом централизованного государства, а с деградацией отношений дарообмена между Большим Домом и владетельными вельможами, прежде всего номархами.

Поясню эту мысль конкретным примером. Один из указов ранней V династии, адресованный в Тинитский ном⁵⁷, воспрещает «всякому человеку» под угрозой суда (?) направлять жрецов царского заупокойного культа на какую-либо трудовую повинность в пользу нома, равно как и лишать их на храмовой земле имущества и рабочей силы, причитавшихся им за службу. На основании этого документа можно всерьез заподозрить номархов в произвольном обращении с государственной собственностью на территории своих вотчин, ибо вряд ли приходится сомневаться в том, что подобные указы-предостережения исходили из реальных внутривластных трений. Хотя автор рассматриваемого указа, представитель величественной «солнечной» V династии Нефериркара, заведомо не принадлежал к числу слабейших правителей древнего Египта, мне вместе с тем кажется, что выводы, вытекающие из его постановления, никак не согласуются с рассуждениями о деспотической природе староегипетского государства — даже на стадии его расцвета.

⁵⁷ Urk. I, 170–172.

Впрочем, в данном случае гораздо интереснее другое. В контексте дарообмена чрезвычайно продуктивным видится соотнесение смысла указа Нефериркара с тенденцией к перемещению номарших усыпальниц со столичного некрополя на земли номов, наметившейся при V династии. По сути, в царском указе выражается опасение, что областные власти не только перестанут должным образом обеспечивать отправление культа фараонов на местах, но даже начнут чинить в том препятствия государству, отсекая храмы от соответствующего материального снабжения.

С чем могло быть связано столь унижительное для царского достоинства поведение номархов, прямо противоречащее верноподданническому долгу? Не с тем ли как раз, что тогда же по какой-то причине в коллизиях с Большим Домом пострадал и общественный статус самих областеначальников? Едва ли случайно, что цари встревожились за судьбу своих культовых служб на номовых землях именно тогда, когда номархи стали покидать «престижные» столичные «города мертвых» и перебираться в некрополи собственных вотчин. В этом явлении я бы усмотрел симптом принципиального пересмотра обязательств по оказанию взаимных ритуальных услуг, циркулировавших на самом высоком иерархическом уровне, между царями и номархами (потомками независимых вождей) Египта — иными словами, свидетельство нарушения исконных отношений дарообмена.

Вероятно, ритуальным аспектом конфликт центральной и областных властей в Египте второй половины Старого царства не исчерпывался. На эту мысль наталкивает известие о доставке к пирамиде основоположника V династии Усеркафа 70 иноземцев⁵⁸, которые, по-видимому, приняли непосредственное участие в строительстве надгробия. Привлечение к такого рода деятельности иноплеменной рабочей силы, возможно, было следствием нехватки внутренних трудовых ресурсов, которая обнаружилась у фараонов по завершении IV династии и, в свою очередь, могла объясняться отказом ряда номархов направлять «собственных» людей в распоряжение царских зодчих. Хотя прямых доказательств этого предположения нет, кое-какие доводы в его обоснование все же имеются.

Выше я предположил, что важнейшим условием подчинения многотысячных нижеегипетских «пленников» «Нармера» раннединастическому клану было возведение «в обмен» на это сокола-Хора — верховного (?) «тотема» Дельты — в ранг государственного бога с присвоением его имени всем правителям новообразованного царства. Соответственно, при попытках фараонов в дальнейшем отказать в первенстве Хору и заместить его другим божеством было бы логично ожидать неповиновения значительной части египетского населения Большому Дому и даже — как экстремальный вариант развития событий — национального раскола по религиозно-идеологическому признаку. Известно, что с воцарением V династии на роль главного бога Египта выдвинулся гелиопольский Ра, возвышение которо-

⁵⁸ Urk. I, 240.

го, впрочем, отчетливо прослеживается уже в предшествующее столетие. В связи с этим приглядимся к пирамидам IV династии.

Особое место среди них занимают два колоссальных надгробия Хуфу и Хафра, с которыми на плато Гизы соседствует построенная сразу же вслед за ними пирамида Менкаура, значительно уступающая размерами своим великим предшественницам. Отстает от них в этом отношении и пирамида Джедефра в Абу-Роаше, которая к тому же осталась незавершенной. Принято считать, что короткое правление Джедефра разделяло царствования Хуфу и Хафра, и именно непродолжительностью пребывания у власти этого фараона обычно объясняют плачевную судьбу его надгробия.

Заострю, однако, внимание на том, что Джедефра (Раджедеф) первым в истории династического Египта принял титул «сына Солнца» (*s3 R'*). Таким образом, именно этого царя позволительно уличить в самой ранней попытке Большого Дома низвергнуть устои «архаической» государственной идеологии, отведя Хору «подчиненное» положение в иерархии царских божеств. Тогда допустима следующая гипотетическая реконструкция.

Царь Хуфу (Хеопс) — Хор Меджу, наследник традиций «архаических» правителей-Хоров и преемник, я полагаю, истинного объединителя Египта — основателя IV династии Снофру, построил величайшую пирамиду, пользуясь содействием престолу глав абсолютного большинства бывших вожеств, вошедших в государство Обеих Земель. Намерение Джедефра пересмотреть древние идеологические принципы в ущерб Хору обернулось соответствующим «возмещением» со стороны потомственных почитателей последнего, которые отказали Большому Дому в былой поддержке, о чем, думаю, и могут свидетельствовать руины недостроенной пирамиды Джедефра.

Вероятно, схожие трудности испытал и Менкаура, чье надгробие, хотя и законченное, не поражает величиной. Предшественник же его, Хафра, соорудил вторую Великую пирамиду, а значит, несмотря (судя по имени) на явную склонность к новому государственному культу Ра, пользовался в Египте не меньшим влиянием, чем «триумфатор» Хуфу, хранивший верность царскому божеству предков — Хору.

Причину восстановления авторитета IV династии после политического краха (?) Джедефра, возможно, помогает вскрыть характерный скульптурный портрет Хафра с соколом, обнимающим крыльями голову царя⁵⁹. Памятники этой группы подсказывают, что Хафра, который, очевидно, подхватил идею превращения солнечного культа в общегосударственный, в то же время наглядно демонстрировал преданность Хору. Тем самым Хафра, вероятно, и вернул своей династии пошатнувшееся было влияние среди знатных областных родов Египта, что позволило ему возобновить колоссальное строительство и стать обладателем не только второй высочайшей пирамиды, но и поминальных храмов циклопической кладки, а также, по-видимому, гизехского сфинкса, тесанного из целой скалы.

⁵⁹ *Hölscher U. Das Grabdenkmal des Königs Chephren. Lpz., 1912.*

Кризис правления Джедефра, на мой взгляд, можно сопоставить с упадком I и III династий, следовавшим за резкой активизацией фараонов, прежде всего Аджиба и Нечерхета (Джосера), в направлении утверждения собственного статуса богов на земле — в их случае Хоров.

В свою очередь, компромисс, который я приписываю Хафра, созвучен политике фараонов II династии, носивших «двойное» имя Хора-Сета. Я допустил, что их целью было умиротворение почитателей последнего, способных воспрепятствовать полноценному функционированию анклавного протогосударства. Выскажу теперь близкое соображение относительно Хафра: его демонстративное признание выдающегося статуса Хора после попытки предшественника выставить на передний план Ра напоминает очередную уступку Большого Дома областной знати Египта — на сей раз той ее части, чьей лояльности цари рисковали лишиться, поддерживав курс на форсированный отход от древнейшей Хоровой идеологии. Подобно тому как Хор Сехемиб (Сет Перибсен) восстановил обычай сооружения царских гробниц в некрополе Абидоса, «заплатив» за это чистотой титула, но возродив ключевой оплот «архаической» государственности в долине Нила, «Хор-Ра» Хафра путем аналогичного «торга» (дарообмена) с номархами возобновил колоссальное строительство близ нынешней Гизы.

Вообще же, при ближайшем рассмотрении Старое царство (особенно вкуче с канувшей в «густой мрак»⁶⁰ III династией) теряет образ монолитного 500–600-летнего государства, ограниченного «переходными» периодами якобы сплошных социальных неурядиц. От той же «архаики» его в этом смысле отличает лишь меньшая продолжительность политических смут, что я бы поставил в прямую связь с относительно благоприятными и стабильными ландшафтно-климатическими условиями в Египте первой половины III тысячелетия до н.э.

На исходе Старого царства Египет оказался на пороге социально-экологического кризиса⁶¹, поставившего под угрозу многовековой уклад раннего государства фараонов. Среди изменений, коснувшихся в связи с этим внутренней политики Большого Дома, отмечу существенные экономические льготы, которые позднестароегипетские цари начали предоставлять святилищам и областным хозяйственным подразделениям — «дворам» (*ḥwt*). Эта «благотворительность» отразилась в особых царских указах — так называемых «иммунитетных грамотах»⁶², объявлявших адресатов свободными от работ и других повинностей в пользу государства. Бытует мнение, что «иммунитет» — своего рода уступка фараонов усиливавшимся номам, привилегия, которой «мятежная» областная знать настойчиво добивалась от Мемфиса. При этом в раздаче царями подобных льгот усматри-

⁶⁰ *Перепелкин Ю.Я.* [Главы о древнем Египте в кн.:] *Всемирная история*. Т. 1. М., 1956, с. 174.

⁶¹ *Клименко В.В., Прусаков Д.Б.* Изменения климата в северном полушарии в конце III — начале II тыс. до н.э. и Второй социально-экологический кризис в древнем Египте. — *Восток*. 1999, № 1.

⁶² *Goedicke H.* *Königliche Dokumente aus dem Alten Reich*. Wiesbaden, 1967; Urk. I.

усматривают одну из причин ослабления центральной власти и распада староегипетского объединенного государства.

Выскажу альтернативную точку зрения на эту проблему. На мой взгляд, при анализе «иммунитетных грамот» была обойдена должным вниманием одна деталь, учет которой подводит к принципиально иному толкованию смысла этих документов. Указы об освобождении храмов и «дворов» от государственной службы содержали четкие предостережения на тот случай, если бы кто-то осмелился поступить вопреки воле фараона. Невыполнение «льготного» указа объявлялось делом, ненавистным царю, и грозило виновным должностным лицам отлучением от жречествования при пирамиде⁶³ — иначе говоря, расценивалось как серьезнейший проступок, чреватый для ослушника понижением социального статуса.

При таком подходе вырисовывается поразительная картина: номовую знать, оказывается, совсем не прельщали перспективы внешне вроде бы столь выгодного для нее «иммунитета» — наоборот, она явно стремилась уклониться от этой милости Большого Дома, тогда как тот, не считаясь с материальным ущербом для себя, фактически ее навязывал и при этом обнаруживал такую заинтересованность, словно царей вовсе не посещала мысль о возможности распада государства вследствие щедрого жалования «льготных» грамот.

Ситуация прояснится, если ее проанализировать в контексте дарообмена. Напомню, что даритель приобретал над одаренным магическую власть в сочетании с весомыми социально-иерархическими преимуществами — и с этой точки зрения предоставление «иммунитета» областной знати отвечало прежде всего интересам фараонов. Полагаю, что в эпоху позднего Старого царства дарообменные отношения, державшие на себе центральную власть в Египте, приблизились к критической степени деградации, почему и понадобились специальные указы, понуждавшие знать к безоговорочному принятию царских преподношений, которые, требуя обязательного возмещения, ставили вельмож в зависимость от Мемфиса и накрепко привязывали их домовладения к Большому Дому.

Итак, одну из фундаментальных причин краха египетского Старого царства я вижу в постепенном отходе его административно-хозяйственной системы от «первобытного» дарообмена, опиравшегося на «архаическую» форму «частной» собственности *dt* и послужившего мне критерием идентификации раннего государства в древнем Египте⁶⁴.

⁶³ Urk. I, 280–283; 284–288; 289–292.

⁶⁴ Подробнее см.: Прусаков Д.Б. Раннее государство в древнем Египте.

Государственное (царско-храмовое) хозяйство и господствующий класс древнего Египта

Для того чтобы понять своеобразие поземельных отношений в древнем Египте и ту основу, на которой конструировалось его государственное (царско-храмовое) хозяйство, необходимо в теоретическом плане рассмотреть проблему верховной собственности царя (государства) на землю как в Египте, так и в других странах Древнего Востока. Проблема эта для Египта имеет особое значение, поскольку в стране фараонов государство выполняло не только политические, но и экономические функции, организуя производство и распределение прибавочного продукта в интересах господствующего класса служилых людей (чиновничества), получавших вместе со своей должностью и землю, и скот, и непосредственных производителей (зависимых земледельцев и рабов), и всевозможные натуральные кормления.

Известно, что вплоть до нового времени юристами не было четко сформулировано различие между понятиями «верховная собственность царя (государства) на все земли страны» и «верховный всеобъемлющий царский (государственный) суверенитет». Однако реально такое различие, конечно, существовало с древнейших времен, даже не будучи понято и теоретически объяснено. В то же время нельзя утверждать, что верховная собственность царя (государства) на землю появилась только в обществах средневековья, тогда как в обществах древности ей якобы соответствовал верховный царский (государственный) суверенитет. Аргументы для обоснования последнего тезиса нам представляются неубедительными. Если в средневековых обществах, по этой концепции, царь как глава государства, будучи одновременно и верховным собственником земли и верховным сувереном страны, отчуждая землю своим подданным, оставался все же верховным собственником этой земли и после ее отчуждения (а не только ее верховным сувереном), то исключительно потому, что в принципе отчуждение земли царем не обязательно всегда лишало его прав ее верховного собственника, а следовательно, аналогичное положение могло наблюдаться и в обществах древности. Придерживаться иного мнения на этот счет — значит пользоваться разными критериями для оценки одного и того же явления, что недопустимо при объективном анализе. И в древности, и в средние века царь мог оставаться верховным собственником от-

чуждаемой им кому-либо земли потому, что новый частный хозяин земли, в чью пользу был осуществлен царем акт отчуждения, обычно получал права ограниченного, подчиненного собственника земли, тогда как за царем сохранялось право ее полного, верховного собственника. Такое положение наблюдалось как в обществах средневековья, так и в обществах древности, например в древнем Египте. С другой стороны, если можно объяснять завоеваниями возникновение в обществах восточного средневековья всеобъемлющей верховной земельной собственности царя (государства), то таким же аргументом позволительно мотивировать появление подобной собственности и в обществах древности, поскольку завоеваний различного рода (и при становлении первичных государств, и при создании крупных военно-административных держав, или «империй») в этот исторический период на Востоке было ничуть не меньше, чем в эпоху средних веков.

Факты, свидетельствующие о покупке в ряде обществ Древнего Востока царем земли у частных лиц или у общин, бесспорно означают, что до заключения соответствующих сделок царь не был собственником (ни верховным, ни ограниченным) тех земель, которые он покупал. Однако такое положение наблюдалось только в тех восточных обществах древности, в которых существовал достаточно развитый и обособленный от государственного (царского) частно-общинный экономический сектор. Там, где в процессе становления государства выросшие из родовых поземельные сельские (соседские) общины сохранили собственную организацию и значительную экономическую силу как верховные собственники своей общинной земли, там царь как глава государства не обладал правом верховного собственника этих земель, а следовательно, не был и верховным собственником всех земель страны, оставаясь по отношению к территориям, занятым общинами, лишь их верховным сувереном. Однако в обществах, где, как в древнем Египте, общины при становлении государства уже полностью потеряли свою первоначальную организационную и экономическую обособленность, превратившись в простые податные единицы государственного хозяйства, в которое они оказались инкорпорированными, там царь, будучи главой государства, становился не только верховным сувереном, но и верховным собственником всех земель страны, который, как древнеегипетский фараон, уже никогда и ни у кого не покупал ни клочка земли.

Таким образом, вопрос о наличии или отсутствии у царя (государства) прав всеобъемлющего верховного собственника на все земли страны должен решаться не в плане противопоставления древних обществ средневековым, а исключительно путем изучения общинных структур каждой конкретной страны. В конечном счете можно сказать, что решение интересующей нас проблемы может быть только следующим: там, где общинный сектор экономически достаточно силен и организационно обособлен от государственного, там у царя (государства) нет и прав всеобъемлющего верховного земельного собственника при наличии прав верховного суве-

рена, в том числе и по отношению к тем землям, верховным собственником которых считалась община; однако в тех обществах, где общинный экономический сектор слаб и полностью контролируется государством, там царь как глава государства уже не только верховный суверен, но и верховный собственник всех земель страны. Именно таковым и считался древнеегипетский фараон по отношению ко всем землям контролируемой им Нильской долины, почему только он и мог свободно отчуждать кому угодно любые земли, раздавая их в условное пользование или в подчиненную (ограниченную) собственность частным служилым лицам вместе с должностью, а также передавая в виде дара в распоряжение различных культовых учреждений.

Древний Египет относится к числу тех обществ, в которых *государственный* экономический сектор был абсолютно господствующим. Возглавлял этот сектор фараон, который выступал по отношению к нему не как частное, а как должностное лицо, как глава государства и верховный собственник всех ценностей страны, и прежде всего земли. Отвлеченного понятия «государство» в древнем Египте не существовало, и потому, когда речь шла фактически о государстве, государственном хозяйстве и государственной собственности, источники упоминают «дом царя», «землю царя» и т.п. Выражения «государственное хозяйство» и «царское хозяйство» (не в смысле *личного* царского хозяйства) по этой причине являются синонимичными.

Государственное хозяйство древнего Египта, приобретавшее в периоды политической централизации всеобъемлющий характер, подчинявшее своему контролю все виды частных хозяйств и инкорпорировавшее в свой состав рудименты сильно трансформированных общинных образований, охватывало большой комплекс различных хозяйственных отраслей. Оно включало в себя земледелие, садоводство, скотоводство, ремесленное производство, операции меновой торговли (в поздний период) и многие другие виды хозяйственной деятельности. Земледелие было, несомненно, его основной экономической функцией, а двойственная (царско-храмовая) структура — типичной формой его организации. Храмовые хозяйства во все периоды истории древнего Египта были преобладающей составной частью государственного (царского) хозяйства, и потому изучение проблемы значимости храмовых хозяйств в рамках государственного (царского) хозяйства необходимо для понимания как экономической, так и политической истории государства фараонов.

Уже давно положение о тесной связи храмовых хозяйств с фараоновской администрацией стало само собой разумеющейся истиной. Подчинение храмовых владений царю, царскому чиновничеству в определенные периоды истории древнего Египта ни у кого не вызывает сомнений. Однако при всей очевидности данного обстоятельства сущность его понимается по-разному.

В египтологической литературе взаимоотношения между царской властью и храмами нередко представляются в виде явной или скрытой

борьбы двух антагонистических начал — светского и духовного, лишь временно сдерживаемых властью могущественных фараонов. В соответствии с этим сложилось мнение, что экономическое усиление жрецов и храмов всегда таило в себе угрозу светской власти.

Можно было бы привести множество высказываний крупных историков, противопоставлявших царские и храмовые интересы и объяснявших упадок царской власти в Египте в конце Нового царства чрезмерной щедростью правителей Египта по отношению к храмам. Последнее утверждение чаще всего аргументируется данными Большого папируса Харриса. Распространено мнение, что в конце Нового царства фиванские храмы играли роль «государства в государстве». Такой вывод долгое время являлся почти общепризнанным, покоящимся на представлении о росте могущества и постепенной эмансипации храмов и жречества в конце Нового царства.

Никто никогда не отрицал главенства египетских фараонов, как земных богов, над всеми храмами и культами долины Нила. Однако такое главенство долгое время понималось лишь как формальная привилегия фараона, не ликвидировавшая обособленность и самостоятельность храмов в экономической области. Подобное мнение не опровергали и данные источников о реальном и полном подчинении храмовых хозяйств интересам царского фиска в отдельные исторические периоды. Это подчинение объяснялось всего лишь воздействием далеко зашедшего процесса централизации управления, целенаправленной политикой сильных фараонов, сумевших на какой-то срок включить храмовые хозяйства в состав своих владений.

Включение храмовых владений в государственное (царское) хозяйство в отдельные эпохи политической централизации древнеегипетского государства само по себе никогда не вызывало сомнений. Весь вопрос заключается в том, какой смысл вкладывать в понятие «храмовое владение», «храмовое хозяйство». Представляли ли они достояние специфической «духовной», жреческой части египетского общества или же их сущность была иной?

В отечественной египтологической литературе давно существует мнение о тесной связи храмов с местным номовым хозяйством, а храмового жречества — с местной номовой светской знатью. Считая такое мнение обоснованным, мы полагаем, что в пределах каждого нома наблюдалось столь тесное переплетение светско-жреческих интересов, что можно говорить о единой светско-жреческой номовой знати, о едином номово-храмовом хозяйстве. Подобные хозяйства с двойственным характером их экономической структуры входили в периоды политической централизации в состав единого государственного (царско-храмового) хозяйства Египта. Иными словами, государственное (царско-храмовое) хозяйство характеризовалось такой же неразделенностью светско-жреческих интересов, какая была свойственна и его частям — номово-храмовым хозяйствам, контролируемым номами. Один и тот же тип отношений реализовывался в разных

масштабах: в большом — государственное (царско-храмовое) хозяйство или в малом — номово-храмовое хозяйство.

Разработке сформулированной выше проблемы мы посвятили две специальные монографии¹, в которых старались показать:

во-первых, что в рамках государственного (царского) хозяйства храмовые владения и хозяйства образовывали всегда количественно абсолютно преобладающую его часть;

во-вторых, что даже очень значительные дарения фараонов храмам ни в коем случае не создавали угрозу экономической стабильности царской власти, поскольку, где бы ни концентрировались любые ценности — в хранилищах храмов или каких-либо светских, царских ведомств, — их полным хозяином и распорядителем всегда был только фараон — истинный владыка всех храмовых хозяйств, входивших в состав государственного (царского) хозяйства;

в-третьих, что в распоряжении храмовых жрецов находились не все ценности, концентрировавшиеся в храмовых хранилищах, а лишь незначительная их часть в виде так называемых «божественных жертвоприношений», остальное принадлежало государственной казне и ее главе — фараону;

в-четвертых, что рента-налог, взимаемая с любых категорий государственной (царско-храмовой) земли вне зависимости от того, концентрировалась ли эта рента-налог в храмах или в каких-либо светских, царских хранилищах, принадлежала только фараону как главе государства и верховному собственнику всех земель государственного (царско-храмового) хозяйства;

в-пятых, что древнеегипетское жречество представляло собой всего лишь особый тип государственного чиновничества, с «духовной» специализацией, а разнотипные иммунитетные грамоты эпохи Древнего и Нового царств, в которых храмовым хозяйствам от имени фараона даровались различные льготы и освобождение от обременительных повинностей на дом царя, давались не с целью полного освобождения храмовых владений и хозяйств от подчинения контролю государственной (царской) администрации, они предназначались прежде всего для упорядочения внутреннего трудового распорядка в этих владениях и хозяйствах.

Приступая к характеристике частного землевладения в древнем Египте, необходимо сначала уделить внимание некоторым теоретическим проблемам, связанным с данной темой.

В одной из своих статей И.М.Дьяконов утверждает: «Владение есть голый материальный факт власти над вещью, а именно власти, осуществляемой данным лицом в отличие от других лиц и в данный момент»². Исходя из такой формулировки фактическими частными владельцами земли

¹ Стучевский И.А. Храмовая форма царского хозяйства древнего Египта, М., 1962; он же. Земледельцы государственного хозяйства древнего Египта эпохи Рамессидов. М., 1982.

² Дьяконов И.М. Проблемы собственности. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н.э. — ВДИ. 1967, № 4, с. 14.

можно считать и различного типа арендаторов, и служилых условных пользователей (держателей) земли, и частных земельных собственников, когда они фактически распоряжаются объектами своего пользования или собственности. Главное, что, по мнению И.М.Дьяконова, отличает собственника от владельца, — это то, что «собственник может им оставаться, не владея, не распоряжаясь и не пользуясь объектом своей собственности в данный момент, так как собственность есть общественное отношение между людьми, а не фактическая ситуация. Напротив, владелец, лишившийся объекта владения, тотчас же перестает быть владельцем, потому что владение есть не общественное отношение, а лишь материальный факт»³. С последним утверждением трудно согласиться. Действительно, понятие «владение» можно трактовать и в плане лишь реального обладания каким-либо объектом. Действительно, собственник остается собственником, даже не обладая, не владея, не распоряжаясь в какой-то момент своей собственностью, тогда как только фактический владелец, не обладая, не владея, не распоряжаясь объектом своего только фактического владения, не обладает уже ничем. Но следует учитывать, что в подавляющем большинстве случаев любое обладание, владение и распоряжение чем-либо основывается на соглашении между людьми, т.е. является правовым, отражающим общественные отношения. «Владение» как понятие предполагает, как правило, и фактическое, и правовое обладание и распоряжение объектом владения, почему данное понятие может использоваться в широком плане для обозначения многообразных форм владения. Исходя из сказанного выше, мы полагаем, что различие между собственником и владельцем земли заключается не в наличии у одного и отсутствии у другого соответствующих прав на землю, а в объеме и характере этих прав, в степени доступной им свободы распоряжения землей. *Всякий в какой-либо момент фактический владелец земли (если он не вор) является одновременно и ее правовым владельцем. Что касается собственника земли, то его можно считать особо привилегированным владельцем земли, обладающим наибольшими (абсолютными) правами распоряжения ею.*

Известно, что дарения и прежде всего такая форма распоряжения земель, как ее отчуждение в пользу частных лиц в процессе купли-продажи, всегда являлись признаками частнособственнических отношений, признаками наличия частной земельной собственности. Конечно, объем права собственности мог исторически меняться, и в древности он, несомненно, отличался количественным и качественным своеобразием, коль скоро до эпохи капитализма частнособственнические отношения, и прежде всего в земледелии, проявлялись нередко в завуалированном виде. Однако право собственности всегда предполагает абсолютную или весьма большую свободу в распоряжении объектом собственности с выгодой для собственника, и потому такая свобода, естественно, может проявляться в актах дарения или купли-продажи земли ее собственником. Продажа или даре-

³ Там же, с. 18.

ние земли полностью противоречат признакам условного землевладения (одной из форм правового владения), и потому там, где в документах древнего Египта мы встречаемся с фактами продажи или дарения земельных участков частными лицами, у нас есть достаточные основания для того, чтобы говорить о наличии частной земельной собственности. Если продают или дарят частные лица, распоряжающиеся наделами государственной земли, они являются подчиненными (неполными, ограниченными) частными земельными собственниками.

Возникает вопрос: каким образом частная (неполная, ограниченная) земельная собственность могла существовать в рамках государственного земельного фонда? Не является ли сама мысль о наличии частной земельной собственности на государственной земле абсурдной? Полагаем, что это не так, поскольку мы имеем в виду такую частную земельную собственность на государственной земле, которая предполагает гармоничное разделение прав (по отношению к одному и тому же объекту собственности) как ее подчиненного (неполного, ограниченного) собственника — частного лица, так и ее верховного собственника — государства (или царя как олицетворения государства).

Вопрос о разделенной собственности на землю был специально проанализирован в исследовании А.В.Венедиктова, который, в частности, писал: «Условное держание земли (предоставление государством земли держателю под условие военной или иной службы) в одних случаях может оказаться лишь простым владением и пользованием ею, в других — формой подчиненной собственности, которая в дальнейшем своем движении с отпадением обязательной военной службы может перерасти в безусловную и полную собственность»⁴.

Разграничение прав на один и тот же объект земельной собственности между ее верховным (полным, неограниченным) собственником и собственником подчиненным (неполным, ограниченным) проходило по следующей линии: если верховный (полный, неограниченный) собственник земли может отчуждать объект своей собственности (а именно землю) без всяких ограничений, используя ее по полному и исключительному своему усмотрению (такая форма собственности характерна также для частной капиталистической земельной собственности), то подчиненный (неполный, ограниченный) частный собственник земли, имея возможность и даже обязанный извлекать доход из своей собственности, в то же время может отчуждать ее лишь на определенных условиях таким образом, чтобы не ущемлять права верховного (полного, неограниченного) собственника на получение причитающегося ему дохода с этой собственности. Иными словами, подчиненный частный собственник земли может распорядиться ею только так, чтобы новый подчиненный (неполный, ограниченный) частный собственник земли, получивший ее в дар или в результате акций купли-продажи, полностью выполнял по отношению к верховному (полному,

⁴ Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.—Л., 1948, с. 73.

неограниченному) собственнику земли все обязательства прежнего подчиненного земельного собственника. Что касается правового владельца земли в более узком значении данного понятия (т.е. включая сюда и условного пользователя земли, и арендатора, и субарендатора, но исключая владельца-собственника), то он может с различной степенью свободы распоряжаться своей землей (извлекать доход, наследовать, сдавать в аренду или в субаренду), но в отличие от владельца-собственника (любого типа) он не имеет права эту землю отчуждать ни в качестве дара, ни путем продажи.

Таковы теоретические принципы, основываясь на которых можно, анализируя соответствующие источники, дать представление о частном землевладении в древнем Египте как экономической основе, на которой зиждилось благополучие господствующего класса должностных лиц древне-египетского государства времени фараонов.

В 1966 г. было опубликовано исследование Ю.Я.Перепелкина «Частная собственность в представлении египтян Старого царства», в котором был обобщен и по-новому интерпретирован огромный фактический материал, характеризующий частные вельможеские хозяйства в противопоставлении государственному (царскому) хозяйству.

В целом выводы Ю.Я.Перепелкина заслуживают признания, однако название его исследования представляется не вполне оправданным. У египтян эпохи Старого (Древнего) царства, как и любого другого периода древне-египетской истории, не было, да и не могло быть никакого особого «древнеегипетского» представления о частной собственности, поскольку сами понятия «собственность», «частная собственность» являются исключительно достоянием современной политэкономической науки. Собранные Ю.Я.Перепелкиным факты весьма наглядно демонстрируют эту бесспорную истину, коль скоро они характеризуют не частную собственность, а личное, частное достояние привилегированных должностных лиц древне-египетского государства как их личное имущество, их «дом личный» в противопоставлении имуществу, «дому», хозяйству государства, или царя. Что это было за личное достояние — частная собственность или частное владение какого-либо иного типа (например, достояние, находившееся в условном пользовании, в аренде, в субаренде и т.п.), древние египтяне не решали и не могли решить, так как все подобные дефиниции (в отношении личного достояния человека) в состоянии установить только современный исследователь. Видя в земле материальную основу частных вельможеских хозяйств — их «домов личных» и ориентируясь на то, что нам известно об этих хозяйствах, придется признать, что данные земли находились в подчиненной (неполной, ограниченной) частной собственности вельмож, по отношению к которой государство (царь) выступало не как суверен, а как их верховный (полный, неограниченный) собственник. Последний вывод обуславливается фактами, свидетельствующими о получении вельможами, как должностными лицами древне-египетского государства, их личных, частных земель или непосредст-

венно из государственного (царского) земельного фонда, или от частных лиц (завещания, дарения, продажи), но с обязательной санкцией царя как верховного собственника государственных земель.

Наиболее подробную характеристику частной подчиненной (неполной, ограниченной) земельной собственности, на которой базировались частные хозяйства вельмож (хозяйства их «домов личных») эпохи Древнего царства, дают надписи вельможи Мечена, начертанные на стенах его гробницы.

Мечен был управителем хозяйств и земель, как доставшихся ему от царя за службу, так и приобретенных путем покупки земель у частных лиц, а также полученных в виде дара или по завещанию. Как сказано в надписях Мечена, он получил от царя четыре «сечат» (аруры) земли в Мендесском номе Нижнего Египта и 12 «сечат» земли в Летопольском номе. У многих царских людей — *нисутиу* (по-видимому, частных подчиненным служилых земельных собственников) Мечен купил («приобрел за возмещение») 200 «сечат» земли. Кроме того, от своей матери Небсент он получил в дар или по завещанию (букв. «по распоряжению о доме») еще 50 «сечат» пахотной земли⁵. В итоге в руках Мечена оказался сосредоточен огромный массив площадью как минимум 266 «сечат», т.е. 5195 египетских феддан⁶. Нужно, однако, отметить, что фактически в распоряжении Мечена земли было гораздо больше, так как некоторые территории он еще дополнительно контролировал в соответствии с занимаемой им должностью высокопоставленного царского чиновника, а в трех номах Верхнего Египта (Саисском, Ксоисском и Летопольском) организовал 12 новых поселений, и, кроме того, принадлежавший ему большой сад с виноградником (где им был построен дом, достигавший в длину и ширину 200 локтей — примерно 100 метров) имел площадь 12 «сечат». Помимо всего этого, из имущества своего отца — судьи и писца Инпуеманха, Мечен, по-видимому, получил зависимых людей и мелкий скот. Хотя о земле, полученной от отца, в тексте надписи Мечена прямо ничего не сказано, все же можно думать, что в состав имущества, унаследованного Меченом от отца, входила и земля, так как, согласно 11-й строке надписи, Мечен организовал новое поселение, о котором говорится, что оно было названо его именем и создано «из того, что дал ему его отец Инпуеманх».

При анализе надписей Мечена, сообщающих о наличии у него частнособственнических земель, следует обратить внимание на два следующих обстоятельства: во-первых, мы видим, что мать и отец Мечена могли завещать имущество, и в том числе землю, своему сыну порознь (и, следовательно, сами они также раздельно распоряжались своим имуществом), и, во-вторых, надписи Мечена недвусмысленно показывают, что верховным (полным, неограниченным) собственником земель, поступивших в под-

⁵ Савельева Т.Н. Надписи из гробницы Мечена. — Древний Египет и древняя Африка. М., 1967, с. 117, 118.

⁶ 1 феддан = 0,42 гектара. — *Примеч. ред.*

чиненную (неполную, ограниченную) частную собственность Мечена, считался фараон, который должен был специальной грамотой санкционировать акты передачи земель новому владельцу.

На землях, находившихся в подчиненной (ограниченной) частной собственности Мечена или контролируемых им в соответствии с занимаемой должностью, организовывались многоотраслевые частные хозяйства «дома личного», подобно многим вельможеским хозяйствам эпохи Древнего царства, которые, как показал Ю.Я.Перепелкин, нельзя трактовать ни как предназначенные исключительно для заупокойного обслуживания, ни как «выделенные имения», якобы находившиеся в условном распоряжении своих владельцев, ни как хозяйства, присужденные в собственность⁶.

Наряду с частным землевладением представителей должностной знати типа подчиненной (ограниченной) частной собственности, возникавшим благодаря царским дарениям и личным приобретениям земель, в эпоху Древнего царства существовало частное землевладение и другого типа, а именно частное условное землепользование заупокойных жрецов («рабов двойника»), которые для ритуального посмертного обслуживания своих господ (владык частных вельможеских хозяйств) получали от последних в наследственное неотчуждаемое распоряжение различные ценности, людей, скот и землю. Многочисленные договоры, которые хозяева вельможеских владений — подчиненные (ограниченные) частные собственники земель — заключали с заупокойными жрецами, содержали строгие предписания, ограничивавшие права заупокойных жрецов в распоряжении вверенным им имуществом. Предписания эти были стандартного характера, как свидетельствует, в частности, и надпись времени Хафра в Гизехском некрополе⁷.

В случае если заупокойный жрец — «раб двойника» — не выполнял условия заключенного с ним договора, подлинный хозяин земли и других ценностей или его наследники могли с ним судиться, чтобы вернуть себе обратно все то, что они передали заупокойному жрецу. Поскольку каждый заупокойный жрец в эпоху Древнего царства входил в группу, или «смену», заупокойных жрецов, речь могла идти также и о передаче земли и иных ценностей (скота, людей, хозяйственного инвентаря, различных натуральных выдач) в пользование другого заупокойного жреца из той же «смены». Объединенные в «смены» заупокойные жрецы образовывали выступавшие как «юридическое лицо» специализированные коллективы, которые состояли из глав семей и их домохозяев — братьев и сестер, слуг и служанок. При условии выполнения обязательств по обслуживанию заупокойного культа коллективы заупокойных жрецов могли наследственно из поколения в поколение пользоваться доходами с земли, которая вместе с людьми и скотом поступила в их условное пользование и распоряжение. Однако

⁶ Перепелкин Ю.Я. Частная собственность в представлениях египтян Старого царства. — Палестинский сборник. 1966, вып. 16 (79), с. 5, 6.

⁷ См.: Савельева Т.Н. Аграрный строй Египта в период Древнего царства. М., 1962, с. 139–140.

отчуждать кому-либо все эти ценности заупокойные жрецы не имели права (исключение из данного установления делалось только в том случае, если тот, в чью пользу отчуждались эти ценности, брал на себя все связанные с ними обязательства по ритуальному обслуживанию хозяина земли).

В эпоху Среднего царства права заупокойных жрецов как условных пользователей земли и других ценностей, переданных им для обеспечения ритуального обслуживания, по-видимому, возросли, что, возможно, было связано с сокращением числа заупокойных жрецов, обслуживающих погребальный культ своего господина. Наиболее полная характеристика такого уже достаточно самостоятельного заупокойного жреца эпохи Среднего царства содержится в обнаруженных в Дер эль-Бахри письмах некоего Хеканахта, который был, вероятно, единственным заупокойным жрецом высокопоставленного сановника Ипи — визиря одного из фараонов XI династии. Как свидетельствуют письма Хеканахта, адресованные его домашним, его земли, не составлявшие единого массива, были поручены ему для наследственного пользования при условии обслуживания заупокойного культа визиря Ипи. Хеканахт, однако, распоряжался и землями иного происхождения, а именно полученными за государственную (царскую) службу и приарендованными у различных частных лиц. В свою очередь, часть земель, оказавшихся во владении Хеканахта, также сдавалась в аренду. Письма Хеканахта рисуют картину значительной хозяйственной самостоятельности их автора, руководившего хозяйством очень разнообразным, в котором были развиты и земледелие, и скотоводство, и ремесленное производство (ткачество, маслоделие), и осуществлялись различные экономические операции, ориентированные как на само хозяйство, так и выходящие за его пределы. Можно предполагать, что экономическая активность Хеканахта стимулировалась тем фактом, что он был заупокойным жрецом не просто вельможи, но визиря, т.е. первого человека в государстве после фараона. Сам Хеканахт возглавлял большую неразделенную патриархальную семью, включавшую в свой состав еще малые семьи трех старших его сыновей, и был единственным хозяином и распорядителем всех принадлежавших этой семье ценностей, в том числе и земли.

Состояние частного землевладения эпохи Нового царства отражено в большом количестве разнообразных источников, сообщающих о купле-продаже, дарениях, завещаниях и аренде земли частными лицами (многие из которых именовались *немху*), получавшими земельные участки от царя (государства) в дар или приобретавшими их от частных же лиц путем скупки и аренды.

Наиболее полную характеристику частного землевладения эпохи Нового царства дают иератические записи папируса Вильбура, составленного в царствование Рамзеса V (конец II тысячелетия до н.э.). В папирусе Вильбура речь идет о трех различных социальных группах земледельцев, обозначаемых одним и тем же термином *ихутиу* («земледельцы»). Имеются в виду при этом во-первых, так называемые государственные земледельцы,

предшественники «царских земледельцев» эллинистического Египта, выплачивавшие в казну государства в виде ренты-налога примерно $\frac{1}{3}$ (около 30%) произведенного ими урожая; во-вторых, так называемые псевдоземледельцы, или агенты фиска, которые как представители низшего звена администрации отвечали за сдачу в казну государства больших количеств зерна (по средней норме в 200 хар), предварительно изымаемого ими у многих «государственных земледельцев»; в-третьих, привилегированные частные землевладельцы — условные пользователи и подчиненные собственники наделов государственной (царско-храмовой) земли, выплачивавшие в казну государства очень небольшие зерновые налоги, составлявшие примерно 2–6% произведенного ими урожая. Зафиксированные в записях папируса Вильбура частные землевладельцы в большинстве случаев характеризуются как служилые люди. Так, несмотря на наличие в папирусе Вильбура (в так называемых долевых параграфах текста А) «держаний» женщин (131 раз) и «земледельцев», чье социальное лицо определить не всегда возможно (не менее 109 раз), огромное число частных землевладельцев характеризуется с точки зрения их профессиональной принадлежности. Это обычно представители различных военных, жреческих и хозяйственно-административных специальностей, связанных с государственной службой. Согласно данным А.Гардинера, начальники конюшни упоминаются 198 раз, конюхи — 8, колесничие — 19, рядовые воины — 153, иноземные воины *шердены* — 42, «спутники» *шерденов* — 17, «штандартоносцы» *шерденов* — 9, просто «спутники» — 12, просто «штандартоносцы» — 16, различного рода писцы — свыше 30, простые жрецы *уабы* — 112, жрецы — 20, рабы — 11 раз. Кроме того, здесь же неоднократно фигурируют начальники воинов *техер* (хетты или сирийцы), «заместители» начальников колесничих, начальники кварталов, щитоносцы, меченосцы, различные ремесленники (строитель, плотник, медник, ткач, скульптор, бальзамировщики), пастухи коз, откормщики скота, начальник стойл коров, «тот, кто клеймит скот», пасечники, матросы, рыбак, ловец крокодилов, врач, «контролеры», начальники сокровищницы, начальники скота, «заместители», «отцы бога» (жреческий титул), слуги⁸. В качестве частных владельцев земли в записях «долевых» параграфов текста А папируса Вильбура упоминаются и высокопоставленные люди — представители высшей знати — такие, как визирь Неферренпет, царский сын Рамсесуамон Херхепшеф, первый жрец Амуна в Фивах, сын первого жреца Амуна в Фивах, «начальник дома» Усерматранах.

Перед нами представители различных военных или гражданских специальностей: воины-профессионалы, обслуживающий персонал царско-храмового хозяйства, штат различных хозяйственно-административных ведомств, обеспечивавших хозяйственные и иные потребности царского двора, храмов и знати. Главенствующее положение здесь занимали отдельные высокопоставленные представители служилой знати, хотя в

⁸ Gardiner A.H. The Wilbour Papyrus. Vol. II. Oxf., 1948, p. 79–84.

массе своей данный общественный слой состоял из лиц среднего, иногда даже относительно низкого социального ранга. В целом это, несомненно, в том или ином смысле государственные, или «царские», служилые люди, для которых земледелие не являлось основным профессиональным занятием, хотя и имело большое значение как источник материального обеспечения. Следует отметить, что упоминаемые 109 раз в записях «долевых» параграфов текста А папируса Вильбура «земледельцы» *ихутиу*, скорее всего, являлись представителями низшего звена служилого сословия, поскольку так могли называться самые различные лица, в том числе и отнюдь не труженики полей (например, писцы, жрецы, «контролеры»), коль скоро они каким-либо образом оказывались «связанными» с земледелием; термином «земледелец» могли обозначаться представители низшего звена администрации — псевдоземледельцы, или агенты фиска, осуществлявшие на местах наблюдение за деятельностью «государственных земледельцев», которые составляли основную массу непосредственных производителей древнего Египта.

Не исключают связи с классом служилых людей и частные земельные владения женщин-«поселянок», поскольку, скорее всего, во всех подобных случаях имелись в виду земли, каким-либо образом унаследованные от мужчин, получивших наделы за службу, их женами и дочерьми. Служебная деятельность являлась, таким образом, наиболее характерным признаком общественного положения всех тех лиц, которые фигурируют в записях «долевых» параграфов текста А папируса Вильбура. Последнее, конечно, вполне закономерно, поскольку речь идет о частных «держаниях» (владениях) на государственной земле. Нужно, однако, подчеркнуть, что, несмотря на определенную социальную и экономическую общность, права на землю, которыми обладали различные служилые люди, были, несомненно, качественно неодинаковыми, зависящими как от служебного положения того или иного «держателя» земли, так и от обстоятельств и условий, с которыми было связано получение каждого конкретного земельного надела. Попытаемся определить права на землю различных служилых людей, чтобы конкретнее судить, с какого рода частным владением мы имеем дело в том или ином случае.

Прежде всего следует отметить длительный наследственный характер распоряжения многими индивидуальными земельными наделами. Об этом свидетельствует хотя бы факт сохранения земельных участков за женщинами-«поселянками». Подобных женских «держаний» в папирусе Вильбура насчитывается, как отмечалось выше, не менее 131, что само по себе достаточно показательно. Наследственный характер распоряжения если не всеми, то многими частными земельными владениями, зафиксированными в папирусе Вильбура, ярко проявляется также в тех записях «долевых» параграфов, которые показывают, что дети сохраняли за собой земельные наделы своих родителей после их смерти. В папирусе Вильбура можно, например, прочесть: «Воин Себекемхем, который умер, (участок земли) в руке его сына...»; «Поселянка Чао, которая умерла, (участок земли) в руке

ее сына...» (А пар. 134, 53, 4; А пар. 145, 57, 37). Ряд записей свидетельствует о распоряжении землей совместно с братьями: «Жрец Сетнахт вместе с его братом...» (А пар. 69, 32, 41); «Поселянка Тасакет вместе с ее братом...» (А пар. 84, 36, 23).

Бесспорно, во всех отмеченных случаях мы имеем дело с наследственным сохранением прав на землю в пределах семьи. Не исключено, что в такой форме нашла свое отражение практика, в какой-то степени схожая с той, которая существовала в Вавилонии во времена Хаммурапи в отношении некоторых групп служебных «держаний» на царской земле. Как известно, в своде старовавилонских законов, введенных Хаммурапи (пар. 28–29), оговорено, что в случае пленения воина *редум* или *баирум* право землепользования переходит к его сыну, если он в состоянии нести *ильк* своего отца, но это право (в отношении третьей части поля и сада) может перейти на время и к жене воина, если сын его мал и не может нести *ильк* своего отца. Приведенные выше записи папируса Вильбура, а также многие другие записи аналогичного характера с формальной стороны не противоречат возможности сходных земельных передач и в условиях древнего Египта.

Как показывают некоторые строки «долевых» параграфов текста *A*, возможность отчуждения земли в форме дарения также имели по крайней мере некоторые частные владельцы, упоминаемые в папирусе Вильбура. На это указывают те записи «долевых» параграфов текста *A*, в которых фиксируются земельные наделы, переданные в качестве дара богу или богам фараона (по-видимому, имеются в виду статуя или статуи обожаемого фараона как объекты культа), а также те строки текста *B* папируса Вильбура, в которых в качестве дара фигурируют участки на территории особой земли «*хата* фараона». Следует иметь в виду, что при дарении земли частным лицом государственная казна ничего не теряла, в убытке оказывался лишь сам даритель, уступавший одариваемому лицу (или ведомству) свое обычное зерновое довольствие, которое всегда оставалось у хозяина земельного участка после выплаты в государственную казну налоговой части урожая. Поскольку в записях папируса Вильбура землю в дар обычно получали культовые учреждения, организуемые при статуях фараона, именно они и становились обладателями того зерна, которое раньше оставалось у дарителя земли за вычетом из урожая его налоговой части. Что касается последней, то она, как обычно, продолжала поступать в казну. Обратим, однако, внимание на то, что в записях текста *A* папируса Вильбура (в отличие от записей текста *B*) сам частный даритель земли не указывается. Вместо этого постоянно сообщается о лицах, «под контролем» которых находилась подаренная земля, поступившая в распоряжение какого-либо культового объекта. Как свидетельствуют соответствующие записи папируса Вильбура, в качестве лиц, контролирующих подаренные земли, выступают различного рода чиновные, служилые люди: «заместитель» начальника колесниц, начальник воинов *texer*, начальник щитоносцев фараона, начальник конюшни Резиденции, колесничие, писцы, начальник сокровищницы, первый жрец Амуна, жрецы различных

храмов и святилищ. По предположению А.Гардинера, именно эти контролирующие подаренную землю лица и являлись в то время ее фактическими дарителями. Последнее вполне возможно, хотя и не обязательно. Дарителями участков земли могли быть и те лица, также упоминаемые в тексте *A* папируса Вильбура, в распоряжении («в руке») которых оказывались подаренные участки после акта дарения. Поскольку выражение «в руке» по отношению к земле, как правило, указывало на арендные отношения, можно думать, что частные дарители земельных наделов, отчуждая их, превращались в арендаторов подаренных ими участков. Именно о такой трансформации дарителя земли (в прошлом ее частного владельца-собственника) в ее арендатора сообщает, по-видимому, следующая запись текста *A*: «Земельный дар богам фараона... в руке писца сокровищницы Пентаура...» (*A* пар. 59, 28, 43). Как бы, однако, ни решать вопрос о том, кого в соответствующих записях текста *A* папируса Вильбура следует признать частным дарителем земли, поступившей в распоряжение культовых объектов, — того ли, кто впоследствии контролировал ее, или того, кто впоследствии становился ее арендатором, несомненно, что во всех записях папируса Вильбура, в которых говорится о даре, речь идет об отчуждении земли частными лицами, обладавшими правом довольно свободного распоряжения землей.

Возникает, однако, вопрос: из какого земельного фонда выделялась та земля, фиксируемая папирусом Вильбура, которую дарили частные, обычно служилые, лица на нужды культа статуй обожествленного фараона? Входила ли она до дарения в состав единого государственного земельного комплекса или, может быть, лишь в результате акта дарения включалась в этот комплекс? Полагаем, что справедливым следует признать только первое утверждение, поскольку папирус Вильбура не содержит данных о поступлениях в государственный земельный фонд со стороны (в том числе и в результате дарений). Во всех записях о даре отмечается исключительно перераспределение земли, осуществляемое путем ее дарения в рамках единого государственного земельного фонда, верховным распределителем и собственником которого был фараон. Верховные права фараона на земли, отчуждаемые частными лицами актом дарения, наглядно демонстрируются многочисленными стелами ливийско-саисского времени, в которых, несмотря на то что землю божеству дарят частные лица, в качестве дарителя представлен фараон.

Вне зависимости, однако, от ответа на вопрос о наличии или отсутствии у фараона прав верховного собственника на все земли Нильской долины несомненно, что при дарении земли, которая входила в государственный земельный комплекс (а именно о таких частных дарениях идет речь в папирусе Вильбура), санкция фараона как главы государства и верховного собственника государственной земли могла иметь не номинальный, а вполне реальный смысл.

По данным папируса Вильбура, частные владельцы государственной земли могли не только дарить свои наделы, но и сдавать их арендаторам.

Во многих записях текста *A* папируса Вильбура содержатся указания на то, что участок земли, числящийся за каким-нибудь лицом, находится в фактическом распоряжении — «в руке» или «обработке» — у другого. Такие записи могут свидетельствовать как о частной земельной аренде, так и о привлечении для обработки земельных участков наемных работников. Однако крайне маловероятно, чтобы труд последних здесь действительно использовался. В эпоху Нового царства вряд ли нашлось бы достаточное количество людей, которые могли бы пойти в наём. Во всяком случае, в нашем распоряжении нет данных об оплате труда каких-либо наемных работников в сельском хозяйстве. Скорее всего, в приведенных записях текста *A* папируса Вильбура имелась в виду частная земельная аренда.

Как известно, земельная аренда может быть государственной и частной, добровольной и принудительной, отработочной и издольно-продуктовой или с твердо зафиксированной нормой арендной платы, кратковременной и наследственно-долгосрочной, обычной или льготной⁹. Об этих видах аренды папирус Вильбура, к сожалению, не содержит каких-либо конкретных сведений. Исходя из общих соображений можно признать, что аренда носила характер издольной и продуктовой, обычной и кратковременной. В пользу такого заключения говорят данные о земельной аренде, отраженные в демотических папирусах более поздней, саисской эпохи. Согласно папирусу Луврского музея № E 7845A, арендатор обязуется внести плату за арендуемый участок храмовой земли в размере $\frac{1}{4}$ урожая. В папирусе Британского музея № 10432 определяется, что $\frac{3}{4}$ урожая льна должны оставаться после выплаты арендной платы у 15 арендаторов. По сведениям папируса Луврского музея № E 17844, два арендатора получают $\frac{2}{3}$ урожая, т.е. на каждого приходилась его $\frac{1}{3}$ часть. Интересен папирус Луврского музея № E 7833A, в котором говорится, что в случае отсутствия у арендатора семян для посева и упряжки рабочего скота он должен был заплатить хозяину земли $\frac{1}{3}$ урожая в виде арендной платы и еще $\frac{3}{4}$ остатка за пользование хозяйскими семенами и упряжкой¹⁰. В итоге получается, что арендатор выплачивал $\frac{5}{6}$ урожая, оставляя себе всего лишь $\frac{1}{6}$. Как видим, арендная плата (издольная и продуктовая) могла колебаться от $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{3}$ до $\frac{5}{6}$ урожая. Неизвестно, кто выплачивал в государственную казну налог — хозяин земли или его арендатор. Однако, коль скоро налоговые отчисления с земель частных владельцев, по свидетельству папируса Вильбура, как правило, бывали невелики (порядка нескольких процентов урожая), они не могли существенно влиять на распределение зерна между заинтересованными сторонами — хозяином участка, арендатором и государственной казной. Практически, по-видимому, урожай должен был распределяться между хозяином надела и его съемщиком примерно в отношении 1:2, 1:3. Если же хозяин давал еще упряжку и семена, то доля урожая

⁹ См.: Зельин К.К. Исследования по истории земельных отношений в эллинистическом Египте II–I вв. до н.э. М., 1960, с. 322–345.

¹⁰ См.: Hughes G.K. Saite Demotic Land Leases. Chicago, 1952, p. 28–29, 9–10, 18–19, 51–52.

арендатора, естественно, уменьшалась, достигая иногда отношения 1:5. Как показывают приведенные нами записи из папируса Вильбура, общественное, служебное положение сдающих землю в аренду и арендаторов было весьма различным. В качестве арендодателей выступали обычно привилегированные лица: царский сын, первый жрец Амуна, начальник конюшни Резиденции, первый колесничий Его Величества. Арендующие — простой воин *шерден*, пастух, «поселянка», раб. Без сомнения, в крупных частных владениях привилегированных служилых лиц, распоряжавшихся наделами государственной земли, наряду с обработкой ее силами своей семьи и зависимых работников была распространена сдача земли в аренду. К сожалению, и папирус Вильбура, и другие источники эпохи Рамессидов лишены сведений о том, как, на какой срок составлялись частные арендные договоры, каковы были их форма и содержание. Можно только предполагать, что условия частных арендных соглашений не были одинаковыми, завися от ряда конкретных причин. Лишь текст папируса Берлинского музея № 8523 свидетельствует о том, что арендные соглашения заключались на небольшой срок и могли быть расторгнуты или возобновлены по желанию арендодателя.

Подводя итог экскурсу об арендных отношениях в Египте по данным папируса Вильбура, можно сказать, что в эпоху Рамессидов (как и в более раннее и более позднее время) в Египте была распространена частная земельная аренда наделов частновладельческой земли. Аренда эта, скорее всего, носила характер добровольной, издольной, продуктовой, обычной, легко расторгимой и, по-видимому, кратковременной. В хозяйственном использовании наделов служилых владельцев государственной земли частная аренда, несомненно, играла значительную роль. Можно ли предполагать, что в Египте в это же время существовала и какая-то форма государственной, долгосрочной, льготной (или эмфитевтической) аренды земли частными лицами? Как свидетельствуют документы эллинистического Египта, эмфитевтическая аренда обуславливала не только право наследования, но в некоторых случаях и возможность продажи, залога и завешания приарендованной у государства земли. Следует, однако, иметь в виду, что арендные обязательства землевладельцев эллинистического Египта по отношению к государству оформлялись как с помощью специальных договоров, так и без них. Для Египта же времени фараонов характерно полное отсутствие каких-либо данных об арендных соглашениях (устных или письменно зафиксированных) землевладельцев с государством. Поэтому трудно предполагать существование в древнем Египте государственной (в том числе эмфитевтической) земельной аренды частными лицами.

Как мы уже говорили, в древнем Египте частное землевладение проявляло себя в двух вариантах — в виде условного частного землевладения и в форме подчиненной (неполной, ограниченной) частной собственности на землю. О наличии в Египте в эпоху Рамессидов условных служилых пользователей наделов государственной земли сообщает не только папи-

рус Вильбура, но и многие другие документы, и в частности зафиксированное в папирусе Салье I письмо начальника конюшни Резиденции Рамсеса Мериамуна, в котором изложена его жалоба на незаконное изъятие у него 30 арур земли, полученной им для того, чтобы обеспечивать прокорм упряжки лошадей, и, конечно, для его собственного гарантированного существования. Поскольку, как явствует из письма, 30 арур земли, переданные начальнику конюшни Резиденции, можно было отобрать и передать другому служилому человеку, а также заменить другим равноценным участком, речь здесь шла не о земельной частной собственности, но лишь об условном служилом «держании», или пользовании. Без сомнения, и в записях «долевых» параграфов текста А папируса Вильбура, в которых неоднократно упоминаются начальники конюшни в качестве распоряжающихся наделами государственной земли, также нашла отражение практика условного служилого землепользования как особого вида частного землевладения.

Необходимо отметить, что ряд источников эпохи Рамессидов (или, шире, времени Нового царства), в том числе папирус Вильбура, содержат сведения о частной подчиненной (ограниченной) земельной собственности, выраставшей постепенно из условного, служилого землепользования в рамках государственного земельного комплекса. Причины, обуславливавшие «вызревание» подобной частной (ограниченной) земельной собственности, были, по-видимому, различными. Не исключено, что она возникла как результат стихийного постепенного возрастания и укрепления частнособственнических прав на землю у ее условных служилых пользователей. В эпоху Рамессидов, знавшую периоды политических смут и потрясений, центральная власть не всегда имела практическую возможность строго следить за точным соблюдением правил условного служилого землепользования. По этой причине служилое условное наследственное землепользование, освобождаясь по прошествии определенного времени от своей первоначальной служилой функциональной обусловленности, превращалось в подчиненную (ограниченную) частную собственность на государственной земле, верховным (полным) собственником которой было государство или царь как его олицетворение. Несомненно также, что неполная (ограниченная) частная земельная собственность в рамках государственного сектора могла складываться и как следствие особых льгот в распоряжении землей, предоставляемых фараонами отдельным близким ко двору или отличившимся лицам.

Многочисленные источники, перечислять которые нет необходимости, отмечают, что приближенные фараона — высокопоставленные чиновники, отличившиеся воины — во все эпохи истории древнего Египта получали от владыки страны в дар землю. В качестве примера можно упомянуть хотя бы автобиографическую надпись начальника гребцов Яхмоса — современника первых фараонов XVIII династии, который пишет о награждении его рабами и землей. Особый интерес в этом плане представляет надпись писца сокровищницы Птаха по имени Мес, помещенная на стене его

гробницы в Саккаре, в которой сообщается о земельной тяжбе во времена Рамсеса II между наследниками начальника транспортного судна Неши, получившего землю в дар от фараона Небпехтира (Яхмоса I). Говоря о содержании данного документа, необходимо отметить, что в нем речь идет о споре за землю, которая находилась в многовековом (от Яхмоса I до Рамсеса II) прочном наследственном распоряжении потомков одного человека, получившего эту землю в дар от царя, по-видимому, без каких-либо условий. Как сказано в тексте, «царь Небпехтира (Яхмос I) [передал 10 арур земли] в качестве дара для Неши, моего предка (букв. „отца“), и вот со времен Небпехтира эта земля находится во владении (букв. „под“), [переходя] от одного к другому, вплоть [до этого дня]»¹¹. Суть тяжбы, изложенной в документе, сводится к тому, что некий Хаи захватил земли Неши в поселении Неши, на которые претендуют его прямые потомки — родители Меса и он сам. В результате длительного, кляузного разбирательства с привлечением свидетелей — «великих людей поселения» (служилых людей различного ранга) — и рассмотрением кадастровых документов (списков сокровищницы фараона и ведомства житницы фараона) в большой судебной палате в Пер-Рамсесе было принято решение, по-видимому, благоприятное для Меса (об этом свидетельствует как будто сам факт помещения данной надписи на стене гробницы Меса в Саккаре). Поскольку земли Неши сохранялись за его потомками (в том числе женщинами) в течение нескольких веков на протяжении жизни многих поколений, в этих землях трудно видеть только условные служебные «держания». Скорее всего, это были частнособственнические земли подчиненных (ограниченных) собственников наделов государственной земли, наследственно распоряжавшихся своими участками без каких-либо условий, связанных с их служебной деятельностью. Земли потомков начальника транспортного судна Неши были получены их предком в дар от царя. Именно этот факт, по-видимому, и определил их последующий частнособственнический статус.

Как мы уже говорили, показателем частнособственнических отношений в земледелии является возможность отчуждения земли частными лицами в форме дарений или в сделках купли-продажи. Мы уже приводили данные папируса Вильбура о дарениях земли. К сожалению, о сделках купли-продажи земли частными лицами, известных в древнем Египте еще во времена Мечена, на заре эпохи Древнего царства, папирус Вильбура содержит лишь слабые намеки. Возможно, о покупке земли частными лицами свидетельствуют строки А пар. 54, 23, 14; А пар. 23, 54, 17; А пар. 54, 23, 18; А пар. 54, 23, 12; А пар. 70, 32, 47, однотипные первой из упомянутых строк (А пар. 54, 23, 14), в которой сказано: «Писец Тхутинофр, [участок земли которого] приобрел для себя писец Аменхотпу». Поскольку выражение «приобрел для себя» очень похоже на сокращенную формулу «приобрел для себя за вознаграждение», вполне допустимо

¹¹ Gardiner A.H. The Inscription of Mes. Lpz., 1905.

предполагать здесь покупку земли частным лицом — писцом Аменхотпу. И все же полной уверенности в справедливости такой интерпретации быть не может, поскольку формально этот текст позволительно толковать и как свидетельство о частной земельной аренде.

Бесспорные и многочисленные указания папируса Вильбура содержит о частных земельных дарениях, осуществленных на нужды культа статуй обожествленного фараона. Поскольку для условных служилых землепользователей дарение земли не было характерным, остается прийти к выводу, что во всех записях папируса Вильбура, в которых зафиксированы земельные наделы как частный дар, так же как и в случае купли-продажи земли, подразумевается частная (ограниченная) земельная собственность на государственной земле.

Мы уже отмечали некоторую спорность свидетельств папируса Вильбура относительно купли-продажи земли, формально допускающих и иное толкование. Нужно, однако, иметь в виду, что другие источники эпохи Рамессидов способны подкрепить тезис о возможности частных покупок и продаж земли, связанной с государственным земельным фондом. Дело в том, что в качестве частных владельцев земли в записях «долевых» параграфов папируса Вильбура не менее 11 раз упоминаются рабы, ничем не выделяющиеся среди других лиц, перечисляемых в «долевых» параграфах. Между тем есть данные, что некоторые из подобных рабов могли продавать свои земельные участки, притом не только своим господам, но и посторонним покупателям. Именно об этом, в частности, идет речь в тексте стелы Каирского музея¹², изданном А.М.Бакиром. Коль скоро продавать землю могли иногда и рабы, естественно предполагать, что это тем более были способны делать свободные люди.

Обе категории частных владельцев земли (условные пользователи и подчиненные собственники), упоминаемые в папирусе Вильбура, образовывали особый, служилый господствующий общественный класс, представители которого использовались для нужд государственной бюрократической машины, армии и царско-храмового хозяйства. Выплачиваемый частными служилыми землевладельцами (и условными землепользователями, и подчиненными земельными собственниками) налог был очень мал и необременителен. Поэтому заполучить земельный участок (в условное пользование или в подчиненную собственность) было очень желанным делом. В социально-экономическом плане общественный класс служилых частных землевладельцев не представлял собой чего-либо абсолютно однообразного и единого, поскольку в него входили как представители чиновной знати, так и мелкая служилая челядь. Первые могли получить разнообразные «кормления» из государственной казны, вести крупные личные хозяйства, владеть (на правах подчиненных собственников) об-

¹² См.: *Стучевский И.А.* О специфических формах рабства в древнем Египте. — ВДИ. 1960, № 1, с. 3–10; он же. Земледельцы государственного хозяйства древнего Египта, с. 186–189.

ширными землями, состоявшими из большого числа участков и разбросанных по стране имений, обрабатываемых входящими в трудовые коллективы *мерет* — зависимыми людьми различного типа (включая рабов) и арендаторами. Вторые иногда едва сводили концы с концами на своих клочках земли или становились арендаторами. И все же, несмотря на все социальные, служебные и имущественные различия, и те и другие резко отличались от людей строго регламентированного труда — «государственных земледельцев», или зависимых работников государства, образующих многомиллионную массу основных непосредственных производителей древнего Египта. По отношению к последним частные владельцы государственной земли любого общественного и имущественного положения (и условные пользователи, и подчиненные собственники земли) выступали как члены господствующего привилегированного служилого класса, представители которого получили в египетских документах эпохи Нового царства и ливийско-саисского времени наименование людей *немху*, пользовавшихся особыми привилегиями и покровительством фараона.

Данные о *немху*, собранные и проанализированные И.М.Лурье¹³, показывают, что *немху*, как и частные владельцы земли папируса Вильбура, представляли собой особый социальный слой, типичным признаком которого была принадлежность к категории служилых людей, чье общественное положение определялось владением наделом на земле фараона (т.е. на государственной земле). Так, в завещании «поселянки» Ниутнаhti (время Рамсеса V) речь идет о разделе ее имущества среди восьмерых детей. Первый муж Ниутнаhti — писец некрополя, второй — ремесленник этого некрополя, дети Ниутнаhti также ремесленники некрополя или «поселянки». В завещании конкретно «земля *немху*» нигде не упоминается, хотя завещательница и названа «*немху* земли фараона». Значит, обозначение «*немху*» стало в эпоху Рамессидов просто указанием на принадлежность к определенному слою свободного населения Египта, но все же к такому слою, характерным признаком которого являлась связь с землей фараона (т.е. государственной землей) даже в том случае, если земледелие не было основным видом деятельности отдельных его представителей. Как не вспомнить всех тех ремесленников и «поселянок» из записей «долевых» параграфов текста А папируса Вильбура, которые выступали в качестве частных владельцев наделов государственной земли!

Связь с фараоновской, т.е. с государственной, землей как характерный признак людей *немху*, объединяющий их с частными владельцами земли папируса Вильбура, хорошо продемонстрирована в документе времени Рамсеса XI об усыновлении певицей Сетха Реннефер детей своей рабыни и о передаче им имущества. В этом завещании есть такие строки: «Затем я сделала ее (приемную дочь Реннефер, рожденную рабыней, принадлежащей Реннефер. — И.С.) *немху* земли фараона... и когда она родит сына или дочь, они будут *немху* земли фараона... точно так же как и начальник ко-

¹³ См.: Лурье И.М. *Немху в Египте Нового царства*. — ВДИ. 1953, № 4.

нюшни Падиу, мой младший брат»; «Сказала она (Реннефер. — И.С.): „Как существует Амун, как существует правитель... я сделала этих людей людьми, которые записаны как немху земли фараона... И если я имею землю на полях, и если я имею какое-либо имущество во всей земле, и если я имею что-либо от торговцев — оно будет разделено моими четырьмя детьми — Падиу один из них“»¹⁴. Из завещания Реннефер следует, что немху не просто свободные люди, отличные от домашних рабов, а такие представители свободного населения Египта, которые характеризуются определенной связью с землей фараона, т.е. с государственной землей. Последнее естественно, так как именно на государственной, т.е. на «царской», земле и развивалось то привилегированное частное землевладение служилых людей, о котором сообщали рассмотренные нами записи текста А папируса Вильбура. В полном соответствии с данными этих записей «немху фараона» завещания Реннефер имели право наследственного распоряжения своим имуществом, включая землю. Как и охарактеризованные уже нами подчиненные (ограниченные) собственники государственной земли, люди немху имели право дарить и продавать свои частные земельные владения. Множество различных документов (прежде всего стел ливийско-саисского времени) сообщают об этом.

В различных музеях сохранилось довольно много стел, сообщающих о дарениях земли частными лицами. Большинство стел относятся к ливийско-саисскому времени (XXII–XXVI династии). Земля передается в дар, как правило, различным богам в целях обеспечения заупокойного ритуального обслуживания тех, кто дарит землю. Последние обычно являлись представителями высокопоставленных светско-жреческих кругов или даже членами царствующих ливийских династий. Как отметил И.М.Лурье, из известных ему 55 случаев частных земельных дарений 23 раза в качестве единственного дарителя в верхней части стелы изображен фараон, в 24 случаях подобное изображение заменяется выписыванием царских картушей, а на 7 стелах фараон представлен совместно с частным дарителем земли. На всех стелах, где присутствует фараон, он изображен протягивающим божеству предметы или знаки, символизирующие дарственный акт: цветы, хлеб, иероглиф поля. По мнению И.М.Лурье, все это говорит о том, что фараон выступал в документах стел не в качестве номинального дарителя, как полагали, например, Е.Иверсен, А.Гардинер и К.Базр, но как верховный собственник отчуждаемой земли¹⁵. С мнением И.М.Лурье можно согласиться. Если в ливийско-саисскую эпоху санкция фараона была необходима при совершении актов частных земельных дарений, то потому, что в это время, как и в предшествующие исторические периоды, фараон играл отнюдь не номинальную, но очень важную роль верховного собственника отчуждаемых частных наделов государственной земли.

¹⁴ Лурье И.М. Юридические документы по социально-экономической истории Египта в период Нового царства. — ВДИ. 1952, № 1, с. 224.

¹⁵ См.: Лурье И.М. Древнеегипетская плита с дарственной на землю. — Эпиграфика Востока. М.–Л., 1951, вып. V, с. 99–102, 105.

Сведения о продаже земли людьми немху содержатся в нескольких памятниках ливийско-саисского периода. Так, на стеле, поставленной Шешонком I, рассказывается об организации в Абидосе заупокойного культа ливийского правителя «машуашей» — сына или отца основателя XXII династии. Как показывает стела, для обеспечения его посмертных ритуальных нужд в Абидосе было учреждено довольно крупное частное владение, базировавшееся на двух купленных у немху (за 10 дебенов серебра) земельных массивах по 40 арур каждый. К сожалению, из надписи Шешонка I остается неясным, имело ли место «вхождение» купленных земель немху в государственный земельный фонд. Однако, по свидетельству других источников того же времени, «вхождение», несомненно, существовало и до и после акта купли-продажи земли.

В завещании Иуареча, оформленном как указ Амуна, отражена покупка за серебро у людей «немху этой страны» 556 арур «земли немху расчищенной», относящейся к категории земель «старых» или «уставших», и передача этих земель вместе с рабами и рабынями, колодцами, деревьями, крупным и мелким скотом в наследственное владение жрецу Амуна-Ра номарху Хаенуасету — сыну Иуареча и внуку фараона Осоркона III (XXIII династия). (Сам Иуареч был не только сыном фараона Осоркона III, но и первым жрецом Амуна-Ра, правителем Фиваиды и первым великим начальником войска Юга.) Поскольку и Иуареч, и его сын Хаенуасет в равной степени являлись жрецами Амуна-Ра, представителями XXIII династии и правителями Фиваиды, передача 556 арур земли одного другому не могла изменить статус этой земли. Что касается продавших землю людей «немху этой страны», у которых Иуареч купил ее, то данные завещания показывают, что эта земля и до и после продажи входила в государственный земельный фонд Фиваиды.

В завещании Иуареча в качестве продавцов земли выступают следующие лица: жрец Амуна, многочисленные воины, или «юноши», «поселянки», щитоносцы, гребец, начальник скота. Все они однотипны служилым частным владельцам земли «долевых» параграфов текста А папируса Вильбура. Проданные ими участки весьма различны по величине. Жрец Амуна Несухонс продал 236 арур, а общая площадь остальных проданных Иуаречу за серебро наделов составляла 320 арур, причем большая часть этого массива образовалась за счет участков, равных, например, 71, 69, 10, 37, 3, 45, 10, 1, 5, 15, 10, 2, 7, $\frac{4}{5}$ аруры. Бросается в глаза, что размеры наделов, проданных Иуаречу, в массе своей (за исключением четырех случаев) сопоставимы с размерами участков, зафиксированных в записях «долевых» параграфов текста А папируса Вильбура. Большинство наделов, купленных Иуаречем, характеризуется в его завещании лишь своей величиной, стоимостью, состоянием земли. И только о трех из приобретенных Иуаречем земельных владений (жреца Амуна Несухонса — 236 арур, «юноши» Джемутиуфанха — 71 арура и «юноши» Неси — 7 арур) сказано, что на них были колодцы и росли деревья. (На земле Несухонса находилось 1 колодец, 8 сикомор, 6 финиковых пальм; на земле Джемутиу-

фанха — 3 колодца, 3 сикоморы, 46 больших и малых финиковых пальм; на земле Неси — 1 колодец.) Несомненно, определенная часть земель Несухонса, Джемутиуфанха и Неси использовалась под садовые или огородные поливные культуры. На землях Несухонса и Джемутиуфанха произрастали рощи сикомор и финиковых пальм. Имелись ли садовые или огородные участки, сикоморы или финиковые пальмы у других немху, продавших Иуаречу свои земли, сказать трудно. Бесспорно, на землях, купленных Иуаречем, были пастбища для крупного и мелкого скота, упоминаемого во вводной и заключительной частях документа. Как свидетельствуют заключительные строки завещания (до заклатья нарушителей указа Амуна), в частных хозяйствах немху трудились рабы. Иуареч купил их в количестве 35 человек (мужчин и женщин) вместе с землей, колодцами, деревьями, крупным и мелким скотом, заплатив за 32 из них 15 дебенов и $1\frac{1}{3}$ кита серебра.

Все сказанное выше относится к хозяйствам немху — несомненно, частнособственническим, проданным Иуаречу за деньги. И тем не менее в рассматриваемом тексте имеются данные, показывающие, что и сами хозяйства, и земли, на которых они расположены, являлись подчиненной собственностью людей немху, существовавшей в рамках государственного земельного фонда. Так, уже в начальных строках завещания Иуареча обнаруживается, что составлено оно было от лица бога Амуна, единственного полноправного распорядителя купленных у немху владений, а сами эти владения до покупки их Иуаречем не были обособлены, распределены между землями дома Амуна и «владением земли фараона».

Что касается статуса этих земель после покупки их Иуаречем, то он не изменился, поскольку и после того, как эти земли образовали крупное частное земельное владение потомков фараона Осоркона III (сначала Иуареча, а потом Хаенуасета), они продолжали оставаться в рамках фиванского государственного (царско-храмового) хозяйства. О последнем сообщает та строка завещания Иуареча, в которой указывается, что купленные у людей немху земли были занесены в записи, находящиеся у управителей дома Амуна. Следовательно, так называемое «обособление» земель Иуареча, осуществленное после их покупки у многочисленных людей немху, не означало выход этих земель из состава государственного (царско-храмового) земельного комплекса Фиваиды, а предполагало прежде всего установление границ нового крупного частного земельного владения и точную фиксацию условий, при которых это владение было приобретено Иуаречем.

Особо следует отметить, что в рассматриваемом документе Иуареч, хотя он и был сыном царя и первым жрецом Амуна, т.е. главой фиванского жречества, выступает как частное лицо, как подчиненный (ограниченный) земельный собственник, подобный тем немху, у которых он купил 556 арур земли. Кстати сказать, владение одного из этих немху — жреца Амуна Несухонса, продавшего 236 арур, не так уж сильно отличается по размерам от владений Иуареча. И Иуареч, и Несухонс были крупными

(ограниченными) собственниками государственной (царско-храмовой) земли Фиваиды. Если один из них (Несухонс) при этом назывался «человеком немху», то это только доказывает, что понятия «подчиненный (ограниченный) земельный собственник» и «немху» были практически адекватны. Вероятно, понятие «немху» распространялось и на тех частных служилых землевладельцев, которые распоряжались своими наделами государственной земли на правах условных (прекарных) землепользователей. Ряд присущих последним признаков (в частности, самостоятельность в отношении налоговых обязательств перед казной) позволяет думать, что и они считались людьми немху. По всей вероятности, по мере превращения частного условного служилого землепользования в частную подчиненную (ограниченную) земельную собственность на государственной земле среди людей немху подобные частные (ограниченные) земельные собственники стали превалировать. В особенности это было, по-видимому, характерно для позднего ливийско-саисского времени.

Уместно теперь поставить вопрос: почему и каким образом слово «немху», появившееся еще в эпоху Среднего царства и первоначально обозначавшее (по своему буквальному смыслу) людей «малых», «слабых», в эпоху Нового царства и позднее стало использоваться прежде всего как социальный термин, характеризующий вполне определенную категорию привилегированных частных служилых землевладельцев, членов господствующего общественного класса государственных должностных лиц, а в некоторых документах и как наименование свободных людей в отличие от рабов? Нельзя ли, анализируя значение термина «немху» в историческом плане, понять особенности происхождения и социального положения значительной прослойки древнеегипетского общества? Как известно, Большой египетский словарь А.Эрмана–Г.Грапова предлагает такие переводы слова «немху», которые никак не соответствуют его употреблению в уже рассмотренных нами текстах. Согласно этому словарю, существительное «немху» соответствует понятиям: «бедняк», «малый», «человек низкого положения», «горожанин», «сирота», «сиротство», «горожанка», а глагол «немх» означает: «быть бедным», «быть телесно слабым», «работать на кого-либо», «быть сиротой», «овдоветь». Совершенно очевидно, что все перечисленные выше значения слова никак не могут объяснить, почему частные, несомненно, привилегированные землевладельцы в эпоху Нового царства и позднее стали именоваться «людьми немху». Слово «немх» или «немху», бесспорно, постепенно приобрело специфический социальный смысл, далеко ушедший от его первоначального значения. Как показал на конкретных примерах И.М.Лурье, данный термин претерпевал историческую эволюцию, пройдя путь от синонима понятия «бедняки», «сироты» до обозначения (в особенности начиная с царствования Эхнатона) служилых людей, разбогатевших на государственной службе благодаря покровительству фараона. И.М.Лурье полагал, что слово «немху» было названием одного из классов-сословий свободного населения древнего Египта, о котором можно сказать, что этот класс-сословие образовался за

счет вхождения в него людей, потерявших связь с общиной, именно поэтому немху — человек, вышедший из общины и как бы осиротевший¹⁶. О.Д.Берлев, ссылаясь на указ фараона Яхмоса I о покупке для царицы, названной «немхит», должности жреца-пророка Амуна, настаивает на том, что немху — это люди, лишённые доходных должностей, доходов¹⁷. С обеими трактовками эволюции значения термина «немху» нам трудно согласиться. Людей немху, как свидетельствуют начиная с эпохи Нового царства многочисленные документы, несомненно, привилегированных членов общества, наделённых не только землей, но и служебными должностями, имуществом и разнообразными доходами, имевших рабов и другие ценности, невозможно, конечно, трактовать как лиц, лишённых «доходных должностей, доходов». В то же время о древнеегипетской сельской общине источники почти ничего не сообщают, и потому очень рискованно, исходя из чисто умозрительных предположений, делать далеко идущие социальные выводы. Скорее всего, служилые люди немху назывались так (т.е. букв. «малыми», «сиротами») потому, что в системе огромного государственного (царско-храмового) хозяйства, с точки зрения государственной администрации, они как части или «винтики» государственного хозяйственного механизма действительно были его весьма слабыми членами, его «малыми» или «сиротами». В этом, по-видимому, заключался внутренний смысл употребления термина «немху» и во времена Эхнатона, когда данным словом стали обозначать новых администраторов, выдвинутых и облагодетельствованных фараоном-реформатором. Существование таких людей было связано с государственной службой, государственным хозяйством и государственным земельным комплексом, что определило коренное социальное переосмысление термина «немху», начавшего использоваться для наименования привилегированных частных землевладельцев — представителей господствующего общественного класса, должностных лиц древнеегипетского государства времени фараонов.

¹⁶ См.: Лурье И.М. Немху в Египте Нового царства, с. 11.

¹⁷ См.: Берлев О.Д. Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М., 1972, с. 188.

Египетское государство в VII–IV вв. до н.э.

Ассирийское господство привело к усилению в политической жизни страны Верхнего Египта, его администрации и политических институтов. Вместе с тем на Севере продолжали существовать государственные институты столицы, г. Саиса, и его администрация. После во многом формального подчинения ассирийцами Египта существенных проблем между Севером и Югом не возникало. Нижний Египет осуществлял политическое руководство страной. В конце правления ассирийцев именно здесь выдвинулся на политическую арену будущий основатель XXVI (саисской) династии Псамметих I. Он чрезвычайно мудро сумел использовать борьбу многочисленных номов Дельты за гегемонию, притязания быстро слабеющей Ассирии, а также ставил и успешно решал свои собственные задачи. Основная из них заключалась в восстановлении власти египетских фараонов. Дело в том, что на Юге, в Фивах, сугубо номинально продолжал править Танутамон, считавшийся царем страны до 656 г. до н.э. Псамметих же, находясь в Саисе, отсчитывал годы своего правления с того времени, когда он стал считать Египет независимым от Ассирии, ее царя Ашшурбанапала и ассирийских военных гарнизонов. Ашшурбанапал вторгся в Египет в 667 г. до н.э. Спустя три года Псамметих основывает свою собственную династию, которой в Манефоновском списке было суждено стать XXVI (саисской).

Египетское государство начала правления саисских фараонов было чрезвычайно слабым. Общегосударственные институты на деле не функционировали. Центральную власть также еще предстояло воссоздать. В это время в государственной жизни главную роль играют различные военно-политические группировки и даже отдельные отряды наемников. «Цикл сказаний о царе Петубасте» служит прекрасной иллюстрацией политической анархии в стране и развала всего ее государственного механизма.

Псамметих был чрезвычайно энергичным и дальновидным правителем. Вначале он не мог открыто выступить против внешних врагов Египта. Он был верным ставленником ассирийцев на Севере в противовес Югу, где власть захватчиков была номинальной после ухода из страны основных войск Ашшурбанапала. Реальными правителями здесь являлись высшие жрецы храма Амона Фиванского, которых возглавляла «божья супруга

Амона» Шепенупет II, дочь Тахарки (690–664 гг. до н.э.), предпоследнего фараона XXV династии.

В своих текстах Псамметих I ведет отсчет годам своего правления в качестве «царя Верхнего и Нижнего Египта, владыки Обеих Земель Уахибра» начиная с 664 г. до н.э., последнего года правления Тахарки. Пролетарствовал же Псамметих I 54 года, до 609 г. до н.э. Очень долгое правление основателя саисской династии было ознаменовано рядом важных последствий для Египта. Все исследователи справедливо говорят о саисском ренессансе, который начался со времени Псамметиха I. Прежде всего это выразилось в возрождении египетской самостоятельности, восстановлении прежней мощи государства на международной арене, в дальнейшем развитии социально-экономических институтов.

Основатель XXVI династии провел в стране ряд по существу реформаторских мероприятий. Он создал мощную армию, которая изгнала из страны непобедимых прежде ассирийцев, нанеся им ряд поражений на севере страны и далее за ее пределами. Возрождена была прежняя традиционная сила египетского флота, а «руководитель портов и кораблей» Сематауитефнахт стал ближайшим сподвижником фараона на Юге. Наряду с должностью «руководителя портов» Сематауитефнахт занимал посты «управителя Верхнего Египта, областного князя (Фиванской области), руководителя Палаты, князя Краев восточных, городского князя Гелиополя, начальника экипажа царских судов, первого жреца-пророка Харсафеса». Это высшие гражданские и военные государственные должности. Подобных примеров египетская история VII–IV вв. до н.э. знает немного. Причем должность «управителя Верхнего Египта» в середине VII в. до н.э. заменяла должность визиря. Дело в том, что предшественник Сематауитефнахта, Монтемхат, еще при Танутамоне являлся «визирем, управителем Верхнего Египта, руководителем портов и кораблей, управителем чужеземцев (т.е. наемников), управителем врат чужеземных, четвертым жрецом-пророком Амона (Фиванского), городским князем Фив, управителем князей городских (страны), первым жрецом-пророком Амонрасонтера, начальником жрецов Юга, главным служителем „божьей супруги Амона“»¹ *.

Монтемхат и Сематауитефнахт не просто поддерживали Псамметиха I на Юге. Они были активными проводниками политики фараона. Монтемхат, в частности, будучи «управителем чужеземцев», с оружием в руках встал на сторону Псамметиха. «Чужеземцы» — это ливийцы и эфиопы. Они при последних правителях XXV династии составляли вместе с египтянами, а также с «сирийцами» и «азиатами» основу египетской армии. Греки также начинают служить Египту при Псамметихе I.

Взаимоотношения египетского государства с наемниками были не менее, а во многом и более сложными, чем, например, взаимоотношения

¹ Все основные должности чиновников представлены в надписи на стеле CM 38064.

* CM 38064 — Catalogue général du Musée du Caire (*Legrain G. Statues et statuettes de rois et de particuliers*. T. III. Le Caire, 1914). — *Oms. ped.*

греческих полисов или различных частей Персидской державы с греческими наемниками. Впрочем, в качестве наемников в Персидской державе служили и египтяне. Наемничество же в Египте к VII в. до н.э. насчитывало не одну сотню лет истории. Наемники, правда в ограниченном числе, служили при дворе фараонов Нового царства. В Позднее время наемников стало гораздо больше. Те цифры, которые Геродот приводит о египетских военных, живших в различных областях Севера и Юга в V в. до н.э. (Herod. II, 165–166; ср.: Herod. II, 141; I, 73–74), хотя «отец истории» и не говорит при этом о наемниках, должны были непременно иметь их в виду. Иначе совершенно непонятно, почему военные-египтяне информаторами Геродота учитывались, а военные-неегиптяне не принимались во внимание. Поэтому вполне логично гермотибиев Геродота считать наемниками, а каласириев — египетскими воинами. Оба названия являются в своей основе народными, демотическими обозначениями (возможно, разговорными) частей египетской армии.

Данные о наемниках ранее VII в. до н.э. довольно редки. Отношение к ним государства достаточно неопределенно. При саисских правителях наемники упоминаются постоянно. Роль их в это время увеличилась, а то и вообще была решающей. Это было прежде всего из-за того, что наемникам приходилось больше и чаще сражаться за своих египетских покровителей, отрабатывать плату. Поэтому демотическая традиция и стала называть их «людьми платы», в то время как каласирии обозначали, примерно, «герои»² *.

Примеров действий наемников довольно много от времени Априя. Причем и Априй, и его противник Амасис, будущий фараон, сражались друг с другом не без их помощи на суше и на воде, на Ниле. В надписи 3-го года правления Амасиса представлены эти данные, в том числе и о боевых действиях наемников-греков между собой (Stel. Amas.)³. Из текста следует, что без поддержки наемников-греков Амасису скорее всего не удалось бы одержать победу над войсками законного египетского фараона. Априй же в значительной степени пал жертвой таких действий. Настоящий вывод расходился и со свидетельствами Геродота (Herod. II, 161–169). «Отец истории» говорит о наличии в египетской армии постоянного войска из наемников. Ожесточенное сопротивление последнего имело место при вторжении в Египет персидских войск в 525 г. до н.э. Согласно Геродоту, сопротивление греков было таким сильным потому, что их предал один из командиров, Фанес. Он якобы перебежал к персам,

² Устное сообщение А.Г.Сушевского.

* В работе А.Г.Сушевского «Возможность объяснения термина „каласирий“ на материале двух демотических папирусов (pap. Spiegelberg, pap. Krall)» (Древний и Средневековый Восток. Ч. I. М., 1988, с. 90–97) значение термина уточнено — «богатыри». — *Отв. ред.*

³ Stel. Amas. — *Dareddy G. Stèle de l'an III d'Amasis. — Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes.* P., 1900, t. 22, p. 1–9. (Здесь и далее в примечаниях со звездочкой описаны издания, в которых опубликованы источники, упоминаемые автором. — *Отв. ред.*).

готовым сразиться с греками (Herod. III, 4, 11). Но он мог оказаться перебежчиком и к грекам, служившим в войске у персов.

К VII в. до н.э. египетская армия стала постоянной и высокопрофессиональной. Именно в такой армии нуждалось египетское государство в бурных событиях VII–IV вв. до н.э. И дело здесь не только в том, что оно опиралось на постоянное войско из наемников-гермотибиев, сменивших эфиопов и ливийцев прежней эпохи. И другая ее часть, демотические каласирии, также стали профессиональной и постоянной частью египетской армии, военного сословия — в целом. Военные, по Геродоту, получали в это время за свою службу необлагаемую налогом землю (Herod. II, 168). Они стали представлять определенную социальную группу египетского общества, которую всячески поддерживали правящие верхи во главе с фараоном. События первых лет правления Амасиса и история его прихода к власти служат очень ярким тому примером. В связи с этим к саисскому времени принципиально изменились и основные принципы комплектования армии.

Профессиональное ядро имелось в египетской армии и в эпоху Нового царства, и ранее. Основной же ее частью тогда был временный контингент, представлявший, по существу, ополчение. Трудовое население Египта на определенное время переводилось в военных, а из военных вновь, например, в земледельцев⁴. Достаточно хорошо известно о такой практике из Pap. Bologna 1086^{*5}.

В VII–IV вв. до н.э. действуют не только каласирии и гермотибии. Из иероглифики известны «воины-уау», «военные-меша», «воины-анху» (в том числе храмовые), «воины-нефру» и «воины-джаму», а из демотики известны «люди-кенкен» и «храмовые каласирии». Возможно, о египтянине саисского и постсаисского времени какой-нибудь текст и мог бы сказать, что его «отдали в воины». Но никто в это время не мог бы повелеть, чтобы египтянина «отдали бы в каласирии». Этого не могло быть по той причине, что статус такого египтянина стал бы на целый порядок выше его прежнего общественного и профессионального статуса. Такой приказ звучал бы так же дико, как повеление перевести кого-либо в писцы. По изложенным выше причинам не мог египтянин перейти и в разряд гермотибиев.

О полном завершении процесса оформления военного сословия в Египте в саисскую эпоху имеются свидетельства иного рода. В колонке С «Демотической хроники» кратко пересказывается содержание государственного «декрета» Дария I, направленного «своему сатрапу на 4-м году правления» (Pap. Bibl. Nat. 215, с. 9)^{*6}. Приказ касался сбора всех государственных законов страны, начиная от 44-го года правления Амасиса. С этой целью особую комиссию должны были составить «мудрецы из

⁴ См.: Богословский Е.С. Древнеегипетские мастера. М., 1983, с. 271–273.

^{*5} Pap. Bologna 1086 — Lincke A. Correspondenzen aus der Zeit der Ramessiden. Zwei hieratische Papyri des Museo Civico zu Bologna. Lpz., 1878, S. 10–11.

^{*6} Pap. Bibl. Nat. 215 — Spiegelberg W. Die sogenannte Demotische Chronik des Pap. 215 der Bibliothèque Nationale zu Paris. — Demotische Studien. Lpz., 1914, H. 7.

воинов, жрецов и писцов Египта» (Pap. Bibl. Nat. 215, с. 6–7). Приказ Дария I не только имел целью охватить все египетское право, существовавшее к концу саисской династии. Таковой была бы его оценка в узком смысле слова, на что и обратил внимание Диодор, помещая Дария в число законодателей древнего Египта (Diod. I, 94–95). В широком же смысле слова речь шла, по-видимому, о попытке контроля со стороны государства (еще до установления персидского господства) правовой деятельности представителей военного сословия. Настоящий вывод следует из указания «Демотической хроники» на наличие у различных сословий египетского общества, в том числе и у военных, своих собственных, сословных правовых уложений и руководств. Находка «Демотического правового свода» из Западного Гермополя подтверждает существование таких частных правовых уложений. В таких текстах и собраниях текстов разнообразного характера и должны были быть сведущими те самые «мудрецы», о которых говорится в «Демотической хронике».

Египетское государство в лице своих правителей стремилось постоянно контролировать деятельность храмов, которые являлись крупнейшими собственниками земельных и людских ресурсов страны. Формы контроля были экономическими, политическими, религиозными. В этой сфере взаимоотношений государства с храмами отчетливо прослеживается преемственность традиций на протяжении VII–IV вв. до н.э. В это время чиновники государственного ранга постоянно владели разнообразными жреческими должностями и титулами, причем не обязательно из числа главных, среднего же уровня — как правило. Разумеется, такая практика давала возможность верхушке египетского общества дополнительно обогащаться. К концу VI в. до н.э. оформились своеобразные представления относительно принадлежности фараону пятой части всех ежегодных храмовых доходов. Эти данные сохранились в демотическом Pap. Ryl. IX (1, 3)⁷. Здесь представлена следующая ситуация. Завоевав Египет, персы со временем выяснили, что 20% своих доходов египетские храмы в виде ежегодного государственного налога выплачивали в государственную (царскую) сокровищницу. В саисское время положение дел с этими выплатами было в высшей степени запутанным из-за внутривосточной ситуации в стране. Видимо, не все храмы страны и далеко не регулярно делали такие выплаты. Но начиная примерно с 15-го года правления Амасиса, с началом его государственных реформ (ок. 555 г. до н.э.), выплаты должны были стать регулярными. В этом Амасис едва ли вводил новую практику, но опирался на давние традиции развития египетского государственного сектора экономики. Персы же восприняли настоящую практику так, как будто она существовала все время до них и считали настоящую «долю фараона» принадлежащей сатрапу, поскольку именно он представлял царя в завоеванной стране.

⁷ Pap. Ryl. IX — *Griffith F. Catalogue of the Demotic Papyri in the John Rylands Library. Vol. 1–3. Manchester, 1909.*

Как мы уже отметили, из данных «Демотической хроники» следует, что и жрецы располагали своими собственными правовыми уложениями. Государство же со своей стороны правовую деятельность храмов также стремилось контролировать. Это видно при рассмотрении деятельности суда и при разборе судебных дел и принятия «справедливых решений». Этот термин, как и понятия «применить право (закон) по отношению к кому-либо» (Legal code VII, 28)⁸ и «выносить судебное решение» (Legal code VII, 32), содержится в «Демотическом правовом своде». Суд, судьи и «судебные решения» являлись важными гарантами правосудия, шла ли речь о городе и городском суде, суде округа, а также о храмовом или о царском суде.

Проблема взаимоотношений государства с храмами в течение саисской эпохи всегда была весьма актуальной. Только ко времени правления Амасиса наметилась достаточно определенная система во взаимоотношениях. Это стало результатом реформаторской деятельности фараона, в частности, согласно Геродоту, благодаря введению Амасисом ежегодного подушного налога (Herod. II, 172–177). Диодор же подчеркивает, что Амасис осуществил реформы административного характера, в том числе определил систему управления различными областями государства (Diod. I, 95). Эти данные античных авторов соответствуют сведениям египетских текстов (Louvre A 93⁹; Louvre 330¹⁰).

В социально-экономической и внутривластной практике всей саисской эпохи чрезвычайно важным являлся институт «божьих хвалительниц», или «божьих супругов», — руководительниц фиванского жречества, в роли которых выступали сначала дочери и сестры эфиопских фараонов, а позднее родственницы фараонов саисской династии. Этот институт возник как одна из форм борьбы за экономическое и политическое единство страны и против чужеземного господства. Просуществовал он вплоть до персидского завоевания. Последней «божьей хвалительницей» была дочь Амасиса Анхнеснеферибра¹¹ (Chicago, Or. Inst. 10584)¹². При персах и позднее мы не имеем никаких свидетельств существования подобной практики во внутренней жизни страны. Завоеватели ни с кем не собирались делить храмовые доходы. И высшее жречество различных египетских храмов, в том числе храмов Нейт, Атума Гелиопольского, Амона, Ра, Птаха, Осириса Абидосского, стремилось к тому, чтобы прочнее прибрать

⁸ Legal code — *Mattha G.* The Demotic Legal Code of Hermopolis West. — *Institute Français d'Archéologie Orientale. Le Caire, 1975.*

⁹ Louvre A 93 — *Jélinkova-Reymond E.* Quelques recherches sur les réformes d'Amasis. — *ASAE. 1956–1957, t. 54, p. 276–277.*

¹⁰ Louvre 330 — *Posener G.* La première domination perse en Egypte. *Recueil d'inscriptions hiéroglyphiques. Le Caire, 1936, p. 46–47.*

¹¹ См.: *Богословский Е.С.* Фактор государства в структурообразовании египетского государства второй половины II тысячелетия до н.э. — *Государство и социальные структуры на древнем Востоке. М., 1989, с. 118.*

¹² Chicago, Or. Inst. 10584 — *Meulenaere H. de.* La famille du roi Amasis. — *JEA. 1968, vol. 54, pl. XXIX, 2, 3, p. 186.*

к рукам «долю фараона». Там, где это происходило, тем самым ликвидировался институт «божьих хвалительниц», или «божьих супругов», явный религиозный и политический анахронизм, доставшийся государству от предшествующей эпохи чужеземного правления в стране ливийцев и эфиопов. Об отношении персидских правителей к храмам, об их внутренней политике свидетельствуют так называемый декрет Камбиза о храмах, данные о котором сохранились в столбце *D* текста «Демотической хроники»¹³. Но персы, в частности Камбиз, ничего в государственной политике по отношению к египетским храмам не изобрели. Они довели до логического завершения все те реформаторские мероприятия, которые начал основатель саисской династии Псамметих I и которые были затем продолжены Амасисом.

Примечательно, что среди известных письменных памятников VII–IV вв. до н.э., за исключением текстов, датирующихся временем правления фараонов XXX династии, нет объемных списков с перечнем новых даров, доходов, различных привилегий храмам. Однако царские декреты Нектанеба I и Нектанеба II — памятники, представляющие уже иной этап взаимоотношений государства и храмов, предэллинистический. Для рассматриваемого же времени характерны отдельные пожертвования крупных государственных чиновников и масштабные реформаторские действия, совершаемые в отношении отдельных египетских храмов и целых областей с ведома и по поручению фараона. Дарения при этом выглядят вовсе не главным актом в системе контактов государства с храмами¹⁴. Эта система отражает новые взаимоотношения храмов и государства, где переплетены экономические и политические цели. Рассмотрим наиболее характерные свидетельства источников.

На 4-м году своего правления (585 г. до н.э.) Априй приказал своему чиновнику Несухору осуществить следующие мероприятия: «Дать поселение Пагерегбанебджед вблизи города Небуат, который вблизи города Такахет-Чебу, вместе с 1600 арурами пашни в области его, вместе с людьми его (т.е. принадлежащими поселению), всем крупным рогатым скотом его, всем имуществом его в селении и в городе, вместе с двумя гусями — (дополнительно и) ежедневно, причем будут они [добавлены] к 240 гусям и к довольствию их, выходящему из поселения этого, ячменя 2000 [мешков-хару] и 12 (?) — ежегодно, выходящих из поселения этого, 1 хин вина, ежедневно доставляемого из Кенемет (оазис Эль-Харга), из сада Несухора, который там (в оазисе), для божьей жертвы отцу его Ба, владыке Мендеса, бога наибольшего, да живет он!, — сверх бывшего там прежде из желания своего сделать божью жертву для отца своего Ба, владыки Мендеса, бога наибольшего, да живет он вечно! Приказал Его Величество дать 200 хлебов ежедневно... [2 ?] хин вина ежедневно... (текст не

¹³ Meulenaere H. de. La famille du roi Amasis. — JEA. 1968, vol. 54, с. 187; Vittman G. Die Familie der saïtischen Könige. — *Orientalia*. 1975, vol. 44, p. 382.

¹⁴ Подробнее об этом см.: Эдаков А.В. Реформы Амасиса и их судьба в позднесаисское время. — ВДИ. 1988, № 1, с. 112–126.

сохранился)... к божьей жертве Апису-Осирису 1 гуся ежедневно (?) в течение 5 лет... к божьей жертве Апису-Осирису, находящемуся в храме... Несухором, имя его доброе Псамметихменехиб, сыном Иуефру, в качестве божьей жертвы там, сделанной им. Да будет дана ему жизнь!» (Ny Carlsb. Glyptothek A 759, 2–11)^{*15}. Тот же Несухор в другой надписи времени Априя назван имеющим «высокую должность управителя врат чужеземных Юга» (Louvre A 90)^{*16}, а ранее в надписи времени Псамметиха II он назван занимавшим должность «управителя врат чужеземных Зелени Великой» (Государственный Эрмитаж, № 2962).

Из содержания надписи на статуэтке Ny Carlsb. Glyptothek A 759 следует, что один из крупнейших чиновников государства Несухор действует прежде всего по приказу царя. Но из своего сада он жертвует храму «Ба, владыки Мендеса» около 200 л вина — ежегодно. Общая же сумма даримого имущества не выглядит чрезвычайной: пашня с трудовым населением, ячмень, гуси, хлебы, вино. Мендес был расположен в Дельте. Чиновник же, видимо, на 4-м году правления Априя еще не был переведен на Юг, но должен был возглавлять одно из важнейших государственных ведомств Севера. Иначе, если бы он возглавлял южное ведомство, его деятельность на Севере едва ли имела бы смысл. Руководя же государственными постами, крепостями, чиновниками, в ведении которых находились вопросы взаимодействий с чужеземцами и разнообразными торговыми караванами, Несухор одновременно имел определенные контакты и с крупнейшими храмами региона, вступал с ними в различного рода связи. Характер последних определялся необходимостью контроля государством за всеми сторонами активности храмов. Следует при этом подчеркнуть принципиально новый уровень и новые формы контроля.

Сам Априй на 13-м году правления (576 г. до н.э.) осуществил дарение целой «округи вблизи Хуткаптаха» (т.е. Мемфиса), среди «Потока большого», к божьей жертве (т.е. имению) отца своего «Птаха — К югу-от-стены его», владыки Мемфиса (Apt. Mitr. 3–4)^{*17}. Дарение округи царем расширило храмовое имение главного бога Мемфиса и, следует полагать, позволило Априю при необходимости контролировать различные стороны деятельности этого крупного храма страны.

Новый характер взаимоотношений государства с храмами, который имел место накануне реформ Амасиса, нашел отражение в надписи на статуе Louvre A 93. Здесь «великий управитель» (царского) хозяйства, руководитель дворца, великий врачеватель, управитель Дома серебра (сокровищницы страны) и Дома золота Паефчаунит, сын Сасозека по приказу Амасиса осуществляет обширнейший комплекс социально-экономи-

^{*15} Ny Carlsb. Glyptothek A 759 — Kees H. Die Kopenhagener Schenkungsstele aus der Zeit des Apries. — ZÄS. 1936, Bd. 72, S. 40–52.

^{*16} Louvre A 90 — Maspero G. Notes sur quelques points de grammaire et d'histoire. — ZÄS. 1884, Bd. 22, S. 88–89.

^{*17} Apt. Mitr. — Drioton E. Une stèle de donation de l'an XIII d'Apriès. — ASAE. 1939, t. 39, p. 121–125.

ческих мероприятий в пользу храмов г. Абидоса, прежде всего в пользу храма Осириса-Хентиименти. Осуществляя многие мероприятия: дарение земли с зависимым населением, сооружение нового храма, разбивку сада, сооружение канала, обновление «Дома жизни» и т.д., один из крупнейших чиновников страны подчеркивает и следующие свои действия, направленные на обеспечение правопорядка в Абидосской области и правовой защиты, которую он гарантировал со стороны государства Абидосской области и ее жителям. Он говорит: «Срубил я божью ладью из кедра, которую нашел я сделанной из акации. Задавил я правонарушение области Абидосской и охранил я область Абидосскую всю. Защитил я людей ее всех. Дал я имущество, исходящее из Нагорья области Абидосской, во двор бога, которое нашел я у князя местного, из желания похоронить горожан Абидоса. Дал я барку-мехнет области Абидосской во двор бога, которую отнял я у князя местного...» (Louvre A 93, 7–9).

Комментаторы настоящей части надписи (Louvre A 93) полагали, что в Абидосском номе происходили значительные волнения и правонарушения различного вида, касавшиеся караванных путей (проходивших через пустыни к оазисам)¹⁸. Но Паефчауанит сообщает не столько об этом, сколько о государственной политике нового направления: о ликвидации привилегий (и — соответственно — злоупотреблений властью) узкой кучки местных «князей» городского и областного ранга. На первое место выдвигается достаточно широкая масса средних слоев города, «горожан (царских)». Для них и в их интересах все захваченное было отобрано и у храма, и у горожан, специальным царским посланцем было отобрано у номарха и возвращено законным владельцам, в том числе «из желания похоронить», т.е. со значительным сокращением расходов и при снижении расценок на погребальные обряды.

В надписи на стеле Мемфисского Серапеума «носитель (царского) лука, руководитель войска доблестного (воинами избранными)» Йахмес, сын Таиуенхеру, крупный царедворец и военачальник фараона Амасиса, рассказывает следующее. Он обнародовал царский приказ «идти посланцам в Верхний Египет, подобно тому же, как и в Нижний Египет, велел, чтобы пришли князья всякие городов и областей с дарениями своими в Палату Уабет твою (Аписа)» (SIM 4017, 5–6)¹⁹. Сам военачальник при этом участвовал в пополнении храма Аписа в Мемфисе крупными пожертвованиями, но основными жертвователями все же являлись главы местной администрации, верхушка местной знати.

Сущность настоящих мероприятий становится понятнее при анализе данных автобиографической надписи на наофорной статуэтке «руководителя Дворца, начальника морских судов царя, писца и наставника писцов, великого врачеванием» Уджагорресента. События, о которых сообщает

¹⁸ См. краткий очерк общих тенденций развития: Kienitz Fr.-K. Die politische Geschichte Ägyptens vom 7. bis zum 4. Jahrhundert vor der Zeitwende. B., 1953, S. 48–54, 122–126.

¹⁹ SIM 4017 — Vercoutter I. Textes biographiques du Sérapéum de Memphis. P., 1962, p. 59–64.

вельможа, имели место не в середине VI в. до н.э., а несколько позднее, около 525–524 гг. до н.э., в начале персидского господства.

Рисуя ситуацию, которая сложилась в стране к последней четверти VI в. до н.э., Уджагорресент резко противопоставляет ее тем благодеяниям, которые он сам, а также персидский царь Камбиз сделали для египетского государства. Вместе с тем надпись Naoph. Vat. 113 [158]²⁰ содержит сведения о социальной политике, которая по сравнению с политикой саисских правителей едва ли была существенно изменена, но, обретя некоторые дополнительные стимулы, получила определенные уточнения в своей направленности.

Уджагорресент дважды говорит о своем личном участии в событиях накануне и в начале персидского господства. Первый раз он подчеркивает: «Я — муж добрый в городе своем, спас людей его (горожан) в нешен большом весьма, случившемся в Земле всей, причем не случилось подобия его в Земле этой. Защищал я слабого от руки сильного... Делал я для них благое всякое, ибо было это время делания для них» (Naoph. Vat. 113 [158], 33–36). Второй отрывок: «Сотворил я погребение доброе не имевшему погребения, снабжал я средствами к жизни детей их всех, установил я дома их все, сотворил я благое для них всякое, подобно тому, как делает отец для сына своего, когда нешен случился в области этой среди нешен большого весьма, случившегося в Земле всей» (Naoph. Vat. 113 [158], 39–42).

Мероприятия Уджагорресента были связаны и со всей политикой вельможи и со стоявшими за ним силами.

Едва ли имеется необходимость подробно рассматривать каждую попытку перевода термина «нешен/нешен большое весьма». Их много в литературе и, как правило, они слабо аргументированы²¹. Основной причиной этого является, на наш взгляд, то, что термин воспринимается вне контекста государственно-политических событий, начавшихся в стране еще в середине VI в. до н.э. и вне связи с социальной политикой египетского государства. Приведенные отрывки надписи Уджагорресента весьма сильно схожи по своему содержанию со свидетельствами современников Амасиса.

Наряду с общими фразами и положениями, которые являются стандартными в египетских авто- и биографических надписях, в отрывках проведена основная мысль: чиновник государственного ранга и особа, весьма приближенная к завоевателю Камбизу (а затем — и к Дарию I), определенную часть своих мероприятий проводил в пользу жителей своего города — г. Саиса, в пользу «горожан — njw.tj.w», сам будучи при этом «мужем добрым в городе своем». Чиновник и «горожане» представляли

²⁰ Naoph. Vat. 113 [158] — Posener G. La première domination perse en Egypte. Institut Français d'Archéologie Orientale. Bibliothèque d'Étude. T. 11. Le Caire, 1936, p. 1–26.

²¹ В «Демотическом правовом своде» настоящее понятие приобретает устойчивое значение «обеспечение», «обеспечивать всем необходимым: жильем, пропитанием, одеждой». Lloyd A. The Inscription of Udjahorresnet: A Collaborator's Testament. — JEA. 1982, vol. 68, p. 166–180.

очень важную категорию египетского населения, египетского общества, которая играла заметную роль в событиях египетской истории всех ее периодов. В эпоху Среднего царства, например, она составляла основной костяк военного ополчения²². В надписи на стеле 3-го года Амасиса «горожане (царские)» поддерживали Амасиса, будущего фараона, в борьбе против прежнего царя, Априя. Тем самым они оказали существенную (а вместе с греческими наемниками — решающую) помощь Амасису. Они, однако, не принимали прямого участия в сражениях, но их позицию по достоинству оценил Амасис (Stel. Amas. 8–9). Важно при этом обратить внимание на следующее. В течение саисского периода (видимо, постепенно) сложились определенные представления о том, что правительственная, т.е. царем в конечном счете, поддержка горожан имела своим результатом и ответную поддержку верхушкой городского населения, средними слоями города, наиболее многочисленной и достаточно состоятельной торговой и ремесленной частью египетского общества, внутренней политики царя, всех его государственных начинаний.

Уджагорресент и его государственная политика не были забыты «горожанами (царскими)» даже спустя 177 лет после его смерти. В память о деяниях вельможи и о нем самом неким Именирудитесом в одном из храмов Мемфиса была установлена поминальная стела.

Другой крупный вельможа, о котором шла речь выше, Несухор Псамметихменехиб, сын Иуефру, в обоих своих больших биографических текстах призывает соответственно «горожан — njw.tj.w» (Louvre A 90, 5) и «соратников — hnw.w» (Ny Carlsb. Glyptothek A 759, 9) помянуть свое имя. Данные о «соратниках» имеются в надписи на стеле 3-го года Амасиса. Здесь мы читаем: «Приказал он (Амасис) соратникам своим... и сделали это те, которые на стороне его» (Stel. Amas., 5–6) (о значении термина см.: Wb. 2, 494, 2²³). Это данные и социальная характеристика ближайшего (в указанном случае — боевого) окружения царя, той группы его сторонников, кто бок о бок с ним, защищая и помогая ему, сражается против другого царя, Априя. Их другое, образное определение — «друзья-семеры царские из людей деловых» (Stel. Amas. 5). Все они были собраны для слушания царского приказа о начале боевых действий против Априя и всем им была изложена государственная программа будущего фараона, обещаны льготы, царская (в будущем) поддержка. На наш взгляд, весьма определенные сведения о том же излагаются Геродотом (Herod. II, 162–178). В главах, посвященных Амасису, особенно в первой из них (Herod. II, 162), рассказывающей о его коронации, речь идет об изложении Амасисом своей программы, а также о действиях его ближайших сподвижников, «соратников». Никто кроме них не мог позволить себе возложение боевого шлема-короны на голову будущего царя. Нельзя настоящий акт

²² Берлев О.Д. Египетский военный флот в эпоху Среднего царства. — Палестинский сборник. М., 1967, вып. 17 (80), с. 6–20.

²³ Wb 2, 494, 2 — Erman A., Grapow H. Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Bd. 1–5. B., 1955, Bd. 2, S. 494, 2.

рассматривать и как своеобразную вольность. Рассказ же Геродота является далеко не анекдотическим. Исходя из последующих глав второй книги Геродота, где говорится о военном сословии страны, можно заключить, что в числе ближайших сподвижников Амасиса находились военачальники из каласириев и гермотибиев.

В надписи на стеле 3-го года Амасиса сообщается, что «человек всякий добрый из горожан его (т.е. царских)» также поддерживал Амасиса. Благодаря помощи верных ему частей египетских войск, ополчения, и заботе Амасиса о регулярном снабжении царских горожан пищевыми рационами (чему способствовало установление судебного контроля над выдачами «питания» горожанам) ему удалось низвергнуть с престола и победить в решающих сражениях на суше и на воде (на Ниле) войска и флот Априя. Этот успех обеспечила государственная социальная политика, сделавшая его единственным претендентом на пост главы государства и давшая ему надежную социальную опору среди имущих городских слоев и профессиональной части египетского войска. Как Амасис отблагодарил своих «соратников», станет ясным из анализа содержания надписи Уджагорресента, поскольку этот чиновник осуществлял в пользу «горожан царских» весьма близкую по социальной направленности государственную политику.

«Муж добрый» Уджагорресент в имевших место событиях предпринимал действия не просто в интересах населения вообще, но спасал, обеспечивал одеждой, питанием, жильем и погребением определенную его часть — имущие городские слои. Делалось им это, исходя из политических соображений, что прослеживается, в частности, и там, где вельможа говорит о своем восстановлении «домов жизни» по приказу Дария I. В числе мероприятий вельможи, специально посланного с этой целью Дарием I из Элама назад, в Египет, была организация (точнее, реорганизация) персонала «домов жизни». Уджагорресент говорит: «Приказал мне Величество царя Верхнего и Нижнего Египта Дарий, да живет он вечно!, чтобы пришел я в Египет, когда Его Величество был в Эламе и когда был он царем великим чужеземной страны всякой и властителем большим Египта²⁴», чтобы установить палаты дома жизни... после упадка. Несли меня чужеземцы из страны в страну и доставили они меня в Египет согласно тому, как приказал Владыка Обеих Земель. Сделал я так, как приказал мне Его Величество. Обеспечил я их (речь идет о палатах «дома жизни») персоналом их всяким из сын[овей] муж[ей], [причем] не было сын[овей] «простолюдинов — хуруу там. Дал я их под руку ведающего вещами всякими... для работы их всякой. Приказал Его Величество дать им вещи всякие добрые из желания, чтобы делали они работу их всякую, и снабдил я

²⁴ Практически полное соответствие древнеперсидской царской титулатуре. Ср.: Stat. Dar. 2, 4.

* Stat. Dar. — Joyotte J. Une statue de Darius découverte à Suse. Les inscriptions hiéroglyphiques. — JA. 1972, t. 260, p. 260–261. — *Омс. ред.*

их полезным их всяким и потребным их всяким... которое в записях... подобно тому, как было у них прежде» (Naoph. Vat. 113[158], 43–45). Дополнительно к этому вельможа позаботился о «своих братьях», установив «для них должности жрецов-пророков» и дав им «пашни благие согласно приказанному Его Величеством — навечно» (Naoph. Vat. 113[158], 38–39).

Все, что было сделано Уджагорресентом, было дано, с одной стороны, для «делания работы их всякой»; с другой — все это было предоставлено и организовано из числа имевшегося «в записях»²⁵. Следовательно, все это «было у них прежде», имелось в наличии задолго до новой работы, предпринятой вельможей специально по приказанию Дария I. О.Д.Берлев, рассматривая значение термина «списки, записи» применительно к эпохе Среднего царства, подчеркнул, что он тождествен значению других социально-экономических терминов: «челядь», «перечень», «ведомость»²⁶. Следует, однако, заметить, что к VI в. до н.э. социально-экономическое содержание рассматриваемого термина могло и измениться, но едва ли кардинальным образом.

«Сыновья мужей» в противоположность «сыновьям простолюдинов — хуруу» в контексте надписи Naoph. Vat. 113[158] — это далеко не просто отменно знающие свое дело специалисты-ученые, персонал «дома жизни». Не могли они представлять простых «персон (определенного) ранга», как переводил термин «сыновья мужа» А.Гардинер²⁷. Это представители высшей, привилегированной части городского прежде всего населения, тех самых «горожан царских», о которых речь шла выше, аристократы, причем аристократы наследственные, родовитые.

Для понимания смысла государственной политики Уджагорресента, ее социальной направленности многое раскрывает термин *нешен*. А.Ллойд, проведший исследование надписи, о которой у нас идет речь, обратил внимание на связь термина с религиозной лексикой, но привлек в качестве примера единственный случай употребления слова *нешен* в надписях из гробницы Петосириса²⁸. Однако какой-либо определенный оттенок смысла из данного текста извлечь трудно²⁹.

В надписи на стеле 3-го года Амасиса имеется важная деталь в описании битвы на Ниле двух боевых флотилий. Сражение двух противников велось значительными силами с использованием больших «библосских» судов. Оно закончилось победой флотилии Амасиса по той причине, что «разбушевавшиеся — пñп.w потоки (или воды) опрокинули корабли их (врагов Амасиса) под воду добрую» (Stel. Amas. 17). Перевод глагольной формы весьма определенный. Оттенок «стихийное бедствие, непогода» имеется у слова *нешен* и в лексике «Хроники Осоркона» (Chron. Osorcon

²⁵ Ср.: Gardiner A. The House of Life. — JEA. 1938, vol. 24, p. 158.

²⁶ Берлев О.Д. Стоимость раба в Египте эпохи Среднего царства. — ВДИ. 1966, № 1, с. 38; он же. Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М., 1972, с. 179 и др.

²⁷ Gardiner A. The House of Life, p. 157.

²⁸ Lloyd A. The Inscription of Udjahorresnet, p. 166–180.

²⁹ Lefebvre G. Le tombeau de Petosiris. Le Caire, 1924, vol. II, p. 53.

В7)³⁰, в папирусах начала птолемеевской эпохи³¹. Увенчивается настоящая подборка классическим среднеегипетским примером из «Сказки о потерпевшем кораблекрушение»: «Непогода — *nšnj* еще не произошла» (Pap. Ermitage 1115, 31–32). Это одна группа достаточно показательных примеров. Вывод, который можно сделать применительно к событиям непосредственно накануне и в начале вторжения персов, заключается в следующем. По-видимому, в это время в стране имела место полоса стихийных бедствий, особенно сильно сказавшихся на Саисской области и ее жителях. Но только такая характеристика будет неполной. Рассмотрим вторую группу примеров.

В надписях крупнейшего чиновника и царедворца Монтемхата в длинном перечне его титулов и должностных званий имеется интересующая нас лексика. Среди почетных эпитетов, имеющих, однако, вполне конкретное значение, есть и те два-три, в которых встречаются важные для нас примеры: «устраняющий *нешени*», «устраняющий *нешен* из дворца царского», «устранение *нешен* чужеземцев»³². Это уже примеры иного рода. Они, на наш взгляд, имеют определяющий характер. В них особенно хорошо проступает специфическое значение термина. В царском дворце никакое стихийное бедствие не могло иметь места, а от чужеземцев можно было ожидать различных неприятностей, но и только. Редкий для всего Позднего периода титул Монтемхата следует переводить: «устраняющий раздоры из дворца царского», ликвидирующий конфликты и конфликтные ситуации. Едва ли это был обыкновенный почетный эпитет, подчеркивающий важную сторону деятельности царского приближенного далеко не рядового ранга. Настоящий пример весьма определенно свидетельствует о том, что всяческие ссоры и раздоры, разнообразные «тайны двора» были обычным явлением. В рассмотрении, раскрытии, выяснении и ликвидации породивших их причин главная роль была отведена первому сановнику государства. Термин *нешен*, особенно в контексте надписи Уджагорресента, прежде всего мог иметь политическую окраску. Так автор надписи определял прекрасно известное ему внутреннее состояние в государстве, в столичном номе, как состояние «раздоров, ссор, неурядиц, беспорядков». Но другие источники ничего не говорят о восстании в Египте во время персидского вторжения в страну³³. И позднее, в начале правления Дария I, зафиксированы только волнения в верхушке египетского общества, в частности среди жречества, что весьма хорошо согласу-

³⁰ Chron. Osorcon — *Caminos R.A.* The Chronicle of Prince Osorcon. — *Analecta Orientalia*. Rome, 1958, t. 37.

³¹ *Reymond E.* From the Records of a Priestly Family from Memphis. Wiesbaden, 1981, vol. 1, № 3, 9, p. 261.

³² *Leclant J.* Montouemhat, quatrième prophète d'Amon, prince de la ville. — *Institut Français d'Archéologie Orientale. Bibliothèque d'Étude*. T. 35. Le Caire, 1961, № 12, Ca, 6, p. 84, p. 6.

³³ Геродот отмечает (III, 10), что в конце короткого правления Псамметиха III, непосредственно перед вторжением в страну персов имело место «великое знамение, а именно выпал дождь в египетских Фивах». Но нельзя рассматривать настоящий дождь в качестве серьезного бедствия, охватившего страну. Дождь, влага — благо для Египта.

ется с той общей картиной смут, раздоров и беспорядков, которая представлена в «Петиции Петеисе», демотическом Pap. Ryl. IX. Имеются примеры такого рода и в Pap. Loeb I³⁴.

Из источников только Бехистунская надпись отмечает «мятежность» Египта наряду с другими странами в начале правления Дария (DB II, 5–8)³⁵. Возможно, персидский царь считал Египет восставшим против него, но в таком случае непонятно, почему нигде ничего о подавлении восстания не сказано. В.В.Струве полагал, что это имело место потому, что Дарий I называл в Бехистунской надписи «отнюдь не все деяния, которые им были совершены в первый год правления»³⁶. Это предположение малоубедительно. На этот счет молчат абсолютно все источники, в список же Бехистунской надписи Египет попал случайно³⁷.

В верхушке египетского общества имелись определенные силы, предпринимавшие попытки освободиться от персов. Геродот говорит, что Камбиз по прошествии некоторого времени после завоевания страны велел казнить Псамметиха III — царя, которого он вначале оставил в живых (Herod. III, 15). Против него было выдвинуто обвинение в подготовке смуты. Вокруг Псамметиха III и могли группироваться различные объединения представителей правящей верхушки, выступавших против иностранного господства. Но Камбиз очень просто и быстро покончил с надеждами правящих кругов, лишив их царя и, тем самым, надежд на возвращение саисской династии утерянного ею Египта.

Социальная политика, представленная в данных цитировавшихся египетских иероглифических надписей, особенно в надписи Уджагорресента, — это политика опоры на старую аристократию, родовитых чиновников, крупных собственников и имущих городских слоев. Она не была изобретением персов или вельможи Уджагорресента, а была возведена в ранг государственной уже при Априи и Амасисе, истоки же ее заложил Псамметих I, основатель саисской династии. Амасис был вынужден своими государственными реформами бороться со злоупотреблениями старой аристократии, а не с нею как социальной силой. И Амасис, и Камбиз, и Дарий I в равной степени по причинам внутривластного характера не желали иметь дела с занимавшей непрочные позиции новой египетской аристократией, пытавшейся занять руководящее положение в обществе в результате различного рода волнений, которые ее представители организовывали в верхушке общества. Не в этом ли кроются истоки стойкой традиции негативного отношения к Камбизу, что нашло отражение и у

³⁴ Pap. Loeb I — Spiegelberg W. Die demotischen Papyri Loeb. München, 1931.

³⁵ DB — Schmitt R. The Bisitun Inscriptions of Darius the Great. Old Persian Text. — Corpus Inscriptionum Iranicarum. Vol. 1. L., 1991.

³⁶ Струве В.В. Датировка Бехистунской надписи. — ВДИ. 1952, № I, с. 43; см. также: он же. Восстание в Египте в первый год царствования Дария I. — Палестинский сборник. М.-Л., 1954, вып. I (63), с. 7–9.

³⁷ Видимо, все же не случайно. Египет назван в числе других мятежных стран, среди них — Персия, Элам, Мидия, Ассирия и др. — Ота. ред.

Геродота, и в «Демотической хронике»? Такую политику Камбиз едва ли мог провозгласить в качестве официальной³⁸. Но он и его правая рука в египетских делах — Уджагорресент продолжали укреплять отношения со старой аристократией, используя те же методы для установления отношений с египетскими храмами. Они не совершали масштабных дарений храмам. И Уджагорресент не призывал к таким дарениям Камбиза. Он объяснял Камбизу «величие Саиса: место это Нейт Великой, матери, родившей Ра, начавшей рождение, [когда] не существовало рождений...» (Naoph. Vat. 113 [158], 14–15). А Камбиз в ответ приказал, «чтобы дали жертву для Нейт Великой, матери бога и богов великих, находящихся в Саисе, подобно тому, как было прежде» (Naoph. Vat. 113 [158], 22), а также сам принес жертву в храме Нейт и сделал все необходимое для реставрации храма и культа богини в столичном городе (Naoph. Vat. 113 [158], 25–27). Имели место и дарения (ценность их не приводится), они носили единовременный характер. При этом преследовалась важная государственная цель: превратить главный храм г. Саиса и храмы других саисских богов в адептов государственной политики персов в завоеванной стране. Таким образом, своими мероприятиями в г. Саисе персы стремились привлечь на свою сторону храм, жречество Нейт и саму богиню и других богов, искренне веруя в их силу на египетской почве³⁹. Тем самым объективно осуществлялась преемственность в государственной политике саисских фараонов.

Законодательно практика опоры на старую египетскую аристократию была провозглашена к концу VI в. до н.э., при Дарии I. Отголоски таких сведений мы имеем в данных «Демотической хроники», в приказе Дария осуществить кодификацию египетского законодательства, действовавшего в стране к концу правления Амасиса. В прежних законах речь и шла о привилегиях прежней, старой аристократии. Деятельность Дария I как реформатора державы известна достаточно хорошо. Но он являлся и последним, шестым египетским реформатором, о чем говорят Геродот и Диодор (Herod. II, 172–177; Diod. I, 68, 95).

Камбиз и Дарий I, а также, видимо, и другие персидские правители придерживались в своей египетской политике принципов египетского государственного права. Настоящие принципы можно попытаться отчасти выявить на материале «Демотической хроники».

В «Хронике» представлен достаточно полный список фараонов XXVIII–XXX династий начиная с Амиртея. Судя по источнику, большинство их не находилось в ряду последователей «закона (права)». Амиртей и правивший после него Неферит I были даже смещены, согласно «Демотической хронике», с царского престола за какие-то преступления против

³⁸ Ср.: *Bresciani E.* La morte de Cambise ovvero dell' empieta punita: a proposito della "Cronata demotica", verso, col. C, 7–8. — *Egitto e Vicino Oriente.* 1981, vol. 4, p. 217–222.

³⁹ См.: *Дандамаев М.А.* Новые данные о религии в Персии на рубеже VI–V вв. до н.э. — ВДИ. 1974, № 2, с. 18–33.

«закона (права)». А сын Неферита I вовсе не занял царского трона по той причине, что до него был подвергнут детронизации его отец (Pap. Bibl. Nat. 215, 4, 2). Это уникальные факты даже для бурной истории Позднего Египта. Источник отмечает, что «закона (права)» не придерживался и следующий фараон XXIX династии, Псаммут.

Только Хакор, правитель XXIX династии, правил весь свой срок и следовал «закону (праву)». Мало того, после себя он и сам оставил «закон (право)». Следовательно, «Хроника» представляла Хакора как законодателя древнего Египта. Подобного определения в египетских текстах других периодов мы, пожалуй, не имеем. Но это вовсе не значит, что другие египетские правители не были законодателями, но только предпринимали отдельные попытки реформировать те или иные стороны и направления внутреннего развития государства. Греческие авторы, следуя своим египетским информаторам, говорят о шести фараонах-реформаторах. Никто из них, в частности Диодор, ничего не говорит о реформаторской деятельности Хакора.

Хакор (др.-греч. Аккорис) правил в 393–391 гг. до н.э. Он был энергичным правителем, активно контактировал с греками, часто привлекая на службу греческих наемников. При нем в Египте получили широкое хождение монеты греческого и местного, египетского, чекана. В стране фараон предпринимал строительство общественных зданий. Знаменит Хакор и своими антиперсидскими действиями на международной арене. Но «Демотическая хроника» вовсе не по этим причинам объявляет крупнейшего представителя XXIX династии благодетельным владыкой и законодателем. Текст «Хроники» подчеркивает, что Хакор не должен был совершать те действия, которые не были основаны на египетском «законе (праве)» (Pap. Bibl. Nat. 215.4, 10; 18, 10). Других сведений о законодательной деятельности фараона источники не содержат.

Понятие «права (закона)» авторы «Демотической хроники» относят скорее к характеристике храмовой политики фараона, к взаимоотношениям храмов и государства (через посредство фараона и его аппарата). Но это — одна сторона вопроса. Другой может быть попытка более широкого взгляда на то определение «закона (права)», которое представлено в рассматриваемом источнике. Возможно, авторы «Демотической хроники», общий характер и основная направленность которой остаются неясными, пытались как-то отразить отношение фараона к принципам внутренней и внешней политики государства, определить его собственное место и роль в государстве. Это уже явно не то сугубо узкое и конкретное определение понятия «закона (права)», которое устанавливается по деловым и литературным текстам⁴⁰, включая и частно-правовые положения «Демотического правового свода».

⁴⁰ Nims Ch. The Term hp, "Law, Right" in Demotic. — JNES. 1947, vol. 7, p. 243–260.

Природа власти царей древнего Египта

(К проблеме «восточного деспотизма»)

I

«...С грустью думаешь о том, что ради постройки бесполезной гробницы потребовалось терзать целый народ на протяжении двадцати лет, о том, сколько несправедливостей и издевательств пришлось вытерпеть рабочим при перевозке, обтесывании и нагромождении огромного количества камня. Вызывает негодование сумасбродство деспотов, руководивших этими варварскими работами. Чувство это возникает неоднократно, когда осматриваешь египетские памятники — лабиринты, храмы, массивные пирамиды, свидетельствующие отнюдь не о гении богатого и любящего искусство народа, а скорее о порабощенной нации, измученной прихотями властелинов...»¹.

Представленная здесь столь безрадостная картина «восточного деспотизма» вполне естественна для эпохи Просвещения. Но не следует забывать, что французские просветители часто черпали свои культурологические оценки в эпохе Античности. Именно тогда, в Классическую эпоху, когда античный Запад впервые вступил в полосу активных контактов с Востоком, резко выявилось их различие не только в мироощущении, но и в образе правления. Впервые свободные гражданские принципы греческого общества стали восприниматься как особое достижение цивилизованного мира, в противоположность которому восточный мир варваров, их государственное устройство представлялись особенно жестокими и совершенно бессмысленными.

Уничижающая характеристика правления царей-строителей пирамид — Хеопса и Хефрена, данная Геродотом (II, 124) и позже Диодором (I, LXIII) и Плинием (H.N. XXXVI, 12), усугубленная ветхозаветным отношением к ненавистным фараонам — поработителям еврейского народа, из-за чего само слово «фараон» превращается в синоним всего черного и мрачного, стала невольно тем прочным основанием в понятии «восточно-

¹ Volney C.-F. *de. Voyage en Syrie et en Égypte pendant les années 1783, 1784 et 1785*. T. I-II. P., 1787, t. I, p. 255.

го деспотизма», на котором возводились суждения европейских путешественников и дипломатов Нового времени и позже — теории философов, вдохновлявшихся идеями свободы и равенства. Такое наследие досталось египтологии, которая надолго попала в плен подобных оценок. И сила инерции оказалась столь велика, что потребовалось немало времени если не для кардинального пересмотра, то хотя бы для снятия крайних суждений. В западной египтологической традиции отход от этих позиций уже стал очевидным, но в отечественной школе египтологии идея «восточного деспотизма», в советское время по вполне понятным причинам, нашла особенно благоприятную почву, поскольку деспотия воспринималась как «аппарат угнетения и насилия над массами рабов и крестьян-общинников»². Но независимо от того, рассматривают ли египетского царя в качестве пугающей, мрачной фигуры, страх перед которой заставлял «сжаться сердца» египтян, ощущавших себя совершенно ничтожными, жалкими и бесправными, брошенными «под пальцы» своего владыки³, или в большей степени обращают внимание на его качества «доброго пастыря», «Бога, действующего на благо египетского государства»⁴, столь полярные суждения сходятся в одном: царь (по крайней мере в эпоху Древнего царства) оказывается бесконечно далеким от своего народа, сокрытым от него в своем дворце. Лишь в эпоху Среднего и особенно Нового царства, когда сам Египет вышел на широкую международную арену, царь впервые, как полагают, приходит в непосредственное соприкосновение со своими подданными. Нить «восточного деспотизма» тянут в эпоху Древнего царства — период крайней изоляции от своего народа Великого Бога — фараона, усматривая в царском самовластье одну из немаловажных причин, приведших к краху египетское государство и к «демократизации» культуры в Первый переходный период. Появление этой культуры мыслится как реакция на «всепоглощающую государственность Хеопса»⁵. Причиной же такой государственности, подавляющей и подминающей под себя все индивидуальное и даже личное, египтологи, как правило, называют божественный характер власти египетского царя, а обожествление царя объясняют особенностью управления Египтом, где сложная система ирригации Нильской долины требовала жесткой и сильной центральной власти.

Итак, божественность царя рассматривается как ключевой момент в осмыслении египетского феномена царской власти и государственности как таковой и, в частности, в цепи рассуждений теории «восточного деспотизма». Но соответствует ли эта теория истинным представлениям египтян о власти: действительно ли считали они своих правителей деспо-

² Струве В.В. История Древнего Востока. Л., 1941, с. 147.

³ Перепелкин Ю.Я. Древний Египет. — История древнего Востока. Ч. 2. Передняя Азия. Египет. М., 1988, с. 364.

⁴ Уилсон Дж. Египет: функции государства. Вселенная и государство. — Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М., 1984, с. 79, 85.

⁵ Тураев Б.А. Египетская литература. М., 1920, с. 65.

тами, подчинялись ли им из-под неволи или же во власти фараона усматривали великую и благую силу, хранящую их в земном мире и в мире потустороннем? Была ли эта божественность благом для самого царя, его неотъемлемым качеством, или же царь был божеством для своих подданных, а для себя оставался человеком, открытым страданиям и немощам своего естества? Понимание египтянами духовной природы царя и есть тема этой статьи.

II

Божественность фараона до 50-х годов редко подвергалась сомнениям египтологами. Востоковеды специально противопоставляли его правителям иных обществ: «В Израиле ни монархия, ни иерархия не имели абсолютного статуса и значения... Нет сомнения, что Саул и Давид были „помазанниками божьими“, но ни они, ни их преемники не считались воплощениями божества, подобно фараонам, или слугами богов, как правители в Месопотамии»⁶. «Природа была владением богов, и царь Ассирии пребывал вне его, оставаясь лишь слугой своих господ (т.е. богов. — *Авт.*), тогда как фараон сам был одним из них»⁷. «Ясно, что божественная природа аккадских, шумерских и вавилонских царей не могла быть одинаковой с природой фараонов Египта. В соответствии с египетской теологией царственности правитель был по естеству сыном солнечного бога и его перевоплощением. В Месопотамии мы можем отметить только некое „усыновление царя богами“»⁸. В статье Б.Коллиса это постоянное противопоставление сведено в четкую формулу: «месопотамские цари были человеческими посредниками (agents) богов, а египетские цари были божественными посредниками богов; Бог Израиля был также и царем Израиля»⁹. «Полная, и притом земная, божественность никогда не переставала быть одним из качеств фараонов», — указывает другой исследователь политики древних передневносточных обществ¹⁰.

Ярко проступающий при сравнении с иными, тем более соседствовавшими цивилизациями божественный характер египетского правителя постоянно подчеркивался исследователями и тогда, когда их внимание сосредоточивалось главным образом на древнем Египте. Немало страниц описанию божественного положения египетского царя посвятил А.Море

⁶ *James E.O.* Myth and Ritual in the Ancient Near East. An Archaeological and Documentary Study. L., 1958, p. 67.

⁷ *Frankfort H.* Kingship and the Gods: A Study of Ancient Near Eastern Religion as the Integration of Society and Nature. Chicago, 1948, p. 285.

⁸ *Dvornik F.* Early Christian and Byzantine Political Philosophy. Origins and Background. Vol. 1–2. Wash., 1966, vol. 1, p. 29.

⁹ *Collies B.* Ancient Afro-Asian Kingship. — Patterns of Kingship and Authority in Traditional Asia. L., 1985, p. 131.

¹⁰ *Gadd C.J.* Ideas of Divine Rule in the Ancient Near East. L., 1948, p. 33.

как в специальном исследовании¹¹, так и в более поздней работе «Нил и египетская цивилизация»¹². «Представление о фараоне как о воплощенном боге объясняет исторические явления даже тогда, когда они, кажется, отрицают его», — констатирует в своей фундаментальной работе по древней ближневосточной монархии Г.Фрэнкфорт¹³. Дж.Уилсон в своем разделе коллективной монографии «В преддверии философии» прямо утверждает: «Отправной точкой нашего анализа служит тот факт, что царь Египта был богом и что он был богом, действующим на благо египетского государства»¹⁴. «Во всей титулатуре царя, во всех текстах, так или иначе касающихся египетского учения о царе, нет ни одного намека даже на малую частицу человеческого в нем», — полагал О.Д.Берлев¹⁵. «Царь почитался как бог и был, по египетским представлениям, во всем подобен богам, а, возможно, в глазах народа порой и превосходил их могуществом», — указывает другой отечественный исследователь¹⁶. Пожалуй, только Ж.Познер первым подверг критике всеобщее мнение, указав на то, что сохранилось немало свидетельств отношения египтян к своему монарху как к человеку¹⁷. Но точка зрения эта, хотя и аргументированная, не решала проблему. Отсюда стремление ряда исследователей найти компромиссное решение, в котором все сильнее делается акцент на человеческой природе царя Египта, а божественная природа присваивается самому званию царя, но не его личности¹⁸. О фараоне все чаще говорят теперь как о подобии (*Ebenbild*) бога на земле¹⁹, как о богочеловеке²⁰. Но вопрос оказывается еще сложнее и требует особо тонкого понятийного инструментария, поскольку сами египтяне не задавались целью создания стройной концепции царской власти, не строили «учения» о царе. В такой богатой различными культурными пластами и исторически протяженной цивилизации, как древнеегипетская, можно *a priori* предположить наличие и различных мнений, и тем более различных уровней восприятия одного и того же явления. Ни в одну из эпох, от которых до нас дошел достаточно представительный круг источников, египетскому обществу нельзя отказать в плюрализме сознания, что, кстати говоря, делает тезис о «восточном деспотизме» в принципе сомнительным применительно к Египту.

¹¹ Moret A. Du caractère religieux de la royauté pharaonique. P., 1902.

¹² Idem. The Nile and Egyptian Civilization. L., 1927, p. 160–164, 392–393.

¹³ Frankfort H. Kingship and the Gods, p. 57.

¹⁴ Уилсон Дж. Египет: функции государства, с. 79.

¹⁵ Берлев О.Д. Трудовое население Египта эпохи Среднего царства. М., 1972, с. 37.

¹⁶ Виноградов И.В. Раннее и Древнее царства Египта. — История Древнего мира. Т. I. М., 1983, с. 107.

¹⁷ Posener G. De la divinité du pharaon. — Cahiers de la Société Asiatique. P., 1960, t. XV.

¹⁸ Goedicke H. Die Stellung des Königs im Alten Reich. — Ägyptologische Abhandlungen. Wiesbaden, 1960, Bd. 2. S. 93; Barta W. Untersuchungen zur Göttlichkeit des regierenden Königs. — MÄS. 1975, H. 32, S. 44–73.

¹⁹ LÄ. Bd. III, S. 487.

²⁰ См., например: Morenz S. Egyptian Religion. N. Y., 1960, p. 37–41; Bolshakov A.O. Royal Portraiture and “Horus Name”. — Ch.Ziegler (Hrsg.). L’Art de l’Ancien Empire égyptien. Actes du Colloque, Musée du Louvre, 1998. P., 1999, p. 311–332 (на рус. яз.: ВДИ. 2000, № 2, с. 73–87).

Ж.Познер отличает «официальную идеологию», в которой царь провозглашался богом, от видения монарха в египетском обществе. Но может ли веками, на протяжении почти трех тысячелетий, сохраняться подобное раздвоение общественного сознания, а идея государства притом оставаться прочной? Может быть, более правильно говорить не в понятиях «или-или», а в понятиях «и-и», иметь в виду не столько противопоставление официальной идеологии и массового сознания, сколько некоторую симфонию, в которой необходимыми элементами являются как божественные, так и человеческие аспекты власти? Может быть, лишь различные акценты в памятниках несходного назначения создают представление о противоречивом характере видения природы царской власти в древнеегипетском обществе?

III

Обычный титул фараона ясно утверждает его божественность, например титул Сенусерта III: «Да живет Гор: Божественный в образах; Две владычицы (Нехбет и Уаджит): Божественный рождением; Царь Верхней и Нижней Страны: Сущности (*k3w*) Ра, являющиеся в славе, которому дана жизнь; Гор Золотой Живой: Входящий в бытие; Сын Ра от плоти Его, возлюбленный Им; Владыка Обеих Земель: Сенусерт, навечно одаренный жизнью, добротой и властью»²¹. Царь — Гор (*hrw*), и имя бога, и символ пребывания над чем-либо, — древнейшая часть титула. Знак золота включается в титулатуру царей еще с I династии²² и означает божественную, солнечную сущность плоти царя²³. Наконец, сыном Ра фараон начинает именоваться с IV династии (первым — царь Джедефра), а с V династии этот элемент входит в титулатуру всех последующих египетских царей. Даже когда родовым богом династии был не Ра, а, например, как при XI династии, Монту, эта фигура титула сохраняется в неприкосновенности.

Помимо этого, египтяне нередко «просто» именуют царя богом. Слово *ntr* «бог» столь часто подменяет собой слово «царь» (*nsw bjtj*), что порой затруднительно понять, кто подразумевается в тексте — фараон или бог. Так, автор знаменитого поучения визирь Птаххотеп именуется не только «старшим сыном царя от плоти его», но и во всех вариантах текста «отцом Бога» и «возлюбленным Богом», т.е. царем. Но в одной из своих максим [P.Prisse, 6, 9–10] старый вельможа поучает: «Не свершаются замыслы людские, повеления Божии — они свершаются. Потому живи в мире, то, что дают они, — приходит само». «Они», должно быть, «боги». «Повеления Божии» — скорее всего повеления Ра, Атума, Птаха, т.е. одно-

²¹ Aegyptische Inschriften aus den Königlichen Museen zu Berlin. Lpz., 1913, Bd. I, S. 257, 1–2.

²² Берлев О.Д. Золотое имя египетского царя. — Ж.Ф.Шампольон и дешифровка египетских иероглифов. М., 1979, с. 41.

²³ Там же, с. 53.

го из образов Бога-Творца. Но вовсе не исключен и иной смысл фразы: «не свершаются замыслы простых людей, а свершаются повеления Царя».

Обычно эпитет царя — *ntr nfr* — бог прекрасный (совершенный, цветущий)²⁴. Умершего правителя именуют, подобно Осирису, «Великим Богом» (*ntr ʕ*). Впрочем, эпитет *ntr ʕ* может употребляться и по отношению к здравствующему фараону, причем два эти эпитета могут встречаться в отношении одного и того же лица на одном и том же памятнике²⁵. Царь — «Бог, деяниями которого все существует, отец и мать, единственный, нет подобному ему», — говорится о Тутмосе III [Urk. IV, 1077, 5–8]. «Я — Бог, который повелевает и свершается: нерушимо исходящее из уст моих», — объявляет царица Хатшепсут [Urk. IV, 351, 5–6]. «Бог великий, великий могуществом, владыка корон миллионов царей», — говорит также царица о покойном отце — Тутмосе I [Urk. IV, 346, 2–5].

Подданные не отставали от самих монархов, провозглашая их богами. В текстах сокровенных, начертанных на стенах гробниц, долженствующих звучать в инобытии, именование фараона богом, подчеркивание, что он не просто один из многих богов, но бог величайший, постоянны: «Силы (*b3w*) царя Верхней и Нижней Страны Меренра, живущего вечно», превосходят силы всех богов, «все свершается в соответствии с божественным повелением (*hw*), сделанным его божественной сутью (*k3*)», — объявляет вельможа VI династии Уна [Urk. I, 109, 48–49].

«Я поведаю великое, дабы слышали вы, дабы разумели совет вечный, истинный путь жизни, дающий жизнь в мире. Возносите моления в утробах ваших царю Нимаатра, живущему вечно, соединяйтесь с естеством (*hm*)²⁶ его в ваших сердцах! Ибо он премудрость, пребывающая в сердцах,

²⁴ Термин трактуется различно. См., например: *Gardiner A. Egypt of the Pharaohs*. Oxf., 1961, p. 77; *Stock H. Ntr nfr Der gute Gott?* Hildesheim, 1951; *Берлев О.Д.* Трудовое население Египта, с. 37; *Beckerath J. von. Handbuch der ägyptischen Königsnamen*. — MÄS. 1984, H. 20, S. 37–38.

²⁵ Например, в отношении Хуфу: *Kaplony P. Rollsiegel des Alten Reiches*. Bd. 2. Brüssel, 1981, Taf. 4, No. 1; Ниусерра, Пепи I (Вади-Мархапа): *Hall E.S. The Pharaoh Smites his Enemies*. München, 1986, Fig. 17, 20. Такое употребление этих эпитетов ставит под сомнение их иерархическое содержание как «бога младшего», т.е. царя, по отношению к «богу старшему», т.е. Богу-Солнцу — Отцу, как полагал, например, О.Д.Берлев: *Hodjash S., Berlev O. The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts*. M.–L., 1982, с. 37, 44.

²⁶ Различные мнения по поводу использования и понимания египтянами местомениния *hm* в качестве титула-местомениния фараона см.: *Spiegel J. Das Auferstehungsritual des Unaspyramides*. — ASAE. 1956, t. 53, p. 339–449; *Gardiner A. Egyptian Grammar*. L.–Oxf., 1957, p. 74–75; *Берлев О.Д.* Трудовое население Египта, с. 33–41. Г.Фрэнкфорт предполагает, что *hm* по отношению к царю подразумевал «„явление во плоти“ (*physical appearance*)». Следовательно, фраза „при жизни величества царя N“ (*hr 'nh hm N*) должна в действительности звучать: „во время воплощения царя N“, означая конкретное воплощение бога, которое смертные знают в качестве царя N. ...Имена отдельных царей служили только для различения последовательности воплощений бога». — *Frankfort H. Kingship and the Gods*, p. 45. Такая интерпретация Г.Фрэнкфорта превращает в фантом индивидуальную личность того, кто именовался «первым из живущих». Данная фраза в целом может скорее означать внутреннюю молитву, чем выражение лояльности. См., например, Иер 4, 19; 11, 20; Пс 7, 10.

очи его сыскивают всякую плоть. Он — Солнце (Ра), напояющее все своими лучами, ярче Солнца (Атон) озаряющий Обе Земли, животворящий более великого Нила, он насыщает Обе Земли силою жизни», — наставляет сыновей царедворец Сенусерта III и Аменемхета III — Схоте-пбра [СМ 20538, verso, 9–13].

После таких прославлений живого царя его отождествление с конкретным, пусть и великим богом, будь то Ра, Амон, Птах, Гор или Тот, уже не кажется чем-то исключительным. «Ты — Ра, твой образ (*tjt*) — его образ, ты — небо, зиждущееся на четырех столпах», — говорится о юном Тутанхамоне [Urk. IV, 2069, 16–17]. «Привет тебе, царь Египта (*t3 mrj*), Ра-жена, сияющая подобно солнечному диску!» — звучит обращение к Хатшепсут [Urk. IV, 332 10–11]. Без труда можно обнаружить и сравнения царя с иными богами — Мином, Монту, Сетом, Хапи, Хнумом и т.д.

Эти и подобные им свидетельства египетских текстов легко подводят исследователя к выводу: «Представления незапамятной древности свидетельствуют, что царь — это бог, созидающий единство общества и природы, бог, чья благотворительная сила ощутима даже в преисподней»²⁷.

И все же вывод Г.Фрэнкфорта несколько прямолинеен. Да, египтяне часто именовали фараона богом, отождествляли его с богами и даже ставили выше богов. Но те же самые египтяне в те же эпохи и часто в одних и тех же текстах именовали своего царя и по-иному: *mj R^c*; *twi R^c*; *h^cj hr nst R^c*; *hntj.f^cnh tp t3* — «подобный Ра; образ Ра; восшедший на трон Ра; его (Амона) живой образ на земле» и т.п. Этот второй круг эпитетов очерчивает несколько иную сумму представлений, вернее, дает тем же самым представлениям несколько иной оттенок. Царь подобосущен Ра, но он не Ра. Чтобы подчеркнуть исключительное могущество царя, его можно сравнить с великими богами. Более того, поскольку общеупотребительные наименования богов суть их характеристические детерминативы, а не сущностные имена, имеющие огромное значение (вспомним хотя бы «на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает» (Откр 2, 17), или то имя Ра, произнося которое умерший входит в число знающих бога и знаемых им [РТ, 499]), то именование ими царя можно иногда рассматривать как характеристики власти царя — животворящего подобно солнцу (Ра, Атум, Атон), незримо одушевляющего (Амон), царящего над всем (Гор) и т.п. Эти характеристики одновременно намекают и на божественную природу царя, и на божественную природу различных аспектов его власти.

Например, о царе Яхмесе I текст говорит: «Его появление подобно восходу Солнца (Ра в виде идеограммы бога), подобно сиянию солнца (атон), подобно появлению Солнца (Хепри с детерминативом бога), лучами он подобен зрелищу Солнца (Атум) на восточном небосклоне» [Urk. IV, 19, 6–9].

²⁷ Frankfort H. Kingship and the Gods, p. 212.

Об Аменхотепе III: «Бог Прекрасный, подобный Солнцу (Ра), озаряющий Обе Земли как принадлежащий небосклону (т.е. солнце), подобный Атону...» [Urk. IV, 1670, 7–8]

Нам постоянно следует держать в уме, что богатая символика солнца стала в Египте субститутот имени Бога-Творца. Если знак солнца писался с божественным детерминативом, то имелся в виду не бог солнца, но Бог, символом которого является солнце, если же детерминатив божества отсутствовал, то египтянин мог подразумевать просто космическое тело. Тонко различая энергии солнца, обитатель древнего Египта наделял царя и животворящей силой (Ра), и сиянием солнечного диска (Атон), и тем добрым, что возвещает обитателю Нильской долины ежедневно восходящее солнце (Хепри), и т.д. Следовательно, царь в своих проявлениях уподоблялся солнцу и через символику солнца некоторым образом отождествлялся с первообразом, символическим отражением которого солнце в умах египтян являлось, т.е. с Богом.

Как же фиксировалось это отождествление? Кроме прямого уподобления, о котором говорилось выше, крайне часто использовался образ сыновства. «Ты Гор, сын Осириса? Ты бог, ты старший, ты сын Хатхор? Ты семя Геба?» — задают боги умершему царю важнейший для его судьбы в инобытии вопрос [РТ, 466]. Сыновство — нормальное отношение царя к богу. Причем не к какому-либо конкретному богу обширного египетского пантеона, но к богу вообще. Например, на стеле из своего заупокойного храма Аменхотеп III именуется и возлюбленным сыном Ра, и сыном Амона, происшедшим из его тела. Атум и Монту называют Сети I «наш возлюбленный сын», а Рамсеса II после Кадешской битвы боги приветствуют: «Приди, любимый наш сын». В Мединет-Абу Тутмос III — сын Атума, в Амаде — Ра, в Семне — Дедуна, в Карнаке — Амона, Птаха и Хатхор. Весьма обычны в текстах разных эпох упоминания богов (во множественном числе) как отцов царя.

Кажется, обычные мифологемы здесь малопригодны. Египтяне, видимо, далеко не всегда стремились показать прямую родственную связь их царя с каким-либо богом. Напротив, именуя отцами фараона множество богов, они, должно быть, исключая возможность такого понимания сыновства, старались придать образу метафизическую глубину.

В эпоху Нового царства возникают устойчивые развернутые формулы сыновства царя по отношению к божественному началу. Так, к примеру, начинается панегирик Аменхотепу II на большой Гизехской стеле сфинкса:

«Да живет Гор: Мощный бык, великий силой; Две Владычицы: Богатый красотой, Воссиявший в Фивах; Гор Золотой: Мощью своей покрывший все земли; Царь Верхней и Нижней Страны: Аахепрура; Сын Ра: Аменхотеп, божественный правитель Она (Гелиополя); Сын Амона, создавшего его для себя, потомок Гора Небосклонного; сияющее семя тела бога; тот, чье бытие создала Нейт, кого породил Бог Наидревнейший, дабы обладал он властью, которой он обладает» [Urk. IV, 1276, 9–16].

Писавшему подобные фразы, как нам кажется, важно было создать образ правителя — сына божественного начала и разрушить грубо-мифологические представления (если таковые имелись) о физическом сыновстве царя. Отсутствие у египтян разработанной философской терминологии, большая конкретность иероглифического знака, его связь с определенным материальным понятием постоянно таили опасность оплошания метафизической реальности. Борьбой с этим «врагом» и объясняется сложный параллелизм эпитетов царской формулы, где отдельные имена божественного начала (здесь — Ра, Амон, Нейт, Гор Небосклонный, Бог Наидревнейший) оказываются именами божественных личностей, создающих различные стороны царственности Аменхотепа II. Эти имена соединяются как личностью монарха, так и отношением сыновства ко всем этим божественным личностям. Подчас та же цель достигалась сведением многих божественных имен воедино: «Воззри на меня, виждь мя, сын мой Тутмос, — обращается сфинкс в тонком сне к царевичу. — Я отец твой Гормахет — Хепри-Ра-Атум, который даст тебе мое царство на земле, [поставит тебя] во главе всех живущих»²⁸.

Эти ряды божественных имен, эти вереницы отцов царя призваны зафиксировать непроизносимое, указать на Того, Кто стоит в начале бытия и богов, и царственности, и всего Миропорядка-Маат.

Что же имели египтяне в виду, именуя царя сыном бога? Г.Фрэнкфорт указывает: «В связи с... богами сыновство царя выражало отношения близости, зависимости и почтительности»²⁹. Но, думается, сыновство — понятие более конкретное, символ, несущий специфическую нагрузку. Дж.Уилсон, говоря о титуле «сын Ра», подчеркивает, что «египтянин постоянно утверждал, что царь был физическим сыном, происходящим от тела бога солнца Ра»³⁰. Если освободиться от неизбежных для современного слова «физический» коннотаций и вернуться скорее к эллинскому термину φύσις, равно и под плотью понимать не элемент Платиновой дихотомии, но специфическую субстанциальность божества, которую и именовали египтяне «золотом» (Золотой Гор), то тогда можно принять трактовку сыновства Дж.Уилсоном. Не следует, однако, попадаться на удочку предметности египетского теологического инструментария. Сыновство не есть следствие физического (опять в современном смысле слова) соития бога (Ра — P.Westcar, 9, 10; Амона — Urk. IV, 219–221) с земной женщиной, но категория более сложная.

Царская титулатура практически неизменно содержит формулу: «живущий вечно», «живущий во веки веков». Это титулатура не только усопшего, но и здравствующего царя. И живой царь именуется «живущим вечно, подобно Ра». Предполагать, что здесь имеется в виду посмертное вечное бытие царя, по-видимому, нельзя. По крайней мере, речь идет не

²⁸ Стела сфинкса Тутмоса IV, 11–12 [Urk. IV, 1542, 17–18]. См. также: *Erman A. Die Sphinx-Stele. — SPAW. 1904, S. 428–440.*

²⁹ *Frankfort H. Kingship and the Gods, p. 357–358.*

³⁰ *Уилсон Дж. Египет: функции государства, с. 79.*

только о нем. Царь «совечен Ра», он — его сын, пребывающий вечно, сын Божий и вполне Бог, «который был, есть и грядет». И вновь вспомнив, что Ра — это не солярный бог, но Бог-творец всего сущего, в его проявлении Жизнедавца; имея в виду величание царя уже в корпусе Текстов Пирамид не только сыном Ра, но и сыном Осириса, можно понять, что именование царя Гором — это как раз фиксация его вечной божественности, его постоянного богосыновства. «Если сын — истинный образ отца, а всякий образ есть изображение или сущности, или лиценачертания, или одежды, или телосложения, или цвета; Бог же не в чем-либо этом, но в одной сущности изобразим: то Сын, будучи образом сущности, единосущен Отцу»³¹. Гор есть сын Ра, *единосущный* Ему. Именование царя Сыном Ра с IV династии, которое обычно понимают как свидетельство династийного кризиса, отнюдь не умаляло саму идею власти, не сводило Гора с его божественного пьедестала, как полагал, например, З.Моренц: «Царь более не считался тождественным Богу неба и земли и не был теперь его воплощением, он стал просто сыном божественного отца»³². На наш взгляд, титул «Сын Ра» (*s3 R*) подчеркивал родословие царя в традиционной для Египта мифо-ритуальной системе. Вечную, рожденную от Бога в мифологические времена, а точнее, предвечную *фóсис* царя египтяне именовали божественной, а потому и самого правителя — Богом Прекрасным, Сыном Ра, Сыном Божьим.

«Пепи рожден был в Нуне (изначальном сверхбытии)

До того, как простерлось небо,

До того, как возникла земля,

До того, как воздвиглись столпы (вселенной),

До того, как случился разлад,

До того, как ужас пришел из-за Ока Гора» [PT, 1040].

Парадокс, на наш взгляд, заключается в том, что слова эти записаны в гробнице, там, где должно было «истлевать бесчувственное тело» вполне конкретного царя — Пепи I, правившего Египтом в 3-й четверти III тысячелетия до Р.Х. Но египтянами «странность» эта совершенно не ощущалась. Так неужели богосыновство, рожденность «прежде всех век» лишь куртуазные эпитеты, дань придворному этикету?! В смертности же царя на самом деле никто не сомневался, доказательством чему является его гробница, его саркофаг, его набальзамированные останки, которые можно осквернить, лишить погребения [P.Leiden 344, recto, 7, 1–3], ограбить и сжечь, которые надо было скрывать от нечестивцев в скальных галереях Дейр эль-Бахри.

Размышляя таким образом, мы невольно впадем в противоречие, которое, дабы сохранить целостность собственного ума, припишем объекту нашего исследования, сознанию человека древности. Действительно, как может идти речь об одной и той же плоти царя, когда читаем:

³¹ *Василий Великий*. Творения. Т. I. М., 1891, с. 531 (Против Евномия, 4).

³² *Morenz S.* Egyptian Religion, p. 35.

«О Ра-Атум, Твой Сын грядет к Тебе, Унас грядет к Тебе; воздвигни Его, заключи Его в объятия Свои, ибо Он — Сын плоти Твоей во веки» [РТ, 160]; «Мы открыли саркофаги и погребальные пелены и нашли почтенную мумию царя (Себекемсафа) с длинным рядом золотых амулетов и украшений на шее и голове. Почтенная мумия была совершенно покрыта золотом, и саркофаг был им украшен, равно как всякими драгоценными камнями. Мы оторвали золото, украшения и амулеты...» [P.Abbott, VI, 3–4].

Важно не то, что при Рамсесе IX нашлись нечестивцы, решившие грабить царские усыпальницы. Важно иное: без тени удивления следственная комиссия сухим канцелярским языком протоколирует осквернение и гибель плоти бога. Вознося царя на небывалую высоту предвечного Сына Божьего, египетская мысль, кажется, продолжала замечать в нем и то, что не замечать было трудно, — его человеческую природу, его старческую немощь, его смертность, разрушимость останков, незащищенность того, что правильнее всего было бы назвать мощами. В противоположность теме «национального бедствия», распространенной в древнеегипетской литературе (ибо спасавший страну царь зримо являл тем самым свое божественное свойство восстановителя Маат), «цареубийство не являлось предметом, о котором принято было говорить свободно и пространно, ибо оно слишком явно противоречило догмату о божественном царе», — указывает М.Лихтхайм в предисловии к переводу единственного в своем роде текста — поучения убитого заговорщиками царя Аменемхета I Схотеписа (1991–1962 гг. до Р.Х.) своему сыну — царю Сенусерту³³. «Бог прекрасный» не должен доверять брату, не должен иметь друга, не должен делать кого-либо наперсником, «покоясь на ложе, должен сам охранять свое сердце, ибо не найдется верный человек в день несчастья» [P.Millingen, I, 4–6].

Не только и даже не столько цареубийством (убит был и Осирис — «первенец из мертвых»), сколько этим потенциально несовершенным своим статусом грешника, вынужденного приводить свои добрые дела на память пред Богом и предостерегать наследников от дурных поступков, — именно этим царь, несмотря на все обращения к Богу как к отцу, демонстрирует свою земную, свою человеческую природу. И демонстрирует, надо признать, не прикровенно, не стыдливо, но столь же ясно и подчеркнуто, как и богосыновство.

В сущности, весь сложный царский заупокойный ритуал, вся мощнейшая экспрессия гробничных текстов, сохранившихся в пирамидах царей и цариц Древнего царства, обретают смысл только в свете человеческой природы фараона. Если бы египтяне однозначно видели в своем монархе бога — все равно, Бога ли творца или рожденного предвечно Сына Божьего, — они не стали бы тратить столько усилий на организацию его

³³ Lichtheim M. *Ancient Egyptian Literature*. Vol. I. Berkeley, 1973, p. 137–138.

загробного спасения, на обеспечение его вечностью, чему посвящены все речения Текстов Пирамид, — ведь Бог вечен и не подвержен умалению и гибели по естеству. Он совершенно не нуждается в сотериологическом ритуале. Он был, есть и грядет и помимо всякого ритуала. Иное — человек. Он сотворен и волен обращаться и к добру, и ко злу. Следуя путем добра, он наследует жизнь, путем зла — смерть³⁴. По естеству человек подвержен страданию и смерти, и только соучастие в естестве божественном может избавить его от этой доли. Отсюда стремление к теозису, которым буквально пронизаны Тексты Пирамид:

«О, Атум, это сын Твой Осирис, которого восставил Ты, дабы мог он жить. Если он живет — Унас будет жить; если он не умирает — и Унас не умрет; если он не гибнет — не погибнет и Унас; если он чужд скорби — избежит скорби и Унас; если он скорбит — будет скорбеть и Унас» [РТ, 167];

«О Ра... Тети есть Ты, и Ты еси Тети! Возрадуйся, Тети! Возрадуйся, Ка Тети! Ибо если ты воссияешь в Тети — воссияет Тети в Тебе...» [РТ, 703–704].

Заупокойный ритуал, как можно воспроизвести его из расположения речений в гробнице, свидетельствует, что далеко не сразу умерший царь достигал состояния просветления. Из 22 упоминаний *ах* (*3h*) царя Унаса в его гробнице 20 приходятся на погребальную камеру³⁵. Именно здесь, где в саркофаге покоились останки царя, совершалась великая мистерия. Все бывшее прежде лишь приуготовление к этому главному таинству заупокойного культа:

«О, Унас, не ушел ты мертвым, ты ушел живым...

Плечи твои — плечи Атума,

Чрево твоё — чрево Атума,

Спина твоя — спина Атума...» [РТ, 134–135];

«Сколь прекрасно стало твоё бытие

О, Унас, стал ты Ах среди братьев твоих — богов,

Свершилось! Свершилось!» [РТ, 221].

Превращение в Ах, воскресение из смерти в жизнь кажется с трудом обретаемой целью, а не естественным состоянием «расчеловечившегося» бога. Царь нуждался в спасении, как нуждается в спасении человек; содеянные же им грехи могли разрушать интимные отношения богосыновства. Чтобы привлечь к себе на помощь всемогущего божественного отца, царю надо было утверждать перед ним свою праведность. Чтобы войти в полноту Отца, ему потребен был заупокойный ритуал.

Как бы подчеркивая эту небожественную природу царя, ряд Текстов Пирамид говорят об усопшем фараоне не как о Ра, Атуме, Осирисе или

³⁴ См., например, Мемфисский трактат [BM 498, 57]: *Pavlova O. Praedestinatio and Liberum Arbitrium in the Memphite Theology. — Ancient Egypt and Kush. Moscow, 1993.*

³⁵ Демидчик А.Е. Термин *3h* в погребальном ритуале фараона Унаса. — История и филология древнего и средневекового Востока. М., 1987, с. 29.

Птахе, но как о скромном пассажире солнечной ладьи [РТ, 367–368], «секретаре», «сидящем пред Ним (Ра), открывающем ларцы Его, оглашающем Его повеления» [РТ, 490–491], кормчем ладьи Ра [РТ, 922], «секретаре» на месте кого-то, кого Ра должен изгнать [РТ, 954–955], и т.д.³⁶. В обращении к царю говорится: «Имел ты обыкновение, пребывая во главе живущих (на земле), делать то, что повелевал Ра, Великий Бог» [РТ, 760].

Естественная божественность царя оказывается недостаточной, чтобы родить наследника — будущего фараона. В царя должен войти Бог, принять его облик, чтобы семя, принятое царицей, имело божественное начало. «Я отец твой... приняв свой облик овна, владыки Мендесского, зачал тебя в твоей царственной матери», — объявляет Птах Рамсесу II³⁷. Если бы не эта особенность, неоднократно подчеркивавшаяся на протяжении Нового царства, то тогда все дети фараона (а при наличии множества жен и наложниц их всегда было немало) были бы ипостасью Бога-Творца, что в действительности никогда не предполагалось. Царственное богосыновство — уникальное качество правящего монарха, не передающееся по наследству непосредственно, хотя символическая диада «Гор–Осирис», часто подразумевавшая здравствующего фараона и его усопшего родителя, казалось бы, давала формальные основания для прямого генетического наследования благодати божественной царственности. Более того, божественное семя может войти и не в супругу царя, а в простолюдинку, которая царя и в глаза никогда не видела, и тогда рожденное от нее будет свято: она произведет на свет нового Сына Ра, положит начало новой династии [P. Westcar, 9, 7–10].

Итак, царь в представлении древних египтян — бог, его без колебаний именуют *ntr*, Ра, Амон и всеми иными именами Верховного Бога, его объявляют высшим Богом, рожденным прежде богов, прежде чем сама смерть пришла в мир [РТ, 1466], солнце оказывается символом царя не в меньшей степени, чем Бога-Творца. Царь — вполне бог. Но он, как простой человек, умирает и, как обычный военачальник, попадает в западню; он впадает в грехи и может прийти к Судии вечности, обремененный прегрешениями, может быть осужден. Пребывание в инобытии «подобным богу, свободно шествующим, как Повелители вечности» [Merikare, 56] для него скорее желанная цель, нежели естественное, «нормальное» состояние. Царь Египта — вполне человек.

Есть ли выход из этой дихотомии? Кто же все-таки царь Египта: бог или человек? Самих египтян это противоречие, кажется, не очень беспокоило. Они его просто не чувствовали. Более того, возникает ощущение, что эта двойственность образа фараона являлась необходимым моментом их мировидения, и потому оба аспекта царской сущности спокойно сосуществуют в одних и тех же текстах, в одной и той же культовой практике.

³⁶ Sethe K. Übersetzung und Kommentar zu den altägyptischen Pyramidentexten. Bd. 2. Glückstadt, 1935, S. 387–388.

³⁷ Цит. по [BAR, III, 400].

Исследователи, достаточно глубоко изучавшие египетские представления о царской власти, не могли игнорировать факта сосуществования божественного и человеческого аспектов личности фараона, но взаимодействие их понималось очень по-разному, колеблясь от «докетизма» Г.Фрэнкфорта, видевшего в человеческом облике царя лишь почти иллюзорную оболочку воплощенного бога³⁸, до приближающейся к учению Павла Самосатского концепции Ф.Дворника, предполагавшего в египетском монархе (по крайней мере с Первого переходного периода) не бога по естеству, но только обожженного человека.

И действительно, проблема сосуществования, соотнесения и взаимодействия человеческой и божественной природ в древнеегипетском царе (а то, что это именно природы, а не частные аспекты однопредельной сущности, мы старались показать выше) кажется центральной и для представлений египтян о власти, и, может быть, для переживания бытия вообще: очень многое из того, что первоначально обнаруживается в текстах царского ритуала, спустя века фиксируется и для простолюдинов, еще раз подчеркивая тем самым генетическую связь фараона не только с миром богов, но и с миром людей.

Ключом к решению этой проблемы могут быть понятия образа Божьего, проявления Божьего, силы Божьей, обычные для египетского царя. «Ты подобен Ра во всем, что творишь; все, что замышляет сердце твое, — свершается, — обращаются придворные к Рамсесу II. — Если глаголешь ты водам „взойдите на горы“, устремляются потоки вод по слову твоему, ибо ты — Ра во плоти и Хепри в своем подлинном облике, ты — живой образ на земле отца твоего Атума из Она... Основание языка твоего — корень истины, Бог пребывает на обеих губах твоих. Сердце твое содеяно по подобию [сердца] Птаха, творца всего сотворенного»³⁹.

Понятие *hntj* «образ, статуя» многократно встречается как связующее царя с богом звено: «Гор-жена... рожденная Ра, дабы превосходным было семя Его на земле на благоденствие человеков, Его образ живой...» — говорится о Хатшепсут [Urk. IV, 362, 2–6]. Подобное выражение — *hntj f' nḥ tp i3* «Его (Бога) живой образ на земле» — употребляется не только в отношении Ра, но и в отношении Амона (например, на стеле Аменхотепа II в Амаде [Urk. IV, 1287, 19], стеле Аменхотепа III у Колоссов Мемнона [Urk. IV, 1676] и др.).

К понятию *hntj* близко по смыслу слово *hprw* «видимый образ, воплощение, форма» от глагола *hpr* «становиться, приходить в бытие»⁴⁰. Отсюда, кстати, Хепри как образ восходящего, приводящего мир в бытие из тьмы ночи, из хаоса, Солнца, олицетворяющего Бога-Творца. Подобно этому и царь может быть *nb hprw R'* «Владыка образов Ра» — тронное имя Тутанхамона; может именоваться «живым образом Атума, существ-

³⁸ Frankfort H. Kingship and the Gods, p. 45.

³⁹ Цит. по [BAR, III, 288].

⁴⁰ О других понятиях, отражающих связь между царем и Богом (*twt, ššp, ššm, šnn, tjt* и т.д.), см.: Ockinga B. Die Gottebenbildlichkeit im Alten Ägypten und im Alten Testament. Wiesbaden, 1984.

вующим подобно Хепри» (о Тутмосе III [Urk. IV, 606, 6]), «живым образом Господа Вседержителя, Владыкой, рожденным Ра, истинным наследником Хепри» [Urk. IV, 1540, 8–9] или просто «образом Хепри, подобным Пребывающему-на-Небосклоне» [Urk. IV, 2133, 17]. Царь как бы восходит в дольном мире, являясь его неотъемлемой частью, «во главе людей», а в нем, в его человеческой природе, восходит Бог, пронизывает человеческое существо лучами божественного света, животворит, превращает в золото, преображает плоть царя и делает зачатого и рожденного во времени и причастного смерти человека предвечным соучастником божественного бытия в качестве *s3 R^c*, Сына Божьего.

Восприятие царя как обитающего на земле телесно образа незримого Бога объясняет и некоторую на первый взгляд несуразность в древнеегипетских представлениях о зачатии фараона:

Амон «принял Свой образ ее супруга — [Его] Величества царя Верхней и Нижней страны Аахеперкара (Тутмоса I)... затем он вошел к ней и сочетался с нею... В присутствии ее рек Амон, Владыка Престолов Обеих Земель: „Се Хенемет-Амон Хатшепсут — имя дочери моей, вложенное ныне в утробу твою...“» [Urk. IV, 219–221].

Подобным же образом в Луксоре повествуется о рождении Аменхотепа III. Что это? Иной вариант богосыновства? Обычно повествования о непосредственном зачатии царицей (или — в [P. Westcar, 9, 9–10] — женой жреца) от Бога будущего царя Верхней и Нижней Страны понимаются именно так⁴¹.

Между тем богу в принципе незачем «принимать образ царя», так как сам царь — образ бога. Представлять, как это делает, например, М.А. Коростовцев⁴², что будущий царь рожден царицей «не от своего мужа, а от самого бога», вряд ли возможно. Муж не пребывал где-то в боковом покое, пока Амон соединялся с царицей. Хатшепсут именовала своим отцом Амона (равно как и иных великих богов), но также и Тутмоса I, мужа царицы Яхмес, в облике которого вошел Амон. И Аменхотеп III чтит не только Амона, но и земного супруга царицы Мутемуи — Тутмоса IV, именовал его отцом. Признаком того, что перед Яхмес предстал Бог-Творец, был особый аромат, наполнивший покой при появлении Тутмоса I. Видимо, заказчик рельефов из Дэйр эль-Бахри пытался показать не противопоставление божественного отца земному, но божественность земного отца в момент соединения с царицей при зачатии будущего сына Ра.

Царь — вполне бог и одновременно — вполне человек. Божественное производит то, что свойственно божеству, а человеческое производит в царе то, что свойственно человеку. В зачатии Хатшепсут, Аменхотепа III и равным образом любого другого будущего царя действовала божественная природа царя-отца (отсюда диада — Осирис-Гор), а не его человеческая природа только; человеческая природа царя при этом не элиминировалась,

⁴¹ Moret A. Du caractère religieux, p. 49–51; Frankfort H. Kingship and the Gods, p. 97.

⁴² Коростовцев М.А. Религия Древнего Египта. М., 1976, с. 150–151.

но соучаствовала в мистерии вочеловечения будущего сына Божьего, освященная природой божественной, аромат которой и ощутила царица Яхмес.

Своеобразие египетских представлений о фараоне в том, что он заимствует плоть не только от матери, но и от отца и через отца же заимствует он и божественную природу, в иных случаях через соитие царем не передаваемую или передаваемую лишь в небольшой степени. Но именно эта земная, человеческая природа, полученная от человеческих родителей, природа слабая, смертная, подверженная страданию, через соединение с природой божественной оказывается способной к роли совершенно исключительной.

Все великие дары богов, сама богочеловеческая природа Хатшепсут (от образа и всемогущего семени Амона, т.е. от божественного в царстве) даруются ей ради одной-единственной цели — пребывания во главе *k3* (*ка*) всех живущих во веки веков [Urk. IV, 244–245]. *K3* — суть, жизненная энергия, сила животворящая, рождающая, пребывающая в каждом живом существе. Войдя и оживотворив, она навсегда соединяется с оживотворенным ею и несет его печать в вечность⁴³. *K3* всех египтян пребывают с *k3* царя. «Царь есть *k3*», — поучает Схотепибра [CM 20538 verso, 15]. *ḥprw* и *k3* часто соседствуют или замещают друг друга, когда речь идет о царе. Но и в том и в другом случае это «образ бога», «образ *k3* бога», «*k3* бога». Я.Ассман высказал предположение, что *ḥprw* относится не к внешней форме солнечного бога, но к его внутренней природе, к его животворящей силе, к его *k3*. В царе *ḥprw* бога и *k3* бога почти идентичны⁴⁴. Еще более радикально относительно *k3* царя высказался Г.Якобсон. По его мнению, Бог-Отец и божественный сын-царь соединены в одно идентичностью их *k3*, общего для обоих. Интерпретируя тот же рассказ о зачатии Хатшепсут, Г.Якобсон отводит *k3* бога роль некоей животворящей пневмы⁴⁵. Позиция эта Л.Гревеном была объявлена «анахронизмом христианской тринитарной доктрины»⁴⁶. И действительно, в этом случае *k3* царя обретает сходство с божественным логосом, замещающим логос человеческий в Иисусе Христе, по еретическому учению Аполлинария Лаодикийского (Младшего).

Реконструкция соотношения природ в египетском царе, перевод крайне фрагментированных и часто литургических по задачам древних текстов в привычную нам систему дискурсивной логики и категориального аппарата эллинистической теологии — пожалуй, самый сложный момент исследования древнеегипетских представлений о власти. Здесь мы коснемся его лишь в минимальной степени.

⁴³ *K3* — одно из важнейших и сложнейших египетских богословских понятий, в понимании смысла которого египтологи далеки от единодушия. См.: *Большаков А.О.* Человек и его двойник. СПб., 2001, подробный обзор литературы по проблеме *k3* на с. 24–34.

⁴⁴ *Assmann J.* Liturgische Lieder an den Sonnengott. — *MÄS. B.*, 1969, H. 19, S. 42–44.

⁴⁵ *Jacobson H.* Die dogmatische Stellung des Königs in der Theologie der alten Ägypter. — *ÄF.* 1939, H. 8, S. 62.

⁴⁶ *Greven L.* Der Ka in Theologie und Königs-Kult der Ägypter des Alter Reiches. — *ÄF.* 1952, H. 17, S. 41.

Итак, в царе присутствуют и божественная и человеческая природа. Они соединены в одном лице, но разница их при этом не исчезает, а, наоборот, полностью сохраняется. Божественная природа, на которой египтяне постоянно делали акцент, именуется «образом», «формой», «*k3* бога». Именно присутствие в царе этой божественной природы позволяет именовать его Богом и сыном Божиим. «О, Унас, посланцы твоего *k3* идут за тобой, посланцы твоего Отца идут за тобой, посланцы Ра идут за тобой» [РТ, 136]. Ра, Отец и *k3* в этой фразе синонимичны. *K3* — здесь не только особая субстанция самого царя, но и сила Отца, его родившая, а потому — и сам Отец. Божественный *k3* в царе — необходимое следствие его рожденности от Бога-Творца, и в этом смысле Ра — *k3* Унаса. Подобным же образом Отец по плоти — *k3* его сына. Например, Птаххотеп поучает: «Если ты — муж достойный, и ты родил сына по милости божьей, и если прям он, подобен тебе, печется со тщанием об имени твоём, твори ему все доброе, он — сын твой, твой *k3* родил его, не удаляй сердца своего от него» [P.Prisse, 3, 9–15].

Если по божеству царь — сын Божий, то и *k3* Бога пребывает в нем, и сам Бог — его *k3*. Часто имя царя объято руками знака *k3*, что Б.Биркстам полагает изобразительной формой идеи божественности монарха⁴⁷. Но царь рожден и по человеческой природе своим отцом-человеком, причем не обязательно царем, и, следовательно, в царе божественному *k3* сопребывает *k3* человеческое. Царь оказывается не плотской оболочкой, наполненной божеством, но полносоставным человеком, как это представляли египтяне, и именно этот полносоставный человек без всякого умаления, или уничтожения, или превращения своей человеческой природы оказывается соединенным с предвечным Сыном Божиим в одно лицо.

Видимо, наиболее ярко переживание этой идеи отразилось в немногих дошедших до нас изображениях поклонения фараона самому себе. Так, в Абу-Симбеле Рамсес II молится статуе сокологолового бога, на которой имеется пояснительная надпись: «Рамсес, Великий Бог, Царь Неба». Близкие по смыслу изображения имеются в храмах Бейт эль-Вали, Акши и в других храмах Нубии⁴⁸. Очевидно, что царь как верховный жрец должен был сам священнодействовать перед статуей бога Рамсеса или это должны были делать жрецы от его имени. Здесь неслиянность божественной и человеческой природы царя фиксировалась совершенно отчетливо. Царь-человек именно как обладатель полной и совершенной человеческой природы (отсюда — первый среди живых) поклонялся сыну Божьему. Кажется ясным, что сам себе никто не будет молиться, следовательно, между царем-человеком и царем-богом осознавалась различность природ; так же ясно, что лишь полное человеческое существо, а не его усеченная и надстроенная божеством часть (за счет божественного *k3*) может являть в

⁴⁷ Birkstam B. Reflections on the Association between the Son-God and Divine Kingship in the XVIIIth Dynasty. — Sundries in Honour of T.Säve-Söderbergh. Uppsala, 1984, p. 38.

⁴⁸ Habachi L. Features of the Deification of Rameses II. Glückstadt, 1969, p. 1–16; Säve-Söderbergh T. Ägypten und Nubien. Lund, 1941, S. 205; *idem*. Einige ägyptische Denkmäler in Schweden. Uppsala, 1945, S. 29–31.

земном мире необходимую для соучастия в божественной литургии полноту; и уже вовсе бесспорно, что предстоящий в виде сокологолового бога царю Рамсесу II «Рамсес, Великий Бог, Царь Неба» являет собой полноту божества в царе. Не разделяя соединенных в одном лице, в царе, божественной и человеческой природы, египтяне ясно различали их и иконографически фиксировали это различие. И оно характерно не только для поздней эпохи, когда возникла особая склонность к сложным теологическим построениям. В ранних памятниках предельно лаконично символически выражается та же идея. Например, на стеле царя III династии Ка-Хеджета (Тот, чья Белая корона высока) [Louvre E 25982] изображен царь-Гор в белой короне, в человеческом облике, со знаками царской власти, которого обнимает сокологоловый Гор, чье местопребывание обозначено как «Великий Храм (Гелиополя)». Здесь иконографическими средствами ясно выявляется и единство и различность природ царя Ка-Хеджета и бога Гора.

IV

Но в чем египтяне видели смысл двуприродности их царя? Почему вновь и вновь обращали они на это вполне отвлеченное, с нашей точки зрения, теологическое построение свое заинтересованное внимание? Можно предположить, что богочеловеческая природа царя являлась для прочих египтян надеждой спасения. Умиравший по плоти царь воскресал по своему божеству, причем воскресал не только духовно, но и плотью. Смертное в царе преображалось бессмертным. Призывания Небесного Отца, которыми наполнены практически все речения Текстов Пирамид, должны были увенчаться спасением от смерти не только и не столько бессмертного и не подверженного разрушению Сына Ра, сколько сына человеческого, обладателя человеческого тела, превращенного искусством балъзамировщиков в «священные останки» (*šḥ*), в образ (*twt*) Осириса:

«Охо! Охо! Восстань, о Тети!

Прими главу твою,

Составь кости твои,

Собери уды твои,

Отряси персть с плоти твоей.

Возьми хлеб свой, не испорченный плесенью,

И пиво свое, которое не прокисло,

Встань у врат, закрытых для человека (*rḥjt*).

Привратник выходит к тебе,

Берет он руку твою

И ведет тебя на Небо к отцу твоему Гебу.

Рад он встретить тебя,

Возлагает он на тебя руки свои,

Целует тебя, ласкает тебя,

Ставит тебя впереди всех воскресших (*šhw*), звезд негибнущих...

Восстань, о Тети, ты не подвержен смерти!» [PT, 654–657].

Значимость этого речения подтверждается тем, что оно встречается с небольшими вариантами в трех царских гробницах — Тети, Меренра и Неферкара (Пепи II). По нашему мнению, здесь фиксируется важнейший момент царского ритуала: воскреснув по плоти, царь как Бог восходит на небо, ему отверзаются закрытые для человеков-*rexim* врата небесные, и царь вводит свое человеческое существо, свою слабую земную плоть в вечность божественного бытия.

Употребляемый в этом речении знак *rhjt* означает «подданные царя; простолудины; люди, человечество; враги». Графически он отражен птицей с переломанными крыльями — , что может указывать на некоторую поврежденность обозначаемого объекта, на его неспособность к самостоятельному существованию. Примечательно, что при важнейшем ветхозаветном жертвоприношении — всесожжении, если в жертву приносила птица, то священник надламывал «ее в крыльях ее, не отделяя их» (Лев 1, 17). Врата неба закрыты для *rexim*, но речение 268 [PT, 371a] указывает, что «спасает Пепи этот людей *nam* (*p^ti*) как член плоти своей»⁴⁹. *P^ti* — это, в прочтении Шпигеля, «народ Верхнего Египта»⁵⁰, А.Гардинера — «автохтонные обитатели Египта»⁵¹, Р.Фолкнера — «вельможи, благородные, человечество» (в отличие от *rexim* «плебеи») ⁵². Но постоянное употребление этих терминов в заупокойной литературе, и обычный их контекст заставляют усомниться в социальной или этнической значимости *nam* и *rexim*, по крайней мере для загробного ритуала⁵³. Скорее, это этико-религиозные категории. Человеку присущ грех, и в этом смысле *rexim* — «человеки, человечество». Но верные царю и ритуально и политически (что тогда, видимо, не разделялось) через него изживают грех, становятся рожденными на благо, на спасение, и в этом смысле *nam* — «благородные; верные». Вот потому и, проходя закрытыми для *rexim* вратами, спасает (*nḥm*) умерший царь *nam* как часть плоти своей⁵⁴, которой уготовано бессмертие и всемогущество [PT, 375], и каждый «оправданный» получает, как Тети у врат Неба, по ходатайству Геба, хлеб и пиво пред лицом Осириса [BD 30B]. Царь не уходит от своих *nam*, как не покидал он их и на земле, являясь *Ka* во главе *ka* всех живущих. Животворя и собирая в своей уникальной богочеловеческой личности все человечество,

⁴⁹ На это место обратил внимание И.Шпигель (*Spiegel J. Das Auferstehungsritual der Unaspyramide*, p. 439), и его подробно рассмотрел Гвин Гриффитс (*Griffiths J.G. The Origins of Osiris and His Cult. Leiden, 1980, p. 439*). Он, в частности, отмечает, что «можно с уверенностью утверждать, что эта фраза имеет как религиозное, так и политическое значение: Унас открывает небо не только для себя, но и для своего народа» (p. 231).

⁵⁰ *Spiegel L. Das Auferstehungsritual der Unaspyramide*, S. 439.

⁵¹ *Gardiner A. Ancient Egyptian Onomastica. Vol. I. Oxf., 1947, p. 119.*

⁵² *Faulkner R. A Concise Dictionary of Middle Egyptian. Oxf., 1962, p. 88, 152.*

⁵³ *Pavlova O. Rhjt in the Pyramid Texts: Theological Idea or Political Reality. — Institut Français d'Archéologie Orientale. Bibliothèque d'Étude. T. 127. Le Caire, 1999.*

⁵⁴ Глаголы *nḥm* и *nd* в значении *избавлять, спасать, воскрешать из смерти в жизнь* проанализированы главным образом на материале Текстов Пирамид в статье: *Griffiths J.G. The Meaning of nd and nd-ḥr. — JEA. 1951, vol. 37, p. 32–37.*

он, побеждая своей обожженной плотью смерть, завоевывает бессмертие для всех тех, кто окружал его, кто повиновался ему, кто пребывал в стаде, которое от Ра было повелено пасти царю. Возможно, строка, сохранившаяся в пирамиде Пепи II, объясняет соотношение *nam* и *ahu* исходя из речения 373:

«О царь!.. Ты являешь себя как Сила (*b3*) во главе всех живущих, как Мощь (*shn*) во главе всех воскресших (*3hw*)» [РТ, 1913–1914].

Быть во главе всех живущих, всех *ka* означает не только править людьми, но и давать им жизнь, и давать с избытком, так, чтобы верные царю при земной жизни входили с ним и через него в вечность, закрытую для птиц, которые не могут взлететь. Подобно тому как земной отец — земное *ka* сына, а сын — его образ на земле; подобно тому как Ра — божественное *ka* царя и царь — его образ, его сын, подобно этому и царь для своих *nam* — спасительная животворящая сила, *ka*, воскрешающая их священные останки, обожжающая их и вводящая в число *ahu*, во главе которых продолжает пребывать царь-спаситель в инобытии:

«Восходит некто к своему *Ka*, Осирис восходит к своему *Ka*, Сет восходит к своему *Ka*... И ты восходишь к *Ka* своему. О, Пепи, грядет некто, и ты не познаешь нужду; грядет Мать твоя, и ты не познаешь нужду; Нут — и ты не познаешь нужду; Великая Защитница — и ты не познаешь нужду! Защитница смятенных ужасом — и ты не познаешь нужду. Она защитит тебя, она не допустит тебя до нужды, она подаст тебе главу твою, она соберет все кости твои, составит все уды твои, вложит она сердце твое в тело твое, дабы пребывал ты во главе всех тех, кто у стоп твоих, и давал повеления тем, кто следует за тобою; дабы сохранил ты дом твой и утолил стелания чад твоих» [РТ, 826–829].

Все сказанное выше, конечно, только предположение — слишком малы фрагменты когда-то великолепной картины, чтобы с уверенностью реконструировать изображенное на ней. Но не объясняет ли гипотетически восстановленное ту поразительную приверженность царю, которая отличала египтян на протяжении тысячелетий? Не освещается ли смысл биографий, начертанных на стенах гробниц вельмож, стремлением подчеркнуть близость к своему спасителю, верность ему? Не говорит ли о том же и желание египтян даже по смерти покоиться рядом с господином своим? Не раскрывает ли сотериологическая роль царя причину постоянного именования его «*Ka* во главе всех живущих», и не эту ли роль символически отражает дарение царями своим подданным гробниц, саркофагов, порталов, склепов и других связанных с заупокойным ритуалом предметов?

V

Казалось бы, бесконечно удаленный по своему статусу от подданных, возведенный на пьедестал божества, царь египетский тем не менее был необходим им не только в повседневной жизни, но и в инобытии. Одной из важнейших функций, связывающих царя и его подданных, является даяние им жертв. На эту его священную обязанность обычно обращают

внимание в одном аспекте: именно живой царь в качестве Гора должен был обеспечивать жизнь *ка* умершего, жертвуя ему «тысячу хлебов, тысячу кувшинов пива, тысячу вещей всяких прекрасных...». Написанная или произнесенная, эта формула имела равную силу — силу божественного слова, ибо, как сказано в Текстах Пирамид, «божественное слово (*mdw ntr*) восставляет» умершего [РТ, 333с]. Но вот царь ушел в мир иной, покинул людей, взлетел соколом в поднебесье, соединился с Тем, Кто породил его, — Творцом, чей образ — Солнце; занял престол Осириса в царстве мертвых, став единой плотью с ним. Теперь оставшийся на земле его наследник — Гор приносит ему самому заупокойные жертвы, обеспечивая ему жизнь в мире ином. Тексты Пирамид предназначены царю, все, что в них заключено, — только для него. Никто не может посягать на то, что положено только ему, — ни боги, ни демоны, ни люди, живые в инобытии, ни мертвые (*mw*), чей удел — голод. Для египтянина Древнего царства загробный мир неизобразим — это мир тайны. Там пребывают те, «чьи обиталища сокрыты». Звезды неразрушимые, воскресшие, почтенные, драгоценные, боги небосклона, *нат*, *рехит*, солнечный народ, ливийцы, азиаты и иные существа создают тот мир, в котором сквозь земные имена и образы просвечивают какие-то инобытийные сущности — враги царя или его верные слуги, благие силы, защитники. Царь в загробном мире — не только Осирис, на что обычно обращают внимание исследователи, но и Атум, Гор Дата (Инобытия) со всеми знаками достоинства царственного владыки. Если это так, то тогда очевидно, что и в загробном царстве он должен выполнять свои функции правителя — побивать врагов, приносить жертвы богам и питать тех, кто зависит от него. Так разрушается образ царя «деспота-эгоиста», живущего в мире ином только для себя. В Текстах Пирамид намеков на то, что царь есть податель жертвы в Инобытии, совсем немного. Тем ценней они для нас.

«...Отвратителен Унасу голод — и не будет он вкушать его.

Отвратительна Унасу жажда — и не будет он пить ее.

Воистину, Унас тот, кто дает хлеб сущим (*ntjw*).

Пища его — божественное млеко Иат.

Оно дает жизнь ему.

Воистину, оно возрождает Унаса.

Зачат Унас в ночи,

Рожден Унас в ночи,

Пребывает он среди тех, кто в свите Солнца,

Кто предшествует Утренней Звезде.

Зачат Унас в Инобытии (Нуне),

Рожден он в Инобытии,

Явился он, и принес он вам хлеб,

Который обрел он там» [РТ, 131–132].

Сущие (*ntjw*) — это блаженные воскресшие, обретшие загробное благое бытие. В гробнице Пепи II в идентичном тексте они представлены с детерминативами божества. В других речениях царь именуется «владыкой

приношений» (*nb htpi*). Царь в его качестве Гора, сына Атума, воскресший среди воскресших, могущественный среди богов, «готовит великую трапезу и большое приношение». Он «шествует по небу и ведет тех, кто в поселениях» [PT, 880–881]. И как высшая степень соединения владыки со своими подданными в инобытии вечно звучат слова:

«Гор дает Пепи этому хлеб его, которым он (Пепи) питает людей своих, и вкушает Пепи хлеб этот вместе с ними» [PT, 1058].

В день рождения египетского царя в инобытии, в дни поминовения умерших не становился ли царь в совместной трапезе со своими подданными одним целым, единой плотью с ними?

Восстающих же на царя лишали погребения, уничтожали их имена, что было равносильно полному уничтожению личности. Их не допускали во врата небесные, и сам царь издавал эдикт, согласно которому нарушители закона не могли стать «во главе *3h*» [Urk. I, 305] в инобытии, лишая их тем самым соучастия в бессмертии.

Сами египетские памятники неопровержимо свидетельствуют, что царь в сознании народа был отнюдь не пугающей деспотической фигурой, попирающей ногами своих подданных, а священным правителем. Грозный и карающий для врагов, но милосердный для всех преданных ему, для тех, кто шел «путем Бога», путем Маат, царь своей божественной сущностью создавал необходимую гармонию в мире. Испорченность же его человеческой природы могла нанести тяжкий удар по благосостоянию Египта. Имя такого царя подвергалось поношению, и прах его мог быть выброшен из гробницы, как поступали египтяне с прахом всех беззаконников [P.Leiden 344 recto, 7, 1–4].

Царь и боги должны жить для своих подданных. Это было очевидно еще в эпоху Древнего царства, когда впервые в надписях появилась фраза «ибо царь живет для вас и Бог живет для вас» (см., например, [Urk. I, 223–224]). Со временем эта формула, употреблявшаяся в заупокойных молениях, превратится в своего рода клятву⁵⁵. Но и от подданных ожидалось безупречное исполнение своих обязанностей, правильное *маатическое* поведение, угодное богам и царю, — все то, что делало «Обе Страны», Небо и Землю, царя и его верноподданных единым телом, исполненным вечной и совершенной жизни.

⁵⁵ Wilson A. The Oath in Ancient Egypt. — JNES. 1948, vol. 7, No. 3, p. 129–156.

Социально-политическое развитие древнего Переднеазиатского Средиземноморья

(до эпохи домината)

Переднеазиатским Средиземноморьем условно называется территория, соответствующая современным государствам Сирии, Ливану, Иордании и Израилю, а также Юго-Восточной Турции. В древности этот регион — от Реки Египетской (ныне Вади ал-Ариш) до Евфрата — воспринимался, несмотря на отсутствие выраженного политического и осознанного этнического единства его населения, как нечто цельное. В местной географической номенклатуре он назывался Ханааном (kəna'an), а в греко-римской литературе — Сирией (Συρία) (сокр. от «Ассирия», Ἀσσυρία).

Оседлые поселения с мощными укреплениями (стенами и башнями) возникли в сиро-палестинском регионе (точнее, в Палестине) уже в VII тысячелетии до н.э. (Иерихон). В эпоху ранней бронзы (ок. 3200 — 2200 г.) здесь широко распространились укрепленные поселения и основной формой общественной организации становится, по всей видимости, городская община; впрочем, не вполне ясно, можно ли уже в этот период говорить о существовании города и государства или же речь должна идти о длительном процессе становления обоих институтов. Если справедлива интерпретация палетки Нармера как свидетельства о походе этого фараона в Палестину, то имеющиеся на ней изображения можно истолковать как схематическое воспроизведение палестинских городов-крепостей с четырехугольными и овальными стенами и башнями; внутри овальных городских стен видно трапециевидное здание с башнями по краям, по всей видимости храм. Из повествования о походе египтян в Палестину в царствование Пиопи I (ок. 2375 или 2350 г. до н.э.) под командованием военачальника Уни видно, что «в стране живущих на песке» имелись и крепости, виноградники и рощи финиковых пальм.

Более обстоятельно и конкретно о хозяйственной и социально-политической жизни сиро-палестинских обществ второй половины III тысячелетия до н.э. позволяют судить документы из Эблы (городище Телль Мардих в 55 км на юго-запад от Халеба), относящиеся ко времени между 2400–2250 гг. до н.э. Общество Эблы было сложным социально-политическим организмом, и его возникновению в том виде, каким оно предстает по данным многочисленных обнаруженных там клинописных табличек

(составленных преимущественно на шумерском языке), предшествовало длительное развитие. Кажется очевидным, что уже к середине III тысячелетия до н.э. в общих чертах сложилась та социально-экономическая и общественно-политическая система, которая просуществовала в сиро-палестинском регионе по крайней мере до конца II тысячелетия до н.э.

Основой хозяйственной жизни в Эбле было земледелие, в том числе выращивание зерновых культур, огородничество, виноградарство, выращивание оливковых деревьев; практиковалось и скотоводство. Из ремесленных производств отмечается обработка металла (в том числе золота и серебра), изготовление бронзы, тканей (шерстяных и льняных) и одежды, всякого рода хозяйственной утвари и оружия, деревянных, металлических и керамических изделий, обработка драгоценных камней. Торговые и политические связи Эблы простирались до Месопотамии (Эмар, Мари, Ашшур) и побережья Средиземного моря (Угарит, Библ), а также распространялись на юг Переднеазиатского Средиземноморья.

Эбла знала рабство (рабы обозначались шумерским термином *guruš*, очевидно эквивалентным семитскому 'bd); рабы были заняты в царском хозяйстве и, вероятно, эксплуатировались также и частными лицами; они фигурировали среди получателей всякого рода выдач из царского хозяйства (царские рабы). Широко распространена была зависимость, описывавшаяся формулой «человек (lú) такого-то» (клиента?). Такие люди могли владеть землей, хотя и не ясно, на каких условиях. Таким образом, в Эбле уже имело место разделение общества по признаку социального статуса и, несомненно, по признаку знатности и богатства.

По своей общественной организации Эбла представляла собой развитое государство, во главе которого стоял царь (на местном языке *malikum*; в шумероязычных текстах *en*), власть которого была наследственной и передавалась из поколения в поколение в пределах одной правящей династии. Известны также функционеры правительственного (царского) аппарата, обозначаемые в шумероязычных документах терминами *lugal* «большой человек» (по остроумному предположению В.А.Якобсона, вероятное соответствие западносемитскому *šār*), *ugula* «управитель» (титул, применяемый к должностным лицам различных уровней; возможно, соответствует западносемитскому *sakinnu*), *dī-ku*, «судья».

Параллельно царскому сектору в Эбле существовал также и общинный, во главе которого стоял коллективный орган управления, именовавшийся «отцы» (AB.AB), — совет старейшин (глав семей), унаследованный от догосударственной эпохи. Упоминаются «сыны», т.е. граждане, Эблы (*dumu-nita dumu-niṭa eb-la^{ki}*). Имелись, очевидно, и общины, объединявшие жителей окрестных поселений, находившихся под властью Эблы или тяготевших к ней.

Царский дворец играл в хозяйственной жизни Эблы исключительно важную роль. Многочисленные документы фиксируют выдачу из царских закромов зерна, металлов, тканей и текстильных изделий как в качестве пайка, так и для последующей производственной деятельности; среди по-

лучателей — поселения (общины) и отдельные лица. Кажется правдоподобным, что фиксировались как работа на царскую казну (в частности, изделия, изготовленные ремесленниками — царскими людьми), так и натуральные повинности, в том числе повинности царских вельмож. С этим же связаны, очевидно, документы, представляющие собой реестры земель, относящихся к отдельным поселениям, и производимой продукции, а также списки и реестры работников (последние, по-видимому, имеют в виду также работу в царском хозяйстве). Среди работников были как рабы и зависимые, так и лично свободные люди.

Сведения о земельных отношениях в Эбле неполны; весьма вероятно существование индивидуального владения и пользования землей. Известно, что в Эбле была широко распространена система царских земельных пожалований. Существовали и временные пожалования.

Материал, позволяющий судить об обществах Палестины и Южной Сирии (?) (Верхнее Речену) на рубеже III и II тысячелетий до н.э., содержит египетская повесть о Синухете. Синухета, бежавшего из Египта, принял в Верхнем Речену один из местных правителей — Амуненши, и здесь беглец достиг высокого положения: Амуненши женил его на своей старшей дочери, дал землю с финиковыми пальмами, виноградниками, оливковыми и другими плодовыми деревьями. На поле, принадлежавшем Синухету, сеяли пшеницу и ячмень; заметную роль в его хозяйстве играло также и разведение скота. Наряду с прочим Синухет упоминает «своих» людей, но статус последних не ясен (рабы? иная форма зависимости?). Кроме этого, Синухет получал приношения, которые он объясняет «любовью» к нему со стороны дарителей. Амуненши сделал Синухета правителем одного из племен «в лучшей части страны». Дети Синухета стали силачами (ср. евр. *gibbōgīm*, превратившееся в обозначение знатных лиц) и борцами, т.е. воинами-аристократами. Когда Синухет собрался возвратиться на родину, его имущество и положение правителя перешли к его старшему сыну.

Как можно видеть, общество, в котором оказался Синухет, представляло собой весьма сложную политическую организацию. Верховный правитель, окруженный приближенными (люди царского сектора?), располагал землями, которые он мог им жаловать. Местные правители получали власть из его рук. Социальная структура общества характеризовалась тем, что наряду со свободными (т.е. не-рабами) существовали, по-видимому, подневольные работники, передававшиеся их владельцами по наследству вместе с остальным имуществом; их контингент пополнялся пленниками, захваченными во время набегов.

В первой половине II тысячелетия до н.э. сиро-палестинский регион представлял собой конгломерат царств и городов-государств, в котором по их значимости должны быть отмечены Каркемиш, Элахут, Йамхад, Алалах, Нухашше, Угарит, Катна, города-государства финикийского побережья Аммуру, Дамаск, Хацор, Иерусалим. Хотя источники информации распределены неравномерно, они позволяют составить общее пред-

ставление об организации, экономической жизни и социальной структуре этих политических образований.

Говоря о хозяйственной деятельности обществ Переднеазиатского Средиземноморья указанного периода, следует отметить их оживленные экономические контакты с Египтом и Месопотамией. Важнейшим объектом торговли была древесина — кедр, кипарис, дуб, до сих пор не отождествленные деревья альмуггим из горных районов Амануса и Ливана. В Египет деревья везли морем, в Месопотамию — по Евфрату через Каркемиш. Среди других товаров, доставлявшихся из Сирии в порядке торгового обмена, а также в виде дани, подарков, добычи и т.п., были зерновые, оливковое масло, вино, мед, текстильные изделия, скот, в том числе лошади. Важным объектом сирийской торговли была медь, которую добывали в Зирануме, неподалеку от Каркемиша, в горных районах Северной Сирии; медь доставлялась также с о-ва Кипр. Через Мари с востока, в частности из Элама, и через морские порты с запада в Сирию доставлялось олово, необходимое для изготовления бронзы. Тутмос III в своем восьмом походе использовал корабли, доставленные на Евфрат из Библа, где они были построены. С начала II тысячелетия до н.э., если не раньше, существовали тесные торговые связи между городами восточного побережья Средиземного моря (в частности, Угаритом) и обществами Эгейского бассейна.

К концу II тысячелетия до н.э. относится ситуация, обрисованная Фукидидом (1, 8), который говорит о колонизации финикиянами островов Эгейского моря. Из письма вавилонского царя Буррабуриаша египетскому — Аменхотепу IV видно, что вавилонские купцы вели активную торговлю в Переднеазиатском Средиземноморье. Активную торговую деятельность вели там и выходцы из Малой Азии. Развита была и торговля между отдельными обществами сиро-палестинского региона. Среди купцов имелись как частные лица, так и царские агенты.

Государства Переднеазиатского Средиземноморья стремились обеспечить безопасность личности и имущества торговцев-чужеземцев. До нас дошли договоры между Каркемишем и Угаритом, предусматривавшие арест и, очевидно, наказание убийц чужеземца и возвращение похищенного имущества, а также штраф при обнаружении убийцы, выплачивавшийся общинными органами управления. Среди общинных должностных лиц имелся начальник рынка, в чьи обязанности входило, очевидно, обеспечение нормальной торговой деятельности и взимание пошлин.

Что касается социальной структуры сиро-палестинских обществ II тысячелетия до н.э., то, несмотря на крайнюю скудность источников, можно констатировать существование там рабовладельческих отношений. Рабы (*wardum*), рабыни (*amtum*), военнопленные (*asīrum*), слуги (*kinattum*), в том числе принадлежащие царю и частным лицам и занятые в дворцовом хозяйстве и на сельскохозяйственных работах, многократно упоминаются в документах из Алалаха XVIII–XVII вв. до н.э. Рабы здесь выступают в качестве объекта купли-продажи, в том числе и вместе с недвижимостью. Раб стоил 25 сиклей или 5–5,5 таланта меди, а рабыня —

50 сиклей. В документах XV в. до н.э. засвидетельствовано выделение рабов из царского хозяйства отдельным поселениям, где они распределялись между жителями; сохранялось рабство-должничество. Аналогичная ситуация существовала в сиро-палестинском регионе практически повсеместно. Понятие «раб» как автохарактеристика нижестоящих по отношению к высшим постоянно употреблялось в письмах из Мари. Вне зависимости от того, какого рода отношения в каждом данном случае реально имели место, существенно, что господство и подчинение всегда расценивалось древними как рабство и таким образом терминологически обозначалось.

Как свидетельствуют угаритские документы XIV–XIII вв. до н.э.¹, рабы (угар. ‘bd, акк. ardu) были здесь имуществом (sglt), объектом собственных прав и разного рода деловых операций. Имеются документы об освобождении от рабства, в том числе женщин по случаю их выхода замуж за свободного. Использование рабов зависело, естественно, от усмотрения их хозяев; в частности, рабский труд применялся в земледелии, существовало и домашнее рабство. В то же время рабы могли иметь признававшиеся обществом семьи, участвовали в торговле на угаритском рынке и облагались соответствующими пошлинами. Такого рода деятельность предполагает сосредоточение в руках рабов определенного имущества и возможность самостоятельно им распоряжаться. Однако с точки зрения угаритского права (как, очевидно, и права других обществ Переднеазиатского Средиземноморья) юридическим собственником имущества, находившегося в распоряжении раба, был его господин.

Естественно, что среди рабовладельцев в Угарите заметное место занимал царь. Однако наряду с рабами в собственном смысле слова в Угарите царскими рабами могли именоваться также и лично свободные царские люди, зависимость которых от царя не была рабской в строгом смысле слова. Как и в обществах первой половины II тысячелетия до н.э., здесь любая зависимость, в том числе и политическая зависимость одного царя от другого, воспринималась как рабство; обычной при обращении низшего по общественному положению к высшему была уничижительная автохарактеристика «раб твой». Переписка из эль-Амарны свидетельствует, что аналогичная ситуация существовала и в других обществах Переднеазиатского Средиземноморья. Широко распространены были и теофорные имена с компонентом «раб». Эти обстоятельства, имевшие место, впрочем, в той или иной форме во всех рабовладельческих обществах, показывают, что противопоставление «раб–свободный (не-раб)» было здесь основным структурообразующим элементом: именно принадлежность к одной из этих групп (хотя, разумеется, не только она) определяла положение человека в обществе.

Переходя к характеристике свободных (не-рабов), надлежит прежде всего отметить, что языки древнего Переднеазиатского Средиземноморья термина «свободный» не знали, по крайней мере до эпохи эллинизма. Это

¹ См.: *Шифман И.Ш.* Угаритское общество (XIV–XIII вв. до н.э.). М., 1982, с. 163–168.

не значит, конечно, что само по себе данное явление не существовало: свобода как социальная институция не была еще познана обществом и поэтому не могла быть терминологически обозначена. Рабам как людям, лишенным права на собственную личность, противостояли лица, обладавшие правом на нее, т.е. правом в рамках, устанавливаемых действующими в данном обществе правовыми нормами, распоряжаться собой по своему усмотрению и в своем интересе. В среде свободных во II тысячелетии до н.э. отчетливо наблюдается как имущественное расслоение, так и возникновение различных правовых статусов в зависимости от принадлежности того или иного лица к общинному или к царскому сектору.

Поскольку основной отраслью производства во II тысячелетии до н.э. продолжало оставаться земледелие, логично остановиться прежде всего на отношениях собственности и владения в этой сфере. Развитие товарных отношений было естественным следствием индивидуализации производства как в ремесле, так и в земледелии. Другим следствием этого же процесса было возникновение индивидуального присвоения и постепенное становление частной собственности на землю. Препятствием на этом пути было представление о земле как об общем всенародном достоянии данного рода, племени, общества — достоянии, которое ни при каких обстоятельствах не может быть отчуждено. Поэтому частная собственность первоначально возникает вне сферы родоплеменного землевладения, видимо на индивидуально захватывавшихся пустошах; внутри этой сферы предпринимаются попытки обойти существующие запреты. Лишь на сравнительно позднем этапе общественного развития соответствующие установления родоплеменного строя превращаются в фикцию, а термины меняют свой смысл.

Документы из Алаха XVIII–XVII вв. до н.э., позволяющие судить о положении в Сирии в первой половине II тысячелетия до н.э., показывают, что здесь уже имела место купля-продажа земли. До нас дошли документы об отчуждении виноградников. Предполагают, что низкие цены (9–10 сиклей серебра за ику) свидетельствуют в данном случае о фиктивности сделок, оформлявших захват земли у несостоятельных должников; однако, даже если бы это было так (что само по себе недоказуемо), это не устраняет самого факта отчуждения. Так как лица, отчуждающие землю, не нуждаются в чем-либо разрешении для совершения сделки, остается принять, что они осуществляли свои права частных собственников. Особое место в алахской документации XVIII–XVII вв. до н.э. занимают акты о покупке царем селений с их повинностями у частных лиц. Имеется также документ, которым селение отчуждается в пользу жены отчуждающего. В нашем распоряжении нет сведений о том, каким образом те, кто отчуждали поселения, становились их собственниками. Может быть, это были потомки родовых старейшин, узурпировавшие в свою пользу прерогативы и права рода². Не исключены, однако, и другие возможности,

² Klengel H. Geschichte Syriens im 2. Jahrtausend v.u.z. Bd. I. B., 1965, S. 22.

например, пустовавшие земли могли быть захвачены предками продавцов и они поселили на этих землях своих людей с условием выполнения повинностей. Как бы то ни было, и в данном случае имело место осуществление прав частного собственника³. Очевидно, что цари стремились сосредоточить в своих руках земельный фонд. В результате царь становился собственником приобретенной земли и селений; возникали ли при этом отношения верховной собственности на землю, сведений нет. Жители этих поселений не упоминаются как объект купли-продажи; они, очевидно, сохраняли личную свободу, хотя и оказывались теперь на царской земле с обязательством выполнять повинности в пользу царя.

Документы из Алалаха XV в. до н.э. также свидетельствуют о существовании частной собственности на землю. В реестрах повинностей учитываются отдельные хозяйства, причем их размеры неодинаковы, и соответственно различаются размеры повинностей. Земля является объектом всякого рода сделок, в том числе заклада и отчуждения. Какие-либо оговорки, которые свидетельствовали бы о существовании верховной собственности на закладываемую или отчуждаемую землю тех или иных общественно-политических институций (царь, община и т.п.), отсутствуют. Не ясно также, принадлежала ли эта земля общинному или частному сектору.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы бесспорно говорят о существовании в Алалахе на протяжении всей первой половины II тысячелетия до н.э. общинного сектора. Общины (*ālu*), возглавляемые старейшинами (*šībūti*^{mes}), должны были выполнять повинности (*ilku*), налагавшиеся на селение, т.е. отдавать в царскую казну долю урожая и посылать людей в царское войско и на царские работы. В свою очередь, общины получали выдачи из царских амбаров, возможно для пропитания лиц, отправлявшихся на выполнение повинностей. Вероятно, к числу общинных должностных лиц следует отнести градоправителя (*ḫazannum*), судью (*day-ūnum*), мираба (*rābiš iki*)⁴. Такой была ситуация в XVIII–XVII вв. до н.э. Выдачи ячменя, полбы и муки отдельным селениям практиковались и в XV в. до н.э.; получателем являлся «человек» селения, т.е., вероятнее всего, местный магистрат. Селения по-прежнему выполняли повинности, однако внутри их повинности распределялись, как сказано, в соответствии с размерами хозяйства.

Как уже отмечалось, документация XVIII–XVII вв. до н.э. свидетельствует, что в царском секторе в Алалахе имелись поселения, жители которых сидели на царской земле и выполняли повинности в пользу царя. Наряду с этим существовало, очевидно, и служилое землевладение, когда царские люди различных рангов получали от царя землю за свою службу. Уже в документах XVIII–XVII вв. до н.э. упоминаются надсмотрщики, управители, обслуживающий персонал царского дворца, а также царский

³ Gaál E. Alalah társadalma és gazdasági élete az I.E. 18–17 százabdan (a VII. réteg okmányai alapján). Budapest, 1972, p. 14–25.

⁴ Ibid., p. 74–76.

вазир (*суккалум*), наместник (*шакканакуум*) и писцы (*тутшаррум*)⁵. Помимо выдач из царской казны серебром и натурой они могли получать и земельные наделы.

Согласно документам XV в. до н.э., в Алалахе по-прежнему существовали царские поселения. Воины различных рангов получали земельные наделы. Алалахское общество XV в. до н.э. знало разделение царских людей — воинов на несколько групп, чьи титулы, по-видимому, соответствовали их положению при царском дворе и в войске. В Алалахе было развито кабальное ростовщичество, что свидетельствует о социальной дифференциации в среде свободных.

Изучение угаритских документов XIV–XIII вв. до н.э. позволило более обстоятельно охарактеризовать систему земельных отношений, существовавших, очевидно, не только в Угарите, но и повсеместно в интересующем нас регионе во второй половине II тысячелетия до н.э. Здесь также весьма четко выделяются общинный и царский секторы со своими специфическими отношениями собственности.

В сфере общинного землевладения может быть выделена прежде всего родовая наследственная земля (акк. *zittu*), которая не могла отчуждаться за пределы рода. Так как развитие частнособственнических отношений должно было преодолевать это древнее правило, оно обходилось тем, что продавец усыновлял или принимал в братья покупателя, который в результате получал возможность беспрепятственно овладеть приобретенной им землей.

Возможно, в Угарите существовал обряд, аналогичный библейскому Юбилею (см. ниже). В ряде случаев родовые наследственные земли оказывались в руках царя, который распоряжался ими по своему усмотрению. Очевидно, отдельные роды, передавая свои земли царю, отказывались от своих имущественных прав, порывали с общиной, изымая свои земли из сферы общинного землевладения, и превращались в царских людей.

Другую группу общинных земель составляли земли, являвшиеся благоприобретенной собственностью (акк. *šimātu*). Сделки по поводу таких земель совершались без участия царя и его должностных лиц (поскольку царь не имел над ними власти), а также без участия органов общинного самоуправления, однако в присутствии свидетелей, которых должно было быть от четырех до семи, причем не обязательно местных жителей. Сделки такого рода свидетельствуют о существовании в общинном секторе Угарита сформировавшейся частной собственности на землю, причем собственник, распоряжаясь землей по своему усмотрению, не был обязан испрашивать волеизъявления общины.

Земли, находившиеся в пределах царского сектора, могли быть объектом сделки, совершавшейся «пред лицом» царя. Царь выступает здесь как верховная административная инстанция, оформляющая и свидетельствующая сделку, поскольку поля, являвшиеся ее объектом, находились в

⁵ Ibid.

сфере его юрисдикции. Основываясь на этом, можно констатировать существование в царском секторе частной собственности на землю. Наряду с этим документы из Угарита показывают, что в царском секторе существовали земли, которыми царь мог распоряжаться не только как верховный властитель, но и как непосредственный участник операции. Среди них должны быть отмечены пожалования земли либо при условии выполнения получателем определенных обязанностей, в том числе и должностных, в пользу царя, либо за верность и усердие, либо без каких-либо конкретных условий. Среди пожалований имелись и поселения, которые получатель мог заселить и своими людьми. Такие акты гарантируют получателю и его потомкам вечное и неоспоримое владение пожалованным имуществом; фактически, однако, царь мог отобрать эти пожалования и передать их другому лицу.

Особое место занимают царские пожалования, сопровождавшиеся выплатой царю определенной денежной суммы. Эти сделки фактически оформляют покупку у царя земли и иной недвижимости; они свидетельствуют, следовательно, о приобретении таких земель в собственность. Ряд документов фиксируют куплю-продажу или обмен землями одновременно с царским пожалованием земли тому, кто ее приобретает. В этих случаях можно констатировать существование разделенной собственности на землю, дома и т.п.: верховной — царя и подчиненной — лиц, которым она была пожалована царем. Естественно, что значительные земельные массивы царского сектора находились непосредственно в руках царя, и там создавались царские хозяйства. Среди имуществ, являвшихся объектами сделок, перечисляются поля, плантации оливков, рощи финиковых пальм, сады, виноградники, дома, башни (*димту*) и давилни (*гат*). Каждое «поле», называемое именем владельца, представляло собой законченный хозяйственный комплекс; концентрация земли происходила путем сосредоточения в одних руках большого количества «полей».

Уже в документах из Алалаха XVIII–XVII вв. до н.э. упоминаются разного рода ремесленники, работавшие в царском хозяйстве и получавшие сырье и вознаграждение серебром и натурой из царских амбаров; известны кожевники, плотники, прядильщики и ткачи, пивовары; среди получающих оружие из царских складов упоминаются брадобреи, музыканты, пекарь. К XV в. положение существенно не изменилось, хотя специализация стала явно более дробной. Известны, во всяком случае, плотники, кожевники, кузнецы, резчики по камню, ювелиры, птицеловы, конюхи, музыканты, врачи. Материалы для работы и плату за труд ремесленники получали из царских складов. Некоторые ремесленники получали из царских фондов землю.

Во второй половине II тысячелетия до н.э., как показывают документы XIV–XIII вв. до н.э. из Угарита, ситуация в целом оставалась прежней. Среди ремесленных производств, которые в Угарите были развиты, могут быть отмечены изготовление керамических изделий, обработка металлов, в том числе драгоценных, изготовление металлических изделий, прежде

всего бронзовых, тканей и одежды, мебели, колесниц. В угаритских документах упоминаются гончары, каменотесы, литейщики, в том числе литейщики бронзы, а также серебра, изготовители луков, строители домов, изготовители колесниц, кораблестроители, пекари, попонщики, валяльщики, изготовители музыкальных инструментов, наконечников стрел, пахотных орудий, ткачи, кожевники, скульпторы. Значительную группу ремесленников составляли царские люди (bnš. mlk), т.е. те, кто непосредственно принадлежал к царскому сектору. Сырье и пайки ремесленники получали из царской казны и туда же поставляли свою продукцию. Несомненно, были ремесленники, работавшие для продажи на рынке.

Для угаритского общества XIV–XIII вв. до н.э. характерна глубокая социальная дифференциация. К числу крупных собственников принадлежал Синарану, сын Сигину, который владел 13 домами, 9 полями и мог уплатить царю 3800 и еще несколько тысяч сиклей серебра, владел собственным кораблем (кораблями?) и вел торговлю на Крите. Владельцем огромных богатств был Такхулину, который также сосредоточил в своих руках несколько хозяйственных комплексов и мог взять на себя обязательство восстановить за свой счет поселение Атка-Шакна. Известны и другие богачи — Абди Мильку, Курбану, сын Баалазки, Амтуруну и др. Большими состояниями располагали члены царской семьи. Очевиден и другой полюс — недоимщики по платежам и поставкам в казну — те, кто был лишен земли и иных средств производства, был вынужден брать займы и идти в батраки, бежать на чужбину. Однако основную массу свободных (до 70%) составляли мелкие производители, владевшие средствами производства и сами работавшие в своем хозяйстве.

Разделение на общинный и царский секторы определяло собой всю общественную и политическую структуру свободного населения Угарита.

Община в угаритской терминологии именовалась, по-видимому, терминами gbš, m'd, kl'at. Общинники были обязаны выплачивать царю налоги, в том числе десятину, пошлинные сборы, приношения, участвовать в выплате дани хеттскому царю и нести в пользу царя трудовую повинность. В сношениях с внешним миром угаритская община в целом и отдельные местные общины выступали как цельный коллектив и субъект права, в частности как сторона в споре о владении землей, в спорах по разного рода межгосударственным конфликтам. В Угарите действовало народное собрание (угар. pḫr, mḫrt) и совет «отцов» (^[ami]abbī^{meš} al-u-ga-ri-[it]), вероятно совет глав родов. Высшим должностным лицом в угаритской общине был *сакину*, чьи функции были параллельны функциям царя. Он представлял интересы общества в сношениях с другими государствами, вел самостоятельную переписку с чужеземными правителями и принимал послов, был облечен судебскими полномочиями, поддерживал порядок на территории Угарита. В своих действиях он был формально независим от царя (в действительности решения, конечно, согласовывались), но должен был руководствоваться решениями «отцов». Сакину, очевидно,

тождествен *хазанну* города, т.е. Угарита. В подчинении у сакину находился начальник рынка. Кроме того, известны управляющий полями и начальник овечьих троп, т.е. магистраты, ведавшие земледелием и отгонным скотоводством, благоустройством этих сфер хозяйственной деятельности и поддержанием порядка.

Во главе царского сектора стоял непосредственно царь; он жаловал земли из царского фонда своим приближенным различного ранга. Обязанности получателей царской земли сводились к выполнению трудовой повинности, поставкам продовольствия во дворец, выполнению отдельных поручений царя, участию в выкупе царя, если он попадет в плен. В документах из Угарита употребляются термины *ильку*, *пильку* и *унуссу*. *Пильку* представляло собой выполнение определенных, в том числе должностных, обязанностей при царском дворе. Термины *унуссу* (хурритский) и *ильку* (аккадский) совпадают по своему значению («хождение»); они обозначали различные обязанности, которые более точно определить невозможно, в том числе денежные выплаты царю и службу в царском войске. Среди царских людей определенно выявляются две группы: те, кто занят в царском хозяйстве (землевладельцы, ремесленники и торговцы), и те, кто занимал придворные должности, служил в царском войске и т.п. Среди последних отмечаются, в частности, *мажарухли* (секирщики), *марианну* (колесничие), *санану* (воины-пехотинцы), *мур'у* (воины охранных отрядов?) и т.п. Каждый титул такого рода, вероятно, соответствовал фиксированному положению и в иерархии угаритских «царских людей», однако обладание таким титулом не всегда влекло за собой выполнение определенных функций. По своему материальному положению носители титулов не выделялись из общей массы населения, в среде носителей одинаковых титулов не было имущественного равенства.

В угаритских документах встречаются термины *хупсу*, обозначающий людей, стоявших вне гражданского коллектива и сообщества «царских людей», не обладавших имущественным цензом, а также *сапиру* (акк. *ха-тиру*) — беглецы, утратившие гражданские и общественные связи.

Аналогичная или близкая ситуация существовала, несомненно, и в других обществах Переднеазиатского Средиземноморья. Здесь прослеживаются как царская власть и царский сектор, так и общинная организация. Библейские повествования о покупке Авраамом участка земли для погребения его жены Сарры и о покупке Иаковом земли в Сихеме показывали, что в городах Палестины второй половины II тысячелетия до н.э. существовала частная собственность на землю, которая могла быть объектом купли-продажи и не подлежала переделам или заменам. Санкция общины на совершение сделки была необходима лишь постольку, поскольку речь шла о продаже земли не члену общины; иначе говоря, правом на землю здесь могли обладать только общинники или лица, которым оно было даровано (типа греч. *γῆς εὐκτησίας*). Аналогичную ситуацию, но без упоминания об общине или ее органах власти показывает и предание о покупке Давидом участка земли в Иерусалиме. Документы эль-амарнской пере-

писки свидетельствуют об активной роли, которую в кризисной ситуации играло народное собрание; в ряде случаев (когда в роли отправителя письма выступает не царь, как обычно, а город, т.е. коллектив граждан) есть основания предполагать существование республиканского режима. Египетское повествование о путешествии Ун-Амуна в Библ упоминает совет (mw'd) Библа⁶.

Вторая половина II тысячелетия и рубеж II–I тысячелетий до н.э. ознаменовались в жизни обществ Переднеазиатского Средиземноморья важными общественно-политическими событиями, представлявшими собой по существу начало нового этапа. В сфере социально-экономической на протяжении длительного времени наблюдается сосуществование и взаимодействие обществ, за плечами которых было развитие в течение тысячелетий индивидуализированного сельскохозяйственного и ремесленного производства, частнособственнических отношений, товарного хозяйства, сложной сословно-классовой социальной структуры и государственности, с обществами, еще только оседавшими на землю или сравнительно недавно осевшими, у которых переход к раннеклассовой структуре вырисовывался еще только как историческая перспектива. Неравномерность социально-экономического развития отдельных обществ Переднеазиатского Средиземноморья — вот то явление, которое определяет в первой половине и середине I тысячелетия до н.э. облик интересующего нас региона.

Оседавшие на землю в Палестине и Сирии общества находились у порога формирования государственности. По-видимому, этой стадии общественного развития точно соответствует та характеристика библейских патриархов, которая может быть сформулирована на основании библейской нарративной традиции (Книга Бытия), — с учетом, разумеется, всякого рода анахронизмов.

Основным занятием библейских патриархов традиция изображает скотоводство — разведение мелкого рогатого скота, причем в роли пастухов выступают сыновья домовладыки. Каждый кровнородственный коллектив представляет собой замкнутую ячейку; ему принадлежат определенные пастушеские угодья и колодцы, из которых поят скот. Скотоводческому полукочевому или кочевому образу жизни этих людей, которые находились вне оседлых гражданских коллективов, соответствовало и их традиционное обозначение 'ibṛī (тождественное более раннему 'pr-ḥarīṣu), которое Септуагинта в одном чрезвычайно показательном случае (Быт., 14, 13) переводит ὁ πειράτης «бродяга». Показательно для общественной психологии эпохи, что, по преданию (Быт., 4, 1–5), угодной божееству оказывается жертва скотовода, тогда как жертва земледельца фактически отвергается. Даже спустя полутысячелетие жизнь кочевника-скотовода счита-

⁶ Путешествие Ун-Амуна в Библ. Египетский иератический папирус № 120 Государственного музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина в Москве. Изд. текста и исслед. М.А.Коростовцева. М., 1960 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия. IV), с. 60.

лась наиболее достойной и угодной богу (ср. описание образа жизни и идей рехавитов у Иеремии, 35). Продукты земледелия покупали у соседей, а в случае неурожая — в Египте. Однако библейская традиция говорит и об оседании на землю, и об обладании множеством пахотных полей (Быт., 26, 12–14). Переход к оседлому земледелию завершился к последним векам II тысячелетия до н.э.

Уже на этом раннем этапе развития общества намечается социальное расслоение; в частности, в хозяйстве патриархов были рабы и рабыни (Быт., 12, 16; 16, 1; 20, 14; 24, 2, 35; 26, 18–19). Наряду со всякого рода хозяйственной деятельностью и выполнением всевозможных поручений рабы могли быть управителями и вести хозяйство своего господина. Как показывает предание об Иосифе, могли иметь место случаи похищения свободных и продажи в рабство, в том числе и сородичей. Имелись и наемные пастухи — те, кто по каким-либо причинам утрачивал родовые связи и не мог владеть своей долей родового имущества. Речь Иакова (Быт., 31, 38–40) выразительно рисует условия, в которых жил такой пастух: «Вот, двадцать лет я с тобою; овцы твои и козы твои не выкидывали, и овнов из мелкого скота твоего я не ел. Растерзанного диким зверем я не приносил к тебе; я нес убыток; от меня ты требовал украденное у меня днем и украденное у меня ночью. Я был — днем пожирал меня зной и мороз ночью, и удалялся сон от глаз моих». Основную массу, однако, составляли свободные земледельцы и скотоводы, трудившиеся в своем хозяйстве и теоретически равноправные как экономически, так и политически.

Как свидетельствуют повествовательные части библейского Пятикнижия, а также Книги Иисуса Навина, Судей и I Самуила, основной структурной общественно-политической единицей древнеизраильского общества было на изучаемом этапе племя (*šābāt, matṭā*) — сообщество родов, ведших происхождение от реального или предполагаемого общего предка, именем которого (часто сынами которого) они называются. Племя возглавлялось вождем (*nāšī* — Числ., 1, 5; 16; 13, 4–15; 34, 17–28; *nāgīd* — I Хрон., 27, 16–22), активную роль в управлении играли «старцы» (*zēqēnīm*) и народное собрание. Каждое племя владело своей территорией. Внутри племени существовали семейно-родовые ячейки (*bēt 'ābōt*) и кланы (*mišpāḥā*, ср.: Числ., 1, 20–45; Ис. Нав., 7, 17). Все общество представляло собой союз племен, объединенных общим культом бога Йахве и общими традициями, в том числе и родословия о происхождении от общего предка-эпонима Иакова, чье второе имя (Израиль) было названием племенного союза. Предки-эпонимы отдельных племен традиционно считались сыновьями Иакова (предки-эпонимы племен Эфраим и Менаше — усыновленными Иаковом сыновьями его кровного сына Иосифа); предки-эпонимы отдельных племенных подразделений — сыновьями племенных эпонимов.

Эта организация (союз племен) была весьма неустойчивой. Важнейшей институцией был здесь общий культ и общее место отправления культа. Культивировалось представление о некоторых нормах поведения,

нарушение которых подлежало наказанию. Главою союза был харизматический магистрат — «судья» (*šōrēṭ*), по всей видимости, функционировали совет и народное собрание. Перед нами демократически организованное народовластие, когда специализированного аппарата управления не существует. Отдельные племена участвовали в общесоюзных предприятиях постольку, поскольку были с ними согласны; общие решения для отдельных племен не имели обязательной силы. Поэтому данный период (эпоха Судей) традиция оценивала как время фактического безвластия: «в те дни не было царя в Израиле; каждый что ему нравилось делал»⁷ (Суд., 21, 25). Членство в союзе племен не препятствовало отдельным племенам воевать между собой, объединяться в коалиции, вести войны с внешними врагами.

Родоплеменная организация и племенной союз послужили той базой, на которой сформировалась иудейско-израильская государственность, и продолжали существовать вместе со своими институтами в рамках этой государственности в течение всей первой половины I тысячелетия до н.э.⁸ Они были разрушены одновременно — вместе с гибелью Израильского и Иудейского царств.

На рубеже II и I тысячелетий до н.э. социальная дифференциация внутри иудейско-израильского общества приняла отчетливо выраженный характер, сформировалось государство и в целом общество приняло облик, который сохраняло вплоть до середины I тысячелетия до н.э.

Основная линия социального водораздела отделяла рабов (*ʿabad* «раб», *ʿāmā* «рабыня») от свободных (не-рабов). Совокупность рабов (*familia*) обозначается термином *ʿābuddā* (Быт., 26, 14; Иов., 1, 3) (аналогичным акк. *ardutu* в угаритской документации). Как показывают Эзра (2, 64–67) и Нехем. (7, 66–67), к середине I тысячелетия до н.э. рабы составляли около 15% всего населения. Вечные рабы в библейских законах рассматривались как часть имущества господина, его наследственная родовая собственность (*ʿaḥuzzā*, ср.: Лев., 25, 45; Исх., 21, 21; 20, 17; Втор., 5, 18). Рабы могли быть объектом купли-продажи, передаваться по наследству. В случае, если бык забодает раба, его господину следовало заплатить 30 сиклей серебра, что соответствовало обычной стоимости взрослого раба (Ис., 21, 32). Как правило, соплеменник мог быть обращен в вечное рабство только за совершенное преступление, в частности за воровство; продажа в рабство («за деньги») правого, т.е. не совершившего наказуемых деяний, считалась преступлением. Похищение и продажа в рабство соплеменников также рассматривались как преступление, караемое смертной казнью. Однако соплеменник мог быть обращен в «вечное» рабство по его собственному желанию. Как бы то ни было, основную массу вечных рабов составляли чужеземцы — обращенные в рабство военнопленные, покупные ра-

⁷ Здесь и далее переводы автора.

⁸ См.: Шифман И.Ш. Финикийская историческая традиция в греческой и римской историографии (проблема происхождения финикийян). — Древний Восток и мировая культура. М., 1981, с. 40–48.

бы и прирожденные (термин *ḥānīk*, употребленный в Быт., 14, 14–15, соответствует, как показал И.Д.Амусин, греческому *θρεπτός* и латинскому *verna*).

Все рабы приобщались к культу Йахве и подвергались обрезанию, допускались ко вкушению пасхи, на рабов распространялся субботный отдых (Исх., 12, 14; Втор., 3, 5, 12–15), т.е. они включались в коллектив, находившийся под властью домовладыки. С этим связано и представление о возмездии, ожидающем господина в случае убийства раба, поскольку раб рассматривался как сородич, чью кровь нельзя проливать безнаказанно. Если бы господин выбил рабу глаз или зуб, раба следовало отпустить на свободу (Исх., 21, 26–27) — возможно, потому, что калеки такого рода считались наделенными сверхъестественной силой и их следовало задобрить. Включение раба в «дом» господина могло привести к тому, что раб оказывался его наследником. Источники позволяют увидеть рабов, выполнявших всевозможные, в том числе и физические, работы по дому, сопровождавших господина в его поездках, рывших колодезь, моловших зерно на ручной мельнице, жавших зерно на поле, вообще работавших на поле, но также и ведших хозяйство господина. Имелись и рабы, ведшие самостоятельное хозяйство, но обязанные доставлять господину долю урожая и обрабатывать его землю. По Иезекиилю (46, 16–17), господин мог предоставить рабу в виде дара часть своего наследственного имущества, однако оно оставалось в руках раба только до Юбилейного года, а по истечении этого срока должно было быть возвращено сыновьям господина.

В иудейско-израильском обществе имелась прослойка временных рабов-единоплеменников. Рабство такого рода возникало при продаже несостоятельного должника или членов его дома, а также при продаже по иной причине. Такие рабы подлежали освобождению в Юбилейный год, согласно Исх., 21, 2–6 и Втор., 15, 12–18 (ср. также Иерем., 34, 14). Раб-единоплеменник (*‘ābād ‘ibrī*; здесь *‘ibrī* уже равнозначно слову *yeḥūdī*) должен был быть освобожден на седьмой год по обращении в рабство, если не выразит желания сохранить свое рабское положение.

Особое место в иудейском обществе первой половины I тысячелетия до н.э. занимали «сыновья рабов Соломона» (*bēnē ‘abdē šēlōmō*), десять родов которых вернулись в Палестину из вавилонского плена (Эзра, 2, 55–57; Нехем., 7, 57–59). Они не принимали участия в народном собрании, на котором провозглашалось Моисеево законодательство, следовательно, не имели гражданских прав в общине. В то же время они имели родовую организацию, и их статус был явно наследственным. Представляется вероятным, что «сыновья рабов Соломона» образовывали группу неполноправного, хотя и лично свободного населения, поставленного еще царем Соломоном (X в. до н.э.) в какие-то специфические условия: они были, очевидно, и в самом деле потомками рабов этого царя.

Среди подневольного населения упоминаются *peṭīnīm*, которых, по преданию (Эзра 8, 20), царь Давид и вельможи отдали для работы на левитов. Они имели родовую организацию, привлекались к участию в об-

щенародных предприятиях наравне со свободными полноправными членами общины. Жили *nētīnīm* вне Иерусалима, в городах Иудеи (Нехем., 11, 3). Существенно, что в социальном положении *nētīnīm* совмещались две характеристики: подневольность (служение левитам) и присущая свободным членам общины гражданская правоспособность. Перед нами своеобразный статус, аналогичный тому, который в эллинском обществе именовался «между рабами и свободными» (*μεταξύ ἐλευθέρων καὶ δούλων*)⁹.

Каким бы ни было соотношение численности рабов и свободных, каково бы ни было положение рабов в сфере хозяйственной деятельности, рабство, как и прежде, накладывало свой отпечаток на все стороны жизни общества. В частности, рабами царя именуются не только рабы в собственном смысле этого слова (I Сам., 21, 8; Иерем., 38, 7), но и лица, принадлежавшие к царскому сектору, — придворные, должностные лица и т.п. До нас дошли их печати: «Шемы' раба Йаров'ама»; «Шемы' раба царя» и т.д.¹⁰. Слово «раб» (*'ābād*) могло быть применено и к лицам, не состоявшим на царской службе, с тем чтобы подчеркнуть их статус подданных царя, их — в этом качестве — несвободу (ср.: I Сам., 17, 8; возможно, I Цар., 5, 15–25 и параллельно II Хрон., 2, 6–8).

В нашем распоряжении имеются свидетельства, позволяющие судить о примерной численности свободного населения (не-рабов). Так, по переписи, проводившейся по приказанию Давида, общее число мужчин, способных к воинской службе, составило 1300 тыс. (по Хрон., 21, 4–6: 1570 тыс. воинов без левитов и биньяминитов). В 738 г. до н.э. в Израильском царстве насчитывалось около 60 тыс. глав семей, достаточно богатых, чтобы внести 50 сиклей серебра в уплату дани ассирийскому царю. Так как распределение дани (всего 1 тыс. талантов) производилось на всех воинов, обладавших достаточным имущественным цензом, ясно, что полученная при переписи цифра не отражает численность населения всего Израильского царства. При захвате Самарии ассирийский царь Саргон II взял в плен 27 290 человек. Изложенное выше позволяет судить о численности свободного населения Израильского и Иудейского царств — оно составляло порядка 5 млн. человек¹¹.

Ситуация, существовавшая в среде свободных, характеризовалась, как уже сказано, развитием социальной дифференциации. Это отчетливо наблюдается в сфере земельных отношений.

Теоретически вся страна считалась принадлежащей богу Йахве, который во исполнение своего договора с Израильским племенным союзом отдал ее древним израильтянам в вечную неотчуждаемую родовую собственность — *la'āḥuzzat 'ōlām* (Быт., 17, 18; 48, 4). Это обычное для древ-

⁹ Согласно другой точке зрения (*Weinberg J.P. Nētīnīm und Söhne der Sklaven Salomos im 6.–4. Jh. v.u.z. — ZAW. 1975, Bd. 89, H. 3, S. 355–371*), и «сыны рабов Соломона», и *nētīnīm* до разрушения первого храма были «царскими людьми», в послевоенный период вошли в состав гражданско-храмовой общины как низший слой, а после V в. исчезли.

¹⁰ *Lidzbarski M. Kanaanäische Inschriften. Giessen, 1907, S. 11.*

¹¹ *Vaux R. de. Les Institutions d'Ancien Testament. T. 1. P., 1961, p. 104–106.*

ности построение, согласно которому каждое божество владеет территорией, где пребывает и осуществляет свою власть, должно было обосновать законность захвата Израильским племенным союзом ранее ему не принадлежавшей территории. Из изложенной выше предпосылки следовало, что земли, являвшиеся родовой собственностью, были получены в результате раздела захваченной страны между отдельными племенами и внутри племен — между отдельными родами, как об этом рассказывается в Книгах Иисуса Навина и Судей. В целом эти рассказы, вероятно, суть позднейшая систематизация соответствующих преданий; за ними, однако, должна стоять и некая объективная реальность.

Библейское право знало два вида земельной собственности. Один из них обозначался терминами 'āḥuzzā (корень 'ḥz «брать») и naḥālā «наследие». Такие земли не должны были выходить за пределы рода; дочь-наследница не должна была выходить замуж вне своего рода. Соответственно правом приобрести такую землю на вечные времена обладали только сородичи. Попытка израильского царя Ахава (869–850 гг. до н.э.) овладеть наследием предков израильтянина Навота буквально потрясает общество: она рассматривается традицией как нечестие, прямо вытекающее из служения Ахава «идолам» и заслуживающее жестокой кары. Если же родовая земля тем не менее оказывалась проданной за пределы рода, она подлежала возвращению в указанный род в Юбилейном году, отмечавшемся регулярно раз в 50 лет. В случае досрочного выкупа покупателю возвращалась сумма, соответствовавшая числу лет, оставшихся до Юбилея; сама покупка рассматривалась как своего рода долгосрочная аренда. Выкупить землю мог не только непосредственный собственник земли, но и его сородич-«вызволитель» (gō'ēl) — важно было, чтобы земля вернулась данному роду. Другой вид земельной собственности обозначался термином miqṇā, происходившим от корня qnh «покупать» (Лев., 27, 22–24). Эти благоприобретенные земли находились вне сферы родового землевладения и землепользования; на них закон о Юбилее не распространялся. Какие-либо переделы земли, находившейся вне царского сектора, не засвидетельствованы, и указанные выше обстоятельства, по всей видимости, исключали такую возможность.

Естественно, что имелись и царские земли, из которых царь наделял своих приближенных, воинов и других лиц, принадлежавших к царскому сектору. Этими владениями ведали специальные администраторы.

С возникновением и развитием царской власти развивается система повинностей в пользу царя — работа в царском хозяйстве и десятина от урожая и от приплода скота. Попытка упорядочить взимание податей была осуществлена царем Соломоном, который разделил свое царство на двенадцать территориальных податных округов, каждый из которых в течение месяца доставлял продовольствие царскому дворцу.

Первая половина I тысячелетия до н.э. характеризуется постепенным размыванием того имущественного и политического равенства, которое было характерно для древнейшей родоплеменной структуры иудейско-

израильского общества. Оно сохранилось только в системе ценностных ориентиров как общественный идеал — равенство перед богом. В реальной жизни наряду с массой свободных общинников (*'am hā'ārāš*, букв. «народ земли») ¹² можно видеть на одном полюсе богачей (*gibbōtīm*), а на другом — бедноту, нищих и убогих — тех, кто был вынужден наниматься в батраки (обычный срок найма составлял три года), кто становился объектом ростовщических операций часто под залог последней одежды, кто превращался в обездоленного *хофши* или попадал во временное рабство. Пророческие обличения говорят о концентрации земельных фондов. Этот процесс сопровождался прямым насилием по отношению к массе рядовых общинников.

Социальные конфликты пронизывают всю историю иудейского и израильского обществ первой половины I тысячелетия до н.э. «Народ земли» активно участвовал в свержении царицы Аталии, узурпировавшей власть, и в воцарении законного царя Иоаша. Традиция связывает эти события с ликвидацией культа Баала. Известно также выступление «народа земли», приведшее к свержению аристократической придворной клики, захватившей власть, и к воцарению Иосии, сына Аммона (640–608 гг. до н.э.). После гибели Иосии в битве при Мегиддо «народ земли» возвел на престол его сына Йоахава.

Имея в виду, что эти движения во всех известных случаях направлены были на утверждение легитимной династии Давидидов и единобожия Йахве (уничтожение культа и храма Баала), можно думать, что их идейную основу составляла проповедь пророков VIII–VII вв. до н.э., обличавших неправду и насилие, царившие в современном мире. Библейские пророки видели в социальном неустойстве проявление общего вселенского кризиса — нарушение космической гармонии и мирового порядка в результате отступничества от единобожия Йахве и его учения. Они предрекали жесточайшие кары народу-отступнику; спасение они чаяли от царя-помазанника (*māšīāh* — отсюда позднейший образ Мессии) из царствовавшей в Иудее династии Давидидов, который восстановит нарушенный космический порядок. Есть основания полагать, что своего пика это движение достигло ко второй половине VII в. до н.э. и что «обнаружение» в 621 г. Пятикнижия в Иерусалимском храме представляло собой в конечном счете попытку успокоить «народ земли» и удовлетворить его насущные требования одновременно с утверждением монотеизма Йахве. Еще во время войны с Вавилоном, накануне гибели Иудейского царства, царь Цидкийаху должен был специально провозглашать освобождение рабов-единоплеменников (*'ibrī*), но это не было сделано, и пророк Иеремия обличал нарушителей закона и «договора» и предрекал всем гибель (Иерем., 34, 7–22).

В иудейско-израильском обществе первой половины I тысячелетия до н.э. наблюдается деление по признакам, которые условно можно было

¹² См.: Амусин И.Д. «Народ земли» (К вопросу о свободных земледельцах древней Передней Азии). — ВДИ. 1955, № 2, с. 14–36.

бы назвать сословными, т.е. по признакам принадлежности к общественным группам с более или менее точно фиксированным статусом. Впрочем, имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства нарративной традиции при отсутствии документального материала дают возможность лишь приблизительно представить себе реальное положение и структуру таких групп. Как уже говорилось, основную массу населения составлял «народ земли» — общинники, чье положение определялось, во-первых, принадлежностью к одному из племен Израильского племенного союза (племенная структура и соответствующие общественные институты сохранялись, по всей видимости, вплоть до гибели Иудейского и Израильского царств) и, во-вторых, принадлежностью к общинной организации.

Основной формой общественно-политической организации в этой среде был гражданский коллектив — «город» (*‘īr*), «жители города» (*yōšēb ‘īr*), «хозяева города» (*ba‘alē ‘īr*), «туземцы», т.е. прирожденные члены гражданского коллектива (*‘azraḥ*, аналог римского *ingenuus*); как термин, обозначавший город и гражданский коллектив, употреблялось также слово «ворота» (*šā‘ar*), поскольку общинные организации управления осуществляли свою деятельность у городских ворот. Согласно сведениям Книг Ветхого Завета, в общинах функционировали: народное собрание, исполнявшее, в частности, судебские функции, и «старцы», т.е. совет старейшин (*zēqēnīm*) (Втор., 18, 19; 21, 2–4, 9–12; 22, 15–18; Ис. Нав., 20, 4; Суд., 8, 16; I Сам., 30, 26–31; Руф., 6, 1–4). Упоминают источники и городских магистратов. О старцах и магистратах, сидящих у городских ворот, упоминает также и Книга Иова (29, 8–9). Права члена гражданского коллектива предусматривали: право владеть недвижимостью на территории, принадлежавшей общине; право участвовать в управлении ею и в принятии решений по делам, касающимся общины; право участвовать в ополчении. Обязанности общинника состояли в участии в выполнении повинностей, накладывавшихся на общину.

Израильско-иудейское общество знало клиентелу, сопряженную с гражданским неполноправием; обычные термины, которыми клиенты обозначались, — «жилец» (*gēr*) и «поселенец» (*tōšāb*). Как правило, клиентами были пришельцы, находившиеся под покровительством данного гражданского коллектива. До нас дошли сведения, относящиеся преимущественно к их положению в сакральной сфере. На клиентов распространялись узаконения о субботнем отдыхе, они обязаны были есть опресноки, участвовать в Дне Очищения, допускались к совершению жертвоприношений и к сакральным трапезам, наказывались смертью за богохульство. В то же время они в отличие, например, от рабов не могли принимать участие в пасхальной трапезе. Исключение из этого правила допускалось при обрезании домочадцев-мужчин у «жильца», т.е. после совершения обряда сакральной инициации и включения в данный коллектив на правах прирожденного члена. В целом клиенты практически были бесправны и беспомощны. Клиенты — «жильцы» и «поселенцы» — не могли иметь собственной земли, но получали ее у патрона на неизвестных нам условиях.

Поэтому «жильцы» ставятся в один ряд с бедняками и могут собирать остатки урожая на поле, масличной плантации и в винограднике. Обедневшему «жильцу» или «поселенцу» предписывается оказывать материальную помощь. Проклятие превратно судящему «жильца» точно соответствует тому установлению римских Законов XII таблиц, где проклинается патрон, обманывающий клиента. Впрочем, законодатель считает возможной и такую ситуацию, когда «жилец» («поселенец») будет иметь некоторое состояние и даже сможет купить в рабство израильтянина: в этом случае действуют законы о Юбилейном годе применительно к рабам-единоплеменникам, и сородичи обязаны такого израильтянина выкупить.

Как уже говорилось, в иудейско-израильском обществе первой половины I тысячелетия до н.э. существовал царский сектор. Лица, принадлежавшие к нему, именуются «рабами» (*‘āḇād*) царя; это обозначение отражает тот факт, что они состояли на службе у царя, были воинами его дружины, его придворными и приближенными и, следовательно, по представлениям эпохи, в любом случае были зависимыми от царя людьми, вне зависимости от того, сохраняли они юридическую личную свободу или нет. О положении такого рода «царских рабов» можно судить по преданию об Урии-хетте. Мы видим здесь царских рабов, живущих во дворце, спящих у входа в царский дом и составляющих, очевидно, штат дворцовых слуг и придворных; здесь фигурируют и царский раб, имеющий свой дом, семью и, очевидно, свое хозяйство, полученное от царя за службу (Урия); царские рабы участвуют в военных предприятиях, организуемых царем. Царские рабы получали от царя землю за свою службу. Другое обозначение, применяемое к царским людям, — «вельможа» (*šar*); обычно это должностные лица, состоящие на царской службе, в том числе командующие войском, командиры отдельных подразделений — десятков, полусотен, сотен, тысяч, но также и люди, выполнявшие гражданскую службу, в том числе ведавшие повинностными работами.

Когда на рубеже II и I тысячелетий до н.э. в израильско-иудейском обществе сложилось государство, его стержнем стала власть царя как верховного и единоличного правителя. Первоначально должность царя (*mālāk*) была выборной, царя избирали на народном собрании, причем с царем заключали договор, определявший его функции как вождя и военного предводителя племенного союза. С точки зрения административно-правовой царь был на раннем этапе одним из возможных экстраординарных магистратов, которые появлялись в чрезвычайных обстоятельствах. Представление о выборности царя сохранялось и позже; раскол Иудейско-израильского царства имел место, как известно, потому, что десять из двенадцати племен (исключения — колена Иуды и Биньямина) отказали царю Рехав‘аму в избрании (I Цар., 12, 1; 19, 20). После восстания Авшалома против его отца Давида, когда иудейско-израильские народные массы пошли за бунтарем-сыном, создается специализированный аппарат управления, в который входили командующие войсками, лицо, ведавшее

повинностями, секретарь, писец и верховный жрец. Царь Соломон разделил свое государство на двенадцать территориальных округов (в общем соответствовавших территории каждого племени); поступления от них, как уже говорилось, использовались для содержания царского двора.

В отношении библейской традиции к царской власти как к общественно-политической институции прослеживаются две взаимоисключающие тенденции, каждая из которых восходит к представлениям догосударственной и, очевидно, доцарской эпохи. Согласно Библии (Втор., 33, 5), «законным» царем Израиля был Йахве; избрание светского царя рассматривается как отвержение власти Йахве (I Сам., 8, 7). С этим связаны и речь о «праве царя» (т.е. о предполагаемых или реальных аспектах его деятельности), в которой царь предстает насильником, поработителем и угнетателем единоплеменников, и притча, где царем становится никчемный субъект, утверждающий свою власть террором. В то же время царь — избранник божий и помазанник (I Сам., 10); он — справедливый судья и правитель и в идеале гарант и осуществитель справедливости и мирового порядка. К такого рода представлениям восходит и мессианский идеал.

В послевоенный период, находясь под персидским господством, иудейское общество принимает облик гражданско-храмовой общины, концентрирующейся вокруг восстановленного в конце VI в. до н.э. Иерусалимского храма¹³. Первоначально власть здесь осуществляли духовный и светский (из династии Давидов) правители; в дальнейшем персидские власти образуют провинцию Иудею, в которой общиной управлял наместник (רֶחָא). Из эфлантинских папирусов видно, что здесь господствовала частная собственность на землю и иную недвижимость. Примечательно в то же время стремление сохранить дополненные общественные структуры, в частности родовые организации (בֵּית 'ābōt). Права собственности формулируются в документах как право владеть имуществом, передавать его по наследству и отчуждать: «ты хозяйка над ним (домом. — И.Ш.) со дня этого и навечно и дети твои после тебя; кому ты пожелаешь, ты отдашь его»; «твой он (дом. — И.Ш.) и детей твоих, и другого, кому ты пожелаешь отдать его».

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения о других обществах сиро-палестинского региона первой половины I тысячелетия до н.э. значительно менее детальны. Из надписи IX в. до н.э. моавитского царя Меши (KAI 181) видно, что в Моаве существовала царская власть (об этом же свидетельствует и библейская традиция), что царь заселял завоеванные им поселения своими людьми из других местностей, что пленных (рабов) он использовал на царских работах или приносил в жертву своему богу Кемощу. В надписи идет речь об активной строительной деятельности царя (он основывает города и прокладывает дорогу). Употребленное в надписи выражение «весь Дибон послушен мне» (kl dybn mšm't) дало основание

¹³ См.: Вейнберг И.П. Гражданско-храмовая община в западных провинциях Ахеменидской державы. Тб., 1973.

предположить, что Дибон, где находилась резиденция моавитского царя, был составной частью царского сектора, подобно Иерусалиму в Иудее.

Значительный интерес для характеристики общественных отношений в Сирии VIII в. до н.э. представляют перечисления отдельных групп населения в договоре царя Катака с царем Арпада (КАI 224). В договоре предусматривается ситуация, когда «бежит от меня беглец — один из служителей моих, или один из братьев моих, или один из придворных моих, или один из народа, который в руке моей». Другая возможная ситуация изображается следующим образом: «Если кто-нибудь один из братьев моих, кто-нибудь один из дома отца моего, или кто-нибудь один из сыновей моих, или кто-нибудь один из вельмож моих, или кто-нибудь один из [сл]ужителей моих ([p]qdy), или кто-нибудь один из народа, который в руке моей ('m'zy bydy), или кто-нибудь один из врагов моих — и он будет искать головы моей, чтобы убить меня...» Особое место в договоре занимает следующее постановление: «[А Тала'йа]м и его поселки, и его хозяева (b'lyp), и его границы принадлежали отцу моему и [дому его на]вечно».

Из приведенных текстов следует, что царство, о котором идет речь, представляло собой общественно-политический организм, в котором отчетливо выделяются общинный и царский секторы. Как показывает описание Талайама, города, находившиеся в пределах этого царства, обладали своей округой с четко очерченной границей и расположенными в ее пределах поселками; в городе существовал и гражданский коллектив, обозначаемый обычным для Передней Азии выражением «его хозяева» (b'lyp). Употребление этих слов показывает, что в гражданском коллективе были люди, обладавшие в пределах общины правом иметь свое хозяйство и, по-видимому, реализовывавшие это свое право в реальной жизни. Кажется правдоподобным, что имеется в виду общинный сектор, когда надпись говорит о «народе, который в руке моей», — подразумевается осуществление царем его верховной власти.

Царский же сектор складывался из членов правящей династии, придворных, служителей, вельмож и рабов царя (независимо от того, были ли лица, к которым применен термин 'bd, рабами в прямом смысле слова или нет).

Судить еще об одном политическом организме эпохи персидского господства — самаритянской общине — можно по собранию папирусов IV в. до н.э., найденных в одной из пещер в районе Вади Далие. Среди них имеются фиксации деловых операций о купле-продаже рабов и земли, а также долговые документы. Из сказанного явствует, что в этом обществе существовала частная собственность на землю и имела место имущественная дифференциация с сопровождавшим ее ростовщичеством.

Что касается финикийских городов первой половины I тысячелетия до н.э., то и там, как и в III–II тысячелетиях до н.э., важной отраслью производственной деятельности оставалось земледелие. Особенно активно финикийцы занимались им в Северной Африке. Там возникла и авторитетнейшая для своего времени агрономическая наука; ее крупнейший

представитель — Магон, обобщивший многовековой опыт не только Северной Африки, но и переднеазиатской Финикии, приводил в своем труде по земледелию рекомендации по выращиванию злаковых культур, оливок, миндаля, по разведению домашнего скота. Значительную роль в жизни финикийян играли ремесла — добыча и обработка пурпура, изготовление пурпурных тканей, изготовление стекла, судостроение, ткачество, портняжное дело, сапожничество, гончарное ремесло, обработка металла и изготовление бронзовых, серебряных и золотых изделий, резьба по слоновой кости, строительство. По рассказу Страбона (16, 2, 13), в Араде было построено сложное инженерное сооружение для добычи пресной воды из источников на морском дне. Как известно, значительного размаха достигла финикийская торговля, охватывавшая практически весь средиземноморский мир. Источниками засвидетельствованы многообразные торговые связи финикийских городов с Египтом, Месопотамией, глубинными районами Сирии и Палестины (в том числе и плавание в страну Офир вместе с иудейско-израильскими мореплавателями), Эгейским бассейном, Южной Испанией (Тартесс), Северной Африкой, Малой Азией, Сицилией, Сардинией, Южной Аравией. Торговое мореплавание способствовало интенсивному развитию в Финикии астрономии, умению ориентироваться по звездам в открытом море. Финикийцы первыми в конце VII — начале VI в. до н.э. совершили плавание вокруг Африки; примерно тогда же аналогичную попытку предпринял и карфагенский флотоводец Ганнон.

Финикийское общество продолжало оставаться рабовладельческим. Термины 'bd «раб» и 'mt «рабыня» широко распространены в финикийских теофорных именах. Лица, зависимые от царя, именовались его рабами — неважно, были ли они рабами в точном смысле слова или нет. В Карфагене концентрация рабов достигала значительных масштабов — до 20 тыс. у одного владельца (Iust., 21, 4, 6). Там же имелись рабы, владевшие собственным имуществом, содержавшие ремесленные мастерские и пользовавшиеся определенной экономической самостоятельностью. Такие рабы могли иметь и собственную семью.

Свободное население финикийских городов было социально неоднородным. Интенсивное развитие торговли и товарно-денежных отношений не могло не привести к имущественной дифференциации. Прямыми указаниями на этот счет мы располагаем применительно к Тиру, Сидону и Карфагену.

По своему правовому статусу свободное население финикийских городов также не было однородным. Население города составляло гражданский коллектив: понятию «гражданин» соответствовал термин b'l «хозяин», а самый коллектив обозначался терминами mʒrḥ (ср. евр. 'āzraḥ) и 'm «народ». В гражданстве выделялись 'dry «могучие», своего рода аристократия, и š'gu «младшие», по всей видимости плебс.

Политическая организация финикийских городов интересующего нас времени существенно не отличалась от той, которая засвидетельствована для предыдущего периода. Главой государства в финикийских городах

Переднеазиатского Средиземноморья был царь (mlk). В его пользу взыскивались налоги и выполнялись повинности. Он был обладателем огромных, по представлениям эпохи, богатств, в том числе золота, серебра, кораблей и наемного войска. Царь считался ставленником богов (KA1 10), а в Сидоне он был одновременно и жрецом Астарты (KA1 13). В жизни гражданского коллектива значительную роль играли органы общинного самоуправления — народное собрание, по крайней мере в кризисных ситуациях, а также совет и магистраты. Верховный магистрат именовался *skn* (KA1 I, 31), известны также начальник лагеря, т.е. командир ополчения, и начальник рынка¹⁴. В финикийских городах Западного Средиземноморья, в частности в Карфагене, структура городского самоуправления была такой же. Здесь функционировало народное собрание, в составе которого имелся своеобразный президиум. Систему магистратур в Карфагене возглавляли судьи, избиравшиеся на один год в количестве от двух до четырех. Известны также городские казначеи и разного рода комиссии, ведавшие храмами, комплектованием «совета ста четырех» — высшего судебного органа Карфагена, и т.д. До нас дошли отзвуки ожесточенных социальных конфликтов, потрясавших финикийские города, — восстаний рабов, внутридинастических распрей, столкновений аристократических группировок.

В эпоху эллинизма и римского господства в сиро-палестинском регионе по-прежнему наблюдается отчетливое членение свободных на полисный сектор, развившийся из общинного сектора доэллинистического периода, и царский (в римский период — имперский), соответствующий царскому сектору доэллинистического времени.

Отрывочная информация, содержащаяся в дошедших до нас источниках, показывает, что рабство оставалось в Переднеазиатском Средиземноморье важнейшим элементом общественной жизни. Рабы были объектом купли-продажи и соответственно ввоза и вывоза. Пальмирский пошлинный тариф устанавливает пошлины, взыскивавшиеся при каждой из этих операций. В надписях из Пальмиры упоминаются и вольноотпущенники. Кажется вероятным, что вольноотпущенники по обретении личной свободы должны были состоять при особе своего прежнего господина; они, однако, самостоятельно участвовали в деловых операциях. В качестве объекта операций по купле-продаже рабы выступают и в документах из Дура-Европоса, которые позволяют говорить и о временном кабальном рабстве — вместо оплаты процентов по долгу должник обязан был выполнять для займодавца рабскую службу (*δουλικὸς χρεῖας*) впредь до возвращения долга; при этом, однако, должник теоретически не утрачивает прав на собственную личность. Надписи из различных местностей сиро-палестинского региона показывают, что рабы имели в своем распоряжении имущество (вероятнее всего, пекулий), возможны были ситуации, когда они участвовали в крупномасштабных деловых операциях и имели торговые связи и кредиты во всех концах средиземноморской ойкумены.

¹⁴ Путешествие Ун-Амуна в Библ, с. 28.

В иудейском обществе положение рабов существенно от изложенного выше не отличалось. Рабом здесь признавалось лицо, право на которого принадлежит его господину. «Вечными» рабами в соответствии с нормами библейского права могли быть только инородцы. Они могли приобретаться за деньги, т.е. в результате купли-продажи, но также по документу и в результате длительного осуществления власти над рабом. В акте о продаже следовало указать, что раб предназначен для рабства, т.е. не имеет права на личную свободу. Теоретически рабы могли использоваться по усмотрению господина в любой сфере; специфически рабскими считались домашний труд и обслуживание господина, но рабы эксплуатировались также и в ремесле, и в сельском хозяйстве. Однако в сельскохозяйственных работах наряду с рабами участвовали также и свободные — собственники земли и члены их семей. Рабов в доме заставляли работать, прибегая при необходимости к физическому насилию, но в случае добродушного поведения раба рекомендовалось не причинять ему зла и не лишать его надежды на свободу. Имущество раба юридически считалось собственностью его господина. Преступления против личности чужого раба влекли за собой обязанность возместить господину убытки и стоимость лечения.

В условиях острой социальной борьбы в Иудее эллинистическо-римского времени все оппозиционные течения так или иначе выступали против рабства. Рабы отсутствовали у ессеев, и это должно было восприниматься как резкий протест против рабовладения как социальной институции. Вождь сикариев Симон, сын Гиоры, одной из своих целей провозглашал освобождение рабов. Христианство провозглашало равенство рабов и господ, по крайней мере равенство в боге (следуя в этом отношении за стоицизмом), однако оно постепенно эволюционировало в сторону признания рабства, к требованию, чтобы рабы повиновались своим господам.

Особое место среди подневольного населения эллинистического времени занимали «лаои» (λαοί) «люди». Исследование источников, относящихся к селевкидской Малой Азии и к сиро-палестинскому региону, позволило высказать предположение, что этим термином обозначались люди, жившие на царских землях под царской властью. Среди них были как лично свободные, так и рабы; указ Птолемея II Филадельфа запрещает продавать свободных λαοί (σώματα λαϊκὰ ἐλεύθερα) в рабство, но разрешает продавать λαοί — рабов (σώματα λαϊκὰ οἰκετικά). Насколько можно судить, цари жаловали своим приближенным поселения вместе с населявшими их λαοί; последние оказывались прикрепленными к земле и должны были выполнять в пользу господина повинности — трудовые, денежные и, очевидно, натуральные. Они могли владеть лично им принадлежавшим имуществом, но права собственности на него принадлежали их господину. После гибели государства Селевкидов свободные λαοί составили, по всей видимости, основную массу внеполичного населения сиро-палестинского региона, а λαοί зависимые слились с рабами в одну массу; сам термин, как кажется, вышел из употребления.

Характеризуя свободное население эллинистическо-римского Переднеазиатского Средиземноморья, надлежит отметить, что как на полисных, так и на царских (соответственно императорских) землях здесь господствовала частная земельная собственность. Источники, относящиеся к римскому времени, позволяют установить наличие у многих (практически, очевидно, у всех) полисов сельскохозяйственной округи с расположенными в ней селениями.

Исследование эпиграфического материала из Пальмиры, датируемого I—III вв. н.э., показало, что там, несомненно, имели место частнособственнические земельные отношения. По всей видимости, пальмирское (и шире — сирийское, поскольку Пальмира едва ли была исключением) землевладение прошло путь от строгой дифференциации между родовыми (наследственными) и благоприобретенными землями к этапу, когда правовые различия между теми и другими стерлись и они составили единый частнособственнический массив. Когда этот процесс пришел к своему конечному результату, сказать трудно: перед нами итоговая ситуация, существовавшая в эпоху римского господства.

Вокруг Дура-Европоса первоначально, по всей вероятности, концентрировались как собственно полисные земли «хора» (χωρά), так и земли, во времена Селевкидов сдававшиеся царской властью в наследственную аренду под условие обработки, выращивания тех или иных культур и выполнения соответствующих повинностей, а также наделы, раздававшиеся воинам на условии несения военной службы. Затем разница между этими землями стерлась; все они стали объектом купли-продажи. Значительный интерес представляет формулировка прав собственника, являвшая собой развитие и конкретизацию нормы элефантинских папирусов: «чтобы он имел законно и надежно на все времена, владел (κτᾶσθαι), пользовался (χρᾶσθαι), продавал (πωλεῖν), рас[по]ряжался (δι[οι]κεῖν), как он пожелает». Объем прав собственника здесь практически не отличался от того, который предусматривался римским правом. Наряду с этим имелись, естественно, и земли, принадлежавшие коллективу граждан.

Ситуация, существовавшая в иудейском обществе, практически от изложенного выше не отличалась. Здесь также известны земли, находившиеся в собственности гражданского коллектива, однако основную массу составляли земли, находившиеся в частной собственности. Существенно, что права на землю, по представлениям иудейских законоучителей, были неразрывно связаны с обладанием гражданскими правами: «жильцы» (grym), т.е. клиенты, и вольноотпущенники ('bdym mšḥgrym) не имели права на землю. Впрочем, гражданские права могли быть приобретены годичным пребыванием в городе и владением домом. Земля могла быть объектом разного рода сделок, в том числе купли-продажи. Действовавшие в иудейском обществе правовые нормы предусматривали, что земля могла быть приобретена за деньги (bksp), по документу (bštr) — дарственной записи, завещанию и т.д., а также в результате фактического беспрерывного осуществления полномочий собственника в течение опреде-

ленного времени — трех лет. Ранее существовавшее различие между родовой землей (*ʾāḥuzzā*) и благоприобретенной (*miqnā*) уже стерлось.

Из изложенного ясно, что иудейское право признавало правомочия собственника в виде господства над объектом, пользования им, передачи по наследству, отчуждения в любой форме. В документах из Вади Мурраб'ат это выражено следующим образом: «(И право) покупателя и наследника его относительно проданного этого — делать с ним все, что пожелаешь».

Имеющиеся в нашем распоряжении документы показывают, что в пределах Селевкидской державы и других эллинистических монархий наряду с полисными существовал также массив царских земель; хотя эти материалы относятся преимущественно к Малой Азии, есть все основания полагать, что подобная ситуация существовала и в сиро-палестинском регионе. Из доступной нам документации следует, что земли, находившиеся под царской юрисдикцией, делились на три группы: 1) собственность царя; 2) собственность частных лиц; 3) условные владения частных лиц (царские пожалования за службу и т.п.). Однако в пределах царских земель собственность частных лиц была ограничена тем, что она, во-первых, возникала по воле царя (нам известны царские дарения, в том числе с правом вывести соответствующие объекты из-под юрисдикции царя и включить в состав полисной округи) и, во-вторых, по воле царя могла быть ликвидирована. Царь осуществлял над такими землями не только права суверена, но и права собственника.

В условиях римского господства также существовали обширные фонды земель, находившихся под непосредственной юрисдикцией римских властей, а затем, после превращения Сирии в императорскую провинцию, ставших императорскими землями. На них находились как крестьянские поселения, так и виллы относительно крупных землевладельцев. Среди владельцев вилл были ветераны римской армии, получившие свою землю за службу. Есть основания полагать, что местные крестьяне находились в какой-то зависимости от владельцев вилл.

Аналогичное явление засвидетельствовано и в Иудее. В условиях, когда это государство сохраняло, хотя бы формально, политическую независимость, там были царские земли, использовавшиеся, в частности, для расселения на них воинов и раздачи земельных владений за службу. После разгрома иудейского восстания 66–73 гг. н.э. Веспасиан объявил земли Иудеи своей собственностью, а затем приказал продать их. Он учреждал военные поселения и щедро раздавал земли своим приближенным.

Социальная структура свободного населения эллинистического времени определялась существованием полисной организации, восходившей как к греческой полисной организации, принесенной эллинскими колонистами на Восток, так и к местной городской организации, которую застали греко-македонские завоеватели.

Гражданский коллектив представлял собой замкнутую корпорацию, доступ в которую был затруднен. Решение о предоставлении гражданских прав принимали местные власти, действовавшие по представлению царя.

Гражданский коллектив полисов греко-македонского происхождения разделялся (по образцу городов Балканской Греции) на демы и филы, в данном случае, несомненно, искусственно созданные территориальные образования. В городах местного происхождения такая структура до эпохи римского господства не засвидетельствована. В полисах, по-видимому, функционировали народное собрание и совет. Из магистратов упоминаются архонты.

Говоря о периоде римского господства, мы можем констатировать значительную имущественную дифференциацию в среде свободных. Известны представители аристократических кругов, обладавшие огромными состояниями, позволявшими совершать дорогостоящие пожертвования храмам и полисам. Так, в Пальмире в 130/131 г. н.э. Мале, сын Йархайя, предоставил гражданам города, а также свите императора Адриана масло для умащения; ему же приписывается постройка на свои средства храма Баалшамена-Зевса. В Дура-Европосе представители одной семьи в течение второй половины I в. и первой половины II в. н.э. воздвигли святилище и оплатили его роспись, восстановили ворота, унесенные римлянами, а позже соорудили еще одно сакральное помещение и внешние постройки. В Герасе в 22/23 г. н.э. Забдион, сын Аристомаха, пожертвовал на строительство храма Зевса Олимпийского 1000 драхм; во второй половине I в. н.э. Феон, сын Деметрия, пожертвовал в общей сложности 186 тыс. драхм. Обладатели громадных состояний имелись и в финикийских городах, и в Иудее. Но наряду с подобными лицами отчетливо прослеживаются и представители средних слоев — владельцы торговых лавок, ремесленных мастерских, земель, а также бедняки — поденщики, торговцы вразнос и т.д.

В Переднеазиатском Средиземноморье эллинистическо-римского времени широко, по-видимому, была распространена клиентела. В Пальмире патрон обычно обозначался терминами *gr* (вариант *gug*, т.е. «предоставляющий жилье»), *guwt* (корень *gwt* «стоять»; калька греч. *προστάτης*), *ghm* «друг, благодетель» (параллельно греч. *φίλος*). К III в. н.э. отношения клиентелы охватывали практически все население Пальмиры; они послужили основой кратковременной власти Одената и Зенобии. В целом клиентела возникала из традиционной соседской взаимопомощи, «дружбы» и «благодений».

Свое место среди населения Переднеазиатского Средиземноморья эпохи римского господства занимали римские граждане, число которых с I в. н.э. непрерывно возрастало. Среди них были ветераны — сирийцы, а также те, кто осел в Сирии по окончании срока службы, высшие городские магистраты и т.п. Принимая родовое имя правящего императора, новые граждане становились его клиентами, а в совокупности представляли социальную опору императорской власти. Они обладали определенными привилегиями, в том числе налоговыми, повинностным и судебным иммунитетом, а также доступом к высшим должностям и в высшие сословия Империи.

Гражданский коллектив полиса, как и иного рода общин (комы, метрокомии и т.п.), в первые века н.э. продолжал оставаться замкнутой кор-

порацией, причем в политике римских властей наблюдается тенденция ограничить его и не допускать насильственного проникновения в его среду чуждых элементов. Тем не менее случалось, что одно и то же лицо могло иметь гражданство в нескольких полисах.

Структурными ячейками гражданского коллектива в городах греческого происхождения были, как сказано, демы и филы. Постепенно такая организация проникала и в города местного происхождения: так было, например, в Эдессе и Пальмире. В то же время в надписях I–II вв. н.э. из Пальмиры отмечалась принадлежность к кровнородственным объединениям (phd/z; греч. φυλή или γένος), сохранившимся, видимо, как пережиток того времени, когда арабское по происхождению население города еще только оседало в нем, и игравшим самостоятельную роль.

Административную власть в городе осуществляли совет и народное собрание, а также магистраты; система магистратур была единообразной: архонты (или стратеги), эпимелеты, агораномы, епископы, декапроты, синдики и другие должностные лица.

Что касается иудейского общества, своеобразие его организации в целом определялось тем, что после Вавилонского пленения оно конституировалось как гражданско-храмовая община. Поэтому, по иудейским представлениям, доступ в гражданские коллективы на местах открывали, как сказано, годичное пребывание в городе и покупка дома. Тем не менее города в Иудее были центрами сельской округи, где находились пахотные земли, пастбища и виноградники. Из органов власти в Иудее известны городские советы (в том числе и в Иерусалиме), народные собрания, созывавшиеся в случае необходимости, а также магистраты — архонты, эпимелеты, агораномы. Таким образом, городская организация иудейского общества в целом не отличалась от неиудейской.

Взаимоотношения царской (соответственно, в римский период — сенатской, затем императорской) власти с полисами определялись восходившими к доэллинистическому времени представлениями, согласно которым полис был суверенным и самоуправляющимся политическим организмом, жизнь которого регулировалась своими собственными законами; именно это явление описывается термином «автономия» (αὐτονομία). С наибольшей четкостью это проявляется в монархии Селевкидов, где города считались союзниками царя; такая ситуация была не только в Малой Азии, но и, очевидно, в Сирии. Соответственно, обращения царя к полису облекались в форму благопожелания, а не категорического приказа. В то же время в городе находился царский наместник — эписпат, который должен был проводить политику царя и вместе с городскими властями участвовать в принятии решений. Города должны были выплачивать царю подати и выполнять различные повинности.

В период римского господства вплоть до эпохи домината суверенность городов постепенно ограничивалась римскими властями, однако она никогда полностью не ликвидировалась. Мало того, в отдельных случаях наблюдается предоставление городам привилегированного положе-

ния и определенной самостоятельности. Среди политических образований, в той или иной форме находившихся под властью Рима, различались: союзные цари; полисы, бывшие в союзе и договорных отношениях с Римом; союзные — освобожденные от уплаты податей; автономные податные. Значительную роль в жизни Сирии играли города, обладавшие статусом колонии италийского права; среди них в III в. н.э. были Тир, Берит, Гелиополь, Лаодикея, Птолемаида, Эмеса, Пальмира и, вероятно, другие. Пальмира стала интегральной частью римской провинции Сирии еще в середине I в. до н.э.; к 137 г. она обладала союзническим статусом и автономией. Антиохия получила автономию еще от Помпея; в дальнейшем она стала метрополией. Тир, прежде чем стать колонией италийского права, был автономной метрополией. Колонией и метрополией был Дамаск. Ограничения суверенитета городов сводились к отказу от самостоятельности во внешней политике; сохранилась и система выплаты податей и отработки повинностей (при том что некоторым городам предоставлялись иммунитеты). Римские власти активно вмешивались во внутреннюю жизнь городов, устанавливали обязанности и сферу компетенции магистратов и членов совета, постепенно сужая сферу их деятельности, в особенности в том, что касалось расходования общественных средств. Все эти мероприятия не приводили, однако, к ликвидации представлений о суверенности гражданского коллектива, полисного суверенитета как своеобразной общественно-политической институции, хотя и существенно его ограничивали.

Весь изложенный выше материал свидетельствует, что по крайней мере с III тысячелетия до н.э. и вплоть до эпохи домината в сиро-палестинских обществах наряду с эксплуатацией рабов во всех сферах общественного производства имел место труд свободных — как непосредственно владельцев средств производства, так и наемных батраков.

Для общественно-политической организации стран сиро-палестинского региона характерно выраженное членение на городской (полисный) и царский секторы, причем города в разные периоды рассматривались как теоретически суверенные организмы и пользовались более или менее широкой самостоятельностью и самоуправлением.

Социальный кризис второй половины II — III в. н.э. имел далеко идущие последствия как для всей Империи, так и для Сирии. Постепенно городская (полисная) структура перестает играть сколько-нибудь заметную роль в жизни общества. Эдикт Каракаллы (212 г. н.э.) и предоставление римского гражданства за незначительными изъятиями всему населению Империи объективно вели к тому, что местное гражданство утрачивало свое значение, а население Империи, в том числе и сиро-палестинского региона, превратилось в единообразную массу подданных. Власть сосредоточилась в руках императора. В эпоху домината наблюдается ликвидация городского самоуправления — процесс, который в рамках Византийской империи и Халифата приведет к ликвидации городской организации и города как социально-политической институции.

Финикийский мир и арамейские государства Сирии

Финикия

Финикия стоит особняком среди других государств Ближнего Востока. Ее экономика носила гораздо более выраженный товарный характер, ее торговля, особенно морская, и связанное с ней мореплавание были широко известны в древности. Как и Греция, Финикия была разделена на несколько независимых государств, каждое из которых представляло собой город (по которому государство и называлось) с окружающей территорией. В ассирийских анналах при обозначении финикийских государств использовалась идеограмма УРУ/КУР — город-страна. По сути, финикийские государства полностью соответствуют характеристике, которую И.М.Дьяконов дал ному¹. Перед нами «номовые государства», сохранившиеся в то время, когда по соседству уже возникали территориальные государства и даже империи. Причины такого явления надо искать как внутри самой Финикии, так и вне ее.

Несомненно, значительную роль в сохранении политической раздробленности играли природные условия. Финикия располагалась на узкой полосе земли между Ливанскими горами и Средиземным морем. Отроги гор, доходившие порой до самого моря, разделяли страну на отдельные районы, и связи по морю или через горные проходы Ливана были легче, чем между отдельными районами самой Финикии.

Экономика страны была довольно разнообразна, но небольшая территория, несмотря на ее сказочное плодородие, не могла прокормить жителей. В этих условиях резко возрастала роль торговли. Однако интересы финикийских городов оказались разнонаправленными. Библ был особенно тесно связан с Египтом, контакты с которым возникали уже в начале III тысячелетия до н.э. Самое раннее датированное свидетельство этого — обломок каменной вазы с именем последнего фараона II династии Хасехемуи, правившего приблизительно в XXVIII в. до н.э.². Меньшую, но все же значительную роль играли контакты Библа с Северной Сирией и Месопотамией.

¹ История Древнего Мира. М., 1989, т. 1, с. 40.

² Scandone G. Testimonianze egiziantze in Fenicia dal XII al IV sec. A. C. — Rivista di Studi Fenici. 1984, vol. 12, 2, p. 153.

Тир, по-видимому, еще во II тысячелетии до н.э. был больше ориентирован на Запад. Греческая традиция приписывает тирийцу Кадму основание беотийских Фив. Находка в фиванской Кадмее месопотамских лазуритовых цилиндров, один из которых определенно датируется XIV в. до н.э., подтверждает связь Фив с Передней Азией, и возможно, что именно Тир играл в этих связях посредническую роль³. Финикийцы проникали и в более западные районы Средиземноморья, о чем свидетельствуют находка бронзовой статуэтки в водах у южного берега Сицилии, отдельные находки в Южной Испании и Северо-Западной Африке. Если верить традиции, к концу XII и началу XI в. до н.э. относится первый этап финикийской колонизации⁴. Второй ее этап падает на IX–VII вв. до н.э. И в этой колонизационной активности Тир был практически единственной метрополией (участие Сидона предполагается, но не доказано). Это свидетельствует об интенсификации западных контактов Тира.

Сидон, как кажется, имел в большей степени материковые интересы. Сидоняне славились как искусные ремесленники, создававшие известные в самых разных странах предметы роскоши из серебра и слоновой кости. Но как торговцы они отмечаются редко. Характерно, что в гомеровском эпосе упоминаются работы сидонских мастеров, но по морю и как пираты, и как торговцы разъезжают финикийцы.

Финикийские города, естественно, соперничали друг с другом. Это отразилось в преданиях об основаниях городов. Так, библиты утверждали, что первый город Финикии — Библ. Сидон назывался «первенцем Ханаана», а с ним за такое право соперничал Тир. И ни у одного города не было сил навязать свое первенство остальным. Даже когда в конце персидской эпохи в Финикии возникла конфедерация, центром которой стал специально для этого построенный город Триполис (Тройной город), входившие в нее города сохраняли свою автономию.

Необходимо учесть и внешние причины сохранения в Финикии «номовых государств». В первой половине XIV в. до н.э. финикийские города попали под власть Египта. С крушением египетской мощи Финикия освободилась от подчинения фараонам. Но период самостоятельного существования оказался недолгим. В VIII в. до н.э. свое господство здесь установили ассирийцы. И после этого, за исключением очень короткого времени, города Финикии так и не восстановили полную независимость. Финикийцы сначала подчинялись Вавилону, а затем Ахеменидам.

Под властью чужеземных господ Финикия занимала все же особое положение. Правда, значительная часть Финикии была непосредственно включена в Ассирийскую державу, а Сидон после восстания был разру-

³ Колобова К.М. Находки цилиндров-печатей в Фивах и спор о Кадме. — ВДИ. 1970, № 2, с. 111–112; Katzenstein H.J. History of Tyre. Jerusalem, 1973, p. 27; Bunnens G. L'expansion phénicienne en Méditerranée. Bruxelles–Rome, 1979, p. 19.

⁴ Blázquez J.M. Tartessos y los orígenes de la colonización fenicia. Salamanca, 1975, p. 23, 26; Cintas P. Manuel d'archéologie punique. P., 1970, t. 1, p. 271–274, 307–308.

шен, но Тир и Библ сохранили автономию⁵. Автономными были финикийские города (в том числе и лишённые самоуправления при ассирийцах) во время господства вавилонских и персидских царей (опять же за одним коротким исключением). Владыки Востока были заинтересованы в финикийских городах, которые, особенно Тир, своей активной торговлей подключали к экономике Ближнего Востока ресурсы, находившиеся вне прямой досягаемости имперских владык⁶. В результате политические и социальные структуры Финикии в целом были сохранены. Даже Сидон, который разрушался после восстаний сначала ассирийцами, а затем персами, в конце концов восстанавливался.

Необходимо отметить также то, что катастрофические перемены, связанные с нападениями «народов моря» и «народов степи», отразились на Финикии минимально. Разумеется, бури этого времени не обошли и Финикию. Филистимляне из Аскалона разрушили Сидон, жители которого бежали в Тир. Под натиском тех же филистимлян и в ещё большей степени евреев и арамеев ханаанейское население сконцентрировалось на территории самой Финикии. Это создало значительное демографическое напряжение, что, видимо, и стало одной из причин первой волны финикийской колонизации. Но важно подчеркнуть, что социально-политические структуры финикийских «номовых государств» сохранились.

Политическим строем всех этих государств была монархия, и трон, естественно, передавался по наследству. Интересен эпизод, рассказанный Курцием Руфом (IV, 1, 16–20) и Диодором (XVIII, 47): после взятия Сидона (Диодор ошибочно переносит это событие в Тир) Александр решил сменить царя Стратона (т.е. Абдастарта) и поручил Гефестиону назначить нового царя; тот предложил трон своим юным друзьям, известным богатством и славой, но они отказались, ибо по отцовскому обычаю престол мог принадлежать только члену царского рода; тогда порфира была возложена на некоего Абдалонима, который, хотя и относился к роду сидонских царей, был бедняком и собственными руками обрабатывал свой садик. При всей назидательности этого эпизода, как он описан в античной литературе, нет оснований сомневаться в его достоверности, тем более что недавно была найдена надпись с упоминанием Абдалонима⁷. Таким образом, если верить этому рассказу, только один род имел право на царствование.

Это позволяет иначе посмотреть на более ранние события. В Тире, когда в 564–556 гг. до н.э. все члены царского рода были уведены в Вавилон, во главе государства, как пишет Иосиф Флавий (с. Ар. I, 21), встали судьи, т.е. суфеты. Они не могли быть «правильными» городскими магистратами, так как время правления каждого из них было различным — от двух

⁵ Kestemont G. Tyre et les Assyriens. — *Studia Phoenicia*. Leuven, 1983, p. 71.

⁶ Frankenstein S. The Phoenicians in the Far West. A Function of Neo-Assyrian Imperialism. — *Power and Propaganda. A Symposium on Ancient Empires*. Ed. by M.T.Larsen. Copenhagen, 1979 (Mesopotamia. Studies in Assyrology. Vol. 7), p. 269–273.

⁷ Coacci Polstelle G. Nuove luce sulla datazione dei rei sidoni. — *Rivista di Studi Fenici*. 1984, vol. 12, 2, p. 170.

месяцев до шести лет. Суфеты выступали заместителями царей, передав затем свои полномочия снова царям. Вероятно, в отсутствие членов царского рода другие люди не могли быть царями, хотя и возглавляли государство.

Еще раньше в Тире после убийства царя Абдастарта власть захватили четыре сына кормилицы, причем на престол был возведен старший из них, царствовавший 12 лет (с. Ар. I, 18). Б.А. Тураев, исследуя греческий текст этого сообщения Иосифа, справедливо указывает, что у автора нет имени старшего сына кормилицы, ибо оно подверглось *damnatio memoriae*, а названные следом цари Астарт, Астроним и Фелет царствовали уже после правления сыновей кормилицы⁸. Принятие этого весьма основательного мнения позволяет сделать вывод, что, даже если узурпатор захватывал престол, общественным мнением он законным царем не считался и при первой возможности его имя вычеркивалось из анналов.

Обращает на себя внимание и другое обстоятельство. Царь, пришедший к власти после сыновей кормилицы, именовался Астартом, причем Иосиф специально приводит его отчество — сын Делеастарта. Это упоминание отчества (чего нет в других случаях, когда речь идет о приходе к власти новой династии), видимо, подчеркивает факт реставрации старой династии. Если принять точку зрения Б.А. Тураева, что «Астарт» — в действительности сокращение от «Абдастарт»⁹, это становится еще яснее, ибо в таком случае царя вполне можно считать внуком убитого, поскольку такой порядок имен отражает известный западносемитский обычай.

Возможно, именно законность своего правления подчеркивают цари, заявляющие, что они — «правильные» и «законные», как это сделал Йехавмилк, царь Библа в X в. до н.э., который явно был основателем новой династии (KA I 4).

С другой стороны, хорошо известно, что и в Тире, и в Сидоне, и в Библи сменились несколько династий, некоторые из них правили не более трех поколений. Как кажется, это противоречие можно объяснить гипотезой, согласно которой различные династии являлись разными ветвями одного рода, с одной стороны, весьма разветвленного и обширного, так что в него могли входить и совершенно обедневшие семьи и люди, как Абдалоним, а с другой — настолько ясно очерченного, что всем было понятно, кто к нему принадлежит, а кто — нет.

Финикийские цари обладали значительной властью. Связь между государствами была связью между государями. Они посылали поздравления друг другу по случаю восшествия на престол, обменивались дарами, заключали между собой союзы, как все это делал Хирам Тирский в своих отношениях с Давидом и Соломоном (II Sam. 5, 11; I Reg. 5, 1–12; I Chron. 14, 1; II Chron. 2, 3–16), уплачивали от имени своего государства дань, если были вынуждены подчиняться иноземным царям, и т.д. Во время

⁸ Тураев Б.А. Остатки финикийской литературы. СПб., 1903, с. 102.

⁹ Там же, с. 103.

войн они возглавляли (или, во всяком случае, могли возглавлять) армию и флот, как это было при походе персидского царя Ксеркса на Грецию (Нер. VIII, 98).

В надписи на саркофаге Ахирама Библского (KAI 1) говорится, что если какой-либо царь царей, либо сукин сукинов, либо командующий лагерьм откроет саркофаг, будет сломан жезл его судейства, опрокинут трон его царствования и мир убежит из Библа. Сукин назван между царем и военачальником, в руках которого сосредоточивались не только чисто военная власть, но и поддержание внутреннего порядка. Между тем руководство военными предприятиями находилось в руках царя. Так что военачальник был уполномоченным царя, а не общины. Если сохранение мира является обязанностью военачальника, а трон ассоциируется с царской властью, то естественно, что жезл сукина связан с должностью судьи. Можно предположить, что в данном случае речь идет о разных ипостасях царской власти: абстрактное «царствование», которое, как и в Угарите¹⁰, переходило к человеку, занимавшему в данный момент трон и исполнявшему административно-судебные и военно-полицейские функции. Царской прерогативой была и чеканка монеты. Монеты стали чеканить в Финикии довольно поздно, только с середины V в. до н.э., когда финикийские города находились под властью Ахеменидов. И выпускали монеты именно цари. Когда на монетах появлялись легенды, это были имена царей, часто лишь в виде инициалов. Порой их сопровождали цифры. Учитывая, что цифры не выходили за пределы двух десятков, надо считать, что они обозначали годы правления царей, а не, скажем, эру города¹¹.

В своих надписях цари порой стремились представить себя праведными и справедливыми. Это включало прежде всего заслуги перед богами, для чего цари воздвигали и перестраивали храмы и алтари, что было важнейшей царской обязанностью, ибо обеспечивало благосостояние государства. Это ярко видно из надписи библского царя Йехавмилка (KAI 10), который, будучи сыном и внуком царей, тем не менее особо подчеркивал свою праведность и благодарил Владычицу Библа за то, что та в ответ на его дары и моления услышала его голос и даровала ему мир и милость перед богами страны и другими царями. Именно внешне- и военнополитическая и религиозно-строительная деятельность, подчеркивавшая благосостояние Сидона, выделяется в надписи Эшмуназора II (KAI 14).

Царь был тесно связан с божеством. В каждом суверенном городе было божество, этому городу покровительствовавшее. Именно оно обладало «царствованием» конкретного царя. То, что претензии на возведение на трон божеством предъявляли узурпаторы, неудивительно, ибо божественная воля выше законного наследования. Но и законный царь Библа

¹⁰ Шифман И.Ш. Угаритское общество. М., 1982, с. 287.

¹¹ Hill G.F. Catalogue of the Greek Coins of Phoenicia. L., 1910; Зограф А.Н. Античные монеты. М.-Л., 1951, с. 87; Betylton J.W. The Coinage and Mints of Phoenicia: The Pre-Alexandrian Period. Chico, 1980; Naster P. Les monnayages satrapaux, provinciaux et régionaux dans l'Empire perse. — State and Temple Economy in the Ancient Near East. Leuven, 1979, p. 601–602.

Йехавмилк утверждал, как уже говорилось, что его сделала царем Владычица Библа (KA1 10). Это, однако, не означает, что фигура правящего или покойного царя обожествлялась (в Передней Азии доэллинистического времени такой практики не было). Сложнее с возможностью обладания царем жреческими функциями.

Сидонский царь Табнит, перечисляя свой титул и титул отца, на первое место ставит жреческое достоинство (KA1 13). Жрицей Астарты была также жена и сестра Табнита Амастарт. Но уже сын Табнита Эшмуназор II не отмечает ни свое жречество, ни жречество отца и деда (KA1 14), хотя те и были жрецами. Видимо, совмещение Эшмуназором I и Табнитом светских и духовных функций было вызвано конкретными обстоятельствами, которые Эшмуназор II уже мог не учитывать.

В Тире Ахерб, жрец Геркулеса, т.е. Мелькарта, бога-покровителя Тира, был вторым лицом после царя Пигмалиона. И оба этих лица в Тире столкнулись. Победителем оказался царь, казнивший Ахерба (Iust. XVIII, 4, 5, 8). Пигмалион был правнуком жреца Астарты Итобаала, который в свое время убил царя Фелета и захватил трон (Ios. c. Ap. I, 18). Таким образом, царь и верховный жрец — это две самостоятельные фигуры, которые иногда вступали в конфликт друг с другом. Известны примеры, когда в таком конфликте побеждал царь, а когда — жрец. В последнем случае один человек мог концентрировать в своих руках и жреческие, и царские функции, как это сделали Итобаал в Тире и Эшмуназор I в Сидоне. Но и внук Эшмуназора, и правнук Итобаала жрецами уже не были, так что дуализм светской и духовной власти восстанавливался. Царь в принципе являлся светской фигурой.

Таким образом, власть царя была достаточно велика. Он явно господствовал в государстве, и его нельзя просто считать пожизненным магистратом, наподобие спартанского царя.

В то же время в финикийских городах существовали общины. Община и ее органы играли немаловажную роль в жизни города. Когда в Библ прибыли чекеры, требовавшие выдачи Ун-Амуна, царь Библа Чекер-Баал, прежде чем принять какое-либо решение, собрал совет и, как это видно из контекста, только с его согласия дал пришельцам лукавый ответ, отказавшись выдать Ун-Амуна, но посоветовав задержать его в море после отплытия из Библа (2, 70–74)¹². В договоре тирского царя Баала с Асархаддоном упоминаются наряду с царем «народ» или «люди» страны Тира (ANET, Suppl., с. 534). В надписи на саркофаге Эшмуназора II предостерегается от открытия саркофага «всякий царь и всякий человек» (KA1 14). Здесь ясно, что «человек» — не первый встречный, а член сидонской общины. О «народе страны» говорится и в надписи Йехавмилка Библского (KA1 10).

¹² Путешествие Ун-Амуна в Библ. Египетский иератический папирус № 120 Государственного музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина в Москве. Изд. текста и исслед. М.А.Коростовцева. М., 1960 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия. IV), с. 32.

С общиной царь должен был считаться. Во время восстания против персов в 351 г. до н.э. сидонский царь Теннес, сначала возглавивший, а затем предавший восставших, не решился просто сдать город Артаксерксу III. Для исполнения своего плана он был вынужден не только покинуть Сидон, но и увести с собой под благовидным предлогом сто наиболее влиятельных граждан. Да и после этого, только вступив в сговор с командиром наемников Ментором, он сумел ввести в город персидскую армию, которой сидонские граждане оказали ожесточенное сопротивление. Видимо, потому, что Теннес не сумел обеспечить Артаксерксу легкой победы, тот его казнил (Diod. XVI, 43–45). Через 18 лет царь Стратон (Абдастарт II), как пишет Курций Руф (IV, 1, 16), сдал Сидон Александру «не столько по своей воле, сколько по народной воле».

Логично предположить, что свою волю народ выражал на народном собрании. Геродот (VII, 23) говорит, что финикийцы, как и другие подданные Ксеркса, согнанные на строительство канала, на ближайшем лугу устроили рынок и площадь для собраний. Оторванные от родины финикийцы тотчас образовали определенный коллектив со своим собранием. Именно тирская община, по Арриану (II, 15, 6), отправила послов к Александру, и решить этот важный вопрос можно было только на собрании. Несомненно, это было собрание «у ворот города», какое существовало и у западных финикийцев, будучи перенесенным из метрополии¹³.

Наряду с собранием существовал и совет. Такой совет, как уже говорилось, был создан Чекер-Баалом для решения судьбы Ун-Амуна. Старейшины Библа (zīqnk Gebal), правда в несколько неясном контексте, упоминаются в пророчестве Иезекииля (27, 9). В договоре Баала с Асархаддоном говорится о старцах страны и о совете. О тирских сенаторах пишет Юстин (XVIII, 4, 15).

Обратим внимание на те случаи, когда действуют община или ее органы. Чекер-Баал мог совершенно самостоятельно отправить лесорубов в Ливан для доставки леса Ун-Амуну, да и вообще все дела с египетским посланцем он вел, не спрашивая ничьего совета. А советников он собрал тогда, когда в библский порт прибыли корабли чекеров. До этого Ун-Амун долго находился в порту Библа, а царь неоднократно требовал от него покинуть город, но ни разу не применил силу для подкрепления своего требования. Видимо, порт обладал определенным положением в городе: царь не мог выгнать оттуда нежелательного иноземца¹⁴, а для решения вопроса о требованиях чужих корабельщиков, зашедших в порт, было необходимо согласие совета. В свое время М.Л.Гельцер очень убедительно предположил, что фраза Иезекииля «старейшины Библа и мудрецы его укрепляют твои (т.е. Тира) пробоины» означает, что тирские корабли имели право захода в Библ для ремонта, а библиты должны были оказывать тирским

¹³ *Seston W.* Remarques sur les institutions politiques et sociales de Carthage, d'après une inscription latine de Thugga. — CRAI. 1967, p. 218–222.

¹⁴ *Bunnens G.* La mission d'Ounamon en Phénicie. Point de vue d'un non-égyptologue. — *Rivista di Studi Fenici*. 1978, vol. 6, 1, p. 13.

морякам содействие¹⁵. Если это предположение принять, то надо считать, что библские старейшины руководили портом.

Много позже в Сидоне Теннес, прежде чем сдаться Артаксерксу и выдать ему уведенных аристократов (а этим он явно обезглавил общину, на что и рассчитывал), должен был покинуть город и найти такое место, где юрисдикция общины уже не действовала. Тирская община была вынуждена сама вступить в переговоры с Александром, но к этому времени македоняне уже заняли материковую часть Финикии. Об этом свидетельствует тот факт, что послы предложили Александру, пожелавшему принести жертвы Гераклу-Мелькарту, сделать это в храме бога в материковом Палетире, что вызвало гнев македонского царя (Curt. Ruf. IV, 2, 3–5). По словам Руфа, Тир охотнее вступил бы с царем в союз, чем признал бы его власть. По-видимому, принесение жертвы в храме бога-покровителя означало признание власти завоевателя; Палетир же и так был в его власти. Представляется, что захват македонским царем материковых владений Тирского царства для самих тирийцев еще не означал признания власти завоевателя. Для тирской общины было важно, чтобы тот не вошел в сам город.

Упомянутые выше свидетельства позволяют утверждать, что полномочия общины и ее органов распространялись только непосредственно на сам город. Община не могла выступать от имени всего государства. Ее поведение при наступлении Александра было вызвано исключительными обстоятельствами: тирский царь находился на персидском корабле, а ждать было невозможно, ибо завоеватель стоял у самых стен Тира и надо было спасать город (именно город, а не все государство) от подчинения ему. Да и при этом в посольство для придания ему законности был включен сын тирского царя. При подобных же обстоятельствах много раньше библская община, именовавшая себя «рабыней царя», т.е. фараона, обращалась к египетскому суверену (ЕА, 139, 140).

Члены общины, граждане города, привлекались к военной службе. Иезекииль (27, 11) упоминает «сыновей Тира», которые вместе с «сыновьями Арвада» охраняли стены своего города. Этот факт очень важен, учитывая существовавшую в древности связь между военной службой и гражданским статусом.

Из всего этого можно сделать вывод, что в городе, столице своего государства, царь был вынужден считаться с общиной. Общинные органы занимались местными делами, в которые царь не мог вмешиваться без их согласия. Община, по крайней мере порт, обладала правом убежища, которое царь по своей воле не мог нарушить.

Но под властью каждого финикийского царя находилась более обширная территория, чем сам город. И на этой территории находились другие города. Иосиф Флавий (с. Ар. 1, 18; Ant. Iud. VIII, 5, 3) говорит об экспедиции тирского царя Хирама против города (название его в рукописи ис-

¹⁵ Гельцер М.Л. О некоторых вопросах социальной и экономической истории Финикии в IX в. до н.э. — Древний мир. М., 1962, с. 199.

порчено, но обычно полагают, что это Утика), отказавшегося платить дань, и Хирам силой принудил мятежников вновь платить ее. И.Ш.Шифман справедливо рассматривал это сообщение как доказательство, что и другие города платили дань, причем именно царю¹⁶. Правитель кипрского Карфагена, носивший титул *сукин*, называет себя «рабом царя сидонян Хирама» (КАИ 31). Разумеется, едва ли надо считать этого высокопоставленного чиновника настоящим рабом, но выражение свидетельствует о его подчинении царю.

Вернемся к знаменитому Хираму Тирскому. И Библия (I Reg. 9, 11–13), и Иосиф Флавий (Ant. Iud. VIII, 5, 3) рассказывают, что Соломон за услуги тирского царя в строительстве храма и дворца не только ежегодно поставлял в Тир вино и масло, но и дал в качестве дара 20 городов Галилеи, лежавших недалеко от Тира. Однако Хирам, осмотрев эти города, отказался от них, ибо они ему не понравились. Нам сейчас важно не развитие отношений между царями Тира и Иерусалима, а тот факт, что и передача галилейских городов, и отказ от них были делом только царей, и Хирам, отказываясь от городов, считался только с собственным мнением. Ни о какой роли граждан Тира нет и речи.

Таким образом, можно говорить, что за пределами собственно города царь выступал абсолютно самостоятельно, не считаясь со столичной общиной. Более того, на территории царства имелись крепости, подчинявшиеся царю и служившие опорными пунктами царской администрации¹⁷.

Существовали ли общины в подчиненных городах? На скарабее, найденном в Сарепте, которая сначала подчинялась Сидону, а затем Тиру, содержалась надпись, которую восстанавливают как *'m srgt* — «народ Сарепты». Если это так, то ясно, что в Сарепте существовала своя община¹⁸. В то же время нет никаких сведений о связях между общиной столицы и общинами подчиненных городов. Разумеется, отсутствие сведений не означает отсутствие самого явления. И все же поведение Хирама по отношению к галилейским городам предполагает, что отношений господства и подчинения между общинами Тира и остальных городов, скорее всего, не существовало.

Итак, в финикийских городах существовал определенный политико-административный дуализм, при котором сосуществовали царская власть и система общин, с органами которых царь делил власть непосредственно в самих городах, но не за их пределами или вообще в государстве. Этот дуализм соответствовал двойственности и в социально-экономических отношениях.

Несомненно наличие царского сектора в экономике. В него входил лес. И Чекер-Баал Библский, и Хирам Тирский рубили кедры, кипарисы, со-

¹⁶ Шифман И.Ш. К вопросу о царских повинностях в Палестине в первой половине первого тысячелетия до н.э. по данным библейской традиции. — ВДИ. 1967, № 1, с. 41.

¹⁷ Gal Z. Khibert Ros Zain. — BA. 1990, vol. 53, 2, p. 97.

¹⁸ Bondi S., Guzzo Amadasi M.G. [Рец. на:] Pritchard J.B. Sarepta. — Rivista di Studi Fenici. 1977, vol. 5, 1, p. 97.

сны, отправляли их в Египет, или Израиль, или какие-либо другие страны, никого не спрашивая и исходя из своего права собственности. Сведений о частных порубках нет, что, однако, не является доказательством их отсутствия. Можно только предполагать, что царь стремился обеспечить если не монополию, то все же наиболее значительную долю в вывозе леса, который издавна был основным экспортным товаром Финикии.

В царский сектор входили корабли и ведущаяся на них дальняя морская торговля. Корабль царя Баала упоминается в договоре этого монарха с Асархаддоном. О кораблях Хирама (а не Тира), ходивших в Офир и Таршиш, сохранились свидетельства в Библии (I Reg. 10, 11; 22). Много о тирских кораблях говорит Иезекииль (27, 5–9). Это пророчество относится вообще к Тиру, и он не делает различий между судами тирийцев и их царя. Но в следующей, 28-й главе речь идет уже непосредственно о тирском царе, который умножил свое богатство мудростью и торговлей, и «от обширности торговли... внутреннее (его) исполнилось неправды», и «он согрешил». Следовательно, у Иезекииля царь Тира выступает если не единственным, то главным торговцем своего города.

Царю принадлежали какие-то земли, произведенные на них продукты и товары он мог пустить в торговый оборот. В Палестине найдены финикийские кувшины, вероятно, с топонимом и обозначением l-mlk, т.е. «царя»¹⁹. В Самарии обнаружен сосуд середины VIII в. до н.э. с именем Милькирама, которого считают неизвестным дотоле царем Тира²⁰. Судя по тому, что известно о царских ремесленниках, о которых речь пойдет ниже, можно говорить, что царь располагал и мастерскими.

Таким образом, в царский сектор входили все отрасли хозяйства, в том числе такие важные, как заготовка леса и морская торговля.

Принадлежали к царскому сектору и люди. Прежде всего это — рабы. Конечно, при употреблении этого слова в Финикии, как и в Палестине, нельзя всякий раз быть уверенным, что речь идет о людях, являвшихся полной собственностью хозяина, т.е. царя. Но в некоторых случаях такая уверенность все же есть. Так, Чекер-Баал, получив от Ун-Амуна плату за будущую поставку деревьев, отправил в Ливан 300 мужчин и 300 быков и поставил над ними надсмотрщиков (2, 42–43)²¹. Наличие надсмотрщиков говорит о не-свободном статусе лесорубов. Соломон, готовясь к постройке храма, просит Хирама направить для рубки леса вместе со своими рабами и его рабов, обещая при этом их заработок отдать самому царю (I Reg. 5, 20). То, что заработок идет хозяину, свидетельствует о рабском положении этих людей²².

В других случаях такой ясности нет. Но и тогда можно говорить о людях, зависимых от царя. Так, Хирам отправил в Офир «на корабле своих

¹⁹ Delavault B., Lemaire A. Les inscriptions phéniciens de Palestine. — *Rivista di Studi Fenici*. 1979, vol. 7, 1, № 25.

²⁰ Ibid., № 43.

²¹ Путешествие Ун-Амуна в Библ., с. 30–31.

²² Шифман И.Ш. Правовое положение рабов в Иудее по данным библейской традиции. — ВДИ. 1964, № 3, с. 56.

рабов, людей, опытных в море, вместе с рабами Соломона» (I Reg. 9, 27). По словам пророка Иезекииля, экипаж делился на собственно моряков, гребцов и кормчих (Iez. 26, 8–9; 26–29). Последних (а они были наиболее опытными в море) едва ли можно считать обычными рабами. Вероятно, перед нами «царские люди», которые были лично свободными, но зависимость которых от царя выражалась словом «раб». Сложнее обстоит дело с моряками и особенно гребцами. Но можно думать, что просто рабами они тоже не были. Иезекииль (27, 8) называет гребцов жителями Сидона и Арвада. Вероятно, это были сидоняне и арвадцы, которые по тем или иным причинам покинули свои города и нанялись гребцами в Тир.

Среди «царских людей» были и ремесленники. Таким явно был Хирам, тезка царя, которого тирский монарх послал Соломону для строительства храма и который был и архитектором, и медником, и резчиком, и ювелиром (I Reg. 7, 13–45; II Chron. 2, 7–18; Ios. Ant. Iud. VIII, 3, 4). По словам автора I Книги царств, Хирам был сыном еврейки из колена Нефталимова и тирийца, бывшего медником. Будучи тирийцем только наполовину, Хирам, видимо, и не мог быть гражданином Тира. Это приоткрывает путь формирования «царских людей» из лиц социально неполноценных. Не имея социальных связей с гражданским коллективом и, вероятно, отвергаемые им, такие люди пользовались покровительством царя, становясь «царскими людьми», что обеспечивало им возможность существования в городе. Хирам был в первую очередь медником, как и его отец. Это позволяет говорить о практике наследования профессий царскими ремесленниками. Вероятно, не собственно рабами, а «царскими людьми» были те работники Хирама и те библиты (характерно, что они названы просто по городу), которые вместе с работниками Соломона готовили строительство храма (I Reg. 5, 18).

Иезекииль (27, 10–11) говорит еще об одной категории людей — иноземных воинах Тира. Они, вероятно, принадлежали к более высоким слоям населения, ибо воинов-арвадцев пророк называет «сыновьями» Арвада, в то время как гребцов — «жителями». Поскольку военное дело было прерогативой царя, воины-наемники находились на царской службе. Следовательно, они тоже были «царскими людьми», хотя и более высокого ранга. Возможно, они были подобны «хупшу» Библа амарнского времени, которые были воинами, служившими за земельные участки, и имели возможность переходить от одного царя к другому²³.

Все же царский сектор не был единственным и в экономике. И если можно говорить о существовании царской монополии на лес, то такой монополии на флот у царя не было. Договор Баала с Асархаддоном упоминает корабли не только царя, но и «людей Тира». Сухопутная же торговля вообще в значительной степени велась частными лицами, как, например, теми, чьи имена остались на находках, обнаруженных вдоль тор-

²³ Гельцер М.Л. Классовая и политическая борьба в Библие Амарнского времени. — ВДИ. 1954, № 1, с. 36–37.

говой дороги от Газы к Акабскому заливу. На ряде сосудов имеются надписи, сделанные до обжига, которые дают имена ремесленников, эти сосуды изготовивших, и все они — частные лица. Другие же надписи сделаны после обжига и содержат предлог l-, обозначающий принадлежность²⁴. Это позволяет предполагать, что сосуды принадлежали землевладельцам, продукты которых в сосудах содержались. Изготовитель золотой чаши, найденной в Пренесте, выгравировал на ней свое имя²⁵. Все эти люди отношения к царям не имели. Учитывая существование в финикийских городах общины, их можно считать общинниками. Параллельность существования в финикийских городах царского и общинного секторов экономики отразилась в сосуществовании двух весовых мер — царского сикля и сикля «ворот», т.е. общины²⁶.

Члены городской общины составляли гражданский коллектив «сыновей» (bānê) города. Конечно, и внутри этого коллектива существовали различия. Его верхушку составляла аристократия. Филон Библиский (fr. I, 10, 44) говорит о «могущественных», которые в древности в случае опасности жертвовали богам любимых детей. В двух надписях из Карфагена и Сардинии также упоминаются 'drnm — могущественные²⁷. Исая (23, 8) упоминает купцов Тира, которые были его князьями (šārīm). Саллюстий (Iug. 19, 1) говорит о знати, которая из жажды власти побудила многих к выселению. Он же упоминает среди уехавших из Финикии «плебс». Этот латинский термин, несомненно, соответствует финикийскому š'gm — «малые», упомянутому в тех же надписях. Перед нами более низкий слой «сыновей» города.

«Сыновьями» не исчерпывалось свободное население финикийских городов. Иезекииль (27, 8) упоминает «жителей» (jošbê) Сидона и Арвада, нанявшихся на службу в Тир. О социальном и имущественном положении «жителей» мы ничего не знаем, но можно думать, что они не были «царскими людьми», ибо могли свободно наниматься на службу в другой город. Но в то же время они стояли ниже «сыновей», т.е. граждан, так как в отличие от них шли не на престижную службу воинов, а на более низкую и более трудную службу гребцов. Поступив же на службу к чужому царю, они становились его «царскими людьми».

Библия донесла до нас рассказ о попытке израильского царя Ахава приобрести виноградник некоего Навуфея (I Reg. 21): он пытался купить этот виноградник, но владелец отказался его продать, и тогда жена царя Иезавель ложно обвинила строптивого землевладельца в государственной измене, за что тот был казнен, а царь смог завладеть желанным виноградником. И.М.Дьяконов истолковал этот эпизод как доказательство отсутст-

²⁴ Dalavault B., Lemaire P. Les inscriptions phéniciens, p. 1–39; Gibson J.C.I. Textbook of Syrian Semitic Inscriptions. Oxf., 1982, vol. III, № 19.

²⁵ Harden D. The Phoenicians. Harmondsworth, 1980, p. 109, 180.

²⁶ Ep'al I., Naveh J. The Jar of the Gate. — BASOR. 1993, № 289, p. 62.

²⁷ Schiffmann I. Zur Interpretation IFPCO 36 und 39 aus Sardinien. — Rivista di Studi Fenici. 1976, vol. 4, 1, p. 51–52.

вия в Израиле верховной власти царя на землю, которую он мог приобрести только или покупкой, или осуждением владельца за конкретное преступление²⁸. Дело происходило в Израиле, но надо помнить, что Иезавель была дочерью тирского царя Итобаала, а время правления Ахава было периодом усиления финикийского влияния в Израиле²⁹. Возможно, совет Иезавели был вызван не только коварством царственной дамы, но и опытом, полученным ею на родине.

Этот поступок Иезавели вызвал страшное возмущение в Израиле, и Библия донесла до нас ту жгучую ненависть, какую питали к этой царице израильтяне, и восторг по поводу ее страшной смерти. Захват собственности оклеветанного Навуфея рассматривался чуть ли не как главный грех Ахава. Видимо, в Израиле к таким поступкам еще не привыкли. Но если действительно Иезавель сделала для своего мужа то, что случилось в Тире, то и там это не должно было проходить совершенно безнаказанно. Курций Руф (IV, 4, 20) говорит, что тирские земледельцы с оружием в руках искали для себя новых поселений на чужбине. Правда, римский историк считал причиной этого частые землетрясения. Но нам важен сейчас сам факт вооруженного выступления крестьян и то, что оно послужило одной из причин тирской колонизации. А начался новый этап колонизации именно при Итобаале, отце Иезавели. Сопоставляя время выступления тирских крестьян и поступок Иезавели, можно считать, что такая практика имела место при Итобаале. И в таком случае положение об отсутствии верховной собственности царя на землю надо распространить на Тир, который в этом отношении едва ли отличался от остальных городов Финикии.

Таким образом, мы видим, что характерной чертой финикийских «номовых» государств была дуалистичность их структур. В политической сфере — царская власть и самоуправление городских общин, в экономической — хозяйство царя и владения граждан, в социальной — «царские люди» и гражданский коллектив, сам делившийся на «могущественных» и «малых», причем наличие еще и «жителей» города усложняло картину.

Как кажется, несколько иное положение сложилось в Арваде, самом северном городе Финикии. Это, например, отразилось в монетах. В них можно увидеть одну странность, отличающую их от монет того же времени Тира, Сидона и Библа: на них появляется не имя царя, а обозначение города³⁰. А за много веков до этого времени в Амарнских письмах ни разу не упоминается царь этого города, но всегда говорится о «людях Арвада» или кораблях Арвада (EA 101, 13; 105, 12–18, 87; 149, 57–63). В то же время известны арвадские цари. Соединить все эти противоречивые сведения в одно логическое целое очень трудно. Можно лишь высказать довольно осторожные гипотезы, которые будущие исследования подтвердят либо опровергнут.

²⁸ Дьяконов И. М. Проблема собственности. — ВДИ. 1967, № 4, с. 22.

²⁹ Tadmor H. Die Zeit des Erstens Tempels. — Geschichte des Jüdischen Volkes. München, 1981, S. 152–153.

³⁰ Betylon J. W. The Coinage and Mints of Phoenicia, p. 139.

История показывает, что материковая территория у островного Арвада имела не всегда. Было время, когда все Арвадское царство сводилось к одному скалистому острову, на котором этот город был расположен. Мы не знаем, сколь длительными были такие промежутки, но думается, что они были довольно значительны. Возможно, отсутствие материковых владений и, следовательно, других, кроме самого Арвада, общин в период формирования арвадского государства привело к значительно большей роли в общегосударственных делах арвадского гражданского коллектива по сравнению с другими городами-государствами Финикии. В то же время в социальной структуре Арвада, как и других финикийских городов, можно найти следы существования двух секторов. Арриан (Anab. II, 13, 7), говоря о времени македонского завоевания, уточняет, что арвадский царь был царем арвадцев и тех, кто жил по соседству. Сообщение о двух частях владений арвадского царя соединено союзом καί, усиленным частицей τε, что подразумевает равенство этих двух частей. Курций Руф (IV, 1, 6) также говорит, что царь острова Арвад владел приморской полосой и землями, дальше отстоящими от моря. Из слов Руфа создается впечатление, что царство арвадского монарха состояло из двух частей: острова, царем которого он был, и материковых территорий, которыми он владел. При этом римский историк употребляет выражение possidebat. Глагол possideo выражает высшую степень обладания. В словах Арриана и Руфа отражено реальное соотношение двух частей государства, управлявшегося арвадским царем. Это государство было «двуединым», состоя из собственно Арвада, расположенного на острове, и материковой части, причем объем царской власти над этими двумя частями был различен. Материковыми территориями царь «владел»; видимо, эти территории входили в царский сектор. Арриан (Anab. II, 13, 8) называет ряд городов, которые царский сын Стратон, т.е., вероятно, Абдастарт, или Астараним, передал во власть Александра: Марат (Амрит), Сигон, Мариамма. Этими городами материковые владения Арвада не ограничивались, ибо историк к их перечислению прибавляет «и другие». О Марате он специально говорит как о городе большом, многолюдном и богатом. Страбон (XVI, 2, 12) упоминает и другие города финикийского побережья, принадлежавшие Арваду. Некоторые из них могли входить в арвадские владения и в персидскую эпоху. Существовали ли в этих городах свои общины, и если существовали, то как они соотносились с царской властью, неизвестно.

Власть же царя на острове была довольно ограниченной. Если в других финикийских городах она, как говорилось выше, объединяла абстрактное царствование, административно-судебную власть и верховное командование, а также представительство всего государства перед богами и высший суверенитет монарха, то в Арваде эти аспекты царской власти не были связаны друг с другом автоматически. Тот факт, что монета чеканилась не от имени царя, а от имени города, свидетельствует, что и высший суверенитет в государстве принадлежал не царю, а коллективу арвадских граждан. В битве при Каркаре арвадский царь Матанбаал возглавлял отряд

всего из 200 человек (ANET, с. 279). Учитывая значимость Арвада, это не может не вызвать удивление, ибо этот отряд был чуть ли не самым небольшим в объединенном войске. Не был ли отряд Матанбаала не войском Арвада, а его личной гвардией? Возможно, что арвадская община отказалась участвовать в войне. Недаром очень скоро после этой битвы Арвад внезапно изменил свою политику и заключил мир с Салманасаром III. Сравнение событий XIV в. до н.э., времени Амарнской переписки, и IX в. до н.э. показывает, что не исключено даже различие во внешнеполитической ориентации царя и гражданского коллектива. И когда Александр появился в Северной Финикии, инициатором сдачи самого Арвада был город, а материковой части — царь или его сын. Обе части государства могли даже вступать в конфликт друг с другом.

Итак, в самом Арваде община обладала значительной властью, в том числе во внешнеполитической сфере, большей, чем в других финикийских городах, но эта власть не распространялась на ту территорию государства, которая находилась вне острова, где распоряжался царь. В то же время Арвад, подобно другим финикийским городам Библу, Сидону, Тиру, сохранял характер города-государства, и поэтому община столицы выпускала монеты от имени всего государства и играла важную роль в его политической жизни. Гораздо большая, чем в других городах финикийского мира, роль общины в значительной степени приближала Арвад к античному (греко-римскому) пути развития древнего общества. Но арвадский царь все же не был пожизненным магистратом республики (как это, кажется, было в Спарте), а опирался на существовавший собственный сектор социально-политической (по-видимому, и экономической) жизни. Так что дуализм структур сохранялся и в Арваде.

Финикийские колонии

Бросающейся в глаза особенностью финикийской истории является широкая заморская колонизация. Финикия располагалась на восточном побережье Средиземного моря, так что основным направлением этой колонизации, естественно, стало западное. А в западной торговле после гибели Угарита ведущее положение занял Тир, бывший к тому же крупнейшим торговым центром Финикии. Это привело к тому, что именно этот город стал по существу единственной метрополией многочисленных финикийских колоний.

Если на своем первом этапе (конец XII — начало XI в. до н.э.) колонизация носила исключительно торговый характер, то на втором (IX–VII вв. до н.э.) наряду с торговым она приобрела и аграрно-рыболовецкий характер³¹. Но и в том и в другом случае важнейшей предпосылкой колонизационной деятельности являлась морская торговля. А морская дальняя

³¹ Циркин Ю.Б. Карфаген и его культура. М., 1986, с. 9–28.

торговля находилась, как уже говорилось, в руках царя. Это могло быть, в частности, связано и с большим риском далеких плаваний, на который частные торговцы пойти не решались.

Так как колонизация являлась в значительной степени продолжением торговли, то и она должна была проходить под контролем государства. Так, инициатором основания Ботриса в самой Финикии и Аузы в Африке (а именно это надо рассматривать как начало второго этапа колонизации) был царь Итобаал (Jos. Ant. Iud. VIII, 13, 2). На первом этапе колонизации решением тирийцев, т.е., вероятнее всего, тирского правительства, была основана Утика (Iust. XVIII, 4, 2). Саллюстий (Iug. 19, 1) говорит о двух причинах финикийской колонизации: попытке уменьшить население и стремлении честолюбцев к господству, видимо во вновь основанных городах. В первом случае инициатива могла исходить только от государственной власти.

Иногда основанию собственно колоний предшествовало создание храма. Такой храм был воздвигнут рядом с будущим Гадесом (Mela III, 46; Vel. Pat. I, 2). Вероятно, храм предшествовал и основанию Ликса (ср. Plin. XIX, 53). На Фасосе храм Мелькарта-Геракла, основанный тирийцами, сам выступал организатором разработки золотых рудников (Her. VI, 47). Но в финикийских городах именно царь был особым образом связан с божеством, особенно богом-покровителем данного города, и религиозно-строительная деятельность была одной из главнейших царских обязанностей. Вероятнее всего, и в данном случае создание таких храмов было делом государства.

Города, основанные по правительственной инициативе, зависели от царя Тира, составляя часть Тирской державы. Так, уже говорилось о наместнике кипрского Карфагена, носившем титул «сукин» и именовавшем себя «рабом царя» (KAI 31), о зависимости Утики, о чем свидетельствует дань, выплачивавшаяся ею царю. Во втором римско-карфагенском договоре среди формально равноправных, но фактически подчиненных Карфагену людей наряду с утикийцами появляются и тирийцы (Polyb. III, 24, 3). Считать, что в середине IV в. до н.э., когда над Финикией господствовали персы, тирийцы могли входить в Карфагенскую державу, бессмысленно. Поэтому было высказано весьма привлекательное объяснение, что речь идет об испанских финикийцах, сохранивших общее название «тирийцы» при наличии и отдельных названий для каждого поселения³². Косвенным доказательством зависимости южноиспанских колоний от Тира являются слова Исайи. В своем пророчестве о Тире (23) он говорит не только о «таршишских кораблях», но и о «поясе» тирских колоний, ограждающих дочь Таршиша, и о необходимости переселяться в Таршиш в случае падения города. Упоминает Исайя и о «крепостях Ханаана» за морем. Практически на равных в пророчестве выступают и Таршиш, и «земли Киттим-

³² Blanco Freijeiro A. La colonización de la Península Ibérica en el primero milenio ante Cristo. — Las raíces de España. Madrid, 1989, p. 109–112.

ские», т.е. Кипр, где финикийские города несомненно были подвластны тирскому царю. Такое положение, видимо, оправдывало утверждение Асархаддона после установления им господства над Тиром о преклонении к его ногам всех царей середины моря от страны Иаднана, т.е. Кипра, до страны Тарсиси (ANET, с. 290–291). Подобным образом и персидские цари на основании своего суверенитета над Тиром рассматривали западных финикийцев, включая карфагенян, как своих подданных. На этом основании Дарий пытался требовать от них помощи против греков (Iust. XVIII, 10–13). Правда, поскольку Карфаген в действительности был независим от Тира, его граждане претензий царя не приняли, и преемник Дария Ксеркс был вынужден договариваться с Карфагеном об общей анти-эллинской войне.

Саллюстий (Iug. 19, 1) упоминает о двух видах финикийских колоний: рассчитанных на уменьшение населения в самой Финикии, т.е. явно основанных тирским правительством, и созданных жаждащими власти. При этом оба вида колоний противопоставляются друг другу (*alii... pars*). Если рассматривать Карфаген как модель второго вида колоний, то такие города надо признать сразу же независимыми. Однако такой взгляд был бы неправомерен. Дело в том, что Карфаген был не просто основан оппозиционной группой знати, но во главе колониальной экспедиции стояла сестра царя Элисса, т.е. член царского рода, и это позволило Карфагену сразу же занять особое положение среди финикийских колоний. Кто стоял во главе других колониальных экспедиций, мы не знаем. Только в случае с Лептисом можно несколько более определенно говорить, что поскольку основатели города были людьми, бежавшими от «гражданских раздоров» (Sall. Iug. 78, 1), то с царской семьей они связаны не были. Но мы уже видели, что царский род занимал в финикийских городах особое положение, что без царя власть его «заместителей» была лишь временной. Поэтому можно думать, что и в колониях (кроме Карфагена) местные власти, по крайней мере формально, признавали верховную власть тирского царя. Можно говорить о существовании обширной Тирской державы, включавшей как азиатские владения, так и многочисленные колонии.

Тирская держава, однако, существовала не на всем протяжении истории Тира. Разгром тирийцев ассирийцами привел к непосредственному подчинению кипрских финикийцев Ассирии. Это, вероятно, произошло в результате похода Синахерриба против тирского царя Элулая (Лули) в 702 г. до н.э. Последний бежал на Кипр и был там убит. И уже Асархаддон непосредственно принимал дань от финикийских городов Кипра (ANET, с. 288, 291). В то же время известно, что позже тирский и киприотский флоты выступали совместно под командованием тирского царя (Her. II, 161; Diod. I, 68, 1). Это говорит о сохранении Тиром верховной власти над какой-то частью Кипра. Среди городов, заплативших дань ассирийцам, не упоминается Китий. Поэтому можно думать, что именно этот город и после ассирийского завоевания оставался под властью Тира.

Что касается связей Тира с его западными колониями, то ясно, что предсказанное крушение финикийского «пояса» на юге Испании не произошло. Однако археология показывает значительные изменения в жизни, бычаях и контактах испанских финикийцев в VI в. до н.э.³³ Причиной этих изменений является, на наш взгляд, временная ликвидация монархии Тире в 564–556 гг. до н.э.³⁴ Царская власть являлась единственным звеном, соединявшим различные элементы Тирской державы, раскинувшейся на огромных пространствах Средиземноморья, и держава распалась. Позже ирийцы восстановили свои владения на Азиатском материке, но на Западе потери оказались безвозвратны. Виной этому, по-видимому, стали карфагеняне, которые воспользовались сложившимся положением и приступили к созданию собственной державы. Недаром походы Малха, с которыми связывается начало создания Карфагенской державы (Iust. XVIII, 7, 1–2), хронологически совпадают с республиканским периодом истории Тира.

Очень мало известно о политической и социальной структуре финикийских колоний. Можно все же предполагать, что колонисты в значительной степени воспроизводили формы жизни, существовавшие в метрополии. Известно, что в Гадесе существовала община, обозначаемая словом *am* — «народ»³⁵. Из гадитанских магистратов известны *суфет* и «квестор», как его называет на латинский манер Ливий (XXVIII, 37, 2). Римский историк, упоминая суфета, уточняет, что это была высшая власть в городе; по-видимому, точных аналогий этой должности в римском государственном праве не было. В руках суфетов находилось решение важнейших вопросов жизни города, ибо именно с ними вел переговоры Магон о допуске его войск в город, что задевало существеннейшие жизненные интересы гадитан. Помощником суфета был, видимо, «квестор», и так как Ливий не считал необходимым при его упоминании что-либо уточнять, можно думать, что, как и в Риме, этот магистрат занимался хозяйственными вопросами. Неизвестно, возникла ли такая система уже после освобождения Гадеса от верховной власти тирского царя или еще до этого. Наличие суфетов в самом Тире позволяет все же предполагать, что эта должность существовала в колониях изначально. В период подчинения власти тирских царей явно имел место какой-то контроль над колониями. Наличие в одном из финикийских городов Кипра «сукина», называвшего себя «рабом царя», позволяет говорить, что нечто подобное могло быть и на Западе. Но возможно, что близость Кипра к метрополии позволяла тирским царям более жестко контролировать тамошние города. На Западе же должность сукина пока не засвидетельствована. Позже в карфагенских колониях контроль осуществлял специальный чиновник, «тот, кто над общиной»³⁶. Не исключено, что эту практику карфагеняне заимствовали из метрополии. Можно себе пред-

³³ Aubet M.E. Tiro y las colonias de Occident. Barcelona, 1994, p. 295; Ruiz M. Los Fenicios de Andalucía. Sevilla, 1995, p. 36–38.

³⁴ Тураев Б.А. Остатки финикийской литературы, с. 112.

³⁵ Solá Solé J.M. La inscripción púnica Hispania 10. — Sefarad, 1961, An. XXV, p. 251–256.

³⁶ Шифман И.Ш. Возникновение Карфагенской державы. М.–Л., 1963, с. 65, 97.

ставить, что после разрыва политических связей с Тиром в Гадесе и других западных колониях полномочия царских представителей были ликвидированы, так что в политической сфере общинный сектор стал единственным.

Карфаген

По особому пути развития пошел Карфаген. Он был основан оппозиционной группировкой знати во главе с Элиссой, сестрой царя и вдовой убитого им верховного жреца Мелькарта. Так что Карфаген сразу же встал в оппозицию к Тиру. А наличие во главе колониальной экспедиции женщины из царского рода, к тому же и вдовы главы культа бога-покровителя города, позволило Карфагену обрести политическую независимость от метрополии.

Карфаген возник как торговый, может быть, торгово-ремесленный центр, но в ходе завоеваний карфагеняне подчинили значительные территории. И с этого времени изменяется экономическая структура Карфагена. Сохраняя свою роль в средиземноморской и океанской торговле, он становится в то же время и аграрным государством. Часть завоеванных территорий карфагеняне присоединили непосредственно к городу, образовав его *хору* (Polyb. I, 71, 1), другую подчинили косвенно, ограничившись взиманием продовольственного налога³⁷. Африканские земли славились своим плодородием. Свидетельством значительного развития сельского хозяйства стало появление в Карфагене теоретического обобщения его опыта. Особенно известен был Магон, которого Колумелла (I, 1, 13) называл «отцом сельскохозяйственной науки». Судя по изложению его труда римскими авторами, Магон многое из рассказанного знал не только теоретически, но и практически, а это может свидетельствовать о существовании в Карфагене сравнительно многоотраслевого хозяйства.

О размерах владений карфагенян можно судить только на основании косвенных данных. Диодор (XX, 8, 3–4) упоминает о множестве *αγροικία*, расположенных рядом друг с другом. Они не могли быть деревнями, ибо далее историк рассказывает об их богатстве, об изобилии всего, что нужно для наслаждения, о роскошных и тщательно построенных домах. Несколько позже автор прямо отмечает, что это были владения наиболее видных карфагенян. Надо полагать, что перед нами — имения карфагенских аристократов, может быть, подобные той башне, какую имел Ганнибал (Liv. XXXVIII, 48). Сравнительно небольшая территория, описанная Диодором, была, следовательно, сплошь занята такими богатыми имениями. И уже это показывает, что сами имения не могли быть обширными. Огромные богатства, там сосредоточенные, могут объясняться как интенсивностью

³⁷ Charles-Picard G. et C. La vie quotidienne à Carthage au temps d'Hannibal. P., 1958, p. 83–85.

ведения хозяйства, так и тем, что туда стекались доходы и от других занятий владельца.

Интересно в этом отношении предписание Магона, что в имении необходимо иметь пекаря, повара и кладовщика (Col. XII, 4, 2). Наличие этих лиц в штате свидетельствует о том, что это были постоянные, а не временные работники. Такими могли быть в то время только рабы. Однако, поскольку таких лиц было всего по одному на хозяйство, оно не могло быть особенно крупным. Сам Магон принадлежал к высшему слою общества. Плиний (XVIII, 22) называет его полководцем. (Интересно наблюдение Ж.Эргона: сочинение Магона переводилось по приказу сената в периоды обострения политической борьбы в Риме³⁸. Видимо, в этом трактате римские сенаторы находили аргументы в полемике со своими противниками.) Следовательно, описанное Магоном обычное поместье карфагенского аристократа не было слишком большого размера. Конечно, не исключено, что некоторые владельцы могли сосредоточить в своих руках несколько таких имений, как это, возможно, было у Ганнона, имевшего, по Юстину (XXI, 4, 6), 20 тыс. рабов.

Наряду с аристократией в карфагенском обществе выделяется и более низкий слой. Саллюстий (Iug. 19, 1) отмечает участие в колонизации как аристократии, так и плебса. Тот же термин — «плебс» использует Юстин (XXI, 4, 3), рассказывая о попытке переворота Ганнона. Анализ этого термина у Юстина показывает, что речь идет о части гражданского коллектива, противопоставленного аристократии³⁹. Эпиграфические данные показывают, что соответствующими пуническими аналогами были, как об этом уже говорилось, «могущественные» и «малые». В состав плебса входили, вероятно, мелкие землевладельцы. Прямых доказательств их существования нет, но наличие жертвоприношения *ubi* может говорить о бытовании обычая, аналогичного библейскому Юбилею, а последний предполагает наличие разоряющихся мелких землевладельцев⁴⁰. Да и трудно себе представить, чтобы весь земельный фонд государства принадлежал только аристократам. В Карфагене были ремесленники, оставившие надписи с указанием своей профессии и без всякой ссылки на свое социальное положение. Эти люди тоже, вероятно, относились к плебсу. Возможно, они использовали труд рабов. Во всяком случае, сравнительно сложные и громоздкие гончарные печи и кузнечные горны требовали участия в производстве нескольких человек⁴¹. В надписях встречаются имена рабов, хозяева которых не занимали высоких государственных постов. Такие хозяева тоже, по-видимому, принадлежали к «малым».

³⁸ *Heurgon J. L'agronome carthaginois Magon et ses traducteurs en latin et grec. — CRAI. 1976, p. 441–456.*

³⁹ *Циркин Ю.Б. Финикийская культура в Испании. М., 1976, с. 14–15.*

⁴⁰ *Шифман И.Ш. Рабство в Карфагене. — Калустов Д.П. и др. Рабство на периферии античного мира. М., 1968, с. 248–249.*

⁴¹ *Cintas P. Céramique punique. P., 1950, p. 23–31; Forbes R. Studies in Ancient Technology. Leiden, 1965–1969, vol. VI, p. 156.*

Таким образом, существование «могущественных» и «малых» было так же характерно для карфагенского общества, как и для общества метрополии. Неизвестно, были ли эти две группы юридически оформлены или речь шла только о фактическом, всем известном различии. Но важно подчеркнуть, что они вместе составляли «народ Карфагена» ('m qrtḥdlyt), а сами граждане именовались «господа-карфагеняне» или «владыки-карфагеняне». Это наименование ясно говорит о суверенитете карфагенского народа.

После самоубийства Элиссы, основательницы Карфагена, царей в городе не было. Царица не оставила наследников, а противостояние с Тиром помешало, по-видимому, принятию оттуда какого-либо члена царского рода. Еще при жизни Элиссы рядом с ней стояли «десять принцевов» (Iust. XVIII, 6, 1). Видимо, это те сенаторы, которые вместе с Элиссой бежали из Тира (Iust. XVIII, 4, 15). Приблизительно через полтора века полководец Малх, чтобы захватить власть, убил десять сенаторов (Iust. XVIII, 7, 17). Вероятнее всего, после смерти Элиссы власть перешла к «совету десяти»⁴², подобно тому как суфеты в Тире на какое-то время взяли власть после ухода членов царского рода в Вавилон. Такое олигархическое правление продолжалось в Карфагене в течение полутора столетий до переворота Малха. Какое положение занимал Малх после переворота, неизвестно. Царем он не был, ибо именно стремление к царской власти было ему инкриминировано после свержения (Iust. XVIII, 7, 18). На деле его положение напоминало, видимо, положение греческого тирана.

Тирания Малха была сменена диктатурой другого полководца — Магона, которому наследовали его сыновья и внуки (Iust. XVIII, 7, 10; XIX, 2, 2). Юстин (XVIII, 7, 19; XIX, 1, 1; 2, 5) и Диодор (XI, 20, 1) подчеркивают военный характер их власти. Геродот (VII, 166) именует сына Магона царем, но также отмечает, что он «царствовал по достоинству». Эта оговорка свидетельствует, что греческий историк понимал невозможность простого отождествления власти Магонидов с обычной монархией. Свержение же Магонидов в середине V в. до н.э. привело к окончательному торжеству и оформлению республиканского строя.

В этой республике высшей властью официально обладал «народ Карфагена», т.е. коллектив граждан, и осуществлял он ее в народном собрании⁴³. Мы видели, что собрание граждан существовало и в метрополии. В Карфагене после исчезновения монархии собрание освобождалось от царской юрисдикции. Именно к собранию обратился Малх с жалобой на несправедливость властей, после чего и последовало убийство сенаторов (Iust. XVIII, 16–17). Видимо, уже в то время народ теоретически был значительной силой и высшей юридической инстанцией. Собрание существовало и при Магонидов. Оно, вероятно, ежегодно избирало их на высшие военные должности, как можно думать на основании сообщения Юстина

⁴² Шифман И.Ш. Возникновение Карфагенской державы, с. 47, 90.

⁴³ Sznycer M. L'assemblée du Peuple dans les cités puniques d'après les témoignages épigraphiques. — *Semitica*. 1975, t. 25, p. 47–68.

(XIX, 1, 7) об 11 диктатурах Гимилькона, сына Магона. Когда Ганнон, внук Магона, собирался отправиться в свое путешествие вдоль западного побережья Африки, решение об экспедиции официально приняли карфагеняне. Его знаменитый перипл, дошедший до нас в греческом переводе, начинается словами: «Карфагеняне постановили, чтобы Ганнон плыл за Геракловы Столпы» (Per. Nap. 1).

После свержения Магонидов народное собрание продолжало быть высшей властью Карфагенской республики. Но созывалось оно только в случае разногласий внутри советов или между магистратами⁴⁴. Однако в кризисные времена теория превращалась в практику. Так, в частности, произошло после поражения в первой войне с Римом. В то время возникает союз между демократической группировкой, возглавляемой Гасдрубалом, и частью аристократов во главе с Гамилькаром Баркой. Гасдрубала Аппиан (App. Hisp. 4) назвал «в высшей степени заискивающим перед народом». Значит, было перед кем заискивать, и было ясно, что это даст козыри в политической борьбе. Именно с помощью Гасдрубала, а следовательно, и народа Гамилькар сумел избежать суда (App. Hisp. 4). И именно народное собрание поставило во главе армии сначала Гамилькара, а затем Гасдрубала (Diod. XXIV, 12). А когда в Карфаген пришло известие об убийстве Гасдрубала, карфагеняне, дождавшись вестей из лагеря, собрали народ и единогласно утвердили выбор войска (Polyb. III, 13, 4). И все это, особенно в начале, проходило при противодействии сената. Уже после разгрома Карфагена во второй войне с Римом Ганнибал в 195 г. до н.э. созвал народное собрание и через него провел закон, предусматривавший невозможность избрания «судьей» два года подряд, что положило конец всевластию «сословия судей» (Liv. XXXIII, 46). Характерно, что поводом к созыву собрания послужил отказ казначея (может быть, аналогичного гадитанскому «квестору») явиться к Ганнибалу, занимавшему тогда высший пост в республике, поскольку сам казначей должен был после окончания своей магистратуры попасть в разряд судей. Плебс, по словам Ливия, с удовольствием принял предложение Ганнибала. Так что никакое противодействие «судей» не могло помешать принятию закона. Это ясно говорит, что над собранием в принципе не существовало никакой верховной власти и оно в конечном счете решало судьбу государства.

В Карфагене со времени военной реформы Магона (Iust. XIX, 1, 1) огромную роль играла наемная армия. В армии служили также подданные Карфагена, воины вассальных царьков и союзники. Но и карфагенские граждане не были отделены от военной службы. Не говоря об аристократах, из которых состоял начальствующий состав карфагенской армии, надо подчеркнуть участие и рядовых граждан в военных действиях, в том числе на флоте⁴⁵. Во время войны такие воины-граждане имели вид походного народного собрания, как это было при заключении договора

⁴⁴ Huss W. Die Karthager. München, 1990, S. 336.

⁴⁵ Meltzer O. Geschichte der Karthager. B., 1879, Bd. II, S. 135–136.

Ганнибала с македонским царем Филиппом V (Polyb. VII, 9). Возможно, именно эти воюющие граждане именовались «народом лагеря» ('m mhnt), от имени которого выпускались некоторые монеты во время войн на Сицилии⁴⁶.

Преамбула договора Ганнибала с Филиппом воспроизводит как в зеркале структуру власти в Карфагене — должностное лицо (в данном случае полководец), «герусиасты», т.е. члены совета, и «все карфагеняне». Роль совета в Карфагене, действительно, была чрезвычайно велика. Недаром Аристотель (Pol. II, 8, 1273a–1273b; IV, 5, 1293b; V, 10, 1316a) подчеркивает аристократический характер карфагенского государства, сближая его со спартанским и критским. Собственно говоря, в Карфагене существовало два совета, один из которых, более обширный, можно назвать на римский манер сенатом (как его и называют латинские авторы), а другой, более узкий, состоял из 100 или 104 членов. Последний возник во время свержения Магонидов, когда было решено, что «эта семья стала слишком тяжела для свободы государства», и из числа сенаторов было выделено 100 человек для наблюдения за соблюдением законов и права (Iust. XIX, 2, 5–6). Следовательно, сам сенат существовал и раньше. Когда он возник, неизвестно. Неизвестна также связь между этим органом и тем «советом десяти», который существовал в Карфагене с самого начала истории города. Сенат занимался самыми разными делами. Он, в частности, назначал полководцев, как это было в 310 г. до н.э. (Diod. XX, 10). А в 224 г. до н.э. сенат же разбирал просьбу Гасдрубала разрешить приехать к нему юному Ганнибалу (Liv. XXI, 3).

Значительную роль в политической жизни Карфагена играло «сословие судей». По Ливию (XXXIII, 46), должность судьи в начале II в. до н.э. была пожизненной, и, следовательно, это — не сменяемые магистраты, в том числе суфеты, хотя само слово последнее как будто подразумевает. В дальнейшем Ганнибал провел реформу «сословия», заключавшуюся в ежегодном избрании судей без права их ежегодного переизбрания. Поэтому можно говорить, что речь идет о каком-то органе, столь сильном, что сама мысль о будущей принадлежности к нему позволяла не подчиниться власти суфета, каким в том году был Ганнибал. Учитывая слова Юстина о выделении «совета 100» (или 104) ради слежения за соблюдением законов и недопущения тирании, можно полагать, что под «сословием судей» подразумевался именно этот совет, игравший роль верховного судьи и следивший за безопасностью государства⁴⁷. Членство в нем было пожизненным, и в случае необходимости он пополнялся из числа бывших магистратов.

Какую-то важную, хотя нам и неизвестную роль играли также «комиссии пяти», которые сами кооптировали своих членов и каким-то образом удерживали власть и после окончания своих полномочий (Arist. Pol. II, 8, 4, 1273a).

⁴⁶ Head B.V. *Historia nummorum*. Oxf., 1887, p. 737–739.

⁴⁷ Кораблев И.Ш. Ганнибал. М., 1976, с. 308; Acquaro E. *Cartagine: un imperio sul Mediterraneo*. Roma, 1987, p. 65–66; Huss W. *Die Karthager*, S. 337.

Высшей исполнительной властью были два ежегодно сменяемых суфета (Нер. Hannib. VII, 4). Эту должность могли занимать и представители разных фамилий, и члены одной семьи. Существовали и другие должностные лица, как уже упомянутый казначей. Непот говорит, что суфетов было, как и в Риме, двое, и это сравнение свидетельствует об избрании суфетов. Впрочем, все выборы проходили с учетом имущественного ценза (Arist. Pol. II, 8, 1273a), что резко сокращало число лиц, допущенных к власти.

Таким образом, гражданский коллектив «господ карфагенян» обладал всей властью в государстве. Конечно, реальная роль «малых» в обычное время была весьма невелика, проявляясь только в периоды политических кризисов. Но надо иметь в виду, что и «могущественные» тоже составляли часть гражданского коллектива, его верхушку, а не являлись силой, стоявшей над или рядом с коллективом.

Карфагенские граждане обладали и собственностью. Выше уже говорилось об аристократических имениях и о мастерских городских ремесленников. Существовала в Карфагене и государственная собственность. К ней, например, относились арсеналы, подобные тому, какой был в Новом Карфагене (Polyb. X, 17, 9), и судостроительные верфи (Strabo XVII, 3, 15). Не противопоставлялись общине и храмы. Они могли быть довольно богатыми, как храмы Эшмуна и Решефа (App. Lib. 127, 130). Однако они все же находились под контролем специальных должностных лиц — коллегии «десяти над святилищами»⁴⁸. Таким образом, можно говорить, что в Карфагене существовала только собственность гражданской общины, выступавшая в двух ипостасях: собственность всей общины-государства (включая храмовую) и собственность отдельных граждан — мастерские, земли, лавки, торговые корабли. Итак, и политическое устройство Карфагенской республики, и ее экономика предстают перед нами принципиально одноукладными.

Разумеется, социально-политическая структура Карфагена была более сложной. Карфагенские граждане (даже вместе со своими рабами) не составляли население ни всего государства вообще, ни даже столичного города. В самом Карфагене и на подчиненной ему территории жили многочисленные иностранцы. Среди них было много ливийцев. В посвящениях богам встречаются ливийские имена: Массилават, Екат, Цаканан, Зибак (CIS 3289, 3414, 3472, 3619). Жили там и этруски, один из которых в надписи назван карфагенянином. Перед последней войной с Римом в городе проживало довольно много италиков (App. Lib. 92). Еще в 396 г. до н.э. в Карфагене уже существовала греческая колония (Diod. XIV, 77, 5). Наконец, по разным причинам перебирались в Карфаген и жители метрополии — например, женщины и дети, отправленные из Тира в Африку накануне македонской осады (Diod. XVII, 1; Iust. XV, 10, 14).

Каково было положение иностранцев, сказать трудно. Некоторые из них явно могли подняться до гражданского состояния. Так, в Карфагене

⁴⁸ Шифман И.Ш. Рабство в Карфагене, с. 256.

натурализовался некий грек, дед Гиппократ и Эпикида, бежавший туда из Сиракуз (Liv. XXIV, 6, 2). Гражданами становились дети карфагенян от их иноземных жен. Так, павшего при Гимере сына Магона Гамилькара родила сиракузянка (Her. VII, 166). Можно думать, что в случае переселения финикийские колонисты сливались со своими пуническими родственниками. Такие прецеденты показывают, что при всей замкнутости гражданского коллектива перегородка, отделявшая его от остального мира, не была абсолютно непроницаемой. В этом Карфаген был, пожалуй, ближе к Риму, чем к Афинам.

И все же большинство иностранцев едва ли могли достичь гражданского статуса. В самом Карфагене они, возможно, находились на положении, аналогичном положению афинских метеков. За его пределами статус таких иностранцев был, по-видимому, иным. Судя по надписям из Мактара, где долго сохранялись пунические институты, там существовала такая категория людей, как «народ, живущий на земле», подчиняющийся общине⁴⁹. Вероятно, этих людей можно сравнить с малоазийскими пареками эллинистическо-римского времени или, может быть, с поселенцами римских провинциальных городов, которые тоже жили на городской земле и были подчинены городской общине⁵⁰. Вполне возможно, что их можно уподобить библейским герам, неполноправным поселенцам, часто упоминаемым в Библии⁵¹.

Другой неполноправной группой населения были «сидонские мужи» и «сидонские дочери» (CIS 262–292, 2798). Некоторые из них назывались «бодами», т.е. слугами, в то время как другие таковыми не были. «Боды» были лично свободными людьми, но зависели от «господ», подобно римским клиентам, с той лишь разницей, что зависимость «бодов» была большей, а господа никаких обязательств перед ними не несли⁵². Видимо, понятия «сидонский муж» и «бод» переkreщивались. Первые могли быть «бодами», но могли ими и не быть. А «бодами» могли быть не только «сидонские мужи». Последними могли быть потомки негражданского населения Тирского государства. В таком случае они могли входить в число «других», которые, по Саллюстию, вместе с плебсом были вовлечены в колонизационную деятельность. Не исключено, что в их числе могли быть и более поздние переселенцы, которые в состав уже устоявшегося гражданского коллектива не включались.

Своеобразное положение занимали «ремесленники» Нового Карфагена. Полибий (X, 17, 6–7) и Ливий (XXVI, 47, 1) в своих рассказах о взятии этого города римлянами ясно выделяют четыре категории его жителей:

⁴⁹ *Szyrmer M.* Grand inscription dédicatoire de Mactar. — *Semitica*. 1972, t. 22, p. 38.

⁵⁰ *Свенцицкая И.С.* Категория ΠΑΡΟΙΚΟΙ в эллинистических полисах Малой Азии. — *ВДИ*. 1959, № 2, с. 150–152.

⁵¹ *Амусин И.Д.* Герим и метеки. — VIII Всесоюзная авторско-читательская конференция журнала «Вестник древней истории». Тезисы докладов. М., 1981, с. 3–5.

⁵² *Шифман И.Ш.* К вопросу о значении термина «бод» в пунических надписях. — *Эпиграфика Востока*. 1963, № 15, с. 21, 23.

граждане, поселенцы, рабы и ремесленники. Ливий пишет о захвате римлянами 10 тыс. свободных людей, а затем о возврате гражданам имущества и рабов и, наконец, о превращении ремесленников в общественных рабов и обещании освободить их в случае усердия после войны. Поэтому можно думать, что ремесленники не были рабами, во всяком случае частными, и в то же время были такими людьми, которых можно было безболезненно превратить в общественных рабов. По-видимому, перед нами такая общественная группа, точный статус которой греческим и римским авторам был непонятен, ибо не имел соответствия в античном социальном порядке. Такой полусвободный-полурабский статус вполне мог соответствовать положению «царских людей» в самой Финикии. Возможно, что такие люди имелись и в Карфагене, где после ликвидации монархии они могли перейти в зависимость от республики.

По-видимому, карфагенские землевладельцы во многом использовали труд полузависимых жителей, продолжавших обитать на территории карфагенской хоры. Их следы довольно ясно выявляются археологическими свидетельствами. Может быть, они были связаны с хозяевами какими-то клиентскими отношениями⁵³. Однако характер этих связей установить пока невозможно. Может быть, они, как и их городские коллеги, были «бодами».

Существовали в Карфагене и рабы. В рабов превращали военнопленных, как это случилось с греками в Селинунте (Diod. XIII, 57–58). Рабов покупали у гарамантов (Diod. V, 17, 3). Их использовали на различных работах. Наряду с зависимыми земледельцами они были заняты в сельском хозяйстве. О значении рабского труда говорит то внимание, какое уделил Магон приобретению и содержанию сельских рабов (Var. de r. r. I, 17, 3–7). Рабы использовались в горном деле, в ремесле, на строительстве. Храмовые рабы, упоминания о которых встречаются в надписях (CIS 236, 247–256, 2785 и др.), обслуживали святилища и, возможно, эксплуатировались в храмовых хозяйствах. Были и государственные рабы, как, например, гребцы на военных кораблях (App. Lib. 9). Магон советовал относиться к рабам по возможности мягче, предпочитая слово бичу, если этим можно добиться тех же результатов. Это — обобщение громадного опыта карфагенских рабовладельцев, понявших, что по отношению к рабам необходимо сочетать кнут и пряник. Часть карфагенских рабов могла иметь квазисемью (Plaut. Casina 71), что позволяло рабовладельцам иметь домашних рабов, которые у карфагенян, как и вообще в рабовладельческом мире, особенно высоко ценились. Возможность иметь такое подобие семьи в основном предоставлялась управляющим из числа рабов, которые вообще занимали в карфагенском поместье привилегированное положение (Var. de r. r. I, 17, 4–7).

Относительно широко в Карфагене распространился пекулий. Вероятно, этим объясняется развитие отпущенничества. Встречающаяся в некоторых надписях формула «за освобождение его» подразумевает выкуп

⁵³ Wittaker Ch.R. Land and Labor in the North Africa. — Klio. 1978, Bd. 60, 2, S. 338–340.

раба⁵⁴, а накопить деньги на выкуп раб мог, только если имел пекулий. Правда, иногда, особенно в завещаниях, отмечается и бесплатное освобождение. Правовое положение отпущенников в Карфагене неизвестно. Для предположения о том, что они по выходе на свободу автоматически становились «бодами» или «сидонскими мужами», к сожалению, нет оснований.

Таким образом, общество Карфагена представляло собой сложную пирамиду, в самом низу которой находились рабы, а венчали ее карфагенские граждане, которые сами состояли из двух достаточно ясно очерченных групп: «могущественных» и «малых», т.е. аристократии и плебса. Но в целом гражданский коллектив противостоял всем остальным категориям населения республики. Он был довольно замкнут, не имел над собой никакой верховной власти, кроме исходящей из него самого. И даже в тех случаях, когда источником власти оказывались не выборы, а наследование, нельзя говорить о внешней силе, противопоставленной коллективу, ибо и тогда власти принадлежали к верхушке коллектива, а не навязывались ему посторонними силами, как, например, царской властью. Гражданский коллектив в принципе был суверенен, и его верховенство проявлялось в народном собрании, обладавшем, по крайней мере теоретически, высшими полномочиями, которые оно осуществляло само, а не через избранных им делегатов. Политическим строем государства, за исключением краткого начального периода, была республика. Перед нами все те черты, которые признаются признаком полиса⁵⁵. Можно говорить о превращении Карфагена в полис. Он представлял еще одну его разновидность наряду с эллинским полисом и римской *civitas*. Недаром Аристотель выделил Карфаген из массы «варварских» государств и включил примеры из его политической жизни в свою «Политику», а его ученик Гиппагор по поручению учителя написал «Карфагенскую политику».

Итак, карфагенские структуры были монистичны. Экономика включала только общинный сектор (не говоря о подчиненных территориях), категории неполноправного населения, если и были наследниками «царских людей», перешли в подчинение общине, самоуправляющийся гражданский коллектив превратился в верховного владыку в государстве и осуществлял политическую власть через республиканские институты.

В то же время карфагенский полис (как и римский) стоял во главе обширной державы. Ее ядро представлял сам Карфаген со своей хорой, включавшей в себя преимущественно территории непосредственно за стенами города и некоторые внеафриканские владения. Африканская хора была разделена на «земли», администрацию которых возглавлял «тот, кто

⁵⁴ *Fevrier J.C.G.* Textes puniques et néopuniques relatifs aux testaments. — *Semitica*. 1961, t. 9, p. 5–6.

⁵⁵ *Утченко С.Л.* Политические учения Древнего Рима. М., 1977, с. 18–41; *Фролов Э.Д.* Тема полиса в новейшей историографии античности. — *Античный полис*. Л., 1979, с. 3–7; *Андреев Ю.В.* Античный полис и восточные города-государства. — Там же, с. 8–27.

над землей»⁵⁶, а город, находившийся на том же положении, возглавлял «тот, кто над городом». Общины, входившие в состав «земли», пользовались некоторым самоуправлением; во всяком случае, в них отмечается существование представителей «ворот» города⁵⁷. Но это самоуправление было поставлено под контроль специальных людей, посылаемых из Карфагена для управления городами и окрестными местами.

С Карфагеном были тесно связаны его колонии, которые могли и контролировать окружающую территорию. Они имели важное экономическое и социально-политическое значение. Колонии были не только центрами торговли и ремесла, не только надзирателями над подвластными соседями, но и резервуарами, поглощавшими «излишки» неимущего гражданского населения, способствуя тем самым сохранению стабильности политической жизни самого Карфагена. Некоторые колонии, как, например, Эбес, могли чеканить свою монету⁵⁸ (о других колониях нет сведений), и, по-видимому, все они обладали собственными вооруженными силами. Они явно пользовались самоуправлением, но все же административно подчинялись метрополии и находились под контролем посылаемого оттуда резидента. Структуру Карфагенской державы хорошо отражает все тот же договор Ганнибала с Филиппом V. В нем колонии специально не выделяются. Вероятно, они рассматривались как часть самого Карфагена, и в таком случае понятие «господа карфагеняне» охватывает и собственно карфагенян, и карфагенских колонистов. Возможно, такая ситуация воспроизводит систему отношений Тира и его колоний.

Старые финикийские города, вошедшие в состав Карфагенской державы, в правовом отношении делились на две группы. Первую составляли те, которые, подобно Утике, официально были равноправны с Карфагеном. Такие города обозначались в договоре наряду со столицей. Другие именовались «имеющими одинаковые законы с карфагенянами». Их политическое устройство копировало карфагенское, они обладали некоторыми привилегиями, но находились не только в реальном, но и в официальном подчинении Карфагену. Видимо, к ним были приравнены и некоторые местные общины, в свое время добровольно подчинившиеся Карфагену.

Еще более низкое положение занимали «подданные карфагенян». Это были ливийцы, жившие вне хоры, а также подчиненные племена Испании, Сардинии и части Сицилии. Они, по-видимому, находились в разном положении. В дела большинства карфагеняне без нужды не вмешивались, сохраняя старую социально-политическую систему и ограничиваясь взятием заложников, наложением довольно тяжелой подати и насильственным привлечением к военной службе. В особо же важных случаях некоторые из них могли становиться под прямое управление карфагенских чиновников.

⁵⁶ Charles-Picard G. L'administration territoriale de Carthage. — *Mélanges... offertes à André Pigagnol*. P., 1966, p. 1258–1265.

⁵⁷ Seston W. *Remarques sur les institutions*, p. 218–222.

⁵⁸ Vives y Escudero A. *La moneda hispanica*. Madrid, 1924, t. 1, p. 60–62.

Официально за пределами Карфагенской державы обитали «союзники». В действительности же карфагеняне в той или иной степени властвовали над ними. Карфаген выступал от их имени во внешней политике, требовал от них военных сил в карфагенскую армию, на них, как и на подданных, налагалась подать, их верность обеспечивалась заложниками. Но, вероятно, такие отношения складывались только с теми «союзниками», которые жили вблизи границ державы⁵⁹. А чем дальше, тем более независимыми на деле они были. Действительные отношения между Карфагеном и «союзниками» зависели еще и от реальных политических обстоятельств. Так, в одном случае любое выступление нумидийцев рассматривалось как мятеж и сурово подавлялось, а в других — карфагеняне всячески заискивали перед нумидийскими царьками, стремясь привлечь их на свою сторону. Наконец, существовали и подлинно союзные племена.

На весь этот сложный конгломерат городов, народов и племен накладывалась сетка территориального деления. Округами являлись, по-видимому, Эмпории с центром в Лептисе к юго-востоку от Карфагена и Метагонии к западу от столицы и ее хоры. Вероятно, особыми округами можно считать африканские земли непосредственно вблизи Карфагена, а также подчиненные карфагенянам части Сардинии и Испании. Как управлялись эти округа на протяжении большей части карфагенской истории, неизвестно. Но в III в. до н.э. в практику Карфагенской державы входит институт, аналогичный эллинистической стратегии с сосредоточением в руках стратега военной и гражданской власти над определенной территорией⁶⁰. Первые известные нам стратеги этого нового типа встречаются во время первой войны Карфагена с Римом и сразу после нее.

Видимо, такова была и юридическая основа власти Баркидов в Испании. На деле же в 30–20-х годах III в. до н.э. в Испании сложилась почти независимая от центрального правительства держава. Формально Баркиды, насколько можно судить, не получили каких-либо привилегий и полномочий, которые поставили бы их в особое положение по отношению к республике. В принципе над ними стоял сенат, отдающий распоряжения. Так, в 216 г. до н.э. сенат приказал Гасдрубалу двинуться с войсками в Италию на поддержку Ганнибала, только что одержавшего победу при Каннах. И вопреки своему желанию Гасдрубал был вынужден подчиниться, и не его была вина, что, потерпев поражение, он не сумел перейти реку Ибер и был вынужден остаться в Испании (Liv. XXII, 27–29). В качестве представителей сената при Баркидах находились члены сената (Polyb. X, 8, 1; Liv. XXVI, 51, 2). Они присутствовали в штабе Ганнибала и вместе с «воюющими карфагенянами» принесли клятву верности договору с македонским царем (Polyb. VII, 9, 14). Но такое официальное положение не меняло сути (по крайней мере до тех пор, пока с поражениями не начала слабеть и власть Баркидов). Заключение договора с Римской республикой,

⁵⁹ Машкин Н.А. Карфагенская держава до Пунических войн. — ВДИ. 1948, № 4, с. 41.

⁶⁰ Bengtson H. Zur karthaginischen Strategie. — Aegyptus. 1952, An. 32, S. 160–161.

чеканка собственной монеты, самостоятельное основание новых городов — все это свидетельствует о значительной независимости Баркидов. Об их независимости говорит и способ наследования ими власти. После гибели Гамилькара его зять Гасдрубал был послан командующим в Испанию по воле Карфагена, хотя и не первых лиц в государстве (Polyb. III, 13, 3; Liv. XXI, 2, 4; App. Hisp. 6; Diod. XXV, 2). После убийства Гасдрубала сами карфагенские воины избрали своим полководцем Ганнибала, а карфагенянам оставалось только утвердить выбор войска (Polyb. III, 13, 4; Liv. XXI, 3, 1; App. Hisp. 8). Когда же Ганнибал двинулся походом в Италию, он оставил во главе Испании своего брата Гасдрубала (Polyb. III, 33, 6; Liv. XXI, 22, 1), и ничего не известно о реакции в столице на этот акт. То, что сенат в 216 г. до н.э., как уже говорилось, приказал двинуться на помощь брату непосредственно Гасдрубалу, свидетельствует, что в принципе Гасдрубал подчинялся центру напрямую и что карфагенское правительство приняло как факт его назначение Ганнибалом.

По-видимому, можно говорить, что Баркиды едва ли обладали какими-либо полномочиями, выходящими за пределы карфагенского государственного права, но, сосредоточив в своих руках ряд этих полномочий, осуществляли их совершенно самостоятельно, без оглядки на центральное правительство, пока, во всяком случае, одерживали победы. Этому способствовал ряд факторов.

Первым из них была тесная связь Баркидов с армией. Армия всегда выступала на их стороне. Например, во время Ливийской войны воины остановили свой выбор на Гамилькаре, а не на его сопернике Ганноне (Polyb. I, 82, 12). О связях Баркидов с армией говорит и выбор Ганнибала войском.

Вторым важным фактором явилось то, что Баркиды выступали не только как полководцы, но и как политические деятели. В своей борьбе с влиятельнейшей фамилией Ганнонидов они сделали ставку на демократическую группировку, возглавляемую Гасдрубалом, который, став зятем Гамилькара, превратился в его преемника. Ливий (XXI, 2, 4) отмечает, что баркидская фракция пользовалась большим успехом у плебса и воинов, чем у умеренных. Баркиды и материально поддерживали своих сторонников, направляя из Испании в Карфаген часть получаемых там богатств, используя их в том числе и для подкупа правителей (App. Hisp. 5). О росте влияния Баркидов в сенате говорят рассказы Ливия об обсуждении там вопросов, связанных с Ганнибалом: в 224 г. до н.э. еще существовала группа «лучших», т.е. аристократических противников Баркидов (Liv. XXI, 4), а через пять лет весь сенат, кроме одного непримиримого Ганнона, был на стороне Ганнибала (Liv. XXI, 11). Наличие солидной опоры среди карфагенского гражданства позволяло Баркидам в случае необходимости эффективно противопоставлять себя правительству. А укрепление баркидской фракции внутри самого правительства сводило на нет все попытки противников установить контроль за деятельностью полководца. В этих условиях те сенаторы, которые находились при особе командующего, вы-

ступали не столько как наблюдатели и гаранты конституционного поведения полководца, сколько как его помощники и члены его штаба⁶¹.

Третьим фактором, действовавшим в пользу Баркидов, была их связь с местным населением Испании. Это, в частности, выразилось в женитьбах Гасдрубала и Ганнибала на дочерях испанских владык (Diod. XXV, 12; Liv. XXIV, 41, 7).

В принципе все перечисленное не было совершенной новостью для Карфагена. Так, Магонид Гамилькар был по матери сиракузцем (Her. VII, 166). Несомненно, тесную связь с армией имел Бомилькар, пытавшийся в 308 г. до н.э. захватить власть в Карфагене (Diod. XX, 43–44). Однако сочетание всех трех факторов в условиях подъема демократического движения было, пожалуй, уникальным явлением в карфагенской истории.

Посмотрим теперь на это несколько с другой стороны. В первую очередь надо подчеркнуть военный характер власти Баркидов. Недаром именно «полководцами» называют их античные авторы. С течением времени военный характер их власти усиливался. Едва ли стоит сомневаться, что сами Баркиды рассматривали свои владения как «завоеванные копьем». Их власть на захваченных территориях исходила из самого факта завоевания, шла ли речь об отвоевании отпавших земель или о захвате новых.

Ливий (XXXVIII, 37, 1), рассказывая о событиях 206 г. до н.э., когда гадитане отказались впустить в город Баркида Магона, передает возмущение Магона по поводу того, что жители Гадеса закрыли ворота перед ним, «союзником и другом». Конечно, надо учитывать возможную римскую обработку сюжета и примененную автором римскую терминологию. Но нам в данном случае важен сам характер речи Магона: он возмущается не тем, что Гадес не пускает в свои стены командующего карфагенской армией и представителя карфагенского правительства, а именно его, союзника и друга. Налицо, таким образом, тесная связь между Баркидом и подчиненным ему городом. Старые тирские колонии, включая Гадес, были в числе подчиненных Баркидам в Испании.

Другой и гораздо более многочисленной категорией было местное население. Значительным этапом в укреплении власти Баркидов над этим населением стало провозглашение Гасдрубала стратегом-автократом (Diod. XXV, 12). Этот эпизод можно сравнить с аналогичным случаем, когда иберы провозгласили своим «царем» Сципиона (Polyb. X, 40, 2–5; Liv. XXVII, 19, 3–6). Сципион отверг этот титул, Гасдрубал же принял предложение (неважно, было ли оно добровольным или инспирировано самим карфагенянином). Диодор, упоминая об этом событии, использовал греческий термин. Вероятно, как и в греческом мире, речь шла о концентрации в одних руках всех военных и дипломатических полномочий без коренного изменения политического строя⁶². По-видимому, это признание

⁶¹ Charles-Picard G. et C. La vie quotidienne à Carthage, p. 208.

⁶² О страте-автократе у греков см.: Bengtson H. Die Strategie der hellenistischen Zeit. München, 1937, Bd. I, S. 6–9.

Гасдрубала стратегом-автократором распространялось и на его преемников. После завоевания земель к северу от Ибера Ганнибал поставил во главе этой территории префекта (Liv. XXI, 23, 1). Этот титул точно соответствует пуническому 'š 'l — «тот, кто над чем-либо»⁶³. Такой титул, как уже говорилось, носили те, кто управлял «землей» в ливийских владениях Карфагена. К югу от Ибера префекты в таком качестве не встречаются. Можно думать, что испанцы, жившие к северу от Ибера, т.е. границы, закрепленной договором с Римом, в отличие от своих южных соотечественников не признавали в карфагенском полководце своего верховного правителя и Ганнибалу пришлось организовывать там управление на ливийский манер.

Признание Баркида верховным предводителем испанцев изменило положение испанских воинов в их армии. Из наемников, какими они были еще во время войны с Римом (Polyb. I, 17, 4), они превратились в солдат, набираемых в обязательном порядке, как и ливийцы (см., например: Liv. XXVIII, 12, 13). Именно таких воинов Ганнибал накануне новой войны с Римом перевел в Ливию, переместив на их место ливийцев (Polyb. III, 33, 8–9; Liv. XXI, 21, 11–13). Перемещенные в Ливию воины принадлежали к народам Южной и Юго-Восточной Испании. В качестве стратегов-автократоров Баркиды выступали во внешнем мире защитниками подчиненных. Хотя конфликт между Сагунтом и подчиненными Карфагену турболетами явно был спровоцирован самим Ганнибалом, он послужил ему поводом для нападения на Сагунт (Polyb. III, 15, 8; Liv. XXI, 13, 5; App. Hisp. 10). Признание стратегом-автократором дало возможность Гасдрубалу основать в Испании два города, одним из которых был Новый Карфаген (Diod. XXIV, 12).

Таким образом, на Пиренейском полуострове сложился обширный союз местных государств и племен, возглавляемый карфагенским полководцем. И уже в качестве главы этого союза последний и основывал города, и защищал членов союза от внешних врагов. Следовательно, в данном случае Баркид предстает не как представитель Карфагенской республики, а как глава созданного им нового политического объединения. Вновь выступает личная связь между ним и подчиненным населением.

Эта связь подчеркивается и чеканкой монет Баркидов. Мы не знаем, насколько превысили и превысили ли вообще свои конституционные полномочия Баркиды самим выпуском собственной серебряной монеты. Но обратим внимание на символику баркидских монет. На их реверсе сохраняются старые пунические символы: конь, его голова, пальма, нос корабля. Однако на аверсе вместо головы Тиннит, бывшей эмблемой Карфагена, появляется голова Мелькарта⁶⁴. Хотя карфагеняне, как им было и положено, почитали этого бога, большой роли в карфагенском культе он не

⁶³ Charles-Picard G. L'administration territoriale de Carthage, p. 1258.

⁶⁴ Blázquez J.M. Los Bárquidas en la Península Ibérica. — Historia de España abnigua. Madrid, 1983, t. I, p. 453, 454.

играл. Иное положение сложилось в Испании. Гадитанский храм этого бога был, пожалуй, не менее почитаемым, чем в метрополии. С Испанией миф связывал смерть и воскресение Мелькарта (Sal. Iug. 18, 3), эпизоды его подвигов и в качестве апофеоза гибель и вознесение на небо изображались на воротах гадитанского храма (Sil. It. III, 32–44). От испанских финикийцев этот культ перешел к местному населению, превратившись в один из самых популярных на юге Испании⁶⁵. Заменя карфагенскую богиню богом, особо почитавшимся в Испании, Баркиды подчеркивали свое положение не столько как представители Карфагена, сколько как руководители Испании, обосновывая этим культом свое право на власть в этой стране⁶⁶.

В Новом Карфагене, ставшем фактической столицей державы Баркидов, среди упомянутых выше четырех категорий населения чрезвычайно интересно положение граждан. Они явно стояли на вершине всей этой пирамиды. Но объем их прав неизвестен. После римского завоевания земли и рудники в окрестностях города принадлежали государству (Strabo III, 2, 10). Однако Ливий (XXVI, 47, 1) говорит, что победоносные римляне вернули гражданам все имущество, уцелевшее во время войны, и рабов, так что можно думать, что и в карфагенское время земли и рудники были собственностью не граждан города, а государства, точнее, его представителей — Баркидов. Ничего не известно о городских магистратах. Даже летом, когда основные карфагенские силы находились далеко от Нового Карфагена, в городе был расквартирован гарнизон в 1000 или даже 10 тыс. воинов (Polyb. X, 12, 2; App. Hisp. 19). Из рассказа Полибия (X, 12–15) о взятии этого города римлянами видно, что жители Нового Карфагена были безоружны. Во главе города стоял «поставленный над городом» (Polyb. X, 12, 2). Монеты, чеканенные здесь, выпускались не городом, а Баркидами. Все это говорит, что Новый Карфаген был непосредственно подчинен Баркидам.

Положение Нового Карфагена может быть уподоблено птолемеевской Александрии, где тоже были привилегированные граждане, а сам город был полисом, но не имел городского совета и управлялся царским эпистатом⁶⁷. Таким же было, по-видимому, положение и в других городах, основанных Баркидами (Акра Левка и безымянный город).

Непосредственно был подчинен Баркидам взятый Ганнибалом Сагунт, а также, как говорилось, территория, не входившая в союз, возглавляемый стратегом-автократором. Наряду с этим в Испании существовали и самоуправляющиеся политические единицы — тирские города, старые карфагенские колонии, большая часть местных государств и племен, входивших в союз. Такое сочетание автономных и несамоуправляющихся частей государства характерно для эллинистических царств.

⁶⁵ Blázquez J.M. Religiones preromanas. Madrid, 1983, p. 145, 198–199.

⁶⁶ López Castro J.L. Hispania Poena. Barcelona, 1995, p. 81–84.

⁶⁷ Свенцицкая И.С. Эллинистический Египет. — История Древнего мира. М., 1989, т. III, с. 311; Левек П. Эллинистический мир. М., 1989, с. 61–62.

Свое положение, близкое к положению эллинистических монархов, ощущали и подчеркивали и сами Баркиды. Изображениям Мелькарта на их монетах приданы портретные черты Гамилькара, его зятя и сыновей, причем индивидуальные черты выступают достаточно ясно⁶⁸. Видимо, Баркиды уже каким-то образом отождествляли себя с богом или во всяком случае стремились к тому, чтобы такое отождествление стало привычным для подчиненного населения. Этому способствовало и предание, согласно которому предки Баркидов прибыли в Карфаген вместе с Элиссой и были, может быть, даже ее родственниками (Sil. It. I, 72–74; IV, 745–748). Известно, что финикийцы считали Мелькарта покровителем колонизации, далеких походов и экспедиций (КАИ 47). Его мифические походы рассматривались как предыстория финикийской колонизации. Да и сама Элисса была вдовой жреца Мелькарта Ахерба, убитого тирским царем (Iust. XVIII, 4, 5). Так что и ее спутники находились под покровительством этого бога. Таким образом, Баркиды поддерживали связь не с божеством вообще, а с тем, которое покровительствовало данной семье и преобладало в Испании.

Иконографическим образцом изображений Мелькарта-Баркида служили портреты эллинистических монархов⁶⁹. По-видимому, примеры таких монархов или их предков, ставших из полководцев царями, могли вдохновлять тайные замыслы наследников Гамилькара. Впрочем, некоторые из них такие замыслы и не очень-то и таили. Если головы большинства представителей этой семьи на монетах увенчаны лаврами, что, вероятно, подчеркивает их победы и еще раз подтверждает военный характер их власти, то голова одного из них (вероятнее всего, Гасдрубала) — царской диадемой, что можно связать с попыткой Гасдрубала совершить монархический переворот в Карфагене (Polyb. III, 8, 2).

В Новом Карфагене Гасдрубал построил роскошный дворец, явно претендовавший на сходство с дворцами эллинистических царей. Полибий (III, 15, 3) называет Новый Карфаген βασιλειον; данное слово обычно используется для обозначения столицы и царского дворца в эллинистических государствах⁷⁰. Все это свидетельствует о схожести державы Баркидов с эллинистическими государствами. Эту схожесть отмечали и сами карфагенские полководцы, и их современники, и близкие потомки.

Итак, в рамках Карфагенской республики в III в. до н.э. возникают политические структуры эллинистического типа. Однако между собственно эллинистическими государствами и державой Баркидов существовала огромная разница: если первые были независимыми государствами, то вто-

⁶⁸ Blázquez J.M. Consideraciones históricas en torno a los supuestos retratos Bárquidas en las monedas cartaginesas. — Numisma. 1976, An. 26, p. 4–7; Harden D. The Phoenicians, p. 64–65; Charles-Picard G. Le problème du portrait d'Hannibal. — Karthago. 1963–1964, vol. 12, p. 31–41; Кораблев И.И. Ганнибал, с. 61.

⁶⁹ Blázquez J.M. Los Bárquidas, p. 453–454; Charles-Picard G. et C. La vie quotidienne à Carthage, p. 211.

⁷⁰ Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985, с. 34.

рая юридически подчинялась центральному правительству, причем это подчинение становилось реальным и все более ощутимым по мере поражений баркидской армии. И все же спонтанное появление структур эллинистического типа в карфагенском обществе и государстве трудно переоценить. Карфагенская республика, по-видимому, шла по пути античных государств.

Арамейские государства Сирии

Теперь необходимо вернуться на Ближний Восток. После этнических передвижений в конце II тысячелетия до н.э. большую часть Сирии заняли арамеи. Там образовался ряд их государств. Они были иного типа, чем финикийские города-государства, ибо возникали не на основе города, а на основе племени или союза племен или, наоборот, фракции племени. В отличие от «номовых государств» их можно назвать «племенными государствами».

На юге Сирии основой возникшего государства было племя (или союз племен) Арам, давшее позже название всей этнической группе. Здесь уже в XI–X вв. до н.э. возникает государство Цобах, или Арам-Цобах, царь которого Хадад-Эзер не только установил свое господство на юге Сирии, но и заставил признать свою власть государство Хамат в среднем течении Оронта и арамейские племена вплоть до Евфрата. Эта держава не выдержала столкновения с царством Давида и распалась. Но при Соломоне некий Резон, ранее находившийся на службе у Хадад-Эзера, собрав вокруг себя шайку удальцов, захватил Дамасский оазис, положив начало Дамасскому царству, самоназванием которого было Арам (I Reg. 11, 23–24). Дамасское царство было, по-видимому, чисто арамейским, и нет никаких следов существования там инородных элементов. Несколько позже возникают и другие арамейские государства.

История возникновения арамейских государств в Сирии имеет некоторые общие черты. В начале их существования стоит некий энергичный деятель, который, объединив вокруг себя либо своих сородичей и соплеменников, либо разнородных удальцов, захватывает тот или иной город и создает соответствующее государство⁷¹. Так было положено начало Араму, Яуди, Арпаду. Возможно, таким же образом действовал и Хадад-Эзер, создавая первое арамейское государство.

В арамейских государствах не существовало жесткой связи между названием царства и его столицы. Так, столица Арама — Дамаск, Яуди — Самааль, Хамата — вероятнее всего, Каркар⁷², а затем другие города, но не Хамат как таковой. Характерно в этом плане уточнение в Библии (I Reg. 15, 18), что Бар-Хадад был царем Арама, жившим в Дамаске. На террито-

⁷¹ Sader H. Les états araméens depuis leur fondation jusqu'à leur transformation en provinces assyriens. Tübingen, 1984, p. 293–294.

⁷² Ibid., p. 237–238.

рии этих царств упоминаются и другие «царские города»⁷³. Возможно, это были города, обладавшие какими-то привилегиями, каких не имели другие города данного государства, где также могли располагаться резиденции царей. Во всяком случае, во всех трех «царских городах» хаматского царя Ирхулени имелись царские дворцы (Sader V Ab1)⁷⁴.

Аrameйские царства были относительно централизованными государствами. Их территория делилась на округа. Так, накануне падения Хамата в этом государстве было не менее 19 округов (Sader V Ac1), а в Дамасском царстве — 16 (Sader VI Ad4a). Назывались округа, по-видимому, по названиям городов, бывших их центрами. Ассирийцы различали царя и правителя. Во главе округа, видимо, стоял именно «правитель» (*sapitu*, как его называли ассирийцы).

Централизация царств возникла, по-видимому, не сразу и оставалась разной в разных государствах. Когда дамасский царь Бар-Хадад собрал все свое войско для войны с Израилем, в этом войске было кроме него самого еще 32 царя (I Reg. 20, 1; 16). В этой войне Дамаск потерпел поражение, и причину этого поражения царь и его окружение видели именно в наличии подчиненных царей, которые и были заменены «областена начальниками» (I Reg. 20, 24). Царь и областена начальник (*пакх*) здесь выразительно противопоставляются друг другу. *Пакх* — явно чиновник высокого ранга, назначаемый царем, а подчиненный царь — наследственный династ, и хотя он подчиняется верховному царю, сама наследственность власти делает его более независимым от своего сюзерена, чем чиновника, а его владения сохраняют какую-то автономию. В Арпадском царстве наряду с царем Арпада также существовали другие цари (Sader III Ba IB; IIB; IIC; III). И это явно тоже были местные царьки, подчинявшиеся верховному монарху⁷⁵. Они тоже именовались «царями Арпада» (*mlky 'rpd*), что, по-видимому, подчеркивало их причастность ко всему государству, а не только к отдельным его частям. В Дамаске поражение от Израиля стало толчком к проведению важной административной реформы — ликвидации местных небольших царств и созданию на их месте округов во главе с назначаемыми наместниками. И уже в новой войне с Израилем в подчинении у дамасского царя было не 32 царя, а 32 начальника колесниц (I Reg. 22, 31). Даже если число 32 может быть преувеличением, само по себе совпадение числа царей и начальников колесниц не случайно: цари заменены высокопоставленными чиновниками. В Арпаде такая реформа проведена не была (или была проведена только непосредственно перед ассирийским завоеванием).

Во главе государства стоит, естественно, царь — царь Арпада (Sader III Ba IA), царь Яуди (Sader IV Bb1–2), царь Хамата, который после присоединения Луаша именовался царем Хамата и Луаша (Sader V B1), царь

⁷³ Ikeda V. Royal Cities and Fortified Cities. — Iraq. 1979, vol. 41, 1, p. 87.

⁷⁴ Мы использовали надписи, опубликованные Э.Садер в ее книге, и они обозначаются под номерами, данными автором.

⁷⁵ Sader H. Les états araméens, p. 151.

Арама (Sader VI Cb). Страна, которую царь возглавлял, была «его страной» или «его царством»⁷⁶, а ее жители — «его людьми» (Sader III Ad IV). Сам царь определял свою власть над народом формулой «народ, который в моей руке» ('my zu bydy) (Sader III Ba III). Подданные называли царя «наш господин»⁷⁷. Власть царя была наследственной, что не мешало переворотам, в результате которых на троне оказывалась уже другая династия. Так, в Дамаске Хазаэл, умертвив царя Бар-Хадада, сам сел на трон Арама. В Хамате арамей Заккур сверг прежнюю династию, продолжавшую хеттские традиции, и возглавил это царство. В Яуди был убит царь Барсур, но его сын Панаммува II, спасшийся от убийства, через какое-то время сумел вернуть власть прежней династии. Цари были тесно связаны с богами, которые и облакали царственностью конкретного царя. И в этом плане, по-видимому, не было разницы между законными царями, пришедшими на смену своим отцам, и узурпаторами.

Символами верховной власти царя являются скипетр и трон (Sader IV Bb1) и сам царский дворец (Sader III Ba IA). Дворец был и жилищем царя и его семьи, и средоточием управления государством. В этих условиях личные слуги царя, его рабы могли играть важную роль и в управлении. Арпадский царь Матиилу называет своих рабов в одном ряду со своими братьями, офицерами и народом (Sader III Ba III). В другом месте этой же надписи вместо рабов названы его придворные (srsy). Вероятно, это одни и те же лица — люди, лично зависимые от царя, часть которых могла быть просто челядью, а часть — выполнять какие-либо важные обязанности по поручению своего господина. Именно такие рабы, если верить Библии (I Reg. 20, 24), подтолкнули Бар-Хадада провести реформу, о которой говорилось выше. С ними же он советовался даже в чисто военных вопросах (II Reg. 6, 8), им же он поручал провести контрразведывательную работу, выявляя тайных сторонников израильского царя в своих собственных рядах (II Reg. 6, 11). Еще раньше Бар-Хадад, одержав победу над Израилем и навязав его царю Ахаву выплату огромной дани, послал своих рабов для осмотра имущества, которое израильский царь должен был ему передать (I Reg. 20, 6). Конечно, надо иметь в виду, что, как уже говорилось, понятие «раб» на Востоке было довольно размытым и речь могла идти не о собственно рабах, т.е. людях, являющихся собственностью других людей, но о людях, подчиненных тому или иному лицу, в данном случае — царю. Видимо, таким «рабом» был Хазаэль, сын простого человека (Sader VI Aalb), который выполнял личные поручения царя, а затем сверг своего господина и сам стал царем Дамаска (II Reg. 8, 7–15). Известно, что он происходил из Башана⁷⁸, а не из самого Дамаска. Возможно, что происхо-

⁷⁶ Schiedewind W.M. Tel Dan Stele. New Light on Aramaic and Jehu's Revolt. — BASOR. 1996, № 302, p. 77.

⁷⁷ Puech E. L'ivoire inscrit d'Arslan-Tash et les rois de Damas. — Revue Biblique. 1981, An. 88, 4, p. 548, 561; Röllig W. Die aramäische Inschrift für Hasa'el und ihre Duplikat. — Athenische Mitteilungen. 1988, Bd. 103, S. 68, 72.

⁷⁸ Röllig W. Die aramäische Inschrift, S. 62.

ждение всего этого слоя «царских людей» надо искать в группах, более или менее чуждых гражданскому коллективу столицы. Опираясь, по-видимому, на таких «рабов», царь и осуществлял свою власть.

Из библейского рассказа о Соломоне видно, что одной из важнейших функций царя был суд, для проведения которого было построено специальное помещение во дворце, где и располагался царский трон, который, таким образом, оказывался и символом справедливости (I Reg. 7, 7). О судебных обязанностях арамейских царей сведений нет, но едва ли можно сомневаться в их существовании.

Важной обязанностью царя была, конечно, война. Дамасские цари лично возглавляли свои войска во время войн с Израилем и Иудеей (I Reg. 20, 1; 26; 22, 31; II Reg. 8, 28 и др.). Врагами ассирийских царей являлись также цари, и, судя по ассирийским надписям, они лично участвовали в войнах (ANET, с. 277–282). По договору с ассирийским царем царь Арпада должен был лично возглавить свою армию (Sader III Ad IV). Недаром лук является одним из атрибутов царской власти (Sader III Ba IA). Порой цари могли поручать командование войсками своим приближенным. Таким военачальником дамасского царя был Нееман, который, по словам Библии (II Reg. 5, 1), одержал ряд побед, за что и был почтен своим государем.

Война была одной стороной внешней деятельности царя. Другой была дипломатия. Договоры заключал царь от своего имени и от имени своего потомства. Участниками договоров были и другие лица и категории населения государства (о них речь пойдет ниже), но выполнение условий договоров возлагалось именно на царя. Нарушить договор мог тоже именно царь, и в таком случае на царя в первую очередь должны были обрушиться беды, посылаемые богами, гарантами данного договора (Sader III Ba).

Суд, война, внешняя политика, верховный суверенитет над государством, представительство этого государства перед богами и особые связи с богами, которые дают ему царствование, — вот основные аспекты царской власти.

Дошедшие до нас договоры арпадского царя Матиилу с другими царями (Sader III Ba) позволяют немного узнать о внутренней структуре этого царства в VIII в. до н.э. Договоры заключали царь и его потомки с царем и его потомками, государство — с государством, столичный город — с городом, господа города — с господами города, боги — с богами. Характерно, однако, что субъектом договора арпадского царя с ассирийским был только сам царь (Sader III Ad I). Ассирийцы явно не признавали сложной структуры арамейского государства и демонстративно имели дело только с его главой⁷⁹. Что же касается других арамейских государств, то поскольку партнеры в договорах с ними были теми же (за немногими исключениями), что у Арпада, то, по-видимому, основные параметры

⁷⁹ Cp.: Dupont-Somer A. Trois stèles araméennes provenant de Sifré. — Les Annales archéologiques syriennes. 1960, t. 10, p. 45–46.

внутренней структуры Арпадского царства можно распространить и на другие арамейские государства.

Можно говорить о существовании в Арпаде, а по-видимому, и в других арамейских царствах двух секторов социально-политической жизни: царском и общинном. Во главе царского сектора, естественно, стоит царь со своей семьей. Рядом с ним находятся «его могущественные» (rbwh). Роль их в государстве, вероятно, была довольно значительна. Обычно они называются вместе с сыновьями царя, а их жены — вместе с женами царя (Sader III Ad I, III Ad IV, III Ad V, III Ba IA, III Ba IIB). Их атрибутом, как и атрибутом царя, был лук. Так что, возможно, по своему происхождению они принадлежали к родовой аристократии, в свое время являвшейся основной ударной силой рода и племени. Какова была их роль в государстве, сказать трудно. Данных об их реальном положении слишком мало. Можно лишь говорить об их очень высоком ранге, непосредственно при-мыкающем к рангу царя и его семьи.

В царстве Яуди существовала категория «братьев» царя (Sader IV Bb2). Их довольно большое число — 70 позволяет сомневаться в том, что речь идет о кровных братьях. Возможно, что «братья» — высший слой местной аристократии⁸⁰. Видимо, это была та же категория людей, что и «могущественные» в царстве Арпад. Впрочем, надо заметить, что и в Арпаде «братья» царя (Sader II Ba III) перечисляются вместе с другими лицами, которых в случае побега от арпадского царя его партнер по договору должен выдать. Может быть, это другое наименование «могущественных»?

Другими категориями людей, входивших в царский сектор, были ngr, pqr, 'm (Sader III Ba III). Термин 'm не вызывает особых сомнений. Речь идет о народе, т.е., вероятнее всего, о «царских людях», являвшихся непосредственными производителями. Упоминаются также (правда, только в ассирийской версии) земледельцы — ikkar (Sader III Ad IV): они в случае разрыва договора со стороны царя, его сыновей и его «могущественных» «не должны услышать мелодию в полях». Их связь с царем и его приближенными и указание «его земледельцы» ('^uikkar (ENGAR)-šu) могут свидетельствовать о принадлежности этих земледельцев к царскому сектору, и в таком случае речь идет о «царских людях» (а может быть, и рабах), которые обрабатывают царскую землю.

Ngr обычно переводят как «высшие чиновники», а pqr — «военные командиры». В Яуди им, может быть, соответствуют b'ly кругу — «господа деревень» и b'ly rkb — «господа колесниц» (Sader IV Bb2)⁸¹. Библия (I Reg. 22, 31) говорит о начальниках колесниц дамасского царя, и, судя по контексту, они возглавляли подразделения дамасской армии. Было их опять же 32, как ранее местных царей, подчиненных царю Арама, а затем областеначальников. Видимо, эти 32 начальника колесниц стояли во главе того воинского подразделения, которое выставял каждый округ Дамас-

⁸⁰ Sader H. Les états araméens, p. 174, n. 38, 137.

⁸¹ Ibid., p. 187.

ского царства. Наконец, отмечается существование «придворных», которые в другом месте обозначаются как «рабы».

Таким образом, выстраивается пирамида людей, входивших в царский сектор: царь и его семья, «могущественные» (может быть, они же — «братья»), высшие чиновники и военные командиры, обеспечивавшие непосредственное руководство государственной и военной машиной, рабы-придворные, царские люди. Встречается в тексте и «дом царя» (Sader III Ba IB, IC, III). Он упоминается в одном ряду с сыновьями и внуками царя, а в одном месте партнер предостерегается против внесения раздора в этот «дом». Видимо, под *but* подразумевается тот высший слой царского сектора, который находился непосредственно вблизи царской семьи.

Не исключено, что в понятие «дом царя» входили и царские владения. О том, что такие владения существовали, свидетельствует их упоминание в договоре (Sader III Ba IB). Это может говорить о том, что царский сектор охватывал определенную часть не только социально-политической структуры, но и экономики государства. Если упоминаемые выше земледельцы действительно зависели именно от царя, то можно говорить о сельскохозяйственных имениях царя и его семьи, и тогда они тоже входили бы в «дом». О каком-то контроле царя над экономикой может свидетельствовать штампель царя Яуди Бар-Ракиба на металлических слитках, являвшихся домонетным видом денег⁸².

Общинный сектор представлен в первую очередь гражданским коллективом столичного города Арпада и таким же коллективом таинственного *ktk*, которые появляются в договоре как его равноправные (по крайней мере формально) участники (Sader III Ba IA, IB). Граждане города именовались *b'ly* — «господа» такого-то города: *b'ly 'rpd*, *b'ly ktk*. Кроме господ упоминается еще «народ» (*'m*) города, причем в одном случае встречается сочетание *b'ly 'rpd w'm* — «господа Арпада и народ» (Sader III Ba IB). Правда, первая часть этого сочетания лишь восстанавливается, но, учитывая параллельное построение текста, упоминание *b'ly ktk* делает это восстановление бесспорным. Это сочетание показывает, что «господа» города и его «народ» могли быть разными категориями населения города. Но в то же время «народ», как и «господа», выступает участником договора: с ним и «господами Арпада» заключают договор «господа *ktk*». В двух других случаях, где упоминается Арпад и его народ, речь идет о несчастьях, которые обрушатся на арпадцев в случае нарушения договора: «не будет слышен в Арпаде звук кифары, но среди его народа будет звучать грохот болезни и звуки плача и стенаний, и боги пошлют на Арпад и его народ всякие виды пожирателей»; и далее эти пожиратели перечисляются (Sader III Ba IA). В этом случае под «народом» явно подразумевается все население города. Может быть, смысл этого слова двоякий: с одной стороны, это — все горожане, с другой — часть городской общины, не являющаяся гражда-

⁸² Lipinski E. Les temples néo-assyriens et la origines du monnayage. — State and Temple Economy in the Ancient Near East, p. 575–576.

нами, членами гражданского коллектива? Но даже если мы примем, что «народ» — это неграждане Арпада, то считать его просто подчиненной категорией нельзя, ибо он наравне с «господами», т.е. гражданами, выступает стороной в международном договоре. Поскольку в других арамейских государствах, в том числе в Яуди, «народ» пока не засвидетельствован, можно предварительно говорить о наличии в Арпаде (и пока только в нем) какой-то категории населения, не входившей непосредственно в гражданский коллектив, но обладавшей каким-то (каким, точно неизвестно) объемом политических прав.

В тексте упоминается еще одна категория — могущественные (или великие) сыновья Арпада — *bnth rbt* (Sader III Ba IA). Правда, это в значительной степени восстановление, но оно очень вероятно. Контекст, в котором встречается это сочетание, содержит проклятие в случае нарушения договора: «как сгорит этот воск в огне, так сгорит Арпад с его могущественными сыновьями». Связь между городом и этими людьми довольно тесная. Вероятнее всего, «могущественные сыновья» — либо городская аристократия, либо члены городского совета, отвечавшие за поведение города. Впрочем, между этими вариантами могло и не быть противопоставления. Как в Риме словом *senatus* порой именовали не только высший орган государства, но и его членов, так и здесь «могущественными» могли называть и городской совет, и тот слой людей, из числа которых совет формировался, т.е. местную знать.

В одном ряду с Арпадом в договоре упоминаются и другие города (Sader III Ba IA, III). На них тоже должны пасть несчастья в случае нарушения договора. По-видимому, речь идет о других общинах на территории Арпадского царства. Их перечисление вместе с Арпадом свидетельствует об их самостоятельности по отношению к нему. Видимо, можно говорить о существовании автономных общин, не подчинявшихся столичной, а объединенных властью одного монарха. В одном случае при упоминании [TL'Y]M речь идет о его господах, его деревнях и его территории (Sader III Ba III). По-видимому, территория общины не ограничивалась самим городом, и вне городских стен располагались деревни, ей принадлежавшие (*krpūh*). Были ли это сельскохозяйственные имения самих граждан или поселки зависимого от общины населения, сказать нельзя.

Несомненно, в арамейских государствах существовали и рабы. О рабах царя уже говорилось выше. Библия (II Reg. 5, 13) упоминает рабов дамаского военачальника Неемана. Но и в том и в другом случае речь идет явно о челяди. Какова была роль рабов в экономике и была ли она вообще, неизвестно.

То, что некоторые категории, отмеченные в Арпаде, встречаются, хотя и под другими названиями, также в Яуди, может означать, что они характерны для арамейских царств Сирии вообще. Но, разумеется, каждое государство имело и свои особенности.

В Арпаде в качестве участников договора упоминаются также Бит-Гузи и Бит-SLL (Sader III Ba IB, IIB). Наряду с ними и немного раньше

упоминаются царь и его потомство, так что Бит-Гузи наименованием династии быть не может. Государство Арпад возникло в результате захвата там власти членом Дома Гузи. Арамейские политические единицы с элементом Бит (Дом) были, по-видимому, племенными объединениями. Поэтому возможно, что Бит-Гузи представлял собой такое племенное (может быть, полукочевое) объединение, из которого вышел основатель Арпадского царства Атаршумки. Таким же должен быть статус и Бит-SLL. Эти объединения названы в тексте договора вместе с царем и его потомками и до Арпада и его «господ». Возможно, что они были подобны полукочевым племенам Эдома и Заиорданья, которые признавали верховную власть царя, но реально были автономны⁸³. Видимо, эти племенные объединения можно рассматривать как третий элемент структуры Арпадского царства наряду с царским и общинным секторами, и они, по-видимому, служили важной опорой царя, захватившего власть в сравнительно чуждой, хотя этнически, как кажется, и близкой среде.

Особенностью Яуди было наличие двух групп населения — *мушкабим* и *бааририм*. Они, вероятно, относились к разным этносам, причем бааририм были именно арамеями. Царь Киламува утверждал, что при его предшественниках с мушкабим обращались как с собаками (или они бродили либо рычали, как собаки; но при любом варианте перевода ясно, что они занимали чрезвычайно низкое положение) и они были, если царь, конечно, не преувеличивал, вообще лишены всякого имущества. Но затем Киламува провел какую-то реформу, которая, по-видимому, уравнивала эти две категории и предоставила мушкабим какое-то имущество, включавшее скот, серебро и золото. Отсутствие всего этого до реформы показывает, что мушкабим были, по-видимому, не только этнической, но и социальной категорией⁸⁴, вероятно подобной «илотам»⁸⁵. После реформы взаимное почитание этих двух категорий населения рассматривалось царем как необходимое условие крепости государства (KA1 24). В какой степени это взаимное согласие сохранилось после смерти Киламувы, сказать трудно; возможно, что продолжавшиеся трения между ними были причиной или одной из причин различных кризисов, потрясавших это царство⁸⁶.

Дамасское царство в этническом отношении было, по-видимому, практически однородным. Недаром оно носило этническое название — Арам. Говорить же об особенностях его социально-политической структуры довольно трудно, так как собственно арамейских надписей почти нет, а ассирийские памятники и библейские сведения много говорят о войнах Дамаска, но почти ничего — о его внутреннем устройстве. В этом отношении интересно сообщение о «площадах» (*hūṣḏt*), которые сначала Дамаск

⁸³ Bienkowski P. Southern Jordan and Negev in the Iron Age. — ASOR. 2000, № 50, 3, p. 7–8.

⁸⁴ Aymard A., Auboyer J. L'Orient et la Grèce antique. P., 1994, p. 240.

⁸⁵ Об «илотии» см.: Дьяконов И.М. Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. — История Древнего мира. М., 1989, т. I, с. 45.

⁸⁶ Sader H. Les états araméens, p. 187.

имел в израильской столице Самарии, а затем Израиль — в Дамаске (I Reg. 20, 34). Речь явно идет о факториях, может быть, типа раннеассирийского *карума*, или более поздней «Улицы людей из Эшнуны» в Сиппаре, или кварталов либо улиц чужеземцев в Ниппуре персидского времени⁸⁷. Такие фактории, видимо, обладали определенной автономией, нарушавшей централизованную систему управления государством. Во всяком случае, существование такой фактории в Самарии было навязано израильскому царю, а после победы израильтян дамаский царь возвращает их Ахаву и, наоборот, предлагает такую же иметь израильскому царю в Дамаске. В наличии таких факторий были заинтересованы в первую очередь купцы, а также, может быть, ремесленники, ибо существование факторий облегчало им ведение дел в этом государстве. Может быть, враждебное отношение к чужой фактории в своем городе объясняется элементарным нежеланием иметь под боком конкурентов. Дамаск был довольно развитым в экономическом плане государством, ведущим активную международную торговлю, в существовании таких факторий в других государствах его купцы были явно заинтересованы, как и в отсутствии сильных конкурентов в своем городе. Но характерно, что в послании дамаского царя его израильскому коллеге говорится не о купцах или ремесленниках, а о владениях самого царя: Бар-Хадад после поражения предлагает Ахаву вернуть тому «площади» в Самарии, которые его отец имел «для себя», и, наоборот, предоставить такие же «площади» Ахаву в Дамаске. Видимо, такие фактории считались частью владений царя метрополии (как тирские колонии, кроме Карфагена, частью Тирской державы). И их организация навязывается побежденному государству. Возможно также, что торговцы, наиболее заинтересованные в наличии таких факторий, были не самостоятельными купцами, а торговыми агентами царя. Но надо заметить, что дамаская фактория в Самарии сохранялась все же недолго, а об израильской фактории в Дамаске Библия вовсе умалчивает. Является ли организация таких факторий в других государствах и такое положение торговцев особенностью Дамаска или же все это было свойственно и другим арамейским царствам, сказать трудно. Царские штемпели на денежных слитках в Яуди говорят скорее о том, что царский контроль над торговлей был общеарамейским явлением. Означает ли это вообще отсутствие в арамейских царствах, в отличие от Финикии, частной торговли, неизвестно. Но можно думать, что мелкая торговля в пределах самого государства была все же в частных руках. Так, Дамаск был значительным центром караванной торговли, и в нем происходила торговля ослами, необходимыми для караванщиков, что, по-видимому, объясняет ассирийское название Дамасского царства ^{kur}ša-imēri-šu — «страна погонщиков ослов»⁸⁸. Торговля этими животными едва ли была делом царя, хотя это и не исключено.

⁸⁷ Elat H. The Monarchy and the Development of Trade in Ancient Israel. — State and Temple Economy in the Ancient Near East, p. 543–545; Оттенхейм А.Л. Древняя Месопотамия. М., 1980, с. 77.

⁸⁸ Sader H. Les états araméens, p. 279–283.

Заключение

Финикийцы, оставшиеся в Азии, и финикийцы, переселившиеся в Африку, составляли один и тот же этнос: они говорили на одном языке и поклонялись одним богам. Культура метрополии, культура колоний, культура Карфагена были ветвями одной культуры при наличии в каждой ветви своих особенностей. Однако в метрополии и колониях, особенно в Карфагене, имелись разные типы общественной и политической организации. В азиатской Финикии общество и государство были принципиально дуалистичны. И в экономической, и в социальной, и в политической сфере сосуществовали царский и общинный секторы. В Карфагене и общество, и государство, и хозяйство носили монистический характер, там (может быть, кроме краткого начального периода) царского сектора не было, а всецело господствовал общинный. С другой стороны, арамейские государства Сирии в своих социально-политических структурах, как и финикийские города-государства, были дуалистичны. Все эти государства были различны по своей этнической основе (ханаанейские и арамейские), по времени своего образования (начало III и I тысячелетий до н.э.), по типу («номовые» государства и «племенные»), но однотипны по социально-политической структуре. При первом взгляде на государство и общество еврейских царств до ассиро-вавилонского завоевания представляется, что и там сохранялась та же двойственность⁸⁹. Итак, можно сделать вывод, что этот дуализм является характернейшей чертой семитской Передней Азии доэллинистической эпохи. Может быть, вообще именно в этой плоскости надо искать основное различие между восточным и античным путями развития древних обществ?

Карфаген превратился в вариант античного общества. В ходе его развития в рамках Карфагенской республики начали появляться структуры эллинистического типа. В Передней Азии для этого понадобилось македонское завоевание и включение ее в эллинистическую политическую систему.

⁸⁹ Шифман И.Ш. Ветхий Завет и его мир. М., 1987, с. 23.

Древнееврейское государство: идея и реальность

Архитектор, пишет Филон Александрийский, «вначале мысленно представляет себе части города, которые должны быть построены... Когда в его сознании как на воске запечатлелись все упомянутые формы вещей, он носит в себе образ города, созданного его разумом. После того как силою памяти, которой он одарен, он представил картины разных деталей города и определил их типы еще более четко, он, как демиург, начинает строить город из дерева и камня, всматриваясь в созданный им образец, изготавливая зримые и осязаемые вещи, во всем соответствующие нематериальным идеям» (Philo Al. *De opificio mundi* 17–20). Притча античного мыслителя приложима ко всем творениям человека, которые возникают и существуют в двух ипостасях — как идея и как реальность. Но следует сделать несколько уточнений: первое — идея не только предшествует реальности, но также сосуществует с ней, и поэтому они непременно взаимодействуют и взаимовлияют; второе — полное совпадение идеи и реальности — явление скорее желаемое, чем действительное; третье — чем творение важнее и существеннее для человека, тем осязаемее в нем присутствие и воздействие идеи, что правильно также по отношению к столь важному в жизни древнего человека феномену «государство»¹. Если учесть, что в середине I тысячелетия до н.э. утверждается научно-логическое мышление с его обращенностью к абстракции, теории, идее, то можно предположить образование в то же время идеи государственности, в том числе древнееврейской. Тем самым оправдана попытка выявить содержание древнееврейской государственности и ее соотношение с реальным древнееврейским государством X–VIII/VI вв. до н.э.

Характерной особенностью ветхозаветной, древнееврейской картины мира является ее особое внимание к феномену «начало, истоки, происхождение»². В Ветхом Завете большое место занимают повествования о «начале» вселенной и человека, «своего» народа и «чужих» народов, государ-

¹ Frankfort H. *Kingship and the Gods: A Study of Ancient Near Eastern Religion as the Integration of Society and Nature*. Chicago, 1948, p. 3; Вейнберг И.П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М., 1986, с. 115–117.

² Weinfeld M. *The Promise to the Patriarchs and its Realization. An Analysis of Foundation Stories*. — OLA. 1988, 23, p. 353 sq.

ства и т.п., причем представление о «начале» нередко ассоциируется с признанием наличия предсуществующего праобраза, обозначаемого терминами *dāmūt* (облик, образ) и *šelem* (облик, образ, статуя, идол)³. Столь пристальное внимание к феномену «начало» отличает ветхозаветную мысль от древнеближневосточной, но сближает ее с античной, древнегреческой, в которой вопрос о происхождении и сущности государства, теория, идея государства занимают значительное место⁴.

Но в отличие от античной мысли, которая свои рассуждения о «начале», в том числе о государстве, как правило, выражает или по крайней мере стремится выразить в форме более или менее цельных, последовательных, системных теорий и/или дефиниций, Ветхий Завет, да и вся древнееврейская литература, включая Талмуд, отличается полным отсутствием подобных теорий и/или дефиниций, даже поползновений к их разработке. Причины тому две: первую следует искать в специфике ветхозаветного, древнееврейского мышления, предпочитавшего четко очерченным, сформулированным идеям, теориям, выводам «аккумуляцию отдельных ситуативно обусловленных мыслей»⁵, что, в свою очередь, коренится в свойственном ментальности древних евреев, особенно в середине I тысячелетия до н.э., признании нужности и целесообразности разно- и инакомыслия⁶. Вторая причина — в недостаточно высоком уровне зрелости этой теории, в отсутствии еще осознания ею своей самости и самостоятельности.

Отсутствие в Ветхом Завете последовательного и четкого, системного и единого изложения древнееврейской идеи государственности имеет свои преимущества и недостатки. Преимущество состоит в том, что любая завершенная и цельная теория таит в себе опасность схематизма и статичности в осмыслении данного явления, а доминирующий в Ветхом Завете (и в послеветхозаветной литературе) способ изложения воспринимает и осмысливает явление в контексте его существования и функционирования, в его динамике и взаимосвязанности с другими компонентами данной среды. А основной недостаток, который, кстати, может обернуться преимуществом, заключается в необходимости выявить все или большинство текстов, в которых данная теория, составляющие ее мысли и высказывания изложены.

Государство является порождением не только процесса развития и усложнения хозяйственной деятельности социума, предъявляющей все растущие требования к экономическому, политическому и идеологическому

³ Mettinger T.N.D. Abbild oder Urbild? «Imago Dei» in traditionsgeschichtlicher Sicht. — ZAW. 1974, 86, 4, S. 403–424; Wolff H.W. Anthropologie des Alten Testaments. München, 1984, S. 141 ff.; Урбах Э.Э. Мудрецы Талмуда. Иерусалим, 1989, с. 92 и сл.

⁴ Утченко С.Л. Политические учения Древнего Рима. М., 1977, с. 117 и сл.; Нерсесянц В.С. Политические учения Древней Греции. М., 1979, с. 6 и сл.

⁵ Talmon Sh. Grundzüge des Offenbarungsverstandnisses in biblischer Zeit. — Offenbarung im jüdischen und Christlichen Glaubensverständnis. Freiburg–Basel–Wien, 1981, S. 18–19; *idem*. Die Wertung von «Leben» in der hebräischen Bibel. — Arnoldshainer Texte. 1984, 39, S. 15–16.

⁶ Weinberg J.P. Die Mentalität der nachexilischen Bürger-Tempel-Gemeinde. — Abstracts. Society of Biblical Literature. 1990 International Meeting. Vienna, 1990, S. 35.

лидерству, процесса имущественного и социального расслоения и образования социальной, политической и идеологической элиты, равно как и внешнего давления, но также наличия, главным образом у элиты, более или менее четкой идеи государственности.

В древнееврейском обществе на рубеже XII–XI вв. до н.э. уже наличествовала вся совокупность объективных причин и факторов для образования государства⁷. Освоение древними евреями наряду с традиционным для них полуседлым-полукочевым животноводством также многоотраслевого земледелия, появление достаточно сложного ремесленного производства и установление обменно-торговых связей разных уровней, освоение опыта городской жизни и т.д. свидетельствуют об усложнении хозяйственной жизни. В древнееврейском обществе наряду с уже существовавшей родоплеменной структурой шел процесс имущественного и социального расслоения, складывалась сословно-классовая структура. Усиливалось также внешнее давление со стороны государственно-организованных соседей, особенно филистимлян. Поэтому вполне правомерной представляется попытка Авимелеха («Отец мой царь») добиться царской власти (Jdc. 9, 1 и сл.). Однако его притязания были отвергнуты, причем, как показывает притча Йотама (см. ниже), вполне осознанно; при этом руководствовались определенными представлениями о том, что такое государство, некоей идеей государственности. Для выявления этой идеи государственности следует обратиться к таким ветхозаветным текстам, которые содержат не описания реального древнееврейского государства, а лишь размышления, рассуждения о нем. Таковыми в Ветхом Завете являются: Ex. 18, 13–26; Num. 2, 1–34; 10, 11–28; 11, 24–25; 32, 1–42; 35, 1–34; Dt. 1, 9–18; 16, 18–19; 17, 8–13, 14–20; 20, 1–20 и Jos. 24, 1–28.

Ex. 18, 13–26: в этом отрывке, датируемом большинством исследователей⁸ X–VIII вв. до н.э., рассказывается о том, что Йитро, тесть харизматического лидера «сынов Иисраэла» Моше (Моисея), советует последнему, чтобы тот сохранил за собой лишь роль посредника между богом и народом, учил бы народ божественным постановлениям и закону, а для ведения судебных дел назначил мужественных и богобоязненных людей из предводителей (*šārīm*) племенного ополчения и «пусть они судят народ» (Ex. 18, 20–22).

Num. 2, 1–34; 10, 11–28; 11, 24–25; 32, 1–42; 35, 1–34: все эти отрывки входят в состав так называемого Жреческого кодекса, который создавался и оформлялся в VII–VI/V вв. до н.э., хотя содержал также материалы бо-

⁷ Kreissig H. Die Bedeutung der sogenannten Richterzeit für die Staatsentstehung bei den Hebräern. — Beiträge zur Entstehung des Staates. B., 1973, S. 82–91; Weinfeld M. The Transition from Tribal Rule to Monarchy and its Impact on the History of Israel. — Kinship and Consent. Ramat Gan–Philadelphia–London–Montreal, 1981, p. 151–166; Halpern B. The Constitution of Monarchy in Israel. Ann Arbor, 1981, p. 175 sq.; Шифман И.Ш. Государство в системе социальных институтов в древней Палестине. — Государство и социальные институты на древнем Востоке. М., 1989, с. 55 и сл.

⁸ Eissfeldt O. Einleitung in das Alte Testament. Tübingen, 1954, S. 265–266; Fohrer G. Erzähler und Propheten im Alten Testament. Heidelberg–Wiesbaden, 1989, S. 66 ff.

лее раннего, возможно даже доцарского, времени⁹. В них дано описание организации древнееврейских племен во время Исхода, кочевания по Синайской пустыне; содержащиеся в них описания исходят от Йахве и передаются им харизматическому лидеру Моше (Num. 2, 1; 10, 1 и др.). Все предписания касаются всей совокупности народа, названного «сыны Йисраела» и/или «Йисраел» (Num. 2, 2, 32 и др.), «народ» ('am) (Num. 11, 24; 32, 15 и др.) и «собрание, община» ('ēdā) (Num. 32, 2, 4; 35, 12 и др.). Совокупность народа организована в «стан, стан Йахве» (Num. 2, 3, 9 и др.), центром которого является Скиния Завета. Народом и/или станом помимо харизматического лидера Моше и его преемника Йехошуи руководят «70 мужей из старейшин народа» (Num. 11, 24–25), священник Элазар и «вожди общины» (Num. 32, 2), а также «главы домов отцов по коленам сынов Йисраела» (Num. 32, 28 и др.). Народ и/или «стан» состоит из 12 «колен» (Num. 2, 5 и сл.; 10, 15 и сл. и др.), каждое со своим знаменем, воинством и вождем (Num. 2, 2 и сл.; 10, 14 и др.), а в состав «колена» входят роды (mišpāhā) и дома отцов (bêt 'ābōt) (Num. 2, 34 и др.). Одна из важных задач руководства народа и/или стана — распределение земель между племенами (Num. 32, 1 и сл.) и выделение городов левитов и городов убежищ (Num. 35, 1 и сл.), реальное существование которых с X в. до н.э. ныне признается многими исследователями¹⁰.

Dt. 1, 9–18; 16, 18–19; 17, 8–13, 14–20; 20, 1–20: все эти отрывки входят в состав Второзакония, созданного в VII в. до н.э., но содержащего материалы более древние¹¹. В этих отрывках собраны божественные предписания, которые, однако, непосредственно исходят не от бога, а от харизматического лидера Моше (Dt. 1, 9 и др.) и обращены ко всей совокупности народа, состоящего из «колен» (Dt. 1, 13, и др.) и именуемого «народ» и Йисраел (Dt. 16, 19; 17, 20 и др.). В них речь идет о народе, осевшем в стране Ханаан (Dt. 17, 14 и др.), и они предусматривают учреждение царской власти и введение «конституции». Царь (melek) «должен написать для себя копию этого закона перед священниками-левитамии... дабы научался бояться Йахве, Бога своего, и старался соблюдать все слова закона этого и постановления эти...» (Dt. 17, 18–19), запрещающие многоженство, чрезмерное богатство и гордыню, повелевающие царю не уклоняться «от обязательства ни направо, ни налево, дабы долгие дни пребыл на царстве своем он и сыны его посреди Йисраела» (Dt. 17, 20). Эти предписания предусматривают также организацию аппарата управления, состоящего из предводителей (šārīm) ополчения, из надзирателей (šōṭərīm) и судей

⁹ Eissfeldt O. Einleitung in das Alte Testament, S. 271–175; Friedman R.E. The Exile and Biblical Narrative. Chicago, 1981, p. 44 sq.; Fohrer G. Erzähler und Propheten im Alten Testament, S. 169–174.

¹⁰ Albright W.F. The List of Levitic Cities. — Louis Ginzberg Jubilee. N. Y., 1945, vol. 1, p. 49–73; Mazar B. The Cities of the Priests and the Levites. — Supplements to VT. 1960, 7, p. 193–204; Haran M. Temples and Temple-Service in Ancient Israel. Winona Lake, 1985, p. 112 sq.

¹¹ Eissfeldt O. Einleitung in das Alte Testament, S. 291–310; Fohrer G. Erzähler und Propheten im Alten Testament, S. 114 ff.

(šōrəṭīm), призванных творить суд праведный (Dt. 1, 9–18; 16, 18–19; 17, 8–13).

Jos. 24, 1–28: этот отрывок, в основе которого, видимо, лежат аутентичные традиции времени проникновения древнееврейских племен в страну Ханаан (XIII–XII вв. до н.э.), во всяком случае доцарского периода¹², содержит описание «завета» (bəṭīt) в Шехеме. Инициатива действия исходит от харизматического лидера Йехошуа, партнером которого выступает вся совокупность народа, «все колена Йисраэла». Народом помимо харизматического лидера руководят «старейшины Йисраэла», «главы», «судьи» и «надзиратели», а основное содержание действия — заключение завета с народом: «И заключил Йехошуа с народом завет в тот день и поставил ему постановление и предписание в Шехеме», причем этот завет был письменно фиксирован («И вписал Йехошуа слова эти завета в книгу-свиток закона бога») и заключен при согласии народа (Jos. 24, 25–26, 21 и сл.).

Этот перечень и обзор не следует считать исчерпывающими, но они достаточно репрезентативны, чтобы служить материалом для попытки реконструировать древнееврейскую идею государственности, которая включает следующие основные положения:

а) основные законы и предписания исходят от бога или харизматического лидера, что указывает на признание сакральности, богоданности или государственности предусмотренного ею института;

б) носителем, обладателем государственности является вся совокупность народа, который повсюду обозначается терминами yīśra'ēl, bənē yīśra'ēl, чаще всего словом 'am, имеющим значение «народ, в смысле большой, в основе своей кровнородственной общности»¹³, и гораздо реже, только в одном из текстов, употребляется термин 'ēdā (Num. 2.), который в Ветхом Завете часто применяется для обозначения народа в эсхатологической ситуации¹⁴;

в) народ как политическая общность предстает в большинстве текстов стратифицированным, с горизонтальной гентильной организацией, включающей племена, роды и большие отцовские семьи, которые (особенно племена) обладают значительной автономностью — своими предводителями, знаменами и вооруженными отрядами, что оправдывает суждение¹⁵ об элементах федерализма в древнееврейской идее государственности;

г) важнейшей отличительной особенностью еврейской политической идеи признаются договорность и конституционность¹⁶; если конституци-

¹² *Seters J. van.* Joshua 24 and the Problem of Tradition in the Old Testament. — In the Shelter of Elyon. Essays on Ancient Palestinian Life and Literature in Honor of G.W. Ahlstrom. Sheffield, 1984, p. 134–158; *Sperling S.D.* Joshua 24 Re-examined. — HUCA. 1987, LVIII, p. 119–136.

¹³ *Speiser E.A.* "People" and "Nation" in Israel. — JBL. 1960, 70, 2, p. 157–163; *Weinberg J.P.* "Wir" und "sie" im Weltbild des Chronisten. — Klio. 1984, 66, 1, S. 29–30.

¹⁴ *Casciaro J.M.* El concepto de "Ekklesia" en el Testamento. — Estudios Biblicos. 1966, 25, p. 317–348; cp.: *Barr J.* Semantics of Biblical Language. L., 1962, p. 119–129.

¹⁵ *Elazar D.J., Cohen St.A.* The Jewish Polity. Bloomington, 1985, p. 8 sq.

¹⁶ *Elazar D.J.* The Jews' Rediscovery of the Political and its Implications. — Kinship and Consent, p. 8–11; 17; *Elazar D.J., Cohen St.A.* The Jewish Polity, p. 20 sq.

онность подразумевает наличие и признание безусловного авторитета и одинаковой обязательности для всех, властвующих и подвластных, единого закона, то в трех из четырех текстов она предстает стержневым элементом государственности, а соблюдение *tōrā* и *mišwā*, *ḥoq* и *mišpāt* — первой обязанностью всех; в большинстве текстов конституционность, т.е. законы, даны народу богом или харизматическим лидером, и лишь в Jos. 24 эксплицитно упоминается завет — договор, так что в древнееврейской идее государственности договорность скорее представление маргинальное, чем стержневое;

д) Д.Элазар¹⁷ отмечает ключевую роль республиканизма и теократизма в еврейской политической идее; теократический принцип, признающий бога суверенным руководителем политической общности, действительно доминирует в рассмотренных текстах, хотя в них ни разу не употребляется классическая ветхозаветная формула теократии: «Йахве царь» или «Йахве царствует» (1 Sam. 12, 12; Jes. 6, 5; Jer. 10, 10)¹⁸; что же касается республиканизма, то в рассмотренных текстах присутствует один из его признаков — участие народа, его представителей в управлении политическим организмом, но полностью отсутствует другой его столь же важный компонент — избираемость носителей власти, ибо в рассмотренных текстах они выдвигаются богом или назначаются харизматическими лидерами;

е) по мнению Д.Элазара и Ст.Козна¹⁹, еврейская политическая идея изначально и всегда категорически отвергает сосредоточение власти даже в руках бога и провозглашает ее разделение между тремя сферами — священнической, царской и сферой Торы, которые автономны, но должны взаимодействовать; рассмотренные тексты, однако, говорят о выполнении одними и теми же институтами — харизматическим лидером, народным собранием и т.д. — религиозно-культовых (Num. 11,24–25, и др.), военно-административных (Num. 2, 1–33; 10, 14–27; Dt. 20, 1–9 и др.) и судебных (Ex. 18, 19 и сл.; Num. 33, 1–34; Dt. 1, 13–17 и др.) функций без явных признаков разделения власти, но зато содержат категорические возражения против беззакония и произвола власти, особенно царской (Dt. 16, 19 и сл.; 17, 16–20 и др.).

Все вышеизложенное позволяет высказать предположение о действительном существовании древнееврейской идеи государственности, включавшей следующие основные положения: богоданность, сакральность идеи государственности и государства, признание обладающего горизонтальной, родоплеменной организацией народа носителем государственно-

¹⁷ Elazar D.J. The Jews' Rediscovery of the Political and Its Implications. — Kinship and Consent, p. 6.

¹⁸ Eissfeldt O. Jahwe als König. — ZAW. 1928, 5, 1, S. 81–105; Lipinski E. La Royauté de Jahwe dans la poésie et le culte de l'ancien Israël. Bruxelles, 1965; Gunneweg A.H.J. Herrschaft Gottes und Herrschaft des Menschen. — Kerygma und Dogma. 1981, 27, S. 164–179; Mettinger T.N.D. The Dethronement of Sabaoth. Studies in the Shem and Kabod Theologies. Lund, 1982, p. 24 sq.

¹⁹ Elazar D.J., Cohen St.A. The Jewish Polity, p. 16–20.

сти; допущение элементов федерализма в государственной организации; утверждение конституционной основы государства и выявление элемента договорности; доминирование теократизма и наличие некоторых признаков демократизма; отсутствие отчетливого размежевания функций и сфер власти и категорическое требование законности и справедливости.

Но воздействовала ли эта идея государственности на образование, существование и функционирование реального древнееврейского государства первой половины I тысячелетия до н.э. и если да, то в какой степени? Ветхозаветные материалы позволяют вести поиск ответов в двух плоскостях — идея государственности и критика реального древнееврейского государства, главным образом его царей, и соответствие или несоответствие этого государства, его основ и институтов основным положениям древнееврейской идеи государственности.

В древнеближневосточной литературе мало столь резких, яростных инвектив против царской власти и царей, как в Ветхом Завете, особенно в деутерономическом историописании — притча Йотама (Jdc. 9, 7–15), дискуссия о целесообразности или нецелесообразности введения царской власти (1 Sam. 8, 5–22), описание инцидента с Навотом (1 Reg. 21, 1 и сл.) и т.д., и в пророческих речениях (Hos. 7, 1 и сл.; 11, 1 и сл.; Jer. 21, 12 и сл.; 22, 1 и сл.; Ez. 22, 6 и сл. и др.). Все эти тексты относятся к разным временам: притча Йотама и дискуссия о царской власти, видимо, восходят к XII–XI вв. до н.э.²⁰, инцидент с Навотом имел место в первой половине IX в. до н.э., речения пророка Хоше датируются VIII в. до н.э., а слова пророков Йирмйаху и Йехезкиела были сказаны на рубеже VII–VI вв. до н.э. Эти инвективы отличаются также по мотивам, их породившим, ибо одни (притча Йотама, дискуссия о царской власти и иные) направлены против царя как такового, а описание инцидента с Навотом, многие речения Йирмйаху обращены против конкретного царя, его действий. Поэтому тем показательнее повторение в них одних и тех же мотивов, обвинений:

а) в некоторых текстах (притче Йотама, дискуссии о царской власти) отвергается, порицается человеческая, профанная инициатива при введении царской власти: в притче Йотама деревья пожелали «помазать царя над собой» (Jdc. 9, 8), а в дискуссии о царской власти народ и «все старейшины Йисраела» требовали от Шемуела: «Поставь над нами царя» (1 Sam. 8, 4 и сл.), что противоречило важному положению идеи государственности о ее богоданности;

б) в дискуссии о царской власти главным обвинением является отказ от теократизма, ибо, требуя себе царя из людей, «они (народ) отвергли Меня (бога) от царствования над ними» (1 Sam. 8, 7);

²⁰ McCarthy J. The Inauguration of Monarchy. — Interpretation. 1973, 27, p. 401–412; Clements R.E. The Deuteronomistic Interpretation of the Founding of the Monarchy in 1 Sam VIII. — VT. 1974, 24, 4, p. 399–410; Mettinger T.N.D. King and Messiah, p. 64 sq.; Halpern B. The Constitution of Monarchy in Israel, p. 149 sq.; Вейнберг И.П. Рождение истории (историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н.э.). М., 1991.

в) но отказ от теократии не должен повлечь за собой нарушение конституционности, ибо царь-человек будет руководствоваться «правом царя» (1 Sam. 8, 9, 1)²¹, которое не зло само по себе, но плохо своим требованием безусловного повиновения царю (Jdc. 9, 15) и чрезмерностью требуемых им податей и повинностей (1 Sam. 8, 11 и сл.);

г) чаще всего цари обвиняются в роскоши и корыстолюбии (Nos. 7, 1 и сл. и др.), в беззаконии, насилии и произволе, в нарушении основной обязанности царя — творить правый суд, что ведет к полному моральному разложению и развращению всего народа: «У тебя отца и мать презирают, пришельцу чинят обиду среди тебя, сироту и вдову притесняют... Иной делает мерзости с женой друга своего, оскверняет сноху свою, насилует сестру свою, дочь отца своего. Взятки берут у тебя...» и т.д. (Ez. 22, 6 и сл.); все это особенно отчетливо проявляется в, видимо, реальном инциденте с Навотом²², виноградник которого приглянулся израильскому царю Ахаву, который ради достижения своей цели организовал ложное обвинение и убийство строптивого подданного (1 Reg. 21, 1), что резко осудил пророк Элиаху;

д) все эти и другие проступки плохих царей концентрируются и воплощаются в одном и главном преступлении — в их отступничестве от «пути Йахве», в нарушении его заветов и поклонении чужим богам, о чем твердят пророки (Nos. 11, 1 и сл.; Jer. 22, 5 и сл.; Ez. 22, 8 и сл. и др.) и что служит основным критерием негативной оценки деятельности царей Девтерономистом, выраженным в формулах: «творил зло в глазах Йахве» и «сошел с пути Йахве» (1 Reg. 15, 26; 2 Reg. 13, 2 и др.).

Подобная унифицированность обвинений, невзирая на разность времени и ситуаций, их породивших, позволяет предположить наличие общей для них оценочной парадигмы, а совпадение этих обвинений с главными компонентами древнееврейской идеи государственности делает правомерным вывод, что именно ею руководствовались авторы этих критических высказываний.

Для выявления возможного конструктивного воздействия древнееврейской идеи государственности на генезис, сущность и функционирование реального государства следует проверить, как соотносятся ее главные компоненты со структурными чертами этого государства:

а) хотя с течением времени, особенно к концу существования древнееврейского государства и в после пленное время, имела место его десакрализация²³, представления о богоданности царства и царя никогда полностью не исчезали; свидетельства тому — династическое пророчество Натана²⁴ (конец X в. до н.э.): «...Я (Йахве) утвержу престол царства его (Со-

²¹ Mettinger T.N.D. King and Messiah, p. 87 sq.; Halpern B. The Constitution of Monarchy in Israel, p. 224 sq.

²² Seebass H. Der Fall Naboth in 1 Reg XXI. — VT. 1974, 24, 4, S. 474–488.

²³ Вейнберг И.П. Рождение истории.

²⁴ Ahlstrom G.W. Nathan und der Tempelbau. — VT. 1961, 11, 1, p. 113–127; Cross F.M. Canaanite Myth and Hebrew Epic. Cambridge (Mass.), 1973, p. 241–265; Veijola T. Die ewige

ломона) навеки» (2 Sam. 7, 13 = 1 Chr. 17,12) и почти пять веков спустя слова Нехемьи: «И в царстве их (евреев), которое Ты (Йахве) в великой доброте Твоей давал (даровал) им...» (Neh. 9, 35);

б) древнееврейское государство было и воспринималось обладающим выраженной пространственностью этнополитическим образованием, достоянием всего народа²⁵, что подтверждается постоянным употреблением ряда близких по смыслу терминов — kol yisra'el и т.д. (1 Sam. 12, 1 и сл.; 2 Sam. 5, 1 и сл.; 1 Reg. 4, 1 и сл. и др.) для обозначения государственно организованной и политически активной совокупности народа;

в) в реальном древнееврейском государстве на протяжении всего времени его существования сохраняется родоплеменная структура; она, как носитель элементов феодализма, активно проявляется не только в мятежах Абшалома (2 Sam. 13–18) и Шевы (2 Sam. 20,1 и сл.) против централизаторской политики Давида, в самом факте отделения северного Израильского царства (1 Reg. 12,1 и сл.) и частых сменах династий в нем, но также в самой организации Иудейского государства, в котором централизованное территориально-административное деление по податным округам сочеталось с племенной структурой (1 Chr. 27, 1 и сл.; 1 Reg. 4, 7 и сл. и др.)²⁶;

г) в реальном древнееврейском государстве как в идее государственности, возможно даже в большей степени, чем в последней, огромную роль играли конституционность и договорность²⁷: заветом-договором оформляются отношения между народом и Шаулом (1 Sam. 10,17 и сл.), с чего, по существу, начинается существование древнееврейского государства; Давид заключает завет со старейшинами Йисраела, и «они помазали Давида царем над Йисраелом» (2 Sam. 5, 3), а в 840 г. до н.э. организатор государственного переворота в Иудее священник Йехойада «заключил завет между Йахве и царем и народом» (2 Reg. 11, 17; ср. 2 Chr. 23, 16) и т.д., причем эти вполне реальные заветы-договоры оформлены по образцу Синайского завета (Ex. 24, 7) и завета, заключенного Йехошувей в Шехеме (Jos. 24, 1 и сл.), который упоминается в изложениях древнееврейской идеи государственности;

д) не вникая в дискуссию о теократичности или нетеократичности реального древнееврейского государства, харизматичности или нехаризматичности его царей, следует отметить, что элементы теократичности и харизматичности, по-видимому, действительно наличествовали в нем, временами и в определенных социально-идеологических средах даже ак-

Dynastie. David und die Entstehung seiner Dynastie nach der deuteronomistischen Darstellung. Helsinki, 1975, S. 68–79; Mettinger T.N.D. King and Messiah, p. 48–63.

²⁵ Weinberg J.P. Königtum und Königreich im Weltbild des Chronisten. — Klio. 1987, 69, 1, S. 33 ff.

²⁶ The Kingdoms of Israel and Judah. Jerusalem, 1961, p. 47–65, 110–131; Pintore F. I dodici intendenti di Salomone. — RSO. 1970, XLV, 3–4, p. 177–207.

²⁷ Mettinger T.N.D. King and Messiah, p. 254–293, 301–304; Halpern B. The Constitution of Monarchy in Israel, p. 19 sq.

тивизировались; об этом свидетельствует формула: «Ты (Давид) сын Мой (бога). Я ныне родил тебя» (Ps. 2, 7; 89, 27–28, и т.д.), которая вначале выражала представление о богорожденности царя, а затем превратилась в формулу «божественной адаптации»²⁸;

е) постоянным и существенно важным компонентом реального древнееврейского государства было непосредственное и активное участие всей совокупности народа и/или его представителей в государственном управлении; действует совет старейшин, который именуется *hazzəqenīm* или *ziqnê yiśra'ēl* (2 Sam. 3, 17; 17, 4; 1 Reg. 12, 6 и др.), народное собрание, которое иногда даже обозначается термином, встречаемым в изложениях идеи государственности, — *'ēdā* (1 Reg. 8, 5; 12, 9, и др.), хотя преобладают также свойственные терминологии идеи государственности обозначения *'am*, *'am yiśra'ēl* и т.д. и появляется неизвестный ей, но обозначающий реальное явление древнееврейского общества термин *'am hā'areš* («народ земли»)²⁹; полномочия и влияние этих демократических институтов были весьма значительны: они активно, а временами решающим образом участвовали в возведении на престол царей (2 Reg. 11, 17 и сл.; 23, 30 и др.), в принятии и осуществлении важных религиозно-политических акций (2 Chr. 30, 2; 2 Reg. 23, 1–2 и др.); все это вряд ли позволяет говорить о республиканизме древнееврейского государства, но указывает на устойчивое существование в нем ряда демократических институтов³⁰;

ж) в реальном древнееврейском государстве, так же как в идее государственности, нельзя обнаружить, особенно в деятельности царя, принципиальную ориентацию на разделение функций и сфер власти; как раз наоборот, священники и левиты нередко являются членами царской администрации (1 Reg. 4, 1 и сл.; 1 Chr. 18, 15 и сл., и т.д.), пророки принимают самое активное участие во внутри- и внешнеполитической деятельности (1 Reg. 11, 29 и сл.; 2 Reg. 9, 1 и сл. и др.), а что касается царей, то основанием для положительной оценки признается всеобъемлющий характер их деятельности³¹.

Таким образом, между основными структурными признаками реального древнееврейского государства и важнейшими компонентами идеи госу-

²⁸ Boer P.A.H. de. *Fatherhood and Motherhood in Israelite and Judean Piety*. Leiden, 1974, p. 22 sq.; Halpern B. *The Constitution of Monarchy in Israel*, p. 125 sq.

²⁹ Амосин И.Д. «Народ земли» (К вопросу о свободных земледельцах древней Передней Азии). — ВДИ. 1955, № 2, с. 14–36; Nicholson E.W. *The Meaning of the Expression 'am ha'areš in the Old Testament*. — JSS. 1965, 10, 1, p. 59–66; Weinberg J.P. *Der 'am ha'areš des 6–4. Jh.v.u.Z.* — Klio. 1974, 56, S. 325–335; Gunneweg A.H.J. *'am ha'areš: a Semantic Revolution*. — ZAW. 183, 95, 3, S. 437–440.

³⁰ Malamat A. *Organs of Statecraft in the Israelite Monarchy*. — BA. 1965, 27, 2, p. 34–65; Halpern B. *The Constitution of Monarchy in Israel*, p. 187 sq.; Tadmor H. *Traditional Institutions and the Monarchy: Social and Political Tensions in the Time of David and Solomon*. — *Studies in the Period of David and Solomon and other Essays*. Tokyo, 1982, p. 239–257; Weinfeld M. *The Counsel of the "Elders" to Rehoboam and Its Implications*. — Maarav. 1982, 3/1, January 1, p. 27–53.

³¹ Вейнберг И.П. Царская биография на Ближнем Востоке середины I тыс. до н.э. — ВДИ. 1990, № 3.

дарственности имеются многие точки соприкосновения. Отсюда, конечно, не следует вывод, что реальное государство было организовано соответственно идее государственности. Но все вышеизложенное позволяет говорить об очевидном и значительном воздействии этой идеи на становление и функционирование реального древнееврейского государства. Тому еще два дополнительных подтверждения: первое — проведенная иудейским царем Йехошапатом в середине IX в. до н.э. судебная реформа, которая предусматривала введение «судей в стране, во всех укрепленных городах Иудеи, в каждом городе» и утверждение высшего суда в Иерусалиме «из левитов и священников и глав больших отцовских семей у Йисраела» (2 Chr. 19, 4 и сл.), по содержанию и терминологии перекликается с предусмотренной в идее государственности организацией суда (Ex. 18, 21 и сл.; Dt. 1, 13 и сл. и др.)³²; второе — идейной, программной основой проведенной в 621 г. до н.э. царем Йошияху радикальной религиозно-политической реформы³³ служила найденная в Иерусалимском храме книга — свиток Торы (2 Reg. 22, 8 = 2 Chr. 34, 14), которую большинство исследователей³⁴ отождествляют с ветхозаветной книгой Второзакония, его основной частью, содержащей одно из наиболее развернутых изложений древнееврейской идеи государственности.

Обобщая все вышеизложенное, можно сделать вывод о разработке древнееврейской, ветхозаветной мыслью идеи государственности, которая оказывала заметное воздействие на образование и функционирование древнееврейского государства, на еврейскую политическую мысль и практику последующих веков³⁵.

³² Knierim R. Exodus 18 und die Neuordnung der mosaïschen Gerichtsbarkeit. — ZAW. 1961, 73, 1, S. 146–171; Macholz G.Ch. Zur Geschichte der Justizorganisation in Juda. — ZAW. 1972, 84, 3, S. 314–340; Reviv H. The Traditions Concerning the Inception of the Legal System in Israel: Significance and Dating. — ZAW. 1982, 94, 4, S. 566–575; Wilson R.R. Israel's Judicial System in the Preexilic Period. — JQR. 1983/1984, 74, 2, p. 229–248.

³³ Weinfeld M. Cult Centralization in Israel in the Light of a Neo-Babylonian Analogy. — JNES. 1964, 23, p. 202–212; Claburn W.E. The Fiscal Basis of Josiah's Reform. — JBL. 1973, 92, p. 11–22; Oded B. Judah and the Exile. — Israelite and Judaeon History. Ed. by J. Hayes and J.M. Miller. L., 1977, p. 458–469.

³⁴ Eissfeldt O. Einleitung in das Alt Testament, S. 309–310; Dietrich W. Josia und das Gesetzbuch (2 Reg. XXII). — VT. 1977, 27, 1, S. 13–35; Fohrer G. Erzähler und Propheten im Alten Testament, S. 114 ff.

³⁵ Elazar D.J., Cohen St. A. The Jewish Polity, p. 1 sq.

Ашока — царь Магадхи и правитель Вселенной*

Многочисленные надписи Ашоки являются основным источником для изучения древнеиндийского государства Маурьев. Однако исследователю приходится учитывать, что он имеет дело с религиозными манифестами, составленными в искусной литературной форме¹. «Административная терминология» эдиктов о дхарме не может быть понята без учета общих представлений их автора об устройстве мироздания.

В Больших Наскальных Эдиктах (БНЭ) неоднократно (II, III, V, XIII, XIV) употребляется термин *vijita*. Последний из эдиктов представляет собой некое послесловие ко всей серии. В нем говорится: «Эта надпись о дхарме... бывает [высечена] вкратце, бывает в средней форме, бывает пространная — ведь не все повсюду высекается. Огромна ведь *виджита*...» Отсюда мы можем сделать вывод, что те районы, где обнаружена «надпись о дхарме» (т.е. БНЭ), безусловно, принадлежат «виджите». Известно, что границы маурийского государства индологи определяют именно по местам находок эдиктов. Таким образом, *vijita* — вся держава Ашоки.

Это значение слова подтверждает анализ и других надписей. Так, в БНЭ II сказано: «Повсюду в виджете царя Пиядаси (т.е. Ашоки. — А.В.), владыки², а также у соседей (*evamāpi racsamtesu* — версия из Гирнара. — А.В.), как то: Чолы, Пандьи, Сатияпутра, Кералапутра — вплоть до Тамрапарни, царь греков по имени Антиака и другие цари рядом с тем Антиякой...» Взглянув на карту Индии, мы обнаружим, что земли перечисленных выше «соседей» располагаются в непосредственной близости от тех мест, где были высечены на скалах эдикты маурийского царя. Владения Чолов и Кералапутров находятся чуть ниже южной группы БНЭ. Государство Антиоха (т.е. Селевкидов) занимало территорию, примыкавшую к тем районам Афганистана, где найдены греческие и арамейские надписи Ашоки. Следовательно, мнение, высказанное в отечественной историо-

* Работа выполнена по гранту РФФИ (№ 02-06-80115).

¹ См. например: *Mette A. Zum Stil der Aśoka-Inschriften.* — *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft.* 1985, Bd. 44.

² О таком толковании термина *devānāmpīya* см.: Вигасин А.А. Царь Пиядаси, *devānāmpīya*. — *Scripta Gregoriana.* М., 2003.

графии³, будто «виджита» составляла лишь одну из частей державы, ошибочно. За пределами виджиты находились вовсе не провинции, а соседние государства (рассамта) — такие «окраинные земли» (амта), на которые не распространялась власть маурийского царя. Буквальное значение слова («завоеванное» или «побежденное» — от глагола vi-ji, ср. в БНЭ XIII: kaligya vijitā «жители Калинги завоеваны») также не позволяет ограничивать vijitā «ядром государства», т.е. той территорией, которая была не завоевана, а получена по наследству.

О vijaya («завоевании, победе») царя говорится не только в связи с vijitā. В этом отношении особенно показателен БНЭ XIII. Стоит отметить, что совокупность БНЭ представляет, по сути, единый текст. Не случайно поэтому он и назван «надписью» в единственном числе (БНЭ XIV). В каждой из региональных серий (Калси, Гирнар, Еррагуди и т.д.) эдикты высечены единым комплексом и отделены друг от друга чертой — наподобие разделов. Деление это осуществляется порой несколько произвольно. Например, БНЭ V явно распадается на две части: первая повествует о «благих делах» (sukaṭa), а вторая — о «сановниках дхармы». Вводится эта вторая часть таким же зачином, как предшествующие и последующие эдикты (см. БНЭ IV, VI и VIII: atikkātam amṭaram «в былые времена» и т.д.). В БНЭ IX первая часть повествует о «церемониях» (maṃgala), а вторая — о «дарениях» (dāna). Если бы писец разделил чертой надвое каждый из указанных эдиктов, это вряд ли удивило бы современных исследователей. Однако дальнейшего дробления текста не произошло, и можно предполагать, что число «разделов» в надписи о дхарме не является совершенно случайным.

Как уже было сказано, БНЭ XIV не имеет самостоятельного значения. Он выполняет такую же служебную функцию, как «послесловия» в древнеиндийских шастрах (например, книга XV «Артхашастры», повествующая о тех методах изложения, которые были использованы составителем в предшествующих книгах). Содержание «надписи о дхарме» раскрывается, таким образом, в 13 частях. Не связано ли это обстоятельство с тем, что и высечена она была на 13-м году после помазания на царство (БНЭ V)? В поздневедийской литературе встречаются рассуждения о том, что число 13 (тринадцатый, дополнительный месяц) воплощает в себе все 12 месяцев года и сам год как целое⁴. Поскольку «надпись о дхарме» приурочена к окончанию 12-летнего цикла правления царя⁵, стоит обратить внимание на замечание И.Хеестермана⁶, что число 13 «символизирует рождение Нового года и регенерацию Вселенной».

³ См.: *Бонгард-Левин Г.М.* Индия в эпоху Маурьев. М., 1973, с. 358: «...эпиграфические материалы показывают, что она (виджита. — *А.В.*) составляла лишь ядро государства».

⁴ *Heesterman J.* The Ancient Indian Royal Consecration. 's-Gravenhage, 1957, p. 33 f.; ср.: *Gonda J.* Prajapati and the Year. Amsterdam, 1984, p. 23.

⁵ См.: *Вигасин А.А.* Время в эдиктах Ашоки. — *Антропология культуры.* М., 2002, вып. 1.

⁶ *Heesterman J.* The Ancient Indian Royal Consecration, p. 33–34.

Как бы то ни было, в БНЭ XIII мы усматриваем кульминационный момент всей «надписи о дхарме». Именно здесь появляется понятие *saṅgata vījaṃ* («вселенская победа»). В контексте этой «победы» упоминаются посольства, отправленные Ашокой на юг, вплоть до Океана и острова Тамрапарни (Ланки), и на запад — к царям греков до самого края обитаемой Земли⁷. Эти «дипломатические контакты» представляли собой не что иное, как «завоевание сторон света» (*digvījaṃ*) — символическое овладение Вселенной. Любопытно отметить, что сам термин *vijita* встречается лишь в Больших Наскальных Эдиктах, т.е. именно в тех текстах, которые были высечены на скалах по границам огромной державы⁸.

Победа царя одержана повсюду, куда дошли его посланцы (*dūta* — БНЭ XIII). И даже там, куда им не удалось добраться, но донеслась слава о соблюдении им дхармы (*dhammavuttam*), о правиле (*vidhānam*) и наставлении в дхарме (*dhammānusatthi*), тем самым также одержана победа. Царь ставит своей целью благодеяния⁹ всему человечеству (*savvalokahite* — БНЭ VI) — далеко за пределами собственной державы (*vijita*). Более того, он оказывает милость всем двуногим и четвероногим (*pasumunissānam* — БНЭ II, колонный эдикт VII), тем живым существам, которые плавают в воде или летают в небе (*dupadacatuppadesu pakkhivālicaḥesu* — колонный эдикт II). Ашока не просто глава государства, он — царь природы¹⁰. Такие политические меры, как амнистия или облегчение участи заключенных, фигурируют в контексте вегетарианских обычаев, запретов на клеймение быков или кастрацию петухов (колонный эдикт V, ср. колонные эдикты II, IV и VII). Можно сказать, что любая живность включается в число царских подданных. Не случайно одно и то же слово *grāṇa* («живая душа») встречается и для обозначения тех жителей империи, которыми управляли царские слуги, и для птиц и зверей, которых забивали на царской кухне. Можно сравнить фразеологию БНЭ I: «многие сотни тысяч *grāṇa* были умерщвляемы для трапезы» и колонного эдикта IV: «мои наместники ведают многими сотнями тысяч *grāṇa*», то же колонный эдикт VII, ср. БНЭ XIII: «сто пятьдесят тысяч *grāṇa* (здесь имеются в виду жители Калинги. — *А.В.*) оттуда уведены».

В связи с тем что царь изображается как вселенский правитель, представление о действительных пределах его государства нередко оказывает

⁷ См.: Вигасин А.А. Великое посольство на Запад. — У времени в плену. М., 2000; статья вошла также в кн.: Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Вигасин А.А. Индия и античный мир. М., 2002.

⁸ В калингской версии БНЭ XIV (Дхаули и Джаугада) слово *vījaṃ* выступает как синоним *vijita* (*mahaṃte hi vījaṃ* — «велика ведь держава»). Не следует ли и в БНЭ XIII *sayakasi yeva vījaṃ* понимать как «в собственной державе», а не в «собственном завоевании», как обычно переводят? (См.: Bloch J. Les inscriptions d'Asoka. P., 1950, p. 132: «dans leur propre victoire»; Schneider U. Die grossen Felsen-Edikte Asokas. Wiesbaden, 1978, S. 119: «in ihrer eigenen Eroberung»; Norman K.R. Asoka's Thirteenth Rock Edict. — Indologica Taurinensia. Torino, 1999, vol. XXIII–XXIV, p. 479: «in (the event of) their own victory».)

⁹ См.: Вигасин А.А. К интерпретации эдиктов Ашоки: правление и праведность. — Эпиграфика Востока. М., 1998, вып. XXV.

¹⁰ См.: Вигасин А.А. «Охрана природы» в Древней Индии. — ВДИ. 1995, № 2.

ся размытым. Будучи благодетелем подданных, он приказывает вырыть многочисленные колодцы и посадить тенистые деревья вдоль дорог (колонный эдикт VII) — вполне традиционный и яркий образец благодеяний в условиях жаркого климата Индии! Но, судя по надписям, подобная эвергетическая деятельность распространялась далеко за пределами державы (*vijita*). Нужна большая наивность для того, чтобы буквально понять слова БНЭ II о том, что индийский царь соорудил водоемы где-нибудь в Северной Африке («в царстве Мака», т.е. Магаса). Да и была ли на самом деле потребность в том, чтобы сажать тенистые деревья вдоль дорог в гористой Македонии у «царя греков Антекини», т.е. Антигона?

Вследствие такого отношения к роли царя проявляется отождествление *savvatta vijitassi* (как в БНЭ II: «повсюду в державе») и просто *savvatta* («повсюду», ср. *savvatta vijaye* в БНЭ XIII). И там, где в большинстве версий БНЭ V стоит *savvatta vijitassi* («по всей державе»), писец калингской версии из Дхаули — в полном соответствии с духом эдиктов! — ставит *savvarupūhaviyam* («по всей Земле», т.е. во Вселенной).

В БНЭ VI появляется образ царя, которому в любое время (*savvaṃ kālaṃ*) и в любом месте «докладчики» (*paṭivedaka*) сообщают обо всем, что происходит в его державе, — какое бы срочное дело (*atiyūyike*) ни возникло, к примеру, у членов совета (*parisā*). В основе этого образа лежит идея, хорошо известная индийской традиции: царь должен быть всеведущим. Он обо всем узнает с помощью своих осведомителей (*cāga*). В «Рамаяне» (III.33.10) об этом сказано так: «Поскольку цари, даже находясь далеко (*dūrasthāḥ*), видят все дела (*sarvān arthān*, ср. в БНЭ VI: *janassa atṭhaṃ paṭivedayaṃtu me* „пусть сообщают мне о делах людей“) посредством осведомителей (*cāga*), их так и называют — „те, чье зрение — осведомители“ (*cāracakṣus*)». В санскритской литературе говорится об этом часто (см.: Ману IX.256, Чанакьясутры 472, Вишалакша I.328: «видящий далеко — победитель (*vijigīṣu*)», Матсья-пурана 215.90 и др.). Особенно показателен фрагмент «Шукра-нитисары» (1.335–336), текста позднего, но передающего старинную традицию: «Относительно членов совета (*sabhya*)... и в деле срочном (*atyūyike*) пусть всегда, даже ночью, выслушивает осведомителей». В «Нитисаре» Камандаки (13.29–30) говорится, что царь, даже когда спит, на самом деле бодрствует, ибо его люди действуют повсюду. Царь подобен богу ветра, так как он мгновенно облетает весь мир (*jagat kṛtsnaṃ vyāpnuyāt*).

Мир, известный Ашоке, — это, главным образом «Материк дерева Джамбу» (*Jambudvīpa*, в туземной космографии соответствует Индии). Из буддийской литературы¹¹ мы знаем, что в центре Джамбудвипы находится мифическая гора Меру, на которой и растет мировое дерево Джамбу. Гималаи и Океан служат границами материка. Люди, его населяющие, составляют основной объект благодеяний Ашоки — именно их он стремится сделать «смешавшимися с богами» (Малый Наскальный Эдикт — *missā*

¹¹ См.: *Malalasekera G.P. Dictionary of Pali Proper Names. Vol. 1–2. Delhi, 1995, vol. 1, p. 941.*

devehi). Правитель Джамбудвипы, по представлениям индийцев, — царь-миродержец (чакравартин), «поворачивающий Колесо» времени.

Однако космология царской власти не должна помешать нам заметить реальные черты маурийского государства. В Калингском эдикте II упомянуты «непокоренные окраины» (*aṃtā avijitā*) внутри самой «державы» (*vijita*). Царь обращается к жителям этой «внутренней периферии» с увещеваниями, убеждая их в том, что у него вовсе нет агрессивных намерений. То же самое мы видим в БНЭ XIII. В этом эдикте, с одной стороны, речь идет о вселенской победе, одержанной царем на всех окраинах (*aṃta*) — вплоть до Ланки на юге и до Кирены и Македонии на западе. С другой же стороны, упоминаются некие «лесные племена» внутри самой его державы (*yā sa pi aṭaviyo devānaṃpiyaṣṣa vijite hoti*) — и эти племена приходится лишь призывать к покорности. Царь-миродержец на самом деле не контролировал полностью территорию собственной страны.

Держава Ашоки состояла из отдельных «земель» (*janapada* — БНЭ VIII и XIII) — тех самых, которые в предшествующий период упоминаются в качестве самостоятельных государств. Каждая из джанапад обозначалась по господствующему народу — *jana* (Плиний вслед за эллинистическими писателями называет их племенами — *gentes*). Центром державы являлся город Паталипутра, и, вполне возможно, в тех случаях, когда в надписях встречается слово «здесь» (*hida, idha*), часто имеется в виду столица. В Гирнарской версии БНЭ V вместо *hida* и стоит *Pāṭaliputte*. Царь говорит о том, что им сделано «в Паталипутре и во внешних городах» (*bāhiresu nagaresu*). Последнее выражение привлекает наше внимание, ибо встает вопрос о том, «вне» чего, собственно, находятся упомянутые города. «Вне державы» — совершенно невозможно, «вне Паталипутры» — не имеет смысла. Автор не говорит «в других городах», видимо, по той причине, что пространство державы не кажется ему единым. Город ассоциируется с определенной областью (джанападой), на которой осуществляется власть. И когда речь идет о Паталипутре, очевидно, имеется в виду не только пространство, ограниченное городскими стенами. Вероятно, «внешние города» располагались за пределами той территории, на которой царь Паталипутры непосредственно осуществлял власть¹², — народа «палиботров», как выражается Плиний (VI.22).

В связи с этим стоит обратиться к тому фрагменту БНЭ XIII, где упоминается *gājavisaṃyā* (букв. «царская земля»). Фраза выглядит следующим образом: «здесь, в царской земле, у греков и камбоджей, у набхаков и набхапантов, у бходжей и питиников, у андхров и париндов — повсюду следуют указу владыки о дхарме». Переводчики эдиктов обычно отождествляют понятия «царская земля» и держава¹³. Однако в таком случае пере-

¹² Ср.: Лелюхин Д.Н. Структура державы Маурьев по свидетельствам эдиктов Ашоки. — ВДИ. 1998, № 2, с. 119–120.

¹³ Bloch J. Les inscriptions d'Asoka, p. 130: «ici, dans l'empire»; Thapar R. Asoka and the Decline of the Mauryas. Delhi, 1983, p. 256: «here, in the imperial territories».

чень народов оказывается излишним — достаточно было бы сказать «повсюду в виджете» (как и говорилось в других БНЭ, например II: *savvatta vijitassi*). Если рассматривать этот перечень народов как раскрытие понятия «царская земля», то окажется, что основные территории государства вовсе не указаны. Очевидно, *gājavisaṃsa* представляет собой лишь ядро обширной державы¹⁴, а именно наследственные царские владения¹⁵.

В надписи из Бхабры, обращаясь к общине буддийских монахов, Ашока именует себя «магадхским царем» (*lājā māgadhe*) — наподобие того, как именовались правители индийских государств до образования маурийской империи. Он — царь Магадхи как одной из джанапад. Все то, что находилось за пределами коренных магадхских земель, должно было рассматриваться владыкой Паталипутры в качестве «внешних» (*bāhira*) владений и «внешних» городов внутри его державы (*vijita*).

Приведенный выше список джанапад, содержащийся в БНЭ XIII, включает народности северо-запада (йона-камбоджа — территория современного Афганистана, где найдены греческие и арамейские надписи), крайнего запада (набхака-набхапанти и бходжа-питиника — области Махараштры и Гуджарата) и юго-востока (андхра-паринда — теперешний штат Андхра-Прадеш и южная Орисса). Эти три региона — окраины той державы, центр которой составляет *gājavisaṃsa*. Последняя, таким образом, соответствует почти исключительно долине Ганга. Границы «царской земли» полностью совпадают со страной палиботров, обрисованной по эллинистическим источникам Плинием Старшим¹⁶.

В индийской литературе «палиботрам» соответствует слово *grāsa* (букв. «восточные народы»). Оно отразилось и в античных свидетельствах о прасиях (в указанном фрагменте Плиния практически не различаемых с «палиботрами»). Согласно сообщениям спутников Александра Македонского, прасии занимали весь бассейн Ганга. Их царство, таким образом, было тождественно с Магадхой эпохи династии Нандов.

В БНЭ V содержится список джанапад, сходный с тем, что приведен ранее по БНЭ XIII. Однако в данном случае в него включены лишь народности Северо-Западной (*yona-kaṃboja-gaṃdhāra*) и Западной (*raṭhika-pitinika* «и другие арагапта») Индии. Можно полагать, что именно данные области жителям Паталипутры (как «восточным» — *grāsa*) представлялись по преимуществу далекими окраинами. В разбираемом фрагменте

¹⁴ Подобная интерпретация термина уже встречалась в историографии, см.: *Barua B.M. Inscriptions of Aśoka. Translation and Glossary. Calcutta, 1943, p. 161.*

¹⁵ То, что в «Артхашастре» (VII.16.22 и др.) носит название *mūla* («коренные земли»). См.: *Вигасин А.А. Государство. — Вигасин А.А., Самозванцев А.М. «Артхашастра»: проблемы социальной структуры и права. М., 1984, с. 152.* В позднейшей эпиграфике термин *viṣaya* встречается часто, обычно в значении «a district» (см.: *Sircar D.C. Indian Epigraphical Glossary. Delhi, 1966, p. 377–378.*

¹⁶ См.: *Вигасин А.А. Карта Индии в «Естественной истории» Плиния Старшего. — ВДИ. 1999, № 1; перевод источника см. в кн.: История Древнего Востока. Тексты и документы. М., 2002. То и другое вошло в кн.: Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Вигасин А.А. Индия в античный мир.*

БНЭ V речь идет о заботе, которую царь распространяет на всевозможных *anātha* («сырых») и *vuddha* («престарелых»), а с другой стороны, на целые народы: греков, гандхарцев, а также «жителей западных окраин» (*aparamta*). Вероятно, эти жители далеких окраин выступают в качестве географических «маргиналов» — подобно тому, как «сырые и престарелые» являются маргиналами социальными¹⁷.

Воспроизводя в камне послания, полученные от Ашоки или от региональных властей, провинциальные писцы порой копировали и сопроводительные документы, своего рода «конверты» с обращением и приветствием адресату. Так, например, из областного центра, из г. Суварнагири письмо (с текстом Малого Наскального Эдикта) было направлено в мелкий городок Исилу. При этом «махаматры Суварнагири», приветствуя «махаматров Исилы», желают им здравствовать (*ārogiyaṃ vattaviyā*). Калининские эдикты нам известны в двух сериях, в одной адресатом являются махаматры областного центра Тосали (Джаули), в другом — мелкого городка Самапы (Джаугада). Но там и здесь послания направлены махаматрам. Из этого следует, что само слово «махаматра» не является обозначением определенного и высокого статуса (вельможи, сановники и т.д.). Махаматры — просто городские власти, так могут быть названы руководители любого города, крупного или совсем незначительного.

Обращает на себя внимание то, что во всех посланиях речь идет о махаматрах во множественном числе. Объяснение данному факту мы находим в БНЭ III. Система управления городами обрисована здесь совершенно отчетливо. Раз в пять лет царь отправлял в объезд по территориям своего легата, который, приезжая в каждый город, знакомил с царскими эдиктами местный «совет» (*parisā*, санскр. *pariṣad*)¹⁸. Так как в БНЭ III адресатом послания является городской совет, а по другим эдиктам мы видим, что письма направлялись городским властям-махаматрам, то не остается

¹⁷ Ср. параллельный текст из колонного эдикта VII — о милосердии, проявляемом к «бедным и убогим вплоть до рабов и слуг» (*kapavalākesu āva dāsabhatakesu*). Темным в БНЭ V остается выражение *bhaṭamayesu bambhanibbhesu*, которое современные исследователи часто оставляют без перевода. *Ibbha*, очевидно, соответствует санскритскому *ibhya*, обычно толкуемому как «домохозяин». Чтение *bhaṭamayesu*, содержащееся в версии из Джаули, заставляет предполагать, что в начале слова стоит существительное *bhṛti/bhṛta*, означающее наемную плату или содержание. Мы предполагаем, что речь идет не просто о брахманах, но о таких, которые вынуждены идти в услужение за плату (хотя конец слова остается непонятным, в качестве суффикса *taṃ* придает значение «состоящий из»). Если наше предположение справедливо, можно было бы сослаться на те фрагменты дхармашастр, в которых царю предписывается особая забота о брахманах и других домохозяевах из высших варн, которые попали в кабалу. См. Ману VIII.411–412: брахман может держать в услужении (*kaṃtāṇi kārayet*) лиц из других варн, если те обнищали — при этом он должен обеспечить их содержание (*bibhṛyāt*, т.е. давать им *bhṛti*, ср. Гаутама X.60: *bhartavyas*). Но дваждырожденных — особенно брахманов — никто не вправе поработать под страхом сурового наказания (см., например, цитаты из Брихаспати и Катьяяны в «Вивадаратнакаре» [Calcutta, 1931, с. 152]). Одно нам кажется очевидным: по контексту речь идет о милосердии к обездоленным, а вовсе не о должной почтительности к брахманам.

¹⁸ См.: Вигасин А.А. К интерпретации надписей Ашоки: *pariṣad*. — ВДИ. 1998, № 1.

сомнений в тождестве этих понятий. Паришады состояли из махаматров. Управление городами Маурийской державы, очевидно, находилось в руках «советов» (примерно так же, как это бывало в эллинистическом мире — греч. «буле»).

Происхождение органов местного самоуправления было связано с политическими институтами более раннего времени (ср. упоминания «племенных» паришадов — например панчалов — в поздневедийской литературе: «Брихадараньяка-упанишада» VI.2.1, «Чхандогья-упанишада» V.3.1). Вполне естественно, что в состав этих советов входили не назначенные из центра чиновники, а представители региональной политической элиты.

Политическая идеология требовала именовать всех носителей власти — независимо от их ранга — царскими «слугами» (как это делает Ашока в колонном эдикте I). Однако вполне понятно, что положение большинства городских махаматров определялось отнюдь не царской милостью, а их происхождением и социальной поддержкой на местах. Они составляли тот самый слой «знати», о котором говорит сам автор эдиктов (понятие *udāga* «родовитые», «благородные» в Малом Наскальном Эдикте противопоставляется *kṣudraka* — «людишкам»). Царь может заявлять (колонный эдикт IV), будто именно он даровал местным властям — вполне доверяя им — право на полную самостоятельность (*attapatiye*) вершить по собственному усмотрению «суд и расправу» (*abhihāle vā daṇḍe vā*). Но понятно, что реальное происхождение власти было совершенно иным. Декларации центра о даровании провинциям автономии призваны не столько закрепить права последних, сколько, напротив, заявить о собственных притязаниях.

Если посланцы Ашоки с его «указами» появлялись на местах лишь эпизодически, с интервалами в несколько лет, ясно, что они не могли осуществлять повседневный контроль за деятельностью местной знати. Вселенская держава на поверку оказывается сложным конгломератом племенных княжеств. Имперская власть имела весьма ограниченные возможности для вмешательства в дела общинных органов самоуправления.

Проблема формирования социально-политической структуры раннего общества и государства по сведениям эпиграфики. Непал периода Личчхави

Историк, обращаясь к проблеме возникновения и эволюции конкретных государств, сталкивается с парадоксальной ситуацией. В настоящее время существует множество концепций, толкующих причину складывания государства¹. Последнее рассматривается одними как результат развития социально-экономических, другими — как результат развития социально-политических и даже социально-культурных отношений (что в принципе, на мой взгляд, также выглядит вполне обоснованно), причем каждый из указанных аспектов человеческих отношений нередко выдвигается в качестве *основной причины становления государства*². Соответственно, основной признак таких ранних складывающихся государств определяется по-разному. Вместе с тем большинство теорий в толковании категории государства основываются (прямо или косвенно) на иных его критериях, которые, несмотря на огромное количество введенной в оборот новой информации, свидетельствующей о значительно более сложной структуре общественных отношений, чем это представлялось ранее, остаются принципиально единообразными. Они и рассматриваются нами ниже.

Настоящая работа является продолжением исследования по истории формирования и эволюции социально-политической структуры общества и государственности в древней и раннесредневековой Индии. Одним из наи-

¹ При этом в работах, посвященных происхождению и ранним этапам развития государства, наиболее часто можно видеть преобладание идей Т.Гоббса, прежде всего его теория суверенитета. Согласно этой теории, государство господствует над обществом (члены которого лишь объекты управления), власть должна быть неделима и представлена *единым сувереном*, т.е. должна быть унитарна и едина, хотя *формы* этого суверена и могут быть различны: *лицо его* может выражаться одним человеком (монархия), собранием всех (демократия) или части (аристократия). См. подробнее: Гоббс Т. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1989, с. 132–133, 134–135, 142, 144 сл.

² В то же время многие согласны в том, что социально-экономические, социально-политические, социально-культурные и иные отношения, особенно в ранних обществах, существуют в неразделенной форме.

более важных аспектов этой работы, по нашим представлениям, является *постановка проблемы места и роли традиционных социальных коллективов и их организаций в рамках различных государств, анализ эволюции над- и межобщинных органов управления, сложного и противоречивого процесса их обособления от первоначальных коллективов*³. Смысл постановки такой проблемы определялся сходными представлениями авторов о сложности и постепенности формирования и «государства как исторически устоявшейся системы самоорганизации общества, и государства как надстроечной (институционализированной) части социально-политической системы»⁴. Одной из важнейших особенностей этого процесса было то, что он осуществлялся под непосредственным и опосредованным воздействием предшествующих (или «низших») форм организации общества, которые, включаясь в структуру государства, в свою очередь, сами претерпевали определенные изменения⁵. Иначе говоря, процесс формирования конкретных государств мы рассматривали и как процесс эволюции социально-политической структуры общества, его интеграции и самоорганизации. При этом важное значение придавалось тому, что предшествующие государству формы социализации (семья, род, племя, община) не только оказывали огромное влияние на формирование новой системы организации общества (государства), но и продолжали функционировать в качестве важнейшей части такой новой системы. Анализ и обсуждение результатов указанного исследования (за что я благодарен коллегам) позволил сформулировать более четко некоторые выводы об особенностях сложения государственности в Индии, нашедшие отражение в предлагаемом мной ниже уточнении содержания двух основных критериев государственности, а именно: разделение населения по территориальному, а не по родовому принципу и формирование публичной власти.

Разделение населения по территориальному, а не по родовому принципу, по территориальным делениям, — процесс крайне сложный и неоднозначный, завершенность которого можно оценивать по-разному. Во всяком случае, основываясь на наших исследованиях, нельзя только *противопоставлять* родовые и территориальные отношения, говорить только о *замене* кровнородственных отношений территориальными. Наоборот, территориальные отношения, формируясь в рамках родового общества, нередко не только не противопоставлялись, а теснейшим обра-

³ Рассматривая, по существу, противопоставление «государственного» и «негосударственного», мы используем понятие «традиционный» для обозначения «негосударственного», в том числе для обозначения предшествующих государству форм социализации, отношений, предшествующих «государственным» (понимая, что они имели свои тенденции в развитии, эволюционировали). Содержание первой части настоящей статьи представляет собой попытку осмысления идей, отраженных в сборнике «Государство в истории общества. К проблеме критериев государственности» (М., 1998; 2-е издание — М., 2001).

⁴ Любимов Ю.В. Проблемы политической интеграции (Русская колонизация. XVII–XVIII вв.). — Государство в истории общества (К проблеме критериев государственности). М., 1998, с. 144.

⁵ См. подробнее там же, с. 146–147.

зом связывались с представлениями о постепенно оседавших на определенной территории роде и племени⁶. Семья, род и даже племя (в отдельных обществах), претерпев определенные, даже весьма существенные изменения, в той или иной степени *интегрированные* в структуру *государственных* и иных *отношений*, продолжают существовать и в современных обществах, нередко оказывая влияние на отношения любого уровня, в том числе на политику соответствующих государств⁷. Говоря о новом (а территориальные отношения — это действительно *новое* для определенного уровня общественного развития), на мой взгляд, важно учитывать, что это новое складывается в рамках эволюции и под влиянием старого, которое, видоизменяясь, сюда включается, интегрируется. Именно таким образом, по-видимому, постепенно складывалась характерная для большинства древних и средневековых обществ важнейшая форма организации их населения, ставшая основой их социально-политической структуры, — территориальная или соседская община. Каким образом протекала такая интеграция, как менялись отношения в рамках организаций, основанных на кровнородственных отношениях, как и сколь долго протекал процесс формирования территориальных связей и адаптации в их рамках родственных отношений⁸, каким образом и какие организации возникали в результате — подробные ответы на эти вопросы могут дать будущие специальные исследования.

При таком подходе анализ свидетельств источников послужил основанием для вывода о том, что ряд крупнейших древних и раннесредневековых государств Индии представляли собой *объединения владений доминирующего и зависимых царей, различных слоев знати, территорий общин и общинного типа организаций, в рамках такого царства выполнявших функции его территориальных подразделений* (не являясь по происхождению и по своей сути таковыми). Логика формирования такой социально-политической структуры древнего и раннесредневекового общества в Индии определялась, на мой взгляд, одновременно двумя важнейшими тенденциями — к формированию полицентрической⁹ и моноцентрической¹⁰ его организации, соотношение которых проявлялось в раз-

⁶ Это легко продемонстрировать на семантике одного из известных индийских терминов — *джанапада* («земля», «страна», «государство»), подразумевающего место расселения племен или народа (*джана*). Соответственно он мог обозначать и территорию, и население, проживающее на этой территории.

⁷ Например, семейные и клановые отношения в администрациях любого уровня, политические кризисы в отдельных странах, основанные на родовых и межплеменных противоречиях.

⁸ Здесь мне кажется уместным использование представлений Ю.В.Любимова о логике взаимодействия культур в процессе эволюции (Проблемы политической интеграции, с. 148). По своей сути, на мой взгляд, это верная оценка эволюции как таковой.

⁹ Сохранение множества различных, в том числе нерархизированных, центров власти, имеющих определенную автономию и собственную особую юрисдикцию, в том числе в рамках более крупных организаций.

¹⁰ Наличие единого центра власти — *правительства*, единого суверенитета и др.

личные периоды истории страны и в рамках различных территорий по-разному. Источники, несмотря на существование мощной односторонней историографической традиции, исходящей из того, что государство — моноцентрическая организация с одним правителем, правительством, границей, суверенитетом и т.д., дают основание говорить об изначальном преобладании тенденции к полицентрической организации общества.

Анализ источников позволяет констатировать наличие интегративных тенденций как в рамках общинных организаций (проявившихся в создании межобщинных территориальных объединений различного уровня), так и внутри территориальных организаций. Длительный, неоднозначный и противоречивый процесс интеграции, по-видимому, происходил в Индии параллельно с борьбой за монополию на власть в рамках таких организаций. Следствием этой борьбы было постепенное (продолжавшееся, скорее всего, вплоть до нового времени) ослабление коллективных форм правления (деревенский сход, совет старейшин) на низших уровнях общественной иерархии. Это выражалось и в закреплении наиболее важных общественных должностей за представителями конкретных семей и родов, переходом к единоличной и персонализированной власти. На среднем уровне общественной иерархии, по-видимому, эволюция в таком направлении шла активнее и быстрее, что определялось задачами упомянутых объединений (в Индии они сводились главным образом к медиативной функции и защите от агрессии) и, с другой стороны, большей их специализацией. Источники позволяют предполагать, что указанные тенденции довольно рано (хотя и далеко не везде) вели к замене коллективной власти на единоличную, к превращению руководителей таких организаций в различного рода правителей, царьков¹¹. При этом констатация такого общего направления эволюции социально-политической структуры в древней и раннесредневековой Индии никоим образом не имеет целью создание представления о единообразии индийского общества, искусственной его унификации, что довольно часто можно встретить в исследованиях, посвященных истории древнеиндийского государства¹². Уже в рамки державы Маурьев были включены территории, находившиеся, очевидно, на различном уровне развития — как сравнительно более высокоразвитые, имевшие собственных царей (Таксила, Сураштра), так и районы обитания племен Центральной Индии. Ряд надписей более поздних царей фиксируют факты включения в их царства территорий «лесных племен» (форма такой интеграции, конечно, вопрос особый).

Вся Индия состояла из «коллективов разного рода, крупных и малых, тесно связанных между собой, входящих один в другой или взаимно пе-

¹¹ Мы намеренно оставили в стороне вопрос о специфике эволюции городских организаций по причине недостаточной теоретической разработанности самой проблемы.

¹² Стремление исследователей к такой унификации — естественное желание систематизировать свидетельства источников и их терминологию, в том числе на основе современных представлений о государстве, — выражается в безуспешных попытках найти «дистрикты» и «провинции» (каковых в древней и раннесредневековой Индии просто не существовало), «чиновников» и «министров» в древних государствах и др.

ресекающихся»¹³. Причем, в качестве таких коллективов можно понимать и буддийскую *санху*, монашеские и храмовые общины и организации, царства — как *раджья* (собственно, царство), так и *мандала* (держава), территории, подвластные различным *сановникам-махаматрам*, правителям, не имевшим царских титулов, и др. Большинство таких коллективов ассоциировали себя с определенными территориями, каждый из них имел свое особое, обладавшее определенной автономией руководство — *правительство*, свою юрисдикцию. Формирование такой исключительно разнообразной по формам полицентрической социально-политической структуры определялось особым значением родовых и общинных отношений, создававших наибольшие препятствия для присутствовавшей уже на этом этапе общественного развития тенденции к моноцентризму, монополии на власть. Отношения в рамках различных территорий формировались преимущественно *по типу* кровнородственных отношений¹⁴, за счет адаптации последних, проявлявшихся по-разному в различных ситуациях. Поэтому любая «территория» (в том числе царства¹⁵) может в индийских источниках осмысляться как большая семья, род или племя, ее жители, подданные правителя, — как дети или соплеменники, части таких «территорий» — как земли отдельных семей, их правители — как «братья и сестры» доминирующего царя. Довольно четко фиксируемые на высшем и среднем уровне общественной иерархии, такие особенности «территориальных» отношений (в действительности, возможно, даже более ярко выраженные) имели место и на более низком уровне (деревенская община — объединение общин и др.). Причем вряд ли стоит сводить такое осмысление лишь к идеологии, преуменьшать его реальное значение. Об исключительной роли кровнородственных отношений, родовых норм и институтов в формировании новых территориальных (а также кастовых и профессиональных организаций) можно судить, основываясь и на том, что в индийских источниках с упомянутыми организациями обычно ассоциировались важные функции — забота о стариках, детях, больных, малоимущих, об обучении детей, о сохранении и поддержке семьи и семейных норм, об организации производства и т.п. Главными исполнителями таких медиативных функций считались старейшие, старейшины. *Взаимосвязь и взаимовлияние территориальных и родовых отношений, соответствующих организаций и их учреждений длительное время оставались важным фактором в истории Индии.*

¹³ Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Артхашастра. Проблемы социальной структуры и права. М., 1984, с. 145.

¹⁴ Поэтому в политических трактатах присутствует понятие *мула* — исконная территория клана царя. Такие территории зафиксированы, например, для Чолов, Паллавов, Гангов и других династий. Здесь они правили даже в те периоды, когда доминирующее положение в регионе занимали представители иных царских династий.

¹⁵ Возможно, поэтому индийские царства в эпиграфике в абсолютном большинстве случаев именуются как владения соответствующих династий, родов — Сатаваханы, Паллавы, Гупты, — подчас просто не имея иного названия.

Формирование «территориальных» отношений, безусловно, исключительно важный фактор социально-политического развития общества, позволивший выйти за пределы родового строя благодаря созданию территориальных организаций и их учреждений, которые способствовали развитию новых интегративных общественных тенденций. Но анализ формирования территориальных отношений не может быть полным без учета того, что они были по своей сути прежде всего результатом адаптации, освоения кровнородственных отношений в новых (территориальных) рамках. Видоизменяясь, они продолжали играть (и играют вплоть до настоящего времени) важнейшую роль в общественных отношениях, по-разному проявляясь и определяя поведение и интересы как конкретных людей, так и целых коллективов любого рода. И наконец, именно исключительным значением кровнородственных отношений в древности, как уже говорилось выше, определялось то, что социально-политическая структура общества в древности и раннем средневековье первоначально имела полицентрический характер. И хотя тенденция к моноцентризму и присутствовала в древности и раннем средневековье в рамках любой организации (постепенно, со складыванием отношений господства-подчинения и неравенства приобретая все большее значение), полицентричность оставалась важнейшей особенностью социально-политической структуры Индии в древности и средневековье. Она проявлялась не только в существовании множества различных коллективов и организаций, прежде всего общин, но и в признании права их руководства на власть (в рамках их собственной юрисдикции), в невмешательстве в дела таких коллективов (если они не противоречили интересам всего объединения, власти более высокого уровня). Поэтому *территориальная община (учитывая все противоречивые тенденции в ее развитии), общинные учреждения были важнейшим структурным элементом древнего и раннесредневекового государства в Индии.*

Анализ процесса *формирования (или учреждения, что, на мой взгляд, выглядит менее точным) публичной власти* в настоящее время приобретает исключительно важное (если не решающее) значение для прояснения проблемы государства¹⁶. В качестве причины этого прежде всего следует упомянуть закрепившееся в историографии (отечественной, западной, индийской и др.) упрощенное представление о *публичной власти* как об администрации, чиновничестве («государственный аппарат»), а также отождествление такой администрации с государством, что нам представ-

¹⁶ Изменилась сама логика понимания процесса формирования государства. У Ф.Энгельса складывание территориальных, «не-родовых» отношений ведет к учреждению публичной власти (иной, не родовой, являющейся властью, поскольку она признана «публикой», народом, людьми, живущими в рамках определенной территории). В настоящее же время значение складывания территориальных отношений сводится нередко лишь к разделению подданных по территориальным подразделениям (т.е. к складыванию основ для реализации функций среднего звена государственного аппарата), что, конечно же, является следствием недооценки их важности.

ляется методологической ошибкой¹⁷. Критический анализ свидетельств источников о «государственном аппарате», администрации царств древности и средневековья, привел нас к выводу о том, что функции такого аппарата выполняли в большинстве случаев не специальные *чиновники, должностные лица*, а (наряду с членами клана царя и его слугами) представители центральной и местных политических элит — правители, знать, руководство общин, организаций общинного типа. Это выглядит вполне логичным, учитывая отмеченные выше особенности территориальной структуры большинства государств древней и средневековой Индии. Формирование *административно-территориальной* структуры начинается в Индии значительно позже¹⁸. Мало того, это представляется и оптимальным, учитывая значение и многообразие общинных, общинного типа и межобщинных организаций, исключительную роль общинной идеологии¹⁹. Объединительные тенденции в рамках древних и раннесредневековых царств Индии проявлялись снизу, когда для выполнения ограниченного количества общественно необходимых задач (обеспечение порядка, согласование интересов, защита от внешней агрессии и т.п.) складывались территориальные союзы, позже становившиеся объединениями, каждое из которых обладало самоуправлением. Одновременно в результате взаимодействия различных коллективов и их организаций, в том числе в рамках борьбы за лидерство и преобладание в таких коллективах, шел процесс складывания сложной иерархии органов власти в территориальных и иных организациях, одной из важнейших основ которого были формирующиеся отношения господства–подчинения.

¹⁷ Любимов Ю.В. Проблемы политической интеграции, с. 144. Здесь исключительно важно, на мой взгляд, учитывать, что предмет анализа (общество и форма его организации — государство) в каждый из моментов своего существования одновременно остается единой системой. Формирование государственного аппарата, как и самого государства, — длительный процесс.

¹⁸ Эта проблема настолько важна, что требует особого специального исследования. Административно-территориальное деление любых современных государств вряд ли разумно рассматривать исключительно как навязанное сверху разделение территории, без учета границ, особенностей, интересов организаций и коллективов, существовавших на таких территориях. История дает нам крайне ограниченное количество примеров, когда формирование новых *административно-территориальных* подразделений государств, их границ отрицает предшествующее разделение населения (как, например, введение департаментов во Франции), и каждый из таких случаев в общем контексте исторического развития при более подробном рассмотрении не выглядит столь однозначным. Чаше, как мне представляется, формирование *административно-территориальной* структуры государства подразумевает потенциально менее конфликтный путь — объединение существующих территориальных организаций в рамках новых, более крупных, в качестве субподразделений. Границы такой новой территории формируются с учетом границ входящих в ее рамки более мелких территориальных организаций, а интересы нового коллектива, очень постепенно, складываются за счет согласования (в том числе под воздействием нового общего руководства) интересов более мелких коллективов, существовавших ранее и включенных в него в качестве субколлективов.

¹⁹ См. подробнее: Самозванцев А.М. Социально-правовая организация индийского общества в конце I тыс. до н.э. — первой половине I тыс. н.э. — Государство в истории общества (К проблеме критериев государственности). М., 1998, с. 250–281.

Объединение социальных организаций, вызванное, например, необходимостью кооперации в освоении природных ресурсов и противостоянием внешним угрозам, уже на довольно раннем этапе развития вполне органично соседствует с неравноправием в рамках таких объединений и насилием. Последнее, обусловленное средой обитания, уровнем доступа к ресурсам и иными не зависящими от человека факторами, развивалось одновременно и за счет эволюции собственно социальных отношений, когда появлялся грабеж и патриархальное рабство, войны и данничество. При этом парадигма объединения, присущая большинству древних и ранне-средневековых индийских государств, была, по-видимому, найдена задолго до появления таких государств. Так, например, еще племя, победив соседнее племя, сталкивалось с проблемой присвоения подчиненного коллектива. И хотя вариантов решения этой проблемы имелось, очевидно, несколько²⁰, одним из возможных и, видимо, оптимальным для общества на относительно высокой ступени развития был путь присвоения такого коллектива целиком, с сохранением у побежденных традиционной организации, руководства и взиманием с помощью последних совокупной дани (это отмечалось еще К.Марксом)²¹. Среди достоинств такого пути (не создававшего, в отличие от ряда иных, неразрешимых противоречий между победителями и побежденными) можно назвать значительно меньшие затраты материальных и людских ресурсов, сохранение во многом традиционного уклада жизни и собственных органов власти у побежденных (что, в свою очередь, определяло слабость и недолговечность таких объединений), возможность регулярного присвоения победителями результатов их труда. Такой относительно «мягкий» способ интеграции способствовал дальнейшей эволюции взаимоотношений и активно использовался в начальный период становления государств, создавая условия для формирования политического общества, превращения традиционных органов власти в политические и в администрацию, оказывая существенное влияние на весь ход социальной эволюции. Причем значение такого метода интеграции, на мой взгляд, не исчерпывается тем, что он создавал возможность коллективной эксплуатации.

Создание *неравноправных* объединений на основании отношений господства—подчинения между различными коллективами (как территориальными, так и родовыми) способствовало формированию публичной власти. При появлении такого рода объединений, изначально очень непрочных, возникали отношения нового типа между коллективами и их руководством (коллектив победителей — руководство коллектива победителей — руко-

²⁰ Известно достаточно много исторических примеров иных вариантов решения этой проблемы, например характерное для более раннего общества убийство взрослых членов племени и включение детей и женщин в состав племени-победителя и т.п.

²¹ Надо признать, что такой вариант мог быть приемлемым для относительно высокой ступени общественного развития, а также то, что он, безусловно, был найден в процессе социальной эволюции. Подробное рассмотрение данного вопроса выходит за пределы нашей работы.

водство коллектива побежденных — коллектив побежденных), в которых ключевую позицию занимали лица, осуществлявшие публичную власть. Именно с момента создания таких объединений можно говорить о тенденциях обособления публичной власти родового по своей сути общества и превращения ее в *администрацию*, о *складывании государства*. Создание таких объединений поставило перед коллективами, входившими в них, ряд новых сложных проблем (контакты с подчиненными, разрешение спорных вопросов, сохранение неравноправия, получение с подчиненных дани и пр.). Постоянную заботу о решении таких проблем могли взять на себя только специально делегированные для этой цели члены коллектива, наиболее вероятно — представители руководства объединенных организаций, *важные люди*. Последние, хотя и выполняли общезначимую функцию (для собственного коллектива), в данном случае уже в значительно большей степени дистанцировались от основного населения, получая одновременно иной статус и значительно больше прав, особенно по сбору и распределению получаемого прибавочного продукта. Выполнение функций сбора и перераспределения, как мне представляется, надолго стало одной из основных функций складывающегося государства, представляющего собой на этом этапе прежде всего иерархизированный комплекс организаций с общим руководством, предназначенный для регулирования социальных отношений в обществе.

Повышение роли органов публичной власти в связи с появлением неравноправных объединений, наряду с противоречивым процессом социальной стратификации при сохранении важной роли общинных структур и общинной идеологии, как мне представляется, оказало решающее влияние на развитие государства в Индии. Рассмотренная нами модель интеграции (сохранение традиционной организации и ее администрации, присвоение коллектива целиком), проявляющаяся нередко в индийских источниках в *идеологизированной* форме «добровольного» подчинения, стала важнейшим алгоритмом для формирования любого царства в древней и ранне-средневековой Индии, одной из важнейших норм в традиции. Такая форма интеграции, очевидно, была выгодна для руководства не только доминирующей, но и подчиненной организации. Последнее сохраняло во многом свое положение, которое укреплялось, в том числе и за счет доминирующей стороны, в складывающемся ее противостоянии коллективным органам власти.

Сами управленческие функции представляют собой в определенном смысле проявление универсального свойства человеческих коллективов²². Одной из основных задач управления в рамках *любой* организации, *коллектива*, является сохранение порядка и согласование интересов (т.е. исполнение медиативной функции). Причем складывание управления как особого рода деятельности (в различных его формах), на мой взгляд, произошло довольно рано, еще на ступени родового общества. И уже на самых

²² Любимов Ю.В. Проблемы политической интеграции, с. 146.

ранних этапах существования такой деятельности можно говорить о ее институционализации, т.е. о складывании определенных общественных институтов, о появлении общественных должностей (вождь, член совета старейшин рода, член племенного совета и др.). Основой для согласования интересов в рамках любого коллектива чаще всего являлся комплекс традиционного права, хранителями и проводниками которого в рамках многих коллективов были старейшины (главы семейств, родов, старики, наиболее уважаемые члены любого коллектива) или появляющийся довольно рано совет старейшин, выполняющий функции управления. Столь же рано можно говорить и о постепенном складывании особых интересов лиц, занятых управлением, которые проявлялись в том, что они учитывали в своей деятельности как персональные нужды (самосохранение, воспроизведение и пр.), так и интересы своей семьи, рода, племени — коллективов, членами которого они одновременно себя считали. Соотношение таких частных интересов с *общими* (т.е. всей организации), очевидно, изменялось с течением времени, отражая эволюцию общественной структуры, проявляясь в различных формах и по-разному в конкретных ситуациях. Но именно это соотношение являлось сущностью особых интересов для лиц, отвечавших за управление. Постепенно все большую роль в них стали играть персональные и групповые интересы лиц, осуществлявших функции управления. Однако такое обособление, во всяком случае в индийских условиях, никогда не имело характер отрицания. Большинство лиц, обладавших властью и осуществлявших функции управления, не только продолжали ассоциировать себя с определенной семьей, родом, территориальной организацией (как коллектива), но и являлись лидерами (и даже нередко руководителями) таких организаций. И вплоть до настоящего времени поведение любого чиновника (как и любого человека) в конкретной ситуации следует не только рассматривать через призму корпоративных отношений, но и, одновременно, учитывать соотношение их с его персональными интересами, его семьи и рода, территориальной организации (как коллектива, с которой он себя ассоциирует), иных коллективов (например, касты). Проблема складывания и эволюции органов публичной власти, длительный и противоречивый процесс превращения ее в *администрацию, государственный аппарат* (за неимением иных более четких терминов я употребляю традиционные для историографии) должны, на мой взгляд, рассматриваться с учетом отмеченных выше особенностей. Выполнение функций государственного аппарата местными лидерами, руководителями или представителями различных учреждений, в том числе общинных и общинного типа, представляется, с моей точки зрения, важной особенностью социально-политической структуры государств древней и раннесредневековой Индии²³. Наряду с членами клана царя, представителями его бли-

²³ Не учитывая это, рассматривая процесс складывания государственности, основываясь исключительно на моноцентрическом представлении о власти и управлении, исследователь попадает в «ловушку теории суверенитета» (как ее называет, например, В.Остром — см.: Остром В. Смысл американского федерализма. М., 1993, с. 23 сл.).

жайшего окружения (в том числе слугами в широком значении этого слова, «несущими службу царю») местная элита, местная знать, как и руководство территориальных общин, организаций общинного типа — представители более низких по уровню «правительств», центров власти, выполнявших одновременно ряд общеадминистративных функций (прежде всего по сбору налогов), — длительное время являлись важнейшим структурным элементом государства в древней и средневековой Индии, основой государственного аппарата.

В индологии анализу свидетельств о налогах и налогообложении посвящено значительное количество работ, в том числе специальных монографий, в которых нередко преобладает чисто формальный анализ информации источников, исходящий из представлений об унификации территориальной и административной структуры государства, форм и ставок налогов. Специалисты с полной серьезностью спорят о них, употребляя соответствующую специальную терминологию, характерную для новейшего времени и значительно модернизирующую содержание источников (так появляются подразумевающие весьма определенный контекст *земельный налог и кадастр, подушный налог, прямые и косвенные налоги* и др.). При этом практически не разбирается процесс складывания самого налогообложения. Насколько мне известно, осмысление проблемы перехода от несистематического сбора дани (присутствовавшего и на догосударственной ступени развития) к организованному налогообложению, их различия — одна из важнейших лакун в теориях становления государства.

Обозначенные нами выше две важные особенности древних и ранне-средневековых государств Индии (имеются в виду упомянутые особенности складывания и эволюции территориальных отношений и публичной власти) позволяют уточнить содержание рассматриваемого критерия (формирование системы налогообложения). Социально-политическая структура общества Индии того времени, безусловно, с моей точки зрения, не позволяет говорить даже об относительной унификации налогообложения. Ряд прямых указаний в эпиграфике позволяют утверждать, что фискальная функция нередко осуществлялась местными органами, вплоть до деревенской общины. При интерпретации перечисляемых в надписях налогов и льгот необходимо, на мой взгляд, учитывать, что употребление сходной терминологии, формул не всегда может свидетельствовать о сходстве форм и ставок налогообложения. Иногда это является результатом осмысления частных локальных случаев в единой текстовой эпиграфической традиции (основной источник информации о налогах и налогообложении — именно эпиграфика)²⁴.

²⁴ Единая текстовая (и эпиграфическая как часть общей) традиция, на мой взгляд, играла огромную роль в общественной жизни в древности и средневековье, являясь важнейшей объединяющей основой для индийской цивилизации, и наряду с литературной и эпической традицией была важным источником морали, права и др. Такого рода тексты не только отражали тенденцию к интеграции, но и были ее средством. Мы отмечали не раз это при анализе терминологии эпиграфики, когда одним термином могли обозначаться представители

Отмеченные выше особенности формирования и эволюции государственности, сформулированные нами на основе анализа «Артхашастры» Каутильи и свидетельств индийской эпиграфики II–VI вв. н.э., находят подтверждение и развитие в предлагаемом ниже исследовании ранней непальской эпиграфики на санскрите периода Личчхавов (IV–VIII вв. н.э.)²⁵. По нашему мнению, свидетельства непальских источников можно сравнивать с аналогичными сведениями индийской эпиграфики и судить исходя из такого сравнения о путях развития социально-политической структуры и становления государственности в Индии. Основанием для этого нам представляется языковая (санскрит) и культурная общность ранних источников Непала и Индии, их структурная схожесть (в данном случае, мы имеем в виду так называемые «дарственные» грамоты²⁶), употребление схожих понятий, терминологии. Безусловно, мы вправе искать общее в ранней истории обеих стран, но, конечно, не рассматриваем Непал лишь как одну из областей Индии, принимая в расчет только влияние индийской литературной традиции и культуры. В этой горной стране, и прежде всего в долине Катманду, издревле существовали свои государственные и иные территориальные образования, имевшие, вполне вероятно, свои тенденции в развитии. Этому способствовала особая этническая структура региона и в немалой степени сложные экономические условия жизни (ведение хозяйства в горных условиях), иные причины.

целого слоя общественной иерархии (см., например, употребление термина *саманта* «сосед», употребление термина *махаматра* в эдиктах Ашоки, *кумараматя* — в надписях времени Гуптов и др., сходные по абстрактности русские термины «сановник», «большие», «важные люди»). И в сфере налогообложения мы также имеем целый ряд обобщенных терминов, к которым можно отнести такие распространенные термины, как *кара* (букв. «произведенное»), *шабхага*, ряд иных. Принципиально важно, что эпиграфическая традиция, как и иные формы текстовой традиции, может использовать универсальную терминологию и даже целые блоки терминов-формул, подразумевая подчас весьма различное содержание, явления и людей.

²⁵ Относительно полно комплекс санскритских надписей из Непала издан трижды: дважды на непали и один раз на английском — *Regmi D.R. Inscriptions of Ancient Nepal*. 3 vols. New Delhi, 1983–1985; *Vajracharya D.V. Lichchhavi Kāl Ka Abhilekha*. Kathmandu, 2003 Vir Era; *Joshi H.R. Nepāl Ko Prāchīn Abhilekha*. Kathmandu, 2003 Vir Era. См. также: *Bhattacharya A. Nepalese Inscriptions in Pre-Nevari Eras: An Annotated Bibliography*. Calcutta, 1994. Имеются также более ранние и менее полные публикации: *Gnoli R. Nepalese Inscriptions in Gupta Characters*. Roma, 1956; *Bhagavanlal Indrajī. Twenty Three Inscriptions from Nepal*. Bombay, 1885; *Levi S. Anciennes Inscriptions do Nepal*. — JA. 1907, vol. IX, p. 49–114.

²⁶ Мы употребляем этот термин и понятие «дарение» условно, в том числе следуя историко-эпиграфической традиции. Такое употребление имеет основание в значительной внешней общности оформления многочисленных текстов в индийской и непальской эпиграфике. Следует, однако, учитывать, что под этим понятием объединяются тексты чрезвычайно разнообразные по типу и, что особенно важно, по содержанию. Все известные нам такие надписи Личчхавов (за исключением двух) являются, как они сами себя называют, «*śilāpattakāsāsanam*» (грамотами на камне). Здесь употребляется характерная для индийских «дарственных» грамот на меди фразеология, сходные термины, формулы и даже стихи. И хотя практика оформления «дарственных» грамот на меди была известна в Непале, традиция высечения текста на камне была для времени Личчхавов, видимо, основной.

Основное внимание здесь мы посвятим анализу употребления в надписях нескольких важных «административных» терминов, широко употреблявшихся в различных источниках на санскрите, как в литературных, так и в эпиграфике — в текстах индийских и непальских *дарений*. Это позволит уточнить содержание самих терминов, охарактеризовать место и значение организаций, которые ими обозначались, в структуре общества раннего Непала. Имеется в виду прежде всего термин *адхикарана*, обычно интерпретируемый как «office, department»²⁷, и некоторые иные, которыми именуются деревенские и более высокие по статусу организации. Свидетельства эпиграфики мы будем излагать в хронологическом²⁸ порядке. Это даст возможность судить и о некоторых изменениях в положении таких организаций.

В надписях времени первого царя Личчхавов — Манадевы, которые дошли до нас, термин *адхикарана* не встречается вовсе. Это объясняется особенностью структуры самих надписей. За исключением известного стихотворного панегирика из храма Chāṅgu Nārāyaṇa, они преимущественно очень краткие и содержат главным образом информацию о возведении лингамов и изображениях божеств. Нет среди надписей времени Манадевы и текстов царских *дарений*, характерных по структуре и фразеологии как для последующей непальской эпиграфики, так и для всей Индии.

Первое из таких *дарений* относится ко времени следующего государя, Васантадевы, и датировано 506 г. н.э. Формулировка его²⁹ здесь традиционна, и суть ее заключается, в частности, в запрете доступа на территорию деревни для лиц, именуемых *sāṭa* и *bhaṭa* (о содержании этих терминов см. ниже). Упоминается здесь также не имеющая конкретного названия организация (V.22)³⁰, именуемая «состоящая из 18 членов», возможно дере-

²⁷ В интерпретации этого термина авторы изданий и переводов надписей следуют индийской традиции. О понимании содержания этого термина, важного для анализа социально-политической структуры общества, в «Артхашастре» и эпиграфике времени Гуптов см.: Лелюхин Д.Н. Концепция идеального государства в «Артхашастре» Каутильи и проблема структуры древнеиндийского государства. — Государство в истории общества, с. 115–121 сл.

²⁸ Все ранние непальские надписи на санскрите делятся на две группы, соответственно использованию в них двух различных «эр». К первой относятся надписи, датированные 386–535 гг. эры Шака (78 г. н.э.), ко второй — 29–271/2 гг. эры Манадевы (576 г. н.э.), обе эры именуются в надписях словом *saṃvat*, дискуссия об их определении в настоящее время продолжается. См. об этом подробнее: Bhattacharya A. Nepalese Inscriptions in Pre-Nepal Eras, p. 4–14. Всего в группу надписей времени Личчхавов включаются 199 надписей.

²⁹ Деревня была «предоставлена» — *atisṛṣṭa*. Употребление этого причастия вместо, казалось бы, необходимого для дарения производного от глагола *dā* (дарить) свидетельствует о том, что здесь идет речь о пользовании (скорее всего, «доходами» деревни). Аналогичную формулировку можно встретить, например, в надписях Вакатаков. Еще более часто встречается термин *prasāda*, имеющий специфический оттенок (его можно переводить как «дарение-подношение; жертва») и служащий в непальских надписях основным термином для обозначения любого *дарения*. Обычная для Личчхавов формулировка «таково совершенное для вас дарение» (*iti prasādo vaṇ kṛto*), при том что получатель дарения никак иначе не упоминается, позволяет предполагать, что в большинстве текстов идет речь о *дарении* определенных прав жителям деревни или членам местных организаций.

³⁰ Грамота адресована «брахманам, большим людям вместе с их [советом?], состоящим из 18 членов» (*brāhmaṇa-pradhānāḥ s-aṣṭādaśa prakṛtayas=teṣām*). Аналогично значенне термина

венская или междеревенская. Другая грамота от 513 г. впервые упоминает интересующие нас термины. В рамках формулы оповещения говорится о судьях в четырех *адхикаранах*³¹, далее в поврежденном тексте читаются названия двух из них — *Liṅgvala* и *Kūtherā* (V.25). Хотя от последующего дарения (V.27) Васантадевы дошла только заключительная его часть, здесь, очевидно, также упоминаются две *адхикараны*³². Значительный интерес представляют две грамоты Васантадевы от 532 г. (V.31, 32). В первой Васантадева оповещает домовладельцев и брахманов деревни о совместном дарении *Сарваданданаяки Махапратихары* Равигупты и царя Шри Крамалилы, совершенном по просьбе первого. О содержании этого дарения, несмотря на то что текст поврежден, можно судить с определенной долей уверенности. Оно, скорее всего, сводилось к освобождению жителей деревни от «посещения» ее территории представителями *адхикаран* *Śollā* и *Kūtherā*³³. По-видимому, в обмен на такую уступку и чтобы «не происходило уменьшения (поступлений) в царскую казну»³⁴, указанным *адхикаранам* были предоставлены два участка земли³⁵. Следующее дарение Васантадевы (V.32), начальная часть которого повреждена, имеет аналогичное содержание (отдельные различия в формулировках несущественны). Рассмотренные грамоты представляют собой первый, особый тип царских дарений Личчхавов в практике взаимоотношений царской власти с организациями, именуемыми *адхикарана*, — запрет доступа на территорию

и выше, в стк. 8, где излагается оповещение царя о дарении. При отсылке к публикациям текстов далее нами используются следующие сокращения: V. — Dh.Vajracharya; Gn. — Gnoli; Bh. — Bhattacharya.

³¹ [catu]rṣv=adhikaraṇeṣu dharmasthā... (V.25). Хотя далее надпись повреждена, упоминание судей (dharmasthā) в *адхикаранах* представляется весьма важным для характеристики этих организаций. Четыре *адхикараны* — это, очевидно, достаточно часто встречающиеся далее пары *Kūtherā-Śollā*(*Śulli*) и *Liṅgvala-Maṇchoka*, две из которых упомянуты и в этом дарении.

³² ...dhikaraṇena pīḍālpā karaṇīyā kūther... karaṇamātraṁ tadubhayam... (V.27).

³³ В тексте: ...(kuthaṁ)rādhikaraṇābhilekhyakais-ca pañcāparādhā, что можно восстанавливать как запрет посещения территории дарения для пинцов — представителей *адхикараны* *Kūtherā* (и, видимо, *Śulli*). Такое заключение можно сделать как из последующего содержания, так и из сравнения с иными дарениями. В данном тексте далее говорится о том, что царь не простит того, кто, нарушая это указание, посетит зафиксированное [это дарение] (*imām-ājñām-utkramy-ābhilekhyam praveśayet*), и о том, что не должно также произойти «уменьшение» (поступлений) в царскую казну, для чего обоим *адхикаранам* (здесь уже прямо упоминаются *śollādhikaraṇa* и *kūtherādhikaraṇa*) предоставлены два участка земли, как бы в обмен. Запрет для посещения территории дарения представителями различных *адхикаран* — характерная особенность многих последующих дарений Личчхавов.

³⁴ Фразу эту можно интерпретировать как указание на то, что подати в казну платили именно *адхикараны*, собирая их с жителей деревни. Как представляется, доход от подаренной земли должен был компенсировать их потери при запрете на посещение самой деревни (целью которого, скорее всего, и был сбор податей).

³⁵ Именно в обмен, поскольку указание о дарении земли дано лишь в конце надписи, дополняя его (*sve sve grāme [dhikaraṇayor=ubhayor] kṣettraṁ dattam*, V.31.12, — дано поле в деревне в собственность для обеих *адхикаран*). Это указание также чрезвычайно интересно, хотя возможны различные его толкования.

деревни для *адхикаран*, сочетающийся с *дарением* последним земли в качестве возмещения их «убытков».

Дарение царя Ганадевы от 554 г. значительно повреждено, и, лишь исходя из сравнения отдельных фраз, мы можем предположительно судить о его сходстве с последующими *дарениями* упомянутого царя. Шесть его иных грамот (V.44–49), все датированные 560 г., читаются вполне уверенно. На основании их анализа можно судить об ином, новом типе *дарений* Личчавов, отражающем изменения в практике взаимоотношений с организациями, именуемыми *адхикарана*. Так, в первой из указанных грамот (V.44) царь оповещает всех *больших* людей и брахманов деревни Tegval (V.44.2–3) о том, что в дополнение к *дарениям* «прежних царей» (суть которых сводилась к запрету доступа в деревню для представителей *адхикаран* Kūther и Śully) по просьбе Сарваданданаяки Махапратихары Бхаумегупты он *дарует* жителям милость — запрет доступа на территорию *дарения* для двух иных *адхикаран* — Liṅval и Марсока. Даже в случае совершения «пяти великих проступков» (pañcāparādha) — как говорится в грамоте — (теперь, территория деревни) недоступна для четырех *адхикаран* (V.44.6–10). Аналогично содержание пяти иных *дарений* Ганадевы (V.45–49).

В шести *дарениях* следующего царя, Шивадевы I, от 594 и 595 гг. (V.60, 62–64, 69) мы встречаем новую, особую формулировку. Так, согласно тексту V.60, *большие* люди и брахманы деревни (название ее не сохранилось) уведомляются о *дарении* царя по просьбе Шри Саманты Амшувармана. Смысл *дарения* сводится к разрешению для представителей *адхикараны* Kūther³⁶ вступать на территорию деревни *только* для сбора определенных податей (tri-kara-mātra-sādhana) и запрету для *адхикаран* Liṅval и Śullī вступать на территорию *дарения* даже в случае совершения «пяти великих проступков и другого». Дополнительно в данной грамоте жители освобождаются от сбора (части?) собранного ими (урожая) чеснока и лука³⁷. Последующие грамоты имеют лишь несколько отличную формулировку. Так, например, в *дарении* для жителей деревни Khrūñ (V.62) говорится о запрете для *адхикаран* (формулировка не включает их названия) вступления на территорию деревни даже в случае совершения «пяти великих проступков, (для осуществления?) записанных *дарений* и другого»³⁸. Аналогичны по содержанию три иные грамоты — V.63, 64, 69. Рядом несущественных различий в формулировках отличается от упомянутых выше текст грамоты V.69, где упомянуты *адхикараны* Kūther и Liṅval, которым запрещалось посещать территорию *дарения*. Лишь грамота Шивадевы I от 598 г. из Дхарампура (V.67) содержит особую формулировку *дарения* —

³⁶ Kūthervṛtyadhikṛtānām — возглавляющих (*адхикарану*) Kūther (V.44.7).

³⁷ laśuna-palāṇḍu-kar-ābhyāñ ca pratimuktaḥ (V.44.9) — в иных грамотах это не повторяется.

³⁸ lekhyadānapañcāparādhādyarthan tvapraveśa (V.56.10–11). По-видимому, таким образом, в частности, подразумевается устранение *адхикаран* от контроля за исполнением частных *дарений*.

известный нам по иным североиндийским грамотам запрет для лиц, обозначенных *sāṭa* и *bhaṭa*, посещать территорию *дарения*, предоставленного «прежними царями». Здесь же царем в качестве *дарения* жалуются освобождение от конкретных податей. Аналогичный запрет содержится в последней грамоте Шивадевы I (V.59), посвященной *дарению* храму Чангу Нараяна. В *дарении* из Кхопаси от 598 г. (V.68) упоминается запрет на посещение деревни для «всех *адхикаран*», а также предлагается жителям «по всем вопросам» иметь дело с неким Svatalasvāmin.

Первое из *дарений* одного из самых знаменитых представителей династии Личчхавов — Амшувармана (V.81) — содержит запрет для посещения территории *дарения* представителями *адхикараны*, ранее в непальских надписях не встречавшейся и имеющей уже санскритское, а не местное название — *raścima* (т.е. западная). В грамоте Амшувармана от 605 г. (Gn.34) в качестве *дарения* жителям деревни Bugāyūtī дано «освобождение» от доступа представителей иной *адхикараны*, имеющей санскритское название — Bhaṭṭ-ādhikaraṇa (V.71). В грамоте Амшувармана от 608 г. (V.78), посвященной предоставлению жителям деревни Śaṅgā ряда льгот по сборам податей («вызывающих страдания»), имеется важное свидетельство. Освобождая жителей деревни от сбора масла, царь указывает: «этот сбор — *vastu* — должен быть отдан маслом кого-либо иного»³⁹. А в конце «грамоты», после обозначения даты и имени «посланца» (*дутаки*), имеется явная приписка, сделанная уже после подготовки грамоты и содержащая конкретное решение общего указания царя: «Здесь — (соответственно) решениям *адхикараны*»⁴⁰. В *дарении* от 615 г. (V.85) впервые вместо обычной для более ранних *дарений* формулировки («оповещает *больших* людей, брахманов и деревенских домовладельцев») царь обращается к «представителям западной *адхикараны*». Для времени Амшувармана этот факт необычный и может объясняться содержанием грамоты. Она фиксирует запрет на «посещения» деревни представителями именно этой указанной выше *адхикараны*⁴¹. Панчаяту *adhaṣṣālā* (управлявшему этой деревней) «доходы» от нее (т.е. подати), как говорится в грамоте, следовало использовать «для защиты и ремонта возведенных лингамов», вместо того чтобы передавать *адхикаране*. Здесь также говорится, что, если «обязанность эта» (по охране, обслуживанию, ремонту поврежденного и пр.) представителями упомянутого панчаята осуществляться не будет или они покинут это «имущество», вопрос должен решаться царями с лицом, «проживающим здесь»⁴². То есть распоряжение подаренным имуществом (определенными сборами) сводится к вертикали: царь — представитель

³⁹ etad-vastu tailaṇ-kasyacid deyaṇi (V.75.14). *Vastu* здесь — обозначение подати.

⁴⁰ iha — adhikaraṇavivaraṇjītāni (V.75.18–19). Смысл ее можно интерпретировать как свидетельство о том, что царь был вынужден переложить исполнение своего решения о перераспределении податей на *адхикарану*.

⁴¹ Аналогичное оповещение, возможно, содержится и в сильно поврежденном тексте грамоты Дхрувадевы (V.106).

⁴² rājabhir-antarāsanena (V.86.17–18).

царя в деревне — деревня, миную *адхикарану*. В грамоте Амшувармана, дата которой не сохранилась (V.84), вновь, после почти столетнего отсутствия, упоминается местное название *Liṅgval* в формулировке запрета на использование представителями этой организации деревенских лошадей и быков для перевозки тяжестей⁴³.

Грамота Дхрувадевы, дата которой не сохранилась, наряду с фиксацией дарения самого царя являлась «подтверждением»⁴⁴ дарений его предков, «зафиксированных в трех грамотах». Еще *прежними* царями в качестве дарения для жителей, как здесь говорится, был сформулирован запрет на вступление на территорию деревни для представителей *адхикаран* *Liṅgval*, *Śollā* и др. (V.109); мы имеем полное право связывать это упоминание с периодом, когда такие «льготы» были обычными. Текст грамоты Бхимарджунадевы (V.118), где встречается термин *mārcokavastu* («имущество *Mārcok*»), возможно, также содержит запрет *адхикаранам* на посещение деревни *Bhṛṅgāra* (V.118.11) и касается именно *адхикараны* с таким названием. Аналогичным выглядит упоминание в последующей грамоте *адхикараны* *Bhaṭṭa*⁴⁵. Дарение Нарендрадевы от 643 г. (V.124) содержит упоминавшийся уже выше запрет на вступление на территорию дарения для лиц, именуемых *śāṭa* и *bhaṭa*, а другое его дарение от того же года (V.123) заключается в запрете вступления представителям указанных организаций-*адхикаран* даже при «неправильном» поведении жителей и «мучении людей» на территорию *Yūpaḡrāmadraṅga* («свободной от власти представителей *Bhaṭṭa* и *Mārcok*»)⁴⁶.

В дарении Нарендрадевы от 656 г. (V.129) мы встречаем новую формулировку оповещения: царь информирует о восстановлении дарения уже не «больших» людей, брахманов и домовладельцев, а «правителей в границах Непала, возглавляющих различные службы»⁴⁷, о различных дарениях для *Naṃsagriha draṅga* и деревни ...-*paścimaka*, свободных от вступления на их территорию лиц, именуемых *śāṭa* и *bhaṭa*. Сходные льготы упоминаются также в последующих грамотах Личчхавов (V.132–134, 139, 140). Грамота Нарендрадевы от 658 г. была посвящена дарению, «свободному от доступа

⁴³ *liṅgvalśaṇḍh-āśvika-vāhik-āgantrī-balīvardānām-apraveśena* (V.84.7).

⁴⁴ *anumatiśāsanam*.

⁴⁵ *bhaṭṭādhikaraṇa...* (V.111).

⁴⁶ *bhaṭṭa-mārcok-ādhikārayoḥ prā[ba]lyād-avaśyaṃ* (V.123.10). Нет окончательной уверенности, что новая пара *адхикаран* идентична упоминавшимся ранее (хотя это и кажется наиболее вероятным). Первая *адхикарана* — явно более поздняя, имеет санскритское название. Вторая — явно местная, более древняя.

⁴⁷ *perāla-sīmāntaḥ pātinaḥ sarvā-dhikār-ādhikṛtān* (122.5–6). С этого времени появление сходных формулировок оповещения более часто. В грамоте от 697 г. (V.140) говорится о главах всех *адхикаран*, действующих в пределах Непала (*perālāntarvartinaḥ sarvādhikaraṇā-nām*), в грамоте Шивадевы II (V.143) — о всех царских людях, руководящих, соответственно, собственными *адхикаранами* во владении (*бхукти*) Непал (*perālabhūktau yathāśvam-adhikārānadhitiṣṭhataḥ sarvarājapurūṣāṃs tadvṛttibhujāḥ*). Сходным, видимо, является содержание поврежденной грамоты того же царя (V.150), дата которой не сохранилась (стк. 3: *perālamanḍal-āntar-nivāsino yathāśvam=adhikaraṇa...*).

всех *адхикаран*»⁴⁸. И наконец, в грамоте Шивадевы II (конец VII в.), дата которой не сохранилась, дважды упоминается ранее в грамотах не встречавшаяся *pūrvādhikaraṇa*.

Среди ранних непальских грамот на санскрите особое место занимает ряд текстов, оформленных с использованием традиционных для *дарений* формулировок и фразеологии, но *дарениями* по своему содержанию не являющихся. Это две грамоты Амшувармана от 606 и 608 гг. (V.72, 77), представляющие собой «правила» (*maryādā*) для различных «пожертвований» при совершении *дарений*, — огромные списки лиц, храмов, вихар и др. с указанием сумм, кому и сколько должно жертвоваться. Трудно представить, чтобы все указанные выплаты производились при каждом царском или тем более частном *дарении* — скорее, здесь мы имеем попытку упорядочить, кодифицировать традиционные нормы (факт сам по себе очень необычный). Столь же примечательно и содержание грамоты Бхимарджунадевы (V.116) от 633 г., где, по-видимому, предпринята попытка систематизировать⁴⁹ (естественно, это надо понимать очень условно) обязанности и права известной по иным грамотам «службы» *Mārsok* (*mārsokādhikāra*), функции которой осуществлялись, видимо, имевшей аналогичное название *адхикараной*. Содержание сохранившейся части грамоты дает возможность судить о том, что в ведении указанной службы были дела, связанные с семейным правом. Еще более интересна одна из поздних грамот Личчавов, дата которой не сохранилась (V.149). Хотя здесь и фиксируется *дарение* (или несколько *дарений*), значительная часть ее посвящена перечислению «обязанностей и прав» служащего-«привратника» (*dauvārika*). Здесь названы также несколько *адхикаран* (*Śrīpūrvva*-, *Śrīpaścim*-, *Dakṣiṇagata*-, *Bhaṭṭa*-)⁵⁰.

Изложенная нами информация позволяет сделать ряд заключений, относящихся к содержанию термина *адхикарана*, характеризовать место организаций, именуемых указанным термином, в структуре раннесредневекового общества Непала, их взаимоотношения с Личчхавами. Как и в случае с надписями времени Гуптов⁵¹, термин *адхикарана* в непальских надписях не может интерпретироваться как *office*, государственное учреждение. Представляется очевидным, что так именовались не государственные, а местные междеревенские (или межобщинные) коллективные организации⁵². В абсолютном большинстве случаев *адхикараны* присут-

⁴⁸ *sarvādhikaraṇānām apraveśeṇā* (V.129.9).

⁴⁹ Грамота даже сама себя именует *vyavasthā* — «установление» (V.116.21).

⁵⁰ Данная грамота, как и содержание обязанностей и прав «привратника» (*dauvārika*), который, видимо, занял место *адхикаран* в управлении определенными деревнями, требуют специального исследования.

⁵¹ См. подробнее: Лелюхин Д.Н. Концепция идеального государства в «Артхашастре», с. 115–121 сл.

⁵² Надписи времени Гуптов используют термин *адхикарана* в аналогичном значении — здесь упоминается целый ряд таких организаций: *viṣay-ādhikaraṇa* (*адхикарана* области), *adhiṣṭhān-ādhikaraṇa* (*адхикарана* центра области), *aṣṭakul-ādhikaraṇa* (*адхикарана* восьми семей). См.: Лелюхин Д.Н. Концепция идеального государства в «Артхашастре», с. 121 сл.

ствуют при формулировке запрета для них «посещения» территории *дарений*. О значении и смысле таких «посещений» нетрудно догадаться: организации эти имели наряду со специфическими функциями, присущими каждой в отдельности (информации об этом в надписях Личчхавов крайне мало⁵³), одновременно общие для всех — фискальные и судебные функции (об этом свидетельствуют ряд процитированных выше формул⁵⁴). Именно они являлись, скорее всего, основными сборщиками поступлений с населения, часть этих податей передавая в казну (об этом позволяет догадываться содержание упомянутых выше грамот V.31 и V.32). Их названия (часто они упоминаются как «пары» — Kūther и Śully, Liṅval и Mārso-ka) — очевидно, местные, не санскритские, — также подтверждают, что они не имели никакого отношения к «администрации» Личчхавов, использовавших в грамотах санскрит. Скорее всего, для межобщинных организаций в долине Катманду изначально было характерно наличие только четырех таких организаций (поэтому, например, в V.25.5 говорится о «четырех *адхикаранах*»). Лишь во время правления Амшувармана впервые встречаются две новые *адхикараны*, имеющие уже санскритские названия: *raścīma* (т.е. западная) и *bhaṭṭ-ādhikaraṇa* («господина», т.е. царская?). Еще позже (время Шивадевы II) появляется третья, *pūrvādhikaraṇa* (т.е. восточная). Поскольку новые *адхикараны* упоминаются вместе с указанными выше местными организациями в одних контекстах (есть даже новая пара — Bhaṭṭa и Mārso-ka) и в грамотах о них говорится главным образом в формулировках запрета для них вступления на территорию *дарения*, возможно, по форме и статусу они были сходны с названными выше *адхикаранами*⁵⁵.

В формулировке запретов «посещения» территории *дарения* наряду с *адхикаранами* (по большей части в грамотах поздних Личчхавов) упоминаются *sāṭa* и *bhaṭa*⁵⁶, прекрасно известные по индийским ранним грамотам.

⁵³ Здесь требуется особое специальное исследование с использованием более широкого круга иных непальских источников. Мы можем лишь предположить, основываясь на семантике терминов, что, например, *адхикарана* Mārso-ka была связана каким-то образом с рынками, торговлей (*mār* — «измерение; размеры; система мер» в непали, ассамском, гуджарати, бенгали; *māra* — «служащий мерой» в санскрите, *so-ka* — в непали — «courtyard, market-place»); *адхикарана* Śully могла быть связана с уголовными преступлениями (*śul*, *śuli* — в непали, *sūl*, *sūlī* — в кумаони, *sulā*, *sulī* — в ассамском, *śūla* в санскрите — «палка для наказания преступников; кол; боль; страдание»).

⁵⁴ В одних случаях отдельным *адхикаранам* разрешалось вступать в деревни, ставшие *дарениями*, только для сбора определенных податей, в других — запрещалось, даже в случаях, связанных с совершением «пяти проступков», и т.д. (см. выше).

⁵⁵ Может быть, следует даже предполагать изменение названия традиционных *адхикаран*. Хотя нельзя исключить и возможность формирования новых, в том числе под влиянием царской власти, куда входили (как и, например, в *адхиштханадхикарану*, упоминающуюся в Дамодарпурских грамотах времени Гуптов) представители царя, царские «слуги». Санскритское их название, кроме того, можно расценивать и как результат процесса санскритизации долины Катманду.

⁵⁶ См. подробнее об интерпретации указанных терминов: Лелюхин Д.Н. Концепция идеального государства в «Артхашастре», с. 130.

Как можно полагать по аналогии с североиндийскими грамотами, так именовались местные лидеры, знать, не имевшие царского статуса, но обладавшие достаточными ресурсами для выполнения фискальных и судебных функций. Частота упоминания их во время последних Личчхавов свидетельствует об определенных изменениях в структуре местной власти, постепенном вытеснении коллективных организаций знатью, местной «аристократией».

Основываясь на содержании надписей, можно, на мой взгляд, довольно уверенно судить о структуре государства Личчхавов. В рамки царства входили территории, подвластные различным правителям, — это позволяют предполагать многочисленные «дарения по просьбе», где царь из Манагрихи только санкционировал дарения, подлинными инициаторами которых были не только другие цари (например, Махараджа Махасаманта Шри-Крамалила в дарении Васантадевы от 532 г., Махараджа Виправарман в дарении от 607 г.), наследные царевицы (например, ювараджа Удаядева в дарении от 612 г.), но и лица, носившие известные по иным санскритским надписям пышные титулы знати (*маханпратихара*, *данданаяка*). Не лишне будет заметить, что целый ряд дарений Шивадевы I (594–613) оформлен «по просьбе» Амшувармана, ставшего затем правителем царства Личчхавов и выпускавшего собственные дарения, но продолжавшего именовать себя лишь титулом *махасаманта*, так и не приняв титула «царь».

Структура царства Личчхавов строилась одновременно за счет интеграции деревенских и междеревенских организаций. При этом, скорее всего, именно *адхикараны* являлись главными исполнителями судебных функций и собирали с деревенских жителей «сборы» на общие нужды, часть которых, возможно, передавали местным правителям или царю Личчхавов.

В начале правления Личчхавов на подвластной им территории существовало лишь четыре *адхикараны*. Указанные организации, как уже говорилось, не только выполняли на большей части территории, подвластной Личчхавам, функции сбора податей, но и пользовались, по-видимому, признанным авторитетом у жителей⁵⁷. Соответственно, они должны были восприниматься царем как основные объекты, подлежащие ослаблению, подчинению и интеграции в рамках царства. И мы можем фиксировать эволюцию взаимоотношений царей с указанными организациями по текстам грамот, которые одновременно со своей прямо декларируемой задачей способствовали ослаблению *адхикаран* (упоминаемых исключительно как организации, которым запрещалось вступать на территорию дарения).

Первый этап взаимоотношений *адхикаран* и царской власти можно характеризовать как период взаимных уступок. Суть дарений деревенским жителям в грамотах Васантадевы — запрет доступа на их земли для четырех *адхикаран*, естественно ведущий к потере последними их доли податей, штрафов при исполнении судебных функций. Они компенсируются

⁵⁷ В упомянутой выше грамоте от 513 г. говорится о «судьях» (*dhammasthā*) в таких организациях, которые также информировались о дарении.

здесь царем предоставлением для *адхикаран* участков земли, находящихся за пределами земель деревни. И это последнее было совершено, как говорится в грамоте, чтобы «не происходило уменьшения (поступлений) в царскую казну со стороны жителей» (т.е. *адхикараны* оставались основными «сборщиками» податей для иных деревень).

Как свидетельствуют надписи Ганадевы, практика *дарений*, ограничивающих доступ *адхикаран* на территорию деревень, была распространена среди его предшественников. Все его *дарения* апеллируют к *дарениям* «прежних царей», согласно которым был запрещен доступ на территорию подаренных деревень для двух *адхикаран* — Kūther и Sully (именно они упомянуты в грамотах Васантадевы, о которых шла речь выше). Здесь же фиксируется новый тип политики царя по отношению к *адхикаранам* — запрет доступа на территорию *дарения* теперь распространяется на две иные *адхикараны* — Liṅgval и Mārsoka. Даже в случае совершения «пяти великих проступков», как говорится в грамотах, территория деревни недоступна для четырех *адхикаран*.

Грамоты Шивадевы I отражают новый этап взаимоотношений царской власти и местных коллективных организаций. Для этого периода характерно некоторое ослабление позиций царя. После его правления начинается период двоецарствия и господства Кайласакуты, именно этот царь был сменен Махасамантой Амшуварманом. Теперь в грамотах наряду с запрещением для *адхикаран* вступать на территорию *дарения* даже в случае совершения «пяти великих проступков и другого»⁵⁸ говорится о разрешении для отдельных *адхикаран* вступать на территорию *дарения* ради сбора определенных податей⁵⁹. В *дарении* из Кхопаси от 598 г. «освобождение от *адхикаран*» дополняется любопытной рекомендацией для жителей: во всех делах, «настоящих и будущих», иметь дело с неким Сватала-свамином, который в общем контексте грамоты выступает как лицо, взявшее на себя исполнение всех функций, связываемых с *адхикаранами*. Указанный факт, на мой взгляд, можно интерпретировать как важную деталь политики царя по отношению к местной власти, когда влияние коллективной междеревенской организации не только ослаблялось, но и заменялось на власть одного из представителей местной деревенской верхушки, становившегося одновременно представителем царя. Хотя такая интерпретация предположительна, подобного рода действия, похоже, находились в общем русле политики царя по отношению к *адхикаранам*. Информация, которую можно интерпретировать аналогично, встречается и в иных грамотах — см., например: V.85.17–18.

Грамоты времени Амшувармана дают ряд новых свидетельств о взаимоотношении царской власти и *адхикаран*. Здесь прежде всего следует упомянуть приписку к грамоте от 608 г. (V.78). Дополнение к царскому указанию о том, что подать должна выплачиваться «кем-либо иным» —

⁵⁸ К этой формулировке добавляется в некоторых грамотах термин lekhyadāna («для осуществления») записанных дарений.

⁵⁹ tri-kara-mātra-sādhana — «для сбора (податей) объемом в три кара».

«(соответственно) решению *адхикараны*», свидетельствует о том, что царь, предоставляя *дарение*, совсем не предполагал снижение общих поступлений от данной территории. Это *дарение* является, в сущности, перераспределением податей с жителей одной деревни на жителей других. И принятие решения о том, кому платить, перекладывалось царем на организацию, именуемую *адхикарана*. Это свидетельство позволяет фиксировать уже вполне отчетливо сформированную «исполнительную вертикаль», важнейшей составной частью которой является коллективная по сути и по происхождению «догосударственная» организация.

Ко времени Амшувармана относятся и важные изменения в структурной части текста *дарений* (факт даже для ранних дарственных грамот с уже сложившейся, унифицированной структурой необычный). Вместо характерной для более ранних *дарений* формулировки («оповещает больших людей, брахманов и деревенских домовладельцев-кутумбинов») теперь оповещение адресуется «настоящим и будущим, занятым делами *Raścimādhikaraṇa*». У его наследников чаще можно встретить обращение, адресованное «правителям в границах Непала, возглавляющим различные службы», «главам всех *адхикаран*, действующих в пределах Непала», «всем царским людям, руководящим, соответственно, собственными *адхикаранами* во владении (*бхукти*) Непал» и др. И хотя в надписях продолжают изредка упоминаться как старые, так и вновь образованные *адхикараны*, для этих грамот более характерным представляется упоминание запрета «вступления» на территорию *дарения* лиц, именуемых терминами *sāṭa* и *bhāṭa*, в более ранних надписях встречавшихся гораздо реже⁶⁰. Этот факт, как представляется, вписывается в общее русло эволюции взаимоотношений царя и местной власти и может объясняться усилением единовластия, переходом власти на местах к знати и постепенным ослаблением коллективных организаций. Этому, вполне возможно, способствовала и политика царя по отношению к *адхикаранам*, в результате которой наиболее важными действующими лицами в местном управлении становятся представители знати. Как вписывающийся в общую картину очерка взаимоотношений царской власти и *адхикаран*, следует отметить и рассмотренный выше факт существования надписи, где, вполне возможно, была предпринята попытка упорядочить (или кодифицировать) права и обязанности одной из таких организации (*Mārsok*).

Приведенный нами анализ ранних непальских надписей на санскрите свидетельствует о том, что период этот был важным этапом в «государственном» строительстве Непала. Сходные по характеру процессы мы отмечали, основываясь на материалах «Артхашастры» Каутильи и анализа надписей первой половины I тысячелетия н.э.⁶¹. Переселившись в долину Катманду не ранее IV в. н.э., Личчхавы, знаменитый индийский клан воинов, застал в этом районе ряд местных междеревенских организаций,

⁶⁰ Один раз — в грамоте Васангадевы и дважды — в грамотах Шивадевы I.

⁶¹ См. подробнее: *Лелюхин Д.Н.* Концепция идеального государства в «Артхашастре».

ставших важнейшей составной частью государства Личчхавов. Именно такие организации, как представляется, исполняли основные «административные» функции, были посредниками между царской властью и населением деревень (передача части продуктов и традиционных сборов с деревенских жителей на «общие» нужды, царю — для «охраны» и др. — соответствовала индийской и, как можно предполагать, непальской традиции). Дальнейшее развитие «государственной» структуры царства Непал шло по пути ослабления упомянутых организаций, ограничения их влияния в деревнях, частичной их замены, по-видимому, представителями местной элиты или «царскими слугами».

Такого рода политика имеет ряд аналогий в индийских источниках, аргументируется в политической литературе (нелояльного «главу» заменить легче, чем аннексировать новую территорию) и соответствует общему характеру эволюции социально-политической структуры общества времени Гуптов. И что крайне интересно, определенную роль в этом процессе играли «царские» *дарения*, которые наряду с основными своими задачами выполняли функцию «освобождения» деревень от «вступления» на их территорию представителей упомянутых междеревенских организаций, что, безусловно, вело к ослаблению влияния последних среди населения.

«Другие цари» в древнеиндийской «науке политики» (по данным «Артхашастры» Каутильи)*

В исследованиях по истории древнеиндийской государственности особую роль играет анализ идей, зародившихся в рамках так называемой древнеиндийской «науки политики». Данная область знания представлена комплексом самых разных памятников, относящихся как к эпохе древности, так и ко времени раннего средневековья. В основе «политической традиции» лежат наставления, обращенные к царю, занятому организацией царства.

Ключевым произведением «политической литературы» древней Индии бесспорно является «Артхашастра» Каутильи (далее КА). Данный памятник, относящийся к первым векам новой эры, с одной стороны, самый ранний из известных нам сочинений такого рода, с другой — именно он в значительной степени послужил образцом для более поздних текстов «науки политики» («Нитисара» Камандаки, «Шукра-нитисара» и т.д.). Этими соображениями и продиктован выбор указанного сочинения в качестве основного источника предлагаемого исследования. Тот факт, что рассматриваемый трактат может считаться своего рода эталоном для древнеиндийской политической традиции, позволяет нам вести речь не столько о конкретном тексте, сколько о той системе «политических» взглядов, которые лежат в основе «науки политики» как отдельной области знания.

Ссылки на трактат Каутильи присутствуют в значительной массе работ, имеющих отношение к теме государственного устройства древней Индии. Действительно, в результате анализа данных «политической литературы» в целом, и «Артхашастры» Каутильи — прежде всего, в исторической науке были сформулированы определенные положения, касающиеся характера древнеиндийской государственности. В то же время можно заметить, что в исследовательской литературе соответствующие вопросы крайне редко рассматриваются с учетом того историко-культурного контекста, в рамках которого происходило зарождение и становление идей древнеиндийской «науки политики». Большая часть ученых строила свои исследования «Артхашастры» в соответствии со стандартной схемой,

* Работа выполнена по гранту РФФИ (№ 02-06-80115).

включающей административный аппарат, правовую систему, налогообложение и пр., вписывая в нее сведения, предлагаемые текстом, а по сути — укладывая их в прокрустово ложе. Иными словами, за основу анализа древнего текста часто берутся современные нам представления о структуре и функциях государства¹. Данная работа строится на глубоком убеждении в некорректности такого подхода, ибо он в значительной мере предполагает «навязывание» одной культуре представлений, порожденных другой культурой. Сама же система «политических ценностей», определяющая большую часть рекомендаций «науки политики», ускользает от внимания исследователей. В связи с этим кажется правильным начинать анализ памятника не с попыток собрать воедино разрозненные детали «государственного устройства», а с более общих идей «науки политики».

Основное внимание «Артхашастры» сосредоточено на деятельности царя, создающего царство и поддерживающего в этом царстве порядок. Спектр рассматриваемых вопросов необыкновенно широк. Выражаясь современным языком, можно было бы сказать, что текст детальнейшим образом регламентирует все действия правителя в вопросах как внутренней, так и внешней политики. Внешней политике посвящена по крайней мере добрая треть памятника. В этом случае естественно предполагать, что текст так или иначе должен допускать существование и других правителей, будь то вожди племен или же иные цари, отношения с которыми, собственно, и рассматривают «внешнеполитические» разделы «Артхашастры».

Казалось бы, памятник постоянно указывает нам на сам факт существования «других царей». В разных контекстах правители эти, в зависимости от характера их отношений с царем, к которому обращены наставления «науки политики», т.е. «Артхашастры», и местоположения их земель, называются *mītra* (дружественные), *amītra* (враждебные), *sāmānta* (соседние), *udāsīna* (нейтральные), *aṭavika* (вожди лесных племен) и т.д. Как правило, все они владеют собственной территорией, имеют собственное войско и правят подданными. В некоторых случаях даже говорится, что у них есть свой домашний жрец — *purohita*, свой советник — *mantrin*, свой полководец — *senāpati* (KA VII.15.27)² и т.д. Иными словами, они наделены всевозможными атрибутами, причитающимися царственной персоне. Это дает нам право действительно усматривать в них правителей отдельных территорий, самостоятельных или же в какой-то степени зависимых от верховного царя.

В то же время известно, что идея подлинного царствования в древнеиндийской традиции подразумевает прежде всего безраздельную власть

¹ Например: The Kauṭīlīya Arthaśāstra. Pt 1–3. Ed. by R.P.Kangle. Delhi, 1992. Pt 3. A Study; Ritschl E., Schetelich M. Historisches im Arthaśāstra des Kauṭīlya. — Das Altertum. Hrsg. vom Zentralinstitut für Alte Geschichte und Archäologie der Akademie der Wissenschaften der DDR. H. 1. B., 1974; Scharfe H. The State in Indian Tradition. Leiden–New York–København–Köln, 1989, etc.

² Здесь и далее текст «Артхашастры» цитируется по изданию: The Kauṭīlīya Arthaśāstra. Pt 1. A Critical Edition with a Glossary.

над всем миром³. «Артхашастра», совершенно очевидно, обращается к царю, безраздельно владеющему всей землей — *ananyām pṛthivīm bhuñkte sarvabhūtahite rataḥ* (КА I.5.17), к властелину мира в четырех его пределах — *cāturanta* (КА I.6.4; VI.1.17), к тому, чье царство — вся земля — *deśaḥ pṛthivī* (КА IX.1.17)⁴, т.е. к миродержцу, чакравартину — *sakravartin* (КА IX.1.18). В таком случае в тексте изначально заложен парадокс: царю, безраздельно правящему всей землей, даются подробные рекомендации, каким образом ему строить отношения с другими царями⁵.

Отмечая, что в «Артхашастре» другие «цари именуются „сосед“, „друг-союзник“, „враг“, „господин“ и пр.», Д.Н.Лелюхин полагает, что «в каждом таком случае термин следует толковать: „царь, являющийся соседом“, „царь, являющийся союзником“... и т.д.»⁶. В другой своей работе тот же исследователь делает интереснейшее наблюдение. «В отдельных случаях, — пишет он, — даже создается впечатление, что в тексте подразумевается только один „царь“ — *gājan*, подобно главе семьи в домохозяйстве или главе рода в патронимии»⁷. Сделав это замечание, автор, однако, объясняет этот нюанс такой системой изложения материала, при которой «иные цари... могут пониматься... только через их взаимоотношения с таким „царем“ — они суть только его „соседи“, „друзья“, „противники“...» и т.д.⁸.

Это объяснение кажется исчерпывающим до тех пор, пока не принимается во внимание идея отождествления царства со «всей землей». Однако тема тождественности царства и «всей земли» совершенно отчетливо прослеживается в «Артхашастре». Следовательно, и сам парадокс не ликви-

³ Schlerath B. Das Königtum im Rig- und Atharvaveda. Ein Beitrag zur indogermanischen Kulturgeschichte. Wiesbaden, 1960, S. 72.

⁴ Перевод, а соответственно, и интерпретацию этого пассажа и у И.Я.Мейера, и у Р.П.Кангле вряд ли можно считать в достаточной степени адекватными. Согласно И.Я.Мейеру: «Der Ort ist die Erde. Auf ihr ist das Gebiet des Kaisers...» (*Meyer J.J. Das altindische Buch vom Welt- und Staatsleben. Das Arthaśāstra des Kauṭilya. Lpz., 1926, S. 523*). Р.П.Кангле: «Place means the earth. In that, the region of the sovereign ruler extends...» (*The Kauṭilya Arthaśāstra. Pt 2. An English Translation with Critical and Explanatory Notes, p. 407*). В обоих случаях царство представляется лишь как часть территории всей земли. Оба переводчика одинаково исходят из основного значения слова «*deśa*» — «место» (*der Ort; place*). Между тем, по замечанию П.В.Кане, ссылающегося на «Амаракошу», в определенных случаях «*deśa*» может выступать в качестве синонима для таких слов, как «*raṣṭra*» и «*janapada*», и, следовательно, переводиться как «царство» [*Kane P.V. History of Dharmaśāstra (Ancient and Medieval Religious and Civil Law). Vol. III. Poona, 1946, p. 138–139*]. Скорее всего, в указанном фрагменте речь идет о царстве царя-чакравартин, которое есть вся земля.

⁵ Такого рода парадоксы характерны не только для нашего источника. Так, Б.Шлерат обратил внимание на сосуществование в текстах самхит Индры, Агни, Сомы, Варуны и других богов в статусе мирового владыки (*Schlerath B. Das Königtum im Rig- und Atharvaveda, S. 52*).

⁶ Лелюхин Д.Н. Государство, администрация и политика в «Артхашастре» Каутильи. — ВДИ. 1993, № 2, с. 14.

⁷ Лелюхин Д.Н. «Артхашастра» Каутильи и проблема структуры древнеиндийского государства. — Государство в истории общества. М., 1998, с. 47.

⁸ Там же.

дируется. Каким же образом в таком случае текст расценивает статус этих «иных правителей» и как представляет себе их сосуществование с «царем-миродержцем»? Обратимся к тем ситуациям, в которых термин «gājan», наиболее часто употребляемый из всей «царской лексики» «Артхашастры», образует форму множественного числа. Вопреки ожиданию, случаев такого рода совсем немного. Остановимся на них подробнее и постараемся определить характер контекстов употребления интересующей нас формы.

Как правило, в случае употребления слова «gājan» во множественном числе текстом используются именительный, винительный и родительный падежи. Совершенно отсутствуют формы множественного числа в инструментальном, дательном, отложительном и местном падежах. Распределение контекстов в рамках источника выглядит следующим образом: книга I — 2 случая, книга II — 1 случай, книга III — 4 случая, книга IV — 1 случай, книга VI — 1 случай, книга VII — 5 случаев, книга VIII — 1 случай. В книге V, а также начиная с книги IX и до конца текста, форма множественного числа слова «gājan» не употребляется вовсе. Как мы видим, наибольшее количество контекстов группируется в книге VII трактата, что, безусловно, определяется ее тематикой — «Шесть способов [ведения внешней политики]» (по смыслу к этой же группе случаев примыкают шлоки, завершающие книгу VI).

Первый случай употребления термина «gājan» во множественном числе встречается в главе I.13. Интересующий нас фрагмент содержит краткое изложение одной из версий хорошо известного мифа о происхождении царской власти. Согласно тексту, «люди сделали Ману, сына Вивасвана, царем» (*prajā manuṃ vaivasvataṃ gājānaṃ cakrire*), определив $\frac{1}{6}$ часть урожая и $\frac{1}{10}$ часть товаров и золота (*dhānyaṣaḍbhāgaṃ paṇyadaśabhāgaṃ hiraṇyaṃ ca*) в качестве царской доли (*asya bhāgadheyam*). С этого момента цари обеспечивали подданным благополучное существование за соответствующую «плату» — *tena bhṛtā rājānaḥ prajānām yogakṣemāvahāḥ* (КА I.13.5–7). В указанном фрагменте «Артхашастра» отсылает нас к истории мифической и называет царями (*rājānaḥ*) тех, кто, охраняя своих подданных, получал за это налоги — от первого царя Ману и до того, к которому обращен текст.

Сходные контексты встречаются и в других книгах трактата. Так КА VIII.3, отчасти дублируя шлоки I.6.11, упоминает «царей, погибших из-за гнева, страсти» и т.п. (*rājānaḥ prakṛtikopairhatāḥ*). Тематическое сходство с главой I.6, а также глагольная форма «śrūyante» (букв.: известно) предполагают обращение к содержанию какой-либо итихасы (легенды). В таком случае и в этом фрагменте речь идет о царях, правивших прежде, в древние времена (КА VIII.3.7).

Похожий случай употребления слова «gājan» в форме множественного числа встречается в главе VII.17, где речь идет о договорах (*saṃdhikarman*). Указания по поводу заключения соглашений разного рода текст предваряет замечанием: «прежние цари» (*pūrve rājānaḥ*), верные данному слову (*satyena saṃdadhire*), заключали договоры, держащиеся

клятвой — *satyaśaṁdhāḥ* (КА VII.17.6.). Вновь «*rājānaḥ*» — прежние цари, легендарные предшественники нынешнего. Таким образом, в трех случаях царями называются те, кто правил в древние времена, персонажи итихас.

Другую группу контекстов условно можно охарактеризовать как «сентенции» или «вечные правила». Речь идет о назиданиях, касающихся всех царей без исключения: прошлых, настоящих и будущих. Таких назиданий можно насчитать пять. Для пояснения обратимся к тексту источника. В КА II.10.1–2 говорится: «То, что содержит приказание, называется приказом. Цари правят при помощи приказов, ибо в них исток и мира и войны» — *śāsane śāsanamityācakṣate. śāsanapradhānā hi rājānaḥ, tanmūlatvāt saṁdhivigrahaḥ*. Совершенно очевидно, что речь идет обо всех царях, когда-либо правивших на земле. То же касается и правила «на все времена», запрещающего совершать «дар высокомерия, превышающий дары царей» — *rājñāmupari darpadānaḥ* (КА III.16.7).

Еще три случая представлены в виде стихотворных сентенций — шлок, завершающих главы. К примеру: «Дхарма строится на правде, а суд — на свидетельствах [очевидцев]. Обычай рождается в народном собрании, а указы — это приказания царей» — *tatra satye sthito dharmo vyavahāraḥ saṁkṣiptaḥ / caritraṁ saṁgrāhe puṁsāṁ rājñāmājñā tu śāsanam* (КА III.1.40). Говоря о злодеяниях подданных (*prajānām*) и царей (*rājñām*), шлоки, завершающие главу III.17, как и предыдущие примеры, не имеют в виду конкретного царя, «нашего» или «другого». Они в равной степени относятся ко всем правителям. Наконец, шлоки КА IV.13.42 требуют от всех царей, назначивших незаслуженное наказание, отдать изъятое Варуне в тридцатикратном размере.

Рассмотрим два оставшихся случая употребления множественного числа слова «*rājān*», прежде чем перейти к разделам, связанным с темой внешней политики. В КА I.16.13 посол (*dūta*), передавая послание своего правителя другому царю, говорит следующее: «Посол — это царские уста, твои или же иных царей» — *dūtamukhā hi rājānaḥ, tvaṁ cānye sa*. В данном случае позиция слова в прямой речи позволяет рассматривать его как уважительное обращение, отвечающее требованиям «дипломатического этикета». И примечательно не столько то, что посол называет царем другого правителя, сколько другое: вся эта глава, посвященная поведению посла, отправленного с миссией ко двору другого царя, такового царем больше нигде не называет.

Наконец, последний случай касается рассмотрения ситуаций незаконного присвоения недвижимости (*vāstu*) «в отсутствие царей» — *rājñām-asaṁnidhau* (КА III.16.32). Недоумение, возникающее в связи с переводом указанного фрагмента, вполне справедливо. Термин «*rājān*» совершенно выбивается из общего контекста, не имеющего прямого отношения к «царской тематике». В полном переводе текста на русский язык соответствующий пассаж толкуется как «отсутствие властей»⁹, а термин «*rājān*»

⁹ «Артхашастра», или Наука политики. Пер. с санскр. Изд. подгот. В.И.Кальянов. М.–Л., 1959, с. 208.

рассматривается, таким образом, как абстрактное указание на властные структуры. Р.П.Кангле, переводя указанный фрагмент, замечает, что форма множественного числа от слова «gājan», по всей видимости, относится к членам царской семьи¹⁰. Однако же таким объяснением возникающее противоречие не ликвидируется: фрагмент и в такой интерпретации «выбивается» из темы. Обращая внимание на данный контекст, Х.Шарфе, возражающий против интерпретации Р.П.Кангле, замечает, что члены царской семьи обыкновенно обозначаются как *uvagāja* или *kumāra*, но никогда как *gājan*. По мнению Х.Шарфе, речь здесь, скорее всего, идет о главах аристократических родов¹¹. Однако иных контекстов, где слово «gājan» выступает в таком значении, в «Артхашастре» не встречается. Наиболее убедительной кажется версия, выдвинутая И.Я.Мейером. В комментариях к своему переводу памятника на немецкий язык он предположил, что слово «gājan» в данном контексте заняло место термина «svāmin», и в таком случае имеются в виду не «цари», а законные собственники. Соответствующий пассаж, по его мнению, должен пониматься как *svāmināmasaṁnidhau*. Предлагаемый им вариант перевода выглядит следующим образом: «in der Abwesenheit der Eigentümer»¹². Теми же соображениями руководствовались в своем переводе книги III «Артхашастры» А.А.Вигасин и А.М.Самозванцев, толкуя *gājñāmasaṁnidhau* как «отсутствие хозяев»¹³.

Таким образом, за пределами «внешнеполитической тематики», интересующая нас форма встречается:

- 1) в отношении «древних царей» (*pūrve rājānaḥ*) — 3 случая;
- 2) в изложении каких-либо «вечных правил» — 5 случаев;
- 3) в качестве уважительного обращения в прямой речи — 1 случай;
- 4) в сомнительном контексте, где, совершенно явно, общий смысл не соответствует употребленному термину, — 1 случай.

За исключением шлоки, завершающей главу VI.2, по смыслу примыкающей к теме внешней политики, оставшиеся случаи группируются в тексте книги VII. Все они прямо или косвенно связаны с темой заключения военного союза между правителями (КА VII.2.8; 2.23; 16.33; 17.2; 18.8). Совершенно очевидно, что данная тема просто не может быть рассмотрена источником без допущения возможности существования «других царей». Тем не менее текст пытается свести к минимуму указание на их царственный статус (5 случаев)¹⁴.

¹⁰ Цит. по: *Scharfe H. Kaṭālyā on Conflicts within the Ruling Class*. — *Indologica Taurinensia*. Torino, 1979, vol. 7, p. 390–391.

¹¹ См. *ibid.*

¹² *Meyer J.J. Das altindische Buch vom Welt- und Staatsleben*, S. 301, Anm. 1.

¹³ *Вигасин А.А., Самозванцев А.М. «Артхашастра». Проблемы социальной структуры и права*. М., 1984, с. 82.

¹⁴ В рамках внешнеполитической тематики все же возможны случаи, когда термин *gājan* относится к «другому царю». К примеру, глава XII.3 повествует о секретных агентах (*sattriṇaḥ*), приставленных к царю (*rājño... āsannāḥ*) и к царским вассалам (*rājavallabhānām*).

Кроме названных выше привлекают внимание еще два фрагмента. В главе XI.1 речь идет об объединениях (*śreṇi*). По версии, предлагаемой полным переводом памятника на русский язык, такие объединения, как личчхави, вриджики и т.д., «извлекают пользу из самого царского звания»¹⁵. Никак не прокомментированный, этот пассаж выглядит весьма странно и не вносит никакой ясности в общий смысл сутры. И.Я.Мейер понимает данный фрагмент буквально, также оставляя общий смысл весьма туманным. Согласно его переводу: «Die Licchavika... u.s.w. leben von ihren Fürstennamen»¹⁶. Гораздо убедительнее выглядит в данном случае перевод Р.П.Кангле: “The Licchivikas... and others make use of the title of kings”, снабженный следующим примечанием: “this simply means that the chiefs who formed the ruling council of the *saṃgha* styled themselves *rājan*”¹⁷. В действительности, согласно «Артхашастре», такие объединения, как личчхави, вриджики и др., «используют слово „царь“» — *gājaśabdopajīvināḥ* (КА XI.1.5). Таким образом, речь, по всей вероятности, идет о племенах, вожди которых только называют себя царями. Однако нигде не говорится, что у упомянутых народов есть царь. Напротив, текст словно бы подчеркивает большую разницу между «нашим миром», где есть царь, и чужим, в котором лишь используется это обозначение правителя, сам же он царем не является.

Сходная ситуация складывается и в связи с упоминанием лесных племен (*aṭavika*). Текст КА VIII.4.41–43 сообщает нам, что их местопребывание — дальние леса на границе (*vyavahitāḥ pratyantārāṇyacarāścāṭavikāḥ*), это их территория (*svadeśa*). Атавики чинят всяческий вред людям и «уподобляются царям» (*rājasadhārmāṇa*). Возможно, это указание, а также многократно упоминающиеся договоры, заключаемые царем с вождями лесных племен, позволили Р.П.Кангле толковать этот пассаж следующим образом: “...forest tribes... having the same characteristics as a king”¹⁸. В русском переводе в текст вносится уточнение: «Они дерутся... уподобляясь (вражеским) государям»¹⁹. Вслед за переводами и в исследовательских статьях появляются рассуждения о неких «лесных царствах» (*āṭavika-gāṇa*), управляемых царями, сведения о которых якобы содержит «Артхашастра»²⁰. Скорее всего, данный фрагмент следует понимать несколько иначе. Обратимся к переводу И.Я.Мейера, который толкует текст следующим

Все переводчики «Артхашастры» единодушно прибавляют к слову «царь» эпитет «вражеский», подразумевая таким образом, что речь идет о «диверсантах» на вражеской территории. Исходя из общего содержания раздела, это уточнение нельзя не признать справедливым. Однако минимальное количество контекстов такого рода позволяет считать их скорее исключениями.

¹⁵ «Артхашастра», или Наука политики, с. 430.

¹⁶ Meyer J.J. Das altindische Buch vom Welt- und Staatsleben, S. 588.

¹⁷ The Kauṭīliya Arthaśāstra, pt 2, p. 454, fn. 4.

¹⁸ Ibid., p. 400.

¹⁹ «Артхашастра», или Наука политики, с. 379.

²⁰ Например: Pandey V.C. Some Corroborative Evidences from the Arthaśāstra of Kauṭīliya. — Indologica Taurinensia. Torino, 1979, vol. 7, p. 342.

образом: «In ihrem eigenen Land aber wohnen und zahlreich und tapfer sind die Waldstämme, offene Kämpfer, Plünderer und Verwüster von ganzen Gegenden, Königen gleichgeartet»²¹. Как кажется, этот вариант в большей степени соответствует идее, заложенной в тексте оригинала. Дело здесь, само собой разумеется, не в правильности перевода с грамматической точки зрения, а в совершенно ином оттенке смысла. Пренебрежительное отношение текста к атавикам делает предположение о наделении их предводителя статусом или даже отличительными признаками царя несколько абсурдным²². Скорее, речь действительно идет о том, что лесные племена уподобляют своего вождя царю, но сам он таковым не является. Это тем более вероятно, что нигде больше текст не характеризует вождя атавиков при помощи терминологии, употребляемой «Артхашастрой» для маркирования царственной персоны. Объяснение тому должно быть весьма простое: атавики, личчхави, вриджики — это представители варварского мира, не имеющего отношения к цивилизации. Одним из признаков цивилизованности, если следовать логике «науки политики», является наличие царской власти, ориентированной на определенные этические принципы (rājadharmā). Дикому миру царская власть в ее подлинном виде оказывается неизвестной.

Возможно, приведенные выше аргументы выглядели бы не слишком убедительно, если бы не два момента. Во-первых, нигде и никогда источник не характеризует иных правителей при помощи других терминов «царской лексики» (svāmin, bhartṛ, īśvara etc.), принятой в тексте для обозначения царственной персоны. Второй аргумент кажется еще более весомым. Памятник, для которого основным критерием характеристики любого объекта служит бинарность, выраженная прежде всего в делении всего мира на позитивное, свое (sva), и враждебное, чужое (para)²³, нигде и никогда не называет иных правителей para-rājan — «другие цари».

Скорее всего, в своей основе древнеиндийская «наука политики» декларировала существование на земле лишь одного царя — того, который является правителем в царстве, организованном в соответствии с рекомендациями трактата²⁴. Однако как логика изложения политического знания, так и историческая реальность (в той мере, в какой она вообще могла

²¹ Meyer J.J. Das altindische Buch vom Welt- und Staatsleben, S. 513.

²² Согласно мнению А.А.Вигасина, «Артхашастра», уделяющая достаточно внимания «вождям лесных племен» (атавикам), «четко отличает их от царей, от наследственной местной знати, а также от глав олигархических республик. Отчетливая грань между государством и варварским племенным образованием, видимо, интуитивно ощущалась составителем политического трактата» (Вигасин А.А. О государственности в древней Индии. — ВДИ. 1990, № 1, с. 100).

²³ Никольская К.Д. Древнеиндийская «наука политики» (историко-культурные аспекты). Автореф. канд. дис. М., 2003, с. 12.

²⁴ По наблюдениям А.М.Хокарта, в мифологии самых разных народов мира бытуют представления, в соответствии с которыми царь — властелин мира — включает в себя все его элементы, в том числе и всех иных правителей, являясь тем самым воплощением совокупности всех возможных царей (Hocart A.M. Kings and Councillors. Cairo, 1936, p. 88).

получать отражение в тексте шастры) заставляют текст условно допускать одновременное с миродержцем существование и «других царей». Возникающее в связи с этим противоречие ликвидируется по мере сил тем, что источник намеренно избегает употреблять применительно к этим «другим царям» любые термины, которые можно было бы расценивать как обозначение царственной персоны. Царь тем самым оказывается атрибутом только нашего мира. В нашем мире он миродержец (*sakravartin*), потому что все, что не является нашим миром, не мир и потому настоящего царя в нем быть не может.

Мир текста и мир в тексте: «Артхашастра Каутильи» и индийское государство*

Предметом настоящей статьи является книга II «Артхашастры Каутильи» (далее КА)¹ и в более широком плане — вся КА, с точки зрения функционального назначения ее текста. Коль скоро здесь рассматривается книга II КА, в центре внимания оказывается фигура упоминаемого в ней служащего *адхьякши*.

Книга II КА называется *Adhyakṣapracāra* («Деятельность/сфера деятельности служащих, осуществляющих надзор»). *Pracāra* здесь значит «деятельность», «сфера деятельности» (II.1.19, 6.14, 7.2–3, 9, 24, 8.3 и др.; см. термин в том же значении в «Ману-смрити» VII.153–155); близкое значение имеет компонент *sāra* в выражении *arthasāra* — «исполнитель дел» (II.9.32, IV.9.28). *Адхьякша* означает категорию служащего. Термин обычно переводят как «надзиратель», что не кажется удачным: мы предпочитаем переводить этот термин как «служащий, осуществляющий надзор». В книге II КА адхьякши образуют своего рода компактную группу, специфическую по своему назначению. Эти служащие осуществляют надзор за разными сферами деятельности, представление о которых дает *вартта* — наука, или учение, о хозяйстве. Предмет последней раскрывается как земледелие, скотоводство и торговля; эта наука полезна тем, что доставляет государству зерно, скот, деньги, лесные материалы, обеспечивает принудительным трудом; обратившись к этой науке и используя казну и войско, государь приводит к повиновению союзников собственных и противной стороны (I.4.1–2). Вартта, следовательно, обеспечивает материальное могущество государства. Теория государства, как она представлена в КА, предписывает обучаться науке о хозяйстве именно у адхьякш (I.5.8) — вероятно, тех самых, чья деятельность описывается в книге «Адхьякшапрачара».

Согласно V.3.13, все адхьякши получают жалованье в 1 тыс. *пана*. Казалось бы, это тоже подтверждает, что имелась единая группа специфиче-

* Работа выполнена при поддержке фонда РГНФ (грант № 00-01-00109а).

¹ При работе над материалом статьи использовалось критическое издание текста «Артхашастры Каутильи» Р.П.Кангле: *The Kauṭīliya Arthasāstra. Pt I. A Critical Edition with a Glossary*. Ed. by R.P.Kangle. 2nd ed. Bombay, 1969.

ских по своему назначению служащих — адхьякш. Правда, выше (V.3.11) говорится, что служащие, осуществляющие надзор за четырьмя родами войск, и вместе с ними хранитель лесов для содержания слонов (в II.2.7 он назван *хастиванадхьякша*) получают по 4 тыс. пана. Тем самым группа адхьякш в V.3.13 оказывается не монолитной. Другие явные свидетельства, подтверждающие ее существование, отсутствуют.

Служащие-адхьякши изредка упоминаются в дхармашастрах, заимствующих материал артхашастр, близких к КА или лежащих в основе известного компендия (Ману-смрити VII.81, 119, 189, Яджнавалкья-смрити I.322). При этом компиляторы не видят в термине ничего специфического. Так, в «Ману-смрити» VII.119 об адхьякше, в управлении которого находится 100 деревень, говорится, что он может получать подати с деревни. Ранее (Ману-смрити VII.115, 117) аналогом термина *adhyakṣa* выступает термин *iśa* — «владыка», «господин». Составитель «Ману-смрити» в VII.81 затрудняется определить род деятельности адхьякши; любопытным образом его функция передается через употребление глагола *ava-ikṣ*: получается, что «служащим, осуществляющим надзор», «полагается осуществлять надзор». Толкуя слово *adhyakṣa*, Куллука употребляет лексический эквивалент *avekṣitṛ*, производный от того же глагола *ava-ikṣ*. Близким образом характеризует адхьякшу Виджнанешвара в комментарии к «Яджнавалкья-смрити» I.322: он заменяет *adhyakṣa* на *adhikārin*.

Комментаторы выходят из затруднения, только когда адхьякша дополняется еще одним лексическим компонентом и они составляют одно выражение. Так, в «Ману-смрити» VII.189 упоминаются *баладхьякши* — «служащие, осуществляющие надзор за войсками», и Куллука, естественно, толкует *баладхьякша* как *сенанаяка* — «военачальник».

Исключение представляет Бхаручи, составивший самый ранний комментарий к «Ману-смрити». Известно, что Бхаручи во многих случаях толкует текст дхармашастры, цитируя КА. В частности, в комментарии к «Ману-смрити» VII.81 он объясняет слово «адхьякша», перечисляя целый ряд адхьякш из книги II КА: *suvarṇa-koṣṭhāgāra-panya-kupya-āyudha-tulā-śulka-nau- hastyasvarathapattyadhyakṣādin*, т.е. «служащих, осуществляющих надзор за золотом, кладовой, торговлей, лесными материалами, оружием, весами, пошлинами, судоходством, слонами, конницей, колесницами, пехотой [и] прочих». Заметим здесь же, что, во-первых, «адхьякша» — термин, сравнительно редкий для дхармашастр; в более ранних дхармашастрах, чем «Ману-смрити», он не встречается. Во-вторых, понимание этого термина представляет определенную сложность для компиляторов и комментаторов.

Далее следует сделать несколько замечаний общего порядка. В КА во множестве встречаются предписания, характер которых таков, что зачастую ставит в тупик исследователя. Встречаются указания типа: царь, в том числе путем перемещения населения, устраивает сельскую местность, деревни, устанавливает их границы и ставит по окраинам страны укрепления (II.1.1–3, 5); или таким же образом «устраиваются» разнообразные леса,

в которые селятся племена (II.2.5–6); или некто (царь или, например, враждебный ему служащий, приближенный) строит укрепленный город, оросительное сооружение, устраивает торговый путь, осваивает пустошь, организует рудник, «устраивает» лес с ценными породами деревьев или предназначенный для содержания слонов и т.д. (VII.1.20) — элементы подобных «рядов» могут меняться местами, варьироваться, но все эти объекты одинаковым образом «устраиваются» и «организуются». Совершенно очевидно, что в большинстве случаев это не отображение некоего процесса, действия, совершаемого субъектом с объектом, а прием описания, сформировавшийся некогда в среде ритуалистов, описывавших материал ритуальный. Чтобы описать, здесь недостаточно констатировать — с объектом требуется совершить последовательную серию операций; материал описывается постепенно, осваивается дискретно, сегментарно, когда одно звено цепляется за другое; технология классифицирования заменяет здесь абстрактное мышление. Этот принцип описания, освоения материала мы называли «орудийным», или «операционным»². Именно его даже не применением — реализацией как формой существования текста объясняется, почему в тексте сказано в деревни посылаются соглядатаи под видом домохозяев (II.36.8) и не говорится деревенские домохозяева исполняют функции соглядатаев. В данном случае объект регуляции — соглядатаи (II.36.8–14), и это с ними требуется совершить некое действие, распорядиться ими, что означает здесь соединить соглядата с объектом его надзора, т.е. послать его в деревню и т.д. Или, в других случаях, государь «сеет» соглядатаев (I.12.20), «селит» соглядатаев (I.12.25), «подсылает» соглядатаев (I.13.1) либо «делает» таких-то лиц соглядатаями (I.12.23), таких-то — *аматьями* (I.8.1, 5, 10, 13, 16, 22, 26), такое-то лицо — домашним жрецом (I.9.9) и т.д. — везде используется глагол *kṛ*, хотя набор языковых средств КА этим, конечно, не ограничивается, и может быть сказано, например, что такие-то лица просто являются соглядатаями (I.12.21–22).

Однако в КА встречаются и указания иного рода, как то: право собственности на рыб, водоплавающих птиц в оросительных сооружениях осуществляет царь (II.1.24); кто удаляется в аскеты, не обеспечив семью, подвергается штрафу; чтобы удалиться в аскеты, требуется спросить разрешение у судей-*дхармастхов* (II.1.29–30); если кладбища располагаются не по должным сторонам света, взимается штраф (II.4.22); цветники и плодовые сады устраиваются их хозяевами с разрешения властей (II.4.25); все потребители патоки и соли, за исключением ученых брахманов, аскетов и занятых принудительным трудом, платят особую подать (II.12.34); известные своей честностью лица могут выносить из питейного заведения установленное или небольшое количество опьяняющих напитков —

² Самозванцев А.М. Традиции артхашастры и дхармашастры и проблемы складывания древнеиндийского права. — Общественная мысль Индии в прошлом и современности. М., 1988.

$\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$ кудуба, 1 кудуба, $\frac{1}{2}$ праства или 1 праства (II.25.4); во время празднеств, при устройении сборищ людей и шествий опьяняющие напитки отпускаются без ограничения в течение четырех дней; с тех, кому не разрешено участвовать в таких празднествах, с окончанием празднества за каждый его день взимается штраф (II.25.36–37); чтобы въехать в страну или выехать из нее, требуется иметь на руках своего рода «паспорт», который помечен печатью (*самудра*), не имеющий его подвергается штрафу (II.34.2–3); домохозяин, не сообщающий властям о своих постояльцах, а также разводящий огонь в двух средних четвертях дня, а равно не спешащий на пожар, чтобы оказать помощь, платят штрафы (II.36.11–12, 16, 23); лица духовного звания — брахманисты совершают искупления в течение стольких суток, сколько пана составляют штрафы за их проступки (Ш.16.38); кормящий *шакьев*, *адживиков* и прочих низких аскетов во время священнодействия в честь богов и предков платит штраф 100 пана (Ш.20.16); с того, кто после полуночи перелезает через ограду собственного дома, взимается первый штраф *сахаса* (IУ.13.6); людям полагается ходить без оружия, за исключением тех случаев, когда они имеют помеченное печатью разрешение на его ношение — *mudrānujñāta* (V.3.38).

Для всякого человека, сколько-нибудь знакомого с реалиями индийской жизни, должно быть очевидным, что все перечисленные и подобные им предписания никогда не осуществлялись и не могли быть осуществлены на деле ни в условиях древней или средневековой Индии, ни в более поздние века ее истории. Поражает также чрезвычайное обилие цифр в тексте КА, в том числе в предписаниях нормативного характера, и особенно — встречающиеся во множестве наказания денежными штрафами, налагаемые за самые разнообразные проступки. При буквальном прочтении текста, если мы воспринимаем его как источник, хотя бы в какой-то мере адекватно отражающий реальность, приходится серьезно задуматься о степени развитости денежных отношений в Индии периода раннего средневековья; возможно, она недооценивалась специалистами.

Дело здесь, конечно, не в особенностях индийского общественного уклада, а опять-таки в специфике индийского текста.

Ясно, что если текст реализует себя с использованием орудийно-операционной и, следовательно, дискретной подачи материала, если ригидный высокоорганизованный текст (а текст КА является именно таким) накладывается на аморфное индийское государство, которое попросту не могло быть иным, то текст это государство творит как бы заново и совершенно преобразует: он чрезвычайно усиливает регулятивную функцию государства, когда концентрация предписаний выглядит как концентрация государственной воли. И все же всего этого недостаточно для объяснения того, почему государство выглядит в тексте КА так, а не иначе. У текста КА есть еще одна важная особенность, которая проявляется только при максимально точном переводе терминов-понятий с их высокой степенью унификации, при четком понимании того, как строятся рубрики внутри текста, словом — только при понимании логики текста.

Выполненный нами перевод текста книг I–II КА (а он составляет около трети всего объема памятника и, следовательно, достаточно репрезентативен для более широких обобщений) позволяет думать, что КА по самому типу своему — это текст-нибандха, т.е. регистр, который не просто сводит материал, а занимается его классифицированием, росписью внутри встро-енных друг в друга рубрик. Причем КА-нибандха не просто огромный классификатор-рубрикатор, расписывающий традицию индийской госу-дарственности, КА во множестве случаев занимается каталогизацией, пе-ребором всех казуально возможных вариантов, что только подчеркивают прием организации материала, выраженной через искусственную полеми-ку учителей артахашастры, а равно методика КА, позволяющая описывать материал путем его членения с использованием 32 *юкти* — методов науки (XV.1, XV.1.3, 71). Было бы странно, если бы внутри нибандхи-классифи-катора с ее набором конструкций-схем, складывающихся с употреблением унифицированных терминов-понятий, терминов-символов (в перечисле-ниях они составляют более-менее устойчивые комбинации), выражений и фраз, строящих в разных частях текста и порой в разном контексте оди-наковые предписания, предстающие в том числе предписаниями норма-тивного характера, с ее игрой текста, да еще с использованием орудийно-операционной подачи материала индийское государство в КА выглядело бы иным. (Заметим, что в целом ряде случаев КА содержит текст, который и чисто терминологически выглядит оформляющим материал текстом-нибандхой — регистром: в II.35.1 фиксация сведений обозначается упот-реблением глагола *ni-bandh* — «фиксировать»; в других случаях использу-ется слово *nibandha* (II.2.11; 7.1, 3, 34; 35.3); в II.7.1–2 упоминаются пред-назначенные для фиксации этих сведений книги-нибандхи — регист-ры — *nibandhapustaka*; в II.7.31, 8.22 занимается фиксацией этих сведе-ний писец-«регистратор» — *nibandhaka*, отличный от писца, составляюще-го послание, который обозначается в II.10.3 как *lekha*.) Перечисленные признаки и важные характеристики текста и материала КА, на кото-рых мы подробнее остановимся ниже, позволяют уподобить КА *кри-де* — игре, которая ведется ее субъектами на ограничении про-странстве, по установленным правилам и с использованием предпи-санных для этой игры понятийно-терминологического аппарата и на-бора технических средств.

Мало того, что текст КА творит государство, он творит саму природу. В связи с этим приведем только один пример. Индийский календарь, ка-ким он выглядит в II.20.43–66, при его исчерпывающей полноте опускает тем не менее важную номинацию «год», так как его характеристика дается раньше, в II.7.6. И это не иначе, как «рабочий (!) год», который завершает-ся в месяце *ашадха* (II.7.7) и, следовательно, начинается — вопреки рас-пространенной традиции — в месяце *шравана* (II.20.55). «Труд» на благо государства в виде подведения баланса государственных доходов и расхо-дов (II.7.16) является здесь тем критерием, той важной мотивацией, руко-водствуясь которой текст исчисляет время. По той же причине в числе

месяцев и в отсутствие «рабочего» года фигурирует в качестве основного «рабочий» месяц (*karmamāsa* — II.20.47). Возможно, что и денежные штрафы с их сложной классификацией в III.17, налагаемые решительно по всем и всяким мыслимым поводам (любопытная деталь: в III.16.38 лица духовного звания в случае совершения ими проступков столько суток совершают покаяния и иные обряды, сколько пана составляют штрафы за эти проступки) и фактически в отсутствие телесных наказаний, появляются в КА отнюдь не как следствие чрезмерного развития денежных отношений. Тем более что в II.15 подати в казну собираются в натуре. Может быть, денежные штрафы с их цифровым материалом вводятся в таком объеме в текст — классификацию/калькуляцию, потому что сами они становятся важным элементом классификации/калькуляции — счета?

Отчасти выше уже сказано, что в тексте такого рода преобразуются и термины/понятия. Концентрация мысли на ее предмете ведет к артикуляции, иссечению мысли и, значит, к появлению служащих для ее передачи разнообразных терминов-понятий, в том числе близких или смежных по значению. Их значимость в тексте и для текста заключается прежде всего в том, что соответствующие термины-понятия выступают в тексте знаками/символами. Это важно подчеркнуть, в частности, потому, что в научных работах часто встречаются попытки истолкования термина-понятия рационально, с позиции логики, присущей нормативно-регулятивному — «правильному» тексту, тогда как в действительности текст КА является знаковым даже в предписаниях нормативного характера, сложным образом оформляющим свое отношение к реальности с помощью символов/знаков. В частности, Р.П.Кангле в третьей части своей трилогии, посвященной «Артхашастре Каутильи»³, указывает, что «„Артхашастра“ — не теоретический трактат по науке политики... в своей основе она касается вопросов практического администрирования»⁴; «тип государственного контроля над экономикой, который предписывает этот текст, невозможен без эффективной администрации. Соответственно мы находим в нем описание сложного административного механизма»⁵. Именно в таком ключе, как образец деятельности государственной администрации, ниже⁶ описываются функции «наиболее значительных административных служащих» — *самнидхатра* и особенно *самахартра*. Так, в обязанность самахартра входит составление годового бюджета и ведение бухгалтерских книг⁷.

Древнеиндийское право, которое мы изучали по материалам КА⁸, и следовало — чего мы в тот момент не делали — рассматривать прежде

³ Kangle R.P. The Kauṭīlīya Arthaśāstra. Pt III. A Study. Bombay, 1965.

⁴ Ibid., p. 116.

⁵ Ibid., p. 194.

⁶ Ibid., p. 195 sq.

⁷ Ibid., p. 195.

⁸ Вигасин А.А., Самозванцев А.М. «Артхашастра». Проблемы социальной структуры и права. М., 1984, с. 181–213.

всего как конструкцию, модель, которая строится с использованием терминов/понятий/знаков. Тем самым вносятся соответствующие коррективы и в содержание самого понятия «древнеиндийское право», каким оно выглядит в КА.

Все дело в том, что в разных случаях текст организует материал, руководствуясь смыслом, отличным от того, что мы называем рациональным, логическим мышлением. Здесь могут сочленяться в том числе статусные и профессиональные, функциональные характеристики (как шудры и земледельцы в КА II.1.2), однако для текста эти характеристики какие-то иные. Функция текста здесь заключается в выстраивании рядов (классификаций) элементов в виде терминов/понятий/знаков, варьирующихся в контексте, в частности, с использованием устойчивых клише типа *дасакармакара*; они могут вступать и в известное противоречие друг с другом — с позиций рациональной логики. Именно выражение «дасакармакара» является, скорее всего, устойчивой в тексте клишированной характеристикой определенной категории людей, выделенной в этом качестве самим текстом. Это подчеркивает, в частности, текст II.25.9–10: испорченные опьяняющие напитки либо даются в качестве вознаграждения *дасакармакарам*, либо используются в качестве пойла скоту, или идут на корм свиньям. И сказанное выше объясняет, почему функциональные характеристики могут сочетаться в тексте с характеристиками статусными. И вообще различает ли текст КА статус и функцию? Возможно, статус здесь подразумевает функцию, как функция соответствует определенному статусу? Так, согласно КА III.13.9, принуждение «заложенного» (*āhitaka*) к выносу трупов, нечистот и отбросов, а женщин — к мытью голого мужчины, телесное наказание женщин и дурное обращение с женщинами влекут потерю ссуды, кормилицам же, служанкам, испошницам и прислужницам несут освобождение от зависимости. Очевидно, текст здесь не различает статусные и функциональные характеристики («заложенный» — кормилицы, служанки, испошницы и др.), которые, однако, имеют определенное соответствие между собой. Ниже (III.13.11) говорится о наказании того, кто сходится с кормилицей или «заложенной» (*dhātrimāhitikāṁ vā*). Статусные и функциональные признаки снова выглядят как однопорядковые, сближаются между собой, и это значит, что в тексте КА они не дифференцированы, а наряду с другими подобными признаками скорее иерархизированы. Место элемента в иерархии (иерархизированной классификации) предполагает наличие соответствующего статуса и его же соответствие определенной функции, и наоборот.

Для классификаций КА, на которых мы остановимся ниже, характерно также явление индуцирования текста, присущее индийской текстовой культуре в целом и сформировавшееся внутри ритуалистической культуры. Впервые оно было засвидетельствовано в поздневедийской литературе при описании *шраута*-ритуала, и одновременно оно отражало важные перемены, происходящие в обрядовой (шире — социальной) практике как таковой. В сущности, следует говорить о важнейших переменах в сфере

общественного сознания в целом. На ограниченном пространстве ритуала (будь то обрядовое действие или его описание текстом), как бы замкнутого на самого себя и воспроизводящего себя в качестве главного вида общественной практики, происходила чрезвычайная «концентрация» ритуала. Заключенный в своего рода «котел», ритуальный материал развивался только за счет внутренних средств и ресурсов, внутрь, в глубину, переходил в новое состояние своего рода «кристаллизации»; он артикулировался, расчленялся на множество сегментов, элементов, и элемент в виде действия/слова при этом мультиплицировался путем подключения к нему действий и слов, индуцированных из этого первого элемента, и так отдельный элемент давал толчок индуцированию из частного чего-то общего, более емкого, основанного на этом частном. Подобным образом создавались сложные модели-классификации, аналогичные классификациям КА. Последние складывались хотя и не на основе ритуального материала, но внутри той же ритуалистической культуры и характеризовались в том числе иерархизацией объектов — элементов классифицирования («высший», «средний», «низший»), количественными их подсчетами путем удвоения величин, деления их пополам и т.д.; в подобной организации материала кроется известный механицизм.

Упоминавшаяся выше и притом искусственная концентрация предписаний, трансформация жесткой информационной сетки в жесткую государственную волю с педантичной регламентацией всей жизни имеют еще одно важное следствие. Надо признать, что КА — это настолько специфический способ описания государства, что государство (и любой реально существующий объект описания) в подобном тексте не может быть в принципе отображено сколько-нибудь адекватным образом. Из сказанного не следует, конечно, что текст КА не отражает индийские реалии — в конечном счете мы в КА их и изучаем. Однако они появляются в КА как бы вопреки тексту в том смысле, что эти реалии предстают заключенными в сложную текстовую форму, которая сама нуждается в интерпретации. Что же касается регулятивной функции индийского государства, то к тексту КА здесь следует подходить в высшей степени критически и пользоваться им следует в высшей степени осторожно. Итак, КА органически неспособна дать адекватное представление об индийском государстве. КА как бы воздвигает перед этим государством глухую стену, и изучать государство по КА возможно не с помощью, но только как бы вопреки ее тексту.

Коль скоро гипертрофированно возрастает в тексте регулятивная роль государства, возрастает и число объектов, а вместе с ними — и субъектов такой регуляции. Однако не все объекты регуляции текстом могут быть объектами регуляции государством, и вводятся они в текст искусственно. Тогда возникает сильное подозрение, что в текст искусственно вводятся и некоторые субъекты регуляции. Это может означать, что выделенная текстом специфическая группа служащих-адхьякш существует и жизнедеятельна только в его пределах, но никогда не существовала в жизни реаль-

ных индийских государств, которые послужили основой для создания синтетического, собирательного образа государства КА. Объекты регуляции в КА обеспечиваются в этом случае субъектами в том числе и путем соединения обозначающих их терминов, как то: *kośa* («казна») + *adhyakṣa* («служащий, осуществляющий надзор»), в итоге *kośādhyakṣa* («служащий, осуществляющий надзор за казной»); *ākara* («рудник») + *adhyakṣa* («служащий, осуществляющий надзор») получается *ākarādhyakṣa* («служащий, осуществляющий надзор за рудниками») и т.д. Унификация терминов здесь подчеркивает нечто общее, объединяющее материал.

При этом нам кажется маловероятным факт существования в тех или иных конкретных индийских государствах специфических служащих — *адхьякши, махаматров, аматьев* и др., тем более организованных в своего рода группы-*варги*. Даже если бы они когда-нибудь действительно существовали, культура текста их совершенно бы преобразила (что в целом ряде случаев она и сделала с ними). Эти и подобные им термины обозначали в тексте понятия, ставшие стереотипами, и скорее были значимы внутри некой культуры текста, слова (как в той же КА), нежели были заимствованы из действительности. Кроме того, упоминание текстом *адхьякши* и иного служащего не доказывает факт «параллельного» («закадрового») существования служащего — носителя соответствующего термина: текст пользуется словом как клише, занимающим определенную семантическую нишу в том пространстве, которое формирует культура текста. Соответственно, помещенные в это пространство *адхьякши, махаматры* и *аматьи* перемещаются из текста в текст и из века в век вне реальных времени и пространства. Они — **фантомы**, ставшие реалиями культуры слова и никак не связанные с жизнью.

Центральной из глав книги II является глава II.6, содержащая роспись статей прихода (главным образом), а также расходов. Субъектами деятельности, на которых текстом возлагается распорядительная функция доставки поступлений в казну или совершения установленных той же росписью статей трат, здесь во многих случаях являются или должны быть *адхьякши*. Однако стоит только выйти за пределы классификации статей прихода и расхода и обратиться к предписаниям книги II КА как некой проекции этих статей, как выясняется, что в отдельных главах упоминаются *адхьякши*, неизвестные в росписи статей в II.6, не связанные с ними и косвенным образом, но имеющие свои объекты «надзора». Вместе с тем близкие по характеру предписания, касающиеся того или иного объекта регуляции (его части), могут включаться в разные рубрики (главы), отчего возникают противоречия следующего рода.

Так, в обязанность *самнидхатра* — «хранителя запасов» вменяется постройка помещений сокровищницы/казны и помещения для хранения товаров, кладовой, помещения для хранения лесных материалов, арсенала и тюрьмы (II.5.1). Текст выделяет две тюрьмы — *чарака* и *бандханагара* и различает их терминологически по ведомствам *судей-дхарматхов* и *махаматров* (II.4.5; IV.9.21–23, 27); именно в таком качестве воспринимает

их Р.П. Кангле⁹. Однако возможно, что оба эти ведомства и занятые в них функционеры появляются в тексте КА только потому, что здесь сказывается соответствующее членение материала текстом. Близкий к такому же тексту КА, излагающий *кантакашодхану* — «очищение от терниев» (как направление деятельности царя), текст «Ману-смрити» (IX.252 сл.) не упоминает ни аналогичные ведомства, ни распределенные по этим ведомствам тюрьмы. Тюрьмы в «Ману-смрити» не различаются не только с точки зрения «ведомственной» принадлежности, но и терминологически. Сказано лишь, что все тюрьмы следует располагать на главной улице (*bandhanāni ca sarvāṇi rājamārge niveśayet*).

Хотя в КА судьи-*дхармастхи* и *прадештары/махаматры* и выглядят как функционеры вполне полнокровно (III.1.1 и др., IV.1.1 и др.), именно выражение *kaṇṭakaśodhanāya nīyeta* в II.14.13, III.19.15 следует понимать именно в смысле «[дело] относится к кантакашодхане» — «очищению от терниев» как к рубрике текста (в II.14.13 делается отсылка к IV.10.1, в III.19.15 — к IV.11). Текст здесь звучит приблизительно так же, как и текст IV.1.57, 13.13, где он включает выражение *daṇḍapāruṣyaṁ vidyāt* — «[это] следует считать оскорблением силой», с отсылкой в обоих случаях к главе III.19. Впрочем, если текст действительно формулирует предписание так, что дело передается служащим — *прадештарам*, его и в этом случае не следовало бы понимать буквально.

Возвращаясь к сказанному выше, заметим, что из числа перечисленных объектов по меньшей мере «казна» (*коша*), «кладовая» (*коштхагара*), «арсенал» (*аюдхагара*) и тюрьма по ведомству махаматров (*бандханагара*) имеют собственных «служащих, осуществляющих надзор» за ними (II.11.1, 15.1, 18.1, IV.9.23).

Более предметно, в согласии с семантикой термина, функции самнидхатра описываются в II.5.8, 10, 13, 15: этот служащий занимается приемкой (вероятно, в казну) драгоценностей, лесных материалов, денег, зерна, товаров и оружия. Однако приемкой в казну драгоценностей и лесных материалов занимается также *кошадхьякша* (II.11.1). Контекст и особенно стих II.15.64 убеждают в том, что таким же образом занимается приемкой зерна *коштхагарадхьякша* — «служащий, осуществляющий надзор за кладовой», тогда как изготовлением, приемкой и хранением оружия ведаёт *аюдхагарадхьякша* — «служащий, осуществляющий надзор за арсеналом» (II.18.1–3).

Остается неясным, что здесь от реального разделения функций и что от разделения функций как приема организации материала, который подвергается классифицированию. Последняя мотивация, о чем мы еще будем говорить, здесь несомненно присутствует.

О конкретной деятельности *самахартра* — «собирателя доходов» трудно сказать что-либо определенное. Ясно только, что он занимается сбором доходов, и материал глав II.6, 35, сообщающий о его деятельности, пред-

⁹ Kangle R.P. The Kauṭīliya Arthaśāstra, p. 242.

ставляет спекулятивную по своему характеру роспись доходов/расходов, а в II.35 — и категорий плательщиков податей, надзор за которыми осуществляют соглядатаи. В самой общей форме о самахартре также говорится, что он занимается поддержанием порядка и в связи с этим — обузданием преступников, для чего пользуется услугами соглядатаев и подчиненных ему судей-прадештаров (II.35.7, IV.9.1). Но если основываться на материале глав II.5–6, 35, то здесь смущает, что номинации «самахартр» и «самнидхатр» представляют собой персонификации их функций — «собираателя» и «хранителя»: оба как бы смоделированы под свои функции, заданные им текстом.

Обратим внимание, что, согласно IV.4.2 (ср. IV.9.1), «собираатель доходов» вроде бы занимается «очищением от терниев» в пределах сельской местности. Однако из I.10.13 видно, что в его ведении находятся вовсе не дела, связанные с «очищением от терниев», а дела, сопряженные с материальной выгодой — *артхой* и материальными ценностями, и на такие же дела назначается «хранитель запасов». На дела же, сопряженные с «очищением от терниев», назначаются какие-то другие служащие. Кажется, текст подстраивает здесь функционеров под определенные функции соответственно заданным текстом характеристикам.

Самахартр («собираатель доходов») и самнидхатр («хранитель запасов») упоминаются в I.12.6 наряду с *мантрипаришададхьякшей* — «служащим, осуществляющим надзор за собранием советников». Последний служащий выглядит уже мифической фигурой. Список царских *бхритья* — слуг в V.3 подробнее, чем перечисление служащих в I.12.6, и их номинации во многом совпадают. В V.3.7 упоминается *мантрипаришад... пала*, видимо соответствующий *мантрипаришададхьякше*.

Такой же мифической фигурой кажется *акшатапаладхьякша* — «служащий, осуществляющий надзор за учетным ведомством» (II.7.1). Он искусственно включен в текст главы, материал которой близок к материалу главы II.6, в то время как главы II.7–9 являются логическим продолжением главы II.6, а главы II.5–9 в целом составляют единый в смысловом отношении блок текста, излагающего науку о доходах. Впечатление таково, что вся регулятивная функция акшатапаладхьякши сводится к постройке здания учетного ведомства (II.7.1), которое он строит так же, как самнидхатр строит сокровищницу и пр. и как строят помещения для своих служб и ведомств другие «служащие, осуществляющие надзор» (II.13.1, 21.1). Этот прием в организации материала кажется искусственным: аналогичным образом царь начинает «строительство» своего царства с постройки дворца и города (Апастамба-дхармасутра II.25.2), строительство столичного города — с постройки дворца (КА II.4.6–7).

В КА II.9.1 отметим указание начальной сутры, что для исполнения дел должны назначаться разного рода «служащие, осуществляющие надзор» — их количество, следовательно, должно быть пропорционально количеству дел, подлежащих исполнению. Однако функции кошадхьякши в II.11 отчасти совпадают с функциями самнидхатра, о чем уже говорилось

выше, и все содержание главы сводится к обширной классификации «драгоценностей, ценных и малоценных лесных материалов» (II.11.1). Несомненно, эта классификация и составляет то новое качество, которое позволяет оформить материал главы II.11 как отличный от материала главы II.5 и в виде отдельной главы. Вместе с тем указание в II.9.1 получает подтверждение в главе II.12. Вполне возможно, что имелся прообраз *ака-ра/кханьядхьякши* (II.12.1, 27) в виде некоего надсмотрщика за конкретным рудником, но уже сомнительно, что имелаась равновеликая с первым фигура *лаванадхьякши* — «служащего, осуществляющего надзор за солью» (II.12.28). Во всяком случае, деятельность последнего служащего описывается постольку, поскольку в главе II.12 выделяются отдельные топики — они же объекты регуляции, близкие по характеру к основному предмету главы — организации работы в рудниках (ср. II.12.27–28, 35–36). Вместе с тем эти топики — обработка металлов, чеканка монет, апробация монет, добыча, а затем последующая реализация соли, которыми ведают соответственно *лохадхьякша* (II.12.23), *лакшанадхьякша* (II.12.24), *рупадаршака* (II.12.25) и *лаванадхьякша*, — суть одновременно объекты регуляции, которые с легкостью могут быть перемещены из II.12 в главу другую и помещены в другой, хотя и близкий контекст. Так, обработка неблагородных металлов регламентируется в IV.1.36–43, а браковка монет — в IV.1.44–47. Напротив, сюжеты о драгоценных камнях, которые добываются путем промывки песка, и об их добыче в рудниках (*кхани-ратна*) вполне могут быть перемещены из КА IV.1.51–53 в II.12. Этого не происходит, и топики/объекты регуляции, следуя определенной логике, включаются в разные рубрики. Но важно отметить, что в книге «Адхьякшапрачапра» эти выделенные в одну сферу деятельности объекты регулируются адхьякшами, тогда как в книге IV КА — «Кантакашодхана» выделенные в другую сферу деятельности эти и аналогичные им объекты (обработка металлов, чеканка монет, апробация монет, добыча и реализация соли) регулируются, пусть не вполне последовательно, уже служащими-прадештарами (IV.1.1) или прадештарами в подчинении у самахартра (IV.9.1).

Обратим внимание, что в ряду адхьякш в главе II.12 стоит *рупадаршака*, т.е. «браковщик монет». Вероятно, его функция могла быть выражена словом *рупадхьякша*. Однако *darśaka* — «смотрящий за» — семантически значит то же, что и *adhyakṣa*, и тем самым все же выдерживается функция адхьякши как «служащего, осуществляющего надзор». С другой стороны, по-видимому, соответствующие терминологические обозначения «служащих, осуществляющих надзор» не могут в тексте выдерживаться строго. Об этом говорят употребленные соответственно в II.17.17 и II.18.20 лексические эквиваленты выражений *kuṛyādhyakṣa* («служащий, осуществляющий надзор за лесными материалами») и *āyudhāgārādhyakṣa* («служащий, осуществляющий надзор за арсеналом»), о чем мы будем говорить ниже.

Можно спорить о том, что общего и в чем различие между *суварнадхьякшей* — «служащим, осуществляющим надзор за золотом» (II.13.1) — и

сауварником — «золотых дел мастером» (II.13.2), коль скоро обязанности первого сводятся к организации ювелирной мастерской (II.13.1), а все прочие предписания в этой и последующей главах обращены ко второму, но примечательно, что деятельность золотых дел мастера в IV.1.26–34 описывается вне какой бы то ни было связи с деятельностью какого бы то ни было адхьякши. Близость предписаний в этих двух книгах (II и IV) здесь очевидна; ее подчеркивает отсылка II.14.13 к сфере «Кантакашодхана». Но если в последней в центре внимания составителя находится хищение золота как наказуемый проступок, то в сфере «Адхьякшапрачара» та же тема раскрывается через описание «технологии» хищения благородных металлов во время их обработки ремесленниками (см. особенно II.14.18–55).

Далее, текст главы II.15 строится так же, как текст главы II.11, — в виде классификации, и, соответственно, *коштхагарадхьякша* — «служащий, осуществляющий надзор за кладовой» (видимо, царской — см. II.15.22) — вводится в текст в качестве номинальной фигуры. *Паньядхьякша* — «служащий, осуществляющий надзор за торговлей» (II.16.1), видимо, ведает торговлей царскими товарами (II.16.4, 8–9; в II.4.14 упоминается «помещение для хранения товаров» — вероятно, царских). Однако он не может заниматься этим одновременно в собственной стране (конкретные предписания на этот счет содержатся в II.16.14–17) и в стране чужой, выступая в последнем случае в роли обычного караванщика (II.16.18–25). Эта контаминация указывает на искусственность образа паньядхьякши как специфического служащего, ведающего торговлей хотя бы даже в пределах локальной территории. Возникшие сомнения усиливаются, если принять во внимание, что текст КА выделяет еще одного специфического адхьякшу, ведающего торговлей опьяняющими напитками, — *сурадхьякшу* (II.25). Под его надзором, оказывается, находятся как обычные, так и особые царские торговцы (ср. II.25.39). Завершая характеристику предписаний, регламентирующих торговлю (а в контексте сбора пошлин тот же предмет разбирается в II.21–22), заметим, что деятельность торговцев уже с оттенком наложения на них кар за соответствующие проступки рассматривается и в книге IV КА. Ею здесь руководит тоже адхьякша — «служащий, осуществляющий надзор за рынками или за отдельным рынком» — *паньястхадхьякша* (IV.2). Между прочим, он занимается проверкой весов и мерных сосудов (IV.2.2), в то время как в книге II КА это входит в компетенцию «служащего, осуществляющего надзор за правильностью весов и мер» — *паутавадхьякши* (II.19.1, 40–42).

Встает закономерный вопрос: что реального и что идеального кроется в описаниях деятельности разных служащих, осуществляющих надзор за торговлей, в которых торговля как объект регуляции государством подвергается артикуляции? Искусственная роспись материала, объясняющаяся включением его в разные рубрики, не может не наводить на мысль о в значительной мере искусственном характере адхьякш, которые являются в этих рубриках субъектами регуляции.

Текст глав КА II.17–18 строится совершенно так же, как II.11, и к нему относятся приведенные выше замечания.

Паутавадхьякша — «служащий, осуществляющий надзор за правильностью весов и мер», как и некоторые другие адхьякши (и это показательно), упоминается только в начале главы (II.19.1); в ее основном тексте предписания формулируются в безличной форме. Этому служащему полагается разбираться также в мерах пространства и времени в II.20.1, после чего приводится классификация этих мер. Тут (и это примечательно), так как объект регуляции (материал) задает, создает функцию его субъекту, «служащий, осуществляющий надзор за правильностью весов и мер» (*паутавадхьякша*, II.19.1) превращается в «служащего, осуществляющего надзор за мерами» (*манадхьякшу*, II.20.1), подразумевается, что за мерами пространства и времени. Видимо, имеется в виду один и тот же адхьякша: *манадхьякша* в КА, в отличие от *паутавадхьякши* (II.13.28, 19.42, ср. II.4.7, 6.2, IV.2.2), больше не упоминается. В комментарии Бхаручи к «Ману-смрити» VII.81 в перечислении адхьякш между *аюдха*- и *шулкадхьякшами* помещен *туладхьякша*, т.е. «служащий, осуществляющий надзор за весами», он же *паутавадхьякша* КА. Тем самым фигура одного и того же адхьякши в КА II.19–20 раздваивается сообразно тому, как раздваивается предмет его надзора. Считаем нужным повторить: фигура этого адхьякши в чистом виде демонстрирует реализацию принципа: объект регуляции нуждается в соответствующем субъекте. Сопоставление с текстами «Ману-смрити» I.64, VIII.136–137 и «Яджнавалкья-смрити» I.362–365, в которых описание мер времени (в «Ману-смрити») и веса (в «Ману-смрити» и «Яджнавалкья-смрити») не нуждается во введении в текст такого субъекта, подсказывает, что в КА его введение в текст только прием в организации материала.

В отношении *шулкадхьякши* — «служащего, осуществляющего надзор за сбором пошлин» (II.21–22) — следует заметить, что к нему (и это сравнительная редкость) обращено несколько конкретных предписаний (II.21.1, 26, 28–29). И в целом текст главы II.21 содержит конкретные предписания, тогда как текст главы II.22 оформлен как классификация, лишен какого-либо субъекта действия (*шулкадхьякша* упоминается только в заголовке и колофоне главы) и как бы «пристегнут» к тексту главы предыдущей. Здесь смущает, что «служащий, осуществляющий надзор за сбором пошлин» выглядит как фигура, более или менее равновеликая соглядатаю, и действует он аналогично соглядатаю (II.21.26–29; см. особенно II.21.29). Даже на фоне того, что в Индии в условиях политической раздробленности пошлыны взимались многочисленными местными «владельцами» (*шулкадхьякша* же взимает пошлыны с торговцев не на границе государства, а в городе — II.21.1, 23; ср. II.6.2), соответствующие предписания в II.21 выглядят чересчур зарегламентированными. К тому же, аналогично паньядхьякше, *шулкадхьякша* выступает в двух лицах — сборщика пошлин, имеющего штат подчиненных ему служащих (II.21.2) и способствующего укрывательству товара (II.21.14), а также служащего, функ-

ции которого близки к функциям соглядаты и который действует за пределами города (ср. II.21.17, 29–30). Разумеется, это невозможно, если речь идет о служащем с четко прописанными функциями.

При некоторой неясности характера пошлин в II.22.1–2 (в II.22.3–7 перечислены только ввозные пошлины) очевидно, что это перечисление включает все виды пошлин. Однако из КА II.21.24, VIII.4.34 видно, что взимание пошлин на границе является прерогативой пограничной охраны (охранителя границ). Кроме того, предписания в II.22.10–14, составленные в духе глав IV.9–10, явно не могут быть обращены к «служащему, осуществляющему надзор за сбором пошлин». Тем самым размытость материала и предписаний глав II.21–22 внушает некоторые сомнения в том, что шулкадхьякша — образ не собирательный, а имеющий некую первооснову.

Именно конкретность и органичность материала глав II.23–24, посвященных деятельности *сутрадхьякши* — «служащего, осуществляющего надзор за прядильным делом», и *ситадхьякши* — «служащего, осуществляющего надзор за земледельческой продукцией», заставляют думать, что имелись соответствующие служащие, ведавшие царскими мастерскими (и не обязательно прядильными) и земледельческими угодьями, хотя тексты обеих глав, не будучи оформленными как классификации, тем не менее классифицируют материал. Вопрос об адекватности соответствующих предписаний деятельности конкретных служащих в реально существовавших индийских государствах здесь не стоит в принципе. Во всех случаях имеются в виду по-своему важные оттенки и особенности стиля, того, как подается материал.

От текста глав II.23–24 отличается текст главы II.25, где описывается деятельность *сурадхьякши* — «служащего, осуществляющего надзор за торговлей опьяняющими напитками». В отличие от глав II.23–24, в которых деятельность соответствующих адхьякш прослеживается по отдельным ремаркам внутри текста (II.23.11, 17, 24.17, 31), сурадхьякша только упоминается во вводной сутре главы II.25. Действующими лицами здесь являются главным образом торговцы опьяняющими напитками (II.25.1, 14–15, 39). Это их деятельность нуждается в соответствующей регуляции адхьякш. Значительную часть этого текста составляет классификация, которая выглядит как перечисление рецептов приготовления напитков (II.25.16–34). Текст главы имеет в виду регламентацию производства, реализации и даже потребления напитков всех типов всеми лицами, везде и повсюду и с учетом всех сопутствующих обстоятельств. Но именно потому, что текст сообщает на сей счет «всё и вся», есть основания сомневаться в том, что эти «всё и вся» могут быть предметом ведения одного служащего. Как субъект деятельности и регуляции объекта он вводится в текст, конечно, искусственно.

Текст главы II.26, названной «Сунадхьякша» («Служащий, осуществляющий надзор за убийством живых существ»), явственно делится на две части. В первой части содержатся предписания, касающиеся убийства и причинения иного вреда живым существам (II.26.1–6; см. также II.26.14;

ср. IV.10.3–5). Во второй части имеются предписания, касающиеся продажи мяса животных (II.26.7–13), уместные в контексте главы IV.2, однако включенные в главу II.26, материал которой объединен рубрикой «суна» в значении «всё, что касается убийства живых существ». Не исключено, что надзиратель за царским заповедным парком мог послужить каким-то прообразом для служащего, осуществляющего надзор за убийством живых существ, в некоторых предписаниях главы (II.26.1, 4–6, 14). Но специфический «служащий, осуществляющий надзор за убийством живых существ» (причем как в пределах царского заповедника, так и вне его), а равно контролирующий продажу мяса животных на рынке, — фигура явно собирательная и вымышленная. Кажется нелишним напомнить, что среди *дхарм*, «общих» для индуистов всех *варн* и *ашрам*, фигурирует «ненасилие» (I.3.13). Материал главы II.26 демонстрирует реализацию этой дхармы на практике.

Материал главы «Ганикадхьякша», излагающей обязанности «служащего, осуществляющего надзор за гетерами» (II.27), напротив, сходен по своему характеру и оформлению с материалом глав II.23–24. Возможно, что деятельностью царских гетер — а именно о них идет речь в тексте (см. II.27.3–4, 7–8, 19, 28) — ведал какой-то царский служащий, с тем, разумеется, уточнением, что он не назывался *ганикадхьякша*. Однако и здесь текст «достраивает» реальность, причем включает предписания, не имеющие какого-либо отношения к деятельности ганикадхьякши. Они появляются в тексте, потому что он строится «по аналогии»: здесь сообщается «всё» о гетерах (в том числе об уголовных деликтах, совершаемых гетерами и по отношению к гетерам), но сообщается также и о женщинах, чье поведение напоминает, в представлении компилятора, поведение гетер, — о женах актеров, танцоров и др. И уже в этой связи в композицию главы вводится любопытный текст (см. II.27.25–26).

Столь же любопытен, но уже в другой связи заключительный в главе II.28 стих II.28.27. Если рассматривать его как подытоживающий все ранее сказанное, то выясняется, что это сказанное, по сути, относится к деятельности скромного перевозчика через реку или иной водоем (II.28.15–25, 27). К слову сказать, именно деятельность перевозчика в ее фискальном аспекте освещается в таком сравнительно раннем тексте, как «Васиштха-дхармасутра» XIX.22–25. Такой же, но более емкий фрагмент содержит «Ману-смрити» VIII.404–409. По разумению составителя, все упомянутые им правила относятся к переправе через реку; для моря нет аналогичного правила (Ману-смрити VIII.406). В КА, напротив, весьма многочисленны и разнообразны правила, касающиеся не только путешествующих по морю, но и живущих в приморских селениях, и в том числе в портовых городах (II.28.1–12). Здесь «служащий, осуществляющий надзор за судоходством» — *навадхьякша*, чьи обязанности разбираются в главе, взимает сборы за аренду царских судов, а также торговые пошлины, плату за провоз на царских судах, оказывает помощь терпящим бедствие кораблям и, возможно, снаряжает в плавание царские корабли. Он также отра-

жает набеги пиратских кораблей. Ко всему прочему навадхьякша должен координировать свою деятельность с деятельностью *паттанадхьякши* — «служащего, осуществляющего надзор за торговыми гаванями» (II.28.7), и одновременно, как уже говорилось выше, в его обязанность входит перевоз людей и скота через реку. Эта последняя функция навадхьякши в ее редуцированном виде и отображена в дхармашастрах. Как бы мы ни относились к фигуре «служащего, осуществляющего надзор за торговыми гаванями», и еще одного служащего (*adhyakṣaścaīṣām* — II.28.6), осуществляющего надзор за теми, кто занимается промыслом раковин и жемчужин (*śaṅkhamuktāgrahiṇo* — II.28.5), приходится признать, что навадхьякша — никогда не существовавший в реальности фантом, призванный по воле компилятора и следуя продуманному плану ведать всем тем, что движется по воде — морской и речной.

Между прочим, текст главы II.28, как и главы II.12, показателен еще и в том отношении, что подтверждает: множественный и сложный по типу регуляции объект регуляции нуждается, видимо, в нескольких субъектах регуляции. Соответственно, в II.12 упоминается пять таких субъектов (в том числе четыре адхьякши), а в II.28 — три.

Что касается текста главы «Го адхьякша» — «Служащий, осуществляющий надзор за скотом» (II.29), то он в большей (II.29.1–15, 43–48) или в меньшей степени (II.29.16–42) представляет собой классификацию, а тексты глав «Ашвадхьякша» («Служащий, осуществляющий надзор за лошадьми» — II.30), «Хастьядхьякша» («Служащий, осуществляющий надзор за слонами» — II.31) и «Хастипрачара» («Обращение со слонами» — II.32) — классификации в чистом виде. «Служащие, осуществляющие надзор» в II.29–31 упоминаются только во вступительных сутрах, текст же глав оставляет впечатление оформленного в единый, в смысловом отношении законченный блок. Во всех этих главах, в частности, присутствует под рубрика «Питание животных» (II.29.43–46, 30.8–26, 31.11–15).

Часть предписаний в II.29 (сутры 16–19, 30) диссонирует с остальными как обращенными к «служащему, осуществляющему надзор за скотом», круг обязанностей которого четко очерчен в II.29.1. Субъектами действия в основной части текста выступают пастухи (II.29.20–26); некоторые предписания (II.29.24–25) соответствуют здесь таким же предписаниям в дхармашастрах (Ману-смрити VIII.232–234 и др.); видимо, как и в дхармашастрах, здесь подразумеваются договорные отношения между пастухами и хозяевами скота — разумеется, вне какой-либо связи с деятельностью особого царского служащего.

В трех следующих главах под рубрики текста выстроены по единому плану: после преамбул, в которых формулируются обязанности адхьякш (II.30.1, 31.1; преамбулы четко выделены также в II.6.1, 11.1, 12.1, 13.1, 15.1, 16.1, 19.1, 20.1), идут предписания касательно устройства конюшни и слоновника (II.30.4–7, 31.2–4), питания животных (II.30.8–26, 31.11–15), разновидностей лошадей и слонов и способов их передвижения (II.30.27–41, 32.1–10), а также относительно принадлежностей и штата «служащих,

осуществляющих надзор» за лошадьми и слонами (II.30.42–48, 32.11–20). Завершает все это перечисление проступков служителей (II.30.45–48, 32.19–20). То, что предписания, обращенные ко всем этим «служащим, осуществляющим надзор», строятся по шаблону, подтверждает то обстоятельство, что обе композиции завершаются стихами, в которых говорится об устройстве церемонии *нирадджана*: она совершается, дабы умиротворить злые силы, угрожающие лошадям и слонам (II.30.51, 32.21).

Обратим внимание на то, что в II.2.7 упоминается особый *нагаванадхьякша* — «служащий, осуществляющий надзор за лесами для содержания слонов». Он охраняет эти леса так же, как это делает *хастьядхьякша* (II.31.1), но маловероятно, что семантика обоих терминов имеет в виду какое-то реальное разделение функций. Не вызывает сомнения искусственность текста глав II.29–32, в которые служащие-адхьякши вводятся в качестве номинальных субъектов регуляции. Но в качестве такого же субъекта вводится в текст главы «Бхумиччхидрапидхана» — «Обустройство малоценной земли» (II.2) — и нагаванадхьякша. В этой главе предметом классифицирования являются леса и в связи с этим — все, что относится к лесам, предназначенным для содержания слонов.

Что касается главы II.33, то в ней упоминается служащий *сенапати*. Заметим тут же, что, хотя военачальники отдельных родов войск и могут называться адхьякшами (II.4.11, V.3.11), они же могут обозначаться термином *mukhya* («глава», «начальник» — II.4.29; ср. X.3.45), возможно, и как *rāla* («охранитель», «владыка» — I.12.6). В термине «адхьякша», следовательно, нет ничего специфического, что указывало бы на функцию отдельного служащего или группы таких служащих, деятельность которых является предметом книги II КА. Что же касается царских служащих *сенапати* («военачальник»), *самахартр* («собиратель доходов») и *нагарика* («градоначальник»), то семантика всех трех терминов, казалось бы, указывает на их функциональное назначение. Однако включением обращенных к ним предписаний в композицию книги II КА подчеркивается, что и они в чем-то подобны служащим-адхьякшам, что размывает группу последних и делает ее в статусном отношении неопределенной.

И наконец, следует отметить, что формализованный текст II.33 представляет собой классификацию.

Глава II.34 описывает деятельность *мудрадхьякши* — «служащего, осуществляющего надзор за печатью» (II.34.1–4) и *вивитадхьякши* — «служащего, осуществляющего надзор за землями, предназначенными для выпаса скота» (II.34.5–12). Предписания, обращенные к первому из них, — наглядный пример «достраивания» государства текстом: связный текст формулирует норму, которая не соответствует действительности и никогда не применялась на практике.

Хотя предписания, обращенные к «служащему, осуществляющему надзор за землями, предназначенными для выпаса скота», по отдельности и выглядят правдоподобно, фигура вивитадхьякши вводится в текст так же искусственно, как и фигура мудрадхьякши, по принципу: объект регуля-

ции нуждается в регуляции — следовательно, он получает своего субъекта регуляции. Этот вывод напрашивается сам собой, так как объект регуляции — *вивита* — отнюдь не конкретное пастбище и во многих случаях, видимо, не пастбище вообще. Этим термином-понятием обозначается все пространство между деревнями (II.34.6), все необрабатываемые земли, которые могут использоваться для выпаса скота (II.2.1). В этом смысле *вивита* — это значительная часть бросовой земли, которая отличается по своему назначению от земледельческих угодий (ср. VIII.4.38) и от собственно пастбища (*гопрачара* — II.29.40), хотя последнее и может покрываться понятием «вивита» (III.9.23, 25). К слову сказать, «споры» по поводу лесов, предназначенных для аскетов, а также по поводу *вивиты*, больших дорог, кладбищ, храмов, жертвенников и святых мест (III.9.23) должны восприниматься не в юридическом, а в сугубо классификационном контексте — текст здесь подключен к предыдущему и занимается каталогизацией объектов споров «по аналогии» с такими же объектами споров в виде границ деревень и полей. Столь же схоластическим, но уже по-иному выглядит перечисление объектов в III.9.25, в которое тоже включена *вивита*.

Но именно потому, что *вивита* — это не культурные пастбища для скота, а земли, которые в хозяйственном отношении только могут использоваться для выпаса скота, включая сюда леса (ср. II.29.21–22), *вивита* превращается в необъятную по своему размеру территорию, отчего и круг обязанностей служащего, осуществляющего надзор за *вивитой*, становится безграничным: он проверяет печати на въездных и выездных документах (хотя ставит их не он, и, кроме того, в II.34.3–4 печати вроде бы проверяет «служащий, осуществляющий надзор за печатью»); очищает леса от разбойников; устраивает источники воды и оросительные сооружения; уведомляет царя о вторжении в страну врагов (очевидно, находясь в этом случае где-то на окраине страны); обеспечивает города «средствами существования», добываемыми в лесах с полезной древесиной (как то делает в II.17.17 *купьядхьякша* — «служащий, осуществляющий надзор за лесными материалами») и в лесах для содержания слонов (которыми в той же книге II ведает в II.2.7 сл. особый *адхьякша*). Кроме того, *вивитадхьякше* вменяется в обязанность собирать подорожные подати (аналогично пограничной охране в II.21.24), подати на сопровождение караванов, а также охранять скот и торговлю! *Вивитадхьякша* становится таким образом совершенно мифической фигурой, которую понадобилось ввести в текст, поскольку объект регуляции — *вивита* — нуждался в дополнении в виде соответствующего субъекта.

Примечательно, что стоит пренебречь этой классификацией и обратиться к каким-то конкретным предписаниям, сколько-нибудь коррелирующим с реалиями жизни, как с *вивитадхьякшей* происходит та же история, что и с *тарикой* — перевозчиком: судя по КА IV.13.9–10, первый из них (если он вообще существовал) имел какой-то прообраз в служащем, осуществлявшем на местах полицейские функции, близкие к функциям служащего, именуемого *гаджика*. Но внутри классификации столь обшир-

ного объекта регуляции, как вивита, когда артикулируется все то, что в пределах этого объекта может быть объектом артикуляции, соответствующим образом множатся и функции вивитадхьякши.

Следующие две главы — II.35 (включает разделы «Деятельность собирателя доходов» и «Деятельность соглядатаев под видом домохозяев, торговцев и аскетов») и II.36 («Деятельность градоначальника») — завершают композицию книги II не случайно. Важное указание здесь содержит сутра II.35.13: находящимся в ведении собирателя доходов соглядатаям полагается располагать сведениями о честности и нечестности, в том числе и «служащих, осуществляющих надзор» — тех самых, в ведении которых находятся, в свою очередь, государственные доходы (главным образом), а также расходы. Последние расписаны по отдельным статьям/рубрикам, внутри которых распределен материал книги «Адхьякшапрачара» — «Сфера деятельности служащих, осуществляющих надзор».

Если руководствоваться росписью статей поступлений в казну в II.6, то окажется, что таковые доставляются прежде всего городом (II.3–4, 6.2) и сельской местностью (II.1, 6.3). Прочие поступления доставляются рудниками, оросительными сооружениями, лесами, стадами скота и торговыми путями (II.6.1, 4–8). Соответственно строится и материал глав II.35–36.

Самахартр («собиратель доходов») фиксирует в главе II.35 все те сведения, которые касаются деревень, номенклатуры земельных участков, а также разных категорий сельских жителей, под одним углом зрения: сколько и каких податей можно собрать с сельской местности (II.35.1–7; см. особенно II.35.4). В центре внимания здесь поэтому доходы и расходы плательщиков податей (II.35.3, 5, 7, 9). Точно так же вся деятельность подчиненных самахартру служащих направлена на достижение одной цели — организации работ и сбору податей с сельской местности (II.35.7).

В следующем разделе главы, посвященном деятельности соглядатаев в пределах сельской местности, соглядатаи собирают сведения о размерах податных поступлений с деревень, а равно о плательщиках податей (II.35.8–10).

В дальнейшем текст главы, регламентирующий деятельность соглядатаев, имеет в виду сбор сведений о поступлениях в казну по следующим статьям, роспись которых содержится в главе II.6:

поступления, доставляемые рудниками (II.6.4 → II.35.11);

поступления, доставляемые оросительными сооружениями (II.6.5 → II.35.11);

поступления, доставляемые лесами (II.6.6 → II.35.11);

поступления, доставляемые торговыми путями (II.6.8 → II.35.12).

В неявной форме имеется также параллель между поступлениями, доставляемыми стадами скота, и сведениями, которые добывают соглядатаи относительно честности и нечестности пастухов (II.6.7 → II.35.13).

Следовательно, текст значительной части главы II.35 являет собой проекцию на него классификации статей прихода в II.6.1–8, деятельность

же подчиненных самахартру служащих, включая соглядатаев, представленная в виде однотипной с II.6.1–8, но содержательно отличной от нее классификации, призвана способствовать наполнению статей прихода (II.35.1–13).

Если сбор поступлений по статьям прихода в II.35.3–8 контролируется «собирателем доходов» (самахартром) и его служащими, причем в IV.4.1 эта деятельность самахартра, описанная в II.35, квалифицируется как «охрана сельской местности», то контроль за сбором поступлений по статье прихода — «поступления, доставляемые укрепленными городами» (II.6.2) — осуществляет в II.36 *нагарика* — «градоначальник». Здесь он таким же образом «охраняет» город, как «собиратель доходов» — сельскую местность. Текст главы II.36 и строится так же, как текст главы II.35: сначала речь идет об административном делении сельской местности и города на четыре части (II.35.1, 36.4); каждой из этих частей ведает служащий-*стханика* (II.35.6, 36.4); объединениями деревень в количестве пяти или десяти (в сельской местности) или объединениями семей в количестве 10, 20 или 40 (в пределах города) ведает служащий-*гона* (II.35.3, 36.2).

В главе II.36 в отличие от предыдущей почти нет текстуальной близости с росписью статей прихода в главе II.6, но место, занимаемое обеими главами в композиции книги II, с одной стороны, и текстуальная близость II.35.1 сл. и II.36.1–4 — с другой, подсказывают, что компилятор хотел проиллюстрировать материалом главы II.36 уже знакомую идею: следует обеспечить поступления в казну, доставляемые укрепленным городом (II.6.2). Другое дело, что, в отличие от главы II.35, об этом говорится в явной форме только в сутре II.36.3 (ср. II.35.5); последующий текст как бы прилагается к предыдущему, представляющему собой вступление к главе (II.36.1–4, 5–47).

Этот последующий текст главы II.36 отличается от текста главы II.35 тем, что демонстрирует не классификацию в чистом виде, организующую в главе II.35 материал в аспекте «охраны сельской местности» для обеспечения поступлений с нее в казну, а классификацию путем росписи предписаний, регламентирующих жизнь города. Обычно именно классификация последнего типа примечательна тем, что демонстрирует «достраивание» государства текстом, когда государство становится множественным объектом регуляции. На искусственность предписаний, выстраивающих модель городской жизни внутри рубрик — обязанности домохозяев (II.36.5–12), соглядатаев (II.36.13–14), меры, предупреждающие появление огня (II.36.15–25), меры, предупреждающие появление в городе мусора, нечистот и пр. (II.36.26–33), «ночная» жизнь города (II.36.34–42), — указывает, в частности, искусственность многих цифр, и особенно кратных величин денежных штрафов (II.36.2, 16, 22–23, 26–28, 30, 35, 41).

Фигура *дьютадхьякши* — «служащего, осуществляющего надзор за игрой в кости», о котором говорится в книге III КА (III.20.1), правдоподобна с той точки зрения, что, конечно, в Индии имелись игорные дома и были лица, которые их содержали. Но эти игорные дома не были царски-

ми; хозяин игорного дома только отдавал царю положенную ему долю дохода (Яджнавалкья-смрити II.200, Нарада-смрити XVII.2). Однако того, что игорный дом приносил доходы в царскую казну, оказалось достаточно для превращения хозяина игорного дома — *сабхики* (Яджнавалкья-смрити II.199, Нарада-смрити XVII.2, 5) в служащего царя и адхьякшу. Последний не стоит в одном ряду с другими адхьякшами в книге II КА по той причине, что игра в кости традиционно рассматривается как в дхармаштрах (Яджнавалкья-смрити II.199–203, Нарада-смрити XVII), так и в самой КА в качестве одного из поводов судебного разбирательства. Соответственно, игра в кости оказывается включенной в еще одну макрорубрику, организующую в КА текст и материал ее книги III, именуемой «Дхармастхия» — «Сфера деятельности судей-дхармастхов» (см. III.1.1).

В IV.2.1 вводится еще один субъект регуляции — *самстхадхьякша* — «служащий, осуществляющий надзор за рынками». Он не рассматривается наряду с адхьякшами в книге II, так как объект регуляции («рынки») включен в еще одну макрорубрику — «Кантакашодхана» («Очищение от терниев»). Семантика последней отлична от семантики, позволяющей объединить в единое целое материал книги II КА: если «Адхьякшапрачара» ориентирована на деятельность служащих, сведущих в науке о хозяйстве (I.5.8), то книга IV КА, «Кантакашодхана», — на удаление терниев из плоти государства (IV.1.1, 65, 9.28), включая сюда беды, насылаемые судьбой, от которых следует охранять страну (IV.3.1–2). Неожиданным образом *самстхадхьякша*, осуществляющий надзор за местами торговли (IV.2.1), превращается в *паньядхьякшу* (IV.2.26, 33). По-видимому, речь идет об одном и том же служащем, но знак *самстха* («торговое место») поменялся на знак *панья* («товар»), так как приблизительно начиная с сутры IV.2.19 в тексте главы говорится уже не о «закладе или продаже» вещей, изделий, продуктов — и в этом смысле товаров (IV.2.1, 15–16), которыми торгуют ремесленники (IV.2.18), а о товаре, которым торгуют, пользуясь весами и мерами (IV.2.20). Это в собственном смысле слова купцы, торговцы, которые торгуют «зерном и товаром» (IV.2.25, 27). Поэтому с *самстхадхьякшей* произошло приблизительно то же самое, что и с *паутавадхьякшей*, ставшим *манадхьякшей* (II.19–20): фигуры всех адхьякш знаковые в том смысле, что сочетают в себе субъекта и объекта регуляции. Такими объектами регуляции являются в КА IV.2, в частности, торговля и товары. Они получают своего *адхьякшу* так же, как *адхьякша* соединяется с товаром в II.16, хотя функции обоих «служащих, осуществляющих надзор» различны. Это важно отметить: знак «товар» (*панья*) создает фигуры двух *паньядхьякш*, чьи функции различаются в зависимости от характера материала, который оформляет текст. В этом смысле знак «товар» и ему подобные важнее фигуры «служащего, осуществляющего надзор» — не будь товара (*панья*), не было бы и *паньядхьякши*.

Аналогичным образом в текст книги V КА, «Йогавритта» — «Поведение с применением утонченных средств», вводится в качестве персонажа *деватадхьякша* — «служащий, осуществляющий надзор за храмами»

(V.2.38 сл.). Из контекста видно, что он — один из соглядатаев-провокаторов, применяющих «утонченные средства». Только в теории он может извлекать какую-то материальную выгоду из посещения верующими храмов и мест паломничества (см. классификацию поступлений, взимаемых с укрепленных городов, в II.6.2). Однако в чем-то специфический объект регуляции — храмы, места паломничества и пр. — нуждается, с точки зрения компилятора, в своем субъекте регуляции и получают его.

Из сказанного выше следует, что ряд адхьякш в книге II КА — искусственный по своему происхождению: адхьякши могут (по большей части) объединяться текстом в единую группу по определенному признаку, в пределах одной макрорубрики, но могут включаться в макрорубрики другие, отличные друг от друга. «Адхьякша», как и многие термины в КА, выглядит термином техническим (ср. семантику близкого по значению термина *adhikāra* в I.15, II.7, 10 — в названиях глав, *adhikārika* — в названиях книг I и VIII, а также *adhikāra* в — в I.14.2, II.9.36, 27.16 и т.д.). Семантика самого термина «адхьякша» предполагает только привязку субъекта к объекту — разумеется, при том условии, что первый поставлен «над» последним и занимается его регуляцией — руководством, управлением и т.д. в том специфическом смысле, который вкладывает сюда текст. Содержание этой регуляции заключается в том, что адхьякша — это главным образом тот служащий, который доставляет государству *пхала* — материальный плод, результат человеческого труда, прежде всего в виде поступлений в казну. Именно так поступают дьютадхьякша, самстхадхьякша и деватадхьякша, чья деятельность описывается в рамках разных макрорубрик, но все они оказываются служащими, обеспечивающими часть поступлений, доставляемых в казну укрепленным городом (II.6.2). Но главным образом *пхала* — это, разумеется, приход или, если быть корректным в использовании терминологии КА, «чистый доход» (II.6.27). Его и обеспечивают адхьякши (II.7.17–21), и не случайно в КА I.19.12 приемка царем денег и назначение им адхьякш оказываются связанными текстуально.

На искусственность образования термина «адхьякша» указывает и то, что адхьякшами могут считаться или приравниваться к ним служащие, имеющие в тексте собственные обозначения: сенапати — «военачальник» (II.33.9–11), нагарика — «градоначальник» (II.36), самахартр — «собира-тель доходов» (II.6) и самнидхатр — «хранитель запасов» (II.5). То, что термин «адхьякша» не несет в себе никакого особого качества, кроме чисто технического, доказывает и то, что он может быть заменен другим термином. Так, купьядхьякша («служащий, осуществляющий надзор за лесными материалами») именуется в II.17.17 купьопадживином, а аюдхагарадхьякша («служащий, осуществляющий надзор за арсеналом») в II.18.20 — аюдхешварой. За пределами текста книги II, в V.3.7, 11, мантрипаришадхьякша («служащий, осуществляющий надзор за собранием советников») и хастиванадхьякша («хранитель лесов для содержания слонов») названы, видимо, мантрипаришадпала и хастиванапала.

Мы уже отмечали и тот любопытный факт, что параллельные предписания с употреблением одной и той же лексической конструкции обращены в КА как к «хранителю запасов» — самнидхатру (II.5.8), так и к «служащему, осуществляющему надзор за казной» — кошадхьякше (II.11.1). В последнем случае не исключено, что если и существовал прообраз такого служащего, то в тесте он мультиплицировался, поскольку в текст пришлось ввести двух субъектов, управляющих в чем-то отличными друг от друга объектами регуляции соответственно в II.5 и II.11.

Нет сомнения, что в разных индийских государствах имелись служащие, которые терминологически обозначались по-разному. Однако здесь было бы недостаточно сказать, что выстраиваемая модель индийской государственности КА никак не ориентирована и не может быть ориентирована на практику жизни какого-то конкретного индийского государства. Текст КА оперирует терминами, ставшими «техническими» — символами/знаками, предназначенными для передачи идей, превратившихся в застывшую теорию. В частности, проведенное исследование позволяет заключить, что во многих случаях искусственное введение в текст номинации «адхьякша» в макрорубрике КА «Адхьякшапрачара» и обозначаемого ею служащего (субъекта регуляции) — это только прием организации материала путем выстраивания однопорядковых элементов. Особое качество материала, позволяющее объединить предписания книги II КА в единую макрорубрику, задано в КА I.5.8: у служащих-адхьякш следует учиться науке, именуемой «вартта» — наука о хозяйстве. Судя по рубрикам, формулирующим предмет глав II.6, 8, квинтэссенцией этой науки является все то, что связано с государственными доходами, расписанными по отдельным статьям в тех или иных классификациях.

Государство и общество в древнем Китае

Специфика естественно-географических условий в значительной мере определила ряд важных особенностей зарождения и становления древнекитайского государства. Разнообразие природных зон и ландшафтов, наличие меридиональных и широтных горных цепей обусловили образование на территории Китая локальных экологических систем, что способствовало возникновению здесь множества обособленных этнокультурных ареалов. Однако их замкнутость не была абсолютной, контакты и взаимные влияния культур как в пределах Северного и Южного Китая, так и между этими основными контрастными зонами были ощутимы со времен каменного века. Различия экологических условий севера и юга страны до середины I тысячелетия до н.э. были несравненно меньшими, чем сейчас. По данным археологии, тогда на Среднекитайской равнине обитали животные, характерные для субтропической фауны. Бассейн Хуанхэ был покрыт широколиственными лесами, бамбуковыми зарослями, болотами и озерами и отличался устойчиво теплым и влажным климатом. Средняя годовая температура была здесь в IV–II тысячелетиях до н.э. на 2° выше, чем сейчас, и даже в январе не падала ниже 0°C. Таким образом, бассейн р. Хуанхэ в те далекие времена был более сходен с экваториальными южными районами, с их субтропическими и тропическими лесными массивами.

Но в целом в Китае условия для возникновения цивилизации оказались менее благоприятными, чем в таких странах северных субтропиков, как Шумер и Египет. Поэтому здесь государство возникло позже — в эпоху бронзы, т.е. на более высоком уровне развития производительных сил.

Здесь сыграло роль и то обстоятельство, что до второй половины I тысячелетия до н.э. цивилизация в древнем Китае, по существу, была изолирована от других цивилизованных стран древнего мира, что, естественно, не могло не отразиться на характере ее возникновения и развития. При этом культурную обособленность древнейшего Китая не следует слишком преувеличивать, ибо начиная со времен каменного века и далее прослеживаются его связи с евро-азиатскими степными культурами и миром Юго-Восточной Азии.

Неиригационный тип раннегосударственных образований древнего Китая (в частности, из-за избытка влаги) существенно отличал их от так

называемых «гидравлических обществ», таких, как древнеегипетское, нижнемесопотамское, древнеиндийское, с самого начала основанных на искусственном орошении. Можно полагать, что не само по себе это обстоятельство явилось одной из причин относительно замедленного вначале процесса возникновения государства и классового общества в древнем Китае, а своеобразие его экологической и культурно-хозяйственной ситуации в эпоху неолита и ранней бронзы. Действительное водно-хозяйственное освоение плодороднейших долин великих рек Китая, прежде всего Хуанхэ, и создание крупномасштабных ирригационных систем началось лишь с середины I тысячелетия до н.э., когда древнекитайская цивилизация прошла уже тысячелетний путь развития и когда многие ее черты уже определились.

До- и протогосударственные социальные структуры древнего Китая

Возникновению цивилизации, т.е. становлению государственности на территории Китая в эпоху древности, предшествовала исключительно длительная эпоха общинно-родового строя, развивавшегося в условиях новокаменного века.

По крайней мере с VII–VI тысячелетий до н.э. значительная часть Китая была непрерывно обитаема и заселена первобытными общинами и племенами, которые вели хозяйство, основанное на производстве и воспроизводстве продукта, созданного в сфере земледелия и скотоводства. Как показали раскопки последних десятилетий, формирование древнейших земледельческих культур на территории Китая носило полицентрический и многоочаговый характер.

К V тысячелетию до н.э. на территории Китая сложились определенные комплексы раннеземледельческих культур. По мнению известного китайского археолога Чжан Гуанчжи, их можно свести к шести основным регионам (которые он располагает по географическому признаку с севера на юг). Три региона, производивших просо, в Северном Китае: Северо-Восточный — в бассейне р. Силяохэ в Ляонине, наидревнейшие поселения которого Синлунва и Синьлэ восходят к VIII–VII тысячелетиям до н.э.; обширный регион бассейна Хуанхэ, простирающийся от Чжэнчжоу в Хэнани до Ганьсу и Цинхая, отмеченный классическими образцами крашеной керамики; Шаньдунский регион, промежуточно-стыковой между севером и югом. Три рисоводческих региона в Южном Китае: Цзянсу-Чжэцзянский — в верхнем течении р. Янцзы; Дасийский — в бассейне среднего течения Янцзы и Южно-Китайский регион, занимающий всю приморскую полосу от юга Чжэцзяна и Фуцзяни до Гуанси и Вьетнама, включая западное побережье о-ва Тайвань¹.

¹ См.: *Chang Kwang-chih. China on the Eve of the Historical Period. — The Cambridge History of Ancient China. From the Origins of Civilization to 221 B.C.* Cambridge University Press, 1999, p. 47–54.

В V тысячелетии до н.э. в бассейне Хуанхэ (в нижнем и среднем ее течении, включая низовья р. Вэйхэ) на основе местного палеолита и мезолита сложилась развитая неолитическая культура расписной керамики Яншао, просуществовавшая до середины III тысячелетия до н.э. До сравнительно недавнего времени она традиционно считалась древнейшей в Китае неполивной земледельческой культурой. Однако недавние раскопки отодвинули рубеж возникновения пойменного оседлого земледелия и экономики производства и воспроизводства продукта в Северном Китае на одно-два тысячелетия, если не более, поскольку эти культуры обладали уже довольно развитым земледельческим обликом.

Сенсационное открытие 1980-х годов на северо-востоке страны (в бассейне р. Силяохэ) неолитической земледельческой культуры крашеной керамики Хуншань (3800–2700 гг. до н.э.) расширило ареал зарождения древнекитайской культуры². Здесь впервые китайские археологи нашли культовый комплекс с алтарем, полями погребений и храмовым ансамблем, где во множестве были обнаружены глиняные изображения обнаженных беременных женщин, представленные как небольшими вотивными фигурками, так и фрагментами крупных статуй (в рост человека и более); среди них — голова богини-матери с чертами лица, близкими к северо-китайскому этническому типу, радиоуглеродным методом она датировалась серединой III тысячелетия до н.э. Обнаружение в культуре Хуншань достаточно сложного церемониального комплекса и погребений, различающихся размерами и характером инвентаря, свидетельствует о развитии у ее носителей социальной стратификации. В могилах, отличающихся разнообразием инвентаря (среди них выделялась одна самая большая), среди мелкой пластики были найдены скульптурные изображения дракона, выполненные в нефрите и глине — древнейшие из найденных в Китае. Данным находкам археологи придают особое значение в связи с исключительной важностью этого символа в древнекитайской культурной традиции.

Сходит на нет некогда казавшееся незыблемым представление о Северном Китае как об очаге зарождения земледельческо-скотоводческой экономики, государственности и цивилизации в древнем Китае.

Раскопки последних десятилетий открыли конгломерат неолитических культур в бассейнах крупных рек Южного Китая. Самостоятельность их несомненна, как и глубокая древность, уходящая корнями за пределы VII тысячелетия до н.э. Более того, добрый десяток раннеолитических памятников Южного Китая с производством примитивной керамики датирован IX–VIII тысячелетиями до н.э.³, опережая по времени керамический неолит Ближнего Востока. Южный Китай был, возможно, одной из мировых прародин риса и, безусловно, древнейшим районом его культи-

² Вэньу. 1986, № 8, с. 1–24.

³ Хуаняньдун (9980–9000 гг. до н.э.) в Гуандуне; Цзэнпьянь (9360–4650 гг. до н.э.) в Гуанси; Сяньжэньдун (8920–6875 гг. до н.э.) в Цзянси, Пэнтоушань (8200–7800 гг. до н.э.) в Хунани и т.д.

вации. В бассейне р. Сицзян мотыжные земледельцы в VI–IV тысячелетиях до н.э. выращивали рис, корнеплоды, одомашнили собаку и свинью. В условиях влажного тропического климата Южного Китая у рисоводов первобытных общин еще очень большую роль продолжали играть собирательство и рыболовство, преобладая над охотой, остававшейся важнейшим подсобным промыслом неолитических земледельцев Северного Китая в Цзянсу-Чжэцзянском регионе. Одна из самых ранних оседло-земледельческих культур крашеной керамики Южного Китая Хэмуду (5000–3500 гг. до н.э.), возникшая в устье р. Янцзы, заложила основы культур расписной керамики в низовьях Янцзы — Циньлянган и Лянчжу.

К ранним культурам рисосеяния относится культура крашеной керамики Даси (V–III тысячелетия до н.э.), давшая название целому региону в среднем течении р. Янцзы. Здесь обнаружены стены поселений и предметы с мотивом дракона, по древности не уступающие аналогичным хуншаньским находкам. Заливным (лиманным) рисоводством (более примитивным, чем подсечно-огневое, которое распространилось здесь позже) занимались и оседлые земледельческо-рыболовецкие общины, жившие в IV–III тысячелетиях до н.э. во внутренних районах Южного Китая (культуры Цюйцзялин, Паомалин) и в прибрежно-южных областях (культура Шися в Гуандуне).

Хронологически непрерывного комплекса неолитических культур в Южном Китае не сложилось. Здесь одновременно бок о бок друг с другом обитали как земледельческие общества, освоившие комплексное «производящее хозяйство», т.е. основанное на производстве и воспроизводстве продуктов питания, так и разрозненные раннепервобытные коллективы собирателей, охотников, рыболовов, просуществовавшие здесь вплоть до I тысячелетия до н.э., хозяйственная деятельность которых сводилась к присвоению продуктов природы и производству и воспроизводству лишь орудий.

Ко времени «брейдвудовского» седьмого «великого тысячелетия» в целом на территории Китая (включая о-в Тайвань) произошел переход к хозяйству и общественным отношениям нового типа, т.е. к позднепервобытной общине и экономике производства пищи, и вместе с тем сформировались две зоны равнинных земледельческих культур. Одна — северокитайская — была основана на культивировании просяных злаков, и прежде всего чумизы (в Северном Китае, очевидно, и окультивированной), другая — южнокитайская — на рисосеянии. Данные раскопок свидетельствуют о культурном контакте этих зон, их взаимовлиянии и взаимопроникновении. К одной из таких промежуточных, смешанных культур, представляющих своего рода связующее звено между северокитайским и южнокитайским неолитом, относят шаньдунскую культуру расписной керамики Давэнькоу, восходящую к V тысячелетию до н.э., поздние слои которой (с зачатками пиктографии), судя по различиям погребений и наличию в них предметов, представляющих социально-престижную ценность, отмечены чертами стратифицированного общества.

Наиболее исследованной из развитых неолитических культур Китая является уже упомянутая культура Яншао. С ней связывают формирование этнических предков древних китайцев, причем ученые обращают внимание на южные этнорасовые связи яншаоской культуры. На обширной территории яншаоского комплекса, простиравшегося от Ганьсу на западе до Шаньдуна на востоке, от водораздела р. Ханьшуй на юге до Великой Китайской стены на севере, обнаружено более тысячи позднеяншаоских поселений, как правило, крупных — до 20 га и более. Яншаосцы выращивали чумизу, разводили собак и свиней. Не вполне ясно, было ли их земледелие оседлым богарным или подвижным подсечно-огневым. В поздний период к яншаосцам проникло с юга шелководство, ткачество же было им известно задолго до того. Судя по типам и инвентарю захоронений, на последнем этапе у яншаосцев обозначились признаки социальной дифференциации.

Яншао сменила на Среднекитайской равнине генетически с ней связанная поздненеолитическая культура Луншань, которая в среднем и нижнем течении р. Хуанхэ накладывается на культуру Яншао, выходя за ее пределы на северо-востоке вплоть до Ляодунского п-ова, а на юго-востоке распространяясь на весь Шаньдунский п-ов и северные районы Цзянсу и Аньхой. Обычно ее называют культурой черной керамики, поскольку тонкостенная черная лощеная керамика, изготовленная на гончарном круге, — характернейшая черта ее инвентаря. Причем, появляется ритуальная керамика, что говорит об усложнении религиозных представлений и культовой практики. О том же свидетельствует и зарождение у луншаньцев скапулимантии (гадания по лопаткам животных).

С утверждением на луншаньской стадии неолита отцовско-родовой организации у древнеземледельческого населения бассейна р. Хуанхэ возникает и получает развитие культ предков.

Луншаньцы, так же как и яншаосцы, выращивали чумизу, но имели более разнообразный набор орудий земледелия, разводили, помимо известных яншаосцам собак и свиней, также овец, коров, кур и, возможно, лошадей. Наряду с прогрессом земледелия и скотоводства у луншаньских племен получают развитие ремесла.

Поселения луншаньцев в целом гораздо крупнее и долговременнее яншаоских, но, что особенно важно, со второй половины III тысячелетия до н.э. они стали обноситься оборонительными стенами-валами из утрамбованной земли — этот специфический способ возведения крепостных стен и фундаментов в дальнейшем стал характернейшей отличительной особенностью градостроительной техники на всем протяжении китайской цивилизации. Несколько таких компактных луншаньских укрепленных поселений были найдены в Хэнани (в их числе Хоуган, Дачжучжуан, Ванчэнган).

Обращает на себя внимание различие погребальных обрядов луншаньских захоронений, среди которых выделяются единичные погребения, причем не столько из-за разных габаритов, сколько из-за разнообразия и

уникальности инвентаря, — явные признаки зарождающегося общественного неравенства. Так, на многослойном и долговременном поселении Таосы в Шаньси (самом крупном из неолитических поселений бассейна р. Хуанхэ, занимающем 3 кв. км) из тысячи с лишним могил, в подавляющем большинстве почти без инвентаря, девять отличаются большими размерами, захоронением покойника в расписном гробу с «престижным» сопроводительным инвентарем. В одной из них было найдено расписное керамическое блюдо с изображением дракона. Находка в Таосы блюда с этой знаменательной эмблемой сыграла не последнюю роль в выдвижении некоторыми учеными гипотезы об отождествлении таосыской культуры с династией Ся (до последнего времени считавшейся учеными мифической), поскольку род под названием «Дракон» упоминается в мифических преданиях о саяхских правителях.

Проблема династии Ся, с которой, согласно традиционной китайской историографии, начинается история китайской цивилизации, не сходит со страниц научных исследований, однако — несмотря на все новые открытия последних десятилетий и попытки отождествить династию Ся с какими-то археологическими культурами — она все еще очень далека от окончательного разрешения⁴.

Появление со второй половины III тысячелетия до н.э. на Центральной равнине окруженных стенами поселений говорит о возросшем материальном благосостоянии позднепервобытных луншаньских общин и об усилившейся угрозе межплеменных столкновений. Судя по всему, война превращалась в характерную черту жизни луншаньских коллективов, чтобы стать общественной нормой на следующем историческом этапе, когда металлическое оружие пришло на смену каменным топорам и стрелам с каменными наконечниками.

Раннегородские культуры начала бронзового века

О переходе от каменного века к веку металла и возникновении предпосылок раннегосударственных образований еще недавно мы могли судить в основном по памятникам материальной культуры Северного Китая, теперь же, после раскопок культур энеолита и ранней бронзы на территории бассейна р. Янцзы, ученые получили возможность составить более полное представление об этом процессе.

Сложнейшая проблема зарождения бронзовой индустрии в древнем Китае далека от окончательного разрешения. Существует точка зрения, что производство бронзы пришло в бассейн р. Хуанхэ из Южного Китая, есть сторонники гипотезы об истоках северокаитайской бронзы вне территории Китая. Веские аргументы приводятся в пользу теории автохтонного

⁴ *Chang Kwang-chih. China on the Eve of the Historical Period, p. 71–73.*

происхождения металлургии бронзы в Северном Китае и в доказательство самостоятельного освоения техники бронзового литья позднепервобытными общностями Южного Китая. Но бесспорно на территории Китая во второй половине III — первой половине II тысячелетия до н.э. существовало несколько независимых центров ранней бронзы.

Как полагает большинство ученых, металлургия бронзы в бассейне Хуанхэ возникла на основе достижений поздненеолитической культуры Луншань.

Самая ранняя из обнаруженных археологами бронзовых культур на территории Северного Китая — культура Эрлитоу (2395–1430 гг. до н.э.) в Хэнани, хотя это не самый ранний этап металлургии бронзы. На поселении протогородского типа в Эрлитоу (в районе г. Лояна) площадью в 3,75 кв. км обнаружено основание монументального сооружения дворцово-храмового характера со следами колонн. Рядом с этим архитектурным комплексом найдены керамические формы для отливки бронзы и обломки тиглей, что говорит о развитии в Эрлитоу местного бронзолитейного производства.

В Эрлитоу найдены древнейшие из раскопанных в Северном Китае захоронений с насильственно умерщвленными людьми. В этот период, очевидно, имущественная дифференциация зашла уже довольно далеко, однако нет достаточных данных в пользу того, что она достигла стадии классовообразования. Эрлитоу выступает непосредственной преемницей так называемого «хэнаньского Луншаня», подготовившей базу для возникновения в бассейне р. Хуанхэ развитой бронзовой индустрии.

В поздненеолитическую луншаньскую эпоху обнесенные глинобитными стенами укрепленные поселения носили спорадический характер. С наступлением бронзового века поселения протогородского типа становятся своего рода знаменем времени, как в Северном, так и в Южном Китае. Обычно это прямоугольные в плане поселения, с правильной планировкой, следами монументального зодчества, культовыми сооружениями и ремесленными кварталами; толщина их стен колеблется от 2 до 30 и более метров, а занимаемая площадь — от нескольких га до нескольких кв. км. Один из таких наиболее типичных протогородских центров открыт в районе Чжэнчжоу (в Хэнани). Он представлял собой квадратное в плане поселение площадью 3,2 кв. км, обнесенное мощной стеной из спрессованных слоев земли, высота сохранившейся ее части достигает 9 м, а толщина стен у основания — 30 м. Здесь обнаружены фундаменты строений дворцового типа или общественных зданий, остатки жилых построек, ремесленные кварталы. Среди бронзовой утвари обращают на себя внимание два ритуальных трипода типа *дин*; известно, что бронзовые котлы-треножки — сакральные символы наследования царской власти — имели особую значимость в общественно-политической традиции древнего Китая. По сравнению с Эрлитоу чжэнчжоуский комплекс являет собой более высокую стадию развития как в области материального производства, так и общественных отношений.

Новейшие раскопки позволяют предположить, что во второй половине III — первой половине II тысячелетия до н.э. на Центральной равнине, там, где создались условия для перехода позднепервобытных общин к металлургии бронзы, сложилась крупная этнопотестарная общность, с которой было связано появление здесь протогородских обществ. В них, очевидно, наметился переход к раннегосударственным структурам.

С конца III тысячелетия до н.э. культуры ранней бронзы появляются в бассейнах рек Янцзы и Сицзяна. Южнокитайские центры бронзовой индустрии, связанные с богатыми месторождениями меди и олова в Юго-Восточной Азии, возникли раньше, чем в бассейне р. Хуанхэ, самостоятельно или под воздействием первичного очага древнейшей металлургии в Центральном Индокитае, восходящего к V тысячелетию до н.э. В связи с этим встает проблема непосредственных этнических связей и взаимодействия культур ранней бронзы Северного и Южного Китая.

Раннегородская культура начала бронзового века представлена древнейшим в бассейне р. Янцзы обнесенным мощной стеной поселением с дворцово-храмовыми постройками в Паньлунчэне (в Хэбэе, в 100 км к северо-западу от г. Ухань), где, как и в Эрлитоу, были найдены могилы с насильственно умерщвленными людьми. Локальные культуры раннегородского типа обнаружены и к югу от Янцзы — в районе озер Дунтинху (в Хунани) и Поянху (в Цзянси). На территории Цзянси (в Синьгане) был выявлен самостоятельный очаг культуры бронзы XIII в. до н.э. — раскопанная там большая могила, отражающая традиции местного погребального ритуала и бронзового литья, не уступает по богатству инвентаря самым престижным шанским гробницам. Переходной к бронзовому веку является сравнительно недавно обнаруженная в Цзянсу-Чжэцзянском регионе культура Лянчжу, отличающаяся нефритовыми изделиями исключительно тонкой обработки, немыслимой без использования металлических рабочих инструментов. Раскопанные здесь могилы различаются по количеству и качеству нефритового инвентаря. В некоторых сопогребенные предметы исчисляются сотнями, среди них нефритовое ритуальное оружие типа юэ, предназначенное для обезглавливания жертв, и сакральные символы *би* и *цун* с изображениями фантастического зооантропоморфного божества — показатели определенной общественной стратификации.

Представляют особый интерес сравнительно недавние раскопки в Сычуани — на стыке древних культурных зон Восточной и Юго-Восточной Азии, где в районе г. Чэнду обнаружена культура Саньсиндуй с последовательным залеганием слоев позднего неолита и ранней бронзы. Среди уникальных вещей Саньсиндуя — золотые и бронзовые маски-личины и золотой жезл с изображением человеческих голов, представляющий собой, очевидно, регалию власти. Сенсационный характер имеют находки сотен литых бронзовых изделий, в том числе статуй людей в натуральную величину (среди них обращает на себя внимание стоящая в полный рост на высоком постаменте босая мужская фигура в ритуальном облачении и

с подобием короны на голове), а также находки скульптурных изображений человеческих голов с разнообразными головными уборами — свидетельство устойчивой социальной стратификации. Человеческие жертвоприношения составляли особенность и этой раннегородской культуры.

Судя по материалам последних раскопок, некоторые из центров раннебронзовых культур вплотную подошли к стадии государствообразования. Правда, ни один из них не обладал письменностью, что является серьезным аргументом, не позволяющим считать их ранними государственными образованиями, поскольку наличие письма, как главного и определяющего носителя информации, является важнейшим фактором формирования цивилизации.

Городская цивилизация Шан-Инь

В конце III — первой половине II тысячелетия до н.э. практически на всей территории Китая — от Хэбэя до Хунани и Цзянси и от Шаньдуна и Цзянси до Сычуани — получили распространение разрозненные очаги раннегородских образований, принадлежавших разным этническим общностям.

В пределах одной или нескольких территориальных общин («городов») складывались первичные ячейки зарождавшейся государственности. Такое объединение соподчиненных общин диктовалось и хозяйственными, и военными нуждами.

В этих переходных раннегородских обществах под внешней оболочкой борьбы родов за престиж постепенно проявлялись имущественные и социальные антагонизмы. Раннегородские общины с признаками зарождения государственного устройства принципиально отличались от племенных объединений, в которых общины группировались по родовому, а не по территориальному признаку.

В конце II тысячелетия до н.э. в Северном Китае «городское общество», ставшее известным под самоназванием Шан, вырвалось вперед и встало во главе довольно крупного, этнически неоднородного и нестабильного образования. Его правитель назывался *ваном*, он был облечен чрезвычайными военными полномочиями и функциями верховного жреца.

Городское шанское общество отличалось самостоятельным бронзолитейным производством, а главное — оно обладало таким высоким культурным потенциалом, как письменность. В настоящее время Шанская цивилизация является самой изученной из всех раннегородских культур древнего Китая.

Об общине и «великом городе Шан» мы знаем из древнейших на территории Китая письменных памятников, обнаруженных в районе г. Аньяна (в Хэнани), — гадательных надписей на костях жертвенных животных и черепашковых панцирях, написанных архаическим пиктографическим письмом, в котором ученые видят прообраз китайской иероглифиче-

ской письменности. Гадательные надписи (найдено более 50 тыс. фрагментов) датируются XIV–XI вв. до н.э., как и вскрытое в районе Аньяна большое городское поселение площадью 24 кв. км. Здесь были найдены фундаменты крупных строений с бронзовыми основаниями колонн. В пределах этого дворцово-храмового комплекса обнаружены крепостные валы, ремесленные кварталы с литейными мастерскими, остатки жилых построек.

Под Аньяном открыто множество могил, различающихся по размеру и инвентарю — от неглубоких ям без бронзовой утвари до огромных подземных усыпальниц более чем 10-метровой глубины. Последние, где хоронили шанских ванов (их немногим более десятка), представляли монументальные сооружения, напоминающие усеченные пирамиды, обращенные основанием вверх, с широкими подъездными дорогами, спускающимися посередине каждой из четырех сторон к погребальной камере, заполненной утварью, бронзовым оружием, украшениями из нефрита и золота. В этих так называемых «больших могилах» найдены сотни скелетов сопребитых людей, а рядом — целые поля захоронений обезглавленных скелетов, по-видимому, рабов-военнопленных со связанными за спиной руками и ямы с их отрубленными головами, исчисляющимися тысячами. По всей вероятности, эти жертвы были захвачены во время своего рода «охоты за головами», ради чего шанцы предпринимали походы на расстояние в несколько сотен километров.

Под Аньяном находился культовый центр, известный, согласно позднейшей традиции, под названием «Иньский оракул», где происходили гадания шанского и других коллективов. Местоположение оракула не являлось ни резиденцией вана, ни политическим центром того союзного объединения, во главе которого стоял шанский ван.

При всей разобщенности протогородских центров и разноязычии этнических общностей, входивших в шан-иньскую конфедерацию (не являвшуюся объединенным государством), письменность в «обществе гадательных костей» (первоначально использовавшаяся исключительно в ритуальных целях), была, по-видимому, одна. Вопросы к оракулу касаются многих городов (*и*), общинных объединений и племен (*фан*). Но особо выделяются шанские поселения и среди них «Центральный Шан» (Чжун Шан), что, очевидно, означало его главенствующую политическую роль в шанской коалиции городских обществ.

Шанское общество жило в условиях развивающегося бронзового века. Его отличала прочная оседлость, выделение специализированных ремесел. Земледелие составляло основу хозяйства шанцев. Оно носило богарный характер и целиком зависело от дождей, накануне которых производились посевы зерновых культур, о чем имеются прямые свидетельства гадательных надписей. Немалую роль в жизни «общества гадательных костей» играло скотоводство. Единовременные жертвоприношения крупного скота достигали нескольких сотен голов. Распри из-за пастбищ были одной из причин войн шанцев с соседями. Надписи свидетельствуют о

важном значении не только скотоводства, но и охотничьего промысла. Охота была коллективной, в ней участвовало все взрослое население шанских общин.

Техника бронзового литья шанцев достигла высокого мастерства. Из бронзы изготовлялась ритуальная утварь (отдельные крупные изделия достигают 875 кг), оружие, детали колесниц.

На поселениях городского типа, в ремесленных кварталах были сосредоточены довольно крупные мастерские медников, бронзолитейщиков, гончаров, косто- и камнерезов, деревоотделочников и др. Археологи их обнаружили как под Аньяном, так и в других протогородских поселениях шанской эпохи, в частности под Лояном, Чжэнчжоу (Хэнань) и Цинцзяном (Цзянси).

Видимо, первоначально шанцы были хранителями секретов бронзолитейного искусства. Знак шан означает «торговля, торговать», хотя, вероятно, это не первоначальное значение данного знака, а производное от изображения каких-либо изделий шанцев, скорее всего бронзовых (в знаке *шан* один из элементов является изображением треножного сосуда), и, возможно, связано с особыми функциями шанцев в «обществе гадательных костей» как посредников в межобщинном и межплеменном обмене, что могло способствовать их возвышению среди других раннегородских обществ.

Торговля в целом носила меновой характер, но все же имелись товароденьги — раковины каури, как естественные, так и их бронзовые имитации, что для шанцев, монополистов в области бронзового литья, могло служить источником обогащения.

Как и позднее в чжоуском Китае, практика товарообмена сочеталась с отдельными элементами рыночной системы. Из бассейна Янцзы поступали олово и медь, из Синьцзяна — яшма, а в обмен шли изделия шанского мира, прежде всего бронзовые, которые доходили до Сибири. Раковины каури доставляли с берегов Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей. Основной формой обмена был грабеж — самый примитивный, хищнический способ международных связей. Главной целью постоянных походов был захват добычи — скота, зерна и особенно пленных, которых захватывали массами и иногда сразу же до полутора тысяч и более человек одновременно приносили в жертву богам и предкам. Война стала сакрально-значимым фактором жизни шанцев.

Основную силу шанского войска составляла масса общинного населения. Во всех раскопанных под Аньяном могилах собственно шанцев — со специфическим трупоположением лицом вниз — оружие было обязательной принадлежностью сопроводительного инвентаря. Важный вид войска, видимо дружину вана, представляли воины на боевых колесницах.

По данным гадательных надписей и позднейшей эпической традиции, в шанском обществе существовали народное собрание и совет старейшин, ограничивавшие власть вана.

Свободные большесемейные общины, группировавшиеся уже не обязательно по родовому, но и по территориальному признаку, составляли

основу шанского общества. В ритуальных трапезах с закланием 300–400 быков участвовало все взрослое население, исчислявшееся тысячами человек. Ван, как верховный жрец, выступал подателем мясной пищи народа, которая компенсировала в определенные периоды белковое голодание земледельческого коллектива. В массовых жертвоприношениях на первый взгляд безрассудно расточались важнейшие материальные блага общества. Но для религиозно-мифологического сознания того времени «растранжирование» социальной энергии и трудовых ресурсов на «непроизводительную сферу» представлялось жизненно необходимым, служащим не только и не столько земным, сколько потусторонним целям. Культ жертвоприношений был проявлением религиозной практики ритуального дарообмена, исходящей из веры в то, что принесенный богам и предкам церемониальный дар должен быть возмещен⁵.

Институт государства призван был обеспечивать функционирование култовой сферы, на что уходило до $\frac{3}{4}$ и более прибавочного продукта.

Ван выступал организатором производства. Он предводительствовал на войне и на охоте, возглавлял земледельческие работы в правительско-храмовом хозяйстве. Участие в них общинников (*чжунов*) считалось общественно-полезным совместным трудом, частью ритуально-магического обряда, обеспечивавшего плодородие. Запасы, которыми ван распоряжался, все еще, видимо, представлялись страховым и жертвенным фондом шанской общины. Пахота производилась по велению оракула и в назначаемые оракулом сроки одновременно сотнями и тысячами людей. «Три тысячи людей привлечь к полевым работам?» — читаем вопрос к оракулу.

Чжуны имели отношение не только к хозяйству вана. Будучи членами своей общины, они выступали как непосредственные производители прежде всего на общинной земле, но в обязательном порядке обрабатывали и поле вана. Необходимый труд и труд прибавочный были здесь нераздельны. На полях вана трудились и работники, связанные только с хозяйством вана, среди которых были люди разных статусов: подневольные работники типа рабов, надзиратели, которые в определенных обстоятельствах могли быть поставлены над общинниками, личные слуги вана. Все они назывались термином *чэнь*. В отличие от *чжунов*, подчиненные вану *чэни* находились вне общинного сектора и скорее всего не были шанцами по происхождению.

Различия в типах захоронений и погребальном инвентаре собственно шанских могил свидетельствуют о далеко зашедшем социальном и имущественном неравенстве в «обществе гадательных костей». Это, в частности, подтверждают и раскопки одной из самых богатых шанских гробниц, принадлежащей верховной жрице и военачальнице по имени Фу Хао — супруге шанского вана Удина. В ней были найдены нефритовые статуэтки людей различного социального положения и этнической принадлежности. Постепенно из общинной среды выделились богатые и знатные роды,

⁵ См.: Mauss M. Sociologie et anthropologie. P., 1950, p. 166.

в которых внутри поколения, а затем по генеалогическому родству стали наследоваться высшие должности, прежде всего вана. Определились роды, наследовавшие жреческие функции. Показательно, что помимо огромных мавзолеев в поселениях шанского времени обнаружены сравнительно небольшие гробницы с «престижным» инвентарем, очевидно принадлежавшие знати. В них в ряде случаев было обнаружено по несколько насильственно сопогребенных человек, что дает известные основания говорить о возникновении личной собственности на подневольных людей. Так в д. Суфутунь в Шаньдуне найдены две большие усыпальницы с десятками сопогребенных людей и захоронениями колесниц, с именными бронзовыми секирами, принадлежавшими, видимо, главе местного «нома»; там же раскопана могила среднего размера с несколькими умерщвленными людьми, видимо принадлежавшими погребенному в этой могиле их господину⁶.

Данные «гадательных костей» об использовании пленных из племени *цян*ов в скотоводстве, на охоте, в коневодстве, а временами, видимо, и в полевых работах позволяют сделать заключение о применении в шанском обществе подневольного труда, очевидно в подавляющем большинстве случаев военнопленных. Из надписей известно, что пленных не всегда сразу приносили в жертву. Возможно, они спорадически все же использовались при сооружении огромных гробниц, ликвидации последствий наводнений, строительстве городов и на других работах, которые при крайней примитивности транспортных и технических средств и первобытных орудиях требовали единовременных колоссальных трудовых усилий. В экстренных случаях их могли направить на работы в ванском хозяйстве.

По гадательным надписям, в распоряжении лично вана находился значительный контингент людей, куда входил как мужской, так и женский персонал. По поводу их ван специально вопрошает оракула: «Подарить [сы] много мужчин и женщин?»⁷. Судя по всему, сам факт дарения людей был неординарным событием, что подтверждается общей неопределенностью ситуации (дарить ли? или использовать как-то иначе? Знак *сы* к тому же имеет несколько толкований, в том числе «приносить в жертву») и неясностью статуса упомянутых лиц. Скорее всего, в обращении к гадателю речь шла о подневольных людях, находящихся вне общины, в целесобразности «дарения» которых ван сомневался. В любом случае их участь, в соответствии с упомянутой альтернативой, могла быть двойкой: они могли или стать сакральной жертвой (что скорее всего), или быть использованы в каких-то единовременных общественно-важных трудовых акциях. Есть данные об участии пленных в весенних земледельческих работах. В одной из надписей говорится: «Ван повелел многим *цян*ам совершить обряд плодородия на полях». Можно полагать, что они участво-

⁶ См.: Кучера С. Китайская археология. М., 1997, с. 120–126.

⁷ Крюков В.М. Ритуальная коммуникация в древнем Китае. М., 1997, с. 105.

вали в коллективном ритуале священной пахоты и затем умерщвлялись в соответствии с обрядом священного брака.

Выше уже говорилось о возможном возникновении в это время права личной собственности на подневольных людей. Судя по некоторым данным, у шанцев имелись домашние рабы. Если согласиться с трактовкой китайским исследователем Го Можо знака *чэнь* как «рабы из военнопленных», то термин *гунчэнь*, обозначающий ремесленников, может свидетельствовать о применении подневольного труда в каких-то отраслях ремесленного производства.

Однако сопоставление имеющихся сведений гадательных надписей и данных археологии не вызывает сомнений в том, что подневольный труд не находил сколько-нибудь постоянного и значительного применения в хозяйстве. Об этом явно свидетельствуют массовые захоронения и жертвоприношения военнопленных. Анализ знака *фа*, который обозначал и «военный поход» и «человеческое жертвоприношение», может служить еще одним тому подтверждением.

«Великий город Шан» возглавлял своего рода военно-политический союз, объединявший ряд «городских обществ», находившихся в сфере его гегемонии. С них он время от времени взыскивал дань (форма международного принудительного обмена), а при неповиновении шел на них походом. Союз «городов» Шан был окружен племенами, с которыми шанцы вели постоянные войны.

О политической истории шанского государства мы знаем крайне мало. Дошедшие до нас сведения поздней исторической традиции об иньской династии и длинном ряде ее правителей нельзя считать достоверными. Лишь с правления Удина, получившего отражение в свидетельствах гадательных надписей и раннечжоуских инскрипциях на бронзовых сосудах, данные традиции об именах последних шан-иньских правителей можно считать научно доказанными.

Согласно китайской традиционной историографии, в конце XII в. до н.э. шанцы были покорены уже давно угрожавшими им с запада, граничившими с ними и, вероятно, родственными им чжоусцами, у которых интенсивно шел процесс государствообразования.

С чжоуским завоеванием на рубеже II–I тысячелетий до н.э. завершается период первичных городов-государств, открывающих эпоху цивилизации в Китае.

Раннегосударственное образование Западное Чжоу

Согласно древнекитайской исторической традиции, на территории Китая с XII до III в. до н.э. существовало единое государство Чжоу и правила одноименная с ним династия. Однако на самом деле в эту чрезвычайно динамичную почти девятивековую эпоху, когда в древнекитайском обществе происходили глубокие социально-экономические процессы и исклю-

чительной важности политические события, чжоуское государство играло действительно определяющую роль только на самом начальном ее этапе (относящемся ко времени правления первых чжоуских ванов и охватывающем период от начала Чжоу до третьей четверти VIII в. до н.э.), причем только на территории Северного Китая. В Южном Китае в это время существовали другие суверенные этнические образования, не входившие в орбиту чжоуского влияния, о чем можно судить, в частности, по надписям на бронзе и «Бамбуковым анналам».

В китайской историографии этот период принято называть Западным Чжоу, поскольку исконная чжоуская территория и главная из его четырех столиц — г. Хао (в бассейне р. Вэйхэ) располагались тогда в западной части государства Чжоу.

Западнчжоуский период не обеспечен ни археологическими, ни письменными памятниками в той мере, которая позволила бы адекватно восстановить социально-политическую историю этого времени. Аутентичными источниками по данной эпохе являются надписи на бронзе. Среди них есть относящиеся прямым образом к завоеванию шанцев, как, например, надпись на бронзовом сосуде Канхоу гуй: «Чэнван покарал город Шан и пожаловал Канхоу [по имени] Фэн (брату Увана) земли в Вэй»⁸. Но подобного рода тексты исключение, как правило, они не дают сведений о политической истории. Абсолютная хронология событий периода Западного Чжоу, так же как и Шан, до сих пор научно не установлена. Ортодоксальная китайская историография датирует чжоуское завоевание 1122 г. до н.э. Современные исследователи, как правило, оспаривают эту дату⁹. Однако некоторые научные авторитеты, такие, как Х.Г.Крил, придерживаются именно ее¹⁰. Не менее предположительна и условна также и датировка дальнейших событий Западного Чжоу вплоть до переселения чжоусцев на восток в 770 г. до н.э., когда собственно и началась хронологически достоверная политическая история древнего Китая.

Западнчжоуская цивилизация восприняла и развила важнейшие достижения шан-иньской культуры — прежде всего, иероглифическое письмо и технологию бронзолитейного производства. Именно с эпохи Западного Чжоу древнекитайская письменность становится действительным средством общественной коммуникации и информации, выступая тем самым важнейшим цивилизационным фактором, решающим для организации системы государственного управления. Ранее, в «обществе гада-

⁸ Чэнь Мэнцзя. Датировка бронзовых изделий эпохи Западного Чжоу. — Каогу сюэбао. 1955, № 9, с. 161–162.

⁹ Учеными предлагается более 20 версий западнчжоуской хронологии, которая колеблется в диапазоне почти полутора столетий — с 1137 до 911 г. до н.э. «Кембриджская история» датирует чжоуское завоевание 1045 г. до н.э. (The Cambridge History of Ancient China, p. 22). Чэнь Мэнцзя — 1027 г. до н.э., Чжан Гуанчжи — 1111 г. до н.э., Д.Бодде — 1000 г. до н.э. Иные исследователи называют даты: 1138, 1116, 1070, 1050, 1047, 1023, 1018 гг. до н.э. и др.

¹⁰ Creel H.G. The Origins of Statecraft in China: The Western Chou Empire. Vol. 1. Chicago—London, 1970.

тельных костей», письменность преследовала почти исключительно цель сакрального общения вана и его ближайших помощников с предками правителей и являлась прежде всего способом коммуникации с божественными силами.

В эпоху Шан-Инь бронза использовалась в основном в непроемственной сфере. Начиная с Западного Чжоу бронза все чаще и шире применяется для изготовления орудий труда. Важным показателем развития производительных сил является усовершенствование в первой половине I тысячелетия до н.э. техники бронзового литья. По сути, о развитом бронзовом веке на территории Китая мы можем говорить именно с этого времени.

В результате завоеваний чжоусцы создали в бассейне среднего и нижнего течения р. Хуанхэ рыхлое и сравнительно обширное, этнически пестрое государственное образование, обладавшее относительно устойчивым политическим единством.

О государственном строе Западного Чжоу в науке существуют разные мнения. В китайской историографии изначально преобладало основанное на конфуцианской традиции мнение о Западном Чжоу как о первой в истории Китая империи. Оно получило распространение и в западном Китае, например в фундаментальном исследовании Х.Г.Крилла¹¹. Однако эта точка зрения в отечественной синологии многими учеными (см., в частности, работы К.В.Васильева, Л.С.Васильева, В.А.Рубина, Л.В.Симоновской и др.) уже давно не поддерживается, и, как показывает изданный в 1999 г. том «Кембриджской истории древнего Китая»¹², у нее сейчас едва ли много приверженцев в мировой синологии. Тем не менее серьезные разногласия по вопросу о характере общественно-политического строя Западного Чжоу остаются.

Это связано, как правило, с общеконцептуальным историческим подходом исследователя, в частности, придерживается ли он принципа династийного восприятия истории Китая, либо рассматривает ее с позиций общеисторического поступательного процесса или концепции стадийно-феодалного развития, либо воспринимает историю Китая как феномен восточной деспотии или азиатского способа производства. Что касается этого последнего восприятия, то оно давно требует пересмотра и по существу и в частности в отношении именно древнего Китая, как на материале раннечжоуской государственности, так и позднечжоуских территориальных царств и раннеимперских государственных образований, «деспотический» характер которых подвергается основательной критике¹³.

По сравнению с шанской эпохой в Западном Чжоу кардинально изменился принцип престолонаследия: вместо передачи власти от старшего брата к младшему утвердился порядок примогенитуры — от отца к стар-

¹¹ Ibid.

¹² The Cambridge History of Ancient China.

¹³ См.: Крoль Ю.Л. Была ли ранняя китайская империя деспотией? — Петербургское востоковедение. Вып. 4. СПб., 1993, с. 357–403.

шему сыну. Возможно, с этим изменением царского наследственного права следует связать распространившуюся с самого начала Западного Чжоу практику крупных номенклатурных земельных пожалований братьям чжоуских ванов.

После разгрома шан-иньского объединения основная часть шанцев была переселена. Тринадцать «кланов народа Инь» были пожалованы ближайшим родственникам первого западночжоуского правителя — покорителя шанцев Увана одновременно с земельными владениями. Часть «строптивных иньцев» была отправлена на сооружение строившейся новой чжоуской столицы Чэнчжоу (в р-не г. Лояна в Хэнани). Остальные остались на территории шанской метрополии, отданной в управление отпрыску шанского дома, поставленному под надзор царских «наблюдателей» (*чжуцзянь*). Уже в этих первых мероприятиях Увана выявляются военнополитический характер государственной власти Западного Чжоу, специфика его землеустройства и зарождающиеся формы эксплуатации захваченного населения.

Когда Уван из военного вождя превратился в главу государства, сразу же встал вопрос о его царственной титулатуре. В качестве таковой чжоускими правителями был принят титул *ван*, известный чжоусцам еще до шанского завоевания.

Только что утвердившийся на престоле ван не располагал ни достаточно действенным аппаратом насилия, ни сколько-нибудь устойчивой системой управления, в силу чего крайне нуждался в божественной инвеституре для укрепления авторитета верховной власти. Сакральный характер верховной власти чжоуского вана определился с самого начала. Была разработана религиозно-политическая доктрина о чжоуском вane как Сыне Неба. Культ Неба как верховного божества утвердился в Китае вместе с западночжоуской государственностью. В отличие от шанских культов предков и природных сил, культ Неба и Сына Неба как его земного воплощения был надплеменным, совместимым с местными общинными верованиями, но возвышавшимся над ними. Вместе с учением о Мандате Неба (*Тяньмин* — «Божественной инвеституре») он служил освящению права династии Чжоу на владычество в Поднебесной (*Тянься* — «Все, что под Небом»). Этот религиозно-правовой постулат получил отражение в песенно-поэтической форме в древнекитайской канонической «Книге песен»: «Широко кругом простирается Небо вдали, // Но нету под Небом ни пяди нецарской земли. // На всем берегу, что кругом омывают поля, // Повсюду на этой земле только слуги царя» (Шицзин, II, VI, 1)¹⁴. Небо и ван выступали как «Верхний» и «Нижний» владыки — гаранты вселенской гармонии, мирового порядка в природе и обществе. Ван представлял единственным посредником между Небом и людьми, называя себя: «Я — единственный». И только он — «единственный» мог совершать жертвоприношения Небу в столице.

¹⁴ Шицзин. Книга песен и гимнов. Пер. с кит. А.Штукина. М., 1987, с. 185.

Однако доктрина о Мандате Неба с его принципом морального императива (дэ) таила в себе потенциальную угрозу изменения Воли Неба и утраты его Мандата чжоуским ваном, возлагая тем самым на него как на избранника Небес священную миссию мироустройства и абсолютную ответственность за спокойствие и благополучие Поднебесной. Всем действиям вана приписывали ритуально-магический смысл. Считалось, что его установления носили сверхъестественный характер. При ванах состояли «сакральные помощники» (*тайбао*), призванные стимулировать его магическую «благую силу» (дэ), как бы соучаствуя тем самым в осуществлении ванами его мироустроительной функции. Не только эти «духовные наставники» фактически ограничивали единовластие вана, но и «мирской» сановный совет из представителей могущественной клановой знати, вмешивавшейся иногда даже в порядок престолонаследия.

Западночжоуская доктрина Мандата Неба как единственного источника верховной власти правителей Поднебесной оказала сильнейшее влияние на дальнейшее развитие политико-правовой мысли древнего Китая.

Разгромив иньцев, чжоусцы продолжили свои завоевания на Востоке, захватив Великую Китайскую равнину. Их походы с самого начала имели целью присоединение новых территорий, перекачивание из них рабочей силы. Показательно обращение Увана к войскам перед решающей битвой с шанцами в Мuye: «Воины, не убивайте тех, кто сдастся, пусть потрудятся на наших западных полях» («Шуцзин»)¹⁵.

Подвластных западночжоускому дому местных владетелей (*чжухоу*) традиция исчисляет десятками и сотнями. Из них 71 владение, по свидетельству Сюньцзы (313–238 гг. до н.э.), было закреплено за членами царствующего чжоуского рода. Участие каждого из членов правящего дома и соратников Увана в завоевательных походах и пожалование им владений вместе с присвоением титула знатности, высшим из которых был *хоу*, оформлялось особым рода «документами» — надписями на бронзовых ритуальных сосудах, что придавало этим правовым актам одновременно и сакральный смысл. Поместные владельцы были обязаны вану данью и военной помощью.

Чжухоу находились под надзором «наблюдателей» вана и были подведомственны ванскому царскому суду. Об этом, в частности, свидетельствует зафиксированное на сосуде Чугуй повеление вана, обращенное к одному из них: «Приказываю тебе... надзирать за местными владетелями (*чжухоу*), разбирать тяжбы и карать [их]»¹⁶. Судя по эпиграфическим данным, ван нередко сменял *чжухоу*, рассматривая их как представителей

¹⁵ Шуцзин цичжунань. Шанхай, 1936 (Сышу цзин. Т. I), с. 70 (далее ссылки в тексте на «Шуцзин» по этому изданию). См.: Legge J. The Chinese Classics. Vol. III. The Shoo King. Hongkong, 1960, p. 304.

¹⁶ Го Можо. Лянчжоу цзиньвэньцзы даси тулу каоши (Воспроизведение и дешифровка надписей на бронзе эпохи двух династий Чжоу). Т. VII. Пекин. 1958, с. 1196. Анализ данной надписи см.: Shaughnessy Ed.L. Western Zhou History. — The Cambridge History of Ancient China, p. 220–221. См. также: Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации. М., 1998, с. 156.

царской власти на местах. Чжухоу на пожалованных территориях обладали собственным административным аппаратом и именем вана осуществляли функции управления подвластным населением. Постепенно, однако, владения чжухоу стали переходить по наследству, и к концу Западного Чжоу многие из них превратились в фактически независимых правителей.

По тому же нормативному образцу, что и пожалования чжухоу (причем именно они составляли основную часть ванских земельных «дарений»¹⁷), широко практиковалось выделение ваном наделов из собственно царского земельного фонда представителям управленческого аппарата на время исполнения ими служебных обязанностей. Причем земельные пожалования одному лицу могли быть территориально разбросанными и далеко отстоящими друг от друга. Хотя формально ван мог в любой момент отобрать должностные земли, однако со временем они становились наследственными.

Практика жалованных владений не означала верховной собственности правителя на землю, а по сути была формой отчуждения в пользу чжухоу части государственного суверенитета. Она оказалась весьма удобным, соответствующим уровню общественного производства и им определявшимся типом «оплаты» управленческого труда, вполне оправдывавшим себя в условиях только складывавшейся государственной политико-административной системы.

В пределах государственно-царского земельного фонда — вне собственно общинных земель — получили распространение комплексные полеводческо-скотоводческие хозяйства, где частнопровольные функции вана как собственника выступали в неразрывной связи с его публично-правовыми функциями как правителя государства. К работе на землях вана привлекалось и общинное население, но основной трудовой контингент составляли военнопленные. Ими ведали «воинские начальники» (*ши*). Армия, как орудие насилия государства, выполняла еще и производственные функции, связанные с организацией принудительного труда в ванских хозяйствах, она же обеспечивала и «поставку» для них рабочего персонала. За счет обширного царского хозяйства снаряжалось и содержалось собственное колесничное и пехотное войско вана. Под непосредственным командованием вана находились восемь из четырнадцати регулярных западножоуских войск.

Такой источник подневольной рабочей силы, как захват военнопленных, приобретает в период Западного Чжоу исключительное значение. Ужасом порабощения проникнуты строфы раннечжоуской песни: «О, весь народ наш! Без вины в рабов (*чэньту*) он будет превращен» (Шицзин, II, IV, 8). Трактую эту строфу, философ XII в. Чжу Си пишет, что «в древности преступников обращали в *чэньту*», и отмечает как казус, что в данном случае угроза превращения в *чэньту* касалась попавшего в плен «ни в чем

¹⁷ См.: Крюков В.М. Ритуальная коммуникация в древнем Китае, с. 147.

неповинного народа»¹⁸. Предосудительное в глазах средневекового автора порабощение военнопленных было широко распространенным в древнем Китае. Чужестранцы считались «варварами» и прирожденными рабами. В названия некитайских племен входил один из терминов рабства — *ли*, например, *маньли* — «рабы (из племени) *мань*», *или* — «рабы (из племени) *и*» и т.п.

Пленных захватывали тысячами, учитывали с точностью до одного человека. Так, в надписи на бронзовом ритуальном сосуде Сяюй дине была «зарегистрирована добыча», захваченная в сражении с племенами *гуйфан*, включавшая 13 081 пленного¹⁹. Ван единолично распоряжался этим контингентом, широко раздавая пленных поместным владельцам и должностным лицам — во многих случаях, но не всегда вместе с землей.

Помимо военнопленных, с землей и без земли «дарились» «царские люди». Надписи на бронзе свидетельствуют о «пожалованиях» людей ваном и его супругой как сотнями семей, так и поодиночке — до тысячи и более человек одновременно. Хотя некоторые из подаренных «царских людей» (*чэней*) могли быть служилыми людьми и занимать высокие посты, но все они в глазах современников находились по отношению к вану в одинаково подчиненном положении, не являясь людьми, распоряжавшимися собой по своей воле, и не обладая собственными орудиями труда и средствами производства. Подневольные работники часто назывались по первоначальным профессиям (букв.: конюх, дровосек, носильщик, пастух, уборщик, ремесленник и т.п.). В «дарственной» на сосуде Да Юй дин перечисляются разные категории таких подневольных работников: «от конюхов (*юй*) до земледельцев (*шужэнь*)», объединяемых термином *ли*, — общим числом 1709 людей *ли* (*жэньли*)²⁰, несомненно участвовавших в производстве. Кроме захвата военнопленных с западножюуской эпохи стал известен такой источник государственного подневольного труда, как осуждение по суду (Цяньханьшу, гл. 23)²¹. Однако всех этих людей, подвергавшихся внеэкономическому принуждению, едва ли можно считать рабами в полном смысле слова хотя бы уже потому, что они не являлись собственностью своих господ. Многочисленный контингент подневольных работников из числа военнопленных и «дарственных людей» не может быть включен и в категорию патриархальных рабов, по определению

¹⁸ Шинцзин чжуань («Шинцзин» с предисл. и коммент. Чжу Си). Пекин, 1958, с. 130.

¹⁹ Го Можо. Лянчжоу цзиньвэньцзы даси тулу каоши (Воспроизведение, дешифровка и исследование надписей на бронзе эпохи двух династий Чжоу). Т. VI. Пекин, 1958, с. 356. См. также: Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации, с. 154; Крюков В.М. Ритуальная коммуникация в древнем Китае, с. 160.

²⁰ Го Можо. Лянчжоу цзиньвэньцзы даси тулу каоши, т. VI, с. 34а; см. также: Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации, с. 150.

²¹ Бань Гу (сост.). Цяньханьшу (История Старшей династии Хань). Шанхай, 1935 (Сыши. Т. II), гл. 23, с. 189/771 (далее — Цяньханьшу); см. также: Wilbur C.M. Slavery in China during the Former Han Dynasty. Chicago, 1943, p. 258.

ограниченную узкосемейными рамками. При общей неразвитости в Западном Чжоу товарно-денежных и частнособственнических отношений, господстве домонетной формы обращения вполне объяснима социально-правовая нечеткость и неустойчивость статуса этих зависимых работников. Рабство как социально и психологически осознанный институт в это время, очевидно, еще не получило общественного признания и юридического оформления, хотя многие подневольные работники могли фактически находиться в рабском или полурабском положении.

В конце Западного Чжоу появляются первые сведения о единичных сделках, объектом которых выступали люди. Так, в надписи на сосуде Худин получило отражение судебное дело о покупке частным лицом пяти мужчин за лошадь и моток шелка, из анализа которого следует, что использовали они на полевых работах²². Это уже свидетельствовало о возникновении принципиально иной формы зависимости подневольных работников, фактически оказавшихся в полной собственности у своих хозяев, т.е. о рабстве. Из множества терминов-определений разной степени подневольной зависимости эксплуатируемых людей — еще долгое время и за пределами данного периода — не было сколько-нибудь четкого выделения терминов собственно рабства, пока не стал общепринятым, своего рода «классическим» обозначением рабского правового статуса термин *ну* (раб), и то лишь в последние века до н.э. (см. ниже). Однако и в это время существовали термины, адекватные понятию неполноправного работника *рабского типа* в отличие от подневольного не-раба. Первый — в отличие от второго — являлся предметом собственности, объектом меновой торговли и оценивался как товар (в частности, например, в 20 мотков шелка), хотя, возможно, и не окончательно утратил право на собственную личность, что было характерным признаком начальной степени развития рабовладения.

С возрастанием роли подневольного труда в производстве в Западном Чжоу постепенно прекращаются массовые человеческие жертвоприношения, столь характерные для шанской эпохи. Борьба против этого унаследованного от первобытного прошлого обычая еще долго и с переменным успехом будет вестись в древнем Китае, но показательно, что первый протест против жертвоприношения людей традиция связывает с покорителем шанцев и основателем чжоуской государственности Чжоугуном. Историко-культурное значение принципиального отказа от человеческих жертвоприношений было не менее и скорее более значимым, чем социально-экономическое, поскольку он отражал важные изменения в религиозных представлениях и социальной психологии, оказавшие свое влияние на весь дальнейший ход цивилизационного развития чжоуского общества.

На период Западного Чжоу падает расширение сети городов. Номинально они подразделялись иерархически в зависимости от их административно-политической и культово-религиозной значимости на столичные,

²² Го Можо. Лянчжоу цзиньвэньцзы даси тулу каоши, т. VII, с. 966–976; см. также: Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации, с. 156.

резиденции поместной знати и прочие города. Все они в обязательном порядке имели алтари бога Земли и храмы предков. Многие из городов представляли собой крепости, обнесенные двойными стенами, и были, как правило, небольшими. Западная столица чжоусцев г. Хао (в районе г. Сиань в долине р. Вэйхэ), в которой находился главный алтарь бога Земли, оставалась центральной. Остальные три чжоуские столицы — самая ранняя г. Фэнъи (близ г. Сиани), культурно-религиозная метрополия г. Цишань (в Шэньси) с храмами предков дома Чжоу и восточная чжоуская столица г. Чэнчжоу (в р-не г. Лояна) — также являлись важнейшими политико-административными центрами страны²³.

Города были неразрывно связаны с окружающей земледельческой территорией, большинство их жителей занимались сельским хозяйством. Ремесленники, торговцы и другие горожане составляли, как правило, меньшинство населения даже в крупных центрах. Здесь город не противостоял деревне, которой как «исторического состояния» еще не существовало в этот период.

Территориальная большесемейная община — основная производственная ячейка западночжоуского общества — являлась коллективным собственником земли, представляя общинно-частный сектор. Судя по «Книге песен» (Шицзин), общинные поля разделялись на *гунтянь* — обрабатывавшиеся в пользу государства и *сытянь* — частные, видимо обрабатывавшиеся для себя. Свободные члены территориальных общин составляли основную массу населения, обязанную натуральными поставками и физическим трудом на общественно-государственные нужды. Собственно чжоуское население *байсин* («сто родов») находилось в привилегированном положении, обладая, в частности, правом на получение продуктов питания и на сокращенные «повинности» и поставки. Так, с него, очевидно, не взимали «повинность» людьми, каури и шелком, каковой было обязано завоеванное чжоусцами население.

По-видимому, к середине периода начинают появляться земельные участки, не входившие в общинные переделы. К этому времени относятся, причем не единичные, сведения о залоговых и торговых земельных операциях. Надпись на бронзе Гэбо гуй²⁴ (условно датируемая рубежом X–IX вв. до н.э.) является документальным свидетельством бартерного обмена конной упряжки на 30 полей. Судя по содержанию соответствующих надписей на сосудах Цю Вэй дин, Ху дин, Гэ Ю Цун дин, Саньши пань²⁵ и др., торговая сделка с землей включала в себя ее законное оформление и регистрацию. В надписи на сосуде Вэйхэ, где речь идет о покупке десяти полей за 80 связок раковин каури, приводится описание этой про-

²³ Loewe M. The Heritage Left to the Empires. — The Cambridge History of Ancient China, p. 1024; см. также: Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации, с. 121.

²⁴ См.: Го Можо. Лянчжоу цзиньвэньцы даси тулу каоши, т. VII, с. 816; см. также: Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации, с. 149.

²⁵ См.: Shaughnessy Ed.L. Western Zhou History, p. 327, n. 88, p. 328.

цедуры, куда входили: официальное заявление о сделке, опрос контрагентов, клятва сторон, акт передачи земельной собственности при участии трех представителей администрации *сыту, сыгун и сыма*²⁶. Указанные тексты, как представляется, являются приметой появления в это время чисто вещного права на землю, что вряд ли, однако, было связано с наметившейся в то время индивидуализацией земельных наделов внутри сельских общин. В любом случае, наряду с отмеченным выше признаком развития частного рабства указанные изменения в сфере землевладения свидетельствуют о появлявшихся важных сдвигах в экономике и социальной сфере западножюуского общества.

После успешных восточных походов армий западножюуских ванов Северо-Восточная равнина и практически весь Северный Китай оказались в сфере их влияния и господства, хотя на этой территории оставались и не подчинившиеся чжоусцам самостоятельные этнические племенные образования и города-государства, такие, как город-государство Юй, расположенный в самом центре исконно чжоуской территории (в Шэньси, в бассейне р. Вэйхэ, в р-не г. Баоцзи), о котором стало известно лишь недавно и только из материалов раскопок, причем как об одном из самых богатых мест захоронений раннечжоуской эпохи, тогда как в нарративных памятниках о нем нет никаких упоминаний. Во второй половине западножюуского периода в ходе предпринятой чжоускими ванами агрессии в южном направлении они столкнулись в бассейне р. Янцзы с государствами Чу, У и Юэ, которые со своей стороны предпринимали в отношении Западного Чжоу наступательные действия. В войне с самым крупным из них государством Чу чжоусцы потеряли восемь армий, а Чжаован был убит в бою («Бамбуковые анналы»). С этого времени южная угроза стала постоянным внешнеполитическим фактором западножюуского государства.

С середины IX в до н.э. западножюуская держава вступила в полосу затяжного внутривосточного кризиса. Западное Чжоу с самого начала было поставлено перед необходимостью отражать набеги окружающих племен и до поры успешно справлялось с этой задачей. С ростом сепаратизма *чжухоу* ослаблялась военная мощь ванов, падал авторитет царской власти. Чжоуские правители с трудом сдерживали натиск племен, ставший особенно сильным на северо-западе. Под напором не прекращавшихся вторжений западных кочевых племен чжоусцы стали покидать свои исконные земли в бассейне р. Вэйхэ. В 771 г. до н.э. войско Ювана было разбито западными племенами кочевников *цюаньжунов*, сам он попал в плен, после чего его сын Пинван основал небольшое государство на востоке со столицей в районе современного г. Лояна. Этим событием традиционная китайская историография начинает эпоху Восточного Чжоу (770–256 гг. до н.э.). Ее начальный период по летописной традиции называют периодом Чуныцзо («Весен и осеней»).

²⁶ См.: Крюков В.М. Ритуальная коммуникация в Древнем Китае, с. 87, 140–141.

*Локальные государства эпохи Чуньцзо
(770 г. до н.э. — середина V в. до н.э.)
Период гегемонов-ба*

Об эпохе Чуньцзо, наряду с археологическим материалом, свидетельствуют многие нарративные памятники. Среди них самыми важными являются лапидарная летопись царства Лу «Чуньцзо» («Вёсны и осени»), охватывающая время 722–481 гг. до н.э., — по ее названию традиционная историография выделяет период Чуньцзо — и весьма пространный комментарий на нее «Цзочжуань», доводящий изложение до 468 г. до н.э., а также литературный памятник «Гоюй» («Речи царств»), где по географическому признаку излагаются события до IV в. до н.э.

Началом эпохи Чуньцзо в современной историографии однозначно признается 770 год до н.э., совпадающий с традиционным началом правления Восточной династии Чжоу, связанный с переселением чжоусцев на восток и перенесением их столицы из г. Хао в г. Чэнчжоу, но расходящийся с датой, открывающей летопись «Чуньцзо» (722 г. до н.э.). Конец эпохи Чуньцзо датируется учеными по-разному — в диапазоне от 481 г. до 403 г. до н.э.²⁷ Однако, исходя из конкретных обстоятельств этого напряженного во многих отношениях времени, связанных с реалиями материальной жизни общества, политическими событиями и фактами этно-социально-культурной истории, целесообразно отнести завершение эпохи Чуньцзо не к какой-то определенной дате, а к середине V в. до н.э. в целом²⁸.

Ко времени правления Восточной династии Чжоу на территории бассейна среднего и нижнего течения р. Хуанхэ — на Великой Китайской равнине образовалось множество самостоятельных царств (по некоторым данным, до 200, из числа которых «Цзочжуань» упоминает 148 *го*), различающихся своими размерами и этническим составом; ряд исследователей

²⁷ Точная датировка завершения традиционно выделенной исторической эпохи Чуньцзо вызывает разногласия среди историков. Многие исследователи предлагают в качестве конечной ее даты 481 г. до н.э. — последний год летописи «Чуньцзо», давшей название данной эпохе. Некоторые не без оснований останавливаются на 403 г. до н.э. — годе официально признанного чжоуским ваном раздела крупнейшего северокитайского царства Цзинь на три государства: Вэй, Чжао и Хань, ознаменовавшего важный перелом в политической истории древнего Китая, после чего вершителями судеб восточночжоуского мира стали так называемые «семь сильнейших». На различиях в данных конкретных источников основаны мнения ученых, принимающих иные — промежуточные даты. Так, с памятником «Цзочжуань» может соотноситься указанная выше дата 468 г. до н.э., с «Историческими записками» («Ши-цзи») Сыма Цяня — 476 г. до н.э. (в соответствии с датировкой им 475-м годом начала следующей эпохи — Чжаньго, «Борющиеся царства»). Имеются и иные датировки эпохи Чуньцзо по более поздним ханским источникам.

²⁸ В примечании от Редколлегии в «Кембриджской истории древнего Китая» предлагается — в отличие от принятой авторами данного тома датировки периода Чуньцзо 770–481 гг. до н.э. — считать конечной датой 450 г. до н.э. (The Cambridge History of Ancient China, p. 410, n. 1).

не без основания относит их к городам-государствам²⁹. Одни из них провозглашали себя потомками чжоусцев, другие — шанцев, но все признавали над собой сакральную власть и верховное главенство чжоуского вана как Сына Неба. Они все причисляли себя к этнокультурной общности *хуася* и именовались «срединными царствами» (*чжунго*) — средоточием Вселенной³⁰, в отличие от всех остальных жителей Поднебесной, по их мнению, «варваров», которые обозначались обобщающими племенными наименованиями: *и*, *мань*, *жун*, *ди* и др. Формирование культурно-генетической общности *хуася* заложило основу этногенеза древнекитайской народности, одновременно возникло представление об исключительности и культурном превосходстве *хуася* над «варварами четырех сторон света» (*си-и*). Постепенно, как ответ на вызов эпохи, на первый план в восточночжоуской эгоцентрической модели ойкумены выдвигаются не этноразличительные, а культуроразличительные признаки. С этого времени идея культурного приоритета «срединных царств» становится важнейшим компонентом этнического самосознания древних китайцев.

Несмотря на мизерность его территории и слабость в военном отношении, Восточное царство Чжоу оставалось самым почитаемым из всех, являясь символом религиозно-культурного единства государств *хуася*, что определяло и его общеполитическую значимость для восточночжоуского мира. Оно сыграло большую роль в установлении дипломатических связей между «срединными царствами», выступая признанным арбитром в их межгосударственных отношениях. В начале периода Чуньцю, когда власть чжоуского вана как Сына Неба была еще достаточно значима, он мог реально вмешиваться во взаимоотношения правителей древнекитайских царств, склоняя их к регулярным мирным контактам и обмену посольствами. Постепенно, однако, эти отношения выходили из-под контроля вана, складывались традиции непосредственных дипломатических соглашений между царствами, вырабатывался сложный ритуал заключения договоров между ними. Если раньше «государства *хуася*» обязательно участвовали в обряде жертвоприношений западночжоуским предкам в священном центре Чжоуяюань (в Шэньси), то теперь в связи с потерей этой святыни прекратилось и участие «срединных царств» в общечжоуском ритуале, что означало крах всей религиозно-политической системы западночжоуской государственности. Сакральная практика этих полностью суверенных *хуасяских* царств оказалась оторвана от обрядов дома Чжоу.

Кроме царств «чжоуского мира» на территории Китая находились государства, отнюдь не уступавшие им ни по размерам, ни по уровню культурного развития, а в чем-то даже опережавшие «срединные царства». Среди них выделялись уже упоминавшиеся южные царства: Чу (в среднем

²⁹ Этому представлению соответствует и часто использовавшийся в источниках восточночжоуского периода термин *го*, который употреблялся как в значении «государство», так и «столица государства» и «город».

³⁰ Creel H.G. *The Origins of Statecraft in China*; Reischauer E.O., Fairbank J.K. *East Asia*. Boston, 1960, p. 538; Chang Kwang Chi. *The Archaeology of Ancient China*. New Haven, 1986.

течении р. Янцзы), У (в дельте р. Янцзы) и южнее их — Юэ. Здесь жило население, родственное предкам вьетнамцев, чжуан, мяо, яо, тай и других народов Юго-Восточной Азии. Практически на всей территории бассейна р. Янцзы (от Цзянсу и Чжэцзяна на востоке до Сычуани на западе, включая север Гуанси и центр Гуандуна на юге) процветали самостоятельные очаги развитой культуры бронзового века, чему постоянно приносят поразительные подтверждения археологические раскопки. К VII в. до н.э. Чу оказалось в числе самых сильных царств древнего Китая, в 706 г. до н.э. его правители присвоили себе титул ванов и, возглавив коалицию южных царств, активно включились в борьбу за гегемонию в Поднебесной.

Войны между царствами становились обычным явлением. С усовершенствованием технологии бронзового литья появляются новые типы наступательного оружия, прежде всего стрелкового. В царстве Чу был изобретен мощный арбалет с бронзовым спусковым механизмом, конструкция которого требовала использования для его изготовления бронзы высшего качества. Эпоха Чуньцзо была апогеем мощи колесничного войска, управление колесницей входило в число шести видов искусства, престижных для чжоуской аристократии. Военный потенциал государства определялся величиной колесничного войска, снаряжение и оснащение которого было непосредственно связано с подъемом бронзовой индустрии. По сведениям «Цзочжуань», в 632 г. до н.э. в знаменитом сражении под Чэнпу царство Цзинь, возглавлявшее северокитайскую военную коалицию, выставило против чуской армии семисотколесничное войско. «Государства с десятью тысячами колесниц» (*ваньчэнго*) представлялись современникам могучей силой, определявшей судьбы Поднебесной. В произведениях военных теоретиков середины I тысячелетия до н.э. война выступает как одна из важнейших функций государства. Исключительная роль придавалась организации военной разведки. Полководец и знаток военного искусства Суньцзы (V в. до н.э.) писал: «Война — это путь обмана... Использование шпионов — самое существенное на войне. Это та опора, полагаясь на которую действует армия»³¹. К восточночжоуской эпохе, охватывающей периоды Чуньцзо (VIII–V вв. до н.э.) и Чжаньго (V–III вв. до н.э.), относятся все известные древнекитайские трактаты о военном искусстве: «Суньцзы», «Уцзы», «Сунь Бинь». На них была основана военная стратегия и тактика, вся философия и теория войны в древнем Китае.

С усилением угрозы нашествия северных племен, особенно ди, вторгшихся в Китай в VII в. до н.э. и осевших в бассейне р. Фынхэ, возникает новый тип коалиций царств древнего Китая, фактически независимых от Сына Неба. Первым стал во главе такой коалиции правитель хуасяского царства Ци (в Шаньдуне). Чжоуский ван был вынужден постфактум признать за ним право на самостоятельные внешнеполитические и дипломатические действия и военные союзы (правда, по традиции, под девизом «Почитание вана и отпор варварам») и одновременно утвердить за ним (в

³¹ Цит. по: Конрад Н.И. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. М.–Л., 1958, с. 34, 55.

671 г. до н.э.) особый титул *ба* («гегемон»). Следующий «гегемон» — царство Цзинь — предотвратил дальнейшее вторжение племен *жунов* и *ди* на севере и остановил агрессию царства Чу, захватившего территории в бассейне р. Хуай и мелкие хаусяские царства в бассейне р. Хань на юге. При фактическом владычестве в стране могущественных политических лидеров *ба*, среди которых были и правители нехуасяских царств, за чжоуским ваном продолжала сохраняться функция религиозного главы Поднебесной. «Гегемония» стала особой формой межгосударственных отношений в период Чуньцзо, в которой ясно проступал военнополитический характер власти *ба*, последовательно занимавших главенствующее положение среди правителей других царств древнего Китая.

Из нечжоуских в число «гегемонов», безусловно, входили правители двух царств, именовавшие себя в надписях на бронзе ванами: У — наисильнейшего в военном отношении (получило титул *ба* в 482 г. до н.э.), и Юэ, номинально признавшего себя данником Сына Неба и завершившего к концу первой четверти V в. до н.э. период владычества *ба* в восточночжоуском Китае. Этот период называют также «У ба» — «Пять гегемонов» (хотя в него иногда включают не пять, а семь *ба*), среди которых по целому ряду убедительных, но неоднозначных данных значится также нечжоуское царство Чу и северо-западное полуварварское Цинь. К концу Чуньцзо все они фактически вошли в орбиту восточночжоуского мира, расширившись за счет захваченных ими «срединных царств» и восприняв многие культурные достижения *хуася*.

Будучи окраинными царствами, все *ба* — как *хуасяские*, так и *нехуасяские* — с самого начала занимали особое положение, исключительно благоприятное для целей внешней агрессии. Это дало им возможность практически беспрепятственно значительно расширить свои границы за счет племенного мира, а затем и ближайшего окружения «срединных царств», что само по себе должно было привести к коренным изменениям внутреннего устройства и внешнеполитической ориентации этих крупных территориальных образований.

В ходе постоянных контактов «срединных царств» с соседствовавшими иноэтническими народами и племенами происходил сложный процесс ассимиляции и взаимных влияний. В частности, на формирование общности *хуася* оказало определенное воздействие оседание на Среднекитайской равнине племен *белых ди*, принадлежавших к так называемому «скифскому миру». Судя по основанному ими царству Чжуншань, о котором археологические данные свидетельствуют как о воспринявшем традицию *хуасяской культуры*³², различия между «срединными царствами»

³² О царстве Чжуншань до сравнительно недавнего времени ученым практически почти ничего не было известно. В письменных источниках (Чжаньгоцэ) оно упоминается лишь вскользь и не включается в культурную сферу *хуася*. Только по археологическим памятникам теперь стало известно о высокой самобытной культуре этого царства, чжуншаньские памятники материальной культуры — среди лучших художественных образцов бронзолитейного искусства западночжоуского Китая. См.: Treasures from the Tombs of Zhong Shan

и осевшими на пограничных территориях нечжоускими этносами постепенно становились все менее заметными. Заимствование культурных достижений «чужих» этносов имело немаловажное значение для материального и духовного развития «срединных царств». Так, от северных степных кочевников ху царством Цзинь была заимствована кавалерия, от южных царств северными — сложный лук, пехотное войско, технология бронзового литья, лакировочное мастерство. Вместе с тем в сферу культурного влияния хуся непосредственно вовлекаются нечжоуские периферийные царства, прежде всего Цинь (на северо-западе), Янь (на северо-востоке) и южное царство Чу.

К концу первой половины I тысячелетия до н.э. во многих царствах прекратились общинные переделы земли, которая наследственно закреплялась за отдельными семьями. Это вызвало изменение всей системы изъятия государством прибавочного продукта. Сначала в царстве Лу (в 594 г. до н.э.), а потом в Чу (в 548 г. до н.э.) и других государствах был введен зерновой налог с поля каждой семьи, составлявший, по одним данным — одну, по другим — две десятых доли урожая («Гоюй», «Цзочжуань»). По сути, это было началом регулярного налогообложения земледельческого населения, что повлияло на характер органов общинного самоуправления. Из них известны избираемые простым народом (*шужэнь*) в общине (*ли*) старейшины *фулао*, *улао*, а также возглавлявшие межобщинный культ *саньлао* (первоначально — коллегия трех старейшин) и староста (*личжэнь*). Они отвечали за сбор налогов, выполнение общественных работ, обеспечивали порядок в общине, созывали местное ополчение, вершили суд над членами общины; в чрезвычайных обстоятельствах органы общинного самоуправления оказывали влияние на решения правителей.

С изменением характера общинного землевладения усиливается процесс имущественной дифференциации общинников. В конце периода Чуньцзо появляются единичные факты залога и отчуждения частных усадеб, садов и огородов. Под видом «усыновления» и «залога детей» получает развитие долговое рабство. В частных хозяйствах распространяется преимущественно патриархальное рабство: эксплуатация *нучаньцзы* — рабов, прижитых в доме от рабынь. Известны случаи использования в это время подневольного труда в земледелии («Гоюй»). Расширяются источники частного рабовладения, в частности за счет военнопленных, и у знати нередко скапливается много рабов. Формальным актом порабощения стало составление персонального «красного документа» (*даньшу*), в котором записывалось имя порабощенного. Ряд собирательных обобщающих терминов для эксплуатируемых работников, в частности *ли*, *пу* и др., стал означать лиц, утративших статус, гарантирующий личную свободу³³. Однако характерной чертой рабства и в эту эпоху было сохранение

Guo Kings: An Exhibition from the People's Republic of China. 17 March — 5 May, 1981. Tokyo National Museum.

³³ См.: Рубин В.А. Рабовладение в древнем Китае в VII–VI вв. до н.э. — Рубин В.А. Личность и власть в древнем Китае. М., 1999, с. 195.

многими категориями подневольных работников признаков субъекта права.

В ряде царств, преимущественно небольших (Чжэн, Вэй, Сун, Чэнь, Цай, Лу, Цзюй и др.), в это время прослеживается активное участие в общественной жизни социального слоя *гожэнь* («людей го») — полноправных граждан города-государства. Конкретные случаи вмешательства *гожэнь* во внутреннюю и внешнюю политику неоднократно отмечаются источниками. Так, летопись «Цзочжуань» под 501 г. до н.э. приводит факт обращения правителя царства Вэй к *гожэнь* за согласием на объявление войны. *Гожэнь* могли предрешать исход борьбы за престол. Они организовывали городскую оборону, самостоятельно сносились с внешним миром, заключали соглашения с правителями, а также с *гожэнь* других царств. Согласно данным «Цзочжуань», «Мэнцзы», «Чжоули» и другим источникам, в определенных случаях *гожэнь* ставили и смещали царей; так произошло, в частности, в 649 г. до н.э. в царстве Вэй, в 615 г. до н.э. — в Чэн, в 527 г. до н.э. — в Цзюй. Непосредственное и постоянное вмешательство *гожэнь* в дела внешней и внутренней политики городов-государств дает основание предполагать наличие в них определенных элементов народного собрания и других черт демократического устройства³⁴.

Господствующее положение в древнекитайских царствах периода Чуньцю принадлежало наследственной аристократии, связанной обычно родством с царскими домами. Она занимала высшие посты в государственном управлении, безраздельно владела боевыми бронзовыми колесницами, составлявшими основу войска. В противовес ей правители крупных царств начинают формировать армии пехотных подразделений, состоявших из рядового свободного населения, которое на постоянной основе стало привлекаться к военной службе, в частности, в царствах Чу, Цзинь и Ци. Начиная с VI в. до н.э. повсеместно отмечается яростная борьба знатных родов за власть в своих царствах, в которой на стороне правителей иногда выступали *гожэнь*. Стремясь ослабить мощь потомственной аристократии, правители крупных царств пытаются опереться на лично им преданных людей из незнатных семей, вводят новую систему служебного вознаграждения — «жалованье», которое стало выплачиваться зерном, служившим важнейшим эквивалентом стоимости. В ряде царств вводятся новые территориально-административные деления. Предпринимаются попытки на государственном уровне заменить нормы обычного права письменным законодательством. Так, в 536 г. до н.э. в царстве Чжэн, в 513 г. до н.э. — в Цзинь были отлиты бронзовые треножники с кодексом уголовных законов («Цзочжуань»). Эти и другие серьезные нововведения в сфере управления вели к централизации политической власти и изменению характера государственного устройства, приходя на смену прежнему, во многом патри-

³⁴ См.: Рубин В.А. Народное собрание в древнем Китае в V–III вв. до н.э. — Рубин В.А. Личность и власть в древнем Китае, с. 207–227.

архальному режиму правления, фактически соправления царя и потомственной клановой знати.

К середине I тысячелетия до н.э. на политической карте Чжоуского Китая от множества государственных образований остается менее 30. Остальные были поглощены четырьмя крупнейшими царствами — Цинь, Цзинь, Чу и Янь. К концу V в. до н.э. окончательно определяются «семь сильнейших»: из «срединных царств» — Ци и выделившиеся из Цзинь в результате раскола государства Вэй, Чжао и Хань, из нехуасяских царств — «периферийные» Цинь (на северо-западе), Янь (на северо-востоке) и Чу на юге. Напряженнейшая борьба между ними за господство в Поднебесной становится определяющим фактором политической истории древнего Китая в последующий двухвековой период, который вошел в традицию под названием «Чжаньго» («Борющиеся царства»).

Территориальные государства эпохи Чжаньго (450–221 гг. до н.э.)

Эпоха Чжаньго была временем кардинальных сдвигов в развитии производительных сил, глубоких изменений в сфере экономики и политики, радикальных общественных перемен и крайнего напряжения социальной борьбы.

Зафиксированный источниками этого времени общий хозяйственный подъем был связан с распространением железа. Благодаря успехам бронзового литья в древнем Китае сразу появляются как чугун, так и сталь, прежде всего в южных царствах У и Юэ. Освоение технологии производства чугуна создавало условия для быстрого подъема земледелия и ремесла в связи с возможностью налаживания «серийного» производства железных орудий труда. Благодаря проведению крупномасштабных гидротехнических работ в пределах целых речных долин, что было под силу только крупным царствам, стало возможным массовое превращение новины в возделанные поля как в Северном Китае (распашка лессового плато), так и в долине р. Янцзы. Именно с этого времени можно говорить о развитии в Китае ирригационного земледелия³⁵. Первое свидетельство о государственно контролируемой системе ирригации, направленной на поднятие новых земель для обработки, относится к созданию в царстве Вэй в 430 г. до н.э. многоканальной оросительной системы уездным начальником Симэн Бао. В III в. до н.э. в царстве Цинь был проведен крупный оросительный канал Чжэнго, соединивший реки Цзин и Ло в бассей-

³⁵ Этот несомненный факт, к сожалению, до сих пор выпадает из поля зрения некоторых историков-востоковедов, связывающих зарождение китайской цивилизации с якобы исконным для нее централизованным ирригационным земледелием. С этой исторической фикцией связано и перенесение на Китай с «легкой руки» Витфогеля теории азиатского способа производства. См.: *Wittfogel K.A. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power.* New Haven, Conn., 1963.

не р. Вэйхэ. К 300 г. до н.э. относится сооружение Ли Бином знаменитой разветвленной ирригационной системы в Сычуани, действующей до наших дней. Однако несогласованное строительство локальных гидротехнических сооружений отдельными царствами бывало чревато губительными последствиями. Так, возведение береговых дамб на р. Хуанхэ шаньдунским царством Ци привело к страшным наводнениям в царстве Вэй, расположенном выше по течению реки. Вместе с тем государства прибегали и к совместным проектам водного контроля, о чем, в частности, говорит сооружение линии плотин вдоль нижнего течения р. Хуанхэ царствами Вэй, Чжао и Ци.

Проведение комплексов ирригационно-мелиоративных работ и строительство многопрофильных оросительных систем позволили значительно повысить общую продуктивность сельскохозяйственного производства. С этого времени развитие культуры поливного земледелия стало важнейшим фактором прогресса китайской цивилизации.

В эпоху Чжаньго намечается специализация ремесленного производства по отдельным районам, возникают его новые отрасли. Стремительно развиваются рыночные отношения. Несмотря на трудности внутренней и внешней торговли, связанные с таможенной политикой царств, товарный рынок вырос повсюду.

Имели хождение деньги нескольких видов: литые бронзовые — в форме лезвия мотыги (в царстве Цзинь), в форме ножа (в царствах Янь и Ци), в виде раковин каури (в царстве Чу), круглые с квадратной дырой посередине (в царстве Цинь); золотые — квадратные и круглые с клеймом столицы Чу; лопатовидные серебряные деньги в царстве Чжэн. Развивающаяся торговля требовала разработки устойчивого денежного эквивалента. Постепенно деньги становились менее громоздкими и приобретали нарицательную стоимость. Процветали городские рынки. «Исторические записки» Сыма Цяня (146–86 гг. до н.э.) и другие источники отмечают расширение в это время сети сухопутных и водных транспортных и торговых путей. Целая система каналов через промежуточные речные русла связывала царства севера и юга. Формируется новый социальный слой «торговых людей» (*шанжэнь*), у которых скапливаются свободные денежные средства. Известно, что торговцы железом и солью сколачивали огромные состояния. В отдельных царствах, в частности в Чжэн и Вэй, лица, связанные с торговлей, стали оказывать влияние на политику («Цзо-чжуань», «Гоюй»).

Развитие ремесла и торговли приводило к росту городов и изменению их характера. Возникают города — торгово-ремесленные и промышленные центры с полумиллионным населением. На период Чжаньго падает своего рода бум градостроительной деятельности. По суммарным данным источников, в это время появилось более 400 городов. Если раньше редкий город насчитывал 300 дворов, то теперь город в 10 тыс. дворов стал обычным явлением. Крупнейшими городами были столицы: г. Линьцы — в царстве Ци, г. Ханьдань — в Чжао, г. Синьчжэн — в Хань, г. Цзи (в р-не

Пекина) — в Янь, г. Аньи — в Вэй, г. Ин — в Чу. Город был фокусом социальных антагонизмов — противоречий между правителем и потомственной аристократией, старой и новой имущественной знатью, городским плебсом и городской верхушкой.

В эпоху Чжаньго город становится генератором духовной и материальной культуры. Именно атмосфера древнекитайского города заложила основу для возникновения в древнем Китае в середине I тысячелетия до н.э. феномена «осевого времени» — того великого взлета философской мысли, который дал мировой цивилизации непреходящие духовные ценности: даосизм, конфуцианство, моизм, легизм и другие учения. В крупных городах происходили открытые философские диспуты, в которых участвовали виднейшие умы из разных городов и царств, как «срединных», так и нехуасяских. Диалог представителей различных идейных школ, приобретающий, как правило, острые дискуссионные формы, — характернейшая черта культурной жизни древнекитайских городов того времени. Самым знаменитым городом был крупный торгово-ремесленный и культурный центр г. Линьцзы (в Шаньдуне), где проживало 70 тыс. семей (в том числе не менее 210 тыс. взрослых мужчин). Город пересекали под прямым углом семь главных улиц, некоторые — шириной в 20 м и 4 км длиной. Здесь находилась знаменитая на весь чжаньгоский Китай Академия Цзися, где одновременно состязались в красноречии до тысячи «мужей, искусных в споре». Некоторые из известнейших мудрецов древнего Китая были выходцами из этой академии.

В сельском хозяйстве основной фигурой оставался полноправный земледелец-общинник. Стандартной площадью «полного надела» считался участок в 100 му («Мэнцзы», «Люйши чуньцзо»). Государство существовало теперь за счет регулярного поземельного налога с каждого общинного двора, обремененного также воинской и рабочей обязанностями. Рост внутреннего обмена и рыночных отношений, распространявшихся и на сделки с землей, вел к резкому имущественному расслоению общины. Поля обедневших общинников из числа неоплатных должников фактически переходили в руки их кредиторов — богатеев общинной верхушки. Впервые общественное мнение выдвигает постулат: «бедность — это порок». «Нерадивые и ленивые впадают в бедность, а трудолюбивые — богаты», — заявляет философ легист Хань Фэйцзы (288–233 гг. до н.э.). Постепенно община превращалась в самоуправляющееся сообщество земельных собственников, владевших полями по праву принадлежности к общине. В ряде царств (в частности, в Ци, Цзинь, Чжэн, позже других в Цинь) была проведена перепись населения и регистрация земельных наделов, официально разрешена купля-продажа земли; предпринимались и другие меры, объективно расчищавшие путь частнособственническим и товарно-денежным отношениям.

Как в «центральных», так и «периферийных» царствах были осуществлены реформы, направленные на политическую централизацию, административно-территориальное переустройство, уничтожение аристократических привилегий знатных семей, регулирование определенных сфер об-

ществленного производства и распределения (торговли, ремесла, земледелия), изменение налогообложения с учетом трансформации общины. Эти реформы, несомненно, соответствовали интересам новой служилой знати и разбогатевшей части господствующего класса.

Появляются крупные частные хозяйства — специализированные сельскохозяйственные и ремесленно-промысловые, более всех прочих связанные с рынком. Тем самым получает стимул к развитию частное рабовладение. Нам известны поименно богачи из разных царств, владевшие сотнями рабов (Шицзи, гл. 129³⁶; Цяньханьшу, гл. 91, с. 604/1186–605/1187) и основывавшие свои предприятия на подневольном труде. Пределом тяжелой участи выступает у Хань Фэйцзы «горестный труд раба». Рабы дарились, переходили по наследству, покупались и продавались на городских рынках. Источником рабства мог становиться и разбойный захват, в этом случае насильственно захваченный человек юридически становился рабом после совершения формального акта продажи его в рабство.

Материалы источников свидетельствуют о расширении во второй половине I тысячелетия до н.э. источников рабства и сферы использования рабского труда как в частном секторе, так и в государственном. Важной отличительной чертой рассматриваемого периода было распространение частного рабовладения — явления, которое рядом исследователей ставится в прямую связь с утверждением в это время частной собственности на землю.

Особенностью данного этапа развития рабовладения, как частного, так и государственного, явилось сосуществование развитых форм рабства с ранними его формами, такими, как самопродажа свободных людей, патриархальное, домашнее и долговое рабство. Это само по себе отразилось на терминологии рабства, которой вообще была свойственна чрезвычайная нерасчлененность понятий подневольного и зависимого состояния, что уже отмечалось выше.

Рабов обозначали терминами *ну*, *бэй*, *тун*, *ши*, *юй*, *фу*, *цзан*, *хо*, *ли*, *чэнь*, *ту*, *пу*, *му*, *ляо*, *тай*, *цзэ*, *це*, *цзао* и многими другими. Часто эти термины употреблялись в сочетании друг с другом, например: *ну-бэй*, *тун-ну*, *ли-чэнь*, *ли-юй*, *ли-пу*, *пу-ли*, *цзао-ли*, *чэнь-це*, *цзуй-ли*, *фу-бэй*, *ту-ну*, *ту-ну-бэй* и т.д.; иногда им предшествовали такие определения, как *гуань* — правительственный, казенный, *сы* — частный, *гун* — дворцовый, *цзя* — принадлежащий данной семье.

Самыми распространенными и безусловно обобщающими с середины I тысячелетия до н.э. стали термины *ну* и *бэй*. Термин *ну* обозначал раба-мужчину. В источниках часто упоминается, что такой-то «был продан и стал *ну*»³⁷. Иероглиф *ну* входил в состав ряда конкретных терминов рабст-

³⁶ Сыма Цянь (сост.). Шицзи (Исторические записки). Шанхай, 1935 (Сыши. Т. I), гл. 129, с. 562–565 (далее — Шицзи). См. также: Swannes N.L. Food and Money in Ancient China. Princeton, 1950, p. 424–431; Wilbur C.M. Slavery in China during the Former Han Dynasty, p. 259.

³⁷ Например, в относящемся к 202 г. до н.э. тексте читаем: «Бу был схвачен кем-то и продан в качестве раба (*ну*) в Янь» (Цяньханьшу, гл. 37, с. 329/91).

ва, таких, например, как термин *нучаньцзы* — «рожденный от раба» (Шицзи, гл. 6, с. 56, гл. 48, с. 334; Цяньханьшу, гл. 31, с. 298/880), причем именно знак *ну* в каждом из словосочетаний придавал ему значение рабского состояния. Термин *бэй* имел смысл «рабыня». Часто эти два термина употреблялись вместе — *нубэй* и означали рабов вообще³⁸. Термин *тун* обычно применялся к частным молодым рабам, как мужчинам, так и женщинам, и в собственном смысле означал «юный», «отрок». Согласно источникам, эти рабы часто использовались в ремесленных мастерских крупных собственников, их количество у отдельных лиц исчислялось сотнями (вплоть до 1 тыс. и более). Не было бы уверенности в том, что *тун* были рабами, если бы источники не называли их также *тун-ну*, т.е. «отроками-рабами». Такие термины, как *ши*, *юй*, *фу*, обычно означали домашних слуг-рабов. Термины *цзан* и *хо* имели множество значений. *Цзан* означал мужчину-раба, *хо* — рабыню. По-видимому, в разных областях Китая они имели различные оттенки социально низкого состояния. В ряде местностей так называли детей свободной и раба. Иногда это было оскорбительным названием для рабов. Иногда означало беглых рабов. Некоторые исследователи считают, что термины *цзан* и *хо* означали рабов-военнопленных. Далеко не всегда различались термины частного рабства и государственного, как о том можно судить по термину *цантоу*, который ученые толкуют по-разному. Вместе с тем были и термины именно частного рабства, как, например, упоминавшийся выше *нучаньцзы*. Из циньского судебника известно о *личэнь* — особой категории государственных рабов из осужденных по суду, которые использовались только в отраслях царского хозяйства. Очень распространенным термином для обозначения рабов из осужденных был термин *ту*. Не все исследователи считают его идентичным термину *ну* — «раб», в отношении которого нет никаких сомнений, что дело идет о рабе. Этот термин часто употребляется в сочетании с другими обозначениями рабов (причем всегда только рабов!) — например, *ту-нубэй*; при этом не всегда легко определить, идет ли речь об отдельных терминах или их словосочетании, но в любом случае это знаменательно. Иногда проводится ясное различие между «людьми, осужденными в рабство» (*тужэнь*) и «рабами по рождению» (*нучаньцзы*)³⁹, но ясно, что речь идет о двух равнозначных социальных категориях. Показательно, что современники отождествляли термины *ту* и *ну*. Так, согласно

³⁸ Так, например, в эдикте Ван Мана 9 г. н.э. читаем: «Цинь... установила рынки рабов и рабынь (*нубэй*)...» (Цяньханьшу, гл. 99Б, с. 675/1257). Об использовании термина *нубэй* см. также: Цяньханьшу, гл. 1Б, с. 9/591, гл. 4, с. 22/604, гл. 11, с. 50/632, гл. 24А, с. 195/777, 196/778, гл. 24Б, с. 198/780 — 202/784, гл. 49, с. 378/960, гл. 63, с. 454/1036, гл. 68, с. 478/1060, гл. 99Б, с. 677/1259, гл. 99В, с. 681/1263; Шицзи, гл. 30, с. 232–234, гл. 129, с. 553; *Фань Е.* (сост.). Хоуханьшу (История Младшей династии Хань). Шанхай, 1935 (Сыши. Т. III), гл. 1Б, с. 7/1301–9/1303 (далее — Хоуханьшу) и др.

³⁹ Это видно из отрывка «Цяньханьшу», относящегося к 209 г. до н.э.: «Цинь приказала освободить в горах Ли рабов из осужденных (*тужэнь*) и рабов по рождению (*нучаньцзы*)» (Цяньханьшу, гл. 31, с. 298/880).

ханьскому толковому словарю «Шовэнь», осужденных за преступление мужчин называли *ну*, а женщин — *бэй*⁴⁰. Комментатор «Шовэня» Ли Цзи уточняет: «Общим термином для мужчин и женщин [категории] *ту* является [термин] *ну*» (Цяньханьшу, гл. 23, с. 189/771). *Ту* работали в кандалах, одетые в красно-коричневые (символ позора) одежды, с железными ошейниками и бритыми головами. Их переправляли на место работы под конвоем, они были заняты на тех же работах, обычно очень тяжелых, что и *ну* — «рабы». Эти государственные подневольные работники в составе рабочих отрядов использовались на сооружении каналов и дорог, постройке дворцов, большими партиями направлялись в государственные рудники, железоделательные и другие казенные мастерские. В знак принадлежности государству всем им татуировались лица (зеленая черта вокруг глаз). Для обозначения государственных рабов из осужденных использовались и другие термины, но термин *ту* был, видимо, общепринятым и самым ходовым. Обозначение же казенных рабов этой категории особым термином, с одной стороны, являлось отражением общей нерасчлененности терминологии рабства в древнем Китае, а с другой — подчеркивало их специфический характер, что могло быть важно для направления их на работу.

С начала Чжоу практиковалось осуждение вместе с преступниками и членов их семей (Шицзи, гл. 10, с. 86). Серьезность проступка определяла разряды родственников, ответственных за преступление и подлежащих порабощению. Оформлялся акт порабощения семей лиц, приговоренных по суду, который назывался «*жугуань*» — «взять в казну». В эпоху Чжаньго этот источник государственного рабства в связи с введением в ряде царств жестоких уголовных законов получил особое значение.

Значимым источником как государственного, так и частного рабства продолжало оставаться порабощение военнопленных. В условиях непрекращающихся и продолжительных войн «семи сильнейших» бои длились месяцами и годами (во времена Чуньцзо редкие сражения не завершались в течение суток), наряду с огромными многосоттысячными людскими потерями столь же крупными были и захваты военнопленных. Пленные, безусловно, порабощались, о чем свидетельствуют их этнонимы, в состав которых, как уже говорилось, входили термины рабства, среди них один из наиболее ярких примеров именно чжаньгоского времени — этноним северных племен *сюнну*, означающий «злые рабы». По древнекитайскому уголовному праву иноплеменники были потенциальными рабами, и по этой причине понятия «военнопленный» и «раб» (в частности, раб из осужденных преступников) соприкасались, если не оказывались тождественными, что, конечно, находило свое отражение и в международном праве. Кроме упомянутых выше *цзан* и *хо*, специального термина для понятия «раб-военнопленный», очевидно, не существовало, зато составные и описательные термины такого рода были, как, например, *ну-лу* — *ну-пленник*.

⁴⁰ Сюй Шэнь (сост.). Шовэнь цзецзы. Шанхай, 1936.

Обращает на себя внимание отсутствие в этот период специального термина «свободный», противостоявшего понятию «не-свободы». Зато много обтекаемых, обобщающих понятий, таких, например, как *гожэнь* («горожанин»), *ежэнь* («поселянин»), *минь*, *байминь* («народ») и, пожалуй, самый понятийно близкий к этому термин *шужэнь*. Так, в относящемся к самому концу III в. до н.э. правовом документе читаем: «...те, кто продал себя в частное рабство (*сы нубэй*), должен быть освобожден и стать *шужэнь*» (Цяньханьшу, гл. 1, с. 9/591). Однако этот термин в социальном плане может значить скорее «не-раб», чем «свободный», так как применим только к определенному, хотя и достаточно широкому, социальному слою. Этот феномен, конечно, связан с нерасчлененностью социальной терминологии вообще, но, видимо, не только с этим. Само явление-понятие-состояние «свободы» де-факто существовало, и людям, лишенным права на собственную личность (что терминологически было уже закреплено юридическими нормами), противостояли члены общества, этим правом обладавшие, которых было, естественно, подавляющее большинство. Как на пример и даже возможную попытку постановки этой проблемы можно указать на термин *цяньшоу* («черноголовые») как возможный антоним термина рабства *цантоу-ну* («рабы-синеповязочные») (см. ниже). Однако до осознания общегражданского состояния «свободы» и появления соответствующего термина древнекитайское общество должно было проделать длительный путь развития, чтобы вместо противопоставления «рабство»—«нерабство» появилось противопоставление «свобода»—«несвобода». Такие понятия и такая терминология в древнекитайском обществе выработались, когда — почти на рубеже средневековья — появились социально противостоящие термины «ляньжэнь» и «цзяньмин». Правда, здесь следует учесть, что понятие и его фиксация в правовых нормах не всегда совпадают по времени. Подобное же положение существовало и в ряде других стран Древнего Востока — в отличие от античного мира, где, как в Греции, например, с самого начала возникли термины *ἐλεύθερος* — «свободный» и *δούλος* — «раб» как альтернативные социальные понятия.

Уже упоминалось, что в частных хозяйствах выделялись рабы, приобретенные путем купли-продажи, и самопродавшиеся за долги, хотя эта последняя форма частного рабства относилась к числу общественно предосудительных. Знаменательно, что именно в период Чжаньго в этикополитических учениях зазвучала «тема народа», и именно с этого времени проблема долгового рабства и кабальных займов становится серьезной общественной проблемой.

Общество Чжаньго раскалывалось на два крайних социальных полюса: безудержно обогащающихся, рвущихся к власти «новых» верхов и обездоленных нищих низов. Страх перед их возмущением звучит в этикополитических учениях этого времени. О выступлениях против социального гнета известно из исторических хроник и в более ранние периоды, но на эпоху Чжаньго падают сведения о наиболее частых народных волнени-

ях. Повстанцы захватывали имущество богатеев, сжигали долговые записи, «уходили в леса и горы». «Народ злословит царей и поднимается на разбой», — свидетельствует живший в то время философ Мэнцзы (372–289 гг. до н.э.). Знаменательно объяснение им причин составления летописи царства Лу «Вёсны и осени»: «Мир пришел в упадок, [прежние] нравы утрачивались... подданные убивали правителей, сыновья — отцов. Поэтому Конфуций [в поучение] составил летопись».

Напряжение социальных противоречий выразилось в острейшей борьбе идеологических школ. Не случайно у большинства мыслителей этой эпохи социальная и этико-политическая тематика оттесняет на второй план гносеологию и онтологию. Из самых различных общественных слоев выделяется в это время своего рода философствующая «интеллигенция» — странствующие из царства в царство проповедники и мудрецы, так называемые Учителя, становившиеся основателями морально-философских и этико-политических учений; одним из первых среди них был Конфуций. Эта духовная элита знаменовала собой появление совершенно новых интеллектуальных сил, вызванных развитием индивидуально-личностного начала. Наиболее резкий характер носило противостояние конфуцианства и школы *фацзя* (законников или легистов). Конфуций выступал проповедником «гуманного правления» и аристократической морали. Легисты, многие из которых были политическими деятелями, проповедовали идею сильной централизованной власти и жесткого административно-территориального государственного управления, выступали за отмену наследственных должностей и потомственных аристократических титулов. В отличие от конфуцианцев — сторонников обычного права, легисты выражали идею опирающейся на закон государственности, выдвигали концепцию единого писаного права и крайнего ужесточения наказаний. Первым легистом традиционно считается государственный деятель из царства Вэй — Ли Куй, известный по поздним источникам как автор первого в истории Китая свода законов «Фацзин», не сохранившегося до наших дней. В делах государственной важности легисты предлагали руководствоваться прежде всего материальной выгодой. Во внешней политике развивали учение о примате войны. Среди основоположников легизма был выдающийся военный стратег и полководец У Ци (Уцзы).

Именно в этот период, как результат длительного процесса преодоления архаических форм общественного сознания, в древнекитайском обществе формируется новый социально-психологический тип личности, вырвавшейся из оков традиционного общинно-религиозного мировосприятия. Вместе с ней возникает критическая философия и теоретическая научная мысль. Однако на глубинном уровне массового сознания господствовало нерасчлененное народно-мифологическое мышление. Общинные культы продолжали играть важную роль, что говорило о большой живучести породивших их норм общественной жизни. Кроме повсеместно распространенного культа предков семейной общины широко практиковались общинно-территориальные культы, связанные с магией плодородия.

дия, в частности с весенней обрядностью⁴¹. Одним из наиболее стойких оставался сопровождаемый человеческими жертвами культ священных гор. В 530 г. до н.э. в ознаменование военной победы чуский царь принес духу горы Ган человеческую жертву.

С возникновением крупных территориальных государственных образований, охватывавших целые регионы и речные бассейны, общинные культы и верования должны были потесниться перед общегосударственными. Среди чжоуских культов, которые активно насаждались царской властью, наиважнейшим был утративший связь с духами природы культ Неба как высшего божества. В непосредственной связи с укреплением в религии культа верховного божества Неба стоит сакрализация самого института монархии. Титул высшей царственности «Тяньцзы» («Сын Неба»), первоначально бывший прерогативой чжоуского вана, в период Чжаньго стали присваивать себе правители «сильнейших» царств. Так, в 344 г. до н.э. в ознаменование своей победы над царством Ци правитель царства Вэй присвоил себе титул «вана». После очередной успешной баталии в 323 г. до н.э. провозгласил себя «ваном» правитель Ци, а вслед за ним «ванами» стали правители Цинь, Хань, Чжао, Янь, Чжуншань и остальных сколько-нибудь сильных царств.

С ослаблением общинных связей, постепенно переставали пользоваться былым авторитетом культы, основанные на традиционных родо-племенных верованиях и магических обрядах, особенно связанные с человеческими жертвоприношениями. Так, например, в царстве Вэй в IV в. до н.э. культ бога Реки, видимо, без всякого противодействия со стороны общинников был уничтожен властями и заменен культом официальных святых (Шицзи, гл. 126, с. 553).

Там, где местные верования оказывались устойчивыми и противостояли официальной идеологии, государство пыталось их потеснить. Так, в 227 г. до н.э. на захваченной царством Цинь чуской территории законом было предписано местным властям под страхом казни «искоренить местные обычаи», как «наносящие вред государству». Через несколько лет, после подчинения царством Цинь всего древнего Китая, вставший во главе огромной империи циньский правитель продолжал преследовать архаические культы; по преданию, он отправил три тысячи рабов на вырубку священных чуских рощ, где располагались капища местных божеств.

Население древнего Китая представляло собой в лингвистическом отношении конгломерат этнокультурных общностей, говоривших не только на разных диалектах древнекитайского языка, но и на языках, не родственных китайскому; особенно ощутим был языковой барьер между «срединными царствами» Великой Китайской равнины и государством Чу. Перемещения огромных людских масс в ходе непрерывных войн и особенно переселений, вызванных колонизаторской политикой «сильнейших» царств,

⁴¹ См.: Яншина Э.М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М., 1984, с. 64.

вели к нивелированию диалектных особенностей, в связи с чем в ареале формирования древнекитайской общности в эпоху Чжаньго начинал складываться общий устный древнекитайский язык, что открывало возможности для расширения культурных контактов и активного обмена идеями.

Культурному сближению и политической интеграции разноязычных царств и этносов способствовало распространение универсальной иероглифической письменности. Она могла быть использована носителями любого языка благодаря отсутствию в ней прямой связи между чтением и графическим начертанием. Стандартизированный язык письменных памятников Чжаньго не совпадал ни с одним из разговорных языков, являясь наддиалектическим, грамматически и лексически основанным на диалектах центральных государств Среднекитайской равнины. Грамотность охватывала достаточно широкие слои населения и считалась признаком образованности. Показательно, что царские указы не просто оглашались, но записывались и выставлялись у городских ворот для публичного ознакомления.

В истории духовной культуры Китая период «Борющихся царств» был в известном смысле неповторимой эпохой широкой борьбы идей, мировоззрений, философских направлений, фактически не стесняемых никакой официальной идеологической догмой. В противоположность этому одним из государственных актов империи Цинь (возникшей в конце III в. до н.э.) был эдикт 213 г. до н.э., запрещающий под страхом смерти дискуссии и споры, повелевавший «изъять изречения всех учителей»; вне закона были объявлены все школы, кроме *фацзя*.

Важные социально-экономические сдвиги периода Чжаньго явились предпосылкой перехода к эпохе поздней древности. Его характерными признаками были: бурное развитие товарно-денежных отношений, появление металлических монет, рост и оживление городов, разрушение общинных и внедрение частнособственнических отношений, вытеснение наследственной аристократии новой знатью. Отличительной чертой рассматриваемого периода было распространение частного рабовладения — явления, которое рядом исследователей ставится в прямую связь с утверждением в это время частной собственности на землю.

Наиболее последовательно и прямолинейно назревшие в обществе политико-административные, социальные и финансово-экономические реформы были проведены в царстве Цинь.

*Формирование государственности
раннеимперского типа.
Создание первой древнекитайской
империи Цинь (221–206 гг. до н.э.)*

Окраинное северо-западное царство Цинь с середины IV в. до н.э. резко вырывается вперед среди «сильнейших» царств. Расположенное в плодородном бассейне р. Вэйхэ, оно отличалось богатством и разнообразием

природных ресурсов, а также выгодным географическим положением с доступом к важным торговым путям. Будучи защищенным естественными рубежами — р. Хуанхэ и горными хребтами — от вторжения соседних царств с востока, Цинь вместе с тем занимало удобную стратегическую позицию для наступления как на царства, находившиеся в среднем течении Хуанхэ, так и на пограничные западные племена. Торговля с северными племенами являлась важным источником обогащения царства Цинь. Раскопки конца XX в. доказали высокий уровень развития материальной культуры царства Цинь: найденные здесь железные изделия конца VI в. до н.э. заставляют отнести это царство к одному из ранних (если не к самому раннему) центров металлургии железа в древнем Китае. После осуществления царством Цинь в конце IV — середине III в. до н.э. воднохозяйственных мероприятий в бассейне р. Вэйхэ (притока р. Хуанхэ) и р. Минь (притока р. Янцзы) орошаемое земледелие, позволившее получать устойчивые урожаи, повысив их в два-три раза, становится основой экономики циньского государства и залогом его хозяйственного подъема.

Вплоть до середины V в. до н.э. Цинь не принимало активного участия в междоусобной борьбе царств и среди «семи сильнейших» считалось отнюдь не самым сильным. Причиной его усиления были проведенные в середине IV в. до н.э. министром Шан Яном (390–338 гг. до н.э.) — идеологом легизма — политико-административные, финансово-экономические и военные реформы, знаменовавшие собой кардинальное изменение общественно-политического строя и связанные с идеей и практикой вмешательства государства в общественное производство и распределение.

Шан Ян ввел единое законодательство и судопроизводство, узаконил залог и куплю-продажу земли, отменил ограничение размера земельных наделов. С учетом трансформации общины он вторгся в землевладение большесемейных общинных объединений, требуя раздела патриархальных хозяйств — в противном случае учрежденный им (по примеру царств Ци и Цзинь) подушный налог взимался в двойном размере. Мелкие административно-территориальные и фискальные единицы, на которые были разделены общинные земли, в составе пяти- и двенадцатидворков были связаны круговой порукой. Вместо налога с урожая Шан Ян ввел налог с площади обрабатываемой земли, чем обеспечил казне стабильный доход; разрешил свободную обработку пустошей, имея в виду привлечение земледельческого населения со стороны, в частности из соседнего царства Вэй; требовал наказания всех, кто «уклоняется от земледелия». Обезземелившихся общинников как «лодырей, впавших в бедность из-за собственной лени», указ Шан Яна обращал в государственных рабов (Шицзи, гл. 68, с. 381).

Законы Шан Яна значительно увеличили контингент лиц, порабощаемых государством. Нарушения законоуложений карались порабощением временным, пожизненным или наследственным (в последнем случае формально — до трех поколений, фактически — навсегда), причем порабощался не только сам осужденный и вся его семья, но и группа соседних семей. В связи с введением в царстве Цинь системы круговой поруки

взаимоответственные «пятерки семей», как не донесшие на преступника, считались соучастниками преступления и, как таковые, подлежали «взятию в казну» (*жугуань*).

Отменялись все прежние наследственные аристократические титулы. Новые ранги знатности семнадцати степеней жаловались только за личные, в первую очередь военные, заслуги. Только они давали право на занятие административных должностей в аппарате управления. Их обладатели получали в соответствии со статусом регламентированные права на владение землей, рабами и другим имуществом. Рабы, являвшиеся своего рода придатком к полученной из царско-государственного фонда земле, обеспечивались этому контингенту земельных собственников из состава государственных рабов из осужденных и военнопленных⁴². Обладатели ранга выше восьмой степени в пожалованных им владениях не имели ни административной, ни юридической власти, пользуясь лишь правом сбора налогов с фиксированного количества дворов. Эти пожалования в любом случае не носили наследственного характера. Шан Яном твердо проводился правовой принцип единства закона для всех. Закон гласил: «...ранги знатности не спасают от наказаний. Всякий, кто ослушается приказа царя, должен быть казнен... будь он первым советником, полководцем, сановником... или простолюдином... [наложенное на них] наказание распространяется на три [категории их] родственников»⁴³. В принципе Шан Ян исходил из постулата абсолютного примата закона, считая подвластным ему и самого правителя⁴⁴.

Введенная Шан Яном унификация мер веса, длины и объема, а также монетная реформа стимулировали развитие товарно-денежных отношений. Однако торговцев, как социальный слой, оторвавшийся от «основного» занятия — земледелия, он ставил в социально приниженное положение, называя их «худшим народом», обременяя тяжелыми поборами, запрещая им пользоваться шелковой одеждой и устраивать конные верховые выезды. Вскоре, однако, титулы стали продаваться. Шан Ян не препятствовал продаже государственных должностей и новых рангов знатности, что открыло доступ к управлению представителям имущественной знати. За тысячу *даней* (30 т) зерна можно было купить ранг знатности (Шицзи, гл. 6, с. 39), дающий право на снижение наказания (фактически, вероятно, возможность откупа от казенного рабства представителям новой знати).

После проведения реформ Шан Яна, в том числе важнейшей из них — военной, заменившей бронзовое оружие железным, а колесницы — маневренной конницей, царство Цинь превращается в сильное военизированное государство. С этого времени циньские правители решительно вступают на путь военной агрессии под девизом: «Ни одного царства в Поднебесной, кроме Цинь».

⁴² См.: Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу). Пер. с китайского, вступит. статья и коммент. Л.С.Переломова. М., 1968 (Памятники письменности Востока. XX), с. 217.

⁴³ Шанцзюньшу. Пекин, 1956 (Чжужзы цзичэн. Т. V), гл. 17, с. 29.

⁴⁴ Там же, гл. 23, с. 39.

Одной из первых в 441–316 гг. до н.э. была захвачена Сычуань с плодородными землями и горными богатствами (в первую очередь — железом). После осуществления здесь крупных оросительных работ Цинь обеспечило себе добавочный, очень важный источник сельскохозяйственной продукции. В конце IV в. до н.э. циньцы захватили верхнее течение р. Хань (юг Шэньси) и запад Хэнани и вплотную приступили к завоеванию крупнейших древнекитайских царств. Последние создавали антициньские военные союзы и лиги. Людские потери с обеих сторон были огромны. Будучи не в силах противостоять циньской агрессии, «сильнейшие» постепенно теряли свои территории и терпели одно поражение за другим. Военная мощь циньской армии, опиравшейся на новую технологию производства оружия, играла немаловажную роль в ее победах.

В 238 г. до н.э. к власти в царстве Цинь пришел молодой энергичный правитель Ин Чжэн. Ему удалось разбить всех своих противников поодиночке в течение семнадцатилетних непрерывных кровопролитных войн. Каждую захваченную столицу он приказывал сровнять с землей. Последним в 221 г. до н.э. было завоевано царство Ци на Шаньдунском полуострове.

После этого Ин Чжэн принял совершенно новый титул высшей верховной власти *хуанди*⁴⁵ — император и вошел в историю Китая как Цинь Шихуанди — «Первый император Цинь». Столица царства Цинь г. Сяньян на р. Вэйхэ (совр. Сиань) была объявлена столицей империи.

Завоевания и колонизация стали лейтмотивом всей внешней политики Первого императора.

⁴⁵ Приняв титул *хуан-ди*, Ин Чжэн воплотил в своей персоне величие мифических «Трех властителей» (*сань-хуан*) и «Пяти божественных предков» (*у-ди*), поставив себя над этими признанными в традиции высшими из высших авторитетов-прародителей (см.: Chavannes Éd. Les mémoires historiques de Se-ma Ts'ien. Traduits et annotés par Éd. Chavannes. T. I–V. P., 1895–1905, 1897, t. II, p. 126–127). О значении титула Цинь Шихуанди, от чего зависит в значительной мере и представление о характере его власти, имея в виду сочетание в ней светского и религиозного начала, — в науке существует несколько мнений. Л.С.Переломов считает, что Ин Чжэн принял титул *хуанди*, «подчеркивая божественный характер своей власти», и переводит этот титул: «Высочайший император» (Переломов Л.С. Империя Цинь, с. 38). И.С.Лисевич и М.Э.Льюэс переводят его как «Божественный император»; часто в западной синологии встречается перевод «Августейший император», например в «Кембриджской истории Китая» (The Cambridge History of China, N. Y., 1986, vol. I, p. 53). Р.В.Вяткин переводит термин *хуанди*: «Властитель-император». В «Кембриджской древней истории Китая» *Цинь Шихуанди* переводится как “First Emperor of Qin” (The Cambridge History of Ancient China, p. 1121). Во всех этих случаях для значения «император» принимается термин *ди*. До того как Ин Чжэн включил его в свою титулатуру, он был достаточно широко распространен. Так именовали своих обожествленных предков шаньцы, так называли своих природных богов циньцы и цисцы, но одного этого наименования для такого высокозначимого понятия, как «император», очевидно, не хватало. Возможно, поэтому возникло словосочетание *хуанди*.

Как сочетание термин *хуанди* встречается лишь в «Шуцзине» (см.: Шаншу чжэньи. Шанхай, 1957 (Шисаньцзин. Т. IV), кн. 2, с. 710; Legge J. The Chinese Classics. Vol. III, p. 593). Есть также мнение Т.Курихары, что титул *хуанди* стал применяться к правителям Циньской империи только посмертно (см.: Кроль Ю.Л. Сыма Цянь — историк. М., 1970, с. 335).

Все частное оружие в стране было конфисковано. Цинь Шихуан приказал перелить его в бронзовые колокола и двенадцать исполинских статуй поверженных варваров. Будучи установлены в Сяньяне в форме созвездия Большой Медведицы, они как бы воплощали космический смысл столицы империи. Огромная регулярная армия Цинь Шихуанди была вооружена железным оружием, усилена кавалерией. Был введен новый тип построения войска. Специально обученные профессиональными армейскими наставниками⁴⁶, вооруженные новым типом железного оружия и мощными дальнобойными самострелами нескольких типов, циньские армии представляли грозную силу. Элитные войска армии Цинь Шихуанди в полном боевом порядке воочию предстают перед нами в образе терракотовой армии, найденной археологами на подступах к гробнице циньского императора. Сам факт создания империи был прямо и непосредственно связан с военным потенциалом государства-завоевателя.

Объединение обоих подразделений общественного производства, равно как и привлечение дополнительных источников прибавочного продукта (чего требовал и определившийся к этому времени демографический кризис в масштабах всего чжаньгоского Китая) в тех условиях не могли быть осуществлены иначе как средствами насилия, уже и потому, что уровень развития рыночных и товарно-денежных отношений практически исключал возможность достижения этого результата путем торговли и международного обмена.

Цинь Шихуанди для осуществления его грандиозных замыслов катастрофически не хватало внутренних источников доходов. С целью привлечения внешних ресурсов Цинь Шихуанди вступает на путь прямой военной агрессии. Однако прежде всего необходимо было обеспечить спокойствие в стране, для чего в первую очередь обезопасить и укрепить северные рубежи империи, а также ослабить угрозу мятежей клановой знати.

На севере страны Цинь Шихуанди предпринял поход против *сюнну*, создавших к этому времени мощный племенной союз, их набеги на Китай сопровождалось угоном тысяч военнопленных. В 215 г. до н.э. 300-тысячная циньская армия нанесла *сюнну* решительное поражение и оттеснила их кочевья за излучину Хуанхэ, присоединив к империи оставленные ими земли в Ордосе. Чтобы обезопасить северную границу империи, Цинь Шихуанди приказал возвести гигантское фортификационное сооружение — Великую Китайскую стену, соединив и значительно расширив звенья крепостных оборонительных укреплений, ранее сооруженных отдельными царствами вдоль их северных границ для защиты от кочевников. Одновременно внутри страны были снесены стены между прежними царствами. Завершив войну на севере, Цинь Шихуанди предпринял грандиозные завоевания в Южном Китае и Северо-Восточном Вьетнаме. Ценой

⁴⁶ В памятнике энциклопедического характера «Люйши чуньцзо», относящемся к этому времени, специально говорится о необходимости уплаты высокого жалованья тем, кто занимается военным тренингом солдат.

огромных потерь его армиям удалось добиться подчинения древневьетнамских государств Намвьет и Аулак, значительно расширив границы империи и присоединив к ней обширные земли, богатые источниками сырья, туда были переселены жители из центральных районов империи. Глубинные причины огромного размаха завоеваний Цинь Шихуанди определялись также и причинами хозяйственно-экологическими и демографическими. В этом отношении присоединение обширных периферийных территорий объективно было попыткой вступить на экстенсивный путь хозяйственного развития, снизив аграрное перенаселение за счет широко практиковавшихся Цинь Шихуанди массовых переселений на завоеванные территории.

Тенденция объединения областей, производящих средства производства, и областей, производящих предметы потребления, может быть прослежена во внешней политике крупных окраинных царств в период Чжаньго. Задача насильственного объединения двух основных подразделений общественного производства с самого начала встала и перед империей Цинь. Если войны Цинь Шихуанди с *сюнну* на севере и северо-западе можно связать с угрозой вторжения кочевников, то завоевания обширной периферийной зоны на юге, юго-западе и северо-востоке трудно объяснить иначе, чем борьбой за внешние сырьевые ресурсы и подчинение территорий, обеспечивавших производство средств производства для исконно земледельческих центральных регионов «срединных царств», специализировавшихся на производстве предметов потребления. Тем самым империя искала путь решения проблемы стабильного соотношения производства средств производства и производства предметов потребления, необходимого для нормального функционирования расширенного воспроизводства и роста производительных сил.

Сразу же после завершения завоеваний древнекитайских царств, в том же 221 г. до н.э. Цинь Шихуанди вплотную приступил к проведению реформ и других мероприятий по организации управления на огромной территории империи. Прежде всего им были распространены на всю страну установления Шан Яна. На это ушло чуть более пяти лет. По отзывам современников, «император сам целыми днями разбирал судебные дела, ночами писал указы»⁴⁷.

В результате проведения мероприятий Цинь Шихуана империя Цинь превратилась в сильное военно-административное государство во главе с единовластным правителем. Завоеватели-цинцы занимали в ней привилегированное положение, им принадлежали руководящие должности в системе государственного управления.

Одной из первых в империи была проведена денежная реформа, установившая по всей империи единый монетный эталон определенной весовой категории. С этого времени деньги в древнем Китае действительно стали средством обращения, тогда как до того, отливавшиеся отдельно

⁴⁷ Хуайнаньцзы. Пекин, 1956 (Чжунцзы цзинчэн. Т. VII), гл. 20, с. 355.

каждым царством, они в значительной мере служили мерой стоимости. По всей империи были введены циньские законы, дополненные жестокими уголовными статьями, способствовавшими расширению государственного рабства; все прошлые законоуложения были уничтожены. Унифицирована и упрощена была иероглифическая письменность. Установлены единые эталоны мер и весов. Все эти мероприятия, включая строительство сети дорог протяженностью 7000 км, веером расходившихся от столицы до окраин, способствовали дальнейшему развитию товарно-денежных отношений, стимулировали рост деловой активности в производстве и торговле. Явной дискриминации торговцы, как то было при Шан Яне, не подвергались. Более того, Цинь Шихуан подчеркивал свое уважительное отношение к людям, составившим свое богатство на производстве и торговле. Известен случай личного посещения им владелицы киноварного промысла вдовы Цин (своего рода деловой визит) (Шицзи, гл. 129, с. 551).

Империя была разделена на 36 территориально-административных единиц *цзюнь* (областей) без учета прежних политических и этнических границ. Была введена единая система чиновничества, а также инспекторат, державший под надзором деятельность центрального аппарата, подчиненного лично императору, который и сам совершал инспекционные поездки. Регулярно выполняя ритуал объезда страны, император приносил жертвы священным пикам гор и другим почитаемым культовым местам, везде водружал памятные стелы с перечнем своих заслуг, провозглашая свою власть «над всем в шести направлениях», «во всех четырех сторонах света», т.е. во всей вселенной (Шицзи, гл. 6, с. 55).

Отменялись все потомственные титулы знатности, а вместе с ними и практика пожалования наследственных владений. По свидетельству Сыма Цяня и более поздних источников, даже для своих сыновей и братьев Цинь Шихуанди не сделал исключения, «низведя их до простолюдинов».

Законом было утверждено единое для всех свободных наименование *цяньюшоу* — «черноголовые»⁴⁸, что должно было уравнивать в гражданском

⁴⁸ Наименование-термин «черноголовые» (*цяньюшоу*) интерпретируется учеными по-разному, их называют и общинниками, и простым народом, и всем народом, и свободным населением, и гражданским населением, и подданными. Есть также мнение, что *цяньюшоу* было презрительным прозвищем низкого люда, черни. Следует остановиться на трактовке *цяньюшоу* как «подданных», т.е. населения, представляющего собой однородную безликую массу в глазах государственной власти, что по сути выводит это понятие за пределы эпохи древности, противопоставляя его понятию «свободные граждане». Однако есть веские основания полагать, что *цяньюшоу* в империи Цинь стало почетным общегражданским наименованием. Именно к ним уважительно обращается Цинь Шихуанди в своих тронных стелах. Представляется, что здесь может быть показательной возникающая прямая ассоциация между введенным Цинь Шихуанди наименованием *цяньюшоу*, с одной стороны, и официальным почитанием в империи Цинь черного цвета, который в теории «пяти элементов» олицетворяет стихию воды, покровительствующую династии Цинь, — с другой. С таким мнением, в частности, согласен Эд.Шаванн (*Chavannes Éd. Les mémoires historiques de Se-ma Ts'ien, t. II, p. 133*). Показательна и семантика знака *цянью*, ключом которого является знак со смысловым

полноправии циньцев и всех жителей покоренных Цинь Шихуаном царств. По некоторым данным, в это время был официально установлен обобщающий термин для рабов — *цантоу* (букв. «синеголовые») ⁴⁹. Можно предположить известную взаимосвязь в одновременном установлении этих противостоящих друг другу социальных терминов. Во всяком случае, на победных стелах, водруженных по приказу Цинь Шихуана по всей империи, Первый император подчеркивал, что он установил четкие различия между «почитаемыми и презираемыми» (Шицзи, гл. 6, с. 55).

Длительный процесс трансформации родственно-соседской общины, не равномерно, но однонаправленно шедший во всех царствах периода Чжаньго, завершился узаконением в империи Цинь купли-продажи земли, о чем свидетельствует «История Старшей династии Хань» по данным доклада Дун Чжуншу трону (Цяньханьшу, гл. 24А, с. 195/777). Это явилось важнейшим фактором, способствовавшим процессу дальнейшего расслоения общины и возобладанию в ней частнособственнических земельных отношений. Цинь Шихуанди не посягал на общинное самоуправление, хотя ограничил культовые и другие функции общинных старейшин *саньлао*. Он уважительно упоминал о них в своих тронных стелах, закрепил за *саньлао* обязанность распределения налогов внутри общины за известное вознаграждение, что, по мнению ученых (не разделяемому, однако, всеми, в частности Л.С.Переломовым), было со стороны государства попыткой подключить старейшин к низовым органам управления ⁵⁰.

Для успешного проведения своих мероприятий Цинь Шихуанди нуждался в утверждении единой государственной идеологии, что должно было обеспечить ему идейно-политическую и социально-психологическую поддержку образующегося имперского господствующего класса. Во исполнение этой задачи, легистская доктрина (*фацзя*), исходившая из примата закона (не имевшая религиозной окраски), с ее разработанной теори-

значением «черный». Отсюда две интерпретации *цяньшоу* в значении «черноволося»: по мнению одних, имеются в виду собственно китайцы в отличие от иноземцев с иным цветом волос; по мнению других — все взрослое население империи, в отличие от седовласых престарелых жителей Поднебесной. Может быть, имеет право на существование и то мнение, что в понятии *цяньшоу* как свободного населения империи заложено противопоставление их «бригоголовым» (бритая голова — один из важных внешних признаков рабского состояния). Кун Иньда в комментарии к «Записям об обрядах» («Лицзи») пишет, что простых людей, народ (*минь*), называли «черноголовыми», так как они повязывали головы черными платками, в отличие от носивших синие повязки рабов (*нули*), которых называли «синеголовыми» (*цантоу*). См.: Лицзи чжэньи. Шанхай, 1957 (Шисаньцзин. Т. XXV), с. 1495.

⁴⁹ Так свидетельствует комментатор «Цяньханьшу» (гл. 72, с. 504/1086) Мэн Кан (III в. н.э.). Средневековый танский комментатор «Хоуханьшу» Ли Сянь отмечал, что в империи Цинь народ называли *цяньшоу*, а рабов — *цантоу*. См.: Переломов Л.С. Империя Цинь, с. 196.

⁵⁰ См.: Переломов Л.С. Об органах общинного самоуправления в Китае в V–III вв. до н.э. — Китай и Япония. История и филология (к 70-летию акад. Н.И.Конрада). М., 1961; он же. Эволюция общины и рост частной земельной собственности в Китае в IV в. до н.э. — III в. н.э. — Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966.

ей централизованного административного управления, была признана официальным учением. Учение *фацзя* предполагало коренную смену социально-нравственных ценностей и формирование имперского политического сознания. В последнем позже преуспело ханьское конфуцианство. По мнению ряда исследователей, опирающихся на текст Сыма Цяня, идейно-теоретическим обоснованием правления дома Цинь послужила концепция круговорота пяти природных стихий, используя которую Цинь Шихуанди утверждал своего рода религиозно-правовую идею неизбежности воцарения династии Цинь. Согласно ей, воплощавшая стихию огня династия Чжоу должна была покориться династии Цинь, воплощавшей стихию воды, которая в круговой смене пяти стихий преодолевает стихию огня⁵¹. Однако достоверность этих сведений Сыма Цяня подвергается большому сомнению, поскольку теория пяти стихий не соответствовала политическому кредо Цинь Шихуанди о вечном правлении его династии⁵².

Все свои мероприятия Цинь Шихуанди осуществлял с исключительной целеустремленностью и беспримерной жестокостью. При нем были введены мучительнейшие виды казни. По примеру Шан Яна, Цинь Шихуан ввел карательную систему, предусматривавшую как массовый вид наказания порабощение государством всех членов семьи преступника в трех поколениях, а также семей, связанных системой взаимной ответственности. Существовала четко разработанная судебная процедура порабощения. Из сравнительно недавно найденных статей циньского судейника стало известно о большой роли казенного рабства, составлявшего основу царско-государственного хозяйственного сектора, использовании подневольного труда в ремесле, земледелии, скотоводстве; о рабстве военнопленных и тяжелом положении рабов, а также о широко распространенной работорговле и участии в ней государства⁵³. По сведениям «Цяньханьшу», «Цинь... учредила рынки рабов и рабынь, их содержали в одних загонах со скотом» (Цяньханьшу, гл. 99Б, с. 675/1257). Ханьские авторы усматривали в этом обстоятельстве, наряду с введением частной земельной собственности, едва ли не главную причину быстрого крушения династии Цинь.

Политических противников режима (к числу которых после нескольких покушений на императора стали относить и конфуцианцев) — «тех, кто порицал современность, опираясь на древность» (Шицзи, гл. 6, с. 56) — по монаршему приказу подвергали публичной казни на городской площади. Решительно борясь с оппозицией, Цинь Шихуан приказал

⁵¹ См.: Переломов Л.С. Империя Цинь, с. 38–40.

⁵² См.: Кроль Ю.Л. Сыма Цянь — историк, с. 336–337.

⁵³ Юньмынь циньцзянь шивэнь (Дешифровка документов на бамбуковых планках из циньского погребения в р-не г. Юньмынь). — Вэньу. 1976, № 7 (ч. II), № 8 (ч. III). См.: Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации, с. 246; Hulsewe A.F.P. Remnants of Ch'in Law: An Annotated Translation of the Ch'in Legal and Administrative Rulers of the 3rd Century B.C. Discovered in Yun-meng Prefecture, Hu-pei Province, in 1975. Leiden, 1985.

«свалить в кучу и сжечь» все находившиеся в частных руках писания Учителей, в первую очередь конфуцианские своды «Шицзин» и «Шуцзин». Книги по медицине, фармакологии, гаданиям, земледелию и садоводству, как не содержащие инакомыслия, запрету не подлежали. Вопреки распространенному мнению об уничтожении в это время всех конфуцианских книг, не пострадали и памятники традиционной литературы, хранившиеся в государственных библиотеках и книгохранилищах, среди них — сочинения различных философских школ, в том числе и конфуцианских.

Непрекращавшиеся далекие походы, строительство Великой стены, возведение системных ирригационных сооружений, включая грандиозный транспортный канал, связавший центральные районы среднего течения Янцзы с Гуанчжоу посредством р. Сицзян, проведение широчайшей сети благоустроенных дорог, пересекавших империю по всем направлениям, широкомасштабное градостроительство, возведение многочисленных дворцов и храмов, наконец, сооружение грандиозной гробницы для Цинь Шихуана требовали колоссальных затрат труда и огромных человеческих жертв. Государственных рабов не хватало, несмотря на их постоянный приток. Тяжелейшие рабочие повинности легли на плечи основной массы трудового населения «черноголовых», правом откупа от них могли воспользоваться только состоятельные семьи. Введенный в 216 г. до н.э. исключительно тяжелый поземельный налог, достигавший $\frac{2}{3}$ урожая, поставил многих земледельцев перед угрозой голодной смерти. Укрывающихся от налогов и военных сборов разыскивали и ссылали на окраины. Толпы беглого люда (*бுவанжэнь*) скрывались от властей. В стране нарастала волна народного протеста, вспыхивали отдельные бунты. Как сообщает Цзя И, «все чувствовали нависшую над ними опасность... людей было легко поднять [против власти]» (Шицзи, гл. 6, с. 60).

В империи Цинь, на обширнейшем географическом пространстве, складывалась принципиально новая модель государственности, которая затем в империи Хань окончательно отлаживается как сбалансированный социальный организм, максимально соответствующий данной экологической зоне. Это доказывается жизнестойкостью цинь-ханьской мировой державы, просуществовавшей более четырех веков, что само по себе опровергает распространенное мнение об эфемерности древних империй.

Образование Циньской империи было подготовлено всем предшествующим развитием древнекитайской государственности и отражало в целом общие закономерности поступательного хода исторического процесса в эпоху древности.

Однако здесь имел место не постепенный процесс объединения разрозненных царств, а кардинальный перелом, знаменующий собой переход к новой исторической фазе — имперской древности.

Важнейшими «диагностическими признаками» (по определению И.М.Дьяконова⁵⁴) этого перехода представляются следующие факторы:

⁵⁴ Дьяконов И.М. Пути истории. М., 1994, с. 1, 14, 446 и др.

социально-экономический, отмеченный изменениями в отношениях собственности (обусловленный трансформацией общины);

общественно-политический, вызванный кризисом системы государственного управления (выразившийся в становлении имперского строя);

социально-психологический и культурно-идеологический, связанный с изменениями ценностных ориентаций личности («империализацией» общественного сознания);

производственно-экологический, исходящий из потребностей общественного разделения труда и создания условий для нормального функционирования расширенного воспроизводства и роста производительных сил (что в данном случае потребовало насильственного объединения двух основных подразделений общественного производства);

военно-технологический, определявшийся уровнем развития технологии оружия и прогрессом военной техники (что непосредственно было связано с массовым внедрением производства стали);

классовый, связанный с изменениями в способе соединения рабочей силы со средствами производства (в данном случае с эксплуатацией рабочего труда и базовым значением общинно-частного сектора).

Подготовленные историческим развитием в период Чжаньго, эти факторы были сфокусированы в комплексе мероприятий Цинь Шихуана, и в дальнейшей истории Китая они выступали диагностическими признаками смены фаз общественно-государственного строя, отличаясь на каждом этапе своей спецификой. Прослеживаемые в механизме образования империи Цинь, они дают основание считать ее открывающей фазу (или эпоху) поздней древности в истории древнекитайской цивилизации.

Грандиозные финансово-экономические и общественно-политические мероприятия, проведенные Цинь Шихуаном мерами жесточайшей законности в масштабе всей страны, привели к резкому ускорению подспудно текущих социально-экономических процессов и вызвали катастрофические нарушения хозяйственного равновесия в стране, поставив ее на грань социальной катастрофы.

В 210 г. до н.э. в возрасте 48 лет, совершая очередную инспекционную поездку по стране и будучи далеко от столицы, Цинь Шихуан скоропостижно скончался. Вместе ним в огромном мемориальном комплексе были погребены тысячи принесенных в жертву людей, подобно тому как это делалось и при похоронах прежних циньских правителей, но никогда в послеиньское время число человеческих сопогребений не было столь огромно. Сразу же после смерти Цинь Шихуанди по всей империи вспыхнули восстания. Наиболее удачливый из повстанческих вождей, выходец из среды рядовых общинников, чусец по происхождению, Лю Бан сумел сплотить силы народного движения и привлечь на свою сторону опытных военачальников из числа потомственной аристократии.

Мы поименно знаем руководителей антициньских восстаний 209–202 гг. до н.э., знаем об их внутренних разногласиях и коалициях, воззва-

ниях и практических мероприятиях. Все эти антициньские выступления, в том числе самые крупные из них — восстания Чэнь Шэна и Лю Бана, начинались как стихийные, лишь в дальнейшем приобретая какие-то организованные формы. Осознанная цель выступлений с самого начала была общей для всех и сугубо конкретной, сводящейся к свержению царствующей династии Цинь. Однако никакой собственной идеологии движение с собой не несло. Самые удачливые из вождей становились царями, причем благодаря их избранию повстанцами или органами общинного самоуправления⁵⁵.

Основными силами антициньского движения были широчайшие массы общинного населения. Кроме земледельцев в нем участвовали ремесленники и торговцы. Заметную роль в нем играли также рабы. Мы знаем о мероприятиях, которые проводил Лю Бан в тех районах, куда приходили его войска, и которые, несомненно, отвечали чаяниям местного населения. Они сводились к отмене налогов и повинностей, уничтожению циньских законов и освобождению казенных рабов, хотя некоторые мероприятия Лю Бана в период его борьбы за власть носили прорабовладельческий характер. Указ Лю Бана 205 г. до н.э., разрешавший продажу свободных людей (Цяньханьшу, гл. 24А, с. 194/776), некоторыми исследователями рассматривается как формальное узаконение института частного рабства в Китае.

В 202 г. до н.э. Лю Бан был провозглашен императором и стал основателем династии Хань. Ее правление разделяется на два периода: Старшей (Ранней, или Западной) династии Хань (202 г. до н.э. — 8 г. н.э.) и Младшей (Поздней, или Восточной) династии Хань (25–220). Столицей империи был объявлен город Чанъань (рядом с бывшей циньской столицей).

Древнекитайская «мировая империя» при Старшей династии Хань

Первая древнекитайская империя Цинь просуществовала каких-нибудь полтора десятка лет, но она заложила прочную политическую и социально-экономическую основу для возникшей на ее развалинах империи Хань. Ханьская империя, как и другие мировые империи древности, типологически с ней сходные, по самой своей сути призвана была объединять территории, стадильно неоднородные, экономически дополняющие друг друга, в чем коренилась одна из причин устойчивости этих империй.

Политическое объединение древнего Китая в рамках Циньской империи стало мощным катализатором процесса консолидации древнекитайского этноса. Наименование Цинь стало основным этническим названием древних китайцев в последующую, ханьскую эпоху.

Многолетние народные движения и антициньские войны привели к истощению страны.

⁵⁵ См.: Переломов Л.С. Империя Цинь, с. 188.

«Когда Хань пришла к власти, ей в наследство от Цинь досталась сплошная разруха... Хозяйство пришло в упадок. Даже для выезда Сына Неба не могли найти четверки лошадей одной масти», — пишет об этом времени историк Сыма Цянь (Шицзи, гл. 30, с. 243).

Придя к власти на гребне народных восстаний, Лю Бан начал с того, как уже говорилось, что облегчил налоговое бремя и отменил жестокие циньские законы. Одновременно он пытался укрепить контакты с органами общинного самоуправления, показавшими себя единственной реальной властью во время антициньского движения, на авторитет которых Лю Бан опирался в период своей борьбы за власть. Всем главам семей «черноголовых» по указу Лю Бана был присвоен низший почетный ранг в новой иерархической системе знатности. По договору с городскими и сельскими общинами Лю Бан сначала ввел кары лишь за убийство, членовредительство и грабеж, опираясь на нормы талиона с его идеей индивидуальной вины вместо коллективной ответственности (Цяньханьшу, гл. 23, с. 189/771). Однако после воцарения им были восстановлены некоторые статьи из циньского «Законоуложения в десяти статьях», но наказание уже не распространялось на весь род преступника.

Циньское административное деление и система управления, а также большинство установлений империи Цинь в экономической области остались в силе. Правда, политическая ситуация заставила Лю Бана раздать немалую часть земель на востоке и северо-востоке страны в наследственное владение своим боевым соратникам и родственникам, причем семи сильнейшим из них вместе с титулом *вана*, ставшим отныне высшим аристократическим рангом. Этот акт был оформлен специальным «Соглашением» между Лю Баном и его сановным окружением⁵⁶. *Ваны* владели территориями в масштабе целых областей, где имели собственный аппарат власти, определяли налоги и общественные работы, отливали собственную монету, заключали внешние союзы. Борьба с их сепаратизмом стала первоочередной внутриполитической задачей преемников Лю Бана. Окончательно сила *ванов* была сломлена при императоре Уди (140–87 гг. до н.э.) после подавления их мятежа в 154 г. до н.э.

Постепенно страна оправилась от последствий многолетних войн, хозяйственного неустройства и разрушений, вызванных военными действиями и событиями, сопровождавшими падение империи Цинь. Проводились восстановительные ирригационные работы, сооружались новые оросительные системы. Стабилизация империи в первые десятилетия правления династии Старшая Хань заложила основу для роста хозяйственного благосостояния страны, способствуя тому прогрессу в земледелии, ремесле и торговле, который единодушно отмечают древнекитайские авторы. Лю Бан и его преемники, по существу (если не считать определенных запрещений для купцов), не предпринимали мер к ограничению сделок с землей, что не замедлило сказаться на росте частного землевладения.

⁵⁶ См.: Кроль Ю.Л. Была ли ранняя китайская империя деспотией, с. 375–403.

Подъем производства особенно был заметным в ремесле, прежде всего в металлургии. Частные предприниматели использовали в рудниках и мастерских (чугунолитейных, ткацких и др.) до тысячи подневольных мастеров. После введения государственных монополий на соль, железо, вино и отливку монеты возникли крупные государственные мастерские и промыслы (Шицзи, гл. 30, с. 233). С принятием при Уди нового кодекса законов получило стимул к развитию государственное рабство. Снова стали порабощать семьи преступников; так, по свидетельству комментария Ин Шао, после казни участников мятежа ванов все их жены и дети были обращены в государственных рабов (Цяньханышу, гл. 6, с. 26/608). Труд рабов из осужденных находил применение в рудниках, на промыслах, в государственных мастерских, на земляных, транспортных и строительных работах. Во время правления Уди правительство конфисковало десятки тысяч рабов у частных семей, обвиненных в нарушении закона о налоговом обложении. Хотя после Уди количество осужденных в рабство значительно уменьшилось, все же, согласно докладу сановника Гун Юя, к 44 г. до н.э. правительство использовало для работы на промыслах и в железоделательных мастерских множество (якобы более 100 тыс.) порабощенных преступников⁵⁷. Рабами можно было заплатить за получение должности. Известно, что сановник Чао Цо получил санкцию императора на то, чтобы освобождать от наказания, а также жаловать титулами тех, кто принесет в дар правительству своих рабов (Цяньханышу, гл. 49, с. 378/960).

По всей империи развернулось градостроительство. Полмиллиона жителей проживало в западноханьской столице г. Чанъани. Протяженность ее городской стены превышала 30 км. В столице было 160 четко распланированных кварталов с прямыми улицами, функционировали девять главных рынков. Чанъань была центром культурной жизни страны и международной торговли. Ее благоустройство было предметом постоянной заботы императоров. До полумиллиона выросло население г. Линьцзы. 50 тыс. жителей насчитывали в то время многие города. Самая плотная сеть городов располагалась на Великой Китайской равнине, где было сосредоточено до 50% населения страны (примерно около 25–30 млн. человек). Однако большинство городов были небольшими, представлявшими собой обнесенные земляными валами поселения, окруженные полями, в них функционировали органы общинного самоуправления, что было характерной чертой древнеимперской «городской культуры».

Основную массу производителей в сельском хозяйстве составляли свободные земледельцы-общинники. Они были обязаны вносить натуральный земельный (от $\frac{1}{15}$ до $\frac{1}{30}$ урожая), а также денежные — подушный и подворный налоги. Мужчины несли своего рода «повинности»: рабочую (по месяцу в году в течение трех лет) и воинскую (двухгодичную армейскую и ежегодно трехдневную гарнизонную). Закон предусматривал

⁵⁷ *Pan Ku. The History of the Former Han Dynasty. Transl. by H.H.Dubs. Vol. I, pt 1. Baltimore, 1944, p. 12.*

откуп от обязательных служб деньгами, зерном, а также рабами. Но все это было доступно зажиточным хозяйствам и абсолютно неприемлемо для бедноты. При малой товарности мелких хозяйств особенно пагубно сказывался на них денежный характер обложения. Кредиторы изымали у производителя до половины произведенного продукта. «Номинально по-земельный налог составляет $\frac{1}{30}$ урожая, а фактически земледельцы лишаются половины урожая», — сообщает «История Старшей династии Хань». Сановники докладывали, что земледельцы трудятся без устали целый год, а когда наступает время денежных поборов, «малоимущие продают зерно за полцены, а неимущие берут в долг за двойную норму, поэтому [земледельцы] продают свои поля и дома, продают своих детей и внуков, чтобы расплатиться с кредиторами» (Цяньханьшу, гл. 24А, с. 195/777). Попытки обуздать ростовщический капитал и воспрепятствовать разорению земледельцев — основного податного контингента империи — предпринимались правительством неоднократно, не увенчиваясь успехом. Обратной стороной этого процесса был рост крупной земельной собственности. Самый акт продажи в рабство, совершавшийся с помощью торговых посредников, делал законным порабощение свободного даже в том случае, если он был продан против своей воли. Ханьские источники свидетельствуют об узаконенной, широко организованной работорговле. Сыма Цянь называет рабов (*тун*) в перечне обычных рыночных товаров, их считали по «пальцам рук», подобно тому как «по копытам» считали рабочий скот. На рынках работорговли места для продажи рабов простым народом и знатью располагались отдельно. Партии закованных рабов переправлялись работорговцами на сотни километров в Чанъань и другие крупные города империи. Труд рабов больше всего использовался в промышленности, как частной, так и государственной, применялся он и в сельском хозяйстве, о чем свидетельствует, например, массовая конфискация во всех областях империи частных полей и рабов у нарушителей закона о налогообложении 119 г. до н.э. «Богачи увеличивают число рабов, расширяют поля», — свидетельствуют ханьские источники (Шицзи, гл. 30, с. 244; Цяньханьшу, гл. 24А, с. 195/777).

В империи Хань важным показателем общественного положения было денежное богатство. По этому имущественному признаку земельные собственники подразделялись на три основные категории семей: зажиточные, среднезажиточные и малозажиточные. За пределами этих категорий существовали сверхбогатые люди, которые были в состоянии давать ссуду даже императору; их имущество исчислялось в сто и двести миллионов монет, таких лиц, естественно, было немного. Значительный слой «бедняков» (*пиньминь*) относился к четвертой категории малоземельных собственников. Большинство составляли семьи второй и третьей категории. Основной контингент представляла категория среднезажиточных семей, чья продукция могла поступать на рынок. Эти семьи обычно эксплуатировали в своих хозяйствах чужой труд: подневольный и наемный; менее

состоятельные из них имели нескольких работников, более зажиточные — несколько десятков. Их имущество составляло от 100 тыс. до 1 млн. монет.

Восстанавливая циньские установления, ханьские императоры действовали более гибкими методами, допускали одновременное действие законов и местных обычаев, укорененных в традиции, принимали во внимание морально-этические и психологические факторы. Менялось и отношение правительства к легистам: от их признания и подключения к аппарату управления в начале Старшей Хань до предпочтения им конфуцианцев во второй половине династии, но при компромиссе с легистами и даже неявном их покровительстве, и, наконец, до утверждения политического и идеологического приоритета конфуцианцев при Младшей династии Хань.

Со времени правления Уди центральное место в официальной идеологии империи занимал образ государя — Сына Неба, облеченного высшим сакральным и моральным авторитетом мироустроителя Вселенной, от личных качеств и поведения которого зависела гармония Поднебесной. Признанное при Уди конфуцианство утверждало эту концепцию императорской власти в теологической интерпретации Дун Чжуншу. Однако доктринально неограниченная власть императора наталкивалась на политическую традицию, которая предписывала правителю соблюдать определенные принципы управления и нормы поведения, с которыми он вынужден был считаться. Важные государственные дела должны были решаться на собрании высоких сановников, самым высокопоставленным из них было вменено в обязанность «увещевать» императора, они имели право задержать императорский указ. Положение сановников было очень почетным, император должен был вставать с трона, приветствуя высших из них.

Империя Старшей Хань была разделена по территориальному принципу на области (их количество колебалось от 80 до 110), подразделявшиеся на уезды (их насчитывалось более 1100), состоявшие из волостей, в которые входили сельские общины (*ли*). Структура государственного аппарата включала центральную администрацию и местное управление, которое, однако, не опускалось ниже уездного; на местах же функционировали органы общинного самоуправления. Центральная администрация была представлена системой государственных ведомств, контролировавшей эти ведомства палатой цензоров и императорским секретариатом, составляя трехчастную структуру, в которой взаимный контроль и дублирование функций сочетались с распыленностью исполнительной власти, с одной стороны, и личной должностной ответственностью — с другой. В основе местного управления также лежали методы взаимной проверки и регламентация деятельности представителей управленческого аппарата, которых по всей империи насчитывалось более 120 тыс. человек. Характерную особенность ханьской политической культуры составляло сочетание религиозных представлений, связанных с возрождением чжоуского культа Неба и теории «Тяньмин», с чисто практическими мероприятиями государственной власти, определявшимися административной эффективностью.

Для подготовки чиновничьего аппарата в империи была создана сеть училищ, возглавлявшаяся Императорским училищем в столице, обучение вели конфуцианские начетчики с их установками на воспитание конформистски настроенных верноподданных. Вопреки мнению, что в ханьском Китае утвердилась конфуцианская экзаменационная система, ханьская практика пополнения и обновления управленческого аппарата имела мало общего с отлаженной системой конкурсных экзаменов кандидатов на служебные посты в средневековых империях Китая. Несмотря на то что имперскими идеологами предписывалось государственным служащим «не бороться с народом за выгоду», административная карьера создавала немалые возможности для личного обогащения. Со времени узаконения при Уди продажи должностей и рангов знатности она стала легкодоступна имущественной знати. Тем самым богатство и власть становились в глазах современников тождественными и взаимообусловленными понятиями. При Уди ханьская держава превратилась в сильное государство с централизованным в целом аппаратом управления — одно из самых многонаселенных на земном шаре. После того как силой ханьского оружия была окончательно ликвидирована угроза вторжений *сюнну* на севере и северо-западе и фактически под ханьским протекторатом оказались оазисные города-государства Западного Края, империя Хань установила связь со многими государствами на территории Индии, Ирана и расположенными далее на запад странами вплоть до Средиземноморья. В эти страны по Великому шелковому пути ежегодно отправлялось из Чанъани более десятка посольств Сына Неба с торговыми караванами. К ханьскому двору прибывали ответные посольства, в том числе дважды из Парфии.

Великий шелковый путь шел из ханьской столицы Чанъани по территории Ганьсу до Дуньхуана, где он разветвлялся на две дороги, ведущие в Кашгар. Из Кашгара торговые караваны следовали в Фергану и Бактрию, а оттуда в Индию, Парфию и далее к Средиземноморью. Из Китая караваны везли железо, считавшееся, по мнению Плиния, «лучшим в мире», никель, золото, серебро, лаковые изделия, зеркала и другие предметы ремесла, но прежде всего шелковые ткани и шелк-сырец. В Китай доставляли редких зверей и птиц, ценные сорта древесины, меха, пряности, благовония, цветное стекло, ювелирные изделия и другие предметы роскоши. Из Средней Азии были завезены виноград, фасоль, люцерна, шафран, бахчевые культуры.

Все, что доставлялось в Чанъань по Великому шелковому пути, император и его окружение рассматривали как дань «варваров», прибытие чужеземных посольств с обычными для той эпохи подношениями воспринималось не иначе, как выражение покорности Ханьской империи. Признанное государственным вероучением, реформированное ханьское конфуцианство провозгласило доктрину абсолютного превосходства «Срединного государства» (т.е. империи Хань) над окружающим миром

«внешних варваров», неподчинение которых Сыну Неба рассматривалось как преступление. Походы Сына Неба — мироустроителя вселенной — объявлялись «карательными», внешнеполитические контакты относились к сфере уголовного права.

Как свидетельствует его современник Сыма Цянь, Уди был обуреваем глобальным замыслом «расширить пределы империи на десять тысяч *ли* и распространить власть Сына Неба до четырех морей». Почти одновременно с началом кампании против *сюнну* Уди приступил к завоеваниям на юге. Юэские государства в Южном Китае и Северном Вьетнаме издавна привлекали китайских торговцев и ремесленников как рынки сбыта и места добычи медных и оловянных руд, жемчуга и драгоценных металлов. Вмешавшись в междоусобную борьбу юэских государств, ханьские войска в 138 г. до н.э. покорили Дунъюэ (в пров. Чжэцзян), а затем в 111–112 гг. до н.э. захватили Наньюэ (в бассейне р. Сицзян и Северном Вьетнаме). По сведениям Бань Гу, после подчинения Наньюэ Ханьская империя установила связи по морю с Индией и Шри-Ланкой.

Разделив Наньюэ на области и уезды, завоеватели эксплуатировали местных жителей, заставляя их работать в рудниках, добывать золото и драгоценные камни, охотиться на слонов и носорогов. Из-за постоянных антиханьских восстаний Уди был вынужден держать на юэских землях большие военные силы. Однако цели завоеваний, включая расширение пахотных земель за счет колонизации, оправдывали себя.

Завершив войны на юге, Уди предпринял решительные действия против государства Чаосянь (Чосон) на территории нынешней Северной Кореи. Чаосяньские правители стремились проводить независимую политику и в противовес империи поддерживали связи с *сюнну*. В 109 г. до н.э. Уди направил в Чаосянь «карательную» экспедицию. На территории Чаосяни были учреждены четыре ханьских административных округа.

После смерти Уди дальнейшая активная внешняя политика стала для империи невозможной. Многолетние войны опустошили казну и истощили ресурсы государства. Потребовав колоссальных расходов и неисчислимых человеческих жертв, они уже в конце правления Уди привели к резкому ухудшению положения основной массы трудового населения страны и взрыву народного недовольства, которое выразилось в саботаже мероприятий правительства и открытых выступлениях «озлобленного и измученного люда» в центральных областях империи. Одновременно поднялись племена на окраинах. «Страна устала от бесконечных войн, люди объаты печалью, запасы истощились» — так характеризует Сыма Цянь состояние империи в конце правления Уди. До конца I в. до н.э. внешняя политика империи носила пассивный характер. *Сюнну* возобновили набеги на пограничные китайские земли и в начале I в. н.э. подчинили своему влиянию весь Западный Край.

*Обострение внутренних противоречий
в конце I в. до н.э. — начале I в. н.э.
Государственный переворот Ван Мана*

На рубеже нашей эры Ханьская империя оказалась в состоянии глубокого внутреннего кризиса. Многие государственные деятели усматривали его причину в росте крупного землевладения и частного рабовладения. Борьба против концентрации частной земельной собственности к концу I в. до н.э. приобретает исключительную остроту. Вопрос о земле, как показывают доклады сановников Ши Даня, Кун Гуана и Хэ У, был тесно связан с вопросом о рабах.

К этому времени усилились децентрализаторские тенденции так называемых «сильных домов», сосредоточивших в своих руках обширные владения. Рост крупной земельной собственности был неизбежно связан с дальнейшим разложением общины и развитием патронажных отношений, следствием чего явилось сокращение количества налогоплательщиков и доходов государства. На протяжении I в. до н.э. — в 100, 92, 30, 22, 17, 13 гг. до н.э. источники отмечают многочисленные разрозненные восстания. Угроза массовых движений привела наиболее дальновидных представителей господствующего класса к осознанию необходимости смягчения социальных противоречий путем реформ. Первая такая попытка была предпринята при Айди (6–1 гг. до н.э.). Проект императорского указа ограничивал частное землевладение тридцатью *цинами* (ок. 138 га), а частное рабовладение, в зависимости от общественного положения собственников, сводил к норме до 200 рабов у сановной и родовитой знати и 30 — у простолюдинов (без учета рабов старше 60 и моложе 10 лет). Государственных рабов старше 50 лет предлагалось отпускать на волю. Однако проведение указа в жизнь вызвало столь решительное сопротивление собственников, что, как сообщает «История Старшей династии Хань», «...[указ] был отложен на будущее время, [а затем] совсем оставлен и в жизнь не проведен» (Цяньханышу, гл. 24А, с. 196/778). В 3 г. н.э. была предпринята еще одна попытка ограничить «сверху» рабовладение и землевладение, но и она не увенчалась успехом.

Провал политики реформ показал, что для их осуществления необходима решительная и твердая рука, способная сломить сопротивление крупных собственников. Такова была обстановка, при которой выдвинулся Ван Ман — регент при малолетнем наследнике престола. Воспользовавшись благоприятным моментом, он в 3 г. н.э. совершил дворцовый переворот и провозгласил себя императором и основателем династии Синь («Новая»). Для обоснования своего права на власть Ван Ман использовал чжоускую идею *Тянь мин* («Небесного мандата»), провозгласив себя преемником царей династии Чжоу.

Своими идейными вдохновителями Ван Ман объявил конфуцианцев с их утопией «золотого века» прошлого, когда якобы не было крайних про-

явлений богатства и бедности. «Свод обрядов царства Чжоу» («Чжоули») послужил Ван Ману практическим обоснованием его реформ.

В 9 г. н.э. Ван Ман издал указ, запрещающий куплю-продажу земли и рабов (а возможно, земли и связанных с ней рабов). В данном указе все частновладельческие земли объявлялись «царскими» (*вантянь*), а все рабы — «частнозависимыми» (*сышу*). Указ гласил: «Отныне [ввожу] изменения: [все] частные и государственные земли будут именоваться „царскими землями“, рабы и рабыни будут именоваться „частнозависимыми“. Все это (земли и рабов) нельзя ни продавать, ни покупать. Если мужчина [в семье] меньше восьми, а земли больше одного *цзина* (4,6 га), то отрезать излишки и передать родичам до девятого колена. Те же из соседей и общинников, кто не имеет земли, ныне должны получить землю, согласно данному установлению» (Цяньханьшу, гл. 99Б, с. 675/1257; гл. 24А, с. 196/778). Таким образом, Ван Ман в расчете на поддержку широких народных масс заявил о восстановлении древней идеализированной конфуцианцами «колодезной системы» (*цзинтянь*), при которой поля распределялись якобы равномерно, среди восьмерок семей, обрабатывающих девятый участок в пользу правителя. Это заявление несомненно было рассчитано на пропагандистский эффект. После провала реформ Айди невозможность изъятия земли у частных собственников стала очевидной. Возрождение *цзинтянь* ни самим Ван Маном, ни идеологами и вдохновителями его реформ не рассматривалось, конечно, как реальная практическая мера.

Реформа не имела в виду действительного перераспределения земель, но декларировала изменение форм собственности. Объявление всей земли неотчуждаемой «царской землей» могло означать попытку перевода общинно-частных земель в категорию правительско-государственных или собственно царских, что идеологически опиралось на низовую традиционную общественную психологию, вызывая ассоциацию с упоминавшимся выше религиозным постулатом «Книги песен»: «Широко кругом простирается Небо вдали, // Но нету под Небом ни пяди нецарской земли».

В основе закона о земле лежало запрещение ее купли-продажи, что действительно стало проводиться в жизнь. Эта мера казалась реальной, поскольку не затрагивала фактического земельного имущества частных лиц, имея целью воспрепятствовать росту крупной земельной собственности и предотвратить дальнейшее обезземеливание общинников. Изучавший этот период китайский историк Сы Те полагает, что именно разорение и порабощение свободных общинников, обремененных налогами, трудовой и военной обязанностями и являвшихся основным объектом эксплуатации со стороны государства, толкали представителей правящих кругов древнекитайской империи на проведение мероприятий по ограничению земле- и рабовладения⁵⁸.

⁵⁸ Сы Те. Возникновение и развитие арендной зависимости в периоды Цинь и Хань. — Лиши яньцзю. 1959, № 12, с. 43–58 (на кит. яз.).

Переименование рабов (*нубэй*) в «частнозависимых» (*сышу*) не делало людей свободными. Термином *сышу*, возможно, называли категорию людей, зависимых от частных лиц, которые их эксплуатировали, но продавать не имели права (вероятно, имелась в виду одна из форм возникавшей тогда патронажной зависимости). Ван Ман не пытался изъять эту рабочую силу из рук ее владельцев: подобная мера, как и перераспределение земельной собственности, была явно нереальной. Подневольные работники частных лиц и после проведения закона об их переименовании оставались в тех же руках и фактически в том же положении, облегчить которое государство и не пыталось. Это подтверждает сопоставление текстов «Истории Старшей династии Хань», относящихся к периоду царствования Ван Мана. Даже в указе 9 г. н.э. изменение термина *нубэй* (рабы) на *сышу* вообще не относилось к государственным рабам, которых последующие указы Ван Мана продолжали называть *нубэй*. Более того, наименование *сышу* встречается в источниках лишь дважды: в данном указе и в отменяющем его указе 12 г. н.э. (в главе «Продовольствие и товары»), во всех остальных случаях, приводимых в «Истории Старшей династии Хань», частные рабы по-прежнему продолжали именоваться *нубэй*. Это подтверждает, что никакого практического значения это переименование, видимо, не имело. Указ 12 г. н.э. приводится в «Цяньханьшу» в двух главах: «Жизнеописание Ван Мана» (Цяньханьшу, гл. 99Б, с. 678/1260) и «Продовольствие и товары» (Цяньханьшу, гл. 24А, с. 196/778). Причем, несмотря на параллельный текст, в гл. 99 не выделяются отдельно «частнозависимые», а говорится об имуществе в целом, которое, во изменение указа от 9 г. н.э., разрешается продавать и покупать, так же как и поля. Действительную важность представляло фактическое запрещение купли-продажи рабов. В добавление к указу 9 г. н.э. Ван Ман под страхом смертной казни запретил частным лицам заниматься работоторговлей.

Ван Ман стремился сконцентрировать в руках государства и лично правителя всю полноту власти, подчинить казне все источники доходов от ремесла, земледелия и торговли. При нем были возобновлены монополии на вино, соль, железо и отливку монеты. Винная, учрежденная в 98 г. до н.э., после смерти Уди была отменена. Монополия на соль и железо, введенная в 119 г. до н.э., была подорвана дискуссией 81 г. до н.э., когда идеологи *фацзя* — сторонники вмешательства государства в хозяйственную жизнь — потерпели поражение от конфуцианцев. Ван Маном была проведена денежная реформа, изъывшая из обращения находившуюся в употреблении монету. С целью обогащения казны, Ван Ман трижды проводил монетные реформы, изменяя вес и достоинство денежных единиц, что свидетельствовало об отчетливом понимании им влияния выпуска денег на их покупательную способность. Ван Ман продолжал линию валютной политики Уди, направленную на присвоение эмиссионных прибылей государством⁵⁹. В 10 г. н.э. Ван Маном были учреждены «управле-

⁵⁹ См.: Штейн В.М. Гуань-цзы. Исследование и перевод. М., 1959.

ния рынками» (*уцзюнь*) в крупнейших торгово-ремесленных центрах империи — городах Чанъань, Лоян, Линьцзы, Ханьдань, Чэнду и Вань (Наньян) (Цяньханьшу, гл. 24Б, с. 202/784). Введение рыночных управлений, декларировавшее нормирование цен и пресечение хищнической деятельности ростовщиков и торговцев, облекалось Ван Маном в форму конфуцианского идеала «гуманности» — установления «справедливых» цен во благо народа. На деле эти управления скупали товары по принудительным ценам и выбрасывали их на рынок, играя на разнице цен в интересах казны.

Введенная Ван Маном система «пяти управлений» (*угуань*) призвана была сосредоточить в руках государства основные источники народного потребления и дохода. Охота, рыболовство, разведение шелковичных червей и другие промыслы были обложены тяжелым налогом. Казной учреждалась выдача ссуд и кредитов населению и запрещались частные ростовщические операции. Официальная норма ростовщического процента (36% годовых) намного превышала частный ростовщический процент, который обычно составлял 20% годовых, как явствует, в частности, из доклада сановника Гун Юя (Цяньханьшу, гл. 72, с. 502/1084).

Ван Ман не только сохранил государственное рабство, но и расширил его источники. Ссылаясь на древние конфуцианские трактаты, он даже пытался обосновать исключительное право государства на владение рабами. При нем число государственных рабов сильно возросло за счет такого источника рабства, как осуждение в рабство за преступления. Законы Ван Мана обращали в рабство преступника вместе с его семьей и четырьмя соседними семьями, связанными принципом круговой поруки. Причем у всех этих семей, порабошавшихся государством, конфисковывалось имущество, в том числе и частные рабы. Такие рабы партиями переправлялись на далекие расстояния для работы в государственных рудниках и мастерских. Так, в 21 г. н.э. нарушители запрета на отливку монеты в числе пятерок семей (обязанных круговой порукой) подверглись аресту, конфискации имущества и были обращены в государственных рабов (*нубэй*). «Мужчины на телегах, в клетках для преступников, женщины и дети пешком, с бряцавшими на шее железными цепями сотнями тысяч переправлялись [в Чанъань] и передавались управлениям, ведавшим отливкой монеты», — сообщается в главе «Жизнеописание Ван Мана» из «Истории Старшей династии Хань» (Цяньханьшу, гл. 99В, с. 684/1266; см. также гл. 24Б, с. 202/784). При Ван Мане вошло в практику включение в армию отрядов из государственных и частных рабов (*цю ту жэнь ну*) (Цяньханьшу, гл. 24Б, с. 202/784).

В противовес тем историкам, которые считали, что мероприятия Ван Мана проводились в интересах широких народных масс, и даже объявляли их социалистическими и коммунистическими (как, например, Ху Ши), ряд исследователей подчеркивают классовый характер реформ конца I в. до н.э. — начала I в. н.э., направленных в первую очередь на защиту интересов государства и правящих слоев господствующего класса.

При Ван Мане был значительно увеличен административный аппарат, чрезвычайно усилились фискальные и полицейские функции государства. Чиновники и откупщики были заинтересованы в осуществлении экономических мероприятий Ван Мана, которые давали им возможность наживаться на спекуляции товарами при регулировании рыночных цен и на других злоупотреблениях. В «Истории Старшей династии Хань» сообщалось: «Обвинения выносились беспрерывно, власти свирепствовали, угрожая привлечь [людей по суду] как соучастников» (Цяньханьшу, гл. 24А, с. 196/778). По данным того же источника, в результате реформ Ван Мана «...земледельцы и купцы остались без занятий, продовольствие и товары исчезли, народ плакал на рынках и дорогах. Число осужденных из знати, служилых людей и простого народа за продажу полей, домов и рабов (*нубэй*) и выплавку монеты невозможно было даже сосчитать» (Цяньханьшу, гл. 99Б, с. 684/1266). Несмотря на явное преувеличение этого, безусловно, тенденциозного источника, в основе подобных известий лежал действительный факт сильнейшего обострения в правление Ван Мана общественных противоречий. Приближенные доносили Ван Ману: «Все говорят, что страдают от множества запрещений, что от них нельзя пошевелить рукой. Полученного от работы не хватает на уплату налогов и поборов. Люди закрывают двери, ни с кем не общаются и все-таки попадают в тюрьму как сообщники... согласно закону о круговой поруке пяти соседей... Начальники замучили народ» (Цяньханьшу, гл. 99Б, с. 198/780). Подчеркивая нереальность мероприятий Ван Мана, Бань Гу писал: «...Ван Ман в своих действиях... не считался с требованиями времени...» (Цяньханьшу, гл. 24А, с. 196/778).

Система рыночных управлений и монополий Ван Мана особенно тяжело отразилась на положении рядовых земледельцев, ремесленников и мелких торговцев. Спекуляция, как и следовало ожидать, привела к вздорожанию товаров широкого потребления. Обесценение монет и рост цен на товары явились результатом денежной реформы. В некоторых областях цены на рис возросли в 50 раз. Земельный налог был увеличен от $\frac{1}{30}$ до $\frac{1}{10}$ доли урожая. По мнению Дабса, от инфляционистской политики и денежных манипуляций Ван Мана особенно пострадали наименее обеспеченные слои сельского населения⁶⁰.

Реформы Ван Мана не приостановили ни разорения земледельцев, ни роста долговой кабалы. Хотя нарушители указа 9 г. н.э. наказывались с чрезвычайной жестокостью, вплоть до смертной казни, однако, как свидетельствует «История Старшей династии Хань», «очень многие пытались покупать и продавать поля... и рабов» (Цяньханьшу, гл. 99Б, с. 675/1257). Недовольство было столь сильным, что уже через три года, в 12 г. н.э., Ван Ман был вынужден отменить свой прежний указ и издать новый, который гласил: «Все „царские поля“, как частные, так и государственные, а также „частнозависимые“ могут продаваться и покупаться без ограни-

⁶⁰ *Dubs H.H. Wang Mang and His Economic Reforms. — T'oung Pao. 1940, vol. XXV, I. 4.*

чения законом» (Цяньханьшу, гл. 99Б, с. 678/1260; гл. 24А, с. 196/778). Через несколько лет Ван Ман предпринял еще одну попытку пополнить казну за счет рабовладельцев. Так, в 17 г. н.э. им был введен налог по 36 тыс. медных монет на каждого частного раба. «Недовольство этим налогом повсюду вызвало волнения» (Цяньханьшу, гл. 99В, с. 681/1263).

Мероприятия Ван Мана не только не ослабили социальные противоречия, но вызвали их дальнейшее обострение. По всей стране начиная уже с 9 г. н.э. начали вспыхивать волнения, которые вылились в мощное движение, известное под названием «Красных бровей». Движение «Красных бровей» сотрясало страну почти десять лет подряд. Оно было несравненно более широким по масштабу, чем антицинское восстание Чэнь Шэна и более однородным по составу, чем восстание Лю Бана. Вспыхнуло оно столь же стихийно, как и эти, предшествовавшие ему мощные движения. Никаких загодя планируемых идейных целей повстанцы перед собой не ставили, кроме единственной — свержение «узурпатора» Ван Мана. В движении принимали самое активное участие массы обездоленного и эксплуатируемого люда. Повстанцы убивали чиновников, отменяли налоги, захватывали имущество богачей, но ни на какой территории не закреплялись, а целеустремленно двигались в столицу империи — к дворцу Ван Мана. После захвата ими Чанъани Ван Ман был обезглавлен, тело его разорвано на части. Каждый повстанческий отряд провозглашал своего ставленника императором. Одновременно с народным движением в стране действовали армии представителей господствующего класса, заинтересованные в свержении Ван Мана. После казни Ван Мана они провозгласили императором своего ставленника — отпрыска Ханьского дома Лю Сю, который стал известен в истории под храмовым именем Гуан Уди (25–57 гг.). Гуан Уди начал свое правление «карательным походом» против «Красных бровей», которых к 29 г. ему удалось разбить, а затем подавить и все остальные народные движения. Новой столицей империи был объявлен г. Лоян на востоке страны.

С императора Гуан Уди начинается период правления Младшей, или Восточной династии Хань (25–220 гг. н.э.).

Древнекитайская «мировая империя» в конце эпохи поздней древности

Реставрация Ханьской империи сопровождалась значительными изменениями в ее социальном и политическом строе. После провала реформ и подавления народного движения силами крупнейших землевладельцев стало очевидно, что в обществе появились новые реальные силы, с которыми Восточноханьская империя должна была считаться. Размах восстаний 17–25 гг. показал необходимость, с одной стороны, уступок угнетенным массам, а с другой — сплочения всех слоев господствующего класса, передавших функцию подавления низов государству и тем самым санк-

циониравших реставрацию империи. Если при Айди и Ван Мане любые попытки государства вторгнуться в права земле- и рабовладельцев вызывали отчаянное сопротивление, то теперь, после того как правительство Гуан Уди расправилось с повстанцами, частные собственники уже не протестовали против законов Гуан Уди, освобождавших людей, продавшихся в рабство из-за голода, а также насильственно поработанных в этот смутный период. Были освобождены все государственные рабы, поработанные за нарушение законов Ван Мана, а также некоторые категории частных рабов. Указом 35 г. запрещалось клеймить частных рабов, ограничивалось право хозяина на убийство своих рабов, был отменен закон о позорной казни рабов на базарной площади. В указе Гуан Уди впервые официально провозглашалось, что раб по своей природе тоже человек (Хоуханьшу, гл. 1Б, с. 8/1302). Вместе с тем изданный Гуан Уди в 30–31 гг. «Закон о продаже людей», несмотря на вводимые им ограничения, в целом способствовал упорядочению работорговли.

Законы Гуан Уди, ограничивавшие самоуправство господ, воспринимались ими как неизбежные меры, необходимые для предотвращения острых социальных конфликтов. По всей вероятности, Гуан Уди опирался на средние хозяйства; крупные землевладельцы, так называемые «сильные дома», его мероприятий, очевидно, не поддерживали. В 52 г. они подняли мятеж, который Гуан Уди подавил с присущей ему беспощадностью.

К этому времени стал изменяться характер землевладения, прежде всего крупного. В хозяйствах стал использоваться труд так называемых «гостей», к числу которых поздниханьские авторы относили категорию непосредственных производителей, именуемую *кэ* — тех, кто своей земли не имеет, но берет у богатых и возделывает ее. К периоду правления Гуан Уди относится первое упоминание о большом количестве *кэ* у земельных собственников. Собственно рабский труд продолжает применяться, но больше в специфических видах производства (на плантациях камфорных и лаковых деревьев, в скотоводстве, на рыбных и соляных промыслах). В многоотраслевых хозяйствах крупнейших собственников земли получает развитие труд фактически зависимых (но лично еще свободных) земледельцев. Исследователи отмечают двойственность их положения: с одной стороны, они сохраняли право на землю, но с другой — не могли самовольно покинуть обрабатываемый ими (в том числе арендуемый) участок земли. Процесс концентрации земли стал принимать огромные размеры. «Сильные дома» обладали имениями, простиравшимися «от области до области». Их влияние распространялось на целую округу, включая мелкие города. В их распоряжении были табуны коней, стада крупного и мелкого скота. Они владели крупными мастерскими, значительную часть персонала которых составляли закованные рабы. На полях этих огромных имений все шире использовался труд *буцзюй* (посаженная на землю личная стража) и всякого рода *кэ*-«гостей»: «гостей-обрабатывающих поля» (*дянькэ*), «гостей-приживальщиков» (*бинькэ*), «нахлебников» (*ишикэ*), которые постепенно оказывались на положении лично зависимых работников. Эко-

номически эти работники не были собственностью земельного магната. Однако они выпадали из состава собственно граждан, не учитывались переписью населения, и государство скорее могло обложить налогом рабов (как чью-то собственность), чем эту категорию тружеников, вышедшую из состава налогоплательщиков государства.

В государственном секторе получили распространение так называемые *тунтянь* — «поля военных поселений». Впервые эта форма государственного полеводческого хозяйства возникла на северо-западных границах империи на рубеже II–I вв. до н.э., но затем нашла применение и во внутренних ее областях. От этих хозяйств дошли подлинные документы хозяйственной отчетности, записанные на бамбуковых планках. Сельскохозяйственные работы на этих «полях» выполняли поселенцы и их семьи, которым начальники раздавали посевной материал, земледельческие орудия и скот; урожай (целиком или в размере 60%) сдавался в казенные амбары, откуда потом земледельцы получали натуральные выдачи и одежду. «Военные поселенцы», видимо, находились на положении государственно-зависимых людей, прикрепленных к земельным наделам.

Правительство Гуан Уди предпринимало решительные меры к восстановлению разрушенных плотин на р. Хуанхэ. Началось активное освоение земель в бассейне р. Янцзы. Было упорядочено денежное обращение. Облегчено податное бремя. Поощрялось земледелие и шелководство. Бедноте были выделены на льготных условиях государственные поля (*зунтянь*), в том числе земли опальных «сильных домов».

На рубеже нашей эры в Ханьской империи проживало более одной пятой части всего населения земли, насчитывавшего 250 млн. человек. По переписи 2 г. н.э., первой в древнем Китае, население ханьской державы достигло 59 549 978 человек. Хотя в результате многолетних кровопролитных сражений, потрясавших страну после провала реформ Ван Мана, произошла катастрофическая убыль населения и в начале правления Младшей Хань перепись зарегистрировала в стране всего 21 млн. человек, к концу I в. н.э. эта цифра снова поднялась до 50 с лишним млн. человек, что говорит о восстановлении хозяйственного равновесия, росте благосостояния страны и соответствующем увеличении доходов казны.

Конец I в. отмечен подъемом экономики и торговли, успехами в ремесле и земледелии. Появляются водяные мельницы, водоподъемные сооружения, совершенствуются кузнечные мехи. Осваивается грядковая культура и система переменных полей. Получает распространение новый вид полеводства, требовавший тщательного ухода за каждым ростком. Однако сколько-нибудь значительного применения эти усовершенствования не находят.

Постепенно империя восстановила военную мощь и вернула себе положение «мировой державы». Во второй половине I в., умело используя раскол *сюнну* на «северных» и «южных», она приступила к восстановлению ханьского владычества в Западном Крае. Непревзойденные успехи во внешней политике, блестящие победы ханьских полководцев, в частности

Бань Чао, восстановили господство империи на Великом шелковом пути и высоко подняли ее внешнеполитический престиж. Ханьская империя установила связи с Индостаном через Верхнюю Бирму и Ассам, наладила морское сообщение из порта Бакбо в Северном Вьетнаме (известного римлянам под названием Каттигара) до восточного побережья Индии, а через Корею — в Японию. По южному морскому пути в 166 г. в Лоян прибыло первое «посольство» из Рима. Со второй половины II в., когда империя Хань стала утрачивать гегемонию на Великом шелковом пути, получает развитие внешнеторговая ханьская экспансия в страны южных морей, Шри-Ланку и Канчипуру (в Южной Индии). Младшая империя Хань по всем направлениям рвется к внешним рынкам. Никогда еще не достигали такого размаха международные связи ханьской державы. Укреплению внешнеполитической мощи сопутствует расцвет науки, литературы, философии, искусства. По отзывам современников, столица империи г. Лоян поражал своим величием. Придворные поэты и известные философы воспевали величие и незыблемость правящей династии, прославляя империю как воплощение «золотого века» на земле.

Однако процветание империи Младшей Хань было непрочным и таило в себе глубокие противоречия. В момент наибольших военно-дипломатических успехов в Западном Крае при дворе побеждают сторонники пассивного внешнеполитического курса. Они выражали интересы крупных землевладельцев, которые не были заинтересованы в разворачивании внешней торговли. Их разрастающиеся поместья постепенно становились самодовлеющим хозяйственным организмом.

Процесс концентрации земельных угодий был непосредственно связан с вытеснением мелкого и среднего землевладения и массовым разорением общинников. В феноменальном росте состояний и безудержном мотовстве правящих кругов и «сильных домов» современники усматривали чуть ли не первопричину оскудения государственной казны и массового разорения земледельцев. Два крайних социальных контраста: скопление неслетных сокровищ в руках немногих богатейших домов, с одной стороны, и обнищание массы мелких земельных собственников — с другой, определились к началу II в. с предельной остротой. Создавшееся положение многие государственные деятели рассматривали как катастрофу и напрямую связывали ее с распространением товарно-денежных отношений. В придворных дискуссиях II в. н.э. велись ожесточенные споры вокруг проблемы денег. В докладах на высочайшее имя появляются советы изъять металлическую монету из обращения, заменить ее тканями. Политикам казалось, что можно сдержать рост крупного землевладения и тем самым предотвратить процесс обезземеливания общинников, прижимая торговцев и искусственно сокращая приток богатств в страну. Это было осознанным основанием для изменения внешнеполитического курса империи, отказа от политики завоеваний и расширения внешних связей. Поскольку в древности производство в целом носило натуральный характер, товарно-денежное обращение затрагивало лишь относительно небольшую

часть производимого продукта, «капитал» оказывался, как правило, торгово-ростовщическим и не имел прямого отношения к производству. Таким образом, рост денежных накоплений, как таковой, не стимулировал производственного развития. Деньги сосредоточивались у узкого круга богачей, превращались в сокровища и выпадали из процесса обращения.

К концу I в. население империи насчитывало 53 млн. человек. Но уже через 15 лет перепись показала демографический спад почти на 10% — и это в условиях отсутствия внутренних «смут» и внешних войн. Очевидно, часть податного населения (а только их и фиксирует официальный учет населения) отдалась под покровительство крупных земельных собственников, что не означало, естественно, их физической гибели, но знаменовало их «гибель» гражданскую.

Это положение принципиально отличалось от того, которое вызывало тревогу ханьских политических деятелей примерно за полтора-два столетия до этого. Тогда донесения властей сообщали, что, несмотря на сокращение поземельного налога до $\frac{1}{30}$ доли урожая, бедняки в действительности лишаются половины урожая — обычно в пользу своих кредиторов. Однако общинники, попавшие в долговую кабалу, оставались в числе граждан-налогоплательщиков империи. Ни о какой их личной зависимости от частных лиц тогда не шло речи, во всяком случае, как о сколько-нибудь массовом явлении. И тогда и сейчас государство пеклось о своих доходах и болезненно реагировало на сокращение податного населения, но за внешним сходством явлений скрывалось их принципиальное различие. Общая тенденция развития становилась иной.

Заметно возрастало число маломощных семей, которые добровольно переходили на положение «гостей», многие за долги отдавали землю «сильным домам» с условием пользования ею на правах лиц, лично зависимых от земельных магнатов. О том, что в основе этих процессов часто лежали долговые сделки, можно судить по упоминаниям источников об огромном количестве должников у крупных земельных собственников. К концу II в. под покровительством отдельных крупнейших представителей «сильных домов» находилось по несколько тысяч подобного рода семей. Состав работников такого имения был очень разнородным: среди них были зависимые земледельцы разных типов, кабальные арендаторы, рабы, полурабы, наемные работники. Новые формы зависимости и земельных отношений становились доминирующими в поместьях магнатов, свидетельствуя о снижении товарности частных хозяйств, дальнейшей натурализации производства, изменении способов взимания прибавочного продукта, коренном изменении форм собственности.

Практика отдачи себя под покровительство не скреплялась актом купли-продажи земли, не означала порабощения должника, фиксируя отношения сугубо личные, патронажные. Фактически они приводили к отчуждению земли должников в пользу займодавца или другого «покровителя» обедневшего общинника и в конечном счете к потере последним какой-то доли своей гражданской свободы, которая из-за связанных с ней и значи-

тельно возросших в это время налогов и обязанностей становилась для него бременем. Причем патронаж привязывал к земле отдавшегося под покровительство, что, очевидно, было в интересах обеих сторон. Земледельцы такой ценой сохраняли известные права на пользование своими участками.

Из свободных граждан государства, его основных налогоплательщиков, кабальные должники превращались в людей лично и поземельно зависимых, выпавших из фиска. Таким образом, коммендация вела к изменению гражданского статуса общинника. Для государства этот процесс означал потерю доходов, для земельных магнатов — их приобретение, причем явно в ущерб государству. Очевидно, к концу описываемого периода «гостевые дворы» получают какой-то официальный статус и начинают учитываться властями на предмет налогообложения, но не как самостоятельные хозяйства, а как податные единицы, приписанные к «сильным домам».

Складывалась на первый взгляд парадоксальная ситуация. Общинники — основное свободное податное население государства — могли по своему усмотрению распоряжаться своими земельными угодьями, по сути беспрепятственно расширяя их за счет покупки, или продавая их (естественно, с согласия общины), или «добровольно» отказываясь от них в чью-то пользу на условиях своего рода «личной договоренности». Государство же, чьими подданными они являлись, не имело реальной возможности воспрепятствовать этому, как не могло оно помешать «на законных основаниях» расширению магнатских земель до любого мыслимого размера. Обе категории подданных — общинники и земельные магнаты — обладали всеми правами частной собственности на свою землю: владения, пользования и распоряжения ею, причем вполне независимо от государства. Тем самым выявляется, что ни лично ханьскому императору, ни государству, как таковому, в это время не принадлежало право верховной собственности на землю империи, на которую распространялся их публично-правовой суверенитет.

«Сильные дома» помогались в своих поместьях не только экономической, но и политической самостоятельности, стремились поставить земледельцев в личную зависимость от себя. С течением времени главы «сильных домов» почти «естественно» обретали судебно-правовую власть над своими «зависимыми», как бы становясь между ними и государством. В хозяйствах «сильных домов», по мере их укрупнения, возникали в зачаточном виде те формы отношений собственности, которые делали магнатов в собственных глазах принципиально неотличимыми от правителя, а их поместья — неотличимыми от государства. Так постепенно в их лице соединялись публично-правовые функции суверена и частноправовые функции собственника, которые в древнем обществе, как правило, не совпадали, но были характерны для феодализирующихся отношений.

Площадь пахотных земель, регистрируемая государством, все более сокращалась, число податного населения катастрофически падало (от

49,5 млн. человек в середине II в. до 7,5 млн. в середине III в.). Из-за дезорганизации центрального аппарата регулярный ремонт плотин и уход за ирригационными сооружениями на р. Хуанхэ прекратились. Река стала выходить из берегов. Ее разливы несли неисчислимы бедствия сотням тысяч семей. Целые общины, видимо, превращались в «держателей» земли у «сильных домов», поскольку за недоимки каждой семьи перед властями отвечала вся община в целом. Сокращение числа налогоплательщиков, естественно, привело к увеличению гнета налогов и повинностей для оставшейся массы гражданского населения империи. По некоторым, правда, сильно преувеличенным данным, налоги будто бы превысили в десять раз «законные» нормы. В середине II в. сильнейший голод охватил центральные районы империи, дело доходило до людоедства. Цены на продукты непомерно поднялись. Начался стремительный упадок товарно-денежных отношений. Земледельческое население — еще свободное — не имело средств для участия в товарообороте. Поместья «сильных домов» все в большей мере становились экономически замкнутыми, самообеспечивающимися хозяйствами. Сановники предлагали исчислять все сборы в тканях. В 204 г. был издан указ о замене всех денежных платежей натурой, а в 221 г. императорским указом монета была отменена и в оборот введены шелк и зерно.

Нарастающий социально-экономический и политический кризис империи привел к упадку городской жизни. На рубеже нашей эры в империи насчитывалось 37 844 города, а в середине II в. их было всего 17 303, т.е. за полтора века их количество сократилось более чем вдвое. Ханьский город, процветание которого было непосредственно связано с общим подъемом экономики, развитием товарно-денежных отношений и укреплением частнособственнического хозяйственного сектора, погибал вместе с крушением древнекитайской цивилизации.

Разросшийся до огромных размеров бюрократический аппарат империи, разьедаемый коррупцией, превратился в самодовлеющую силу, поглощавшую основной прибавочный продукт. Малолетние императоры оказывались пешками в руках придворных группировок. По сведениям Фань Е, автора «Истории Младшей династии Хань», «в царствование Хуань-ди (147–167) и Лин-ди (168–189) правители были никчемными людьми, правление расстроилось, судьба государства решалась в гаремных покоях»⁶¹. Ожесточенная политическая борьба при императорском дворе, выражавшаяся в столкновениях между высшей бюрократией и приближенными императора из числа гаремных евнухов и родственников императриц, усугубляла нарастание социально-политического кризиса позднеханьского общества. Засилье евнухов в имперском аппарате подрывало регулярную систему выдвижения на государственную службу. В столичной и провинциальной администрации подавляющее число чиновников теперь назначались по персональному выбору ответственных официаль-

⁶¹ Цит. по: *Малявин В.В.* Гибель древней империи. М., 1983, с. 88.

ных лиц. По кодексу «служебной чести», служащим вменялась в обязанность личная преданность тем, кто рекомендовал их на должность.

Стало терять смысл понятие гражданства как социального статуса, связанного с обладанием определенными личностными правами. С ужесточением политического режима было связано принижение человеческого достоинства простолюдина. По религиозным нормативам позднеханьского конфуцианского «катехизиса» «Бохутун» их души обрекались на полное уничтожение.

На закате империи Младшей Хань в обстановке начавшегося процесса формализации конфуцианской государственной доктрины на низовом уровне возникают религиозно-этические учения даосизма и буддизма — своего рода «религии спасения», в которых отражалось состояние духовно-психологического массового дискомфорта и синдром социальной несправедливости. Мировоззренческий кризис был показателем изменения ценностных ориентаций личности, что являлось серьезным симптомом агонии древнекитайской цивилизации и ее перехода к эпохе средневековья.

В условиях затяжного политического и глубокого социально-экономического кризиса в стране вспыхнуло самое мощное в истории древнего Китая общественное движение, известное под названием «Желтых повязок». Оно подготавливалось в течение десяти лет сектой Тайпиндао («Путь Великого спасения»). Глава этой секты и руководитель восстания Чжан Цзюэ называл себя Учителем высшей добродетели. В своих проповедях он предрекал, что «Синее Небо (т.е. династия Хань) погибнет и воцарится Желтое Небо (т.е. Царство справедливости)» и называл точный день начала восстания — день *цзяцзы* (падавший на 4 апреля 184 г.). Чжан Цзюэ обещал своим адептам покровительство Желтого Неба, спасение и долголетие. Проповедь Чжан Цзюэ, обращенная ко всем без различия пола, возраста, звания и чина и обещавшая людям избавление от страданий в самом ближайшем будущем, привлекала к нему толпы обездоленных. Проповедники от имени Чжан Цзюэ действовали в самых многонаселенных районах империи, где было сосредоточено три четверти населения страны. По-видимому, члены секты проходили под руководством этих проповедников военную подготовку в 36 центрах движения, созданных руководителями секты. Императору докладывали: «Вся империя приняла веру Чжан Цзюэ». Участники движения повязывали голову желтыми повязками, символизировавшими Желтое Небо. Несомненны эсхатологические, пророческо-мессианские настроения сектантов, веривших в свое предназначение выполнить великую карательную миссию во имя Благого Дао. Через десять дней после призыва Чжан Цзюэ к немедленному выступлению пламя восстания «Желтых повязок» полыхало по всей стране. «Желтые» громили и сжигали правительственные здания, уничтожали представителей власти на местах, как носителей вселенского зла. Позднее само слово «Желтые» столетиями наводило ужас на господствующие классы. Движение «Желтых повязок», выступавшее под религиозной оболочкой учения Тайпиндао, было первым в истории Китая движением уг-

нетенных масс, имевшим свою идеологию. И как таковое оно явилось прообразом будущих крестьянских восстаний в средневековом Китае.

Имперские власти оказались не в силах справиться с повстанческим движением. На борьбу с «Желтыми» поднялись армии «сильных домов», которые совместными усилиями разбили основные силы «Желтых повязок». Однако по стране катились новые и новые волны восстаний, к повстанцам в окраинных районах присоединялись пограничные племена. С первой четверти II в. н.э. северные регионы страны стали подвергаться «варварским» вторжениям, интенсивность которых все возрастала, а имперские войска были не в состоянии дать им отпор. Последний отпрыск императорского дома Лю влачил жалкое существование при дворе Цао Цао, одного из самых жестоких карателей «Желтых», пока его сын Цао Пи в 220 г. не захватил трон и тем самым положил конец династии Хань. Этот год считается формальной датой крушения империи Младшей Хань.

Ханьская империя развалилась в результате поразившего ее системного социально-экономического, общественно-политического и психологически-мировоззренческого кризиса древнекитайского общества (прошедшего длительный путь развития от возникновения государства до мировой империи поздней древности) и вызревания в ее недрах принципиально новых социальных отношений, заложивших основу для развития в Китае средневекового общества.

Системный кризис поздниханьской империи выражался в дезинтеграции бюрократии, обнищании основных производителей, трансформации общины, натурализации хозяйства, падении боеспособности государства (в том числе в связи с массовым переходом общинников под патронат земельных магнатов), пока, наконец, не завершился крушением ханьской династии и «деимпериализацией» страны.

Империи Хань были присущи типовые особенности, характеризующие ее как вселенскую империю эпохи поздней древности, обладающую специфическими чертами, отличающими ее от всех последующих империй Китая, как средневековых, так и нового времени. Среди всех древних мировых империй только Римской и Ханьской выпала участь дожить до своего «естественного» конца.

На примере древнекитайской цивилизации (от Иньского государства до Ханьской империи включительно) прослеживается целостный процесс исторического развития государства и общества от ранней до поздней эпохи древности.

Признание единства и поступательного хода всемирной истории, а также закономерной последовательности исторически общезначимых фаз развития наталкивают ученых на поиск известного минимума типовых условий, наличие которых необходимо и достаточно для системной смены общественных отношений. Эта проблема была поставлена И.М.Дьяковым, предложившим выделить единый комплекс «диагностических признаков», характерных для переломных эпох мирового исторического про-

цесса при переходе от одной фазы развития к другой. Выше было показано, как эти «условия», или «признаки», проявлялись в механизме образования империи Цинь, что дает основание считать ее открывающей новую фазу (формацию) развития в пределах китайской древности. Эти же «признаки» прослеживаются и в историческом процессе становления, и в механизме крушения Ханьской империи. В приведенном ниже экскурсе предпринята попытка проследить эти «признаки» для эпохи Цинь—Хань в целом.

Начать, очевидно, следует со сферы социально-экономической.

Многовековой процесс трансформации родственно-соседской общины завершился в империи Цинь узаконением собственности на землю, превратившим общину в коллектив земельных собственников. Хотя в начале эпохи Хань профессиональным торговцам запрещалось владеть землей, но превентивными мерами этот запрет был сведен на нет уже при императоре Уди. Провалилась и попытка земельной реформы Ван Мана, направленная на подрыв частного рабовладельческого предпринимательства. Процесс имущественного расслоения и обезземеливания общинников принимал неуправляемый и необратимый характер. Это воспринималось современниками как социальная катастрофа, истоки которой они видели в реформе Цинь Шихуана, превратившей землю в товар, диагностически правильно оценив ее решающее влияние на все дальнейшее развитие ханьского Китая. Несмотря на политический развал древнекитайской империи в конце Младшей Хань, окончательное крушение цинь-ханьского земельного строя произошло лишь с переходом к раннесредневековой наделной системе.

Со второй половины эпохи Чжаньго в царствах древнего Китая в той или иной мере осуществлялась централизация управленческих структур (наиболее последовательно в Цинь). Однако лишь со времени империи Цинь можно говорить о системном изменении государственного строя древнего Китая. Цинь Шихуан создает имперскую административно-бюрократическую систему, формально основанную на законе, противостоящем нормам правовой традиции и обычного права. Провозглашение общественно-политического равноправия «черноголовых» стирало прежние этногеографические и социальные грани, разделявшие ранее общество на «управляющих» — иерархическую знать и «управляемых» — простой народ. Введенные в начале Хань два высших аристократических титула (*ван* и *хоу*) лишь формально напоминали чжоуские. Коренным образом изменился социально-политический статус представителей общинно-частного сектора: как земельные собственники, все главы семей по указу Лю Бана были включены в иерархическую систему «знатности», т.е. полноправного гражданского состояния, как низовое ее звено; государству нельзя было, в частности, поработить их иначе, как по суду. Вместе с тем в дальнейшем, несмотря на конфуцианскую догму о неподсудности знати, ханьским уголовным правом допускалось — после разжалования до статуса простолюдина (*шужэнь*) поработить даже отпрысков высшей аристократии. Социальная нивелировка выравнивала об-

щинные слои гражданского населения в одну массу подданных империи, над которыми становился властен не безличный закон, а самоуправство и произвол административно-чиновничьего коррумпированного аппарата. Тем самым стало терять смысл понятие древнего гражданства как социального статуса, связанного с обладанием определенным объемом лично-сословных прав. Кризис политического строя, разразившийся в конце правления Младшей Хань, привел к деструкции центра, росту децентрализаторских сил и завершился падением ханьской династии и «деимпериализации» страны — фактор, свидетельствующий о переходе к новой фазе исторического развития Китая.

Кардинальные изменения имели место в сфере идеологии и социальной психологии. Эпоха, предшествовавшая империи Цинь, была не только эпохой «брани царств», но и борьбы этико-философских «школ». Идеальный плюрализм был отличительной чертой эпохи Чжаньго. Однако, несмотря на резкое противостояние идейно-политических и этико-философских учений и их политически окрашенные споры, дело нигде не доходило ни до преследования, ни до формального признания властями какой-либо из «школ». Иная ситуация сложилась при Цинь Шихуане, который не остановился перед расправой со своими идейно-политическими противниками конфуцианцами. Политическим и социально-психологическим механизмом становления империи Цинь стало учение *фацзя*, явившееся по своей сути ее официальной идеологией. Будучи направлено на утверждение гражданственного начала в общественной психологии, оно предполагало коренную смену социальных ценностей. Но при императоре Уди конфуцианство в теологической интерпретации Дун Чжуншу признается официальным вероучением. В позднеханьский период оно становится общеобязательным и каноническим, все более делая установку на воспитание конформистски настроенной верноподданнической массы. Догматизация конфуцианства принимает очень затяжной характер, выливаясь в ожесточенную борьбу толков, в которую вовлекается и император.

Особое значение имеют сдвиги в сфере общественного производства. Расширенное воспроизводство требует стабильного (на что следует обратить внимание) соотношения двух основных подразделений общественного производства. Тенденция объединения областей, производящих предметы потребления, и областей, производящих средства производства, может быть прослежена и в эпоху Чжаньго во внешней политике крупных территориальных царств, встававших на имперский путь развития. Эта задача с самого начала стояла перед империей Цинь. Сразу же после покорения древнекитайских царств Цинь Шихуан приступил к завоеванию племенной периферии. И в дальнейшем обеспечение нормального функционирования расширенного воспроизводства и развития производительных сил было важнейшей функцией Ханьской империи. В этом аспекте можно рассматривать и завоевательную внешнюю политику Уди. Объединение первого и второго подразделений общественного производства в тех исторических условиях, естественно, не могло быть осуществлено

налаживанием международного обмена, хотя такие попытки предпринимались (в частности, путем завоевания ключевых позиций на Великом шелковом пути); достичь этого результата становилось возможным лишь средствами насилия. Огромное расширение территориальных захватов при Младшей Хань привело к крайнему перенапряжению экономики страны и поставило империю Хань на край гибели. Избежать краха она не смогла уже и потому, что не была более в состоянии выполнять вышеуказанную функцию.

Переворот в военном деле, и прежде всего в технологии производства оружия, является одним из основных признаков смены фаз общественных отношений. Значимость военно-технологического фактора определяется важностью функции войны в древнем обществе как политической, так и «производственной» акции. Роль этого фактора особенно увеличивается в период становления имперского строя. Как уже отмечалось, создание империи непосредственно связано с военным потенциалом государства-агрессора. Не случайно ни одна из древних мировых империй не возникла мирным путем, все они были связаны с грандиозными завоеваниями, носившими, по сути, характер «революций сверху», которые в смене фаз общественного развития могли играть роль не меньшую, чем социальные потрясения, что выдвигало на первый план военно-технологический фактор. Военная мощь армии Цинь Шихуана, опиравшаяся на новую технологию оружия, играла первостепенную роль в его победах. Переворот в циньской военной технике был обусловлен освоением и широким распространением плавки железа. Хотя и в период Чжаньго война была знаменем времени, решительное изменение в области военного дела произошло с имперской фазы развития. На вооружение берется мощный вид дальнего боя — самострел. Вводится новый тип построения войска, идет перестройка всей военной машины. Уходит в прошлое стратегия и тактика колесничного боя. Кавалерийские подразделения становятся неотъемлемой частью армии Цинь Шихуана и в дальнейшем приобретают исключительное значение в ханьских войсках. Теряют былую значимость традиционно-классические принципы войны, известные из трактатов Суныцзы и Уцзы. Выдвигаются новые цели войны и задачи армии. Создается абсолютно иной, нежели прежде, «образ врага». Война все более выступает как карательная акция, направленная против внешнего противника. Его рассматривают с позиции уголовного права как потенциального преступника, раба по природе. Этому способствовала ханьская концепция безусловного превосходства Срединной империи над окружающим миром «аморальных варваров». Со временем ханьская армия берет на себя немислимую до того задачу подавления внутренней смуты, под которой первоначально имелись в виду «рабские бунты» и «бандитские мятежи». В 32 г. н.э. обязательная военная служба, которую несло поголовно все население империи, была отменена и заменена денежным налогом, что не замедлило сказаться на характере ханьской армии и ее боеспособности. Возможно, эта мера была связана и с массовым переходом общинников

под патронат земельных магнатов. В период правления Младшей династии Хань с ростом народных движений армия все более приобретает характер антинародной силы — явление, характерное скорее для средневековья. В самом конце правления Младшей Хань регулярным войскам противостояли восставшие народные массы империи и смыкавшиеся с ними повстанцы племенной периферии. Выйти из поразившего страну военного кризиса империя была уже не в состоянии. В этом видится признак того, что возможности развития общества в пределах данной фазы были исчерпаны.

Коренные сдвиги были связаны с изменениями в способе соединения рабочей силы со средствами производства, характере эксплуатации. Древнекитайские историки видели причины гибели империи Цинь в узаконении частной собственности на землю и феноменальном росте рабства, когда раб был низведен до уровня рабочей скотины и стал товаром в полном смысле слова. Из недавно ставших известными статей циньского кодекса следует, что казенное рабство составляло основу государственного хозяйственного сектора. Из того же источника известно также о производственном использовании рабов и в общинно-частном секторе, четко отработанной судебной процедуре порабощения, распространенной работорговле, тяжелом положении рабов, рабстве военнопленных. Рабовладение выступает как существенно важный элемент общественных институтов империи Цинь — Старшей Хань при базовой роли общинно-частного сектора. Законы Ван Мана служат подтверждением все еще важного значения рабского труда в частных земледельческих хозяйствах и распространении государственного производственного рабства. До конца империи Старшей Хань существовало неограниченное право господина над рабом (вплоть до его убийства).

С начала империи Младшей Хань появляются первые серьезные симптомы системного социального кризиса, причем, что показательно, в области идеологии и социальной психологии. В тронном эдикте Гуан Уди впервые в истории древнего Китая признается человеческое достоинство раба. Этому правителю принадлежат первые указы, облегчавшие положение рабов (среди них запрещение самочинного убийства рабов их хозяевами). К концу существования империи Младшей Хань относятся сведения о возникновении различных форм личной зависимости (*буцзюй*, *дянькэ*, *ишикэ* и др.) и развитии патронажных отношений, фактически прикреплявших производителя к земле. Постепенно складывается многоотраслевое магнатское землевладение «сильных домов», фактически присваивавших себе публично-правовые функции.

Коренное изменение форм собственности — важнейший «диагностический признак» перехода к новой системе общественных отношений — средневековью, которому соответствовала новая классовая структура: деление на свободных (*лянминь*) и зависимый люд (*цзяньминь*).

Раннеяпонское государство и информационные процессы

Скорость и интенсивность протекания информационных процессов представляют собой чрезвычайно важный признак устойчивого развития общества. Только при наличии разветвленных информационных сетей обеспечивается надежная передача навыков, умений, технологических новаций, идей, распоряжений «правительства» и т.д. Осуществление этого коммуникативного процесса отчасти происходит за счет самоорганизации общества на микроуровне, однако в масштабах страны трудно переоценить организующую роль государства. Разумеется, государство преследует при этом прежде всего свою собственную выгоду: необходимость держать в повиновении определенную территорию, контролировать трудовые ресурсы и обеспечивать бесперебойное поступление налогов диктует его объективную заинтересованность в создании медиаторов, опосредующих отношения между правителем и подданными, между центром и периферией.

Выбор определенных типов медиаторов (их можно подразделить на два главных типа: насильственное воздействие и информационное воздействие) оказывает огромное влияние на весь последующий исторический и культурный процесс. Там, где был сделан выбор в пользу силовых отношений (скажем, в России), ситуация существенно отличается от положения в тех традициях, где определяющим способом взаимного воздействия стала информация (указы, приказы, инструкции и т.п.). Разумеется, не существует «чистых» вариантов: силовые и информационные отношения дополняют друг друга. Но своеобразие конкретной культуры в значительной степени определяется соотношением между различными типами медиаторов.

Похоже, что начиная со второй половины VII в. в Японии (после отказа от военного присутствия на Корейском полуострове и завершения ожесточенной борьбы за верховную власть среди различных представителей правящего рода, когда престол занял Тэмму) делается стратегический выбор в пользу письменных средств коммуникации как основного средства управления. Общегосударственное информационное поле, обеспечивающее общий фонд памяти с помощью школьного образования на основе общей для подданных знаковой системы (иероглифической письменности), все более вытесняет установку на применение силовых методов (хотя мы совершенно не намерены сбрасывать их со счета).

Чрезвычайно характерно, что постоянный эпитет государя — *касикоси* («грозный»), фиксируемый мифологическо-летописными сводами «Кодзики» и «Нихон сёки», постепенно сменяется на *ясумисиси* — «правлящий с миром» или «ведающий восемь углов (направлений)». Первоначально под этим термином имелся в виду сакральный дар видения чего бы то ни было — в силу того, что император способен контактировать с миром богов. В поэтической антологии «Манъё:сю:» зафиксировано 27 случаев употребления этого эпитета. Наглядным символом этого был восьмиугольный трон государя. Однако логика интеллектуального развития человека с неизбежностью приводила к дополнению сакрального «ведения» более прагматическим знанием. В период Нара оно уже обеспечивалось широко разветвленным бюрократическим аппаратом. Одной из его основных задач было знание того, что творилось в стране, знанием, на основе которого принимались решения. Это знание добывалось на сей раз путем осуществления коммуникации между государственными институтами власти.

Совершенно понятно, что массовый обмен письменной информацией мог быть обеспечен только при условии организации планомерного процесса обучения. И действительно, школы чиновников создаются в Японии достаточно рано: столичная — в 670 г. (около 450 учеников), провинциальные — в 701 г. (с числом учеников от 24 до 60). Кроме того, существовали школы медицины и астрологии (общее число учеников — около 110). Если учесть, что какое-то количество буддийских монахов получало образование при монастырях, станет понятно: система образования (в весьма значительной степени инициированная государством и поддерживаемая им в работоспособном состоянии) отличалась размахом, достаточным, чтобы обеспечить реальное функционирование письменности как средства управления и коммуникации.

Усвоение единого корпуса китайских (законы, хроники, философско-дидактические произведения) и японских (законы) текстов государственной мысли (для чиновников) и памятников буддийского содержания (для монашества) создавало единую культурную память, без которой невозможно формирование общенациональной культуры. Исследования последнего времени показывают, что приобщение японцев к достижениям континентальной цивилизации и культуры в очень значительной степени обеспечивалось (в особенности начиная с VIII в.) не столько личными контактами, сколько с помощью письменных каналов информации: ввоз книг, их переписывание и распространение. Именно в это время формируется отношение к письменному слову как к основному возможному источнику информации. Именно с этим связано прослеживаемое на всем протяжении японской истории желание к овладению письменностью самыми широкими слоями населения.

Государство и информационные процессы. В самом общем виде основных партнеров по коммуникативному процессу внутри Японии можно подразделить на две категории: центральные ведомства (т.е. учреждения,

располагавшиеся во дворце «императора» в Нара) и местные органы власти (управления провинций — *кокуфу*, уездов — *гунга* и села — *сато*). Властная вертикаль была образована строго иерархически, закреплена законодательно, и поэтому ни один орган не обладал свободой в выборе партнера по коммуникативному процессу. Центр имел своим партнером провинцию, провинция — уезд, уезд — село. Документы, исходящие из вышестоящего ведомства, назывались *дзё*., а донесения из нижестоящего — *гэ*. При этом обмен документами не мог, как правило, осуществляться по горизонтали — скажем, между отдельными провинциями или уездами. В случае же, если партнерами по коммуникативному процессу выступали все-таки одинаковые по своему статусу учреждения, то такие документы назывались *и*. Обычно это были документы, для передачи которых адресату требовалась промежуточная инстанция — например, если путь документа из Центра до конечного адресата лежал через несколько провинций. В таком случае в управлении «промежуточной» провинции составлялся сопровождающий основное послание документ, в котором указывалось, что этот документ действительно доставлен и теперь отправляется далее по соответствующему маршруту.

В зависимости от ситуации каждое ведомство могло выступать то в роли источника, то в роли получателя информации. Таким образом осуществлялась обратная связь в этой организованной государством коммуникативной системе. Однако характер посылаемой информации, естественно, различался в зависимости от положения на коммуникативной вертикали. Вышестоящие органы порождали распоряжения, нижестоящие — отчеты о «проделанной работе» и различного рода донесения.

Примером того, какие документы циркулировали между провинцией и Центром, может послужить сохранившийся до нынешнего дня список тех документов, которыми в 734 г. обменивалась провинция Идзумо со своими партнерами по коммуникативному процессу. Этот документ носит название «Идзумо-куни кэйкайтё:» («Реестр документов провинции Идзумо»). Он был привезен в столицу управителем провинции в 10-й луне. В этом реестре перечислены все «входящие» и «исходящие» за год документы, связанные с функционированием Управления провинции Идзумо. К входящим документам следует отнести прежде всего распоряжения вышестоящих ведомств (Дадзё:кан, восьми министерств, других вышестоящих организаций). Например, распоряжение Военного министерства (Хё:бусё:) о необходимости прислать стражника для охраны дворца взамен сбежавшего Кацубэ-но Оми Отомаро (отправлено 23-го числа 3-й луны, доставлено 10-го числа 4-й луны). В ответ на это распоряжение Управление Идзумо отправило исходящий документ от 20-го числа 4-й луны, свидетельствующий о том, что такой стражник в сопровождении армейского пятидесятника по имени Окикабэ-но Оми Мидзусаси в столицу послан. Документы такого толка поступали в конечном счете в Дадзё:кан. После истечения трехлетнего срока хранения они уничтожались (разрезались на удобные для письма листочки и использовались в качестве «оборотов»).

В качестве документа образца *и* можно привести следующий пример. 8-го числа 4-й луны в Управлении Идзумо были получены два документа из Министерства народных дел (Мимбусё) и один — из Военного министерства (Хё:бусё:). Эти документы были адресованы в соседнюю с Идзумо провинцию Хо:ки, а также в провинцию Оки, в связи с чем делопроизводителями Идзумо сделана запись о получении этих документов и об отправке их по назначению. Содержание документов таково: предоставить одного работника взамен сбежавшего от несения трудовой повинности и отремонтировать склад для хранения зерна.

Кроме того, в состав «Реестра» входили и другие документы, например перепись домашней птицы и лошадей, составленная по требованию Центра.

За два месяца до упомянутого визита управителя Идзумо в Нара он доставил в столицу еще 18 свитков документов, имевших отношение к налогообложению во вверенной ему провинции (списки тяглого населения и освобожденных от налогов в связи с трауром по родителям, списки лиц преклонного возраста и инвалидов, а также список рабов, сменивших своего владельца).

Дорожная инфраструктура. Создание единого общегосударственного информационного поля сопровождалось значительной активностью в области создания дорожной инфраструктуры (т.е. дороги играли роль «канала информации»). Создание дорожной сети было одним из наиболее значимых государственных проектов (наряду со строительством столицы, Управлений провинций и уездов, многочисленных буддийских храмов) по формированию антропогенной среды обитания. Дорожная сеть была призвана облегчить обменные процессы между Центром и периферией, между отдельными регионами, различными хозяйственными укладами. Однако, судя по всему, планомерное строительство дорожной сети было начато не в силу экономической потребности в ней периферии (дороги, обеспечивавшие местные нужды, возникли ранее «естественным» образом без всякого вмешательства правительства), но поскольку они были нужны прежде всего Центру — исходя из соображений престижности, управленческих и военных нужд.

Еще в начале VII в. (в правление императрицы Суйко) было проложено несколько прямых дорог. Одна из них соединяла расположенные в Асука резиденции японских правителей с Нанива, где находилась морская гавань, куда прибывали китайские и корейские послы. Другие дороги, построенные позднее, соединяли Фудзивара и Нара. О выдающемся значении, придававшемся раннеяпонским государством строительству дорог, свидетельствует знаменитый указ 645 г., знаменующий собой начало реформ и переход к «современному» государству. В этом указе наряду с радикальными реформами прежней системы социально-политического и экономического устройства (отмена частной собственности на землю, введение наделной системы землепользования и др.) большое внимание уделялось созданию сети почтовых дворов, призванных обеспечить бесперебойное сообщение — быстрое прохождение информационного сигнала

(доставку распоряжений правительства и отчетов с мест). К этому времени правящая элита уяснила, что энергию подведомственного ей населения можно использовать более практичным образом, нежели на сооружение гигантских курганов.

В VIII в. в стране было проложено семь так называемых «государственных дорог» (*кандо:*), соединявших столицу Нара с основными регионами (*до:*) и служивших в качестве их границ. Они назывались следующим образом: То:кайдо: (проходила вдоль берега Тихого океана от столицы через провинцию Хитати до провинции Муцу, соединяясь с То:сандо:), То:сандо: (проходила по центру о-ва Хонсю от столицы до провинций Муцу и Дэва), Хокурикудо: (проходила вдоль побережья Японского моря от столицы до провинции Этиго), Санъиндо: (проходила вдоль побережья Японского моря от столицы до провинции Нагато), Санъё:до: (проходила по побережью о-ва Хонсю, обращенному в сторону Внутреннего Японского моря, от столицы до провинции Нагато, откуда можно было перебраться морем на Кюсю), Нанкайдо: (проходила от столицы до Авадзи и затем по берегу о-ва Сикоку, обращенному в сторону Внутреннего Японского моря, с ответвлениями во все четыре расположенные там провинции) и Сайкайдо: (проходила по провинциям о-ва Кюсю).

Исходя из важности дорог, они были ранжированы как «большие», «средние» и «малые». Статус «большой» имела только Санъё:до:, поскольку Кюсю был основным источником информации с материка (во второй половине VII — VIII в. Япония постоянно опасалась вторжения из Силла и Китая). Статус «средних дорог» был присвоен То:кайдо: и То:сандо: (ввиду военной экспансии Японии на север Хонсю эти направления были признаны стратегически важными). Остальные дороги считались «малыми».

На «государственных» дорогах были возведены Управления провинций. От Управлений провинций были проложены дороги к Управлениям уездов. На дорогах располагались почтовые дворы, предназначением которых было обеспечение государевых гонцов ночлегом и лошадьми. В зависимости от статуса дороги на них содержалось от 5 до 20 лошадей (всего же — около 4200). Как правило, эти почтовые дворы располагались на расстоянии приблизительно 16 км друг от друга (их общее число составляло чуть более 400).

Раньше считалось, что данные законодательных сводов об устройстве дорожной инфраструктуры являются в значительной степени фикцией, а ширина дорог не превышала одного-двух метров. Однако аэрофотосъемки и археологические разыскания недавнего времени показали, что дороги в период Асука–Нара были не только прямыми, но и достаточно широкими (дорога Нанива–Нара — 18 м, Фудзивара–Нара — 23 м, Нара–Управления провинций–Управления уездов — 6–13 м), т.е. они сложились не в результате «естественного» хода событий, но были результатом планомерной деятельности государства (частичное исключение составляют существовавшие издавна дороги внутри уездов, которые затем были усилены государством спрямлены и соединены в одну сеть с вновь построенными).

Формирование в древности централизованного государства с абсолютной неизбежностью сопровождается широкомасштабным строительством дорог. Ведут же они всегда в столицу. Однако их более конкретное функциональное предназначение может быть различным. Начало строительства государственных дорог в Римской империи (их протяженность оценивается в 290 тыс. км при ширине в 3–5 м) было вызвано прежде всего пространственной экспансией и военными нуждами. Циньская династия, объединившая в 221 г. до н.э. Китай, также активно занималась строительством дорог, но при этом 54% дорожной сети протяженностью в 120 тыс. км предназначались для церемониального объезда императором подчиненных ему территорий.

В Японии VIII в. не практиковалось ритуального объезда императором страны (часто встречающийся в других культурах ритуал объезда имеет в Японии форму «осматривания страны» — *куними*, когда правитель, поднявшись на священную гору, «присваивает» территорию взглядом). «Государственные дороги» использовались для передачи информации (передача на места распоряжений центральных властей и отчетов местных властей в столицу), для военных нужд (перемещения войск во время завоевательных экспедиций против *эмиси*, подавления мятежа Фудзивара-но Хироцугу, потенциально возможная война с континентальными странами), для доставки налогов и товаров, транспортировки людей и грузов при проведении общественных работ (строительство административных зданий, буддийских храмов, ирригационных сооружений). Землемерные работы, связанные с надельным землепользованием и проведением административных границ между провинциями, также имели своей точкой отсчета именно государственные дороги.

Примером того, каким образом осуществлялись экономические коммуникации между центром и периферией, могут послужить сравнительно хорошо документированные контакты с провинцией Вакаса (префектуры Фукуи). Основным продуктом, который традиционно доставлялся из Вакаса, была соль (поскольку залежи каменной соли в Японии отсутствуют, ее там всегда производили выпариванием из морской воды). Расположенная между побережьями Японского моря и озера Бива, эта провинция относилась к разряду «ближних». Процесс доставки натурального налога (*тё:*) начинался во второй декаде 8-й луны («ближние» провинции должны были закончить доставку к концу 10-й луны, «средне-удаленные» — к концу 11-й луны, «дальние» — к концу года). Каждый тягловый крестьянин в возрасте от 21 года до 60 лет был обязан поставить около 21 кг соли. Крестьянские дворы доставляли эту соль в управление уезда. Там к каждому мешку с солью прикрепляли табличку *моккан*, в которой указывалось, в каком году, от кого, из какого села и в каком количестве поступил налог. После того как эта процедура завершалась во всех уездах, начиналась доставка соли в столицу, причем эту операцию возглавляли лично управитель провинции и управители уездов. Осуществлялась она специально выделенными для этого крестьянами, которым об-

щина должна была предоставить средства для прокорма на пути в столицу. Путь до нее занимал около четырех дней (часть маршрута могла проходить по оз. Бива). Ночевать же приходилось в открытом поле, использование для ночлега почтовых станций запрещалось (находившиеся там лошади также не могли быть использованы в качестве тягловой силы). После складирования налога в столице крестьяне возвращались домой, при отъезде им выдавались средства для закупки провианта в дороге (населению в придорожных селах вменялось в обязанность продавать им продовольствие).

При создании общегосударственной системы сообщения водные пути как часть коммуникации были почти полностью проигнорированы (это касается как рек, так и моря). Текущие в широтном направлении японские реки не обладают большой протяженностью и в силу большого перепада высот малоудобны для сообщения. Хотя и существовали расположенные на реках лодочные почтовые станции, число их было крайне невелико. Что касается моря, то, по всей вероятности, морские пути не считались достаточно надежными. Такой выбор был, несомненно, стратегией чисто сухопутного земледельческого государства.

Поскольку лошади в Японии были дороги, а количество их не так велико, то обычно считается, что ответственным за доставку налоговых поступлений приходилось тащить груз на себе (нам подобное предположение кажется сильным преувеличением ввиду явной невозможности обработки такого количества грузов только с помощью мускульной силы). Как бы то ни было, источники свидетельствуют о многочисленных случаях голода, смертей и болезней среди тех, кто занимался доставкой налогов, что говорит о предельной тяжести этого занятия.

В связи с этим, а также по причине тяжести труда тех, кто был занят строительством столичных объектов, на дорогах нарской Японии можно было обнаружить немало беглых крестьян. Для их поимки, а также для поимки других лиц, которые преступили закон, на границах важнейших провинций были учреждены заставы, пройти которые можно было, лишь предъявив соответствующий пропуск. Если же беглеца поймать не удавалось, то пятидворка, к которой он был приписан, предоставляла человека ему на замену.

Вход в столицу и во дворец, равно как и выход оттуда, также осуществлялся в пропускном режиме. Поскольку значительная часть населения Нара владела земельными наделами (а низкоранговые чиновники зачастую сами занимались обработкой земли), то покидать пределы столицы им приходилось довольно часто. Сохранившиеся пропуска, выписанные на моккан (с 715 г. они стали выписываться на бумаге с приложением печати), свидетельствуют, что там указывались не только сведения о данном человеке (имя, ранг, место приписки, цель путешествия), но также масть и возраст его лошади (если, разумеется, таковая имелась). Все это, естественно, создавало определенные неудобства для путешествующих, в том числе и для торговцев.

Сделав столицу основным хранилищем налоговых поступлений, двор затем занимался их распределением в соответствии со своими нуждами. Помимо потребления в самой столице (именно на нее приходилась основная доля потребления налогов) существовала и определенная необходимость доставки налоговых поступлений в другие места. Наиболее показательный пример представляет собой *моккан* о доставке соли в провинцию Кавати. Эта соль была доставлена из Нара, но первоначальным отправителем соли указана при этом провинция Вакаса. Поскольку Кавати расположена на пути из Вакаса в Нара, то наиболее экономически целесообразным было бы привезти соль из Вакаса непосредственно в Кавати. Однако логика централизованного государства этого времени была абсолютно другой: сначала налоговые поступления складываются в самой столице, а уже потом отправляются туда, куда сам двор сочтет необходимым.

«Внеэкономическая» логика была характерна для модуса поведения государства во всех областях его деятельности. В VIII в. был короткий период (740–745), когда резиденция императора Сё:му покинула Нара — началось строительство столицы в Куни. Однако в связи с тем, что помыслы Сё:му были направлены в тот момент на сооружение огромной статуи Будды и возведение буддийского храма Ко:гадэра, строительство Куни было приостановлено. И тогда Сё:му предпринял не слишком характерное для государственной организации централизованного типа действие — опрос чиновников и торговцев на рынке в Куни относительно того, где должна располагаться столица — в Куни или в Нанива. Мнения чиновников разделились приблизительно поровну. Торговцы же практически единогласно высказались за Куни. Совершенно понятно, что именно торговцы в наибольшей мере руководствовались соображениями экономической целесообразности, а само обращение к ним свидетельствует об определенном желании учета и их мнения (столица с ограниченными возможностями ее населения по самообеспечению не могла существовать без рынков). Однако принятое «волевое» решение (возвращение резиденции в Нара) говорит о превалировании «внерыночного» компонента в организации и функционировании «государства рицурё:».

Созданная дорожно-транспортная система показала свою эффективность. В VIII в. расстояние между Кюсю и Нара покрывалось государевыми гонцами за 4–5 дней, а между северо-восточными районами Хонсю и столицей — за 7–8 дней.

Вместе с эрозией государственных институтов и структур в период Хэйан в начале IX в. этот срок увеличился до 6–12 дней в первом случае и до 13 дней — во втором. Это произошло из-за сокращения количества почтовых дворов и ухудшения дорог, которые стали уже и искривленнее. Многие из них были заброшены, немало мостов также пришло в негодность.

В «Сарасина никки» («Дневнике путешествия из Сарасина», XI в.) описывается возвращение в столицу бывшего губернатора провинции после окончания срока службы в Кадзуса, во время которого путешественникам приходилось останавливаться на ночлег в частных домах и даже строить

шалаши, что было немыслимо в VIII в., когда путешествующих чиновников обязательно ждал ночлег на почтовых станциях.

Самые оживленные тракты в период Токугава (1603–1817) не превышали в ширину 3–6 м, а комиссия западных экспертов отмечала в 1956 г.: «Дороги в Японии находятся в немыслимом состоянии. Среди индустриальных стран нет такой, которая бы в такой степени, как Япония, игнорировала дорожную инфраструктуру». В настоящее время, однако, Япония обладает одной из лучших дорожных сетей в мире.

Объем письменной информации. В Управлении по переписке сутр (Сякё:дзё) напряженно работали многочисленные переписчики. Что касается конкретного объема выполняемой ими работы, то сохранились вполне удовлетворительные данные за 772 г. Они блестяще проанализированы Саказара Тобао. Его исследование показывает, что между отдельными писцами была довольно существенная разница (отклонение от средних показателей для самых «трудолюбивых» и самых «ленивых» составляет до 50%). В среднем же ежедневная выработка на одного переписчика составляла 8,6 страницы (около 3800 иероглифических знаков).

Если условно принять, что количество писцов составляло 50 человек (на самом деле их количество временами достигало 100 человек), то получится, что ежедневная продукция Сякё:дзё составляла 430 страниц (190 тыс. знаков). При средней занятости в 20 дней в месяц (240 дней в год) получается, что ежемесячная выработка переписчиков сутр составляла 8600 страниц (3800 тыс. знаков), а годовая — 103 200 страниц (45 600 тыс. знаков). Приведенные цифры дают некоторое представление о том, в каких объемах осуществлялось внедрение письменной культуры в VIII в. усилиями только одного правительственного учреждения, предназначением которого было обеспечение государственных нужд буддийскими текстами. В то же самое время следует помнить, что это ведомство, в сущности, не создавало новой информации: его писцы по преимуществу лишь тиражировали уже имевшуюся.

Новая информация создавалась переписчиками в других государственных учреждениях, которые имели в своем штате переписчиков (*сисё:*). Фигура переписчика имеет для нас ключевое значение, поскольку без его участия на конечной стадии подготовки документов ни один из них не мог появиться на свет. Согласно законодательным сводам, в обязанности переписчиков входило «перебеливание документов, их копирование, окончательное оформление и подписывание у начальства».

Во время составления сводов бюрократическая машина еще находилась в становлении — писцы были приданы в основном только палатам (*кан*) и министерствам (*сё:*). Единственной палатой, штатное расписание которой не предусматривало писцов, была Палата небесных и земных божеств — в связи с тем, что передача синтоистской традиции в VIII в. имела по преимуществу устный характер. В то же время управления, отделы, бюро были почти полностью проигнорированы. Анализируя данные периода после составления сводов, мы неоднократно встречаемся с прось-

бами различных ведомств об увеличении количества переписчиков, что свидетельствует о возрастающем объеме работы с бумагами.

Данные о количестве переписчиков в X в. содержатся в «Энгисики». Поэтому для уяснения динамики возрастания количества письменной информации имеет смысл сопоставить данные по законодательным сводам и «Энгисики».

Мы исходим из допущения, что каждый переписчик на государственной службе выполнял тот же самый объем работы, что и переписчик в Сякё:дзё. И тогда получается, что данные Управления по переписке сутр позволяют сделать расчеты по объему производимой письменной информации центральными и провинциальными учреждениями в целом, поскольку известно, какое количество переписчиков состояло там на службе, согласно законодательным сводам. Разумеется, работа переписчиков сутр и бюрократических документов имеет свою специфику. Так, переписка сутр должна была, вероятно, вестись несколько более медленными темпами, поскольку от этой работы требовалась особая тщательность. Однако, как представляется, допускаемое нами приравнивание не может принципиально исказить сведения об объеме выполняемых работ в разных учреждениях.

Количество переписчиков и объем копируемой ими информации в VIII и X вв.

Название учреждения	Количество писцов		Объем копируемой информации (кол-во знаков в день)	
	Данные законодательных сводов	Данные «Энгисики»	Рассчитано по данным законодательных сводов	Рассчитано по данным «Энгисики»
<i>Дзингикан</i> (Палата небесных и земных божеств)	0	4	0	15 200
<i>Дадзё:кан</i> (Палата большого государственного совета)	10	11	38 000	41 800
<i>Сабэнкан</i> (Палата левого цензора)	10	18	38 000	68 400
<i>Убэнкан</i> (Палата правого цензора)	10	18	38 000	68 400
<i>Тю:мусё:</i> (Министерство центра)	20	20	76 000	76 000
<i>Найки</i> (переписчики при секретариате Тю:мусё:)	0	2	0	7 600

Название учреждения	Количество писцов		Объем копируемой информации (кол-во знаков в день)	
	Данные законодательных сводов	Данные «Энгисики»	Рассчитано по данным законодательных сводов	Рассчитано по данным «Энгисики»
<i>Гэнмоцусики</i> (Управление ключарей)	0	8	0	30 400
<i>Тю:гу:сика:</i> (Управление двора государыни)	0	8	0	30 400
<i>Оотонэрирё:</i> (Большой отдел охранников-тонэри)	0	4	0	15 200
<i>Дзусёрё:</i> (Архивный отдел)	0	5	0	19 000
<i>Курарё:</i> (Отдел дворцовых кладовых)	0	10	0	38 000
<i>Нухидоно-цукаса</i> (Швейный отдел)	0	4	0	15 200
<i>Оммё:рё:</i> (Астрологический отдел)	0	4	0	15 200
<i>Утикура-но цукаса</i> (Отдел внутренней сокровищницы)	0	7	0	26 600
<i>Сикибусё:</i> (Министерство кадров)	20	20	76 000	76 000
<i>Дайгакурё:</i> (Отдел столичной школы чиновников)	0	8	0	30 400
<i>Санъирё:</i> (Отдел придворных рангов)	6	0	22 800	0
<i>Дзибусё:</i> (Министерство управления)	10	10	38 000	38 000
<i>Гагакурё:</i> (Музыкальный отдел)	0	4	0	15 200
<i>Гэмбанрё:</i> (Отдел монахов и чужеземцев)	4	4	15 200	15 200
<i>Мисасаги-но цукаса</i> (Бюро государевых усыпальниц)	0	4	0	15 200

Название учреждения	Количество писцов		Объем копируемой информации (кол-во знаков в день)	
	Данные законодательных сводов	Данные «Энгисики»	Рассчитано по данным законодательных сводов	Рассчитано по данным «Энгисики»
<i>Мимбусё:</i> (Министерство народных дел)	10	20	38 000	76 000
<i>Сю:кэйрё:</i> (Счетный отдел)	6	11	22 800	41 800
<i>Сюсайрё:</i> (Налоговый отдел)	4	7	15 200	26 600
<i>Хё:бусё:</i> (Военное министерство)	10	20	38 000	76 000
<i>Хаяхито-но цукаса</i> (Управление по делам племен хаято)	0	5	0	19 000
<i>Гё:бусё:</i> (Министерство наказаний)	10	10	38 000	38 000
<i>Хандзи</i> (Бюро судей)	0	4	0	15 200
<i>Сюгокуси</i> (Бюро тюрем)	0	2	0	7 600
<i>Оокурасё:</i> (Министерство казны)	6	20	22 800	76 000
<i>Орибэ-но цукаса</i> (Швейное бюро)	0	4	0	15 200
<i>Кунайсё:</i> (Министерство двора)	10	18	38 000	68 400
<i>Дайдзэнсики</i> (Управление дворцового стола)	0	8	0	30 400
<i>Мокукурё:</i> (Строительный отдел)	0	11	0	41 800
<i>Оохирё:</i> (Продовольственный отдел)	0	5	0	19 000
<i>Сюдэнрё:</i> (Интендантский отдел)	0	5	0	19 000
<i>Тэньякурё:</i> (Аптекарский отдел)	0	4	0	15 200

Название учреждения	Количество писцов		Объем копируемой информации (кол-во знаков в день)	
	Данные законодательных сводов	Данные «Энгисики»	Рассчитано по данным законодательных сводов	Рассчитано по данным «Энгисики»
<i>Канимори-но цукаса</i> (Хозяйственное бюро)	0	5	0	19 000
<i>Оокими-но цукаса</i> (Бюро по делам государевой семьи)	0	2	0	7 600
<i>Найдзэнси</i> (Бюро государева стола)	0	2	0	7 600
<i>Сакэ-но цукаса</i> (Винокуренное бюро)	0	4	0	15 200
<i>Унэмэ-но цукаса</i> (Бюро по делам унэмэ)	0	2	0	7 600
<i>Мохитори-но цукаса</i> (Бюро водоснабжения)	0	2	0	7600
<i>Дандзё:тай</i> (Ведомство инспекций)	6	6	22 800	22 800
<i>Сакё:сики</i> (Управление левой части столицы)	0	11	0	41 800
<i>Укё:сики</i> (Управление западной части столицы)	0	11	0	41 800
<i>Химугаси-но ити-но цукаса</i> (Бюро восточного рынка)	0	2	0	7 600
<i>Ниси-но ити-но цукаса</i> (Бюро западного рынка)	0	2	0	7 600
<i>Сюнгубо:</i> (Управление делами престолонаследника)	0	4	0	15 200
<i>Тонэри-но цукаса</i> (Бюро <i>тонэри</i>)	0	2	0	7 600
<i>Сюдзэнкэн</i> (Бюро стола престолонаследника)	0	2	0	7 600

Название учреждения	Количество писцов		Объем копируемой информации (кол-во знаков в день)	
	Данные законодательных сводов	Данные «Энгисики»	Рассчитано по данным законодательных сводов	Рассчитано по данным «Энгисики»
<i>Сюдзо:кэн</i> (Бюро кладовых)	0	2	0	7 600
<i>Сюдэндзё</i> (Хозяйственное бюро)	0	2	0	7 600
<i>Сюмэдзё</i> (Конюшенное бюро)	0	2	0	7 600
В с е г о	152	390	577 600	1 482 000

Итак, в придворном штате в VIII в. находилось 152 переписчика. К X в. их количество увеличилось до 390. Повторяю, мы исходим из предположения, что каждый переписчик работал 20 дней в месяц, т.е. 240 дней в году. Получается, таким образом, что количество письменной информации, производимой двором, составляет, по нашим оценкам, следующие цифры. Для VIII в.: 577 600 знаков в день, 11 552 тыс. знаков в месяц и 138 624 тыс. знаков в год. Для начала X в. соответствующие цифры составляют 1 482 тыс., 29 640 тыс. и 355 680 тыс. знаков. При этом в наши расчеты входят только «беловые» документы центральных учреждений на бумаге — не учитывается объем информации на многочисленных *моккан*, документы Управлений провинций, уездов и буддийских институтов, индивидуальные сочинения, переписка и др.

Штат переписчиков Министерства двора (Кунайсё:) увеличился с 10 до 68 человек (680%) — самое большое увеличение среди всех ведомств; штат переписчиков Дзингикан увеличился с 0 до 4 человек, Дадзё:кан — с 10 до 11 (110%), Сабэнкан и Убэнкан — с 10 до 18 (180%), Тю:мусё: — с 20 до 72 (360%), Сикибусё: — с 26 до 28 (107,7%), Дзибусё: — с 14 до 22 (157%), Мимбусё: — с 20 до 38 (190%), Хё:бусё: — с 10 до 25 (250%), Гё:бусё: — с 10 до 16 (160%), Оокурасё: — с 6 до 24 человек (400%). Если же учесть штаты переписчиков дворца государыни и престолонаследника (всего 22 человека), то окажется, что документированием жизни и потребностей государя и его ближайшего окружения занималось большее количество людей, чем в любом другом ведомстве, которое занималось «общенациональными» проблемами.

Чтобы лучше представить себе объем производимой государственными учреждениями информации, сравним его с количеством знаков, содержащихся в «Сёку нихонги» — основном историческом источнике VIII в. Согласно нашим подсчетам, оно составляет около 359 тыс. знаков. Таким образом, еще в VIII в. объем ежедневно производимой только столичными

чиновниками информации намного превышал объем хроники, охватывающей события за 95 лет. Это, в частности, показывает, какой активной была работа государственного аппарата по продуцированию письменной информации и какая ничтожная ее часть (всего около 0,003%!) находится ныне в нашем распоряжении. Разумеется, эта цифра не совсем точна — некоторые документы переписывались в нескольких экземплярах, некоторые из них наверняка приходилось переписывать несколько раз из-за ошибок переписчика или же изменений, вносимых начальством, и т.д. Однако это не может отменить того интеллектуального вызова, который бросает История историку, вынужденному восстанавливать картину лишь по нескольким точкам, оставшимся на полотне.

Государство — это система с обязательной обратной связью. Поэтому нельзя забывать и о том, что значительная часть документов, продуцируемых двором, представляла собой распоряжения, требующие ответа от Управлений провинций, которые выступали непосредственным партнером Центра по коммуникативному процессу и где концентрировалась основная информация, туда посылаемая (штаты Управлений уездов не предусматривали специальной должности переписчика, функции которого выполняли другие чиновники; не было переписчиков и на уровне сел).

Хорошо отлаженная система подготовки чиновников в государственных школах производила достаточно большое количество грамотных людей. Судя по всему, их количество даже превышало потребности государственного аппарата. В 758 г. срок службы переписчиков в провинциях был даже сокращен с шести лет до четырех на том основании, что, как свидетельствует «Сёку нихонги», «количество желающих [занять должность переписчика] велико, а количество мест — мало».

Согласно законодательным сводам, все провинции делились на четыре категории: «большие», «верхние», «средние», «нижние». Если оценить количество провинций на момент составления «Тайхо: рицурё:» в начале VIII в., то получим цифру 61. Во времена «Энгисики» их число достигло 68.

Количество переписчиков в каждой из провинций составляло, согласно законодательным установлениям VIII в., три человека (т.е. первоначально предполагалось, что независимо от ранга провинции количество производимой там информации будет более или менее одинаковым). Кроме того, в провинции Тикудзэн находилось Дадзайфу — Главное управление по делам Сайкайдо: (11 провинций на юго-западе страны: Тикудзэн, Тикуго, Будзэн, Бунго, Хидзэн, Хиго, Хюга, Оосуми, Сацума, Ики, Цусима). С учетом этого получается, что помимо столицы в провинциях находились 203 переписчика, что сопоставимо с количеством переписчиков в Нара, но несколько превышает его. По всей вероятности, это свидетельствует о том, что количество информации, вырабатываемой в провинции, приблизительно соответствовало ее объему в Центре.

Количество переписчиков изменялось несколько раз на протяжении VIII в. Довольно быстро стало ясно, что количество работы в разных про-

винциях различно. В 724 г. «большим» провинциям было предписано иметь четырех переписчиков, «верхним» — трех, «средним» и «малым» — по два. В 766 г. было заявлено, что имеется достаточно большое количество компетентных специалистов, но штатное расписание не позволяет увеличить их число. В связи с этим в каждой провинции число писцов было увеличено на два. Однако в 779 г. штат писцов подвергся некоторому сокращению и стал составлять пять, четыре, три и два для соответствующих категорий провинций. Это было окончательное решение, и количество провинциальных писцов, по «Энгисики», совпадает с данными указа 779 г. При этом сведения по Дадзайфу не приводятся — по всей вероятности, в связи с фактической утерей юго-западом своего особого статуса. Таким образом, в 68 провинциях имелось 256 переписчиков, что значительно уступает на сей раз их количеству в столице.

Получается, что при общем увеличении количества переписчиков как в Центре, так и на местах намного больше оно возросло в столице (256,6%, в провинциях — 126,1%). Из этого можно заключить, что и основной прирост письменной информации происходил в самой столице (главным образом за счет увеличения документации, относящейся к непосредственному обслуживанию персоны государя, его семьи и двора). Достаточно трудно определить, где кончаются церемониальные функции правителя и вступают в силу чисто физиологические потребности, но в любом случае функции тех учреждений, которые имели отношение к государю и его семье, показывают, что увеличение переписчиков в них не может говорить о возросшем влиянии императора.

Информация, грамотность, культура, общество. После переноса столицы в 794 г. в Хэйан все больше и больше информации производилось в самой столице. Но одновременно все больше информации потреблялось там же. Другими словами, источник информации и ее получатель находились в Хэйан или же ближайших окрестностях. Это утверждение, безусловно, является некоторым преувеличением, но, с другой стороны, эта же закономерность «пространственного сжатия» видна в самых разных областях жизни социума, культуры вообще.

Отправки посольств в танский Китай, Силла и Бохай были прекращены. Дорожная инфраструктура приходит в упадок. Поступление налогов ухудшается. Аристократические обитатели столицы редко покидают ее пределы. Их поэтические и прозаические произведения однозначно свидетельствуют, что они предпочитали уютные покои своих усадеб приключениям на открытом пространстве. В отличие от времени Нара они становятся «близоруки» — они не видели (не хотели видеть), что происходит за пределами дома, стенами дворца, границами Хэйан. Социальное пространство также становится крайне ограниченным, и новые элементы не допускаются в тот несколько душноватый мир аристократов, где и принимались основные решения относительно судьбы государства.

Концентрация информации в столице была важнейшим условием формирования блестящей аристократической культуры, однако страна,

провинции, уезды и села все больше выходили из-под контроля Центра. В период Хэйан организация высокоцентрализованного государства предыдущего периода приходит в упадок — большинство начинаний правителей Нара не находит своего продолжения. Наши данные относительно информационных и коммуникативных процессов показывают, что институты «государства *рицурё*:» превратились в политическую (говоря шире — культурную) систему без обратной связи. А такие образования, как это известно из общей теории систем, обречены на распад, что и произошло с этим государством вместе с приходом к власти сословия самураев.

Несмотря на довольно широкое распространение письменности в рамках «государства *рицурё*:» и унаследованный от Китая пиетет перед грамотностью, сама идея о том, что мудрость и знания могут сами по себе послужить основанием для вертикальной мобильности, в Японии широкого распространения не получила. Японское общество оказалось намного более закрытым, чем китайское, и система конкурсных экзаменов на занятие чиновничьей должности никогда не имела там серьезного значения, ибо основным социально значимым параметром всегда оставалось происхождение. Выпускники столичной школы чиновников в течение многих лет после успешной сдачи экзаменов находились «в услужении» у принцев и не получали придворного ранга. Обычным делом было присвоение им младшей степени 6-го ранга после 30 лет беспорочной службы. Если в Китае наследники сановника 1-го ранга получали по достижении совершеннолетия младшую степень 7-го ранга, то в Японии — младшую степень 5-го ранга, т.е. могли немедленно рассчитывать на занятие должности при дворе. Японская культура практически не знает фигуры мудреца, порожденного социальными низами, — одним из основных условий наличия такой мудрости является аристократическое происхождение.

Список сокращений

ВДИ — Вестник древней истории. М.

НАА — Народы Азии и Африки. История, экономика, культура. М.

ÄF — Ägyptologische Forschungen. Glückstadt etc. München

AHw — *Soden W. von.* Akkadisches Handwörterbuch, Wiesbaden 1959–1981

ANET — Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament. Ed. by J.B.Pritchard. Princeton (N. J.), 1955

AnOr — Analecta Orientalia. Vol. 8. *Pohl A.* Neubabylonisches Rechtsurkunden aus der Berliner Museen. Roma, 1933

App. Hisp. — Appiani Bellum Hispaniense

App. Lib. — Appiani Bellum Libycum

Arist. Pol. — Aristotelis Politica

ArOr — Archiv Orientalní. Prague

Arr. Anab. — Flavii Arriani Anabasis Alexandri

ASAE — Annales du Service des antiquités de l'Égypte. Le Caire

ASOR — American School of Oriental Researches

BA — The Biblical Archaeologist

BAR — *Breasted J.H.* Ancient Record of Egypt. Vols I–V. Chicago, 1906–1907

BASOR — Bulletin of the American School of Oriental Researches. New Haven

BD — *Budge W.* The Chapters of Coming Forth by Day or the Theban Recension of the Book of the Dead. Vols 1–3. L., 1910

BE — The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania. Series A: Cuneiform Texts. Vol. 9. *Hilprecht H.V., Clay A.T.* Business Documents of Murashu Sons of Nippur Dated in the Reign of Artaxerxes I (464–424 B.C.). Philadelphia, 1898. Vol. 10. *Clay A.T.* Business Documents of Murashu Sons of Nippur Dated in the Reign of Darius II (424–404 B.C.). Philadelphia, 1904

BM 498 — *Sethe K.* Das «Denkmal Memphitischer Theologie». — Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Ägyptens. Lpz., 1928, Bd. X, 1

BOR — The Babylonian and Oriental Record. A Monthly Magazine of the Antiquities of the East. L.

BRM — Babylonian Records in the Library of J.P.Morgan. Vol. I. *Clay A.T.* Babylonian Business Transactions of the First Millennium B.C. N. Y., 1912. Vol. II. *Clay A.T.* Legal Documents from Erech Dated in the Seleucid Era (312–65 B.C.). N. Y., 1913.

BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies. L.

BV — *Peiser F.E.* Babylonische Verträge des Berliner Museums. B., 1890

CAD — The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago–Glückstadt, 1953–1984

- Camb. — *Strassmaier J.N.* Inschriften von Cambyse, König von Babylon (529–521 v. Chr.). Lpz., 1890
- CIS — Corpus Inscriptionum Semiticarum, pars I. Parisii
- CM 20538 — *Lange H.O., Schaefer H.* Grab- und Denksteine des Mittleren Reichs. Bd. II, IV. Berlin–Le Caire, 1902–1925
- Col. — L. Iunii Moderati Columellae rei rustici libri
- CRAI — Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres. P.
- CT — Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum. L.
- Curt. Ruf. — Q. Curtii Rufi Historiarum Alexandri regis Macedonum libri qui supersunt
- Dar. — *Strassmaier J.N.* Inschriften von Darius, König von Babylon (521–485 v. Chr.). Lpz., 1897
- Diod. — Diodori Siculi Bibliothecae historicae qui supersunt
- EA — Die El-Amarna Tafeln. Ed. by J.A.Knudsen. Lpz., 1907
- Ez. — Ezechiel (Biblia Hebraica)
- GCCI — Goucher College Cuneiform Inscriptions. Vol. 2. *Dougherty R.P.* Archives from Erech, Neo-Babylonian and Persian Periods. New Haven, 1933
- Hannoni periplus — Hannoni Carthaginiensium regis periplus
- Her. — Herodoti Historiarum libri IX
- HUCA — Hebrew Union College Annual
- Ies. — Iesaia (Biblia Hebraica)
- [Ios.] Ant. Iud. — Iosephi Flavii Antiquitates Iudaicae
- [Ios.] c. Ap. — Iosephi Flavii Contra Appionem
- Iraq — Iraq. Journal of British Archaeology. L.
- Iust. — M. Iuniani Iustini Trogi Pompei Historiarum Philippicarum epitoma
- JA — Journal Asiatique
- JAOS — Journal of the American Oriental Society. New York–New Haven
- JBL — Journal of Biblical Literature
- JCS — Journal of Cuneiform Studies. New Haven
- JEA — Journal of Egyptian Archaeology. L.
- JNES — Journal of Near Eastern Studies. Chicago
- JQR — Jewish Quarterly Review. P.
- JSS — Journal of Semitic Studies. Manchester
- KAI — Kanaanäische und aramäische Inschriften
- LA — Lexikon der Ägyptologie. Bd. I–VI. Wiesbaden, 1975–1986
- Liv. — Titi Livii ab urbe condita libri
- Louvre E 25982 — L'art égyptien au temps des Pyramides. P., 1999, No. 9
- MÄS — Münchner Ägyptologische Studien. München–Berlin
- Mela — Pomponii Melae de chorographia libri tres
- Merikare — *Volten A.* Zwei altägyptischen politische Schriften. — *Analecta Aegyptiaca*. 4. København, 1945, p. 3–81, pl. 1–4
- Moore, Michigan — *Moore E.W.* Neo-Babylonian Documents in the University of Michigan Collection. Ann Arbor, 1989
- N.A.B.U. — Nouvelles Assyriologiques Brèves et Utilitaires. P.
- Nbh. — *Strassmaier J.N.* Inschriften von Nabonidus, König von Babylon (555–538 v. Chr.). Lpz., 1889

- Nep. Ham. — Cornelii Nepotis Vita Hamilcaris
 Nep. Hannib. — Cornelii Nepotis Vita Hannibalis
 OLZ — Orientalistische Literaturzeitung. Lpz.
 OLA — Orientalia Lovaniensia Analects
 P.Abbott — *Peet T.E.* The Great Tomb-Robberies of the Twentieth Egyptian Dynasty. 2 vols. L., 1930, vol. I
 P.Leiden, 344 recto — *Gardiner A.* The Admonitions of an Egyptian Sage from a Hieratic Papyrus in Leiden. Lpz., 1909
 P.Millingen — *Volten A.* Zwei altägyptischen politische Schriften. — *Analecta Aegyptiaca*. 4. København, 1945, p. 106–127
 P.Prisse — *Žaba L.* Les Maximes de Ptahhotep. Prague, 1956
 P.Westcar — *Erman A.* Die Märchen des Papyrus Westcar. B., 1890
 Pap. Ermitage 1115 — *Golénischeff W.* Les papyrus hiératiques № 1115, 1116 A et 1116 B de L'Ermitage Impérial à St.-Petersbourg, 1913
 PBS — University of Pennsylvania, The University Museum, Publications of the Babylonian Section. Vol. 2/1. *Clay A.T.* Business Documents of Murashu Sons of Nippur Dated in the Reign of Darius II. Philadelphia, 1912
 Phil. — Philonis Byblii fragmenta
 Plaut. Casina — T. Maccaei Plauti Casina
 Plin. — C. Plinii Secundi Naturalis Historiae libri
 Polyb. — Polybii Historiae libri
 PT — *K.Sethe.* Die altägyptischen Pyramidentexte. Bd. 1–2. Lpz., 1960
 RA — Revue d'assyriologie. P.
 I Reg. — I Regum liber (Biblia Hebraica)
 II Reg. — II Regum liber (Biblia Hebraica)
 ROMCT — Royal Ontario Museum Cuneiform Texts. Vol. II. *McEwan G.J.P.* The Late Babylonian Tablets in the Royal Ontario Museum. Toronto, 1982
 RSO — Rivista degli Studi Orientali
 [Sal.] Iug. — C. Sallustii Crispi Bellum Iugurthinum
 I Sam. — I Samueli liber (Biblia Hebraica)
 II Sam. — II Samueli liber (Biblia Hebraica)
 Sil. It. — Sili Italici Punica
 SPAW — Sitzungsberichte der Preussischen Academie der Wissenschaften. B.
 Strabo — Strabonis Geographica
 TCL — Musée du Louvre, le Département des Antiquités Orientales. Textes cunéiformes. Vol. 13. *Contenau G.* Contrats néo-babyloniens II: Achéménides et Séleucides. P., 1929
 TMH — Texte und Materialien der Frau Professor Hilprecht Collection of Babylonian Antiquities im Eigentum der Universität Jena. Vol. 2/3. *Kreckmann O.* Neubabylonische Rechts- und Verwaltungstexte. Lpz., 1933
 UET — Ur Excavations. Texts. Vol. 4. *Figulla H.H.M.* Business Documents of the New-Babylonian Period. L., 1949
 Urk. I — Urkunden des ägyptischen Altertums, Abt. I. *Sethe K.* Urkunden des Alten Reiches. Bd. I–IV. Lpz., 1932–1933
 Urk. IV — Urkunden des ägyptischen Altertums, Abt. IV. Urkunden der 18. Dynastie. Fasc. 1–22. Lpz.–B. 1908–1958

VAS — Vorderasiatische Schriftdenkmäler der königlichen Museen zu Berlin. Vol. 3–6. Lpz., 1907–1908

Var. de r. r. — M. Terentii Varronis rerum rusticarum libri tres

Vel. Pat. — C. Vellei Paterculi ex historiae Romanae libris duobus

VT — Vetus Testamentum

YOS — Yale Oriental Series. Vol. 7. *Tremayne A.* Records from Erech, Time of Cyrus and Cambyses (538–521 B.C.). New Haven, 1925

ZA — Zeitschrift für Assyriologie. Lpz.–B.

ZAW — Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft. B.

Содержание

Предисловие (<i>Т.В. Степугина</i>)	4
<i>Э.А. Грантовский</i>	
Государство и общество в странах Древнего Востока	6
<i>М.А. Дандамаев</i>	
Нововавилонское общество и экономика	57
<i>Э.А. Грантовский</i>	
Пути развития социально-экономического строя древнего Ирана (К проблеме сложения государственности)	79
<i>М.А. Дандамаев</i>	
Месопотамия в ахеменидский период: симбиоз тысячелетних и новых государственных институтов	104
<i>В.А. Якобсон</i>	
Становление империи и имперской идеологии в древней Месопотамии	124
<i>Д.Б. Прусаков</i>	
Альтернативные подходы к проблеме древнейшего государства в Египте	132
<i>И.А. Стучевский</i>	
Государственное (царско-храмовое) хозяйство и господствующий класс древнего Египта	161
<i>А.В. Эдаков</i>	
Египетское государство в VII–IV вв. до н.э.	187
<i>А.Б. Зубов, О.И. Зубова (Павлова)</i>	
Природа власти царей древнего Египта (К проблеме «восточного деспотизма»)	204
<i>И.Ш. Шифман</i>	
Социально-политическое развитие древнего Переднеазиатского Средиземноморья (до эпохи домината)	226
<i>Ю.Б. Циркин</i>	
Финикийский мир и арамейские государства Сирии	256
<i>И.П. Вейнберг</i>	
Древнееврейское государство: идея и реальность	300
<i>А.А. Вигасин</i>	
Ашока — царь Магадхи и правитель Вселенной	311

Д.Н.Лелюхин

Проблема формирования социально-политической структуры раннего общества и государства по сведениям эпиграфики. Непал периода Личчхави	319
---	-----

К.Д.Никольская

«Другие цари» в древнеиндийской «науке политики» (по данным «Артхашастры» Каутильи)	342
---	-----

А.М.Самозванцев

Мир текста и мир в тексте: «Артхашастра Каутильи» и индийское государство	351
---	-----

Т.В.Степугина

Государство и общество в древнем Китае	375
--	-----

А.Н.Мещеряков

Раннеяпонское государство и информационные процессы	449
Список сокращений	466

Научное издание

**ГОСУДАРСТВО
НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ**

Сборник статей

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Редактор *О.В.Мажидова*
Художник *Э.Л.Эрман*
Технический редактор *О.В.Волкова*
Корректор *И.Г.Ким*
Компьютерная верстка *Е.А.Пронина*

Подписано к печати 16.08.04
Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная
Усл. п. л. 29,5. Усл. кр.-отт. 29,5. Уч.-изд. л. 40,5
Тираж 500 экз. Изд. № 8067. Зак. № 10671

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-018348-2

